МЯТЕЖ НОМЕНКЛАТУРЫ
(1990-1993)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ ... 3

К ЧИТАТЕЛЮ ... 7

Часть 1. **В ПОТОКЕ СЛОВ** ... 9

НА СТАРТЕ ... 12

КРАСИВЫЕ СКАЗКИ
С НЕКРАСИВЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ... 19
Лидер лжи ... 20
На заказ для хозяина ... 24
Номенклатурные побратимы ... 27
Мелкие фюреры проговариваются ... 30
Передача эстафеты ... 32

ПРИВИВКА ДЛЯ ДОВЕРЧИВЫХ ... 34

ПРИЗНАК ОБМАНА ... 40

Часть 2. **ОПУСТОШЕНИЕ** ... 43

ОКТЯБРЬСКАЯ РАЙОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ... 46

БОЛЬШАЯ СТРОЙКА МОСКОВСКОЙ МАФИИ ... 53
Строительный монстр ... 53
Удавка для конкурентов ... 55
Мост к власти ... 58
Удар в центр ... 59
Ралли на квадратных метрах ... 61
Вторая челюсть ... 64
"Перестройка" верхом на Москве ... 66

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЖУЛЬЯ ... 68
Номенклатурная война и "Мир" ... 69
Кому дать прикурить ... 70
Милости просим ... 73
Возня у корыта ... 75
Народная улица становится номенклатурной ... 76
Попов-фонд ... 77

К ЖЕРЛУ ПРИЖАВ ЖЕРЛО ... 80
Прохвосты ведут прихватизацию ... 81
Лужковские Лужники ... 85

Проданный ГУМ 85
Партийное наследство 86
Приватизация через черный ход 89

БЮДЖЕТ ДЛЯ КАЗНОКРАДОВ 94
Уступки наивных 94
Первый бой вокруг финансов.. 96
Без шансов на успех 102

РАЗГРАБЛЕННЫЙ ГОРОД (гайдарономика в Москве) 105
Аргументы и факты "правительства реформ" 105
Номенклатурным лицом к церкви 109
Бедные дети 111
Вот вам и "Будьте здоровы!" 112
Северная ТЭЦ 114
В парк на бульдозере 114
Жизнь среди мусора 116
Бесплатный сыр в мышеловке 118
Поперек горла 119
Люди без земли 120
Дырка от сберкнижки 122
Гаражные истории 125

Часть 3. **НОМЕНКЛАТУРА В ЛИЦАХ** 127

ХАМЕЛЕОН НА ПЕРВЫХ РОЛЯХ (Гавриил Попов) 130
Великий экономист 130
К посту председателя 131
Номенклатурные игры 133
Основы национал-коммунизма 134
Что делать или народоволец Попов 136
Большой демократ 139
Два шага назад в сумерки прошлого 141
Новые программы вместо отчетов 144
Нравственные уроки и выборы мэра 146
Против строптивого Моссовета 148
Резать по живому 150
Путч, как средство политического долгожительства 151
Монополия на власть и дележ собственности 152
Бегство 153
По нисходящей 155
Снова на ниве публицистики 156

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ ГОЛОГО КОРОЛЯ (Юрий Лужков) 158
Вдруг-биография 159
Хозяйственный гений 163
Заботливый отец города 164
Они все за народ 167
Вне политики 168
Парадокс лжеца 170

ПОЛИТИК ИЗ МАННОЙ КАШИ (Николай Гончар) 172
Длинная предбиография 173
Выжидание в Моссовете 173
Свой шанс.. 175
Начало развала.. 176
Метод ужа 177
Международный масштаб 179
Пикник на развалинах.. 181
От социалистов к патриотам 183
Осторожный талант 184

СОВЕТНИК СЕРЕЖА (Сергей Станкевич) 186
Комсомольский наблюдатель 186
Прорыв через народный фронт 187
Все время на виду 189
Моссоветовский манипулятор.. 190
Любитель презентаций 191
Услуга номенклатуре 193
С депутатами не по пути 193
Героический транслятор.. 194
В тень за спину Ельцина 195
Худенький державник 196
Рядовой политического процесса 197

СВОРА 198
Юные строители 198
Скромный инженер 200
Демократ широкого профиля 202
Припавшие к источнику 203
Их охрана.. 205
Из старых запасов 206
Друзья на коммерческой основе 208

Часть 4. **НЕИЗВЕСТНЫЙ МОССОВЕТ** 211

КТО СДЕЛАЛ МОССОВЕТ НЕИЗВЕСТНЫМ........................... 214
Лучшие слуги номенклатуры 214
Атака на депутата 215
Желтая пресса против человечности 216
Личные счеты и личные счета 218
Заказная музыка 220

ВГРЫЗАНИЕ ВО ВЛАСТЬ 223
Друзья становятся лишними 223
С плюралистами во главе 225
Истерическое начало... 227
Скудоумие против демократии 231
Подкуп.. 233
Прошел год... 234

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ 237
Его величество кворум 237
Процедурные каверзы 238
Под железной пятой 240
Перед морем проблем 242
Мы поняли, что проиграли 245
Последний патрон 246

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ 247
Что такое политическая голодовка 247
Рождение мэрской власти 251
Политическая голодовка - II 257
Выборы мэра - II 261
Приказ: столицу сдать! 268
Кому нужна эта законность? 272
Номенклатура против многопартийности 275

ПЯТАЯ КОЛОННА 278
Думский переворот 279
Антиаппарат 281
Вздох в микрофон 286
Конструктивное взаимодействие 290

ФИНАЛ 291
Могли ли Советы взять власть? 292
Мы все-таки дали бой всерьез 294

Часть 5. **АВГУСТОВСКИЙ ФАРС** 299

СПЕКТАКЛЬ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЖЕРТВАМИ 302
Документы эпохи 302
Первый день - имитация обороны 305
"Подвиг" депутатов 306
Первый день - продолжение спектакля 307
Восстали брокеры 308
Партии на защите демократии 309
Вокруг Белого Дома 309
Штаб в Моссовете 310
Призрак штурма 312
Новая реальность 313
Каждому свое 314
А был ли путч? 317

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ (Взгляд через год) 321
Пир во время чумы 321
Украденная свобода 321
К итогам августа 1991 г. 322
Брестский заговор 323
Номенклатура празднует победу 324

Номенклатурная коалиция 324
И все-таки они не прошли 325

ВОТ КТО ПРИШЕЛ! 326
Некрофилы у власти 327
Экономическая шизофрения 329
Российские наполеончики 332
Обезумевшая улица 334
Тиски номенклатуры 336

Часть 6. МЯТЕЖНИКИ ГОТОВЯТСЯ 339

СИЛОВЫЕ РЕЗЕРВЫ НОМЕНКЛАТУРЫ 342
С чего начинался ОМОН 342
Наемники 343
Криминализация власти 346
Номенклатура борется за влияние 348
Пофигизм 353

ОМОНОВСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ 355
Взять этого! 355
Первая кровь 358
Наступление началось 360
Репетиция путча 361
Из документов эпохи 368

С ПРАЗДНИЧКОМ! 370
Горячие поздравления 370
Свидетельства и оценки 372
Цена жизни 383
Провокации продолжаются 385

Часть 7. АПОФЕОЗ МЯТЕЖА 389

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПУТЧА (Война миражей) 392

ВТОРАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 395
Разгул Ель-цинизма 395
Противодействие мятежу 400
Из документов эпохи 404
Штурм мэрии 407
Трагедия в Останкино 411
Расстрел парламента 414
Торжество негодяев 421
Чужая борьба 426
Кто виноват? 428

ДЕМО-СОВЕТИКУС 431
Право на насилие 431
Особый тип нравственности 433

Скороговорки интеллигентов с гибкой спинкой 438
О нравственном авторитете.. 441
Из документов эпохи... 443
Фашизм с либеральным лицом.. 446
Красно-белый экстремизм.. 449

Часть 8. ЗАКАТ ЭПОХИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ БУРЬ 453

МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ 456
Тихие выборы... 456
Подножки и подставки 457
Подтасовка 458
Арифметика их демократии 459
Несогласных пустили по миру 460
Все опять повторится сначала... 461

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ БУДУЩЕГО РОССИИ 463
Русский интеллигентский либерализм 463
Либералы против государства и нации 466
Принципы и тактика либеральной номенклатуры 469
Консерватизация... 471

ПОИСК СТРАТЕГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.................................... 473
Не мешайте народу безмолвствовать..................................... 474
Перетряска элит.. 475
Фасадная демократия... 476
Разложение либерализма 477
Идеологическая импотенция номенклатуры........................... 479
Ресурсы дееспособности 480
Рецепт реанимации 481
Поиск идеологии 483

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 487

К ЧИТАТЕЛЮ

Главная задача этой книги - ПРЕДЪЯВИТЬ СЧЕТ криминальной революции, начатой в Москве и распространившейся на всю Россию. Важно выставить конкретные пункты обвинения НОМЕНКЛАТУРНЫМ ДЕЛЬЦАМ И ИХ ЧЕЛЯДИ, основавшим свое благополучие на лжи и преступлениях против народа и страны. Важно по горячим следам оценить их способ борьбы за власть, чтобы его можно было вовремя распознать и пресечь. Нужно запомнить их слова, их повадки, их методы.

Читатель не увидит в этой книге надуманной и наукообразной "объективности". Не имеет смысла искать высокие мотивы в поведении лиц без чести и совести, близких по своему психологическому складу карманникам и бандитам. На их руках кровь тысяч людей, на их совести миллионы искалеченных судеб.

Многое забывается, смывается из памяти информационным валом, покрывается суетными заботами ежедневного быта. Всякий раз участие в выборах и референдумах принимают граждане с замороченным сознанием, запутавшиеся в своих и чужих суждениях. Если в этой путанице в структуры власти случайно попадает приличный человек, то его наивная порядочность часто используется негодяями самым бессовестным образом. Именно поэтому эта книга замышлялась и как АНТИНОМЕНКЛАТУРНЫЙ УЧЕБНИК для честных политиков и граждан России, не желающих превращаться в марионеток. Тем, кто не ослеплен злобой, не искалечен истеричным протестом и способен противопоставить играм номенклатуры свою профессиональную компетентность и гражданскую бдительность, эта книга передает опыт 1990-1993 гг.

Это КНИГА О МОСКВЕ, о городе, в котором зародился спрут новой номенклатуры. Предъявить счет за разграбленную столицу - это шаг к тому судебному процессу, который должен покарать дорвавшихся до власти мздоимцев, казнокрадов и жуликов. В этой части книга продолжает изданный в 1993 г., вопреки негласному силовому давлению, сборник статей "МОСКОВСКИЙ СПРУТ", в выпуске которого совместно с журналистом Владимиром Кучеренко автор принимал активное участие. Многие материалы и факты сборника вошли и в эту книгу.

Факты, о которых мы собираемся рассказать, не выдумывались ради красного словца. Все они взяты из жизни, собраны из свидетельств очевидцев и газетных публикаций. Возможно, пропущены некоторые детали или существенные эпизоды. Но время не ждет, пока мы соберем все факты и тщательно разложим их по полочкам. Мы должны вовремя сделать следующий шаг: пригвоздить к позорному столбу идеологов античеловеческой, антинациональной политики, называемой в России "радикальными реформами" или "демократией".

Суд истории неотвратим, но для него требуются обвинительные материалы. Они нужны нам сегодня - пока деятельность номенклатуры, подготовившей и поднявшей в 1990-1993 гг. мятеж против собственного народа, может быть наказана по горячим следам. И все-таки одного только обвинения мало. Требуется понять, на каких принципах будет сформирован состав суда над мятежниками. Этот вопрос обсуждается в последней части книги и рассматривается вместе с проблемой поиска стратегии возрождения России.

* * *

При создании этой книги автор помимо собственных архивов и опубликованных в разных изданиях статей использовал материалы, предоставленные Ю. П. Седых-Бондаренко, С. П. Пыхтиным, А. А. Кошеваровым, А. Н. Савельевым, Ю. А. Николаевым, А. А. Баламутовым и др.

Москва, декабрь 1994 г.

В книге использованы следующие сокращения названий периодических изданий:

"АиФ" - "Аргументы и Факты",
"ВК" - "Вечерний клуб",
"ВМ" - "Вечерняя Москва",
"ДМ" - "Деловой мир"
"ЛГ" - "Литературная газета",
"МК" - "Московский комсомолец",
"МП" - "Московская правда",
"НГ" - "Независимая газета",
"НЕГ" - "Новая ежедневная газета",
"РГ" - "Российская газета",
"СР" - "Советская Россия",
"Ъ" - "Коммерсантъ",
"ЭиЖ" - "Экономика и жизнь"
"ЭиЖ-М"- "Экономика и жизнь (московский выпуск)".

Мир переполнен обещаниями и разочарованиями в них.

Мир политики почти весь соткан из обещаний, которые даже не запланированы к выполнению. Обещания становятся одним из главных инструментов революций и мятежей. Их предназначение - поразить рассудок толпы и дать сигнал своим сторонникам к выступлению.

Современная политика России - это обещания, родившиеся из мировоззрения диссидентов и "шестидесятников", клявших режим за чайными трапезами. Политики взяли из бессвязного набора мечтательных мыслей о собственной свободе и благополучии все самое любимое и яркое. С этим и грянули на прежнюю власть, с этим и въехали во власть, от этого же легко отказались, как только вкусили власти.

Мятеж начинается со слов. Их поток должен был набрать силу, заполнить страницы газет, выплеснуться в каждую квартиру с экранов телевизоров... Он должен был заполнить все пространство. И тогда только переворот мог перейти к практическому действию.

Номенклатура готовилась к мятежу. Производство слов, налаженное коммунистическим режимом, работало вхолостую, дряхлело и готово было рассыпаться. Еще немного и номенклатура потеряла бы все. Нужно было поступиться хоть чем-нибудь. И здесь пригодились "шестидесятники" с их антигосударственным нигилизмом и наивной антикоммунистической нетерпимостью.

Вольно или невольно, номенклатуре пришлось подключить питание к другому механизму производства слов - к диссидентской говорильной установке, созданной по лицензии "свободного мира". И дело пошло. Старый механизм ожил. Всего несколько импортированных с Запада пропагандистских "деталей" позволили сделать из него единый организм, поглотивший изобретение диссидентов без следа.

И на граждан Большой России, называемой СССР, хлынул бурный поток пропагандистской продукции, целая Ниагара слов.

НА СТАРТЕ

Главное, на чем строился теневой интерес слоя политиков, возникшего из тусовок неформалов и "демо-коммунистов" - это реформа государственной власти, способная перераспределить властные полномочия и хотя бы слегка расчистить иерархическую пирамиду. Но в 1989 г. и 1990 г. этот вопрос еще не был основным, о разрушении государственного единства и системы хозяйственного управления еще никто не помышлял - можно было надолго угодить за решетку.

В то время депутаты СССР, получившие статус народных избранников на 90% по номенклатурному признаку, лишь осваивались в ощущении своей избранности, которая представлялась им значительным историческим событием. Они были еще неопытны при исполнении своей роли в быстро меняющейся ситуации, ими легко было манипулировать. Они не противились, они привыкли быть объектом манипуляций. Клан номенклатуры КПСС был в этой компании на порядок сильнее всех остальных группировок, и его правила игры практически никем не оспаривались.

Но вот из недр второго эшелона номенклатуры выделяется Межрегиональная депутатская группа (МДГ). Ее публицистическая энергия и массированная агрессивность внепарламентских сторонников делают имя Г. Попову, А. Собчаку, С. Станкевичу, Ю. Афанасьеву и другим. Над всем этим шумом и гамом реет где-то в заоблачных высотах популярности обиженный властями любимец публики Б. Ельцин. Новизна этой нетрадиционно скандальной посреди номенклатурного единства фигуры привлекает всеобщее внимание.

Все вроде бы есть у претендентов на симпатию народа, но формирование реальной оппозиционной силы как-то не клеится. Уже возникают зародыши политических партий, уже проходят первые демократические демонстрации, а лидеры МДГ лишь блещут речами в парламенте. По свидетельству Г. Попова ("Независимая газета", 10.12.93), парламентские демократы все лето 1989 г. работали над созданием программы объединения оппозиции в единый фронт. Наспорившись вдосталь, вопрос отложили и оставили один лишь только лозунг: отмену 6-й статьи Конституции о "руководящей и направляющей" роли КПСС. Единой платформы не было, дальше общих лозунгов дело не шло. Экономисты, юристы, историки не могли предложить ничего такого, что не придумал бы Горбачев. На языке болтались лишь общие принципы. Дальше продвигаться мыслью и принимать на себя ответственность за организацию массового движения лидерам МДГ, удобно устроившимся в депутатских креслах, не хотелось.

Свидетельств о внутренней деятельности МДГ - этого зародыша нового номенклатурного спрута - не так много. Только небольшие дозы информации о деятельности МДГ просачивались в самиздат, пугая правоверных коммунистов своей залихватской нахрапистостью и готовностью порушить все основы. Примерно такого рода черновые наброски попадали в руки жаждавших новизны граждан.

Из Тезисов к платформе межрегиональной депутатской группы

("Хроника" № 28, "Бюллетень московского городского комитета ассоциации избирателей - Депутатский вестник" № 8):

"Основополагающими принципами взаимоотношений между народами являются право наций на самоопределение и суверенитет, а также их равенство, независимое от численности (стиль документа сохранен - А. К.)...

Предлагается унификация иерархии национально-государственных образований и оставить только союзную республику, выделить Россию из Российской Федерации. Языки народов, давших наименование республикам, получают статус государственных. Русский язык - только на территории России...

В союзном договоре предлагается предусмотреть права вступления, выхода и исключения (! - А. К.) республик...

Утвердить в специальном декрете, что в СССР нет и не может быть иного источника политической власти кроме Советов народных депутатов. Сделать местный Совет главным арендодателем и распорядителем природных ресурсов на подведомственной территории...

... отраслевые министерства ликвидируются, а вместо них создаются группы специалистов при Госплане (! - А. К.)".

Подобного рода безграмотные документы - русофобские по духу и антигосударственные по содержанию - были основой пропаганды лениво рождающегося центра оппозиции. Их авторов вдохновлял и ослеплял пафос борьбы с КПСС и тоталитарным государством. Заразительный экстремизм полулегальных изданий и листовок вербовал сторонников среди истосковавшейся по великим потрясениям массовки.

К 1990 г. отстоялся еще один консолидирующий демократов лозунг: "Вся власть Советам!". А к очередным выборам из недр узкой интеллектуальной тусовки всплыла программа избирательного блока "ДемРоссия". Опубликовал программу флагман нарождающейся демпрессы - журнал "Огонек". Здесь уже есть за что зацепиться по существу.

Высказанные в 1990 г. обещания, стали основой предвыборных программ для всех, кто причислил себя к демократическому блоку. Из 1994 г. эти обещания выглядят захватывающе. Захватывает дух глубина политического обмана, которым окрутили голову всей стране.

Итак, процитируем этот воистину исторический документ - пример оболванивания народа:

ПРОГРАММА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА
"ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ"
(1990 г.)

"Общую политическую ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы Межрегиональной депутатской группы, гуманистические идеи нашего великого современника АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции.

Мы - убежденные сторонники гражданского мира, а не гражданской войны, к которой сознательно и бессознательно подталкивают те, кто заняты поисками врагов в нашем обществе, кто взвинчивает истерию ненависти. Мы отдаем должное инициаторам перестройки и хотели бы видеть в них сторонников, а не противников.

Однако положение быстро меняется. Консервативные поборники аппарата, поборники равенства в нищете, люди, разжигающие зоологический шовинизм, быстро организуются и выступают теперь единым фронтом. Реформаторы из партийно-государственного руководства, к сожалению, не всегда остаются тверды по отношению

к их нажиму.

В то же время в политику втягиваются массы людей, начало формироваться независимое рабочее движение, страну потрясли шахтерские забастовки, во время которых были выдвинуты демократические политические требования. Перемены, начатые сверху и блокируемые влиятельными силами, в том числе в высших эшелонах власти, подталкиваются теперь снизу.

В этих условиях демократы не могут быть лишь эшелоном поддержки реформ, проводимых руководством страны. Они могут и должны стать самостоятельной политической силой. В одних случаях обеспечивать поддержку реформаторам, в других - выступать с критикой их непоследовательности, политических ошибок и экономических просчетов, в третьих - предлагать собственную альтернативу."

Остановим цитирование на преамбуле и посмотрим на этот энергичный текст из 1994 г.

Ложь начинается с самого его начала. От борьбы за власть Советов, от установок сахаровских разработок ("Декрет о власти" и проект Конституции) верхушка "ДемРоссии" перешла к борьбе против Советов сразу же после выборов 1990 года. Ей нужна была не власть Советов, сгинувшая в 1918 г., а просто Власть. Раньше времени никто не должен был догадаться, что лозунгом "Вся власть Советам!" в сплошном строю номенклатуры будет пробита брешь, которую должны были заполнить "демократы", чтобы строй снова отвердел, а лозунг умер.

Речь в программе шла об опасности гражданской войны и страшных планах консервативного аппарата. Вместе с властью, как показал опыт трех последующих лет, "демократы" усвоили и методы аппарата. Это и разнообразные способы ведения холодной гражданской войны, и вживление психологии потребительства при равенстве в нищете, и прикорм узкого околовластного слоя журналистов и специалистов, и использование госаппарата в политических целях. А пока надо было играть роль миротворцев, повторяющих вслед за испуганными обывателями: "Лишь бы не было войны".

Продолжим цитирование и узнаем вновь о тех альтернативах, которые лидеры "ДемРоссии" пытались выставить в пику партхозноменклатуре.

"Основополагающие принципы ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ: государство для народа, а не народ для государства, приоритет интересов личности перед интересами государства.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на общесоюзном уровне, - взять на себя ВСЮ ПОЛНОТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РСФСР. Блок "Демократическая Россия" сделает все, чтобы Съезд осуществил следующие первоочередные политические преобразования:

- Безотлагательно утвердил основные принципы новой демократической Конституции РСФСР. Она должна строго соответствовать Декларации прав человека ООН и другим международным соглашениям и правам, а законы Республики - гарантировать осуществление этих прав.

- Необходимо положить конец монополии одной партии на власть, отменив статью 6 Конституции РСФСР. Следствием этого должны стать лишение непосредственной власти партийных комитетов всех уровней, ликвидация всех форм контроля партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, прекращение их деятельности в армии, правоохранительных органах и дипломатической службе.

- Гарантировать гражданам России безусловное право объединяться в

партии, организации, союзы установить для общественных организаций заявительный, а не разрешительный порядок регистрации. Преследованию в судебном порядке, вплоть до запрещения, подлежат лишь те из них, которые призывают или потворствуют насилию, проповедуют идеи расовой, национальной, религиозной, социальной исключительности и вражды.

- Отказаться от двухступенчатой структуры Съезд - Верховный Совет, разрывающей прямую связь постоянно работающего высшего органа власти с избирателями.

- Совершить переход от разрешенной гласности к действительной свободе слова и печати. Немедленно ввести в силу в России последовательно демократический закон о печати, предусматривающий предоставление права бесцензурной издательской деятельности общественным организациям и частным лицам. Центральная газета РСФСР и канал телевидения России должны стать органом Съезда народных депутатов.

- Провозгласить реальную, а не на словах, свободу совести распространить на религиозные общины права общественных организаций вернуть храмы верующим.

- Съезд должен ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней опасности и террористической деятельности, поставить КГБ, МО, МВД под эффективный контроль выборных органов власти."

Снова прервем цитирование и спросим себя, отчитались ли Ельцин, Попов, Собчак, Станкевич и другие за реализацию этой программы? Нет, таких отчетов не было. Завоевав формально верховную власть в России, демократы занялись завоеванием реальной власти. Но не путем усиления взятого ими под контроль Съезда, Верховного Совета, Моссовета и пр., а путем закулисной игры, путем торговли с той самой партхозноменклатурой, против которой они особенно ярко выступали с трибун, начиная с 1991 г.

Всю полноту государственной власти получил отнюдь не Съезд, отнюдь не Советы. Власть от КПСС перетекала, минуя народных избранников, прямиком к окружению председателя Президиума Верховного Совета (а потом Президента) Б. Ельцина. Всюду, где "исполкомия" была отделена демократами от "совдепии", номенклатура восстановила власть над умами, впитав в себя светлые идеи демократических публицистов и ораторов. Для того, чтобы "исполкомия" проглотила "совдепию" много времени не потребовалось. Москва тому самый яркий пример.

"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ имеют решающее значение. Без них не будет ни материального достатка, ни уважения к человеческому достоинству людей, ни культурного возрождения России. С другой стороны, все достижения перестройки нельзя считать необратимыми, пока не заработает ЗДОРОВАЯ ЭКОНОМИКА, пока широкие массы народа не почувствуют реального улучшения в повседневной жизни. Разгорающийся ныне спор об экономической политике - это спор между теми, кто озабочен в первую очередь распределением и перераспределением имеющегося национального дохода, и теми, кто добивается создания экономического механизма, способного его наращивать количественно и улучшать качественно. Этот спор нередко приобретает идеологическую окраску: социализм или капитализм. Перевод разговора в эту плоскость вовсе не дает ответа на вопрос: какая экономика нам нужна.

Пора сделать практические выводы из того, что доказано мировым опытом. Современная высокоразвитая экономика, работающая на потребителя, а не на показатели плана, в любом ее варианте включает:

- рынок как государственный регулятор хозяйства

- систему государственных рычагов экономического регулирования, находящуюся под демократическим контролем

- экономическую самостоятельность предприятий
- эффективную антимонополистическую политику
- многообразие и юридическое равенство разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, частной и т. д.
- мощные механизмы экологической безопасности и социальной защиты."

Итак, программа предлагала общие принципы для всех. Что же вышло? Одни принципы были применены для большинства населения, другие - для избранных, которыми стали представители старой и новой номенклатуры, разбавленные криминалитетом. Если большинству пришлось искать способы выживания в условиях "шокотерапии" и насильственного введения экономических отношений образца прошлого века, то номенклатурные группировки получили возможность обеспечить себя не хуже своих западных коллег. Самостоятельность предприятий стала причиной их бесхозности и смерти. Зато монополии выжили и превратились в кормушки для начальства, сочетавшего коммерческую деятельность с государственной службой. Вместо оздоровления экономики была реализована программа ее умерщвления. БОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА СТАЛА ПОЛУМЕРТВОЙ ЭКОНОМИКОЙ. Это - главное достижение "ДемРоссии" и ее лидеров. А о том, что написано в программе, никто и не вспоминал. А мы все-таки вспомним.

"ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА правительства, декларируя движение к рыночной системе, и предусматривая некоторые разумные меры, не обеспечивает все же неотложного становления новых хозяйственных структур, а хозяйственная практика дискредитирует экономическую реформу в глазах народа. Чтобы осуществить трудный переход, надо разработать и провести в жизнь две взаимосвязанные, но разные программы:

- основную, предусматривающую безотлагательное создание эффективного рыночного сектора - локомотива развития и преобразования экономики - в первую очередь путем преобразования значительной части государственной собственности в иные формы
- вспомогательную, включающую комплекс мер, смягчающих издержки переходного периода и противодействующих снижению жизненного уровня населения и прежде всего малообеспеченных слоев.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА должна, в частности, предусматривать:

- законодательное закрепление права граждан на гарантируемый минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен
- замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен
- привязку всех пенсий к динамике заработной платы и индекса цен
- установление гласного контроля над общественными фондами потребления и распределением государственного жилого фонда реализация программы трудоустройства, переобучения и компенсации трудящимся, задетым глубокой структурной перестройкой экономики и сокращением аппарата управления и армии.

Нужные для этого средства могут быть получены за счет резкого сокращения непроизводительных расходов, в особенности военных, и привлечения внешних ресурсов в разумных пределах, а не работой печатного станка. Необходимо также немедленно ликвидировать все привилегии номенклатурных работников - не столько как средство решения наших экономических проблем, сколько как элементарное нравственное требование к руководителям государства, десятки

миллионов граждан которого живут за чертой бедности."

Раздел программы о социальных гарантиях выполнен с точностью "до наоборот". Ни индексирования, ни замораживания цен никто и не подумал проводить. Наоборот, была реализована варварская либерализация цен, разрушившая не только социальную стабильность, но и основы финансовой системы. Общественные фонды потребления просто исчезли в карманах чиновников и уголовников, ставших предпринимателями. Структурная перестройка в экономике пошла особым путем: превратила страну в сырьевой придаток Европы и Азии, выгнала с предприятий наиболее квалифицированные кадры. Заниматься их трудоустройством при растаскивании собственности новой номенклатуре было некогда.

"Болевая точка нашей экономики - продовольственная проблема. Нельзя дальше откладывать решение ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ. Мы предлагаем:

- тот, кто может и хочет работать на земле, должен получить безусловную свободу выбора формы ведения хозяйства, равно как и гарантии, что никогда более не повторится трагедия "раскулачивания"
- надо узаконить передачу земли в бессрочное владение или частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом
- поток государственных капиталовложений и кредитов, бесплодно расточаемых и пожираемых органами управления на селе, должен быть переадресован в руки тех, кто станет хозяином земли, а не поденщиком."

Ничего не вышло у демократов. Они оказались неспособны предложить что-либо взамен колхозному строю и лишь порушили наполовину то, что с таким неимоверным трудом получило село в послевоенные годы. Частная собственность на землю стала привилегией немногих, быстрыми темпами начала развиваться спекуляция землей (особенно в Подмосковье). Обрабатывать землю скороспелые частные собственники в большинстве случаев не могли или не собирались.

"Один из самых сложных вопросов в нашей стране - НАЦИОНАЛЬНЫЙ. Все народы страны в равной мере оказались жертвами тотального разрушения личности, природы и культуры. Русский народ, создавший великую культуру мирового значения, ущемлен, наравне с другими народами Российской Федерации, в своих национальных чувствах. Его оскорбляет отождествление с тоталитарным режимом. Растворенность российских общественно-политических структур в общесоюзных структурах лишает русский народ и вместе с ним другие народы, живущие на территории Российской Федерации, собственной государственности и осложняет их отношения с народами других республик.

Мы обеспокоены тем, что определенные силы, не встречая серьезного сопротивления, разжигают национальную вражду и подозрительность. Предъявление счетов одними народами другим может привести лишь к трагическим последствиям. Отношения между народами должны опираться на приоритет общечеловеческих ценностей над национальными.

Исходя из этого, перед Съездом народных депутатов РСФСР будут стоять следующие задачи:

- Необходимо провозгласить и законодательно закрепить суверенитет Российской Федерации. По новому Союзному договору, который должен быть разработан и заключен в кратчайшие сроки, в ведении Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками. Законы Союза должны вступать в действие лишь после их ратификации высшими государственными органами

государственной власти республик. Надо создать завершенную систему органов государственной власти и управления в России.

- Демократическое решение национальных проблем, возникающих в самой Российской Федерации, - в настойчивом поиске вариантов, исключающих всякое национальное ущемление и не задевающих ничьи национальные интересы, в гибком сочетании суверенитета, территориальной и национально-культурной автономии народов России, разработке юридического механизма и форм реализации права наций на самоопределение.

На исходе двадцатого века только переход от тоталитаризма к демократии откроет путь к возрождению всех народов России."

Самое поразительное, что, провозгласив нечто о русском народе, "деморосы" тут же стали попирать русских с удвоенной энергией. Их поиск решения национальных проблем вышел на дальнейшее ущемление прав русских, которые на только продолжали кормить экономически менее развитые этносы, но еще и подверглись геноциду со стороны этнократических режимов, образовавшихся на обломках СССР. Общечеловеческие ценности стали основой для дальнейшего разрушения русской культуры, для внедрения на ее место псевдокультуры западничества. Суверенитет России был достигнут, но реальные плоды его были ужасны для русского народа, о котором так пеклись "демократы".

"Наша страна - не только перед выборами, которые решат многое. Она - перед выбором: пойдем ли мы вслед за большинством европейских стран по трудному, но мирному, демократическому, парламентскому пути преобразований, которые в конечном счете дадут хлеб и свободу всем, или нас ждут кровавые потрясения.

Чтобы отвести опасности неконтролируемого развития событий и восстановления диктатуры в любом идеологическом оформлении, мы призываем кандидатов в депутаты и избирателей поддержать платформу ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА "ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ".

Да, мы пошли за европейскими странами. Нас повели заворожившие своими лозунгами лидеры. Мы вдоволь надышались пылью этого пути. Мирный пейзаж на горизонте обернулся войной. Демократия преобразилась в уголовщину. Парламентаризм был расстрелян из пушек. Вместо хлеба и свободы мы получили кровь и нищету. Голосуя против мерзостей действующего в 1990 г. режима, мы утвердили у власти стократ более отвратительный режим.

* * *

Коль скоро мы говорим о Москве, не грех взглянуть как блок "Демократическая Россия" сформировался на городском уровне и какие идеи из общероссийской программы сделал для себя основными.

Из заявления членов блока "Демократическая Россия", сформированного из депутатов Моссовета ("Вечерняя Москва", 09.04.90):

"Наша главная цель - это создание в Москве условий, обеспечивающих подлинное народовластие во имя достойной жизни людей. Мы считаем, что интересы каждого человека выше интересов государства, интересов любой партии, любой

социальной или какой-либо иной группы. Нами должны править не люди, а стабильные законы, опирающиеся на принципы цивилизованного права и создающие условия для приведения в действие естественных процессов развития общества. Мы против монополии на власть, готовы сотрудничать с представителями всех конструктивных политических сил, со всеми блоками и группами депутатов в Моссовете. Однако мы будем стремиться к проведению в жизнь своей программы, основанной на общеполитических принципах блока, предвыборных программах депутатов и наказах избирателей.

Мы намерены обеспечить в Москве условия для равноправной деятельности всех политических партий, общественных, религиозных и иных организаций, действующих в рамках Конституции. <...> Особое внимание будет уделено вопросам социальной справедливости, неотложным мерам по развитию здравоохранения, решению жилищной проблемы, борьбе с преступностью, снабжению продовольствием и упорядочению торговли, экологическому оздоровлению Москвы. Депутаты блока "Демократическая Россия" будут всемерно содействовать развитию науки, культуры и искусства, как основы нравственного и культурного возрождения общества..."

Благие намерения, сформулированные в приведенном заявлении, столкнулись с реальными карьерными интересами руководства "ДемРоссии" и многих ее членов уже через полгода. Блок рассыпался. Все время поминаемые политические партии в столице не получили ничего, сотрудничество с "конструктивными политическими силами" ограничилось лишь сотрудничеством верхушки "ДемРоссии" с верхушкой номенклатуры КПСС.

Через четыре года от мощного движения, выводившего на площади сотни тысяч людей, не осталось почти ничего - так, небольшая тусовка московских энтузиастов, делающая вид, что еще держит связь с какими-то регионами.

Вспоминать о своих обещаниях сегодняшние "деморосы" не в состоянии. Вспомнишь - срама не оберешься.

КРАСИВЫЕ СКАЗКИ С НЕКРАСИВЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

То что лгать нехорошо, дети усваивают достаточно рано. Знание это сохраняется и во взрослом состоянии, дополняясь представлением о том, что лгать иногда выгодно. Но в политических играх взрослых ложь - чуть ли не основной инструмент. И тут есть свои мастера, которым удавалось, не сказав ни слова правды, воспарить в высшие структуры власти.

Салтыков-Щедрин писал про таких людей в своих "Благонамеренных речах" так:

"Лицемерные лгуны ... забрасывают вас всевозможными "краеугольными камнями", загромождают вашу мысль всякими "основами" и тут же, на ваших глазах, на камни паскудят и на основы плюют. <...>

Лгуны искренние ... это чудища, которые лгут не потому, чтобы имели умысел вводить в заблуждение, а потому, что не хотят знать ни свидетельства истории, ни свидетельства современности, которые ежели и видят факт, то признают в нем не факт, а каприз человеческого своеволия. Они бросают в вас краеугольными камнями вполне добросовестно, нимало не помышляя о том, что камень может убить. Это угрюмые люди, никогда не покидающие марева, созданного их

воображением, и с неумолимой последовательностью проводящие это марево в действительность."

Мы еще не раз встретимся в других главах и разделах с обоими типами лжецов. А пока познакомимся с наиболее впечатляющими экземплярами.

ЛИДЕР ЛЖИ

Несомненным лидером по части выдумывания красивых сказок стал первый Президент России Б. Ельцин. Его лозунги были просты и понятны всем. Они опирались на интуитивное противостояние режиму, ставили ему упрек, прежде всего, в нравственной несостоятельности, расхождении идеологических установок и направленности практических действий. Перестройка дала возможность Ельцину бросать жесткие обвинения в адрес пережившей свою дееспособность части коммунистической номенклатуры. Перестройка дала возможность гражданам услышать эти слова, которые в другой ситуации в лучшем случае стали бы достоянием антисоветской литературы, а в худшей - обернулись бы пафосом в тюремной камере или палате психбольницы.

Слова Ельцина были понятны, потому что уже добрый десяток лет они произносились в частных беседах и осторожно проникали на страницы газет. Слова Ельцина были просты, потому что он сам был прост на вид - такой бескорыстный правдоискатель, который без выкрутасов говорит то, что думает.

Спустя годы, можно с определенностью сказать, что внутренняя сила этих слов не превышала силы слов кухонной беседы столичных интеллигентов, недовольных своим местом в жизни. Поэтому сила власти, данной Ельцину, оказалась не соответствующей силе его собственных нравственных устоев, силе его ума и организаторских способностей. Это теперь тоже ясно почти всем.

И все-таки очень трудно дается понимание того, что слова Ельцина из правды превратились в ложь, что его деятельность поставила равенство между понятием Правда и понятием Ложь. Правда Ельцина была в свое время превращена в легенду о народном заступнике, появившемся вдруг из среды чиновников. Ложь Ельцина тоже стала народной легендой. При избрании Ельцина Председателем ВС РСФСР он обещал перейти к рыночной экономике, не снижая жизненного уровня народа, без повышения цен. И еще сказал свою крылатую фразу про то, что готов в случае повышения цен лечь на рельсы. В конечном итоге на рельсы Борис Николаевич предпочел уложить всю Россию.

"Легенда о рельсах" - это уже неотъемлемая часть судьбы Ельцина и оценка его политической карьеры, которая с годами будет становиться только отчетливей. Ибо закреплена эта легенда танковой атакой первого Президента России на первый парламент России.

А теперь посмотрим какие же конкретные слова произносил Ельцин, подравнивая ложь под правду и правду под ложь.

Находясь на пике популярности он говорил с трибуны так: *"... считаю главным, чтобы действовал такой механизм в партии и обществе, который исключал бы ошибки, даже близко подобные прошлым,*

отбросившие страну на десятилетия, не формировал бы "вождей" и "вождизм", создал подлинное народовластие и дал для этого твердые гарантии" (XIX партконференция, 1988 г.). Практическая деятельность привела Ельцина и к вождизму, и к тому, что его усилиями страна была отброшена на многие годы назад.

Ельцин тогда призывал не планировать до 2000 года, а решать полностью за 2-3 года "одну-две задачи на благо людей". И вот Ельцин в президентском кресле. Какие задачи за 2-3 года он решил? Никаких. Только разрушение и хаос исходили от него. Надо действительно обладать огромным творческим потенциалом, чтобы за три года не сделать на благо людей совершенно ничего!

Ельцин призывал к открытой "партийной социологии": публикации подробных отчетов руководящих органов, обобщений писем трудящихся и пр. Ни разу Ельциным не было сделано ни такого отчета, ни попытки заставить своих ближайших сторонников такой отчет опубликовать. Хвалиться нечем. Рецепты "демократизации" Ельцин придумывал для других.

Ельцину в 1988 г. было стыдно за роскошные особняки, дачи и санатории партийного начальства. Он говорил о порядочности, нравственной чистоте, скромности, партийном товариществе. Где все это? Ничего и в помине не осталось от тех запальчивых слов. Когда Ельцин сел к рычагам власти, роль борца с привилегиями уже была сыграна, аплодисменты в необходимом количестве истребованы и проку продолжать это кривляние не было никакого. Теперь можно строить себе немыслимый особняк в Крылатском, располагаться в 15-ти комнатной квартире (не считая квартир для дочерей по 128 кв. метров), можно жить сразу на пяти дачах - в Архангельском, в Сосновке, в Успенском, в Горках и в бывшей резиденции Горбачева, можно подписывать Указ об изготовлении президентского штандарта из золота и серебра ("Завтра", № 32, 1994).

Ельцин сказал в том памятном выступлении, что мафия в Москве существует. Добрался ли он до главарей мафии, став практически единоличным правителем России? Нет. Он скорее поспособствовал этой мафии, а заодно укрепил и свои позиции. Главным призом для мафии, помогавшей Ельцину, стала Москва.

Разумеется, Ельцин ратовал и за ленинский лозунг: "Вся власть Советам!". Что же сделал он, когда ему предоставилась возможность действительно эту власть Советам дать? Советы разогнал, а парламент расстрелял из пушек. Ему не оставалось ничего другого, поскольку все его соратники мечтали именно об этом. Нельзя же было разочаровывать близких друзей!

Уже тогда - в 1988 г. - Ельцина на слове поймал Е. Лигачев, отметивший, что публичные выступления стали для его оппонента более интересным делом, чем повседневная работа. Он упомянул и об отказе Ельцина от участия в работе Секретариата партии, членом которого Ельцин являлся, и талонную систему в Свердловской области, руководимой Ельциным. Тогда Лигачеву не поверили, потому что доверие к КПСС уже окончательно и навсегда ушло, а сам Егор Кузьмич стал символом ушедшей эпохи. Эмоциональному Ельцину хотелось верить больше. Но следовало бы не верить ни тому, ни другому.

Через год Ельцин стал депутатом СССР от Москвы, отдавшей ему 90% голосов. Посмотрим на некоторые моменты его предвыборной

программы ("МП", 21.03.89):

"Создать государственно-правовой механизм, исключающий рецидивы авторитарных форм правления, волюнтаризма и культа личности.

Необходимо бороться против существующего элитарного бюрократического слоя посредством передачи власти выборным органам и децентрализации политической, экономической и культурной жизни.

Принимая во внимание неоправданное расслоение общества по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан - от рабочего до главы государства - в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании. Ликвидировать различные спецпайки и спецраспределители."

Сделав ставку на борьбу с привилегиями, Ельцин привлек к себе всеобщее внимание. Но реальная политическая практика завела Ельцина к прямо противоположным результатам.

Следуя порывам творчества лидера российской "демократии", совершим прыжок еще через год и увидим, как Ельцин участвует в работе нового пропагандистского механизма номенклатуры.

Из программы Б. Ельцина на выборах депутатов РСФСР в 1990 г:

"- необходимо разработать четкую программу, позволяющую оздоровить экономику через 2-3 года и ликвидировать внешнюю и внутреннюю задолженность нашей страны

- необходимо отдать наибольший приоритет сильной социальной политике и сделать заботу о человеке своей главной целью

- принимая во внимание неоправданное происходящее расслоение общества по материальному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость и ставить во главу угла интересы наименее обеспеченных слоев населения

- после избрания нового состава народных депутатов нужно превратить высший законодательный орган в реальную трибуну волеизъявления народа, сделать подотчетными ему все государственные, политические организации и руководителей всех рангов

- всячески бороться против зарождающегося в стране бюрократического элитного слоя представителей коррумпированных кругов."

Из года в год Ельцин выставлял себя борцом за социальную справедливость, борцом с коррупцией и сторонником народовластия. (На XIX партконференции в 1989 г. он отчаянно заявил: *"... некоторые партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоплотность, скромность, партийное товарищество."*) И с 1990 года шаг за шагом реализовывалась его программа ликвидации социальной стабильности, разрушения народовластия и насаждения криминальных отношений в сфере государственной власти. Выступая за эффективную экономику, Ельцин на деле привел к власти команду малограмотных реформаторов, доведших страну до чудовищной хозяйственной разрухи, перед которой меркнут экономические провалы всех прошлых лет.

Сделаем прыжок еще на год вперед. 29 марта 1991 г., выступая на Съезде народных депутатов РСФСР, Ельцин выдвинул принцип, *"без*

следования которому эффективные экономические преобразования практически невозможны": **"Официальный отказ от применения силы, в том числе военной, как средства политической борьбы"**. Через два с половиной года Ельцин отдал команду стрелять в парламент.

А вот и страницы предвыборного говорильного марафона 1991 г.

Из предвыборной программы Б. Ельцина на президентских выборах в 1991 г.:

"- необходим строгий государственный контроль над процессом перехода к рынку, чтобы не допустить сосредоточения материальных и финансовых ресурсов общества в руках узких мафиозных групп, чтобы экономическая свобода не превратилась в право сильного игнорировать Закон

- надо наделить всех граждан собственностью путем поэтапной приватизации большей части государственных предприятий, жилья при максимальном учете интересов всех слоев населения

- государство будет гарантировать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, особенно на период перехода к рынку социально незащищенным слоям

- создать условия для подъема рождаемости, приоритетного развития детской медицины

- в доле расходов России на оборону необходимо увеличить часть средств, отпускаемых на социальные цели

- увеличение в полтора раза среднесоюзного уровня минимальной зарплаты, пенсий и стипендий увеличение продолжительности отпуска для всех категорий трудящихся, сокращение рабочей недели на 1 час."

Победив на президентских выборах, Б. Ельцин уже 1 июня 1991 г. объявил: *"Если Россия обретет подлинный суверенитет и вступит в действие республиканская антикризисная программа, то уже в будущем году мы начнем выбираться наверх"*. Подлинный суверенитет политикой Ельцина обеспечен был вполне - страна была разрублена на куски, подобно говяжьей туше. Антикризисная программа в виде гайдаризации цен - тоже вполне удалась. Результат в социальной сфере оказался противоположным тому, что обещал Ельцин. Упал уровень жизни и уровень рождаемости, минимальная зарплата даже наполовину не покрывала прожиточного минимума, социальные проблемы армии обострились до предела... Зато мафиозные группы, о которых говорил кандидат в президенты, получили в его лице мощную поддержку.

В своих воспоминаниях 1994 года Ельцин написал: *"Я изменил свое мировоззрение, понял, что коммунист я по исторической советской традиции, по инерции, но не по убеждению"*. Вскормленный этой системой чиновник прозрел, только поседев. Но к этому времени он уже получил все блага от номенклатурной системы, которые только можно было пожелать. Когда же обстановка изменилась и те же блага стали доступны лишь при других декларациях и декорациях, ветеран КПСС "прозрел" и сменил мировоззрение. Вот только избавиться от "традиции" и "инерции" своего номенклатурного мышления он так и не смог.

Верить ли политику, многократно не исполнившему своих обещаний, да еще в перезрелом возрасте радикально пересмотревшему свои взгляды на жизнь? Если верить, то ручаться за собственное благополучие и даже сохранность собственной жизни нельзя. Но кому же тогда верить, если кроме обещаний нам не предлагают ничего? Только тому, кто многократно подтвердил, что заинтересован в исполнении своих обещаний, приложил

усилия для того, чтобы не обмануть доверия к этим обещаниям, и не оправдывался при этом "объективными обстоятельствами", не выдумывал новых обещаний, противоречащих старым.

* * *

С. Говорухин: *"Западные журналисты часто говорят: "Ну, допустим, все плохо. А вы видите альтернативу Ельцину?" Я подвожу их к окну и говорю: "Видите: мужик с авоськой идет - вот альтернатива Ельцину. Наверняка не был членом Политбюро, может быть, даже не алкоголик..."* ("Солидарность", № 11, 1994).

НА ЗАКАЗ ДЛЯ ХОЗЯИНА

Второй уровень лжи - уровень ближайших соратников, идеологов и стратегов верхушки номенклатуры. Для нас наиболее интересен тип лжи первого мэра Москвы Г. Попова, который многократно отрицал то, чему якобы верил, и поклонялся тому, что ранее якобы отрицал.

В платформе кандидата в депутаты СССР Г. Попова было все, от чего он отрекся позднее, что предал и чем охмурил доверчивых избирателей. Плоть от плоти номенклатуры, засевшей на хорошо оплачиваемых околонаучных и преподавательских постах, Г. Попов 21 марта 1989 г. прошел в народные депутаты по чисто номенклатурному каналу - через пленум Союза научных и инженерных обществ СССР.

Вот что обещал он, желая казаться таким честным и искренним.

Из предвыборной платформы Г. Попова (1989 г.):

"Социалистической собственности - хозяев. Внедрить повсеместную аренду, акционерные общества, кооперативы, индивидуальные предприятия. Защитить кооперативы и арендаторов от непрерывных попыток центра превратить их из опасного конкурента в спасательных круг для бюрократических производственных организаций.

Землю тем, кто ее обрабатывает. Развитие долгосрочной семейной или личной фермерской аренды, сохранение только рентабельных колхозов и совхозов.

Доходы - по труду. Снятие всех ограничений на размер заработков, совмещений и т.д. Единственный регулятор - прогрессивный налог на доходы.

Республикам и регионам - экономическую самостоятельность. Распределить владение государственной собственностью между центром, республиками (краями, областями) и местными Советами. Каждый из этих трех владельцев будет выступать арендодателем республики, и регионы получат доход в соответствии с итогами труда своих жителей.

Вместо централизма административного - централизм экономический. Сосредоточение центра на решении ключевых для всей страны проблем, важнейших научно-технических программ, ограничение его воздействия на производство экономическими рычагами. Экономическая ответственность центра за принятые решения.

Цены регулирует рынок. Основная масса цен - итог развития рынка, а не усилий органов ценообразования. Разработка антимонополистического законодательства для предотвращения завышения цен. Немедленное введение конвертируемости рубля для предприятий и населения."

Программа Г. Попова была ложью неумелой и явной. Но разглядеть эту ложь было некому. Ведь эту программу никто не выбирал. Номенклатура просто делегировала своего представителя в орган власти с сомнительной судьбой. Где уж тут следить за логикой!

Поэтому в программе Г. Попова содержится сборная солянка из либеральных рыночных и социалистических деклараций.

Из предвыборной платформы Г. Попова 1989 г. (продолжение):

"Стабильность государственных розничных цен. Сохранить в руках государства госзаказы только на гарантируемую часть предметов первой необходимости, торговля ими по твердым госценам. Никакого повышения госцен на молоко и мясо. Лучше пока пойти по пути введения карточек.

Государство печатает деньги - оно должно отвечать за них. Корректировать все твердые выплаты государства трудящимся ежегодно с учетом индекса цен за прошлый год.

Пенсионер должен жить нормально. Исчислить индекс цен к 1960 году и повысить с учетом его все пенсии в стране, ежегодно корректировать пенсии по индексу цен.

Рост эффективности - не за счет людей. Выплачивать один год всем уволенным по сокращению штатов прежнюю зарплату за счет государства. Трудоустройство - обязанность государства.

Воспитание ребенка - основной труд в обществе. Платить женщинам, имеющим детей до 10-летнего возраста, ежемесячную государственную зарплату."

В социальной сфере мы видим те же обещания, которые впоследствии появились в программе блока "ДемРоссия". И точно так же не были выполнены. Более того, Г. Попов сделал все возможное для разрушения тех социальных гарантий, которые декларировал в своей правильной по форме и лживой по сути программе. Как это было сделано и насколько далеко зашло разрушение, мы поговорим в следующих главах. А пока нас интересуют именно слова.

Вот Г. Попов говорит о предотвращении монополизма. Но знакомые с его деятельностью, развернутой в Москве на широкую ногу, без труда вспомнят, что Г. Попов опирался на монополизм бюрократии и в политике, и в экономике. А что касается социальных гарантий, то Москва помнит кошмарный абсурд поповского экспериментирования: систему визиток, по которым отпускались основные продукты питания, талоны на табак и предновогодние покупки шампанского, на дефицитные товары и т. п. Карточек Попов не ввел, рост цен на молоко не остановил.

Получилось так: как ставленник номенклатуры, пугающейся всякой конкуренции, Г. Попов заблокировал рыночные механизмы. Но, как совершенно бесталанный руководитель, он не смог и социалистические формы распределения наладить. А они были вполне адекватны той обстановке, которая возникла во время кризиса продовольственного снабжения Москвы в 1990 и 1991 гг.

Из предвыборной платформы Г. Попова 1989 г. (продолжение):

"Динамичной перестройке - подлинно свободного работника. Ликвидировать крепостное право, создаваемое бесплатным жильем, прикрепляющим человека к одному месту. Все государственные квартиры продать владельцам. Тем, у кого стаж не менее 25 лет, - передать их бесплатно, другим - по ценам, снижающимся с ростом

стажа. Расширить свободную продажу квартир и свободную прописку.

Горожанину - дом с участком и дачу. Свободная немедленная сдача в аренду участков до 25 соток всем желающим из фонда удобных сельхозземель в зоне получаса езды от города.

Молодым семьям - прочные экономические корни. Беспроцентный кредит молодой семье при рождении первого ребенка на покупку участка и строительство нового дома.

Докажи - откуда деньги. Государственный контроль за всеми крупными затратами денег, за счетами в сберкассах и доходами.

Твердо знать, что ешь. Контроль общества потребителей за составом продуктов и качеством других товаров.

Контроль среды - дело народа. Передача всех лабораторий контроля окружающей среды в руки обществ охраны природы на местах.

Каждая национальность имеет равные права в любом месте страны. Обеспечить граждан всех национальностей равными правами на изучение языка независимо от того, есть ли у нации союзная республика или национальная автономия.

Гласность - гарантия перестройки. Ликвидировать монополию аппарата на печать, радио и телевидение. Образование газет, журналов, теле- и радиопрограмм, подчиненных только выборным органам. Создание кооперативной печати."

Некоторые декларации Г. Попова вспомнились, когда на публику вышел Жириновский. Будто научившись у "отца российской демократии" раздавать совершенно невыполнимые обещания, он повторял: горожанам - землю, молодежи - громадные ссуды,... И еще всякие слова о контроле, которому Г. Попов стал ярым противником, как только сам стал частью бюрократической машины. Наконец, когда возникла возможность создать средства массовой информации, подчиненные выборным органам, Г. Попов все сделал, чтобы они были подчинены либо ему лично, либо стоящему за ним номенклатурному клану. Это касается газет "Вечерняя Москва" и "Куранты", журнала "Столица" и московского телеканала. Не только в пользу избранных органов эти структуры не стали работать, но почти с самого начала своего существования всячески поносили их и противодействовали им.

Экономист Г. Попов не подтвердил своей предвыборной программы ни одной экономической разработкой. Он так и остался на уровне абстракции. Поэтому и большинство изменений в обществе были лишь случайными совпадениями с хаотично высказанными Поповым тезисами. Другие тезисы из своей программы Г. Попов уже на посту председателя Моссовета и мэра Москвы реализовал, как и Б. Ельцин, с точностью "до наоборот".

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ПОБРАТИМЫ

Лгать всегда удобнее хором. Потом всегда можно сказать, что только рот открывал, а мелодию выводили другие. Став вице-мэром Москвы, Ю. Лужков как бы и не отвечает за ту программу, которую он на пару с Г. Поповым предлагал избирателям в 1991 г., хотя и унаследовал от последнего руководство исполнительной властью в столице. Да и программа-то была написана как бы от одного лица, а не от двух. Поэтому Лужков может считать, что он только присутствовал при подписании программы, но ни слова в нее не вставил.

И все-таки посмотрим на обещания Попова-Лужкова в

предвыборных тезисах **"Город для горожан"** ("НГ", 11.06.91):

Двумя побратимами номенклатуры Москве обещалось следующее:

"- антимонопольные меры, развитие конкуренции, борьба с вздуванием цен
- экономическая помощь социально слабым слоям горожан, борьба за минимальный уровень зарплаты работающим, изменяющийся с индексом цен
- борьба с теневой экономикой, спекуляцией, преступностью, защита предпринимателей и потребителей
- содействие в получении дополнительных занятий и дополнительного заработка, помощь безработным
- укрепление материального положения семей путем предоставления земельных участков."

Одним словом, дуэтом была спета типично социал-демократическая программа, ни одного пункта из которой ни Попов, ни Лужков, ни вместе, ни порознь не пытались исполнить.

Программа "Город для горожан" сегодня выглядит как саморазоблачение ее авторов. В ней звучит призыв к борьбе с "теневой экономикой, спекуляцией, преступностью, с компрадорами (продающими город за бесценок иностранцам), с преступными международными экономическими организациями и просто с иностранными авантюристами." Но на деле получилось все как раз наоборот. Авторы программы просто погрузились в криминальную систему номенклатуры с головой. Г. Попов вынырнул из нее только к середине 1994 г., заговорив голосом оппозиции, которая боролась против его курса несколько лет.

Что касается остальных обещаний, то они тоже оказались липовыми.

В программе говорилось о том, что продажа жилья будет осуществляться только очередникам или москвичам, имеющим прописку не менее пяти лет. Главное было пообещать. Очередь на получение жилья во все последующие годы становилась все длиннее, а денежные мешки скупали по дешевке услужливо предлагаемые им администрацией квадратные метры.

В программе утверждалось, что приватизация торговли будет идти так: *"магазины берет тот, кто обязуется насытить их товарами в договорном ассортименте с ответственностью за качество"*. Но через год вся торговля была уже в руках того же хамоватого слоя торгашей, которые помыкали горожанами и почти поголовно были нечисты на руку. Приватизация была проведена Поповым и Лужковым ради них.

Говорилось также и о приватизации такси. Городская администрация брала на себя контроль за обслуживанием пассажиров и формированием цен на переговорах с таксистами. На деле службу такси развалили до основания. Ни контроля, ни переговоров, ни единых цен никто и не думал устанавливать. Зато возникли мафиозные группировки из бывших таксистов, контролирующие ключевые транспортные узлы города: вокзалы, аэропорты.

Москвичи всегда относились с горьким юмором ко всяческим пособиям, которых хватало разве что на полбуханки хлеба в день. Жалкие подачки не могли покрыть нарастающей нищеты именно тех слоев, которым эти подачки предназначались в программе Попова-Лужкова.

Расписывая в своей программе работу организованной в 1991 г. московской Биржи труда, Попов с Лужковым похвалялись микроскопическим

успехом. Всерьез проблемой занятости в Москве никто заниматься не собирался. К 1994 г. Биржа труда представляла собой жалкое образование, а ее руководителя пришлось снять с должности за злоупотребления. Дальше найма чернорабочих Биржа не пошла.

Нельзя обойти и еще один пассаж программы. Вот какие возвышенные слова нашли Попов с Лужковым: *"Предпринимательство предполагает инициативу, новизну, ответственность и честность в отношениях. Городская власть должна стать гарантом проявления именно таких качеств в интересах города и горожан."* Но на деле все произошло как раз наоборот. Отвечать же за свои слова не в привычках номенклатуры.

Попов и Лужков не забыли о перспективном планировании. Вот десять перспективных программ, обещанных Москве.

1. *Программа научно-технического прогресса.* Здесь авторы программы развалили все, что было, не создав ничего нового.

2. *Программа конверсии военных заводов.* Обещанной конкурентоспособной продукции ВПК для населения так и не появилось. Зато многие заводы остановились намертво.

3. *Программа вывода московского производства на мировой уровень.* Все провалено. Вышли на мировой уровень в основном те, кто вошел в интернационал ворья.

4. *Программа реконструкции образовательных центров, комплекс мер по предотвращению "утечки мозгов"*. Из этого реализован только проект создания Международного университета, где Г. Попов потом нашел себе кресло ректора. Вся остальная система образования рухнула, а научные "мозги" были размазаны по коммерческим ларькам или вывезены за границу.

5. *Программа жилищного и прочего строительства.* На заказчика работать действительно начали. Только заказчиком оказался не избиратель, голосовавший за "Город для горожан", а мафиози, отмывающий грязные деньги. Коттеджи действительно стали строить - для богачей. Гаражами автомобилисты разжились только на бумаге, спортсмены ни одного нового сооружения не получили, зато многого лишились.

6. *Программа административного строительства.* Обещались ввести комплексы офисов для госучреждений, общественных организаций и партий. Госучреждения получили все, поделив наследие КПСС и СССР. Остальным (помимо родной "ДемРоссии" или РДДР) не дали почти ничего. Попов попытался было создать Городское собрание из представителей общественности, да бросил. Да и слава Богу. Ведь там предусматривалось только представительство для "ДемРоссии" и МГК КПСС.

7. *Программа развития центров здравоохранения.* Хотели тиражировать опыт знаменитого Центра микрохирургии глаза. Ни полшага, ни полвзгляда в этом направлении сделано не было. Зато основательно была подорвана система бесплатной медицины.

8. *Экологическая программа.* Опять нечем похвалиться. Ни одного сколько-нибудь заметного природоохранного мероприятия. А город захлебнулся мусором. Да начала дымить знаменитая Северная ТЭЦ.

9. *Программа поддержки и развития учреждений культуры и воспитания.* Целый перечень мероприятий - и почти ни одного выполненного. Исключение составляют лишь парадно-показушные мероприятия. Зато налицо развал музейного и библиотечного дела, школьная нищета, церковная

бедность.

10. *Программа сохранения исторического наследия и развития туризма.* Туризм развился только в деле присвоения лучших городских гостиниц. Историческое наследие скорее растаптывалось, чем сохранялось.

И еще программа говорила о системе власти. *"Главное - профессионализм, порядочность, забота о горожанах, ответственное отношение к делу."* В последующих разделах книги мы убедимся, что политика Попова-Лужкова, как говорится, рядом не лежала с такими правильными принципами и обещаниями.

МЕЛКИЕ ФЮРЕРЫ ПРОГОВАРИВАЮТСЯ

Судьбу тех или иных политических течений во многом определяют не умопостроения теоретиков или главных лидеров, а мировоззрение активистов, находящихся на первой ступени партийно-политической иерархии. Рано или поздно массовое политическое движение отсеивает из своих рядов всяческое разномыслие и его позиции становятся тождественными не декларациям и образу лидеров, а взглядам низовых фюреров.

"Деморосы" на заре своей романтической наивности были разнолики, но к 1992-1993 г. большинство индивидуальностей из "ДемРоссии" исчезло. Одни ушли, другие растеряли свои индивидуальные качества в борьбе за интересы абстрактной личности (якобы жестоко попираемой государством). Остались люди, так и не научившиеся ничему за эти годы и вмещающие в свои представления о мире все противоречия бытовых взглядов, мифологем и безотчетных желаний.

Люди такого уровня редко попадают со своими нелепицами на страницы газет. Но все-таки кое-какие материалы позволяют проанализировать позиции низовых фюреров "ДемРоссии".

Вот типичный представитель "деморосов" - некая мадам, претендующая на интеллигентность, но основание для этого имеющая лишь одно - высшее образование. Что такое "высшее образование" известно всем - чаще всего это некий набор узкоспециальных знаний, обильно сдобренный вульгаризованным марксизмом. Как писал Г. Попов в своей работе "Что делать?", *"нашу ситуацию создавали марксисты, и объяснять ее легче всего в категориях марксизма"*. Мол, не знаем ничего кроме маркисизма, и это даже удобно! "Демо-мадам" (дадим такой псевдоним нашей героине) проще, она не осознает своего вульгаризированного марксизма, да и вообще ее взгляды не имеют отношения к применяемой терминологии. Они все - полунаивная ребяческая ложь, противоречивая в своем безотчетном стремлении к личной выгоде при совершеннейшем неумении эту выгоду понять.

Итак, "демо-мадам". В обширном интервью одной из газет (источник, пожалуй, тоже упоминать не стоит) вывернут наизнанку не только благоприобретенный костюмчик идеологических установок лидеров "ДемРоссии", но проявлена и мотивация поведения этой массовки, и истинные цели движения, и методы, и противоречия, которые представляются "деморосам" антидогматическим стилем рассуждений.

Мотивация поведения и возникновение идеологических установок в данном случае основаны на примитивнейших обидах, выхваченных ею из собственной биографии: 1) дирекция изымала у нее, когда она работала в должности завлабораторией, 2/3 доходов по обеспеченным ее стараниями заказам 2) полуграмотная завскладом получала значительно больше завлаба.

Мировоззрение интеллигентствующего люмпена не в состоянии подняться над кухонными интересами и понять общенациональные проблемы. Поэтому для него существует такой идеологический набор: 1) СССР был империей зла (фраза Рейгана живет и побеждает, несмотря на то, что сам он от этой фразы поспешил отмежеваться еще в эпоху своего тесного знакомства с Горбачевым) 2) о "русском пути" говорят демагоги и негодяи (то есть именно демагогами и негодяями был представлен, по мнению "демо-мадам", весь пласт русской философии) 3) национальная трагедия была спровоцирована парламентом.

Наконец, что же делать движению, которое такими оценками живет? Решение есть только одно: ввести закон о люстрациях, которым "преступная партия" (о какой партии идет речь после 1991 г.?!) должна быть отстранена от власти. Но и здесь проявляется особая нелогичность, выборочность. Так, Правительство Москвы обвиняется в передаче предприятий негодным собственникам, которые воровали, воруют и будут воровать. Но Лужкова нельзя осуждать за это, поскольку он поступает как хороший хозяин. Где же логика? Логики нет. Просто и Ельцин, и Лужков, с одной стороны, выражают интересы номенклатуры, а с другой - очень удобны для "деморосов" в качестве хозяев. Безадресное озлобление у "демо-мадам" связано, скорее всего, с тем, что ряды номенклатуры уже окончательно сомкнулись, и нет там лазейки для "демороса", мечтающего "порулить" и чувствующего к этому призвание.

Причины неудач кумира "деморосов" Ельцина и его сторонников у мелкого фюрера также просты до примитива: 1) безграмотная номенклатура не умеет и не хочет работать 2) полный развал экономики готовился 75 лет 3) антиреформаторское лобби "берет за горло" Ельцина, заставляя его делать отступления от реформы. Дело оказывается в том, что Ельцин панически боится гражданской войны, иначе никогда бы не согласился на "такой мракобесный" состав правительства (после отставки Гайдара и К°), которое уже к весне 1994 г. приведет нас к "жуткой катастрофе" (все это было опубликовано зимой того же года).

Выходит, что не стоит бояться гражданской войны или придется согласиться на катастрофу? Выходит, что "жуткая катастрофа" чем-то отличается от гражданской войны? Выходит, что расстрел парламента - это способ избежать гражданской войны? Логики снова нет. Есть замороченное сознание, подхваченное, словно легкая щепка, водоворотом чужих слов.

Отстранять Ельцина от власти, даже при всей его немощности в противостоянии "жуткой катастрофе", нельзя - считает "демо-мадам". *"Смещение Президента посеет еще больший нигилизм к власти. Сейчас мы* (они! - А. К.) *другого лидера найти не можем"*. Убери Ельцина - и от "ДемРоссии" след простынет. Поскольку "ДемРоссия", по убеждению самих "деморосов" - единственная массовая организация, поддерживающая Ельцина, то само собой выходит, что у Ельцина в стране вообще нет никакой социальной базы. (Да она ему и не нужна!) Зато "ДемРоссии" нужно навязывать Ельцина всей России. И все ради надежды, что заметят,

выдвинут, дадут в руки рычаги управления. Даже сама цель движения формулируется так: *"Мы существуем для того, чтобы служить ступенькой наверх для молодых энергичных людей, которые хотят реализовать себя".*

Ради этих "энергичных людей" и по их призыву массовка "деморосов" своими телами "отстояла" 3 октября 1993 г. Моссовет, который пытались "захватить" два десятка работающих там депутатов. Визг, горячечные взгляды и площадная брань чистенько одетых людей, числящих себя интеллигентами, - вот внешний облик и единственное оружие этой опоры Ельцина. А "энергичные люди", не замечая этой опоры, делают свое дело - грабят и убивают. Это называется "радикальными экономическими реформами".

Позиция низового фюрера "ДемРоссии" говорит о том, что перед нами партия обновленной номенклатуры, припудренная морализаторством, безграмотными бытовыми суждениями о политике и экономике, опирающаяся на шизофреническую массовку, готовую недоедать и заставлять недоедать других - лишь бы у кого-то открылись "возможности работать и зарабатывать".

Это вполне похоже на русский вариант гитлеровской НСДАП. Только вместо застольных бесед в пивных клубах эта структура оформилась трепом всухую, бытовым обсасыванием чужих слов, а вместо развлечений штурмовиков и "пивного путча" - отрядами "баррикадников" образца 1991 года, вместо ночи "длинных ножей" - бесконечными мелкими интригами. Главное отличие было в том, что НСДАП, пользуясь случаем, вырастала в могучего кровожадного монстра, а "ДемРоссия" таким образом вымирала, заражая своим гниением все прочие общественные структуры.

ПЕРЕДАЧА ЭСТАФЕТЫ

Эстафету у "ДемРоссии" принял избирательный блок "Выбор России" - "ВыбРос" (или "Выброс"). Этот блок характеризуется тем, что собственно и реализует чаяния оставшихся не у дел при перераспределении власти "деморосов" - того самого низового фюрерского звена, которое в своих суждениях наиболее радикально и откровенно.

В Москве "Выброс" провел выборы 1993 г. по своему сценарию, потому что он был выгоден Лужкову. Лужков-то знал, что, получив депутатские мандаты, "выбороссы" уступят ему во всем.

Из 35 человек, получивших депутатские мандаты Московской Городской Думы, 19 представляли блок "Выбор России". Поскольку это более половины депутатов, то известные своей сплоченностью "выбороссы" полностью взяли Думу под свой контроль. Контроль был обеспечен им голосами лишь около 5% избирателей Москвы. Таковы были условия игры.

Посмотрим, что же предлагали члены московского "Выброса", что обещали они в своих предвыборных программах ("Градские вести", 12.01.94).

Большинство обещаний совершенно абстрактно. Обычно встречается стандартный набор: помощь малоимущим и инвалидам (почти у всех), поддержка предпринимательства, решение экологических проблем, страховая медицина, поддержка жилищного строительства, борьба с преступностью, развитие науки, помощь образованию. Все это по проработанности не выше уровня 1990 г. - просто благие пожелания каждого кандидата в депутаты самому себе. Наиболее яркий образец подобного рода откровенен до предела: "Сделать все возможное для создания благоприятной

и комфортной социальной среды".

Вот более конкретные обещания, выполнение которых можно проверить:

- создать органы местного самоуправления в муниципальных округах
- обеспечить город лекарствами
- прекратить обнищание москвичей
- обеспечить уборку мусора, ремонт дорог и коммунальных сетей
- провести инвентаризацию бюджетов семей с целью оказания адресной помощи
- обеспечить целевые льготные кредиты на строительство жилья
- создать информационно-консультативную систему "Дума-москвичи"...

К середине 1994 г. было уже совершенно ясно, что ни одного из конкретных обещаний члены "Выброса" выполнить не могли или не хотели. Предвыборный спектакль - это одно, реальная жизнь - совсем другое. Впрочем, можно было бы простить наивность, если бы она была честна, если бы незадачливый избранник пришел к своим избирателям с повинной головой и сказал: "Моя программа была нереалистична. Теперь я понял это и знаю, что действительно можно сделать. Вот моя уточненная программа." Но этого не сделал никто из депутатов МГД.

Если сравнивать уровни профессионализма, о котором так любили потолковать противники распущенного Моссовета, то "Выброс" в этом отношении намного уступает Моссовету. Приведем несколько ярких примеров неквалифицированных обещаний, содержащихся в их программах:

- направление бюджетных денег за аренду помещений и земли на коммунальные услуги (кандидату в депутаты просто невдомек, что бюджет таким путем формировать просто невозможно)
- привлечение инвестиций во все сферы городского хозяйства (во все сферы - это абсурд)
- организация альтернативной службы в городе (без российского законодательства это сделать невозможно)
- создание внебюджетных фондов социальной защиты (они были давным-давно созданы).

Итак, выбор депутатов замкнулся на благие пожелания - не более того - и на самоотнесение себя к блоку "Выбор России" (или на заявление об идейной близости к этому блоку). Можно заключить, что всю ответственность за представление интересов москвичей монопольно взяли на себя (пользуясь установленными Лужковым правилами выборов) сторонники Ельцина и Гайдара. Но их программы городского уровня демонстрируют полную безответственность. Даже конкретные пункты, столь редкие в их обещаниях, скорее всего не будут выполнены никогда.

Например, планы о введении самоуправления территорий города Лужков назвал *"самой большой диверсией последнего времени"* ("ЭиЖ", № 9, 1994). А ведь тезис самоуправления был в большинстве программ его сторонников! Лужкову же, как оказалось, нужны вассальные номенклатурные княжества, а не самоуправляющиеся территории. Ему нужна номенклатурная империя.

Почему же Лужков допустил, что "Выброс" пошел на выборы с такими программами? Все очень просто. Лужков знал, что с этими людьми всегда можно договорится, а отменять результаты предвыборного спектакля из-за таких пустяков, как отказ от исполнения собственной предвыборной

программы, никто не будет.

Рычаги управления верхушка московской номенклатуры отдавать никому не собиралась. Ее то никто не выбирал, и перед москвичами отчитываться ей не пристало! Тем же, кто избран, тоже непросто предъявить претензии. Поэтому заместившие Моссовет "думцы" быстро забыли о своих обещаниях, как забыли их депутаты-"деморосы" в Моссовете.

Дума несколько месяцев была озабочена вопросом - строить или не строить Храм Христа Спасителя (а строительство уже велось), обсуждением Устава Москвы (убогий проект мэрии представлял собой сведенные под один заголовок канцелярские правила, кому и как сидеть), проблемой безопасности депутатов (вооружаться ли пистолетами или потребовать каждому по телохранителю, да еще поставить мигалки на депутатских машинах).

От неугодных перемен московское чиновничество страхует не только вялость лидеров московского "Выброса", но и сам состав его массовки, принятой от "ДемРоссии". Любой, погружавшийся в эту среду, знает, что она собой представляет. Здесь от доверчивой старушки-активистки можно услышать такие, например, откровения: "Этот человек с совершенно недемократическими взглядами. Таких стрелять надо!". А полусумасшедший старичок будет вам нашептывать о своих подвигах при штурме Белого Дома, а потом признается, что симпатизирует Гитлеру. Ох, не даром московские "демократы" начали брататься с коммунистами-анпиловцами во время событий в Чечне (декабрь 1994 г.)! Они наконец-то совпали в направленности своей антигосударственной психопатии.

История слов повторяется. Вокруг лживых девизов и призывов собирается убогая публика из политических бомжей.

* * *

Говорят: единожды солгавший, кто тебе поверит? Практика показывает: поверят. Только надо лгать беспрерывно, расцвечивая свою ложь все новыми и новыми перспективами и планами. Те, кто слушает, любуясь только красотой слова или образом кумира, никогда не заметит лжи. А кто не слушает - поверят нахрапистым энтузиастам, считающим, что они утверждают новую демократическую реальность.

ПРИВИВКА ДЛЯ ДОВЕРЧИВЫХ
(итоги "демократического эксперимента")

Ложь тоже имеет свою логику, поскольку имеет и свою цель. Целью лжи в политике является обретение власти. Результат лжи и нравственного убожества политиков - народные бедствия.

В дальнейшем внимание читателя в основном будет обращено на Москву. Поэтому для понимания общей ситуации попытаемся кратко предъявить счет ельцинизму и гайдарономике на уровне России.

В результате реформы, начатой в 1990-1991 г. мы пришли в конце 1993 г. к инфляции 25-30% в месяц, дефициту бюджета около 20% ВНП и падению курса рубля со 100 рублей за доллар до 1600 (к концу 1994 - свыше 3000). Спад производства составил около 50%, инвестиции в промышленность практически прекратились, бегство капиталов на Запад

только в 1993 г. составило около 15 млрд. долларов ("НГ", 10.02.94). По некоторым другим оценкам, из России за 1990-1993 гг. было вывезено капиталов на сумму 40 млрд. долларов.

Абсурдные реформы привели к тому, что переоцененные на 1 июня 1992 г. фонды всех отраслей народного хозяйства во всех формах собственности составили 41,3 трлн. рублей, а произведенный в 1993 г. валовый внутренний продукт составил 162,3 трлн. рублей. За полученные от продажи воздуха рубли в 1992-1993 гг. можно было без труда завладеть богатством, накопленным трудами многих поколений (НГ, 01.04.94).

Крупнейшая афера коррумпированного чиновничества - затея с ваучерами. Преступные махинации вскрыты также во время кампании по изъятию денежных купюр советского производства. По официальным данным, их было выпущено на сумму 3,6 трлн. рублей, а данные изъятия показали цифру 6,3 трлн. рублей. Центральный банк позволял криминальному бизнесу наживаться на игре с валютным курсом доллара за счет валютных интервенций, фальшивых авизо и резких колебаниях курса доллара к рублю. Льготные кредиты разбазаривались через Государственную финансовую корпорацию (криминальную торговлю кредитами вел бывший министр экономики Нечаев). Известны и другие безобразия всероссийского масштаба, покрываемые Ельциным.

Если в 1914 году золотой запас России составлял 1500 тонн золота, в 1953 году - 2050 тонн, то к концу 1993 г. в казне осталось всего 158 тонн ("Интервью", № 4, 1994). При этом практически все добываемое золото (около 300 тонн в год) шло не в государственные резервы, а на продажу. Весь стратегический запас золота был вывезен за рубеж под залог за иностранные кредиты, помогавшие ельцинистам держаться у власти. Если прежние режимы, уходя в прошлое, оставляли новой власти полную казну, то ельцинизм эту казну опустошил полностью.

Страну захлестнула волна уголовной преступности и коррупции в разросшемся управленческом аппарате. Если в 1991 году в России не было зарегистрировано ни одного случая захвата заложников, в 1992 - их было всего три, то в 1993 году - по сводкам числится уже 51 подобный случай. Факты вымогательства стали в России широко распространены. В первом полугодии 1994 г. только зарегистрированных случаев насчитали восемь тысяч (на две с половиной тысячи больше, чем за тот же период 1993 г.) ("НЕГ", 17.08.94). За 1993 г. зарегистрировано 2,8 млн. преступлений, из них почти 30 тыс. умышленных убийств, 67 тыс. тяжких телесных повреждений, 220 тысяч грабежей. За этот год возбуждено более 20 тыс. уголовных дел, связанных с изъятием у преступников огнестрельного оружия. Кровавые разборки с применением автоматического оружия на многолюдных улицах крупных городов и захват заложников стали чуть ли не ежедневной практикой. Только по официальным данным, на руках у преступников имелось свыше 200 тыс. автоматов и пистолетов. За 9 месяцев 1994 г. совершено еще 24 тыс. убийств (из них, по меньшей мере, 300 - заказных) и 27 тыс. разбоев. В рост пошел наркобизнес - 55 тыс. преступлений ("НГ", 16.11.94).

Произошло резкое расслоение общества. Отношение доходов 10% наиболее обеспеченной части населения к доходам 10% наименее обеспеченных, по официальным данным, составляло в 1991 г. 4,5, в 1992 г. - 7,5-8, а в 1993 г. достигло 11 раз ("НГ", 01.04.94). По другим данным это соотношение составило в 1992 г. 16:1, а в 1993 г. - 26:1 (по данным

Министерства труда к апрелю 1994 г. эта цифра достигла 1:30). Для сравнения в США данный коэффициент равен 6:1, в бывшем СССР - 4:1, в Китае - 3:1, в странах Латинской Америки - 12:1 ("НГ", 05.04.94).

Разнобой в цифрах объясняется следующим. Меньшие цифры получаются у тех, кто берет в расчет так называемый "децильный коэффициент": отношение доходов самых бедных среди богатых к доходам самых богатых среди бедных. Если же оценивать отношение по средним доходам в двух группах, то оно составит на 1993 г. не 11 (как в первом случае), а более 20 ("НГ", 17.05.94).

Далее. Средняя продолжительность жизни сократилась с 69 лет (1991 г.) до 66 лет (1993 г.). Число больных корью и дифтерией только за 1993 год возросло в 4 раза, заболеваемость сифилисом - в 2,6 раза (32,2 человека на 100 тыс. населения), брюшным тифом - на 88%. При этом обеспеченность потребностей в лекарственных средствах упала до 60%, а производство медикаментов сокращалось в 1992-1993 г. на 12-13% ежегодно ("НГ", 24.02.94).

Величина естественного прироста населения сократилась с 18 млн. человек в 1990 г. до 11,2 млн. в 1992 г. В Москве, Питере и ряде других областей центральной России количество умерших превысило количество родившихся в 2-2,5 раза ("НГ", 08.02.94). Показатель рождаемости в 1993 г. составил 9,2 родившихся на 1000 жителей, показатель смертности возрос за 1993 г. на 28% и составил 14,6 умерших на 1000 жителей. Впервые за все послевоенное время в стране наблюдалась "естественная" убыль населения. Демографические потери в 1993 г. составили более полумиллиона человеческих жизней. По данным РИА ("НЕГ", 13.07.94), в 1992 г. население России уменьшилось на 207 тыс. человек, в 1993 г. - на 738 тыс., за 5 месяцев 1994 г. - еще на 386 тысяч.

На 10 тыс. трудоспособных мужчин в России умерло в 1993 г. 120 человек (женщин - 28), что на 42 человека (для женщин - на 8) больше, чем в 1991 г. От травм и отравлений погибло на 68% больше, чем в 1991 г. - 348 тыс. человек ("НГ", 24.02.94).

Что это, если не режим геноцида? А вот как реагировала на вымирание народа номенклатура, пришедшая к власти. Если в июле 1991 г. в распоряжении бюрократии имелось 37 министерств и 15 госкомитетов СССР плюс 19 министерств и 13 комитетов РСФСР, то в декабре 1991 г. бюрократическое раздолье сократилось за счет ликвидации союзных структур. Но уже к январю 1993 г. в России состояние дел было таково: 22 министерства и 51 комитет ("АиФ", № 30, 1993). Бюрократия полностью восстановила свой потенциал по "посадочным местам" и даже весьма приумножила его, поглотив все партийное хозяйство КПСС и союзных структур.

Если бюрократия укрепилась, то страна рассыпалась на уделы, захваченные наиболее рьяными представителями номенклатуры КПСС. Практически все президенты этих обломков СССР принадлежали в недавнем прошлом к высшему эшелону правящей партии. Рассыпался под ударами делящих наследство брежневизма номенклатурных банд не только СССР. Каждый из возникших уделов уготовил своим подданным нищету и войну, потоки беженцев и межэтническую ненависть.

Из листовки Комитета защиты конституционного строя

Ленинградского района г. Москвы (апрель 1993 г.):

"Сравним предвыборные обещания Ельцина Б. Н. как кандидата в Президенты и реальные результаты за два года его правления.

"Укрепление суверенитета России - чтобы черноземы, лес, нефть, алмазы... использовались рачительно и в интересах россиян."

По данным экспертов Госкомстата, из России только в 1992 г. вывезено сырья и материалов и осело капиталов в западных банках на сумму, превышающую 17 млрд. американских долларов, что соизмеримо с хищением годового национального дохода России.

"Всемерное стимулирование науки."

По данным исследования "Наука и рынок", 7% научных работников Москвы голодают, 78% - еле сводят концы с концами. Свое социально-профессиональное положение опрошенные научные работники оценили как катастрофическое (32%) и тяжелое (48%). В 1992 г. из России уехали 9,2 тысячи ученых.

"Государственная молодежная политика."

По данным ИСПИ РАН, число выпускников школ, мечтающих о получении высшего образования, снизилось вдвое. 38% выпускников вузов в 1992 г. не получили работу по специальности.

Резко возросла преступность несовершеннолетних (190 тыс. преступлений в 1992 г.).

Среди молодежи быстро растет число самоубийств: в 1992 г. - 1,6 тыс. самоубийств, в 1991 г. - 1,5 тыс.

Среди всех безработных более трети - молодые люди в возрасте до 30 лет.

"Возрождение культуры".

Что мы получили взамен культуры? Бесконечные сериалы "мыльных опер", чернуху, порнуху и рекламу - наглую, вызывающую, издевательскую. Кончились Чайковский и Пушкин - поэтому даешь богатых, которые тоже всхлипывают. "

Ради чего устроено все это разорение? Всего лишь для того, чтобы Ельцин, Черномырдин и Грачев могли свободно поохотиться в заповеднике, чтобы Ерин строил себе дачу стоимостью 220 миллионов (в ценах 1993 г.), чтобы отставные министры разбирали московские особняки, а генералы продавали штатное и нештатное оружие, чтобы за счет госбюджета номенклатура закупала себе бронированные "ЗИЛы", изготовленные по спецзаказу. А еще для того, чтобы отирающиеся в свите Ельцина коммерсанты из АВВА, ЛогоВАЗА, Фонда спорта и др. получали невиданные льготы ("НЕГ", 16.07.94). Можно было даже прекратить производство знаменитых автоматов Калашникова на тульском оружейном заводе, оставив ему лишь один заказ: изготовление личного охотничьего ружья господина Президента ("НЕГ", 22.07.94).

А что же люди, почему они так энергично поддержали Ельцина с его программами, но не отказали ему в доверии, когда он от своих программ отрекся, когда признаки разрухи стали более чем явными? К сожалению, граждане России мало что понимали в том, откуда исходит угроза их благосостоянию.

Вот как ответили москвичи в начале 1993 г. на вопрос о том, кто виноват в возникших экономических трудностях:

"Коммунисты, заведшие нас в тупик" -	26 %
"Чиновники, саботирующие реформу" -	24 %
"Демократы, не справившиеся с ситуацией" -	22 %
"Мы сами, потому что не умеем работать" -	22 %

(Из опроса центра "Останкино" ("МН", 28.02.93)

Всем досталось примерно поровну, а это значит, что виноватых не найти. Требовался дальнейший опыт. Граждане России должны были понять, чьи экономические рецепты и политические решения конструктивны, а чьи разрушительны. В 1993 г. они считали, что способствовать выходу из кризиса помогут (или не помогут) следующие меры:

	Поможет	Не поможет
Государственный контроль за ценами -	63,4 %	24,2 %
Усиление госконтроля за бизнесом -	59,1 %	25,9 %
Введение национальной валюты -	48,2 %	24,8 %
Широкое привлечение иностранного капитала -	43,8 %	30,2 %
Полная свобода частного предпринимательства -	38,0 %	40,4 %
Прямое президентское правление -	36,4 %	36,2 %
Жесткий контроль ВС за Правительством -	35,6 %	38,9 %
Замораживание цен и зарплаты -	30,1 %	48,7 %
Запрет на хождение иностранной валюты -	26,1 %	47,2 %
Ограничение ввоза иностранных товаров -	23,0 %	59,3 %
Полное освобождение цен -	18,1 %	62,3 %

Опрос проведен Институтом социологии и Центром "СоциоЭкспресс" (март 1993 г.)

Из данных опроса следует, что к весне 1993 года никто уже не верил правительству, а его лживость и коррумпированность была очевидна для 3/4 населения. Но люди продолжали поддерживать это правительство, потому что поддерживать что-то другое не было никакой возможности. Мощная пропагандистская машина убивала все альтернативы человеческой мысли. Разруха в головах разрушала все: экономику, культуру, духовность, историю. Но боль в желудке еще не отдавалась болью в этих самых головах, порог чувствительности еще не был пройден, абстрактное недовольство еще не дозрело до определений персональных виновников разрухи. К концу 1994 г. урок, наконец, был осознан: безоговорочное доверие к Ельцину высказывали всего 3% населения России, а в десять раз больше людей выражали откровенную ненависть к нему ("НЕГ", 15.11.94).

По мере актуализации вопроса о вине за разрушительные реформы в сознании населения России первыми "прозреть" постарались чиновники. После отстранения Е. Гайдара от власти Б. Ельцин в "Записках президента" писал: *"Гайдар не до конца понял, что такое производство. И в частности - что такое металлургия, нефтегазовый комплекс, оборонка, легкая промышленность. Все его знания в этих областях носили, главным образом, теоретический характер. И в принципе такой дисбаланс был довольно опасен.*"

Е. ГАЙДАР

Е.Гайдар - внук известного детского писателя Аркадия Гайдара, сын адмирала-журналиста Т. Гайдара. Окончил МГУ в 1978 г. По воспоминаниям однокашников, не отличался рвением к наукам и особыми способностями.

Работал в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, редактором отдела журнала "Коммунист", в газете "Правда". Доктор экономических наук. В 1990-1991 гг. был директором Института экономической политики Академии народного хозяйства СССР.

Осенью 1991 г. по представлению Г. Бурбулиса Е. Гайдар изложил Ельцину свою концепцию экономических реформ - и тут же был назначен министром экономики и вице-премьером. За Гайдаром на различные государственные посты пришла целая команда его единомышленников, близких и дальних знакомых. Во время государственного переворота в октябре 1993 г. Гайдар призвал москвичей выйти на защиту Президента к зданию Моссовета.

Хотя в 1993 г. блок "Выбор России" стал наиболее многочисленной фракцией в Госдуме, Е. Гайдар в начале 1994 г. был выведен из состава правительства и сформировал пропрезидентскую партию "Демократический Выбор России".

Возникает вопрос, почему же Ельцин, а за ним и ближайшие его соратники стали отрекаться от гайдарономики? Может быть потому, что подошло время расплаты? Но во время расплаты неплохо было бы спросить у отмежевавшихся от "радикальных реформ" о том, почему они столь легко доверились совершенно некомпетентному в государственном управлении человеку? Ответ прост - они сами были такими.

* * *

Приведенные нами итоги - скорбное свидетельство доверчивости народа и бессилия здравых и разумных людей, пытавшихся разрозненными усилиями остановить преступников и дураков. Страшная и тупая темнота населения, деградация элитных слоев общества стоит за развалом страны. Люди видят его, но не могут осознать его причин. Они продолжают верить в светлое будущее, в самозарождающееся благополучие. Чем позднее приходит прозрение, тем дороже это обходится стране.

ПРИЗНАК ОБМАНА

В политике, лишенной нравственных корней, игра идет по особым правилам. Ложь стала для нее одним из основных инструментов. Эта ложь тщательно завуалирована и многолика. Чтобы ее распознавать, нужен опыт и готовность к определенным усилиям.

Попытаемся сформулировать некоторые закономерности проявлений политической лжи, а также правила ее выявления.

Прежде всего, обещаниям политиков можно верить только в том случае, если они подтвердили свое право такие обещания давать. Только биография политика, его ясная и устойчивая позиция в прошлом могут

служить источником доверия к словам.

Для молодых политиков, конечно, допустима смена мировоззрения, опирающаяся на логику судьбы. Но тут важно различать смену взглядов в угоду конъюнктуре (обычно вместе с получением административного поста) и действительное взросление.

А вот для зрелого человека смена мировоззрения должна означать одно - невозможность принимать участие в политике. В противном случае, новое мировоззрение следует понимать как смену маски. Если известный коммунистический и демократический деятель Э. Шеварднадзе предостерегает с трибуны от диктатуры, затем устанавливает диктатуру у себя на родине, а потом на седьмом десятке лет принимает православие, то по логике вещей место ему - в монастыре. В таком возрасте только и замаливать грехи. Но логика номенклатуры иная. Любое действие номенклатурного политика - очередная интрига ради власти и, одновременно, спектакль, разыгрываемый для наивных.

Появление нового политического движения, нового слоя политиков связано, прежде всего, со стремлением к власти, с попыткой путем внедрения новых для данного состояния общества идей переделить власть по-новому. Само по себе стремление к власти не является предосудительным. "Рваться к власти" - в политике дело естественное. Проблема состоит в том, чтобы понять, ради чего и как совершается этот рывок и кому он принесет реальную выгоду. Ведь на вооружении амбициозных политиков целый арсенал инструментов, затрудняющих восприятие целей их деятельности и политических установок.

Остановимся на некоторых из них. Стоит хорошенько запомнить, что образ светлого будущего в любой политической программе - признак ее лживости. Набор общих принципов без обозначения конкретных действий, предполагаемых в культурной, экономической и политической жизни, также делает программу лишь вариантом дешевой агитки.

Обманом является идеологическая "перестройка на марше", когда народные избранники начинают агитационную кампанию, уже имея в руках рычаги власти, полученные под другие обещания. Здесь от избирателей должно исходить только одно требование - отзыв, отставка и новые выборы. "Объективные обстоятельства" не могут быть оправданием смены курса, они лишь повод для нового выбора народа. Довериться смене курса без нового аванса доверия - значит быть обманутыми наверняка. Пример такого обмана - "либерализация цен" и "ваучеризация", о который в 1991 г. никто не помышлял, голосуя за Ельцина.

Политическая группировка или политический лидер, получившие в руки власть (или хотя бы приобщившиеся к власти) и не превратившие свои предвыборные обещания в проекты государственных решений, совершают обман граждан. Затягивание с внесением таких проектов демонстрирует лживость их предвыборных обещаний. Выборы 1989-1993 гг. в России дали нам хороший урок. Большинство народных избранников никогда никаких проектов не готовило, будучи не способными даже четко сформулировать задание на разработку того или иного проекта юридическим службам. За всех "отдуваться" приходилось ничтожному меньшинству.

Повторим еще раз, что декларирование общих политических принципов без подкрепления реальным делом или конкретными разработками - есть расчет на голоса доверчивых, глупых и увлекающихся

людей.

Красивости общих деклараций еще не означают стремления к реализации декларированных ценностей на практике. Политики, получившие власть, всегда могут демонстрировать частичную реализацию заявленных принципов, подправляя действительность и преувеличивая свои заслуги.

Наконец, следует помнить, что декларации лидеров политического движения вовсе не являются руководством для его низовых лидеров. Суть политического движения открывается именно в мировоззрении и поступках рядовых активистов движения. В предыдущих главах на примере "ДемРоссии" мы уже могли видеть, какие чудовищные взгляды могут прикрываться благими заявлениями лидеров. Противоречивость жизненной позиции мелких активистов, их фобии и психозы рано или поздно повяжут главных лидеров и станут основой их политики. Процесс маргинализации политической элиты можно прервать, лишь ликвидировав условия для существования массовых политизированных движений без определенной позиции и превратив повседневную политику в публичное состязание высокоинтеллектуальных групп профессионалов.

Теперь несколько слов о том инструментарии, который применяют политики, чтобы завоевать благосклонность избирателей. Часто для этого используется бытовой уровень аргументации, частные примеры и картинки из личной жизни. Все это является спекуляцией и не должно приниматься во внимание. Достойные аргументы - это цифры, расчеты, исторический опыт, политологические и философские концепции. Именно на это должен опираться политик, которому народом оказано доверие. Он должен служить как бы посредником между сложнейшими механизмами управления современным обществом и населением, большинству которого доступно лишь интуитивное их понимание и оценка конечного результата.

К сожалению, политический деятель чаще всего становится не связующим звеном между властью и гражданином, а специалистом по манипулированию общественным сознанием. Он старается воздействовать не на разум гражданина, а на его эмоции не анализировать общественные проблемы и пути их решения, а клеймить своих противников и уничтожать любое сомнение в собственных доводах.

Чаще всего собственные политические программы политики забывают сразу после проведения выборов. Поэтому, чтобы распознать среди них профессионально непригодных для отправления общественных функций, гражданам необходимо самим вспоминать об этих программах. Политические деятели, не возвращающиеся в публичной деятельности к оценкам своих прежних обещаний и предложений, являются проходимцами и не достойны ни власти, ни уважения. Вспомнив об этом, избиратель хотя бы на следующих выборах не будет излишне доверчив.

Чтобы выявить признак обмана, стоит обратить внимание на то, как политик выбирает своих сторонников и кому оказывает поддержку. Самоотнесение претендента на народное доверие к тому или иному политическому движению или заявление о поддержке того или иного лидера, не отягощенное личным интеллектуальным усилием по формированию собственной предвыборной программы - признак явного обмана избирателей.

Наконец, чтобы избежать непоправимых ошибок, необходимо делать сознательный выбор между претендентами на народное доверие. Порой доверие оказывать некому. Тогда лучше ни за кого не голосовать и

никого не поддерживать. Лучше не способствовать своими ошибками продвижению к власти лжецов. Это, конечно, позиция слабого. Но это и проявление минимального гражданского мужества. Ведь не всякий способен всерьез включаться в драку вокруг власти.

Реализация гражданских прав требует усилий и мужества. Без попытки разоблачения лжи гражданин становится марионеткой в руках политических манипуляторов и действует, в конце концов, против собственных интересов.

Мятеж номенклатуры в Москве не был моментальным дворцовым переворотом. Он произошел в форме необъявленной войны, в которой о военных действиях знала только одна сторона - сама номенклатура.

Война всегда связана с опустошением. Опустошением материальным и духовным. Но для многих москвичей эта война наоборот воспринималась как праздник, народные гуляния с фейерверками перестрелок и бликами на импортных этикетках в расплодившихся коммерческих ларьках. Мятеж прикидывался нормальной или даже приукрашенной жизнью, мятежники - нормальными или даже лучшими людьми своего времени.

Отец новой российской "демократии" Г. Попов в интервью "Радио Франс Интернасьональ" говаривал ("Гласность", август 1992 г.): *"Вопрос о мафии искусственно раздувается противниками преобразований, и в последнее время это уже совершенно стало нагло, если так можно выразиться. Всякий, кто борется с рынком и переходом к капитализму, изображается как борец с мафией. В нашей стране, где десятки запретов на всякую нормальную экономическую деятельность, мафия - это в основном нормальная деятельность."* И ему верили: мафия, терзающая город - это нормально!

Верили, конечно же не все. Ю. Власов в книге "Кто правит бал" писал: *"Город походит на столицу разгромленного государства. Мы в самом деле как бы проиграли войну, пусть "холодную", но от того не менее жестокую и обременительную. И, как во всяком разгромленном государстве, у власти марионетки, посаженные в кресле высокомерными завоевателями."*

Читателю этой книги тоже предлагается не поверить в то, что мятеж - это нормально. Для этого надо увидеть обступившее нас со всех сторон опустошение, увидеть, вынырнув из своего мирка, взглянуть на руины города, в котором мы живем.

ОКТЯБРЬСКАЯ РАЙОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Была в недавние времена в Москве такая территориальная единица - Октябрьский район. На волне демократизации его возглавил известный активист движения "ДемРоссия" И. Заславский. Став председателем районного Совета, он быстро провел преобразования по созданию полигона для эксперимента над ни в чем не повинными людьми. Это называлось "демократическим путем вывести район из патовой ситуации" ("Куранты", 18.01.91).

(Заметим в скобках, что вина 220 тысяч жителей района, пожалуй, все-таки была. Район не только без разбору голосовал в 1990 году за прикинувшихся прогрессистами карьеристов, но на свою голову резво поддержал в 1991 г. введение мэрской власти, а в 1993 г. - ельцинский референдум и выборы в Госдуму одного отпетого проходимца. В общем, жителей района эксперимент над ними практически ничему не научил. Они вели себя, как типичные москвичи.)

И. ЗАСЛАВСКИЙ

И. Заславский закончил московский текстильный институт и был скромным молодым специалистом. В 1989 г. при поддержке общества инвалидов (Заславский - инвалид с детства) он становится депутатом СССР. По призыву Межрегиональной депутатской группы в 1990 г. он идет "во власть" и становится председателем Октябрьского райсовета. Одновременно он добивается лидерства в московском отделении движения "ДемРоссия" и входит в координационный совет ДР. После вскрытия махинаций с городской собственностью большинство депутатов райсовета отказывают Заславскому в поддержке, и после длительной борьбы за процедурную непорочность отставки он покидает свой пост летом 1992 г. Переходит на работу в мэрию на должность председателя городского экспертного совета и становится председателем Политсовета ДР. По спискам "Выброса" становится депутатом Госдумы в 1993 г. В 1994 г. поддерживает создание партии Гайдара, входит в руководство ее московской организации.

Эксперимент начался с того, что Заславский подал на имя председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина письмо, в котором предлагал *"в целях апробации программы по выводу страны из кризиса провести в Октябрьском районе г. Москвы политико-экономический эксперимент"*.

Эксперимент требовал для районных властей права:

- самостоятельно вести внешнеэкономическую деятельность
- самостоятельно регистрировать СП
- самостоятельно проводить налоговую инспекцию
- самостоятельно распоряжаться землей и зданиями, находящимися на территории района.

Добро, разумеется, было получено. Так начался процесс, позднее получивший название "номенклатурная приватизация" или "прихватизация". На поверхности общественной жизни бушевала стихия газетного славословия, а за кулисами ежедневно отрабатывались сценарии захвата

собственности, распределения должностей, разложения контрольных органов. Подпольный демократический райком работал в поте лица.

После ельцинского одобрения идеи эксперимента вопрос об особом статусе Октябрьского района должен был освятить своей волей верный партнер "демократов" - Ю. Лужков. 31 октября 1990 г. лужковский Мосгорисполком принял "Соглашение о совместном управлении объектами коммунальной собственности на территории Октябрьского района". К этому моменту у Заславского было готово ключевое звено: 15 августа 1990 года в Октябрьском райисполкоме было зарегистрировано предприятие "Управление коммунальной собственностью на территории Октябрьского района" (УКОСО). Создание УКОСО объяснялось в учредительных документах необходимостью органа, "уполномоченного управлять государственным имуществом". В соответствующем решении исполкома было записано: "Выполнение функций Совета учредителей возложить на исполком Октябрьского района". В январе 1991 г. Мосгорисполком передал УКОСО право на распоряжение имуществом Октябрьского района.

Таким образом, планировалось использование государственной собственности, с тем, чтобы прибыль поступала в полное распоряжение учредителям УКОСО. Реально распоряжаться народным добром должны были вполне определенные лица, сгруппировавшиеся вокруг И. Заславского. Районный Совет к этой коммерческой структуре, по замыслу номенклатурных экспериментаторов, уже не мог иметь никакого отношения. Все прелести причастности к распоряжению собственностью отходили к исполкомовским чиновникам и соратникам Заславского. Помимо чисто "родственного" отношения к кормящей их структуре, было установлено, что УКОСО освобождается от налогов и иных платежей в местный бюджет.

Надо ли объяснять, что все эти номенклатурные выкрутасы были прямым нарушением действующего законодательства?

В то время наивная демократия, еще не подозревавшая о краткости своего века, с трудом убеждалась в том, что не только собственность, но и власть приватизирована узкой группой лиц, а поверхностные изменения государственного режима в сторону демократии выстраивали отнюдь не демократическую систему власти.

К концу 1990 г. Заславскому окончательно осточертели демократические процедуры, и он с запальчивой наивностью обнародовал заявление, содержащее следующие слова: *"Сегодня у нас нет времени на бесплодные дебаты, тем более что при этом блокируются работа Президиума и исполкома. Без сильной власти не может существовать ни государство, ни район, особенно когда происходят кардинальные изменения жизни миллионов людей. Чувства ответственности, реальности и компетентности - вот чего не хватает Вашим депутатам."*

В конце обращения Заславский призывал к референдуму по поводу изменения структуры власти в районе. Позднее кто-то напомнил зарвавшемуся "деморосу" о Конституции, и референдум не состоялся. Но здесь важен сам факт того, что один из лидеров московской "ДемРоссии" был уже в 1991 г. готов идти на противозаконные действия, выделяя один московский район из всей сложившейся системы государственной власти.

Несмотря на то, что никаких референдумов в районе провести не удалось, эксперимент Ельцина-Попова-Лужкова все же дал плоды, показав демноменклатуре, что защитники законности слабы, а большинство

чиновников более склонны к соучастию в беззаконии, чем в соблюдении своих обязанностей. И "демократам" захотелось неограниченной власти, полного контроля за собственностью на каждом "вверенном" участке приватизации.

Районные депутаты не сразу получили информацию о том, что Мосгорисполком щедро спонсировал рожденное им УКОСО, отведя ему земельный участок городской земли вместе со зданиями под размещение "служебных помещений, офисов, гостиницы, предприятия общественного питания со строительством подземной автостоянки". Далее УКОСО уже самостоятельно заглатывало городскую собственность и землю, вкладывая их в уставные фонды коммерческих предприятий. "В полное хозяйственное ведение" Октябрьским райисполкомом было передано 925 зданий, общей площадью 419181 кв. м., балансовой стоимостью 23 миллиарда рублей, и сотни гектаров земли. Совместные предприятия рождались одно за другим. Вот лишь некоторые из них: ТОО "Роза К° ЛТД", СП "Океан", советско-кипрско-голландское СП "Петр Великий", советско-австрийское СП "Каменный мост", коммерческий банк "Якиманка".

Кстати, последний иллюстрировал своими действиями ту наглость, с которой криминальное предпринимательство "осваивало" податливую городскую среду. Банк, испытывая нужду в помещениях, просто проломил стену к своим соседям - общественному центру микрорайона - и занял квадратные метры явочным порядком. Потом спешно провели ремонт и оформили договор аренды. На взятки не поскупились. Желающих помочь нуждающимся коммерсантам было хоть отбавляй, желающих помочь жителям микрорайона - считанные единицы.

Пересмотр арендных договоров на нежилые помещения стал в Октябрьском районе статьей дохода УКОСО. Ему было предоставлено право перезаключения этих договоров. Разборчивость в арендных вопросах давала немалый доход, а бесконтрольность - уверенность в себе.

С размахом пользуясь предоставленными правами, УКОСО в десятки раз занижало стоимость продаваемых им зданий. Свободно конвертируя жилье, предназначенное для очередников района на получение квартир, в нежилые помещения, УКОСО продавало их через биржу "Алиса" (тут снова поживился и банк "Якиманка").

Отнимали квадратные метры не только у очередников. Властью исполкома в районе упразднялись детские учреждения, а принадлежавшие им здания и помещения передавались через УКОСО коммерческим структурам. На выбор можно было заказывать под собственные апартаменты двухэтажное здание детского сада, детскую изостудию "Радуга" или детский театр "Орион". И заказывали - не гнушались.

То же веселое переобустройство жизни на криминальный лад велось и за счет служб жизнеобеспечения района. Булочную с галантереей занял "Олби-дипломат" помещение, предназначенное отделению "скорой помощи" - возглавляемая самим Заславским ассоциация "Милосердие и культура" (АМиК) ему же отходит помещение, предназначавшееся ранее ассоциации инвалидов (тут же сдано в субаренду под коммерческий магазин) ("Оппозиция", № 2, 1993).

Торговля еще непродажной повсюду в России землей - тоже было прибыльным и увлекательным делом для УКОСО. Особенно, когда продажа способствовала экономическому могуществу отдельных особо ценных для

истории "демократов". Даром, как известно, бесценные подарки не делаются.

Например, фонд "Грядущее" был учрежден физическими лицам: самим Заславским, двумя его помощниками, депутатом Моссовета из "ДР" Д. Катаевым (впоследствии - депутат Городской Думы образца 1993 г.), помощником Г. Попова - Е. Савостьяновым (от ельцинского режима тот вскоре получил еще и погоны генерала КГБ) и самим директором УКОСО. Фонду передается предварительно переведенный из жилого фонда дом, потом дом списывается по остаточной стоимости 52 тыс. рублей и переписывается на баланс коммерсантам. Потом дом продается новым собственником за 6,7 млн. рублей, к которым добавляется еще и вычислительная техника, стоимостью 311 тыс. инвалютных рублей.

Е. САВОСТЬЯНОВ

Е. Савостьянов пришел в политику с малозначительного поста ученого секретаря учебно-научного центра Института комплексного освоения недр. Инженер-геолог в 1989 г. подвизался в Фонде депутатских инициатив, заручившись доверием Г. Попова. Фонд развернул было работу в ненароком полученном помещении прямо в центре Москвы, но, поскольку партийное строительство "межрегионалы" таки не начали, быстро свернул свою деятельность.

Фонд скончался, а связи остались. И неважно, что первая попытка их использования на выборах в Моссовет провалилась (рекомендация Г. Попова избирателями была проигнорирована). Можно было на некоторое время стать помощником своего более удачливого патрона, после - перейти за ним в мэрию и там занять вполне достойный пост - Генерального директора департамента мэра.

Следующий виток карьеры - назначение Е. Савостьянова стараниями Г. Попова начальником АФБ (позднее - ФСК) по Москве и области. Подчеркивание своей "штатскости" несколько успокаивало общественность, подозревавшую геолога в некомпетентности. Подозрения были сняты присвоением звания "генерал-майор" и назначением Е. Савостьянова первым заместителем начальника ФСК России.

В конце 1994 г. Савостьянов специальным Указом Ельцина был отстранен от должности без всяких объяснений.

Для УКОСО все было нипочем под крылом "демократической" администрации Москвы. Из многочисленных операций УКОСО лишь одна стала предметом пристального внимания прессы и властей - продажа площади им. Гагарина. На ней и остановимся.

СП "ЦЕНТР КНИТ - Калужская застава" с контрольным пакетом акций у французских фирм "СБС" и "САРИ" (60%) и УКОСО (28%), выступившее от лица Моссовета, в январе 1992 г. получила от Лужкова землю площади им. Гагарина (60 гектаров) по цене 10 долларов за гектар в год. И все это на 99 лет с правом последующего выкупа земли. На церемонию закладки первого камня очередного суперпроекта собирался прибыть сам Ельцин. Был выпущен даже специальный пригласительный билет: "*Под высоким председательством Его Превосходительства Президента Российской Федерации Бориса Ельцина мэр города Москвы Гавриил Попов и Президент фирмы КНИТ-Калужская Застава Юрий Платонов имеют честь пригласить .... на церемонию закладки "первого камня" комплексной реконструкции пл. Гагарина и прилегающих территорий, которая состоится в присутствии Президента Российской Федерации 16 марта в*

16.00."

Но жители домов, случайно проданные вместе с землей, взбунтовались и помешали многозначительной акции. Закладка камня "под высоким председательством" не состоялась. А потом выяснилось, что некто Г. Попов самочинно подмахнул договор с СП от имени Президиума Моссовета, совершив подлог.

Так формировалась традиция номенклатурного дележа собственности: презрение к закону, закулисная подготовка экспроприаций, формирование интербригад из зарубежного и отечественного ворья.

Еще один штрих: субподрядчиком "КНИТ..." на облюбованной площади Гагарина выступило СП "Перестройка", ставшее уже к тому времени пионером по растаскиванию валютных ресурсов города (см. главу ""Перестройка" верхом на Москве").

В феврале 1992 г. депутаты Моссовета обнаружили, что никаких санкций на распродажу московской земли не давали. Но остановить приватизаторов было не так просто. Нужно было разрастание скандала.

Рыбак рыбака видит издалека. Г. Попов увидел главу фирмы со стороны иностранного учредителя "КНИТ..." и признал в нем своего. "Свой" К. Пельерен пробавлялся аферами в родной Франции. В 1988 г. ему удалось перепродать высотный дом самому себе через подставную фирму и скрыть от налогов 12 млн. франков. В октябре 1991 г. был арестован компаньон Пельерена (кстати, имевший какие-то темные дела с хозяином известной впоследствии своими темными делишками фирмы "Сеабеко" Б. Бирштейном еще в 1990 г.), а в январе 1992 г. полиция добралась и до него самого.

Зарубежный скандал только подхлестнул криминальную активность СП "КНИТ...". Поскольку обещанные на старте французской стороной 2 млрд. франков в виде инвестиций оказались липой, пришлось вышибать средства у российского правительства. Летом 1992 г. Лужков и председатель правления "КНИТ.." просят от премьера Правительства России денег из кредитов, предоставленных Францией. На горе аферистам их скандальная известность (международного масштаба!) уже сделала свое дело и в средствах отказали. Валютный счет в "Токобанке" так и остался нулевым.

Наконец, в октябре 1992 г. по иску городской прокуратуры Октябрьский районный суд на основании обнаруженного Моссоветом подлога признал регистрацию СП "КНИТ..." недействительной.

Но все же история на этом не закончилась. Несмотря на поддержку решения райсуда, коллегия Мосгорсуда по гражданским делам (председатель Президиума Мосгорсуда З. И. Корнева) 30 декабря 1992 г. отменила решение об отмене регистрации. Поводом послужил пункт в учредительном договоре СП о рассмотрении арбитражных дел в Стокгольме. Верховный суд постановил начать дело с самого начала. А начало пришлось на 17 августа 1993 г. - прямо под путч демократов ("РГ", 07.08.93).

* * *

УКОСО просуществовало год, достигнув в своей преступной деятельности невиданных результатов. Московские власти на этом основании стали переходить к осуществлению следующих этапов плана превращения всей Москвы в "сплошное УКОСО". А Октябрьское "ноу-хау" вместе со всеми криминальными историями с этого момента прячется подальше от глаз. Для

этого приходится брать штурмом Октябрьский райсовет, сопровождая это дело мордобоем (побиты депутаты и даже прокурор), и похищать документы. Операция проведена под личным контролем Лужкова, правоохранительные органы молчаливо соучаствуют в произволе, а номенклатура может переходить к решению текущих проблем.

И в который уже раз история не кончается. Возомнившие о себе слишком много лидеры УКОСО подают в мэрию жалобу на саму мэрию: мол еще не все полезное сделано, да и право частной собственности не худо бы уважать (коль скоро УКОСО - частное предприятие!), а потому требуется продолжить удачный эксперимент в Октябрьском районе. На этот раз экспериментаторы просчитались. Широкомасштабный номенклатурный эксперимент уже шагал по стране без помощи первопроходцев, и оглядываться на них никто не собирается. ЧП районного масштаба уже никого не трогало, районная революция состоялась.

Маршрут, проложенный УКОСО, продолжили более мощные структуры. Решением мэрии в центральной префектуре была создана КРТ - Корпорация развития территории, повторяющая функции УКОСО и ставшая правопреемником Управления. Возглавил КРТ префект Музыкантский - давний любимец демократов и протеже Г. Попова... Впрочем, имевшие отношение к УКОСО вовсе не были обижены. Например, председатель Октябрьского исполкома стал президентом Московской товарной биржи.

Потом появилось знаменитое АО "Оргкомитет" (см. главу "Удавка для конкурентов"), где номенклатурной приватизацией занимался сам Лужков. Соблюдая формальные требования, Лужков официально покинул свой пост во главе "Оргкомитета", но не оставил "Оргкомитет" своей милостью и неофициальными рекомендациями. "Оргкомитет" по схеме УКОСО, продолжал торговать нежилым фондом Москвы.

А. МУЗЫКАНТСКИЙ

А. Музыкантский получил образование в институте инженеров транспорта, а потом еще и МГУ закончил. Более 20 лет он работал в Госстрое СССР, занимая там различные должности. Здесь он и стал человеком Ельцина.

На выборах 1990 г. в Москве Музыкантский является представителем "ДемРоссии" в городской избирательной комиссии. Сам никуда не баллотируется. За продуктивную работу он получает пост и. о. зампреда исполкома Моссовета, а позднее занимает пост префекта Центрального административного округа.

В этом качестве Музыкантский участвует во всех важнейших политических событиях столицы.

А на общероссийском уровне опыт УКОСО переняло ближайшее окружение Б. Ельцина. Его уходящие в тень соратники неизменно получали в руки собственные фирмы, прикрытые государственным статусом. Так, бывший глава президентского аппарата Ю. Петров получил Государственную инвестиционную корпорацию и собственности на миллиард долларов (для использования в качестве залога иностранным инвесторам, страхующим их от политических рисков! - "РГ", 10.02.93), министр экономики Нечаев - Государственную финансовую компанию (для махинаций со льготными кредитами), министр внешнеэкономических связей П. Авен - "Альфа-банк". Попову дали Международный университет, Гайдару - свой Институт,

Бурбулису - Центр "Стратегия"... Кстати, господину Петрову досталось здание на Мясницкой, 35, защищенное от всех форм разведки, ранее принадлежащее Минрадиопрому. Даже премьер Черномырдин, пытавшийся создать в этом здании радиоэлектронный центр России, вынужден был отступить ("Правда", 15.01.94).

Ю. ПЕТРОВ и П. АВЕН

Ю. Петров одиннадцать лет оттрубил на нижнетагильском заводе, но, окончив Высшую партийную школу и политехнический институт, сменил рабочую робу на партийную карьеру. Был завотделом и секретарем Свердловского обкома КПСС, где и сошелся с Ельциным. Двадцать лет на партийной работе увенчались трехлетней командировкой на Кубу в качестве посла СССР. В августе 1991 г. Ю. Петров вернулся на родину и стал главой администрации президента Ельцина. Затем стал главой Государственной инвестиционной корпорации.

П. Авен - сын академика, получил в МГУ специальность экономиста, работал в научном Институте системных исследований (гнездо молодой номенклатурной поросли), потом в Институте прикладного системного анализа в Австрии. Никакого управленческого опыта не имел, но в декабре 1991 г. неожиданно стал председателем комитета внешнеэкономических связей РСФСР и первым заместителем министра иностранных дел, а потом министром внешнеэкономических связей. Покинув свой пост в 1993 г., Авен обеспечил себе контроль над целой группой крупных коммерческих структур ("Альфа-банк", "ЛогоВАЗ" и др.).

Опыт Октябрьского района достоин отдельного исследования. И такое исследование было сделано депутатом Октябрьского райсовета Ю. Мареничем (именно по материалам его публикаций написана эта глава). В конце 1991 г. вышла его брошюра, изданная мизерным тиражом на ксероксе. Она называлась "Распродажа Москвы или развитие методов "червонных валетов" ("червонные валеты" - удачливая группа аферистов в предреволюционной России - не ведала, что ее опыт станет отправной точкой для российской демократии). Потом была целая серия статей в разных изданиях, участие в судебных процессах, отчаянная борьба на сессиях Октябрьского райсовета, участие в издании книги "Московский спрут"...

Судьба Ю. Маренича трагична. Борьба с коррупцией в Октябрьском районе не остановила всероссийскую криминальную революцию, которая в конце концов не оставила никаких надежд на возвращение Октябрьского района москвичам. Ю Маренич умер вскоре после октябрьского переворота 1993 г. Тогда же исчез навсегда и Октябрьский район.

Ледоколом криминальной революции эксперимент в Октябрьском районе Москвы взломал всю экономическую систему и социальный уклад. Номенклатура увидела: вот как надо разворачиваться! Впереди были светлые дали капитализма...

БОЛЬШАЯ СТРОЙКА МОСКОВСКОЙ МАФИИ

На рождественском банкете московской мэрии в конце 1993 г. глава московского строительного комплекса В. Ресин чинной поступью проследовал

мимо столов министров и банкиров прямо к столу Президента Ельцина и расцеловался с ним. Достоинство и уверенность, с которой было проделано это действие, подчеркивали: строители Москвы сделали для Ельцина более, чем кто-либо ("НЕГ", 12.04.94).

СТРОИТЕЛЬНЫЙ МОНСТР

Многие годы столичный строительный комплекс представлял собой громоздкую структуру, состоящую из пяти главков: четырех специализированных строительных монстров ("Главмосстрой", "Главмоспромстрой", "Главмосинжстрой", Главмосмонтажспецстрой") и одного производственного ("Главмосстройматериалы"). Главки делились на тресты, а те - на предприятия. Структура называлась Мосстройкомитет.

Экономические реформы превратили Мосстройкомитет в супермонополиста, прибравшего к рукам громадную собственность и планомерно превращающего эту собственность из муниципальной в частную. Город от этих превращений не получал ничего. Покрывал этот процесс "социально-близкий" строительным чиновникам Президент Ельцин, а текущую грязную работу по "прихватизации" делали замы начальника Мосстройкомитета.

В ходе начавшейся приватизации главки-монополии превращались в ассоциации-монополисты с ведущей ролью начальства, распоряжающегося государственной собственность, как своей. Заявки строительных предприятий на самостоятельную приватизацию игнорировались или пускались бюрократической машиной "по большому кругу" бесконечных согласований. А в это время контролирующий монополистов строительный министр московского правительства В. Ресин своей волей распределял между ними городской заказ, не позволяя конкуренции проникнуть в чрезвычайно прибыльную отрасль, гармонично организованную так называемой "строительной мафией".

Так, волей Лужкова в декабре 1991 г. все московские заводы-производители стройматериалов были объединены в холдинговую компанию "Промстройматериалы", подчиненную Мосстройкомитету. Весь сбыт был замкнут на административный аппарат, что привело к беспощадному подавлению всякого независимого от Мосстройкомитета строительства. Для независимого строительства просто не было ресурсов, землеотводов, да и серьезных заказчиков.

Из досье депутата Моссовета Г. С. Иванцова:

"Есть документы, которые подтверждают факт получения Мосстройкомитетом 70-миллиардного низкопроцентного кредита Центробанка, который не был внесен в доходную часть муниципального бюджета. То есть использование кредита было выведено из-под общественного контроля.

Как показала предварительная проверка, кредит был предметом незаконной сделки между Лужковым и Ресиным, с одной стороны, и бывшим председателем ЦБР Г. Матюхиным и получившим вскоре пост начальника ГУ ЦБР по г. Москве К. Шором - с другой. (К. Б. Шор, как член Совета "Инновационного фонда мэрии Москвы", давно был в одной компании с членами Правительства Москвы.) С этими чиновниками Лужков расплатился натурой - шикарными квартирами в престижных домах.

Многомиллиардные кредитные вливания в обветшавший и крайне

неэффективный хозяйственный организм переименованных в "ассоциации" московских строительных главков позволили "кнутом и пряником" удержать многие тысячи московских строительных предприятий от активных действий по выстраиванию между собой подлинно рыночных, договорных отношений. Эти шальные миллиарды - питательная среда для финансирования многих подставных коммерческих структур при аппаратах московских строительных главков-монополий."

* * *

Московские чиновники, независимо от занимаемых должностей, жили и живут с номенклатурными коммерсантами душа в душу. Стоило только появиться указу Президента об обязательном преобразовании закрытых акционерных обществ с долей в уставном капитале госсобственности более 50% в открытые акционерные общества, как Лужков выпускает распоряжение о передаче 10% акций АО "Моспромстрой" и уменьшении доли Правительства Москвы в АО до 41%, а 25 млн. рублей за выкупленный пай поступают во внебюджетный фонд, которым сам Лужков распоряжается по своему усмотрению ("Куранты", 30.07.92).

А вот чем отплатили Лужкову за отеческую заботу. Когда сессия Моссовета 25.06.92 выразила недоверие Лужкову, как заместителю главы московской администрации, дирекция АО "Моспромстрой" и директора входящих в него двадцати четырех АО направили письмо Ельцину в поддержку Лужкова. Директора выступили со своим мнением от имени 40-тысячного коллектива, разумеется никого не опрашивая ("Куранты", 01.07.92). А 30.06.92 группа "московских строителей" непонятной принадлежности со сделанными на заказ одинаковыми плакатами выстроились против Моссовета. Они тоже поддерживали Лужкова и проклинали Моссовет. Назвать свои предприятия пикетчики отказались, а вполголоса сообщили, что стоят здесь за отгулы. И только руководство пикета было агрессивным и возмущалось тем, что Моссовет не дает им приватизироваться. Освоить демократические методы давления на Моссовет Мосстройкомитету так и не удалось. Номенклатурные игры давали более надежные результаты.

Приведем пока лишь пример реализации одного из элементов игры: правило "ты - мне, я - тебе". Если в застойные парткомовские времена обмен "любезностями" все-таки скрывался от глаз общественности, то теперь - другие времена. В прессе промелькнуло сообщение, что за успехи в первом полугодии 1994 г. Лужков одарил одного из начальников домостроительных комбинатов новеньким "мерседесом". Так вот взял и подарил! Привык уже к тому времени к безропотному поведению налогоплательщиков...

УДАВКА ДЛЯ КОНКУРЕНТОВ

Строительный комплекс оказался для московской номенклатуры как нельзя более подготовленным для захвата собственности и средств города. Ключевое звено, которое должно было обеспечить этот процесс - это своеобразный гарант монополизма, препятствующий реализации инициативы тех, кто в номенклатурную группу чиновников не входил. Таким гарантом стало АО "Оргкомитет".

АО "Оргкомитет" возникло 12 декабря 1990 г. с уставным капиталом в 10 млн. руб. (по тем временам - деньги немалые). Задача АО состояла в

торговле правами на городскую недвижимость, жилье и землю. Никто другой таких "задач" в Москве выполнять не смел.

Учредителями стали "юридические лица":

- Исполком Моссовета в лице т. Лужкова Юрия Михайловича (он же - Президент АО) с долей в 20% акций

- Мосстройкомитет в лице вице-премьера Правительства Москвы - 20%

- Управление госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры в лице своего начальника - 18%

- Московская ассоциация СП - 10%

- Инкомбанк - в лице своего председателя правления - 10%

- Оргкомитет по проведению конкурсов по сдаче в аренду нежилого фонда во главе с начальником Мосжилучета (впоследствии уличенном Моссоветом в махинациях с муниципальным жильем) - 22% акций.

По закону продавцом муниципальной собственности должен был быть только московский Фонд имущества. Но законы для номенклатурной братии не существуют. Даже указы их патрона Б. Ельцина не про них писаны. Поэтому "физические лица" приватизаторов власти и собственности в "Оргкомитете" оказались совершенно неотличимыми от "юридических лиц" - государственных структур.

В начале 1991 г. Лужков сложил официальные полномочия президента фирмы, передав их своему подчиненному, но дал "Оргкомитету" право лицензировать проведение конкурсов и аукционов недвижимости. Теперь потенциальные владельцы недвижимости точно знали куда нести свои дары, да еще соревновались, кто больше принесет.

15 июля 1991 г. прокурор города Г. С. Пономарев направил мэру Попову представление № 30-3-6/91, где указывал, что участие в "Оргкомитете" должностных лиц администрации противоречит Закону "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках". Но августовские события, перетряска всей системы власти, распад страны сняли вопрос с повестки дня. Прокуратура "Оргкомитет" уже больше не трогала.

Весной 1992 г. "Оргкомитет" уже вовсю использовал свое монопольное право на проведение аукционов по продаже квартир. Торгуют в розницу и оптом - целыми микрорайонами ("Ъ", 2-9.03.92.).

Из материалов депутата Моссовета В. В. Паринова:

Из письма, полученного в декабре 1991 года:

"... По инициативе Мосстройкомитета валютные средства, полученные от продажи жилого дома площадью 15997 кв. м. по адресу: Чертаново, мкр. "Г", корпус 5, построенного за счет государственных капитальных вложений, использованы не по назначению.

В частности, трест "Мосфундаментстрой-6" из указанных средств оплатил приобретение 10 легковых автомобилей марки "Субора Леоне", 2 телевизора "Панасоник", 16 телевизоров "Филипс", 65 видеомагнитофонов, 102 видеоплейера, 535 двухкассетных магнитофонов... Кроме того, Джубуев М. С., Нестеренко В. И. и группа их сотрудников за счет этих средств совершили поездки в Китай, США, Финляндию... За счет того же дома в Чертаново приобретены также машина "Вольво-740", 152 телевизора, 152 видеоплейера, 923 двухкассетных магнитофона. Но уже для домостроительного комбината № 2."

Из письма, полученного в ноябре 1992 года:

"Очередник треста "Мосфундаментстрой-6, ставший в очередь на улучшение жилищных условий в 1991 году и проживавший в двухкомнатной квартире

размером 34,6 кв. м. (семья 4 человек), уже в августе 1992 года получает от Департамента муниципального жилья трехкомнатную квартиру размером 44,9 кв. метра..."

Комментарий:

"Парадокс жилищной политики правительства Лужкова: в первом случае за валюту продается жилой дом, десятки квартир которого, построены за счет средств бюджета и принадлежали не правительству, а очередникам города во втором случае бесплатная муниципальная квартира предоставляется работнику того же треста, который валюту, полученную за продажу дома, израсходовал на легковые автомобили и телевизоры... И вновь встает вопрос - кто должен контролировать распределение жилья? Обещание мэра добиться того, чтобы в жилищных комиссиях не менее 50 % их членов являлись сами очередниками, осталось только красивым обещанием, прозвучавшим с экрана телевизоров в предвыборной кампании... Ведь сотни тысяч очередников стоят в очереди многие годы, а здесь - семья, имеющая на человека 8,7 кв. м., улучшает свои жилищные условия в течение нескольких месяцев!

Оценивая эти письма, приходится признать, что тенденция действий представителей городской власти во всех трех случаях совпадает с механизмом "активизации деятельности чиновников", предлагаемым премьером Правительства Москвы. Он формулирует так: *"Чиновник должен получать определенный процент дохода (премии) от суммы, поступающей благодаря его работе в бюджет города, округа или супрефектуры"*. Этот механизм, как нельзя лучше, объясняет, почему второй этаж жилого дома сдан в аренду тресту (Дмитровское шоссе, 59), а коммерческий банк соорудил автостоянку в 25 метрах от окон другого жилого дома (Гостиничная улица, 9). Но зато в течение десятилетий не удается ликвидировать двухсменные занятия в средней школе № 163, так как нет чиновников, заинтересованных в выселении из школьного здания работников бухгалтерии (Линейный проезд, 9).

Если в первых двух примерах большая группа чиновников, по всей вероятности, получила "премию-бакшиш", то в случае со школой эта "премия" абсолютно никому "не светит". Поэтому и будут дети еще долгие годы заниматься в две смены..."

* * *

12 мая 1992 г. Лужков подал иск в суд на зампреда Моссовета Ю. П. Седых-Бондаренко и "Независимую газету". Поводом послужило утверждение в статье Ю. П. Седых-Бондаренко о том, что Лужков является президентом акционерного общества "Организационный комитет конкурсов по сдаче в долгосрочную аренду нежилого фонда (зданий и помещений)". Кроме того, Лужков обращал свое возмущенное внимание на слова о "наглом и грубом попрании закона", "политических играх и провокациях", отнесенных к администрации Москвы.

Лужков указывал, что эти утверждения не соответствуют действительности и порочат его честь и достоинство. Что касается второй претензии, то слова Седых-Бондаренко были лишь оценкой "плодотворной" деятельности всей лужковской команды. Более интересно поставленное нами на первое место утверждение. Именно оно послужило формальным поводом для иска, поскольку Лужков к моменту выхода статьи оставил свой пост в коммерческой структуре.

По этому поводу хочется вспомнить диалог из известной комедии:

"- Шакал я паршивый - у детей деньги украл...

- А когда ты бензин ослиной мочой разбавлял, шакалом не был?"

Действительно, что это вдруг так взбунтовалось достоинство Лужкова? Ведь оскорбительность информации о совмещении должности в

коммерческой структуре с высоким государственным постом может возникнуть только в том случае, если Лужков никогда в таком совмещении не участвовал. Если же факт имел место (а это достоверная информация), то оскорбления просто нет, но есть состояние тупой злобы и надежда на гибкость спины судей.

Спина судей прогнулась перед начальством, но оказалось, что статья была написана и направлена в редакцию автором еще до того, как Лужков подал заявление об освобождении его от должности президента АО "Оргкомитет". Кроме того, формальное освобождение от должности должно было состояться никак не ранее, чем через год работы президента, а также по решению общего собрания. Оба условия выполнены не были. Таким образом, прогиб судейской спины оказался лишенным смысла подобострастием.

МОСТ К ВЛАСТИ

Группа "Мост", выпестованная Лужковым в трудные для большинства предпринимателей времена, превратилась в огромную силу, в государство в государстве. Это десятки дочерних фирм, это консультационная деятельность на высших этажах власти , это "Мост-банк" и тысячи работающих на его процветание сотрудников ("Куранты", 05.08.92).

"Мост-банк" - это уполномоченный банк московского правительства, проводящий операции по счетам ФХУ мэрии, Департамента финансов Правительства Москвы, Центрального административного округа, ГУВД, ГАИ, Управления зарубежных связей и др. ("НЕГ", 20.07.94). Что стоит для Лужкова чуть попридержать средства на счетах банка, чтобы обеспечить свои закулисные дела "накрученными" процентами? Так, осенью 1993 г. почти открыто в этот банк были положены 11,8 млрд. рублей средств, полученных от продажи гуманитарной помощи ("Кто есть кто?", № 3, 1994).

Переплетение интересов власти и коммерческих структур вылилось в регистрацию акционерного общества "Московская палата недвижимости", в которое вошли помимо группы "Мост" ресинские строительные монстры, а также Москомимущество и Фонд имущества Москвы. Симбиоз номенклатуры и нечистоплотного предпринимательства состоялся. Скорее всего, благодаря этому симбиозу группа "Мост" получила целый ряд жилых и нежилых зданий под достройку и реконструкцию, а потом практически за бесценок с нарушением закона (без организации аукциона) СП "Мост" выкупило здания по остаточной балансовой стоимости ("АиФ", № 30, 1993).

А вот другая история. 10 июля 1991 г. председатель Моссовета Н. Н. Гончар и руководители правоохранительных органов попросили мэра отдать недостроенное здание на Крестьянской заставе для размещения Управления юстиции, Государственной налоговой инспекции по Москве и других правоохранительных служб. Два месяца дело тормозило Москомимущество, ссылаясь на протокол, подписанный экономическим департаментом Правительства Москвы с липовым концерном. Но стоило появиться документам, доказывающим несостоятельность концерна, как Лужков (вопреки российскому закону "О приватизации государственных и муниципальных предприятий") принимает решение (30.09.91) об оформлении сделки купли-продажи здания в собственность СП "Мост" ("ЛГ", 10.07.92). Огромное здание (25 тыс. кв. м) досталось СП всего за 60 млн. рублей.

Подкрепляясь административной мощью лужковского клана, "Мост" получил возможность строить в престижном районе Подмосковья под Звенигородом целый поселок коттеджей. Как объявил "Мост", минимальный размер "домика" будет 280-500 кв. м., а стоимость одного кв. м. - 18-25 тыс. рублей (на август 1992 г.). Первые 50 коттеджей должны были быть возведены уже к середине 1993 г., а еще через год 20-30 тыс. кв. м. должны были вырасти в районе Рублевского шоссе ("Куранты", 05.08.92). В общем, придется нищим потесниться. И нечего считать деньги в карманах хозяев СП "Мост", ворочающих неизвестно где взятыми миллиардами!

К концу 1992 г. "Мост" - это фирма с 5000 занятых и 80 млрд. рублей годового оборота. *"Долг властей предоставить такой фирме соответствующий ее масштабу объем работ"*, - считает Лужков ("Известия", 04.11.92). Ну а московское правительство служит группе "Мост", которая даже Лужкова пользует в конкурентной борьбе вплоть до роли улыбчивого манекена, демонстрирующего по телевидению пластиковую карточку своих протеже ("НГ", 14.10.93).

В августе 1994 г. мост к власти был построен. Об этом свидетельствует маленькая деталь - награждение главы группы "Мост" орденом "Дружбы народов" (вместе с группой электросварщиков). Если уж властям нужно лебезить перед гражданином Гусинским и играть в такие пустяки, то Лужкову осталось только выбрать момент, чтобы по возведенному мосту перебраться в Кремль. Специальный избирательный фонд легко можно было создать одной лишь операцией в октябре 1994 ("черный вторник" валютного рынка), когда Мост-банк одномоментно получил 14 миллионов долларов ("Коммерсантъ", № 42, 1994), а потом закамуфлировать прибыль отработанными теневыми комбинациями.

УДАР В ЦЕНТР

Большие деньги на реставрации центра Москвы номенклатура стала делать с 1992 г. АО "Большая Ордынка" в это время монополизирует при помощи Лужкова (и без всяких конкурсов!) реконструкцию ветхих зданий по одноименной улице. Причем, с правом их выкупа. В тот же день Лужков подписывает распоряжение о передаче прав заказчика и подрядчика на реконструкцию четырех жилых кварталов в центре Москвы ассоциации "Комплекс". Далее золотое дно московского центра разрабатывалось в самом усиленном порядке. Но пользы для города заметно не было. Центр на отдельных участках действительно приводился в порядок, но это уже был не "город для горожан". Это уже были островки номенклатурной собственности, сначала образовавшие архипелаг, а потом спекшиеся в материк. Для рядовых москвичей жизнь на этом материке невозможна.

Раньше клятвы давали партии и правительству. В этот период клятвы давали Ельцину. Лужков дал клятву, что за 1993-1994 гг. полностью реконструирует центр города. Уже через полгода стало ясно, что это не более, чем рекламно-пропагандистский трюк, о котором постараются быстренько забыть. Клятвой Лужков выбил себе право распродавать и раздаривать центр столицы, а потом о ней не вспоминал, как не вспоминал его патрон о своих обещаниях.

АО "Москапстрой" к тому моменту смогло начать производство

работ только на четвертой части площадок, отведенных под новое жилищное строительство, только половину зданий, запланированных к реконструкции, удалось освободить от жильцов. Так и остался памятником бесхозяйственности сгоревший несколько лет назад громадный дом на Тверской, в котором размещалась редакция популярной газеты "Московские новости". Не сбылись планы реконструкции и расширения гостиницы "Центральная", а Столешников переулок сохранил вид декораций разбомбленного города... Оставалось только закрашивать безобразно запущенные фасады. Этой работы хватало. На 1993 г. планировали выкрасить в центре 750 тыс. квадратных метров стен.

В Центральной префектуре тем временем отрабатывались "рыночные" эксперименты. Зампрефекта Центрального административного округа И. Глинка возглавил инициативу продажи лицензий на прописку. Хочешь прописать в Москве лимитчика - плати! Продолжая работать на этом поприще, Глинка все время думал, что бы еще продать. И придумал - право на заселение квартир. Если раньше разные начальники выбивали у городских властей муниципальное жилье для очередников предприятий, то теперь они должны были выбивать деньги из своих потребителей, а на эти деньги получать "свидетельство на право заселения". Если раньше как-то можно было говорить о реальных нуждах людей, то теперь все гуманные доводы были сведены к денежному выражению - плати! Большие барыши обещала принести организаторам третья схема, которая состояла вот в чем: фирма-инвестор отселяет жильцов из ветхого дома в центре города, сносит его, строит многоэтажку и переселяет сюда весь квартал, а территорию квартала использует для собственного строительства ("Мегаполис-континент", № 24-25, 1993).

И. ГЛИНКА

Незаметный инженер-геолог стал депутатом Моссовета благодаря абсурдному обещанию закрыть Курчатовский институт атомной энергии. Геолог обещал улучшить экологическую ситуацию в районе, остановив ядерные реакторы, о предназначении и конструкции которых не имел никакого представления. Реакторы работают до сих пор, а И. Глинка стал замом префекта Центрального округа. Занимался "изобретениями" в жилищной сфере. В 1991 г. был замечен при захвате Октябрьского райсовета, во время которого были изъяты из архива документы известной криминальной организации - УКОСО (см. главу "Октябрьская районная революция").

* * *

1994 г. центр Москвы встретил большой помойкой. Ничего не изменилось. К смотрящему пустыми глазницами многие годы Пашкову дому прибавились развороченные газоны в Александровском саду, перекопанная Манежная площадь (дабы массовые демонстрации увести на окраины города и закопать торговцев на 40 метров - никакой бомбой не проймешь), захламленные территории у Исторического музея и музея Ленина (снявшего экспозицию по велению властей) и обглоданный ремонтниками Манеж (стоимость реконструкции - 45 млн. долларов)... Только для помпезной

показухи в День города (сентябрь 1994 г.) оказалось возможным в считанные дни побелить Пашков дом и подготовить к открытию Третьяковскую галерею.

РАЛЛИ НА КВАДРАТНЫХ МЕТРАХ

Извлекать средства из городского бюджета проще всего, если имеется в виду их использование под социальные нужды. Кто де будет возражать против увеличения строительства жилья? И номенклатура вовсю пользовалась средствами на решение социальных проблем для решения своих собственных задач.

Г. С. Иванцов (из выступления на пресс-конференции в декабре 1992 г):

Приписки, которые позволили городской администрации скрыть неэффективность и порочность сохраняемой ими административной коррумпированной системы, внеконкурсного и тайного даже для Моссовета распределения многомиллиардных средств, городских земель, недвижимости. Объявление московским правительством о строительстве в 1991 г. 3 млн. кв. м. не было выполнено. Они были построены уже в 1992 г. году, за счет ресурсов этого года. Лужков на мою статью в "Московских новостях" прислал опровержение, выдумав жилплощадь "второй свежести", за которую можно отчитаться, а потом построить. Но ресурсы-то перемалываются уже за этот год!

Официальные данные по вводу жилья в Москве таковы ("Reality Review", март 1994):

	Введено жилой площади, тыс. кв. м			
	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.
Всего	2150	2681	2513	2560
Муниципальный жилфонд	910	1094	1000	1000
Продано на аукционах жилья	87	290	356	333

Посмотрев на таблицу, стоит задать себе вопрос: где же половина построенного жилья, которая не попала ни на аукционы, ни в разряд муниципального жилья? В прессе ("АиФ", № 34, 1993) приводятся такие данные за 1992 г.: помимо 1 млн. кв. м. муниципального и 350 тыс. коммерческого жилья построено 590 тыс. кв. м в домах ЖСК, 150 тыс. -на средства предприятий, 400 тыс. - по заказам предприятий и организаций. Эта раскладка как-то все время скрывалась властями. Может быть для того, чтобы за громадьем цифр упрятать реальное положение дел?

Из досье депутата Моссовета Г. С. Иванцова:

"При рассмотрении официальных данных следует пользоваться принципом: не верь глазам своим. По данным Департамента муниципального жилья и информации, собранной общественным объединением очередников на получение жилья ("Дума", № 14, 1993), реально поступило жителям города около 233 тыс. кв. м., т. е. не более 20%

от официальных данных. Квадратные метры будто возникают из воздуха по мере продвижения информации от низшего управленческого звена к верхнему. Так, официальная справка Департамента муниципального жилья от 01.12.92 дает цифру 575 тыс. кв. м., а информация по префектурам Москвы дает на тот же момент цифру в 89 тыс. кв. м. По официальной же справке из Южной префектуры, где очередников на жилье было 120 тыс. человек, в первом полугодии 1992 г. поступило для распределения 500 кв. м жилой площади, т. е. всего несколько квартир, хотя должно было поступить 80 тыс. кв. м - в 160 раз больше."

Уточненные данные Департамента муниципального жилья ("ЭиЖ", август 1993 г.) дают следующие официальные цифры. На конкурсы и аукционы было отправлено 358 тыс. кв. м жилья, очередникам поступило 288 тыс. плюс 90 тыс. отдано под переселение граждан из занимаемых ими помещений. Остальные две трети жилья ушли предприятиям и службам городского хозяйства.

В пассиве лужковской администрации и капремонт жилых зданий, который в 1992 г. был выполнен лишь на 15 %, а общий объем пустующего без ремонта жилья составил 600 тыс. кв. м включая 11 тыс. кв. м в центре города.

Московская номенклатура, чувствуя полную поддержку "сверху", проигнорировала и скрыла от москвичей следующий факт. Беспокойные депутаты Моссовета буквально за руку поймали Департамент муниципального жилья на жульничестве. Оказалось, что вместо запланированных 575 тыс. кв. м префектурам для распределения между очередниками выделили лишь 233 тыс., зато управлениям и службам города вместо 175 тыс. - 331 тыс. кв. м (чуть позднее эта цифра в официальных документах сократилась до 247 тыс.). Чиновная рать за счет старожилов Москвы таким образом решала свою жилищную проблему и прочно привязывала к себе обласканных подчиненных. 291 тыс. кв. м московское правительство безвозмездно передало на нужды предприятий и организаций республиканского подчинения. Долю министерств и президентской администрации при этом столь тщательно скрывали, что сомнения в ее весомости полностью испарились. За счет бюджета Москвы удалось поживиться, например, ЗИЛу, который половину из выделенных ему Лужковым 65 тыс. кв. м продал на сторону.

Для того, чтобы смелее черпать средства из городского бюджета и, ломая структуру расходов, заметать следы своих "деловых" проектов, лужковской администрации приходилось всюду жаловаться на недостаток средств. Но тогда для чего разворачивать строительство элитных коттеджей, которые по проекту бюджета, представленному Моссовету Правительством Москвы, требовали затрат впятеро больше, чем строительство всего муниципального жилья? Зачем при дефиците средств прямо посреди Москвы в 1993-1994 гг. строить особняки с саунами, бассейнами, гаражами на две машины - целый поселок ("ЭиЖ", № 9, 1994)? А как прикажите понимать официальные данные Департамента, полученные депутатами полгода спустя, которые показывали, что уже к 7 декабря 1992 г. Правительство Москвы выручило от продажи жилья на аукционах сумму, перекрывающую все расходы по строительству 2,5 млн. кв. м жилья в Москве (24 млрд. руб.)? И примерно такую же сумму получило Правительство Москвы от продаж в январе 1993 г.

След этих денег простыл, а после переворота в октябре 1993 г. о

них некому было вспоминать.

* * *

Для того, чтобы дутые цифры, которыми Лужков оперировал в своей пропагандистской кампании, не стали предметом дотошного разбирательства заинтересованных лиц, мэр московский запретил выдавать кому бы то ни было информацию об итогах распределения жилья. Следовательно, ни одному слову о якобы передовых темпах строительства верить нельзя. Если в 1992 г. еще как-то можно было понять ситуацию, то в 1993 г. номенклатура полностью засекретила свою строительную деятельность, насытив потоки информации густой рекламной мутью.

Пропагандистская кампания по поводу жилья чаще всего ограничивалась описаниями яркого частного успеха. То префект, то какой-нибудь чиновник правительства расписывают: мы тут новый домик построили и ни копейки на него из бюджета не потратили, а заселенные местные жители ужасно довольны. Так и во всем - говорить не о ситуации, а концентрировать внимание на частностях, на примерах узкого и, в общем-то, мелкого успеха. При этом всегда умалчивается о том, как этот успех был обеспечен и можно ли его тиражировать.

Но все-таки кое-что в этой мутной среде высмотреть можно. В 1993 г. за пять месяцев было построено лишь 254,3 тыс. кв. м. жилой площади, что было чуть ли не вдвое меньше, чем в соответствующий период 1992 г. ("Известия", 09.07.93). Но через две недели Лужков объявил, что обещанные москвичам 1 млн. квадратных метров бесплатного муниципального жилья будут отданы для распределение до конца третьего квартала ("Тверская-13", 22.07.93). Налицо двойная бухгалтерия. Остается еще вспомнить, что для очередников в 1993 г. планировалось выделить лишь 175 тыс. кв. м, остальное же направлялось под чисто административное распределение, проводимое, как всегда, без всяких норм, очередности и контроля ("ЭиЖ", август 1993).

С продажей жилья дело было обставлено в Москве тоже непросто. Разрастание аукционной торговли способствовало резкому удорожанию стоимости жилья. По этому показателю чиновники быстро довели цены до уровня мировых и выше. С 1 апреля 1993 г. по 1 апреля 1994 г. стоимость квадратного метра продаваемой московским правительством недвижимости составляла 45,5 тыс. рублей. К концу этого срока квадратный метр городской собственности можно было приобрести по цене в десятеро ниже, чем ее себестоимость. Разумеется, такие продажи существовали только для избранных. Ну а повышение расценок с 1 апреля 1994 г. сразу в 14 раз просто означало, что наиболее лакомые кусочки жилищного пирога уже проданы. Прозвучавшие при этом слова о "разбазаривании городской собственности" в устах мэра Лужкова - обычная показная гневливость. Ведь гнев направляется на созданные волей самого Лужкова аппаратные структуры и на те правила, которые Лужков устанавливал самолично ("НГ", март 1994 г.).

При условии, что очередников в Москве к 1994 г. по прежнему было много - более 700 тыс., жилищная проблема столицы стараниями номенклатуры становится вечной.

* * *

Хозяин Москвы Ю. Лужков страстно и последовательно продолжал дело своих предшественников, превращавших Москву в лабиринт крупнопанельных домов. Срок их службы - 40-50 лет. Для кого же строили? Явно не для своих детей. Скорее - для решения текущих жилищных проблем, которые от этого становились хроническими, а затем вечными. Покуда жилье будет столь убого внешне и столь недолговечно, как сейчас, "отцы города" будут демонстрировать рвение в обеспечении москвичей квартирами, а москвичи будут вечно маяться в очереди за ними.

Лужков сам рассказывал, что однажды телевизионщики проникли на его дачу и обратились к рабочему, строящему эту дачу, с просьбой оценить ее качество. Рабочий ответил одним словом : "дерьмо" ("МП", 21.07.93). То же самое можно сказать о московском номенклатурном градостроительстве.

ВТОРАЯ ЧЕЛЮСТЬ

Проект делового центра "Сити" готов был осчастливить Москву с 1972 года. Автором проекта был тот же архитектор, который вставил Москве челюсть в виде Калининского проспекта ("РГ", 31.07.93). Кто-то из номенклатурных деятелей решил, что Москва страдает от того, что не имеет второй челюсти. И проект ожил вместе с восшествием Лужкова на мэрский престол.

Гарантии на словах давало московское правительство. Зампремьера Москвы по строительству говорил, что всей семьей вложил свои ваучеры в "Сити" и призвал москвичей сделать то же самое. Началась продажа 1000-рублевых акций: 7 тыс физических и юридических лиц уже вложили свои деньги. Опять же на словах акционерам объяснялось, что акции гарантированы предоставленной московским правительством землей. Но земля оставалась в собственности государства, а оно, как известно, не отвечает по обязательствам частных кампаний, к которым относится АО "Сити".

В рекламных целях организаторы "Сити" объявили о том, что подписка на акции уже наполовину удалась (т. е. распространено около 750000 акций). Впоследствии эта информация была признана ложной и необходимой лишь для оживления интереса к проекту. Реально было распродано не более 22000 акций. Вырученные деньги (точнее, те средства, которые акционерами были доверены организаторам АО "Сити") все больше расходовались на конторские и представительские нужды. Небольшой скандальчик по этому поводу рассеял радужные настроения учредителей. Из их числа вышел Элбим-банк, усомнившийся в добропорядочности своих партнеров.

На авантюризм проекта указывал тот факт, что на момент регистрации проекта эмиссии акций АО "Сити" не имело прибыли, а весь уставной капитал составлял лишь 48 млн. рублей - гроши. Под устные заверения этой липовой компании планировалось снести 32 объекта, которые имели и прибыли, и весьма существенные основные фонды. Кроме того, при потребности города в 150 тыс. кв. м. офисных помещений, АО "Сити" планировало ввести 3,5 млн. офисных площадей - явный избыток ("РГ",

20.03.93). Ну чем не Нью-Васюки прямо в центре столицы!

Несмотря на широкую рекламу проекта, деньги на счет АО "Сити" от граждан все никак не поступали. Так бы эта авантюра и угасла, но тут снова подключилось Правительство Москвы. 26 июня 1993 г. им было решено обеспечить бесперебойное финансирование проекта через Департамент финансов. Опять зачерпнули из общественных средств. Активным лоббистом выступил бывший комсомольский активист, бывший член ЦК ВЛКСМ, крестный отец увядших МЖК и комсомольской видео-порнухи И. Орджоникидзе. Теперь он выступил в роли вице-премьера лужковского правительства ("РГ", 31.07.93). Раструбил о прелестях проекта и другой комсомолец - хозяин и редактор "Московского комсомольца". Он на все лады повторял, что городу "Сити" не будет стоить ни копейки. Хотя к этому моменту из московского бюджета уже был выделен миллиард рублей на расчистку территорий для делового центра ("РГ", 20.04.93).

На одном из совещаний в Моссовете, который тоже планировалось пристегнуть к рекламной кампании "Сити", сторонникам проекта из числа моссоветовских же лоббистов был задан простой вопрос: какие гарантии дает московское правительство тем, кто вложит свои деньги в "Сити"? Как оказалось, гарантий нет и не будет. "Это рынок, это риск", - сказали сторонники. "Рынок выгодный, но не обязательно для всех."

Проект "Сити" только для реализации своих коммуникаций (дороги, водоснабжение и пр.) требовал сумм, сравнимых с годовым бюджетом Москвы (8-10 млрд. долларов). Надежда, как обычно, возлагалась на иностранных инвесторов. Но появились первоначально только те, кто на этом деле решил сделать бешеные деньги. Те, кому дикий рынок в России был выгоден, сразу почуяли возможность большой наживы. Соглашение по "Сити" подписали акулы мирового капитала: "Браун энд рут", "Кензо таньге Ассошиэйшенз", "Венконсул С. А.", "Мэдитерраниэн Инжиниринг энд Трейдинг Компани" ("ВМ", 14.05.93). Интерес к проекту "Сити" проявил даже президент США ("ВК", 27.05.93). Но деньги вкладывать никто из них не поторопился. Ждали, пока московские администраторы всыплют в казну "Сити" значительные суммы из городского бюджета.

Лужков спешил разгрузить карманы московских налогоплательщиков, за счет которых предполагалось освободить указанные фирмы на период строительства (т. е. на срок более 10 лет) от местных налогов и от ограничений на вывоз капитала ("МК", 19.05.93). Это уже серьезно. Под развернутую рекламу с участием самого Лужкова можно было собрать в Москве большие деньги, а потом и не строить вовсе. Причин для задержки строительства можно было найти сколько угодно. А пока деньги "крутились" бы в других коммерческих проектах и приносили бы прибыль тем, кто соорудил схему изъятия денег у граждан, клюнувших на рекламу "Сити". Например, в ближайшие годы при всех выжатых из России льготах планировалось использовать выделенные под проект территории для строительства элитного жилья ("МК", 19.05.93), которое по самым скромным прикидкам могло дать зарубежным "акулам" прибыль до 100 % годовых в валюте.

Шансы на то, что придуманный способ "отъема денег" сработает, пытался повысить вице-премьер России В. Шумейко, подключившийся в рекламный процесс и пообещавший публике надавить на Ельцина, который тоже подкрепил бы "Сити" своим указом, определив там еще и всероссийские

льготы.

Борьба за "Сити" силами московских администраторов дошла до того, что в апреле 1993 г. они попытались сорвать опрос жителей Краснопресненского района, которым предлагалось определить, стоит ли делать землеотвод под бизнес-центр или под жилье. Лужков приказал изъять бюллетени опроса, затеянного райсоветом, и только нерешительность чиновников позволила 58 % жителей района все-таки принять участие в опросе. 74 % из них сказали "да" проекту строительства муниципального жилья. Из 52 участков для голосования лишь на 5 удалось сорвать опрос полностью и еще на 11 - частично ("РГ", 07.05.93).

В конце концов проект "Сити" заметно "похудел". Было решено строить его частями на вдвое меньшей площади. От суперпроекта остался 4-звездочный отель и небольшой торговый центр. Но Правительство Москвы продолжало черпать средства налогоплательщиков для процветания частной компании. Выделили 35 млрд. рублей на расчистку территории, а в 1994 году Правительство Москвы запланировало выделить еще 340 млрд. рублей ("ЭиЖ", № 9, 1994).

Этот канал криминальных финансовых операций, по всей видимости, будет перекрыт только тогда, когда поток средств, наполняющих прибылью счета частных кампаний окончательно иссякнет.

"ПЕРЕСТРОЙКА" ВЕРХОМ НА МОСКВЕ

В 1988 г. при активном участии чиновников московского строительного комплекса было создано СП "Перестройка", официальной задачей которого было привлечение валюты на нужды строительного комплекса Москвы. Президент СП А. Строев, совмещавший эту должность с постом начальника строительного главка, открыл еще одно ноу-хау по выкачиванию средств из городского бюджета. В мае 1990 г. он заключил с швейцарской фирмой договор, по которому швейцарцы получали в долгосрочную аренду государственное здание, оплату же в размере 6 млн. долларов за шесть лет вперед они должны были перечислить на счет одной кипрской компании. Подобные операции, скорее всего, стали основой личного благополучия "предприимчивого чиновника", несколько лет превозносимого западными СМИ как пример российской предприимчивости. В апреле 1990 г. А. Строев за 330 тыс. долларов купил в США земельный участок с домом (об этом стало известно много позднее).

В 1991 г. вместе с преобразованием "Мосинжстроя" в ассоциацию из 22 трестов, он вошел в состав учредителей СП с долей 40%. Председатель ассоциации А. Строев совместил этот пост с постом президента СП. Это позволило А. Строеву свободно переводить построенные и реконструированные "Мосинжстроем" здания на баланс СП. Плата иностранных арендаторов за эти здания оседала на счетах СП за рубежом. Учредителям СП морочили голову зарубежными поездками и обещаниями. "Мосинжстрой" работал на СП по пониженным расценкам и терпеливо ждал погашения задолженности СП. Общий ущерб бюджету и московскому строительству от деятельности СП насчитывает сотни миллионов долларов ("ЛГ", 05.05.93).

Заключительным аккордом истории с СП "Перестройка" был побег

А. Строева из страны.

* * *

Из досье депутата Моссовета Г. С. Иванцова:

"28 февраля 1992 г. гендиректор главка С. Свирский приказал организовать подкомиссию по приватизации "Мосинжстроя", в которую ввел своего начальника отдела Б. Бергарта. В результате создана ассоциация с уставным капиталом в 100 тыс. рублей, а 22 треста получили по 1 % в уставном фонде (и такую же долю в будущей прибыли). Остальные 78 % приходятся на долю двух компаний: "Стройгаранта" во главе со С. Свирским и "Ремпульса" под президентством Б. Бергарта. Примечательно, что устав ассоциации, зарегистрированный в Московской регистрационной палате, датирован 1991 годом.

При этом заявки на приватизацию от трудовых коллективов отдельных строительных предприятий игнорировались, поскольку отраслевая комиссия по приватизации возглавлялась заместителем начальника всех московских строителей В. Ресина."

Г. С. Иванцов (из выступления на пресс-конференции в декабре 1992 г):

"Отказавшись от разработанной полтора года назад системы перехода стройкомплекса на рыночные отношения и проигнорировав решение Моссовета о децентрализации финансирования жилищного строительства, создании ипотечных систем его кредитования, введение конкурсной системы распределения городского заказа (весна 1992 г.), администрация Москвы в лице Лужкова и Ресина сохранила прежнюю нерыночную систему крайне неэффективного сверхцентрализованного управления собственностью и финансами города.

Даже не имея фактов личного участия Лужкова в распределении прибыли от многих скандальных решений московской администрации по муниципальной собственности, можно с уверенностью утверждать, что именно благодаря личным усилиям Лужкова и Ресина в Москве создана сверхкоррумпированная по своей природе антирыночная кланово-корпоративная система тайного перераспределения финансовых и материальных ресурсов города, прежде всего многомиллионных заказов в строительстве. <...>

Указом Президента РФ "О дополнительных полномочиях главы администрации Москвы" нарушен хрупкий баланс равновесия властей в столице, что было использовано Лужковым для создания коррумпированной по своей природе номенклатурной системы распределения городской собственности под прикрытием рыночных и демократических лозунгов. Выход из создавшейся ситуации - выборы главы городской администрации, потому что прокуратура отвечает нам отписками, ссылаясь на Указы Ельцина, а попытка через Контрольное управление под руководством Ю. Болдырева провести проверку закончилась неудачей. Меня все-таки пригласили в Управление Болдырева. Чиновники, показав на мою пачку с документами криминального характера, сказали, что предварительная проверка все подтвердила, но сделать они ничего не могут. Уже установленные нарушения закона проверять дальше невозможно, поскольку по телефонограмме Лужкова прекратили выдачу им документов, и очевидно, без Ельцина это не могло произойти. Я им сказал, что если Ельцин так дальше будет продолжать, то плохо кончит. В связи с систематическим нарушением закона может возникнуть социальный взрыв и этим воспользуются реакционные силы."

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЖУЛЬЯ

Разнообразные СП стали одним из главных механизмов растаскивания собственности города. Все это подавалось, как создание условий для инвестиций в российскую экономику. Но иностранные "инвесторы" всегда оказывались тесно связанными с российскими криминальными кругами и номенклатурой. Стратегических планов по поддержке российского предпринимательства у Запада никогда не было. Была лишь демонстрация лояльности к внешним формам демократии, а по сути дела - покрывательство повального грабежа, организованного связанной с Западом частью коммунистической номенклатуры.

Справка:

В 1992 г. Конгресс США одобрил предоставление странам СНГ помощи, размером в 3 млрд. долларов. Из них выделены лишь 284 млн. или 9 % (141 млн. - России). Странами "семерки" в апреле 1993 г. был сформирован пакет содействия российским реформам в размере 43,4 млрд. долларов. Но октябрьские события и декабрьские выборы практически полностью заморозили предоставление этой помощи ("Коммерсантъ-Дейли", 31.03.94). Следует отметить, что под обеспечение зарубежных кредитов из страны был практически полностью вывезен весь золотой запас (см., например, "Интервью" № 4, апрель 1994).

В 1992-1993 гг. объем незаконной утечки капитала из России составлял по крайней мере 1 млрд. долларов в месяц. Легальный вывоз капитала тоже имел впечатляющие объемы. В 1993 г., согласно выданным лицензиям, из России вывезено 70 млрд. долларов ("НЕГ", 28.07.94).

С иностранцами, интернационалистами и "гражданами мира" российской номенклатуре работать любо-дорого. В 1992 г. московская городская администрация вложила в различные СП 330 млн. рублей, 30 млн. долларов, 220 тыс. кв. м помещений и 6 земельных участков. При этом вложенные средства не только не приносили прибыли в городскую казну, но еще и требовали затрат в виде сокращения налоговой базы за счет предоставляемых льгот. Из сотни зарегистрированных СП платили налоги в 1992 г. лишь 30% ("Коммерсантъ-Дейли", 25.08.93).

Правительство Москвы активно использовало возможности решения своих (в основном своих, т. е. своими же руками созданных для города!) проблем через иностранные кредиты. В частности, за 37 млн. долларов была заложена находящаяся в ремонте гостиница "Националь", являющаяся национальным достоянием. Был взят (без указания источника) кредит в 250 млн. немецких марок для строительной техники, комплектующей малые бригады по ремонту дорог. Их должно было быть по числу 1500. Но с дорогами никакого сдвига не произошло, а возвращение кредита по всей видимости будет возложено на тех, кто придет на место команды Лужкова ("Ступени", 22.05.93). Кстати, "летучих" ремонтных бригад к лету 1993 г. было сформировано всего лишь 400, а план по ремонту магистралей выполнен лишь на 27% ("Куранты", 02.06.93). Проверка работы объединения "Мосдор", проведенная Минфином РФ, показала, что норматив на содержание собственных структур объединение за 1992 г. завысило на 100 млн. рублей. В качестве текущих премий руководящий аппарат объединения незаконно получил по 21 окладу. Кроме того, были установлены факты продажи автомашин и уборочной техники коммерческим структурам и частным лицам по заниженной стоимости ("МК", 23.06.93). Шумихи по этому поводу никто поднимать не стал. Генерального директора тихо уволили, и администрация снова сомкнула свои ряды.

Выгодно, очень выгодно номенклатуре работать с иностранными предпринимателями и иностранными кредитами.

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ВОЙНА И "МИР"

1989 год. Дирекция кинотеатров Свердловского района Москвы вместе с "Совэкспортфильмом" решила совместно с СП "Мосимедиа" учредить новое предприятие и внести в качестве своего пая кинотеатр "Мир" - один из крупнейших в столице. Право его эксплуатации оценили в смехотворную сумму - 2 тысячи рублей. "Совэкспортфильм" тоже "крупно" раскошелился - внес свой вклад в уставной фонд в сумме 2800 руб. 5 сентября 1992 года, когда деньги подешевели в несколько сот раз. Вложение средств оказалось чрезвычайно выгодным делом. В последующем СП стало удобным прибежищем для киночиновников, лишившихся прежних доходных мест.

С введением в действие Закона "О предприятиях и предпринимательской деятельности" вице-мэр Москвы Лужков распорядился ликвидировать районные дирекции кинотеатров, а самим кинотеатрам предоставить статус муниципальных предприятий. Позднее он резко изменил свое отношение к кинотеатру "Мир". А пока соответствующие законодательству права получил и трудовой коллектив "Мира". Естественно, что сразу возникло предложение к СП "Мосимедиа" о пересмотре ранее подписанных соглашений. Директора кинотеатра, опирающегося на поддержку трудового коллектива, по инициативе французов долго "полоскали" в прессе, но соглашение, соответствующее законодательству все-таки было подписано.

Подписав документы о новых отношениях с трудовым коллективом, чиновники и прихватизаторы навалились на все закулисные рычаги. В дело отвоевания кинотеатра был включен даже посол Франции в Москве. Потоком пошли пресс-конференции разочарованных российской законностью руководителей СП. Надеялись, что "Мир" без зарубежной подпитки пойдет по миру. Но надежды оказались напрасными. Кинотеатру помогло сотрудничество с ТОО "Автолайн", рекламирующей в фойе кинотеатра автомобильную технику.

СП попыталось "наехать" на "Мир" с другой стороны. Свой вклад в ремонт кинотеатра СП оценило в 2,5 млн. франков (не считая рублей) и потребовало возмещения убытков. Причем, как выяснилось между делом, ремонт делало СП "Паримедиа", учрежденное тем же "Совэкспортфильмом" и французскими компаниями "ЮЖС" и "Интерагра". Последняя получила свою известность как "крыша" для перекачивания "золота КПСС" для нужд компартии Франции. Это, по всей видимости, была традиционная схема - чиновники за счет государства выступают соучредителями нескольких фирм, сами же заказывают им работу, сами оценивают ее.

Сделав вид, что испугался требований нахальных предпринимателей, Лужков 22 сентября 1992 г. своим постановлением передал право управления кинотеатром "Мир" СП "Мосимедиа" и ликвидировал муниципальное предприятие "Мир". Главный юрисконсульт госправового управления Правительства Москвы обосновал это распоряжение тем, что Правительство имеет право распоряжаться

имущество кинотеатра, как собственник ("Коммерсантъ-дейли", 23.10.92). Благожелательность к французам была продемонстрирована необычайно щедро, но законы тогда еще кое-как соблюдались, и столичный арбитраж признал решение Лужкова незаконным.

КОМУ ДАТЬ ПРИКУРИТЬ

В декабре 1990 г. в Москве создается СП "Лигетт-Дукат". Учредителем выступает московская табачная фабрика "Дукат", которая за 30 % участия в СП пожертвовала всем своим имуществом, и американская компания "Лигетт Групп Инк." (70 % участия), обещавшая вложить в реконструкцию фабрики полмиллиарда долларов.

При подписании договора возникает три любопытных момента. Относительно известная американская табачная фирма "Лигетт Групп" неожиданно подменяется безвестной "Брук Оверсис", являющейся дочерней фирмой "Брук Групп". Договор подписан, но лишь через 18 дней Лужковым подписывается решение Мосгорисполкома о создании СП. Получилось, что служащий фабрики (директор) решил вопрос за представителя собственника - за исполком Моссовета. Этим директор фабрики не ограничился. Он взял на себя обязательство обеспечить закупку государственными органами СССР табачной продукции своего партнера по СП в объеме 4 млрд. сигарет в год, да еще в течение 5 лет после завершения строительства фабрики - по 12 млрд. в год у самого СП (разумеется, не за рубли) . Так директор брался конкурировать с ресурсами собственного государства и продукцией своего компаньона. Для того же, чтобы решать за государственные органы сколько и каких сигарет покупать, директор должен был найти интерес к своему проекту где-то на самом верху административной пирамиды. На сессии Моссовета такой интерес отыскали - он демонстрировался рекомендательным письмом первого зампреда Совмина СССР Воронина от 11 октября 1990 г. двум другим министрам и Лужкову (тогда Мосагрором) о рассмотрении предложений компании "Лигетт Групп".

Весной 1991 г. выяснилось, что "Брук Оверсис" не только не торопилась вкладывать миллионы долларов в российский табак, но и свою часть уставного фонда внести позабыла. Кроме того, она планировала вместо нового оборудования закупить технологические линии, уже бывшие в эксплуатации.

Сомнения в порядочности американских партнеров на время развеяло московское правительство, передав землю в центре города, занимаемую фабрикой "Дукат", на 49 лет близнецу учредителя СП - фирме "Брук Мил" (также дочерняя фирма холдинга "Брук Групп"). Близнец близнеца не обидел и, пользуясь контролем над СП, передал ему необходимые здания. Здесь должен был появиться в скором будущем бизнес-центр ("КП", 09.01.93).

Отступление:

Осенью 1990 г. в Москве разразился неожиданный для всех табачный кризис, который отчасти и был причиной поиска иностранного партнера, способного расширить табачное производство в Москве. Г. Попов с Ю. Лужковым тогда приняли "гениальное" решение: отечественные сигареты выдавать по талонам, а импортные продавать по "коммерческим" ценам (в то время это означало административное превышение госрасценок). Дополнительно вырученные на горе курильщиков деньги

должны были поступить в "Фонд социальной защиты". По приблизительным подсчетам при этом "потерялись" около 100 млн. рублей. Недостача была покрыта неразберихой: никто не знал до конца, чего, сколько и почем продали чиновники курильщикам ("Срочно в номер", № 5, 1992).

К делу "Лигетт-Дукат" подключаются высшие должностные лица. Премьер Гайдар письмом от 18 сентября 1992 г. просит у министра США содействия в получении кредита в 100 млн. долларов под этот проект. Из Америки тоже идет письмо, а представитель фирмы "Виктория Энтерпрайсис Инк." советует вице-премьеру В. Шумейко, как лучше обставить свои просьбы о предоставлении кредита. Любопытная деталь состоит в том, что "Виктория", собирающаяся погреть руки на этом кредите, имеет офис в Вашингтоне под одной крышей с "Конфедерацией ассоциаций российских предпринимателей", создателем и руководителем которой является тот же В. Шумейко. К тому же в этой фирме работает зять господина вице-премьера ("КП", 23.07.93 "РГ", 29.07.93).

На упомянутом письме Шумейко делает пометку для своего помощника: *"Пр. подготовить новый вариант письма на 50 млн. долларов (по согласованию с Лужковым Ю. М.)".*

В. ШУМЕЙКО

Окончил политехнический институт в Краснодаре. Прошел путь от старшего инженера (1973 г.) до генерального директора объединения "Краснодарский завод электроизмерительных приборов" (1990 г.). Кандидат технических наук. Член КПСС с 1967 по август 1991 г. В 1990 г. был избран депутатом РСФСР и в облсовет. Был членом фракции "Коммунисты России", а потом одновременно состоял во фракциях "Радикальные демократы" (гайдаровцы) и "Промышленный союз" (оппозиция). Заместитель председателя ВС РФ, доверенное лицо Ельцина на выборах первого Президента России. Принимал участие в создании "Гражданского союза".

Летом 1992 г. Шумейко стал первым заместителем председателя Правительства России. В 1993 г. в условиях обострившегося политического противостояния достоянием гласности стали факты причастности В. Шумейко к фактам коррупции в правительственных кругах ("чемоданы Руцкого"). В связи с этим Ельцин отстранил его от высокой должности до выяснения подробностей. Но после октябрьского путча 1993 г. Шумейко получает все свои полномочия без каких-либо неудобств для себя, да еще пользуется в период избирательной кампании всеми прелестями должности министра печати и информации. После выборов 12 декабря 1993 г. Шумейко становится депутатом Федерального Собрания и председателем Совета Федерации. В 1994 г. он объявил себя приверженцем монархических взглядов и выступил с инициативой продления полномочий избранных органов сверх установленного ельцинской Конституцией сроков.

После решения сессии Моссовета, требующего от прокуратуры и служб безопасности провести необходимые разбирательства и отменить незаконные операции с собственностью и землей города, связанные с фабрикой "Дукат", проходит полгода. В июне 1993 г. управление МБ по Москве и Московской области докладывает по этому вопросу Моссовету о работе... прокуратуры. По существу дела информации нет, соответствующих мероприятий - тоже. Зато руководитель Управления поповский выдвиженец

Е. Савостьянов получает генеральские погоны. Из грязи в князи даром не сажают. Круг замкнулся.

В начале августа 1993 г. конфликт отчасти разрешился следующим образом. Вместо СП "Лигетт-Дукат" будет создано АОЗТ с тем же названием и теми же долями у акционеров. Вместо получения фабрики в собственность, АОЗТ получает его в аренду на 25 лет. У коллектива фабрики восстанавливалось право приватизации предприятия с последующим выкупом. Купили коллектив "Дуката" тем, что 30% прибылей будет идти акционерам, а не трудовому коллективу, который может менять свой состав хоть ежедневно ("Куранты", 03.08.93).

В данном случае произвол (высшая номенклатура + Лужков) и закон (трудовой коллектив + Моссовет) сыграли партию вничью.

МИЛОСТИ ПРОСИМ

Схема захвата собственности номенклатурой отрабатывалась прежде всего на той ее части, эксплуатация которой сулила наибольший доход. В 1990 году московское объединение гостиниц и две иностранные фирмы создали СП "Мосвен", проигнорировав права трудового коллектива гостиницы "Центральная", которому места в СП не нашлось. Вероятно, именно широкие связи СП с корпусом московских чиновников позволили затормозить реализацию заявки трудового коллектива на приватизацию гостиницы, поданную в Москомимущество еще в декабре 1991 г. Весь 1992 г. чиновники предпринимали усилия, чтобы вытолкнуть трудовой коллектив на улицу, не дать ему работать ("ВМ", 16.10.92).

Место нужно было расчистить для новых хозяев. Широкомасштабным проектом привлечения западных специалистов по захвату сферы гостиничного обслуживания и туризма занималось в то время акционерное общество "Мосинтур". (Надо полагать, не забывая собственные интересы.) Причем, создание этого нового монополиста на развалинах союзного "Интуриста" чрезвычайно любопытно. В 1990 г. под руководством бывшего секретаря комсомольского ЦК и специалиста по комсомольскому бизнесу И. Н. Орджоникидзе, пригретого Поповым и Лужковым в своем исполкоме, была учреждена международная туристическая компания - МТК "Москва". Из средств городского бюджета сделали свои учредительные взносы в МТК Главмосархитектура, Мосстройкомитет, Главмосфинуправление, городское управление гостиниц, коммерческая служба Мосгорисполкома (была и такая!), Мосавтотранс. А далее идет чуть ли не библейская цепочка: МТК "Москва" рождает АО "Мосинтур", "Мосинтур" рождает компанию "Интурист-Холдинг", передавая ему одно из городских зданий, а "Интурист-Холдинг" пополняет казну "Мосинтура" суммой в 4 млн. рублей. Обмен кругленькими суммами проходит и с другими компаньонами (АО "Интурсервис", "Интуртранс", "Интурсистема"). Рука руку моет, а следы принадлежащих городу средств постепенно теряются.

И. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Начал трудовую деятельность на Тбилисском авиационном заводе, но быстро сменил ее на чисто комсомольскую деятельность. В 1975 г. он становится инструктором ЦК ВЛКСМ. В следующий год занимает главный комсомольский пост Грузии. Только в 1983 г. после долгой отсидки в Закавказье Орджоникидзе становится секретарем ЦК ВЛКСМ. В 1990 г. он меняет амплуа и становится председателем союза малых венчурных и инновационных фирм СССР. Найдя себя во внешнеэкономической деятельности Москвы и заняв подобающий пост министра в правительстве Лужкова, И. Орджоникидзе создает Московскую товарную биржу и лоббирует ее деятельность в аппаратных структурах ("Ъ", № 3, 1992).

Имущественный взнос делает и московское правительство, передающее "Мосинтуру" лучшие гостиницы города - 54 % городских гостиниц высшего разряда. Новым монополистам по распоряжению премьера Москвы осуществляются приоритетные поставки продовольствия из подмосковных совхозов, а также продукция "спеццехов". И не удивительно, поскольку президентом ключевого звена - МТК "Мосинтур" стал бывший заместитель Лужкова Н. Шевелкин, пересевший затем в кресло президента "Интурист-Холдинг". А его замом по "Мосинтуру" стала Е. Котова, прошедшая целый ряд номенклатурных превращений - из члена Президиума Моссовета в председатели Москомимущества, а оттуда на доходное место в "Мосинтур".

Но вернемся к МТК "Москва". От щедрого патрона бывшие комсомольцы получают вдобавок ко всему и право лицензирования игорного бизнеса, и право выдачи разрешений на установку игральных автоматов. Чем не игорная монополия ("Куранты", 5.11.92)? Кстати, игорный бизнес ставится московскими администраторами на широкую ногу. Московская ассоциация игорного бизнеса получила в аренду на 25 лет дом № 39 по Новослободской ул., пообещав всего лишь надстроить и отремонтировать здание ("МН", № 43).

И, наконец, фантастическая милость. "Мосинтур", 13 его гостиниц и МТК "Москва" были освобождены от выплаты налогов в городской бюджет на 1991-1993 гг. одним росчерком пера Ю. М. Лужкова. Неужели за красивые глазки создается это золотое дно для номенклатуры? Моссовет пытался отменить незаконные льготы и вернуть изъятые из бюджета средства. Безрезультатно. К старым милостям наоборот добавились новые - Правительство Москвы отдало АО "Мосинтур" гостиницу "Националь", отремонтированную за счет города ("ЭиЖ-М", № 2, 1993).

Гостиницы стали валютным источником не для города, а для тех чиновников, которые крутились вокруг этого направления городской жизни. Три крупнейшие гостиницы ("Метрополь", "Славянская", "Пента"), которые могли бы приносить городу заметную прибыль, были отданы в аренду за смехотворные 18 млн. долларов ("Ступени", 22.05.93). А в 1993 г. Лужков решил наложить лапу на гостиницу "Москва", что в двух шагах от Кремля. В обход законодательства и заявки трудового коллектива на приватизацию, Правительство Москвы объявило тендер на реконструкцию и менеджмент гостиницы. В конкурсную комиссию вошли представители мэрии и руководство гостиницы.

Комиссия отклонила просьбу одного из участников конкурса -

консорциума фирм во главе со знаменитой фирмой "Хилтон" - о переносе конкурса на 15-20 дней для доработки своего предложения об инвестировании 600 млн. долларов. Отказали и другим участникам конкурса, не успевшим подготовить необходимые документы. Конкурентами остались германо-голландская группа фирм "Адванта", МФО "Менатеп", Фонд развития московского региона (учрежден департаментом строительства Москвы, председатель правления Фонда - одновременно заместитель председателя правления банка "Менатеп") и "Евромилл групп" (объединение 77 фирм в 37 странах). Победителем тендера признали "Адванту", несмотря на то, что при прочих равных условиях "Евромилл" предполагала реинвестирование прибыли в российскую экономику, а "Адванта" - вывоз капитала, срок окупаемости предполагался соответственно 6 лет и 15-18 лет, затраты на управление - 4% и 8%, чистая прибыль за 10 лет - 153 и 76 млн. долларов. Были и другие явные преимущества предложений "Евромилла". Но "Адванта" была ближе номенклатурному сердцу - для своих же людей старались ("Ъ", № 31, 1993). Результаты конкурса московских чиновников не разочаровали, а городскую казну снова обобрали.

Попытавшемуся обратиться в суд трудовому коллективу гостиницы быстро заткнули рот. А в марте 1994 г. все препятствия для интернационала ворья уже были устранены и, оценив гостиницу с потрохами всего в 10 млн. долларов, Лужков передает ее все той же группе фирм "Адванта" ("НЕГ", 01.07.94). Правда через три месяца трудовой коллектив все-таки добился решения арбитражного суда в свою пользу (скорее всего благодаря сшибке интересов Чубайс-Лужков по поводу судьбы ваучера в Москве). Но после предписания Ельцина в адрес руководителя Госкомимущества "Москвой больше не заниматься", участь лакомого куска собственности в виде гостиницы "Москва" была предрешена. Интернационалу ворья снова сказали: "Милости просим!"

История с гостиницей "Москва" - одна из наиболее известных. С другими гостиницами номенклатуре удалось упрятать свои махинации глубже. На выходе процесса были получены результаты такого, например, рода. Вот гостиница "Савой", где 51 % принадлежит "Интурист-холдинг компани", 49 % - "Финнаир", а трудовой коллектив без всяких чековых аукционов получил неголосующие акции, утрачиваемые при увольнении ("Ъ", № 31, 1993).

Однажды сказав нечистоплотным политикам "Милости просим!" и впустив их во власть, Москва пригласила вместе с ними и целую банду авантюристов со всего света. Так и сложился интернационал ворья.

ВОЗНЯ У КОРЫТА

С 1990 г. в Москве была раскручена история с крупнейшей в Европе Курьяновской плодоовощной базой (общая стоимость ее оценивается в многие миллионы долларов). Раньше, чем появились какие-либо акты о приватизации, приватизаторы-ликвидаторы из Мосагропрома (вотчина, которую только что оставил Лужков) передают базу на баланс кооперативному объединению "Видеонас", которым заправляет никому не известный аферист. Когда вокруг базы возник шум депутатских голосов (тогда их еще уважали), чиновники пошли на попятный, приговаривая что-то невразумительное об ошибочном приказе.

Кооператив безраздельно владел базой более полугода и не бедствовал от этого. Выпускать из рук такой инструмент обогащения не хотелось. И вот странным образом рассудивший дело арбитражный суд снова возвращает базу аферистам. Проводится операция закрепления на достигнутых рубежах - решением Мосгорисполкома (Лужков) база передается Красногвардейскому райисполкому, т. е. его управлению муниципальной собственности, а тот в свою очередь вторично дарит базу кооперативу. С райисполкомом кооператив заключил договор аренды с правом выкупа. А выкупали собственность в то время исключительно по остаточной стоимости, т. е. почти даром. Чуть позднее оказалось, что начальник управления муниципальной собственности райсовета сделав главное дело в своей жизни - изъяв у города крупнейшую плодоовощную базу - уже работает в штате кооператива.

К 1993 г. администрация Москвы в лице Москомимущества решила прогнать пришлого конкурента. В арбитражном суде дело не выгорело. Суд встал на защиту прав райсовета, лихо распорядившегося имуществом. Опираясь на это решение, кооперативщики с оружием в руках и при поддержке судебных исполнителей и прокурора вышибли пристроившихся было на базе конкурентов. Конкуренты, правда, оказались случайными людьми из госструктуры прошлых лет - ОРПО.

Впрочем, Москомимущество не очень-то старалось. Огромный куш был уже сорван, и чиновники, похоже, договорились с аферистами. По крайней мере председатель Москомимущества был полностью не в курсе дела или хотел казаться таковым ("Тверская-13", 10.06.93).

Закончилась история с Курьяновской базой в духе новой эпохи. Директор "Видеонаса" Туникас был убит у порога своей квартиры.

НАРОДНАЯ УЛИЦА СТАНОВИТСЯ НОМЕНКЛАТУРНОЙ

В конце 1990 г. предисполкома Лужков дал санкцию на создание СП "Хорекс-Центр" с участием австрийской фирмы (51 %), исполкома Пролетарского района Москвы (45 %), Федерации футбола (2,5 %) и комбината питания гостиницы "Россия". Если западный партнер вложил в СП компьютер и "ноу-хау", то райисполком - право пользования землей. Лужков, выделив землю под жилым домом № 7 по улице Народная под строительство бизнес-центра, выторговал для Мосгорисполкома участие в прибылях за счет доли райсовета.

Предприниматели не торопились строить и ждали вызревания ситуации. В 1991 г. по итогам несостоявшегося путча переделили собственность. Исчез райисполком, а его долю вице-премьер московского правительства И. Орджоникидзе передал Московскому торговому дому - бывшему объединению "Мосинтер" при Мосгорисполкоме.

Осенью 1991 г. пришла пора отселять дом по Народной, 7. Но несколько семей отказались переселиться в "хрущобы". Центральная префектура (Музыкантский) отключила отопление, дала распоряжение разобрать кровлю. Темные личности атлетической наружности начали угрожать жильцам. У одного из них была сожжена машина.

13 ноября префектура дала команду сносить дом вместе с жильцами. Только вмешательство председателя райсовета и отказ рабочих

участвовать в преступлении предотвратили снос. Конфликт приобрел особую остроту. На защиту многострадального дома встали Фонд защиты прав граждан и Президиум Моссовета. 21 апреля 1992 г. на дом совершила налет банда молодчиков (ландскнехты номенклатуры, о которых речь пойдет в других главах). Охрана из Фонда защиты была изрядно потрепана, но неторопливой милиции все-таки удалось задержать одного из нападавших. Задержание не продлилось долго - задержанного отпустили. Сработали механизмы номенклатурной солидарности.

Вместо поиска преступников номенклатура подготовила новое нападение на державший оборону дом - уже с участием ОМОНа в полной экипировке. Повальный обыск дал в руки милиции дубинку и ракетницу - оружие самозащиты жильцов против рэкета. Третье нападение произошло при участии охранной фирмы "Гейт Гард". Изготовившихся к бою ландскнехтов номенклатуры остановили депутаты.

Номенклатура не привыкла уступать. Народной улицы на карте ее империи не должно было существовать. Все признаки народности были окончательно стерты с лица земли в октябре 1993 г.

ПОПОВ-ФОНД

Номенклатура разработала свою систему социальных гарантий, часто использующую международную проблематику в виде гарантии своей непотопляемости. Превратности судьбы не всегда позволяют верным собратьям номенклатуры возвращаться на государственные должности. Поэтому для них придуман отступной маневр с выходом на международную арену.

Для отставного мэра Москвы отступным подарком стал Международный университет и фонд при нем. В оформлении подарка личное участие принял Президент Ельцин.

Фонд развития "Международного университета", возглавляемый Г. Поповым и учрежденный в свое время должностными лицами московского и российского правительства для начала своей "продуктивной" деятельности выселил из двухэтажного особняка Центр культуры и гуманитарного сотрудничества "На Остожье". По частному письму Фонда Президенту Ельцину последний согласился на передачу Фонду еще целого ряда зданий: Ленинградский пр., 17 (бывшая Высшая партийная школа), Скаковая, 9 (бывшее общежитие студентов), дома отдыха "Кунцево" и "Озеры", объект "Сосновка-2", строящийся дом на Ленинском пр., строение 15 по Плотникову пер., дом 6 по Савельевскому пер. Ни письмо, ни ответ на него в канцелярии Президента не были зарегистрированы, что означало передачу зданий и земли частным порядком. И не удивительно, ведь в псевдо-университете обучались стипендиаты таких фирм, как "Менатеп", "Кока-Кола", СП "Мост", оплачивающих молодую ельцинскую гвардию.

А вот другая часть подарка. По распоряжению Президента от 17.06.92 поповскому университету дополнительно из госбюджета выделено 100 млн. руб. на двухлетнее обучение бизнесу 50 (всего-навсего!) уволенных в запас офицеров - так называемый "президентский набор". Т. е. более, чем по полтораста тысяч в месяц (в ценах середины 1992 г.), на каждого из отборного отряда ельцинистов. Вся сумма была перечислена к 1 сентября

1992 г., а не поэтапно, как это должно было быть по нормальной логике экономии бюджетных средств. Таким образом, Международный университет получил еще и своего рода беспроцентный кредит ("Коммерсантъ-Дейли", 22.10.92).

А теперь посмотрим, кто же сформировал состав учредителей Фонда развития этого университета, который в ценах 1991 г. имел уставной капитал в 500.000 рублей. Это физические лица - чиновники разных уровней: Г. Попов (на тот момент мэр Москвы) - 100.000 рублей, А. Белявский (советник мэра) - 67,5 тыс. рублей, В. Ресин (вице-премьер Правительства Москвы) - 65 тыс. рублей, Ю. Прошин (начальник ХОЗУ администрации Президента России) - 65 тыс. рублей, В. Лещинский (тоже чиновник ХОЗУ, а в прошлом - чиновник ЦК КПСС) - 65 тыс. рублей. Не беда, что участием чиновников в подобной структуре нарушены сразу Закон "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности" и Указ того же Президента "О борьбе с коррупцией в системе государственной службы" - указы для собственных соратников пишутся, а не против них! И вопрос об источнике сумм, равных примерно десятилетней зарплате, как-то задавать не хочется. И об источнике финансирования закупок квартир для профессорско-преподавательского состава Международного университета (право на такие покупку десяти квартир в год Г. Попов дал сам себе соответствующим распоряжением в ноябре 1991 г.) спрашивать бессмысленно ("НГ", 18.09.92). От всей этой истории и без того за версту несет воровством.

О том, насколько далек Международный университет от проблем образования, говорит история о том, как группа жуликов пыталась вывезти из дома отдыха "Кунцево" (бывшего дома отдыха ЦК КПСС "Кунцево"), принадлежащего объединению "Кунцево" фонда развития Международного университета несколько тонн медных брикетов ("Новые рубежи", газета одинцовского района Московской области, 07.11.92).

В апреле 1994 г. Попов с помпой отмечал первый выпуск своего университета ("президентский выпуск"). Выпускники - бывшие военные - не стесняясь говорили о том, что деньги для финансирования университета нашел сам Ельцин (будто он нашел эти миллионы под лавкой). Милости Президента хватило даже на шелковые мантии для выпускников. И теперь дипломы, обеспечивающие доходные места в полукриминальном бизнесе, отцом-основателем которого стал ректор Г. Попов, вручены тем, кто без зазрения совести расстреляет любой парламент. Или "отмоет" для финансирования этого зрелища грязные деньги.

Мы еще когда-нибудь услышим о выпускниках этого заведения. Зря что ли отбирал офицеров сам госсекретарь Бурбулис.

Не оставил своим вниманием Г. Попова и его преемник на посту мэра. Лужков по примеру Ельцина своим распоряжением зачерпнул из бюджета города 10 млн. рублей на содержание Международного университета, да еще персональный двухсменный автомобиль своему бывшему шефу выделил ("Правда", 09.07.93).

Помимо Попов-фонда и Международного университета, Г. Попов был вплетен и в другие истории подобного рода. Став президентом Международного союза экономистов ("Куранты", 20.11.91), он по распоряжению своего вице-мэра от 28.05.92 получил для союза здание по Тверской ул., д. 22-а ("Дума", № 26, 1993). Приобретя пост президента Международной академии книги и книжного искусства ("Ъ", № 19, 1992),

Г. Попов поставил президентскую подпись под учредительными документами АО "Атамак". В письме прокурору города Г. Попов между тем сообщил, что сведениями о существовании такого АО не располагает.

Г. БУРБУЛИС

Преподаватель научного коммунизма, философ от марксистско-ленинского корня КПСС, познакомился с Б. Ельциным в Межрегиональной депутатской группе народных депутатов СССР. В 1990 г. стал помощником Ельцина во время выборов его народным депутатом РСФСР в Свердловске, а затем - полномочным представителем председателя Верховного Совета. В 1991 г., став госсекретарем и первым вице-премьером в правительстве Силаева,
Г. Бурбулис привел к Ельцину Е. Гайдара и А. Козырева. По настоянию Бурбулиса Ельцин подписал указ о назначении Е. Гайдара министром экономики и вице-премьером Правительства. Постепенно Бурбулис стал тенью Б. Ельцина, который в своих воспоминаниях писал: *"...как входил Геннадий Бурбулис на любое совещание, он начал входить в меня самого."* Это президентское ощущение стало следствием отстранения Г. Бурбулиса в 1993 г. от ключевой роли в управлении государством и реформами.

Оказавшись в избирательном списке "Выбора России" на седьмом месте и получив от Е. Гайдара предложение стать его заместителем по идеологии, Г. Бурбулис обиделся и вышел из фракции "Выбор России" в Госдуме.

Возглавив центр "Стратегия", финансируемый благодарными коммерсантами, Бурбулис продолжал клясться в верности Ельцину. Заодно он объезжал "БМВ" от фирмы "Микродин" ("АиФ", № 27, 1994) и лоббировал в правительственных структурах различные прибыльные проекты.

Так и было поставлено дело у "поповцев" и "лужковцев". А чуть выше по административной пирамиде - у ельцинско-гайдаровской команды.

Коррупция - дело естественное для номенклатуры. Приобщенные к ней погружены в эту систему грабежа народа и государства. Для них это - часть существования. Подтверждают это такие рассуждения Г. Попова в массовом еженедельнике "Аргументы и факты" (апрель 1992 г.): *"Я всегда нервничаю, когда не знаю, кому сколько надо дать, хотя хочется за что-то отблагодарить человека. А по тарифам было бы просто: скажем, 10-20% от стоимости сделки. В Америке так и говорят: 15% к счету. И все довольны друг другом. Можно ли это назвать коррупцией? Можно. Но можно и дополнительной оплатой хороших услуг."*

Ну, про Америку-то - это просто вранье. К счету деньги там берут не администраторы, а официанты. А вот понимание естественности подкупа в устах Попова - важный момент для понимания живучести воровства в административных органах власти и неизбежности создания Попов-фондов в ситуации мятежа номенклатуры.

Вот еще один перл Г. Попова ("Труд", 12.12.91): *"Я категорически против всяких злоупотреблений, но это не означает, что работникам управления надо запрещать участие в бизнесе. Должен быть определен срок, после которого человек должен переходить в предпринимательскую структуру, если уж втянулся, стал заниматься бизнесом".* Главное - втянуться, а потом можно любое имущество считать своим!

Накануне своего бегства с поста мэра Попов откровенничал еще и

таким образом: *"...если мы не решим проблему коммерциализации общества, мы будем обречены на жестокую борьбу за каждое кресло, ибо другого источника доходов у наших людей не имеется."* И чуть ниже: *"Я по советским понятиям богатый человек... К сожалению, очень многие из нынешних государственных чиновников, в том числе и самых высокопоставленных, находятся в ином положении. Для них уход с поста - катастрофа. Надо ли удивляться, что они всеми правдами и неправдами стараются пробиться на большие должности, пробившись же стараются удержаться на них как можно дольше? Вот и причина появления новой номенклатуры."* ("ДМ", 28.05.92). Можно ли после таких слов поверить, что Попов уже в качестве лидера РДДР может предложить программу именно народной приватизации, а не очередной вариант грабежа народа ("НГ", 04.07.92)?

* * *

Лишившись в 1994 г. поста вице-премьера, Е. Гайдар вспомнил об оппозиционной тактике Б. Ельцина - побольше говорить о коррупции. В своей статье в "Известиях" он написал: *"Беспредел коррупции глубоко оскорбляет. Главная причина провала демократической власти, убежден, ... связана с глубоким разочарованием в "демократии воров"*.

В мае 1994 г. гайдаровская фракция в Госдуме "Выбор России" проголосовала против проекта Закона о борьбе с коррупцией.

К ЖЕРЛУ ПРИЖАВ ЖЕРЛО

Еще в 1990 г. исполком Моссовета начал нарушать законодательство, связанное с распоряжением и управлением муниципальной собственностью. Согласно действующим законам, управлять муниципальной собственностью, проводить разгосударствление и приватизацию могли только органы, созданные местными Советами, структура и штаты которых, а также порядок продажи имущества предприятий могли утверждаться только на депутатских сессиях. Но лужковский исполком уже тогда сформировал Комитет по приватизации и управлению муниципальной собственностью, который подчинялся лично председателю исполкома. Никаких прав этому Комитету Моссовет не передавал, к его созданию никакого отношения не имел. Нарушение закона было покрыто Г. Поповым и московскими правоохранительными органами. В начале 1991 г. противозаконная деятельность была продолжена новым номенклатурным вывертом. Мосгорисполком передал права арендодателя даже не Комитету по приватизации и управлению муниципальной собственностью, а своим прежним структурам: Мосгорторгу, Мособщепиту, Главмосплодоовощпрому. Наконец, Лужковым был самочинно введен особый порядок разгосударствления на территории Октябрьского района. Моссовет от контроля над собственностью города был полностью отстранен, его усилия по восстановлению законности были блокированы Г. Поповым и Ю. Лужковым, а также молодой номенклатурной порослью, расплодившейся вокруг них.

Программу приватизации Г. Попов сформулировал на II Съезде движения "ДемРоссия": *"У нас нет времени и надежного исполнительного*

механизма - между собственностью и людьми оказывается слишком длинная цепочка бюрократов. Выход в одном - отдавать госсобственность тем, кто этого захочет, просто так. Проблема же социальной справедливости будет решена впоследствии через налоговый механизм." ("КП", 12.11.91). Так оно и вышло. С поправкой на то, что собственность досталась "просто так" тем, кто до сих пор контролировал ее использование, а теперь мог прибрать ее к рукам, огородив от остальных граждан бюрократическим барьером.

Ельцин, дав летом 1991 г. московской администрации особые полномочия, запустил механизм не прекращающихся конфликтов по поводу собственности, которые подчас выливались в кровавые разборки. Выведя Москву из-под действия общероссийских законов, "всенародно избранный" отдал ее на разграбление. Главным организатором грабежа стало Москомимущество, которое по смыслу его деятельности должно было заботиться об интересах Москвы. Но здесь формировалась (а точнее извлекалась из нафталинной пыли) другая традиция - традиция способствовать "своим", т. е. тем, кто кормил администрацию сверх положенной зарплаты.

ПРОХВОСТЫ ВЕДУТ ПРИХВАТИЗАЦИЮ

Посмотрим в чем же состоял "эксперимент" по приватизации московской собственности. Приватизатор Г. Попов расценил так: коль скоро на каждого гражданина России приходится на 10 тыс. рублей собственности (в старых ценах - до 1992 г.), то все предприятия, где остаточная балансовая стоимость фондов ниже этой цифры, помноженной на число работающих, должны быть отданы трудовому коллективу бесплатно ("Известия", 20.05.92). Так и получилось. Добавим, что если предприятие стоило больше, то остальную часть вносили деньгами. Но уже деньгами "новыми", обесцененными, т. е. теми, которых было много и которые были дешевы. Оплачивали этими пустыми бумажками имущество, оцененное несколько лет назад. Еще одна заметная особенность поповской приватизации состояла в том, что членами трудовых коллективов, которым московская администрация подарила такие льготы, оказались почти исключительно работники торговли и службы быта. К тому же они получили еще и ваучеры от российского правительства.

После ухода Попова с поста мэра, "обвальная" приватизация стала сбиваться с темпа. Ставленник Попова на посту председателя Москомимущества Ю. Андреев был с шумом вышиблен со своего поста (не вписался в новую команду). Управделами мэрии В. Шахновский чуть не уволил его "по статье", как не справившегося с обязанностями. Потом все-таки оформили увольнение по собственному желанию.

С обидой Ю. Андреев высказал все, что думает о приватизации в Москве ("Свидетель", № 1, 1993). Он упомянул и о фиктивных конкурсах, и о взятках, и о чиновничьем произволе. Оказалось, что в ситуации круговой поруки бюрократии Андреев даже со своим заместителем справиться не смог. Тот наполнил Москомимущество кадрами из райкомов комсомола, а потом вытеснил своего начальника, на время заняв его место.

Ю. АНДРЕЕВ

Ю. Андреев не вписался в столичную номенклатуру. Но это не означает, что он не вошел в другой отряд номенклатуры и не попользовался всеми прелестями причастности к грабежу страны.

Как и у всех компаньонов Г. Попова по демократии, у Ю. Андреева - бывшего депутата СССР от Москвы - рыльце тоже в пушку. Создав с коллегами Фонд экономической реформы России, он 19 сентября 1991 г. направил Лужкову письмо с просьбой выделить земельный участок под строительство двух 50-квартирных домов со спортзалом и бассейном. В Фонде числились такие известные люди, как депутаты России М. Полторанин, Г. Попов, А. Собчак, В. Комчатов, член Президиума Моссовета Е. Котова и др. Указанный для постройки участок предполагал снос детского сада. Почти год вопрос пытались решить, обходя законы. Фонду пришлось учредить Российский экологический центр (Ю. Андреев снова во главе). А в общественном совете Центра появляются помимо вездесущего Г. Попова начальник Москомархитектуры и председатель комиссии Моссовета по экологии и активист "ДемРоссии" - А. Фролов. Этому то центру Лужков и выделил указанный участок ("Дума").

Обида обидой, но нужно было Ю. Андрееву помнить о "межрегиональной" солидарности бывших депутатов СССР. Вот он и спохватился, не стал в своем интервью называть имен и должностей, выдвигать конкретные обвинения. По традиции "демократов", Ю. Андреев предпочел все свалить на несовершенные законы. Любовь к Ельцину не позволила рассказать о многом.

А рассказать было о чем. Комиссии по приватизации, которые были сформированы из директоров крупных предприятий, грубейшим образом нарушали закон. В частности, любимый Лужковым сектор пищевой промышленности был просто расхищен. Вместо организации конкурсов и аукционов из работников предприятий создавались закрытые акционерные общества, которые почти безвозмездно забирали себе городскую собственность. Так были приватизированы Красногвардейский мясоперерабатывающий и Лианозовский колбасный заводы, Микояновский мясоперерабатывающий комплекс и многие другие предприятия.

Ситуация быстро докатилась до абсурда, но ни Верховный Совет, ни правоохранительные органы не только не обращали внимания на обвальную приватизацию в Москве, больше походящую на грабеж, но еще и способствовали ее расширению. Если в Москве собственность получали "просто так", то по российскому законодательству разрешалось всю муниципальную собственность продавать только через конкурсы и аукционы. Реально же в столице шло прямое присвоение собственности безо всяких правил. Это реализовался "компромисс" с номенклатурой, к которому призывал Г. Попов и на который "демократы" пошли в надежде на свою долю. После октября 1993 г. стало совершенно ясно, что в долю взяли лишь продажную верхушку демноменклатуры.

Но вернемся в 1992 г. Главный городской контролер В. П. Миронов сделал достоянием общественности свое семистраничное письмо Ю. М. Лужкову "О неудовлетворительной организации работы Агентства по управлению имуществом на территории Центрального административного

округа" ("ВМ", 19.10.92). В письме указывается на 13 грубейших нарушений действующего законодательства со стороны директора агентства, заключавшего договоры аренды с явными признаками фальсификации. 90 % договоров заключались агентством именно с коммерческими структурами. Явным самоуправством занимался и начальник территориального управления "Тверское" (прямо на главной улице города), который самовольно передавал здания в центре столицы в аренду коммерческим фирмам, часто занижая арендную плату. В территориальном управлении "Пресненское" из 759 арендаторов заплатили арендную плату лишь 47,4 %. Ущерб исчисляется миллионами рублей. Остается лишь напомнить, что руководил префектурой Центрального административного округа А. И. Музыкантский - верный соратник Г. Попова, Ю. Лужкова и Б. Ельцина.

В. П. Миронов также упоминал о злоупотреблениях руководителя агентства по управлению имуществом в Северном административном округе, предоставлявшего коммерческим структурам помещения без конкурсов и аукционов вопреки интересам трудовых коллективов, работающих в этих помещениях. Допущены были не отдельные, а именно массовые нарушения.

В. П. МИРОНОВ

Известен как издатель "Экспресс-хроники" - наиболее распространенного московского издания листовочного типа в 1987-1990 гг. (Источник средств на это издание до сих пор не известен.) На выборах 1990 г. В. Миронов одновременно получил мандаты депутата Моссовета и депутата России. В работе Моссовета практически не участвовал. С образованием мэрии получил должность Главного городского контролера с малопонятными полномочиями. Не раз в прессе пинал Моссовет за противодействие Г. Попову. Летом 1993 г. против В. Миронова было возбуждено уголовное дело за распространение листовок с призывами к свержению конституционного строя. До суда дело не дошло - спас октябрьский переворот. На выборах 1993 г. В. Миронов стал депутатом Государственной Думы по одному из округов Москвы.

Поскольку Москомимущество на данную информацию не прореагировало, В.П.Миронов пытался решить вопрос об отстранении аппаратного жулика от должности через мэра. В. П. Миронов констатировал: *"Идет перераспределение собственности, и есть влиятельные структуры, обладающие большими деньгами и заинтересованные в нарушении законов, чтобы получить еще больше и завладеть прибыльными объектами. При этом выделяется цепочка должностных лиц на всех уровнях, снизу доверху, действующих весьма целенаправленно и страхующих друг друга"*. Это важное признание "демократического" активиста, которого тоже грызла обида. Как и Ю. Андреева, его поначалу не допустили к дележу пирога, и пришлось немножко пошуметь, чтобы занять подобающее место в номенклатурном клане.

* * *

В 1992 г. Москва практически завершила "малую приватизацию" (около 9,5 тыс. предприятий). От нее городской бюджет получил мизерную

сумму: 3185 млн. рублей. "Обвальная" приватизация позволила привилегированному слою забрать городскую собственность на сверхльготных условиях и при полном отсутствии какой-либо конкурсности ("Коммерсантъ-Дейли", 10.06.93). Через аукционы (весьма и весьма закрытые) было продано лишь 119 предприятий ("МН", № 32, 1993).

Дальше положение не улучшилось. За полтора года приватизации (к середине 1993 г.) в бюджет города поступило всего-то 5,5 млрд. рублей (из них 2,7 млрд за счет аукционной продажи московской собственности) ("ЭиЖ", июль 1993). По расчетам антимонопольного управления Москвы "символичность" выплат за приватизируемую собственность срезала доходы городского бюджета примерно на 150 млрд. рублей - цифра примерно равная официальной сумме доходов города за год ("Куранты", 30.10.92).

Вопреки закону Москомимущество в более чем 3 тыс. сделок выступило продавцом имущества, хотя собственником или представителем такового оно не являлось. Это позволяло авантюристам формировать своеобразные "группы захвата": втихую учреждать акционерные общества с узким кругом участников и присваивать государственную собственность. Так происходили захваты Центрального Дома Туриста, кинотеатра "Родина", Московского инструментального завода, объединения Мосмебельторг и т. д. ("Ступени", 05.06.93).

Только после отмены Конституционным судом Указов Ельцина об ускоренной приватизации в Москве (2 апреля 1993 г.), прокурор Москвы направил прочувствованное письмо председателю Моссовета Н. Гончару и мэру Ю. Лужкову о необходимости координации действий по приватизации и борьбе с массовыми нарушениями закона ("Дума, № 26, 1993). Письмо это осталось всего лишь "филькиной грамотой". Какой же прокурор будет писать письма, если в руках у него закон? Трусоватый прокурор решил "отмазаться" перед обществом, так и не решившись на возбуждение дел по пересмотру многочисленных незаконных сделок.

ЛУЖКОВСКИЕ ЛУЖНИКИ

Самостоятельное значение имеет история с захватом Лужников. Приведем несколько строк из распоряжений Ю. М. Лужкова, касающихся этого захвата:

Распоряжение вице-мэра Лужкова (22 января 1992 г.):

> "С целью обеспечения функционирования и развития материальной базы Центрального стадиона им. В. И. Ленина, являющегося уникальным объектом собственности г. Москвы, поддержать инициативу трудового коллектива Центрального стадиона им. В. И. Ленина по созданию акционерного общества "Лужники".

Распоряжение мэра Лужкова (23 июля 1992 г.):

> "В соответствии с Законом Российской Федерации "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР"..., утвердить решение комиссии по приватизации Центрального стадиона им. В. И. Ленина".

Приватизация крупнейшего сооружения в Москве должна была принести городу всего 100 млн. рублей. Такую сумму выложить не представляло труда для любой криминальной структуры. Тем более, что

финансовое вложение могло окупиться буквально в один день - за счет дневной выручки от продажи билетов.

Единственным препятствием изъятию ценнейшего объекта у города стал Моссовет, который воспротивился включению Лужников в программу приватизации на 1992 г. и отменил распоряжение Лужкова, опирающееся на те "дополнительные полномочия", которые он получил из рук Ельцина. Директор АО "Лужники" сразу вчинил иск Моссовету. Суд родил решение, которое не отменяло ни решение Лужкова, ни решение Моссовета. Мир должен был после такого решения умереть от изумления. Но вмешалась Генеральная прокуратура, в которой нашлись люди, отказавшиеся закрывать глаза на разбазаривание национального достояния, и мир временно продолжил жить ("РГ", 29.06.93).

Если прямой грабеж не удался, то номенклатура найдет иной способ "законного" отъема - собственности ли, денег ли - все равно. В сентябре того же года Лужков отдал стадион под торговую площадку, ставшую одной из наиболее криминальных точек Москвы и рассадником антисанитарии.

ПРОДАННЫЙ ГУМ

Способов овладения собственностью прохвосты-приватизаторы придумали немало. Первым приватизированным магазином России оказался именно Государственный универсальный магазин - главный, первый из первых, известнейший магазин страны (общая площадь всего имущественного комплекса ГУМ - 172 тыс. кв. метров). Он был прибран к рукам фактически еще в 1991 году - до всякой приватизации.

Затруднения у приватизаторов вызвало появление "государственной программы приватизации", согласно которой здания исторических объектов приватизации не подлежат. Тогда криминальное сознание номенклатуры изобрел хитрый ход (одним из ведущих изобретателей стал бывший член Президиума Моссовета Ю. Соломатин, с большим трудом выбитый моссоветовской комиссией по потребительскому рынку с поста председателя комиссии, а теперь избранный председателем совета акционеров ГУМа). Для того, чтобы увеличить обеспеченность акций АО "Торговый дом ГУМ" и привлечь внимание разного рода инвесторов, здание было передано не напрямую от Москомимущества на баланс Управления контроля, охраны и использования памятников истории и культуры, а своеобразным "транзитом" через АО. Временное владение (внешне похожее на вечное владение) зданием помогло вздуть цены на акции на чековом аукционе ("Сегодня", 28.05.93).

Несмотря на то, что сессия Моссовета 4 ноября 1992 г. приостановила приватизацию зданий, находящихся в пределах Садового Кольца, 27 ноября 1992 г. председатель Фонда имущества В. Бушев выдал АО "Торговый дом ГУМ" свидетельство на право собственности, в перечне которого значились и здание ГУМа, и все его помещения в пределах Садового Кольца.

Это свидетельство стало предметом скандала на сессии Моссовета, но суть дела была основательно затушевана противостоянием двух партий. Одна из "партий", отстаивающая интересы акционеров ГУМа (во

многом почему-то совпадающая с фракцией "ДемРоссия"), противостояла попыткам другой "партии", стремящейся снять с должности председателя Фонда имущества и назначить на этот пост своего выдвиженца. Первая "партия" каким-то образом могла быть причастной к покушению на этого выдвиженца (во время разбирательства дела на улице его ударили по голове металлическим прутом), а вторая "партия" откровенно копалась в семейных делах своего врага - председателя Фонда имущества (через прокуратуру Москвы предпринималась попытка раскрутить дело об изнасиловании или хотя бы оглаской подозрений опорочить конкурента). А тут еще выяснилось, что обе партии не были чужды интереса к акциям ГУМа и приобрели их в немалом количестве. Отвращение большинства депутатов к взаимной низости обеих "партий" не позволило принять какое-либо решение.

Передача здания на баланс Управлению по охране памятников состоялась 1 декабря 1992 г., но приложение к свидетельству о собственности никто не аннулировал. В начале 1993 г. на чековом аукционе акции АО "Торговый дом ГУМ" продавались по цене в 16 номиналов. Бесплатное пользование громадной собственностью, привлечение средств 13 тысяч акционеров - это та прибыль, которой пользовались организаторы аферы с ГУМом, который по соображениям здравого смысла должен был уйти из-под опеки казны в самую последнюю очередь.

ПАРТИЙНОЕ НАСЛЕДСТВО

После августа 1991 г. по непонятным причинам к поповской мэрии стали переходить огромные материальные ресурсы. В октябре-декабре 1991 г. еще до всех решений о собственности КПСС финхозуправление (ФХУ) мэрии, контролируемое управделами В. Шахновским, стало фактически владельцем всего имущества МК и МГК КПСС, части собственности управления делами ЦК КПСС и управления делами Совмина СССР вместе со зданиями союзных министерств в Москве. Полная информация об использовании этой собственности была тщательно скрыта.

Единственный объект, который все время был на виду - это комплекс зданий СЭВ (29-этажное здание, гостиница "Мир", детсад, ясли и пансионат). Комплекс был передан в ведение ФХУ мэрии, и на его базе было создано хозрасчетное предприятие "Моссервис". Через пять месяцев эксплуатации практически бесхозного здания "Моссервис" упраздняется, а на его месте создается муниципально-коммерческое предприятие "Олимп". Но из перечня передаваемого ему имущества исчезло само 29-этажное здание. Причем в это время площади здания были сданы коммерческим структурам в аренду. Так, не выплачивая налогов, "Олимп" получил возможность извлекать немалую прибыль для своей коммерческой составляющей, нещадно эксплуатируя муниципальную.

Вот история с другой частью партийного наследства. В августе 1991 г. трудовой коллектив транспортной части управления делами МКГ и МК КПСС решил приватизировать свое предприятие. Не тут-то было. Лужков сразу же издает распоряжение о его реорганизации в автохозяйство мэрии. Трудовой коллектив, избавившись от шока, через два месяца снова решает приватизировать предприятие, которое перешло в новое качество - под крыло мэрии. Но реакция Лужкова снова была мгновенной - 30 ноября 1991 г. он подписал с АО "АСМ-холдинг" (бывший Минавтосельхозмаш СССР)

совместное решение о передаче ему всего автохозяйства, а за это АО бралось закупить машины для обновления автопарка мэрии и обслуживать 150 московских "членовозов". Автохозяйство путем таких несложных махинаций потеряло юридический статус.

Трудовой коллектив, который не думал сдаваться, припугнули репрессиями, но к марту 1992 г. им все-таки была подана в Москомимущество заявка на приватизацию. Москомимущество заявку в недрах своих похоронило. А Лужков в третий раз отреагировал без промаха - включил (вопреки российской программе) автохозяйство в перечень предприятий, не подлежащих приватизации.

Здесь к месту привести еще одну историю с "АСМ-холдинг". В феврале 1992 г. это АО получило по распоряжению Президента Ельцина на баланс здание по ул. Кузнецкий мост, 21/5 и тут же выкупило все 30 тыс. кв. м площадей по остаточной стоимости (т. е. за мизерную плату). Находящиеся в здании госорганы были поставлены перед необходимостью платить арендную плату, которая за год должна была окупить приватизацию государственного же здания ("Завтра", № 19, 1994). Так что покровители у АСМ были самые высокие, и опыт захвата государственной собственности немалый.

Подобно автохозяйству мэрия прихватила и гостиницу "Пекин". Точно так же был отстранен от реорганизации трудовой коллектив, точно так же цепочка решений Лужкова замела следы партийной собственности. В декабре 1991 г. гостиница вместе с немалыми прибылями была передана ФХУ мэрии, а потом появился договор о ее реконструкции и эксплуатации с американской и английской фирмами. Дотошные журналисты выяснили, что по указанным в договоре зарубежным адресам таких фирм не числится, да и в банках данных соответствующих торгпредств их нет. Явное жульничество вокруг гостиницы правоохранительные органы даже не насторожило. А мэр продолжал свое. К гостинице он присовокупил в марте 1992 г. еще и ресторан, и часть здания, принадлежавшую КГБ. А потом был прирезан еще и кусок земли для автостоянки и выносной торговли.

* * *

Общий принцип дележа собственности как-то раз выразил председатель Госкомимущества А. Чубайс ("РГ", 22.01.92): *"Есть значительная часть сделок, совершенных до того, как был утвержден закон. И принимать какие бы то ни было решения по ним не приходится. Закон обратной силы не имеет. Далее, есть масса сделок, которые явно не соответствуют духу закона. Но дух - не буква. Нормативных документов нет, и не к чему привязываться."* Короче - ворье неуязвимо, а законодательство беспомощно. Причем эта ситуация возникла вовсе не спонтанно. Она была создана теми, кто оказался у власти. В том числе и самим Чубайсом.

А. ЧУБАЙС

Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. В 1987-1990 гг. участвовал в движении неформалов Ленинграда и одновременно торговал цветами. Благодаря тому и другому Чубайс в 1990 г. неожиданно стал заместителем председателя исполкома Ленсовета. В 1991 г. после избрания мэром А. Собчака был смещен на должность главного экономического советника мэра. В ноябре 1991 г. Чубайс вдруг становится председателем Госкомимущества, министром РСФСР. В мае 1992 г. - заместителем главы Правительства, а в ноябре 1994 г. - первым вице-премьером.

Чубайс - главный виновник растаскивания национального достояния через ваучерную приватизацию. Его послужной список - классический пример "вдруг-биографии".

В июле 1993 г. в результате вскрытия массовых нарушений договоров и законодательства о приватизации в Моссовете и ВС начались разговоры о "переприватизации", которая должна привести процесс в правовое русло и наказать зарвавшихся дельцов... Совет предпринимателей при мэре (свои люди!) выступил против переприватизации. "Не замай!" - сказали денежные мешки, наполненные мэрией. Кстати, еще в мае 1992 г. лужковский Департамент муниципального имущества готовил программу "Реприватизация" ("Ъ", № 196, 1992). Но это были последствия бегства Г. Попова, и Москву лишь слегка "чистили" от его людей.

Та форма приватизации, которая была в явном виде проведена в Москве, а в неявном - по всей России, превращала чиновников в собственников. Сначала лишь формально администраторы разных уровней присваивали право выступать распорядителями собственности коллективной - муниципального или общегосударственного достояния. Результатом их деятельности было подавления бизнеса, не связанного с номенклатурой. Естественным образом собственник действует конкурентно, выжимая оппонентов с рынка. Номенклатура использовала для этого аппаратные рычаги. Зато на свободном от конкурентов пространстве, как грибы, выросли супермонстры крупного частного капитала, отмывшего свои деньги через систему госуправления.

Конкурентное поведение номенклатуры закономерно разрушило управление общественным имуществом. Оно перестало приносить ощутимые прибыли, что заставляло номенклатуру с еще большей энергией вкладывать средства в коммерческие структуры. Они тоже не давали средств в бюджет, но позволяли наживаться всему чиновному люду. Так, в "экономической политике" были одновременно запущены механизмы растаскивания и деградации госсобственности. Главный результат - катастрофический спад производства, разрушение высокотехнологичных производств и крайне жесткое социальное расслоение общества (см. главу "Прививка для доверчивых".

Кроме того, преступность в сфере приватизации приобрела массовый характер. Только за 1993 г. практически подавленная система прокуратуры России опротестовала в сфере приватизации около 2,3 тысячи незаконных актов, направила в суд более 700 исковых заявлений и вынесла более 2,5 тыс. представлений по поводу нарушения закона ("Завтра", № 19,

1994).

ПРИВАТИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ЧЕРНЫЙ ХОД

Московская торговля - это тот силок, в который попались лидеры демдвижения, ратовавшие за рынок и всестороннее разгосударствление экономики. Ратовать можно было сколько угодно, но реально "радикальные реформаторы" к концу 1990 г. не смогли даже на уровне концепции подступиться к созданию рыночных структур (признавать таковой программу "500 дней" невозможно). Зато эксперимент с торговлей в столице был поставлен на широкую ногу - вся приватизация пошла через черный ход.

В 1990 г. Москву наполнили разнообразные талоны, визитки, приглашения... Система управления выбивалась из сил, чтобы "отоварить" многочисленные обязательства рыночников перед москвичами. Все запуталось вконец: на сахарные талоны давали табак, на табачные - галантерею, спиртное продавали лишь по предъявлении пустой бутылки... Параллельно царствовали визитки покупателя, дополняемые все более усложнявшимися правилами отпуска товара с прилавка. Номенклатура творила свой новый мир. А недавно избранные депутаты, стиснутые информационной блокадой, вынуждены были довольствоваться борьбой за справедливость в отдельно взятом магазине или выдавать предложения по усовершенствованию абсурда.

В январе 1991 г. была принята и опубликована программа Моссовета по разгосударствлению торговли, предусматривающая демонополизацию, освобождение цен, поощрение создания новых предприятий. Программа планировала ввести налоги, побуждающие продавать как можно больше товаров по наименьшей цене. Но история пошла иначе. Лужковский исполком не стал утруждать себя разработкой пакета документов по реализации этой программы. После путча 1991 г. обстановка позволяла не обращать внимания на всю предпутчевую историю и творить очередную номенклатурную реальность по своему усмотрению - в духе нового социального эксперимента, в котором люди и их судьбы - лишь материал для изысканий истины.

Наигравшись с умопомрачительной талонной системой торговли, Г. Попов взялся за приватизацию самой торговли. Принятые под руководством того же Г. Попова решения Моссовета были отброшены, как и российское законодательство. Право на эксперимент освятил своим повелением Президент Ельцин, находящийся в состоянии многомесячного упоения от своей победы над ГКЧП.

Как истинный экспериментатор и энтузиаст своего дела, Г. Х. Попов легко отказался от объявленного им самим перехода на талонную систему по всем основным видам продовольствия. Эксперимент уже дал свои первые плоды, и ум реформатора стремился к новым неизведанным загадкам экономического бытия. Ум же подсказывал ему - на талонной системе москвичи уже хорошо узнали об управленческих способностях поповской команды, надо было изобретать новый мираж. Прежней организации продажи товаров народ мог не стерпеть. Необходима была новинка, которая снова надолго озадачила бы потенциальных бунтовщиков.

Для идейного оформления обвальной приватизации Попову

удается привлечь дуэт "известных экономистов" Пияшева-Пинскер, готовых выпотрошить город ради интересного эксперимента и воплощения своего оригинального ("совкового") понимания принципов либерализма. Это отвечает интеллектуальным интересам самого Г. Попова, который объявил, что на сегодняшний день главное - сделать всех собственниками хоть чего-нибудь. После недолгих препирательств между мэрией и правительством, в основном решавших вопрос о том, кто будет управлять процессом и снимать пенки, остановились на промежуточном варианте, сочетающим интересы приватизаторов из разных кланов.

Мэр Г. Попов со своей "либеральной" командой с момента избрания на высший пост московской административной иерархии не давал городу перевести дух. Его экспериментаторский пыл без всякой системы терзал столицу хаотическими реформами, напоминавшими скорее школярское препарирование тела с единственной целью - посмотреть, что там у него внутри. А "идейным руководителем" над всем этим стоял Б. Ельцин.

Одной половиной мозга Ельцин давал Г. Попову право на "обвальную" приватизацию, другой - требовал приватизации муниципальной собственности строго в соответствии с законом (Указ от 12.01.92). Лужков вслед за Поповым своеобразно понял этот парадокс президентского сознания. Он сделал так, что приватизация по закону в Москве становится наказанием для непослушных. Лужков издает распоряжение о том, что по российским законам будут приватизироваться те предприятия, которые повременили с заявками и подали их после 6 января 1992 г. Если промедлил (или не поторопился удовлетворить потребности тех, от кого зависит своевременность подачи заявки на приватизацию) - получай в назидание - будешь приватизироваться строго по закону!

А еще Ельцин выпустил на волю базарную стихию, оккупировавшую всю Москву. Была объявлена СВОБОДА ТОРГОВЛИ! И город надолго стал свалкой отбросов. Главный санитарный врач оценил ситуацию так: свободная торговля сделала из Москвы помойку. И помойка эта продолжалась все последующие годы. Только в 1994 г. Лужков стал осторожно исследовать проблему перенаселенности московских улиц разногабаритными киосками. Загнать джина обратно в бутылку теперь было не так то просто. Только по официальным данным, за один год в Москве правдами и неправдами появилось на свет 20 тыс. этих резвых детишек "свободы торговли". Столица была перегорожена целыми переулками из киосков, плодящих невообразимую грязь. В этих переулках на выпас вышла лужковская муниципальная милиция - "борцы с организованной преступностью", собирающие мзду на помойных кучах лоточной торговли.

Справка:

По торговым площадям Москва отставала от столиц других государств примерно в два с половиной раза, а от таких городов, как Париж или Лондон - в пять раз ("ЭиЖ", № 12, 1994). Прибавим сюда еще и всего лишь тридцатипроцентную обеспеченность складскими помещениями, ветхость торговых сооружений более чем в 50% магазинов. Тут бы не реорганизациями заниматься, а искать возможности для капитальных вложений...

Поповско-лужковский вариант приватизации во всех своих модификациях сводился к одному - монополизации рынка бывшими государственными структурами, приобретению частных капиталов за счет

эксплуатации системы госпоставок и укреплению сложившихся мафиозных связей. Результат, помноженный на взлет цен, таков - если раньше в магазинах было много покупателей и очень мало товаров, то теперь прилавки наполнились, а магазины опустели. Вместе с очередями сократилось и содержание домашних холодильников. Магазины быстро наполнились товарами, ожидающими очень расточительного покупателя, или были закрыты до лучших времен на ремонт. Продовольственные магазины расцвели коммерческими отделами, торгующими импортной техникой, одеждой и парфюмерией.

Чтобы дать возможность своим "братьям меньшим" обрести без хлопот начальный капитал, Лужков и К° два года блокировали введение лицензий на право торговли и похоронили программу передачи под торговые площади первых этажей зданий. Дефицит товара рождал прибыли, ограничение выхода на рынок независимых предпринимателей - сверхприбыли.

Одиннадцать оптовых предприятий столицы, торгующих рыбой, хлебом, солью, табаком сливаются в монополию АО "Медея". Новоиспеченная "Медея" намерена вести правительственные закупки товаров, устанавливать тарифы и цены для всего города. Глава "дела" - бывший первый зам. в системе "Мосторга" В. Жилинский. Его пример - другим наука. На приватизацию живо сориентировались и другие городские чиновники.

Генеральный директор Главмосплодоовощпрома О. Виричев становится председателем комиссии по приватизации овощного хозяйства Москвы, а через некоторое время возглавляет и коммерческую ассоциацию соответствующего направления. Прошло немного времени, и номенклатурная кормушка восстановила свою производительность. Теперь можно было возвращаться. И Виричев в конце августа 1993 г. уже снова числится в администрации - как первый зам руководителя департамента продовольственных ресурсов. Он сообщает с гордостью, что гноить продукцию на овощных базах стало невыгодно, и закладка овощей на хранение сократилась втрое ("Тверская-13", 26.08.93).

Бывший министр торговли московского правительства В. Карнаухов тоже не отстал. Он входит в руководство нового АО "Инвестпрод", которое включает в себя единственный сахарный завод Москвы (им. Мантулина), все кондитерское производство Москвы, городскую пиво-алкогольную и безалкогольную индустрию.

Вопреки Закону "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" чиновный люд обеспечивал себя дополнительными доходами, а доходы поддерживал своим административным влиянием.

* * *

Два с половиной года беспредела, основанного на распоряжении Попова и указе Ельцина о дополнительных полномочиях исполнительной власти г. Москвы, закончились тем, что 2 апреля 1993 г. Конституционный Суд России признал ельцинские указы по Москве незаконными. Но дело было сделано. Торговые работники души не чаяли в поповско-лужковской приватизации, а "бюджетники", составляющие 60% взрослого населения

Москвы, стали пушечным мясом реформы. Слова Лужкова о том, что ельцинские указы по Москве отменять поздно, оказались банальной истиной и одновременно оценкой оперативности Конституционного суда. Указы Ельцина можно было бы с тем же успехом отменить и через двадцать лет.

Попустительство экономической преступности и отказ от регулирования торговли в Москве заметно сказались на благосостоянии москвичей. В результате политики администрации Москвы цены на продовольствие в столице оказались в 2-3 раза выше, чем в соседних областях ("ВМ", 13.07.93). "Свободная" торговля накручивала цены многократно. Казалось бы продовольствие должно хлынуть на столь выгодный для ее производителя рынок. Этого не случилось, потому что криминальный рынок прочно охраняет свою монополию. В это время (лето 1993 г.) вместо борьбы против теневиков-монополистов Лужков бегает в Правительство РФ с просьбами о продовольственном снабжении Москвы за счет централизованных административных рычагов ("МП", 14.07.93).

Лужковская (а ранее - поповская) администрация была полностью погружена в эту систему грабежа и активно способствовали ее формированию. Криминальную ситуацию в столице в значительной степени усиливала именно безоглядная приватизация московских магазинов. Перепрофилирование продуктовых магазинов приняло массовый характер. Карающая рука закона по отношению к нарушителям договоров купли-продажи вдруг ослабла, но руководители ведущего приватизацию Москомимущества продолжали жаловаться на службу главного городского контролера (знакомый нам В.П.Миронов), контрольно-ревизионное управление мэрии и даже на органы по борьбе с экономическими преступлениями. Среди чиновников (правоохранительные органы, Москомимущество, Антимонопольное управление, Фонд имущества) шла постоянная борьба за влияние на процесс приватизации и право получать мзду с новоявленных собственников. А жалобы друг на друга иллюстрировали давно известную ситуацию: вор у вора шапку украл ("Куранты", 17.10.92).

И все-таки в постоянной борьбе теневые лидеры московской приватизации умели договариваться между собой и слаженно рвали на куски собственность города без особых потасовок. Например, распоряжением мэра от 13.01.92 г. при Мосстройкомитете был создан центр экономического развития и торговли (ЦЭРиТ). Г. Попов еще и делает новому центру подарок в виде роскошного здания и участка земли на проспекте Мира. В Минэкономике как-то решили поинтересоваться, куда девались "выбитые" столичной властью 25% продукции московских предприятий, предназначавшихся якобы для обмена на продовольствие через этот самый ЦЭРиТ. По самым скромным подсчетам, только этого добра хватало, чтобы сделать Москву самым изобильным городом ("МН", 29.11.92). Куда дел их ЦЭРиТ вместе с Мосстройкомитетом никто узнать не смог. Дележка состоялась тихо и незаметно для публики.

Вот другой пример тихого дележа. В 1990-1991 г. германский бундесвер направил гуманитарную помощь Москве из своих стратегических запасов в объеме 250 тыс. тонн. Выручка от ее продажи так и не выражена официальными цифрами. Можно было делать лишь оценки. По имеющимся документам на 56 тыс. тонн, Фонд социальной защиты населения должен был получить 278 млн. рублей. Реально поступило лишь 47 млн. Таким образом,

около миллиарда рублей (в ценах до 1 января 1992) исчезло в неизвестном направлении ("РГ", 31.03.92). Московская торговля весело разграбила щедрый подарок немцев, а правоохранительные органы закрыли на это глаза.

К середине 1993 г. 90 % предприятий торговли было уже приватизировано. Но проверки показывали, что в каждом третьем из них нет кассовых аппаратов, в половине - зафиксированы обсчеты покупателей, и 3/4 магазинов не удовлетворяли санитарным нормам ("МК", 14.07.93). Проверка 1000 магазинов показала, что 86 % из них нарушают обязательства, записанные в договорах купли-продажи. Правительство Москвы отделывалось лишь грозными предупреждениями в прессе и предпочитало не тревожить торговую мафию.

* * *

Г. Попов в интервью еженедельнику "Эвенман дю жерди" сказал: "*Не столь уж важно, в чьи руки перейдет государственная собственность. Останутся лишь те, кто сумеет выжить."* ("Гласность", август 1992 г.). Одним назначено было выживать, другим жить на широкую ногу. Вместе с реализацией невнятных идеологических установок Г. Попова, в Москве привольную жизнь обеспечила себе криминально организованная торговля.

Именно торговая мафия, против которой боролся первый секретарь московского горкома КПСС Б. Ельцин (или скорее делал вид, что борется), и которую вместе с Поповым и Лужковым энергично поддержал в процессе реформ, полностью восторжествовала в Москве. Она же показала, как борцов с мафией покупают и ставят на службу этой самой мафии.

БЮДЖЕТ ДЛЯ КАЗНОКРАДОВ

УСТУПКИ НАИВНЫХ

Деньги - это власть. Кто ставит свои подписи под финансовыми документами, обязательными к исполнению, тот наиболее явным образом осуществляет власть. В политической системе, где хотя бы отдаленно существуют признаки народовластия, государственными финансами через формирование бюджета занимаются народные представители. Насколько народные депутаты контролируют бюджет, настолько они и обладают властью.

Эти простые соображения понятны всякому. Но это только на словах. В реальности вопрос о власти обволакивается массой условностей, которые закрывают от народных избранников главный источник власти - контроль над финансами. Так в Москве 1990 год можно считать периодом абсолютной депутатской наивности, когда многие слышали нечто о бюджетном процессе, но не могли понять свой роли в нем и отыскать привычный политический рычаг, надавив на который можно было бы пожинать успех.

Вот Лужков представляет депутатам бюджет будущего 1991 года и, несколько расслабившись от обстановки утомленности в моссоветовском зале, вдруг вываливает: *"... мы должны оставить определенный интим в*

расчете бюджета, с тем чтобы получше нам и поосновательней было работать с внешними организациями, показывая сложность формирования доходной части бюджета и большие расходы, которые у нас вкладываются по г. Москве."

Внешние организации - это конечно правительственные круги, которые должны предоставить дополнительные средства, порадеть своему брату-аппаратчику, в поте лица сводящему концы с концами. В действительности "интим" становится таковым прежде всего в отношениях с Моссоветом. Об этом сам Лужков говорит через секунду: *"Если говорить серьезно, то мы сейчас уже закончили разработку серьезной крупной программы, которая мобилизует все службы исполнительного комитета на поиск дополнительных доходов в наш бюджет. Я думаю, что вот здесь уже мы готовы депутатам представить, но не на таком кворуме, а в более нормальной обстановке - деловой"*. Т. е. в варианте закулисных шептаний. Так, видать, это представление и состоялось. Либо просто врал будущий московский диктатор, и не было у него никакой программы.

Незаметно для развесивших уши депутатов был применен метод ненавязчивого запугивания: *"Не утвердив бюджет, мы не имеем законного основания для финансирования городского хозяйства и для выплат заработной платы в системе городского хозяйства... В этих условиях налоговая инспекция не вправе предъявлять санкции к предприятиям в случае занижения этими предприятиями платежей, причитающихся городскому бюджету. По нашим оценкам, за первые полтора месяца этого года из-за отсутствия четкой работы в этом направлении мы уже потеряли 100-150 млн. рублей."* Вместо довольно нудной работы над бюджетом депутатам предлагалось понять свой долг в духе, выгодном номенклатуре. Простачки преисполнились гордостью за свою заботу о налогоплательщике, а лентяи были не прочь покончить с вопросом и разойтись.

Все вопросы по бюджету 1991 года ведущий сессию С. Станкевич предложил уложить в 20 минут. И уложили. При полном отсутствии какой-либо предварительной работы бюджет приняли, не обратив внимания на бодрое намерение Лужкова запланировать спад производства на 10-15% в наступающем году.

Добровольная сдача депутатами бюджета подвигла администрацию Москвы на финансовый произвол. В течение 1991 г. исполкомия самовольно провела кардинальную корректировку бюджета города, вопреки необходимости согласовывать такие действия с Моссоветом. Самовольно был осуществлен переход от системы городского и районных бюджетов к единому бюджету, районные финансовые управления были отстранены от работы.

Вместе с противозаконными манипуляциями проявилась и малограмотность специалистов, готовивших бюджет. Доходная часть бюджета оказалась превышенной почти на 40 % (выяснилось это лишь в конце года), что серьезно подорвало социальные программы, блокированные в течение года.

Помимо глупости в бюджетный процесс администрация внесла собственную политику, противоречащую даже тем скромным установкам, которые утвердил Моссовет. Были изменены приоритеты расходования средств. Так, расходы, направленные на поддержку определенных

администрацией предприятий, были превышены в 4,1 раза и составили 275 млн. рублей. Вместе с тем, в фонд социальной защиты населения направлено всего 15 % от утвержденной суммы, а расходы на молодежную политику сокращены в 3,2 раза. Бюджетные средства аномальным образом сосредоточились на содержании и капремонте жилого фонда, профессиональной подготовке кадров, здравоохранении, физкультуре и содержании органов власти и управления. Транспорт, природоохранные мероприятия, жилищное строительство, содержание метрополитена, наука - наоборот, получили необычайно низкое содержание.

Доходы бюджета без согласования с Моссоветом использовались администрацией и на формирование внебюджетных фондов (общая сумма остатка средств на конец 1991 года - около 600 млн.), а их средства расходовались на формирование уставных фондов коммерческих предприятий (МГО Мостелеком, Межреспубликанская универсальная товарная биржа, АО "Трансаэро", МП "Суперметалл" и прочее).

В 1991 г. основная часть доходной части формировалась из налога на прибыль кооперативных и общественных организаций (45 %). А основные траты уходили на дотации жилищному строительству, дотации на квартплату, транспорт и коммунальные услуги. Никаких мер по стимулированию предпринимательства администрация в лице Лужкова не предусматривала, зато сумела расплатиться с московскими мафиози и собственными чиновниками приватизацией. Никто не остался в накладе - ни Лужков, ни предприниматели, ни жулье, обретшие собственность и легальное право на грабеж.

Наивные депутаты еще пытались верить в человеческую порядочность и стремление исполнительных структур работать на благо города. Новый аванс доверия дорого стоил москвичам.

ПЕРВЫЙ БОЙ ВОКРУГ ФИНАНСОВ

С началом гайдаровской реформы бюджетное регулирование практически полностью расстроилось. Гиперинфляция не позволяла точно прогнозировать доходы и расходы. Денежные потоки стали совершенно бесконтрольными. Это и создавало финансовую базу реформ, используемую в основном криминальными элементами, которые в свою очередь сформировали социальную базу "гайдарономики".

Правительство Москвы трижды выставляло проект бюджета 1992 г. для утверждения Моссоветом: 24 апреля 1992 г., 5 мая 1992 г., 17 июня 1992 г. Моссовет попытался в обстановке хаоса закрепить хотя бы структуру и пропорции бюджетных трат и доходов. Соответствующее решение состоялось уже в конце июля 1992 г. 2 сентября 1992 г. Лужков направил в Моссовет четвертый вариант бюджета. Моссовет месяц бился над ним, чтобы еще через месяц (уже начало ноября) Лужков снова изменил проект бюджета - уже в пятый раз. (В этот момент Лужков в интервью дезинформирует москвичей: *"То, что Моссовет не принял бюджета, - не мои проблемы. Депутаты его не рассмотрели - нет кворума."* ("АиФ", № 41, 1992).) В результате пятой итерации доходная часть бюджета была увеличена на 19 млрд. рублей - вплоть до планки, выставленной бюджетной комиссией Моссовета. 30 ноября Моссовет после бурных обсуждений принял бюджет за основу. Следует

очередной раунд поправок со стороны депутатов и со стороны мэрии, и к концу года бюджет все-таки принят окончательно.

Депутатское объединение "Законность и народовластие" (наиболее активное в бюджетных делах, а позднее - в попытках провести выборы мэра в соответствии с законом) отмежевалось от утвержденного в конце концов бюджета. Вымотанные непрерывным прессингом депутаты приняли призывы своих авторитетов (Н. Гончара и председателя бюджетной комиссии). В истории бюджета 1992 г. многое еще принималось депутатами на веру. Администрации и Гончару удалось убедить большинство депутатов в том, что чиновники отвечают за финансовые вопросы только в силу своих способностей. Собрать те суммы, которые чиновники ДОЛЖНЫ были собрать в доходную часть бюджета по закону и реальному экономическому расчету к концу года, представлялось большинству уже совершенно непосильной задачей. И депутаты, выиграв несколько схваток с администрацией, уступили ей главное сражение.

Что же стоит за столь напряженной работой и жестокой борьбой за контроль над финансами, которые были ко всему прочему прошиты красной нитью противостояния по вопросу проведения выборов главы московской администрации? Без цифр здесь не обойтись.

Из выступления депутата Моссовета Сергея Петровича Пыхтина 29.11.92 на сессии Моссовета при обсуждении бюджета (со справками экспертов Каменецкого и Мельника):

"Политика начинается тогда, когда речь идет о распределении ресурсов. В нашем обсуждении я не буду касаться статей, которые направлены на расходование средств. Я хочу обратить ваше внимание на статьи, которые касаются наших доходов.

К большому нашему сожалению, расчеты, связанные с обоснованием доходной части бюджета, и обстоятельства, которые мы выявили в процессе рассмотрения представленных администрацией материалов, показали значительные расхождения. Выявленные расхождения 1 октября текущего года были оформлены и письмом направлены на имя председателя Московского Совета с просьбой довести информацию до сведения народных депутатов, администрации, и подвергнуть наши расчеты критике, чтобы решить, обоснованы они или не обоснованы. К сожалению, эта работа не была выполнена, и никакого обсуждения расчетов в рабочем порядке или на заседаниях комиссий не произошло.

А теперь по нескольким позициям доходной части бюджета. В том материале, который был представлен администрацией и согласован комиссией по бюджету, почему-то упущено несколько видов поступлений в бюджет. В частности, средств от продажи жилой площади. Сейчас уже известна сумма доходов города по этой статье - 16,3 млрд. рублей. Решением Правительства России Москве передана дотация из дорожного фонда Российской Федерации размером в 2 млрд. 450 тыс. рублей. Эти средства также должны быть включены, хотим мы этого или не хотим, в доходную часть бюджета.

Необходимо также включить в доход огромные средства от коммерческого использования собственности Москвы, включая средства, полученные от аренды нежилых помещений. Самый скромный расчет этой суммы составляет 68 млрд. рублей. Это доходы города, но у нас они засчитываются даже не на счета администрации города, а на счета нанятых администрацией юридических лиц. Это вопрос не политический. Он связан только с правильным фиксированием доходов города.

Наконец, я перехожу к тем шести статьям доходов, в которых мы выявили наиболее существенные расхождения.

Я хочу начать со статьи акцизов. Акциз - это новый вид налога, введенный в этом году, который уплачивается производителем подакцизных товаров: водки,

шампанского, автомобилей и т. д. При расчете мы пользовались официальными данными Мосгорстата за первые 9 месяцев текущего года. Поэтому мы совершенно точно знаем, какое количество подакцизных товаров производится на территории Москвы. Нам уже известны цены в течении всего 1992 г. и известны налоговые ставки. Далее остается только произвести арифметические действия."

Справка:

По данным Мосгорстата, годовой оборот продажи автомобилей "Москвич" в оптовых ценах с учетом акцизов составил 16,28 млрд. рублей. Согласно решению правительства Гайдара, ставка акциза для автомобилей этой марки составляет 25%. Следовательно, сумма акцизов должна составлять 4,70 млрд. рублей. Сумма, указанная в лужковском проекте бюджета, меньше в 12 раз. В 1992-м году стоимость полулитровой бутылки водки в розничной торговле составляла в среднем 125 рублей. Оборот в оптовых ценах с учетом акцизов - 17,34 млрд. рублей. Ставка акциза, установленная уже в самом проекте бюджета - 79,6 %. Следовательно, сумма акцизов составляет 13,81 млрд. руб. В проекте бюджета цифра почти вдвое меньше. Акциз по остальным товарам в проекте бюджета составил 4,2 млрд. рублей, но расчеты только по коньяку, вину и пиву дают 6,11 млрд руб.

"Следующая позиция - подоходный налог с физических лиц. Если мы поверим расчетам администрации, то общее количество работающих на территории Москвы равно 2 млн. 800 тыс. человек. Но в городе, где проживает 9 млн. человек и относительно низкая рождаемость (следовательно, количество детей ниже среднего уровня), количество работающих гораздо больше. В соответствии с нашим анализом и с учетов работающих на территории Москвы жителей Московской области, общая численность работающих достигает 5 млн. 200 тыс. человек. Эти данные опираются на материалы статистического управления Москвы."

Справка:

После внесенных поправок в проекте бюджета численность трудоспособного населения определена в размере 5,2139 млн. человек, тогда, как по данным Мосгорстата - 6,1274 млн. Первоначальные данные департамента финансов, взятые по всей вероятности "с потолка", давали цифру всего 3,8 млн. человек. С грехом пополам согласованная цифра составила 4 млн. 662 тыс. человек. Исходя из этой цифры проекта бюджета, при тогдашнем среднемесячном доходе 4,968 тыс. рублей и 12 % ставке подоходного налога бюджетные поступления по этой статье были занижены администрацией на 6,219 млрд. рублей (32 %).

"Позволю себе привести несколько цифр. Налог на прибыль нам представляют в размере 79,7 млрд. Если правильно посчитать, получается 92,1 млрд. Акцизы нам предлагается утвердить в размере 7 млрд. 890 млн. Правильный учет акцизов, даже при отсутствии данных по целому ряду подакцизных товаров в связи с отсутствием данных (деликатесная продукция, шины, ювелирные и меховые изделия), дает 18,1 млрд. рублей доходов. Налог на добавленную стоимость определен администрацией в 33 млрд., тщательный подсчет показывает цифру 38 млрд."

Справка:

В проекте правительства Лужкова "по забывчивости" не учтена переоценка основных фондов на 1 июля 1992 года. Таким образом, сумма поступлений занижена на 1,9494 млрд. рублей, т. е. в 10 раз.

"Далее - земельный налог. Тут совершенно парадоксальные цифры. В расчетах, которые нам представлены, общая площадь, с которой администрация собирается взимать земельный налог, равна примерно 4 тыс. га. Но если мы посмотрим, например, данные о том, какая площадь занимается только под коллективные гаражи, то это уже 5 тыс. га. Спрашивается, где остальные земельные

участки, занятые под производство и подлежащие обложению налогом? Если их учесть, то вместо предлагаемой нам цифры 3,6 млрд. рублей нам следует утвердить 21 млрд. рублей."

Справка:

В противоречие с данным Мосгорстата, в проекте бюджета указан общий размер городской территории 8,45 тыс. га, что в 11,76 раза меньшее данных Мосгорстата. По-видимому, не была учтена пустующая земля, которая входит в состав территорий предприятий и железных дорог.

В расчетах была использована ставка земельного налога 13,5 руб. за 1 кв. м, тогда как распоряжением Лужкова (№ 173-РВМ от 31 марта 1992 года) размер ставок колеблется от 22,1 до 81 рубля. Таким образом, поступления по налогу занижены на 20,43 млрд. рублей или в 39,2 раза.

"Наконец, доходы от приватизации. Нам предлагается учесть доход в размере 2,24 млрд. руб. Но буквально на днях прошла информация о том, что четыре проданных объекта дали городу 6 млрд. рублей. В нашем расчете, сделанном на основании экспертной оценки, мы указываем цифру 10 млрд. рублей..."

Справка:

Данные о сдаче нежилых помещений московским правительством были тщательно скрыты, и поэтому оценка доходов по этой статье была проведена экспертами на примере Черемушкинского района. Доля нежилых помещений (276,63474 тыс. кв. м по данным инвентаризации 1991 г.) в нем принималась равной доле, которую занимает район в общей территории Москвы. При распространении ставки арендной платы (3,5 тыс. руб. в год за кв. м), принятой в районе, на всю Москву, получается цифра дохода в 26,895 млрд. руб.

Справка:

В проекте бюджета вообще не были отражены другие налоговые поступления: от местного налога на вывоз твердых бытовых отходов дополнительных сборов за регистрацию браков, разводов и рождения детей сбора за право уличной торговли пошлины за регистрацию юридических лиц. Все вместе это дает сумму около 729,9 млн. рублей.

По экспертным оценкам, общая сумма доходов города - 259, 5569 млрд. рублей, т. е. на 127,3695 или 96 % больше, чем в проекте бюджета.

"Мне представляется, что независимо от того когда мы принимаем решение - в октябре или в ноябре - мы должны принимать правильное решение. Для нас важен и размер средств, которые перейдут на 1993 г."

Дополним массу цифр данными из других источников.

Из записок депутата Моссовета В. В. Паринова:

"Из распоряжения мэра № 260: "В целях привлечения добровольных взносов и пожертвований в благотворительные фонды мэрии и Правительства Москвы установить льготу на прибыль, зачисляемую в бюджет Москвы..." Из распоряжения № 462 о создании фонда возрождения Москвы: "В фонд направляются средства от земельных платежей и аукционной продажи нежилых помещений...".

Т. е. опять же средства берутся из бюджета. Распоряжаться фондом будут: председатель - Лужков, восемь его непосредственно подчиненных, советник аппарата Президента, управляющий делами Правительства и два финансиста-банкира. Ни одного представителя от общественных организаций, культурных, исторических и научных обществ. Никого, кто бы мог привлечь внимание общественности к

деятельности фонда!.

Из распоряжения № 1186: Контрольно-ревизионному управлению при Правительстве Москвы рекомендуется проводить внеплановые проверки, но... *"каждую проверку согласовывать с Ю. М. Лужковым или его первым заместителем"*. Дескать, проверять-то, проверяй, но знай кого!"

Из материалов депутата Моссовета Юрия Александровича Николаева:

"Суммарное значение акцизов, выплаченных основными производителями водки, ликеро-водочных изделий, вина, коньяка, шампанского, пива и табака, составило 11,5 млрд. рублей. Только завод "Кристалл" уплатил в налоговую инспекцию № 22 Юго-Восточного административного округа 7,4422 млрд. руб. Из годового отчета об исполнении бюджета г. Москвы по остальным видам подакцизной продукции (икра, шины для легковых автомобилей, ювелирные изделия и др.) сумма акцизов равна 1,6 млрд. рублей.

Таким образом, в доходной части бюджета по статье "Акцизы" должно быть показано 13,1 млрд. рублей, тогда как в упомянутом отчете значится цифра 7,67 млрд. рублей. Следует отметить, что в проекте бюджета городская администрация указывала по статье "Акцизы" доход в размере 7,685 млрд., а налоговая инспекция рассчитывала получить 5,64 млрд.

Близость цифр, указанных в проекте бюджета и отчете о его исполнении, позволили исполнительной власти сетовать на "недоверие органов представительной власти к прогнозам администрации" и указывать на реалистичность своих прогнозов. С этим можно было бы согласиться, если бы удалось понять, как реально поступившие в налоговую инспекцию платежи могут ускользать из отчета об исполнении бюджета."

Характерна судьба валютных средств, которые должны были расходоваться на нужды города. Типичный способ расхищения валюты продемонстрировало коммерческое бюро "Мосинрасчет", созданное в 1988 г. для аккумулирования валютных средств города. Проверка КРУ Минфина в июле 1992 г. показала, что огромные суммы в валюте не поступают в бюджет города. Например, были скрыты доходы от эксплуатации гостиницы "Россия" (500 тыс. инвалютных рублей) и гостиницы "Украина" (1.200 тыс. рублей). Зато бюро "Мосинрасчет" стало соучредителем СП "КНИТ - Калужская застава". Часть своего вклада бюро перечислило в Евробанк (Франция) ("РГ", 30.01.93).

В 1992 г. московское правительство пользовалось многомиллиардным кредитом Центробанка на строительство муниципального жилья. Но, постоянно продавая жилье на аукционах, московские администраторы не только не погасили кредит, но обратились в ЦБР с просьбой списать его. Куда же исчезли деньги? Этого выяснить так и не удалось ("Дума", № 14, 1993).

Особое положение Москвы давало возможность Г. Попову буквально вышибать деньги из российского правительства и использовать их без всякого контроля. Если 29 декабря 1991 г. Ельцин своим указом отписал Москве 15% налога на прибыль и 5% налога на добавленную стоимость, которые собирались на территории города, то через месяц эти цифры (опять же президентским указом) были повышены до 46% и 18% соответственно. Помимо этого, в конце февраля 1992 г. Попов и Лужков получили еще и 20 млрд. рублей в качестве дополнительного ассигнования ("РГ", 04.04.93).

Связь с первыми кровавыми событиями 23 февраля в данном случае достаточно прозрачна. Ельцин уже тогда был заинтересован в

конфронтации и хаосе. Нужны были средства на политику. В Москве они были особенно нужны, а новая номенклатура уже научилась у старой отжимать капиталы из городского бюджета.

Помимо внушительных ассигнований "сверху", московское правительство удачно изымало средства из-под контроля и переводило на счета частных фирм, возглавляемых "своими" людьми. Чего стоит хотя бы арендная плата за 29 млн. кв. метров нежилых помещений, которыми располагала Москва. По самым скромным подсчетам от их аренды можно было бы получить до 20 млрд. рублей ("РГ", 04.04.93). Но с самого первого проекта бюджета города Правительство Москвы не собиралось показывать эти доходы. То же самое касается и дивидендов от деятельности коммерческих структур, в которых свою долю имела мэрия. В казну деньги от таких структур практически не поступали. Прибавим сюда еще и внебюджетные фонды, которые подчас вместо заявленных в их уставах целей занимались обеспечением чиновников зарплатой и доходными местами.

Итак, самые приблизительные подсчеты показывают, что доходная часть бюджета 1992 г. была занижена Лужковым и его компанией наполовину, в лучшем случае - на треть. Это и стало основой тех невиданных финансовых средств, которые "проросли" в коммерческих структурах и политических баталиях 1993 года.

* * *

С. П. Пыхтин (из выступления на пресс-конференции):

"Москва, как известно, наиболее богатый город страны, и, пожалуй, именно здесь не может быть дефицита бюджета. Но доходы Москвы администрацией всячески скрываются, цифры подтасовываются. Бюджет города и внебюджетные фонды, валютная часть доходов Москвы выведены из-под контроля.

Непоказанная часть доходов не пропадает бесследно. Это и есть питательная среда для чудовищной системы коррупции и произвола, среда для создания коммерческих, политических, охранных структур, которые действуют для поддержания сложившегося положения не только в нашем городе. Именно за счет незаконной эксплуатации собственности, денежных ресурсов города и идет вся "перестройка", разрушающая структуры власти и управления и позволяющая по сути дела единолично распоряжаться богатством города (так называемая "реформа Попова")."

Из заявления депутатского объединения "Законность и народовластие" 07.12.92:

"Только в декабре, после длительного обсуждения, Моссовет принял бюджет города на 1992 г., проект которого был представлен администрацией лишь в сентябре.

При всей абсурдности принятия бюджета на исходе года, время и силы депутатов были потрачены не зря: удалось вскрыть порочные механизмы формирования бюджета и разбазаривание чиновниками городских средств, наметилась возможность установить контроль Моссовета за валютными средствами столицы.

Но бюджетный процесс был в очередной раз профанирован

администрацией Москвы, сделавшей ставку на экономическую неразбериху, в условиях которой нарушение закона стало обычной практикой. По оценкам депутатской экспертизы, укрытая администрацией сумма доходов города составляет не менее 70 миллиардов рублей. Поэтому принятие бюджета Моссоветом стало по сути дела санкцией на разграбление мэрией Москвы значительной части этих доходов. Тем самым бюджет носит криминальный характер. <...>

Склонность части депутатского корпуса к беспринципным компромиссам, пренебрежение ответственностью перед избирателями, закономерно привели к объединению вокруг главы московских чиновников - Ю. М. Лужкова недавних соперников из фракций "Демократическая Россия" и "Москва". Старая и новая номенклатура сомкнули свои ряды."

БЕЗ ШАНСОВ НА УСПЕХ

История номенклатурной приватизации бюджета продолжилась и в 1993 г. За несколько месяцев проект доходной части бюджета, представленный администрацией, изменился с 500 млрд. рублей до 1500 млрд. Откуда и куда уходили деньги, не могли понять и сами московские чиновники, занятые до полного увлечения разграблением города.

За весь 1993 г. Правительством Москвы предусматривались поступления в бюджет от аренды приватизированными предприятиями их помещений всего лишь в размере 9 млрд. рублей (8780 тыс. долларов по текущему курсу) ("Коммерсантъ-Дейли", 16.07.93).

Подробно разбираться в очередном витке финансовых махинаций было уже некому. Отчет о деятельность Лужкова и его финансистов в 1993 г. утверждался уже ручной Городской Думой, которая функции контроля не могла осуществлять в силу своей интеллектуальной немощи и политической прирученности.

А летом 1993 г. Моссовет еще успел рассмотреть отчет об исполнении бюджета 1992 г. Мэрия на этот раз попыталась подготовиться основательно, выпустив чуть ли не целый том документов и аналитических записок. Полгода спустя депутатам и самим себе чиновники пытались доказать, что их прогноз доходов города был оптимальным. Но шила в мешке не утаишь. Как и в 1991 г., занижение доходов по сравнению с цифрой фактически поступивших в городскую казну средств только по официальным данным составило около 60%.

Из выступления на сессии Моссовета А. Плохина, председателя бюджетно-финансовой комиссии Моссовета:

"В пояснительной записке приведен анализ исполнения доходов, который скорее можно назвать "Объяснительной или оправдательной запиской по поводу неудовлетворительного планирования доходов". Причем имеют место искажения фактов. Так например:

На стр. 41 пояснительной записки утверждается, что поскольку Моссоветом в доходную часть в объеме 175,9 млрд. рублей были включены новые позиции за 25 дней до окончания финансового года, то они уже не могли быть выполнены. А тем не менее доходная часть бюджета 1992 г. по факту была перекрыта (в том числе и по

измененному сессией объему такого источника, как подоходный налог с граждан).

На стр. 4 утверждается, что процент исполнения бюджета по доходам составил по отношению к уточненным плановым показателям администрации 108% (стр. 43), фактически по отношению к сумме доходов, представленных администрацией 17 июня 1992 года за подписью Ю. М. Лужкова, - 113,4 млрд. рублей, реальное исполнение доходов бюджета (стр. 42 - 195,6 млрд. рублей) составило 173%, по отношению к данным, представленным администрацией 2 сентября 1992 года за подписью Ю. М. Лужкова, - 147%.

На стр. 44 превышение доходов объясняется следующим образом: "по таким закрепленным источникам, как подоходный налог (?!), госпошлина, плата за воду, разные сборы и неналоговые платежи дополнительно получено 2 млрд. рублей, в основном за счет разных сборов и неналоговых платежей", - прямой обман, так как на стр. 3 в Таблице "Доходы" (поз. 5) показано, что только подоходного налога получено на 15 млрд. рублей больше, чем даже та сумма, которую утвердила сессия Моссовета. А обман такой нужен потому, что именно по этому - одному из основных источников доходов - бюджетно-финансовая комиссия с сентября месяца 1992 г. расчетами доказывала заниженность планов доходов, представленных администрацией. И каких только обвинений в дилетантстве мы при этом не наслушались!"

Расходная часть бюджета после анализа тоже выявила абсолютно явную криминальность своего происхождения. Именно по наиболее социально значимым отраслям городского хозяйства, по которым Лужков всегда демонстрировал нехватку средств, выделенные Моссоветом суммы были недоиспользованы. Изысканные на бесплатное муниципальное жилье 15 млрд. рублей Правительство расходовать на эти цели просто отказалось. По программе "Конверсия" было не израсходовано 210 млн. рублей, по здравоохранению (в условиях угрозы забастовок медиков) - 500 млн. рублей, средства московской милиции израсходованы лишь на 92 %, муниципальной милиции - на 89%, средства на выплату пособий семьям с детьми - на 80 %.

Ремонт дорог и благоустройство, которыми занималась администрация, не имели никакой системы контроля и ответственности за эффективность использования средств. Арендные платежи, используемые за эксплуатацию зданий - здесь тоже полная неразбериха: никакой системы контроля, массовые злоупотребления. Дотации Мосгортрансу в счет бесплатной перевозки пассажиров по действующим льготам администрацией сохранены в прежнем объеме, несмотря на резкое снижение объема перевозок. Дотации на хлеб сочетались с планомерным разрушением хлебной индустрии города и рекламной кампанией по программе малых пекарен (обласканный Лужковым "Дока-хлеб"). Культура - средства из бюджета снова недоиспользованы.

Система внебюджетных фондов практически обесценила бюджетный процесс по целому ряду параметров. Эти средства как бы становятся ненужными и не расходуются. Зато из бюджета города почему-то финансировались лечебно-профилактические учреждения администрации Президента РФ (57,2 млн. рублей) и строительство объектов для Грузии (около 200 млн. рублей). Кроме того, сверх выделенных в бюджете средств Лужков направил на финансирование собственной администрации 120 млн. рублей ("Правда", 09.07.93).

Криминальность бюджета подтверждается, например, следующими фактами:

Валютный фонд Москвы полностью скрыт.

Московским правительством были определены так называемые

"уполномоченные банки", которые могли придерживать у себя огромные суммы бюджетных денег, расплачиваясь с чиновниками через систему благотворительности. Четырехзвенная система перевода бюджетных средств неимоверно тормозила расчеты из бюджета, но кормила коммерческие банки.

Бюджетная система в целом оставляет в стороне состояние доходов населения и расчеты необходимых для его выживания в условиях кризиса дотаций и льгот.

* * *

В июле 1993 г. нарушений было выявлено так много, а позиция администрации была столь вызывающе неконструктивной, что критические выступления депутатов на сессии Моссовета тоже приобрели чрезвычайно острый характер. В своем выступлении депутат С. Пыхтин, протестующий против широкомасштабных безобразий в сфере расходования городских финансов, произнес слова великого Вольтера: "Раздавить гадину!" (Имелась в виду, конечно же, гадина коррупции, которая поселилась среди московских чиновников.) В результате администраторы "буферного слоя" (специальная команда по укрощению депутатов) не упустили случая обидеться - приняли призыв бороться против коррупции на свой счет. Администрация Лужкова решила использовать острое слово депутата в качестве повода для отказа от участия в работе сессии.

В обращении администрации по поводу "оскорблений" говорилось, что лексика депутата недопустима в приличном обществе, что обвинять Правительство Москвы в сознательном разрушении российской государственности тоже недопустимо ("ВК", 10.07.93). И все-таки политика Лужкова была именно разрушительной, а его методы - преступными. Анализ бюджета города говорил именно об этом.

Председатель Моссовета Н. Гончар также требовал извинений. Но перед кем извиняться? Никаких персональных оскорблений произнесено не было. Извиняться перед администрацией в целом? Но коррумпированность ее известна всем и каждому. Извиняться за то, что призыв раздавить гадину как-то одновременно пришелся и по администрации, и по коррупции?... В общем - бессмыслица. Да и имеет ли вообще право администрация обижаться? Эдак вот всем своим составом возмутиться за честь мундира. Не имеет! Представим себе, что обиделась армия? Что же, будет стрелять из всех орудий?

Разыгрывая ребяческие обиды, Лужков и К° совершали преступление. Они отказывались от работы, но не собирались уходить в отставку. Обида здесь возникла неспроста. Она была очень удобна. Ведь сделав обиженную мину, можно не замечать, на что направлена критика депутатов, сделать вид, что недостатки при подготовке отчета по бюджету - ничто в сравнении с нанесенной обидой.

Правда глаза колет, но игнорировать ее можно только до поры до времени. Всего-то через месяц после завершения бюджетных баталий в Моссовете на заседании Правительства Москвы было признано то, в чем чиновники раньше никак не хотели признаваться. Лужков лично распекал должностных лиц своей администрации, расточительно использовавших средства бюджета: практически ничего не делается для обеспечения города валютой, префектуры разбазаривают бюджетные средства, не ведется

работа по выводу из кризиса оборонных предприятий, не решается проблема платежей по задолженностям и т. п. Оказалось, что до 60% бюджетных средств идет на покрытие внеплановых расходов. Тем не менее, несмотря на бюджетный дефицит в 450 млрд. рублей, Лужков посчитал финансовое положение города вполне устойчивым ("Коммерсантъ-Дейли", 18.08.93).

Таким образом, история с обидой - просто прикрытие саботажа. Администрация по сути дела отказалась сотрудничать с теми, кто должен был ее контролировать. Контроль выворачивал наружу криминальную сущность московской власти.

12.07.93 сессия Моссовета признала исполнение бюджета 1992 г. неудовлетворительным и поручила председателю Моссовета Н. Н. Гончару подготовить документы о привлечении к административной ответственности высших должностных лиц администрации за невыполнение решений депутатов, а также о возврате незаконно выделенных предприятиям и организациям средств в бюджет города.

Начало рассмотрения этих вопросов скорее всего и было одной из причин, вызвавших активную подготовку государственного переворота со стороны московской исполнительной власти.

РАЗГРАБЛЕННЫЙ ГОРОД
(гайдарономика в Москве)

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ "ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕФОРМ"

Талонные изобретения Г. Попова 1990-1991 гг., спутавшиеся в клубок сплетен, домыслов и бытовых скандалов, окончили свое действие в 1992 г. По примеру гайдаровского правительства в начале 1992 г. в Москве было создано "правительство реформ".

"Правительство города Москвы, сформированное как правительство экономических реформ, приступая к своей деятельности в условиях развала экономической системы, роста инфляции, снижения жизненного уровня трудящихся, руководствуясь Указом Президента Российской Федерации "О дополнительных полномочиях органов управления г. Москвы на период проведения радикальной экономической реформы", ставит своей целью..." Да для чего все эти "радикальные"..?

Ах вот что! Все это, говорят, "для создания условий расширенного воспроизводства с приоритетным учетом интересов трудовых коллективов при обеспечении социальной защиты частично и полностью нетрудоспособных групп населения".

Вот что планировалось администрацией Москвы:

1. *Ускоренная приватизация.* В 1992 г. практически полностью должна была исчезнуть муниципальная торговля, общественное питание и бытовое обслуживание - 5 тыс. муниципальных предприятий половина малой и средней городской промышленности - 43 предприятия половина грузового транспорта и треть пассажирского все до единой автозаправочные станции, 41 муниципальная гостиница. Осуществление приватизации крупнейших московских предприятий должны были открыть "Лужники", ГУМ, кондитерская фабрика "Красный Октябрь", кожгалантерейное

объединение "Галант", гостиницы "Юность" и "Украина"... Планировалось в префектурах создать не менее 10 оптовых рынков и сеть торгово-посреднических фирм. Кроме того, в них должны были появиться по одному продовольственному рынку. А еще должна была пройти приватизация аптечной сети и фармацевтических складов.

2. *Уничтожение...* Нет, нет! *Разгосударствление (а к концу года 50 %-ная приватизация) стройкомплекса: крупнейших строительных объединений* "Главмосстрой", "Мосинжстрой", "Моспромстройматериалы", "Мосмонтажспецстрой".

3. *Бесплатная приватизация квартир.*

4. *Перевод на полную самостоятельность* (и на подножный корм) *образования, здравоохранения, культуры и спорта.*

5. *Формирование городского бартерного фонда* в размере 15% от выпускаемой городом продукции. (Какая кормушка для тех, кто будет распределять!)

6. *Ввод льготного кредитования производителей товаров народного потребления* со ставкой кредита не выше 5% и льгот по арендной плате за землю и нежилые помещения. (Кто-то сделает себе состояние на одних льготах!)

7. *Формирование финансовой структуры:* коммерческих банков, ипотечного банка, страховой фирмы, системы бирж (по жилью, недвижимости, по трудовым ресурсам), индустрии коммерческого туризма.

8. *Продажа для пополнения бюджета "не менее 30 объектов"* (менее тридцати никак нельзя!). *Продажа на аукционах "не менее" 200 тыс. кв. м жилья.* (Очередникам было положено не менее 1 млн. кв. м.) *Капремонт 2,5 млн. кв. м. Продажа иностранным фирмам "2-3 убыточных предприятия и 1-2 объекта незавершенного строительства".* (На этой неточности цифр и неясности по поводу адресов объектов кому-то светили миллиарды.)

9. *Ввод системы лицензирования видов деятельности.*

10. *В качестве социальных гарантий были предусмотрены:*

- денежные компенсации особо нуждающимся (упомянуты только одинокие матери - по 200 рублей в месяц и дети, не посещающие садов, - по 150 рублей) плюс льготные условия посещения учреждений культуры
- бесплатный проезд пенсионерам (2,2 млн. человек) и льготный - школьникам (1,25 млн. человек)
- по одной столовой бесплатного питания каждому муниципальному округу (суммарно на 35-40 тыс. москвичей) и центры социальной помощи (непонятного назначения)
- бесплатное питание младшим школьникам (300 тыс. человек)
- 10 тыс. стипендий мэрии по 750 руб
- фонд социальной защиты военнослужащих на 25 млн. руб., выделение им 168 квартир плюс увеличение жилищного строительства для них на 300 тыс. кв. м, да еще выделение 2000 участков под собственное строительство и 1500 временных мест в общежитиях.

11. *Организация системы общественных работ на 12-15 тыс. человек.*

12. *Восстановление межрегиональных и межотраслевых связей.* (Разрушенных теми же силами в 1991 году!)

13. Выделение на программу *"Конверсия"* не менее 1 млрд. рублей, что должно было дать не менее 100 видов новых товаров и увеличить на 15% производство товаров, поставляемых оборонкой в московскую торговлю.

14. *Проведение децентрализации* (т. е. формирование префектур и системы муниципальных округов, независимых от депутатского корпуса).

15. В перспективе планировалось принять:

- Основные направления градостроительного развития Московского региона до 2010 г.
- Градостроительный Устав Москвы
- программу коттеджного строительства на 10 лет вперед (с площадью территорий 40 тыс. га, а на 1992 г. - 3 тыс. га)
- пакет документов по землепользованию
- программу постоянного экологического мониторинга.

В планах также упоминалась какая-то программа иностранных инвестиций, принятая Правительством Москвы в 1991 г. Возможно, это касалось запланированного начала строительства "Московского Сити" на Краснопресненской наб. (страны семерки), Бизнес-центра на Саввинской наб. (Япония), гостинично-делового центра у Павелецкого вокзала (США)., завершения строительства гостиниц "Балчуг-1" (Австрия), "Новотель" (Франция), реконструкции гостиницы "Центральная" и "Националь" (обе - Австрия), создания "Домов Москвы" в Вене, Париже, Брюсселе и Мадриде.

Вот вся программа налицо. Теперь о том что получилось. Всякая там приватизация, конечно, получилась. Приватизацию мы уже обсуждали в предыдущих разделах. А вот со всем остальным - явный прокол.

Поскольку никакого официального отчета о "радикальных реформах" в Москве Лужков никогда никому не представлял, следует воспользоваться теми данными, которые по глупости выболтали его ближайшие соратники.

Возьмем одного из зампремьеров Правительства Москвы, близкого Лужкову по любви к кооператорам. Вот какие успехи за год увидел зампремьера московского правительства К. Буравлев ("МП", 18.05.93):

1. *Создана регистрационная палата для коммерческих предприятий* (в основном стараниями депутатов Моссовета).

2. *Создан институт лицензирования* (с опозданием более чем на год по сравнению с предложениями и разработками тех же депутатов). Отметим, что повальное лицензирование явно не по делу затронуло малое предпринимательство, в верности которому то и дело клялись практически все политики и хозяйственники Москвы. Выбрав деньги за лицензию, чиновники не собирались брать на себя каких-либо обязательств. Таким образом, просто введен один из новых административных поборов.

3. *Есть антимонопольное управление с программой антимонопольных мер* (при сорванной реализации антимонопольного законодательства, по которому требовалось проводить принудительное разукрупнение монополистов - например, московского объединения "Квант", захватившего торговлю и ремонт холодильников).

4. *Наладилось взаимодействие между Москомимуществом и Фондом имущества* (после долгой свары, за которую город заплатил не одним миллиардом рублей).

5. *Пробуются негосударственные фирмы в коммунальном обслуживании* (на деле тормозится переформирование РЭУ, ставших кормушками для мелких жуликов).

6. *Весь грузовой транспорт вышел из государственного сектора* (и проблема перевозок в городе сразу обострилась до предела).

7. *800 тыс. квартир приватизировано, а каждая пятая из них уже поменяла владельца.* (Вопрос - сколько бомжей при этом появилось, сколько людей пропало без вести? Значительная часть рожденного "правительством реформ" квартирного базара - это человеческие трагедии.).

А проблем зампремьера назвал всего две: малые налоги за аренду земли - всего 3% в бюджете, зато налог на живой труд просто душит производство. (Правда, руководитель Департамента внешнеэкономических связей в другом месте и по другому поводу заявил, что плата за землю, наоборот, слишком большая. В центре Москвы аренда гектара составила для иностранных фирм 450 тыс. долларов в год, что в 3,5 раза превышает цены Вашингтона ("Ступени", 22.05.93).)

А теперь приведем цифры, которые говорят сами за себя и действительно по делу оценивают "радикальные реформы".

Из исследования депутата Ю. А. Николаева ("Дума, № 6, 1993):

	Среднемесячная зарплата в 1992 г. в % к 1990 г.	Отношение зарплаты к недельному набору продуктов питания
СПб	740	11,4
Москва	840	15,3
Н. Новгород	950	11,6
Ульяновск	950	20
Екатеринбург	1120	17

Из этих цифр следует, что рывок цен в Москве и Санкт-Петербурге (СПб), связанный с гайдаровской либерализацией, был наиболее сильным по сравнению с другими крупными промышленными центрами. Обеспеченность продовольствием на рубль зарплаты в обеих столицах среди промышленных центров была наименьшей. Темпы роста потребительских расходов в Москве и СПб составили в октябре 1992 г. - 1,3, в Ульяновске и Екатеринбурге - меньше 1. Производство товаров народного потребления (за 10 месяцев 1992 г.) составило по отношению к декабрю 1991 г. - 74,4 % в СПб, 81 % в Москве, в других городах заметно выше (например, в Н. Новгороде - 94 %, а в Ульяновске - более 100 %).

НОМЕНКЛАТУРНЫМ ЛИЦОМ К ЦЕРКВИ

Казанский собор на Красной площади вырос как из-под земли и органично вписался в архитектурный ансамбль. В самом же храме по правую руку лика Богородицы вывешена табличка, содержание которой необходимо привести полностью:

"Сей храм был построен в 1636 году от Рождества Христова в ознаменование победы народного ополчения Минина и Пожарского над иноземными захватчиками. Разрушен до основания в 1936 году. Восстановлен за два лета на средства Правительства Москвы и граждан России по чертежам архитектора-реставратора П. Д. Барановского и его ученика О. И. Журина по решению первого Президента России Б. Н. Ельцина с благословения Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, стараниями мэра Москвы Ю. М. Лужкова и его заместителя А. С. Матросова, а также многих других."

Здесь, как и всюду вокруг Лужкова, вранье через строчку. Еще в 1989 году после долгих согласований проект восстановления собора был одобрен ЦК КПСС, а затем и Моссоветом. Правительством Москвы действительно выделен почти миллиард рублей, но это деньги не из личных сбережений, а из городского бюджета. Для сравнения, на реставрацию расстрелянного в 1993 г. при активном участии того же Правительства Москвы Белого Дома ушло несколько десятков миллиардов рублей.

Приведем и другой пример. В январе 1993 г. Лужков отдал распоряжение о передаче здания храма святителя Александра, Патриарха Константинопольского (Бутырский вал, 26), на баланс международного бизнес-центра, а потом содействовал бизнесменам в длительной борьбе с общиной, пытавшейся вернуть храм Церкви ("Московский церковный вестник", № 4, 1993). В апреле 1993 г. Малый Совет Моссовета решение Лужкова

отменил и передал храм верующим.

В другом случае вмешаться было уже некому. Еще в середине 1993 г. Лужков передал Московской Патриархии старейший Богородице-Рождественский женский монастырь (Рождественка, 20). Но стойкие коммерсанты и Московский архитектурный институт даже милицию на порог не пустили. Исполнительная власть прикинулась вялой и слабой. Разрушение архитектурного и исторического памятника продолжилось на неопределенное время ("ЭиЖ", № 9, 1994).

"Великий зодчий" Лужков, демонстрируя "межконфессиональность" номенклатурной системы, распорядился разместить на Поклонной горе не только православный храм, но еще и синагогу и мечеть ("МП", 17.07.93). Как они будут соседствовать - Бог весть...

Московские администраторы поняли, что играть на возрождающемся религиозном чувстве русского народа - значит приобретать дополнительный политический капитал. Тем не менее, нравственная убогость подводит их. Объявив о начале работ по восстановлению Храма Христа Спасителя, они умудрились устроить на дне закрытого и осушенного бассейна "Москва" конкурс проектов обустройства освободившейся территории. На глазах у публики, детей и собравшихся на крестный ход православных два ублюдка демонстрировали половые извращения. Разгневанных верующих ОМОН к бассейну не допустил, а развратников милиция вежливо увела и, надо полагать, бить не стала ("НГ", 03.06.94). Добавим к сказанному, что Храм Христа Спасителя для московской номенклатуры - суперпроект, подобный "Сити". Здесь можно крупно поживиться, закопав в землю несуществующий железобетон. Не зря к контролю за этим проектом был подключен оруженосец московской номенклатуры В. Шахновский.

Приведем также и цифры, показывающие, во что Попов с Лужковым под видом насаждения демократии превратили некогда православную столицу.

Религиозные объединения Москвы на январь 1994 г. (данные депутата Моссовета Н. Н. Лызлова):

Число неправославных религиозных объединений:

Католических - 7
Лютеранских - 7
Методистских - 8
Адвентистских - 9
Харизматических - 4
Пятидесятников - 4
Евангельских христиан - 14
Евангельских христиан баптистов -....................12
Пресвитерианских церквей - 28
Иных протестантских церквей - 28
Христианских миссий - 24
Англиканской церкви - 1
Армянской апостольской церкви - 2
"Богородичных" - 2
Иудаистских - 7
Исламских - 7
Восточных религий (буддизм, кришнаизм, индуизм и др.) - 16
(Всего 181 неправославное религиозное объединение)

Православные религиозные объединения:
Приходов и общин Московского Патриархата - 196
Православных братств и сестринств - 24
Зарубежной свободной и истинно православной церкви - 15
Старообрядческих - 7
(Всего 242 православных религиозных объединений)

Руку к раскультуриванию и дерусификации Москвы приложили и федеральные органы власти (см. книгу диакона А. Кураева "Все ли равно, как верить?").

В декабре 1991 г. Г. Бурбулис подписал распоряжение о создании Государственной еврейской Академии им. Маймонида, которая должна была содержаться за счет госбюджета, а поступающие в Академию должны были сдавать экзамен по Торе и иметь рекомендацию раввина.

Министерство образования России решило наладить связь с сектой Муна, которая щедро расплачивалась с чиновниками зарубежными вояжами под видом семинаров. Ничего, что Мун подвергался в свое время арестам в Южной Корее за обряды с совершением половых актов, а в США - за неуплату налогов! Зато Муна принимает сам Президент. Тут, действительно, на радостях впору внедрять в столичных школах обучение кабалистике (48 школ Москвы установили обязательные уроки подобного рода).

Министерство культуры за свой счет учредило антропософскую Академию эвристического искусства. Российское телевидение упорно навязывает телезрителям проповеди "Секо Асахара" - организации, зарегистрированной по подложным документам. Да еще передача "Российские университеты" насыщается всякими колдунами и чернокнижниками. От бредней протестантских священников, просто нет никакого спасения. Эти дергающиеся неврастеники почти выпрыгивают из телеэкрана, надрываясь в доказательствах своей причастности к истинному пониманию христианства. Вся эта антиправославная кампания поддерживается властями России, а сами представители власти входят в православные храмы по праздникам, не умея лба перекрестить.

Многим и цифры, и сама проблема религиозного воспитания, и отношение к этой проблеме властей покажутся несущественными, безобидными. Но задумаемся над тем, что свело вместе на церемонию закладки камня в фундамент новой синагоги в Марьиной Роще одновременно мэра Лужкова, посла США Пикеринга и главного раввина Израиля ("НГ", 04.08.94)? Не общие ли интересы? Да и случайно ли посреди всеобщей разрухи состоялся этот "триумф многих поколений евреев в России", как выразился посол?

Вспомним еще и ритуальные убийства монахов в Оптиной Пустыни, вспомним сводящую с ума людей секту "Белое братство"... Так за духовным разложением и развращением идет физическое уничтожение. Полоумный убийца монахов пойман, возбуждено уголовное дело по "Белому братству", но антиправославная деятельность разного рода "благодетелей России" продолжается. Поправки в закон "О свободе совести", которые могли ограничить их буйство, расстреляны вместе с парламентом в октябре 1993 г.

Цифры и факты выстраиваются в цепочку и говорят о том, что вместо возрождения веры отцов в древней столице России власти поощряли беспредельную свободу инославной религиозной пропаганды. Москва становится центром, из которого религиозная агрессия распространяется по

всей стране.

БЕДНЫЕ ДЕТИ

Казалось бы очевидно, что в ситуации катастрофы первыми следует спасать женщин и детей. Но это при нормальной человеческой психике, в нормальной системе ценностей, да и вообще когда речь идет о единицах, десятках возможных жертв. Не то, когда жертв сотни тысяч.

Московский кризис был связан с резким ухудшением продовольственного снабжения. В нормальной схеме человеческого поведения городские власти должны были сделать все, чтобы детей кризис коснулся в последнюю очередь. Как бы не так! Сокращение производства молока прежде всего коснулось детей до двухлетнего возраста, коих в Москве насчитывалось 220 тыс. Мало того, что установленная численность молочных кухонь предполагала, что в течение часа удастся обслужить 1000 человек (очередь в 100 человек стала нормой). Мало того, что для маленьких детей расчетная потребность (явно заниженная - всего 200 г молока на ребенка!) удовлетворялась лишь на 70%. Молочные продукты в специализированной упаковке для детей начали поступать еще и в обычную торговую сеть.

И это вместо того, чтобы всеми силами переместить сырье на предприятия, производящие необходимые для детей продукты. Принято было другое решение - обслуживать детей 2-го года жизни только в особых случаях (состоящих на диспансерном учете или родившихся в малообеспеченных семьях). Сократив "контингент", номенклатура начала передавать помещения молочных кухонь различным коммерческим структурам. Продолжением этого беспредела была целая кампания по уничтожению детских садов и школ, по захвату их помещений ретивыми коммерсантами. В 1991 г. из системы народного образования изъято 45 зданий и сооружений, лишь на 45% выполнен капитальный ремонт школ ("Дума" № 3, 1992). Однажды закрывшись на ремонт, детский сад или школа почти никогда не принимали прежних хозяев.

В августе 1992 г. в результате номенклатурных игр Лужков подписал постановление об упразднении Театра зверей им. Дурова и создании на его месте Московского театрального комплексного центра. Таким способом Лужков решил вышибить из занимаемых помещений членов трудового коллектива, стремившихся самостоятельно решать свою судьбу. Протест прокурора Лужков проигнорировал. Пришлось, как и во многих подобных случаях, вмешаться Моссовету. Мэрское постановление отменили. Но это был мелкий и локальный успех.

Итог заботы о подрастающем поколении таков: здоровым рождается лишь каждый третий ребенок, за время обучения в школе с первого по восьмой класс количество детей с нарушением зрения увеличивается в 3,6 раза, слуха - в 4 раза, опорно-двигательного аппарата - в 8-9 раз ("МП", 20.04.93).

Поздравляем с "успехами", гражданин Лужков!

ВОТ ВАМ И "БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!"

После августовских событий 1991 г. Б. Ельцин передал московским властям лечебные заведения бывшего 4-го Главного управления Минздрава. Г. Попов не растерялся и сразу же решил преобразовать их в акционерное общество с привлечением отечественных и зарубежных инвесторов. Забыл только про трудовые коллективы. Когда те взбунтовались, пришлось вмешаться Арбитражному суду. Но пока суд, да дело - "поповцы" начали кампанию по срочному увольнению особо бойких активистов ("РГ", 17.04.92).

В этой борьбе некому было следить за страшной динамикой болезней, одолевающих Москву. В 1992 г. дифтерией заболело 340 человек, из них 197 детей. 23 человека умерли, из них 6 детей. Завшивленность в 1992 г. возросла в 1,6 раза (9 тыс. случаев). Зарегистрировано более 100 очагов платяной вши - разносчика сыпного тифа ("Сегодня", 12.05.93).

Зато медицинская номенклатура получила возможность взять пример с мэрии и с головой уйти в коммерцию. Главное медицинское управление Москвы в 1993 г. закупило в Германии на 100 млн. рублей аспирина, в то время как этого лекарства было в достатке, поскольку накануне его в массовых количествах завезли в качестве гуманитарной помощи из Великобритании. Кроме того, ГМУ закупило для "скорой помощи" совершенно непригодные "мерседесы" ("ЭиЖ", № 9, 1994).

Где уж тут помнить о рядовых медиках "Скорой помощи", которые в мае 1993 г. дошли до края отчаяния и начали готовить забастовку. Не только потому, что тяжелейшую работу московская мэрия оплачивала по нищенскому пайку, но и вследствие угрозы технической остановки работы "Скорой". Если до 1991 "скорая" ежегодно получала 350-360 новых автомобилей, то в 1992 г. их было закуплено всего 35. Десятки людей в Москве так и не дождались необходимой помощи... А между тем мэр Лужков в течение трех месяцев так и не смог найти времени, чтобы встретится с представителями кризисной отрасли социального обеспечения москвичей ("Тверская-13", 27.05.93).

От здравоохранения перейдем к здравоуничтожению. Ежегодный выброс вредных веществ в атмосферу Москвы составил более миллиона тонн. Предельно допустимые концентрации (ПДК) превышены: по двуокиси азота - в 2 раза, по аммиаку - в 2,5 раза, по бензолу - в 3 раза, по окиси азота - в 3 раза ("МП", 20.04.93). Но это такие же средние цифры, как и средняя по больнице температура. Реальная обстановка на рабочих местах и улицах столицы во много раз хуже. На оживленных автомагистралях концентрация в воздухе токсичных веществ превышает ПДК в 10-12 раз.

За весь 1992 г. в городе посажено всего 1000 молодых деревьев, а уничтожено, только по официальным данным, - более 20000! Это одна из причин того, что в столице в два раза больше генетических нарушений у новорожденных детей, чем в среднем по России ("Тверская-13", 20.05.93).

Моссовет на излете своего существования пытался запретить рекламу табака и алкогольных изделий в Москве за исключением специализированных торговых предприятий, продающих эту продукцию. Но всесильный Лужков только посмеялся над простодушными депутатами. На Тверской улице, где располагался Моссовет, будто нарочно спилили все деревья, заняв освободившиеся площади табачными киосками и рекламными щитами импортных сигарет.

Немало депутатов Моссовета получило свои мандаты "под экологические программы". Но одни из них все три с половиной года боролись

с Северной ТЭЦ, а другие использовали народную мечту о здоровой окружающей среде ради рывка по номенклатурной лестнице.

В Курчатовском институте как работали ядерные реакторы, так и работают, как не было денег на радиационную безопасность, так и нет, как не было нормативной базы по использованию атомной энергии, так и нет. Зато есть очередной номенклатурный кадр. Гражданин Глинка, уже встречавшийся нам (см. главу "Удар в Центр") и сделавший на проблеме реакторов карьеру, сменил депутатский мандат на удобное номенклатурное кресло.

СЕВЕРНАЯ ТЭЦ

Северная ТЭЦ несла в себе все признаки и пороки суперпроекта, рожденного воспаленными мозгами гигантоманов. Поддержка строительства этой ТЭЦ была на руку администраторам, которым родного города не жалко. Да и нет у них Родины. Родину заменили частные интересы.

Именно таким союзом бездушных проектировщиков и номенклатуры можно объяснить строительство монстра, выбросы которого неизбежно накроют Москву кислотными дождями. Это произойдет после того, как закупленные за рубежом дорогостоящие катализаторы для дожигания продуктов сгорания газа выйдут из строя. Практика показывает, что заменителей им не будет. Не таков настрой властей, чтобы заботиться об экологической обстановке в городе. Настрой противоположный - за счет здоровья москвичей набить карманы. Покуда экология стала кормушкой для равнодушных и некомпетентных чиновников, катализаторов не видать.

Москвичи не раз пытались остановить строительство машины для медленного убийства их детей. Поначалу удалось. И одним из первых решений Моссовета было решение об отмене строительства Северной ТЭЦ, принятое после длительных обсуждений с привлечением специалистов. Потом Г. Попов где-то сговорился с номенклатурщиками, и строительство было снова возобновлено.

До хрипоты доказывали депутаты преступность этой затеи, десятками статей покрыли специалисты страницы газет. Все тщетно. Караван, как говорится, идет. Года не прошло с момента принятия решения Моссовета по Северной ТЭЦ, как Г. Попов заявил, что не дело Совета заниматься подобными вопросами ("МК", 24.09.91). Лужков признался в своем противодействии решению Моссовета "с самого начала" только в 1993 г.

А между тем Москва имеет на своей территории около 6 тысяч предприятий-загрязнителей атмосферы и воды. Общий выброс вредных веществ достиг в 1993 г. 1184 тыс. тонн в год или 150-160 кг на человека ("Тверская-13", 20.05.93). Москве грозит вымирание...

В ПАРК НА БУЛЬДОЗЕРЕ

В городские парки номенклатура все чаще наведывалась на бульдозере.

Еще в январе 1991 г. чиновники мэрии решили заблаговременно начать дележ наследства коммунистического режима в особо благоустроенных уголках Москвы. Номенклатура намертво вцепилась в

жемчужину столицы - Серебряный Бор. Помимо дач КГБ здесь началось строительство коттеджей для миллионеров (сметная стоимость каждого - 20 млн. руб. в старых ценах) и особняков СП "Пергамон-Москва". Рядом с особняками СП дозволено возводить особняк международному бизнес-центру "Ай-Би-Си", созданному при участии бывшего члена московского правительства Е. Быстрова, а также фирме "Зенит-Интер". Привычно нарушено решение Моссовета о присвоении Серебряному Бору статуса государственного памятника местного значения, в котором по закону строительство запрещено.

Пообветшавшие дачи Серебряного Бора, переданные в Мосдачтрест администрацией, разрешено было на 30 % сдавать в аренду по своему усмотрению. В феврале 1992 г. Ю. Лужков, будучи по совместительству президентом благотворительной ассоциации "Здоровый образ жизни и спорт для всех", испросил у руководителя администрации Президента России разрешение на снос трех дач для обустройства зоны отдыха. Разрешение было получено, но Мосдачтрест ухитрился тем временем сдать дачи в аренду все тому же СП "Пергамон-Москва" ("МК", 15.09.92).

Покушение на другой любимый москвичами парк Покровское-Стрешнево базировалось на решении Правительства Москвы "О предоставлении в пользование участка по Ленинградскому шоссе ассоциации "Экология. Технология. Образование. (ЭТО)" под строительство многофункционального Центра деловых контактов" от 23.06.92. Ассоциация собиралась вырубить более 2 тыс. деревьев ("Куранты", 20.10.92). Поставили мощный железобетонный забор - не подступишься. Требования жителей не допустить уничтожения парка Лужков даже не заметил.

Обгрызла и загадила московская номенклатура и знаменитый "Лосиный остров", еще в 1989 году получивший статус национального парка. С тех пор 40 предприятий, подлежащих выводу с территории парка, по большей части так и продолжают губить зеленый массив. Здесь и горнопроходческая техника базируется, автохозяйства и даже склад взрывчатых веществ. В дополнение к прежним губителям парка добавился профилакторий завода "Красный богатырь", а Черкизовский мясокомбинат начал строить тут новые цеха и гостиницу. Московское правительство все освящало своими разрешениями ("АиФ", № 45, 1994). Чиновники только посмеивались над Москомприродой и жалкими штрафными санкциями.

В зеленой зоне Теплого Стана московская номенклатура позволила возвести исламский культурный центр с мечетью, который не был нужен ни местным жителям, ни московским мусульманам (это показала совместная пресс-конференция муфтия московских мусульман и председателя исполкома Конгресса русских общин) , зато щедро финансировался Саудовской Аравией. После митинга жителей близлежащих домов и Конгресса русских общин Лужков решил, что Центр необходимо передвинуть на 50 метров. В крайней необходимости Центра убедил Лужкова один из членов Городской Думы, в прошлом - работник мэрии и ярый моссоветовский "деморос".

В 1994 г. московские чиновники решили разорить Нескучный сад - один из красивейших уголков столицы. Здесь должны вырасти новые корпуса элитного жилья, а из соседних домов планировалось всех выселить, чтобы реконструировать здания для нужд толстосумов. Кстати, именно Нескучный сад был местом первого демократического митинга, организованного научной

общественностью в 1988 г. в поддержку выдвижения академика Сахарова в депутаты СССР. Тогда демонстранты чуть не снесли здания Президиума Академии наук. Теперь номенклатура планирует уничтожить Нескучный сад на корню.

ЖИЗНЬ СРЕДИ МУСОРА

Городская среда в результате реформ деградировала на глазах. В 1992 г. десятки крупнейших предприятий отказались продлить договоры с общегородским сборщиком мусора НПО "Экотехпром" ("Сегодня", 02.03.93). Платить предприятиям было нечем, и Москва стала захлебываться в своих отходах. В 1993 г. в Москве помимо малых свалок зарегистрировано более 100 несанкционированных свалок общей площадью более 400 гектаров. Прямо в центре Москвы существует 14 свалок. Причем четверть "объема" этого общегородского безобразия возникла именно в первом полугодии 1993 г. ("МП", 25.05.93).

Зарплата дворников в Москве намного превысила зарплату профессора, но отказ от внеочередного предоставления жилья сократил число желающих освоить эту почетную профессию сразу на 30 %. Лишь половину дворницких вакансий удалось заполнить ("ЭиЖ", № 9, 1994).

В дополнение ко всему, в городе три года не обновлялся парк мусороуборочных машин и прекращен сбор пищевых отходов (все они попадают в общие контейнеры, и московские дворы тоже не благоухают). Если кто и виноват в задержках вывоза гниющего мусора, так это Моссовет, отменивший "мусорный" налог - так твердила пресса ("Тверская-13", 27.05.93). Но налог покрывал бы всего лишь 10% затрат на вывоз мусора, а мэрия все равно не признала решение депутатов и за полгода не сообщила в РЭУ и ПРЭО об отмене поборов с граждан ("МП", 08.06.93).

Несмотря на поездки Г. Попова во Францию и всяческие договоренности о строительстве мусоросжигающих заводов, в Москве их нет ни одного, хотя расчетная потребность составляла 10-12. А все это по той простой причине, что чиновники и не собирались решать проблему утилизации мусора, думая лишь погреть руки на тяжкой ситуации.

Из воспоминаний депутата Моссовета Дмитрия Шахова:

"В ноябре 1992 года Моссовет, проверив законность введения московской администрацией различного рода поборов (плата за "бесплатную" приватизацию, плата за получение ордеров на квартиры, за регистрацию браков, за выдачу справок), отменил некоторые из них. Отменен был и "мусорный сбор" по 8 рублей с человека. Но наш городничий это решение проигнорировал. После обращения бюджетно-финансовой комиссии Моссовета в прокуратуру Лужкову дважды напоминали о необходимости устранить нарушения закона. Все тщетно. Почти год прокуратура делала вид, что защищает закон, а Лужков - что он законопослушен. Поскольку дело не двигалось с мертвой точки, я 27 сентября 1993 г. обратился в суд с заявлением о необходимости признать действия Лужкова незаконными, отменить "мусорный сбор" и вернуть москвичам незаконно отобранные чиновниками деньги.

Тут я познакомился с членом Мосгорсуда Е. А. Фоминой, которой пришлось проявить чудеса изворотливости, чтобы оставить "мусорный сбор" Лужкову. Сначала она вообще отказывалась рассматривать заявление, ожидая разрешения ситуации, возникшей 21 сентября 1993 г. После расстрела парламента и роспуска Моссовета

судья заявила мне, что подобные дела не подлежат рассмотрению в суде. После моей жалобы в Верховный Суд рассматривать дело все-таки пришлось. Как-никак Гражданский процессуальный Кодекс никто не отменял. 13 марта 1994 г. дело было рассмотрено "объективно и полностью". Действия Лужкова были признаны законными.

На суде представитель прокуратуры уже не вспоминал о представлениях Лужкову об отмене противозаконного сбора, а представитель мэрии не скрывал, что Лужков просто отказался выполнять решение Моссовета. Оправдывая свои действия, они ссылались на Указ Ельцина № 334 "О дополнительных полномочиях мэра г. Москвы" и постановление Совмина от 22 декабря 1993 года. Нестыковка по датам (Лужков принял свое решение 07.07.92) никого не смутила.

Тут выяснилась еще одна интересная деталь. Принятое судом решение было подписано двумя народными заседателями, фамилии которых не числились в официальных списках, их никто не утверждал. Точно такая же ситуация была и на процессе о проведении выборов главы администрации Москвы. Под видом народных заседателей решение в пользу Лужкова подписывали посторонние люди. Фальсификация судебного процесса была налицо.

Как тут не вспомнить гоголевского Ляпкина-Тяпкина: "Я вот пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как взгляну в докладную записку - а!, только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда".

Москва превратилась в город мелких лавчонок. Территории у метро табором окружили коммерческие киоски, образовавшие целые кварталы. Грязь, теснота, вытоптанные газоны, гниющие отбросы стали результатом расцвета малого торгового бизнеса.

О малом предпринимательстве всегда много говорили, но это направление так и осталось в стадии размышлений о том, как обустроить жизнь мелкого собственника. Председатель общественного совета по малому предпринимательству при Правительстве Москвы то и дело отмечал в прессе, что эта сфера практически никак не изучается и не контролируется. Здесь не было даже маломальской статистики ("МП", 21.05.93). В результате малый бизнес стал главным поставщиком уличных нечистот.

К середине 1993 г. в Москве было зарегистрировано около 200 тыс. малых предприятий (около четверти всероссийской массы МП). Если бюджет города 1993 г. составил около 1,5 трлн. рублей, то можно понять масштабы малого предпринимательства, дающего казне 0,5 трлн. рублей налогов ("Тверская-13", 24.06.93). Но этого мало. Осенью 1993 г. Лужков, наконец, принимает программу развития малого бизнеса. Планируются налоговые льготы, выделение земельных участков, подведение коммуникаций ("ЭиЖ-М", № 2, 1993). Опять одни разговоры. А льготы будут, будут! Для "своих"... Для тех, кто не постесняется вытоптать городские газоны, выпотрошить наши карманы и обчистить бюджет города.

Вот так: кто-то должен был, затыкая нос, спешить на работу мимо зловонных куч, а кто-то считал дивиденды - политические или валютные.

БЕСПЛАТНЫЙ СЫР В МЫШЕЛОВКЕ

Дорогая моя столица... С 1990 года она действительно становилась все дороже. Для многих жизнь в городе стала нестерпимой. Больше всего болела душа у коренных москвичей, обманувшихся в своих надеждах хотя бы несколько лет прожить в человеческих условиях. Вроде бы только начали выбираться из нищеты - и на тебе: ельцинизация с гайдаризацией.

До боли хотелось старым москвичам жить по-человечески. Потому и голосовали за Ельцина, за Попова, за демократов. Хватались за любую соломинку и становились жертвами обмана. Бесплатный проезд, бесплатная передача квартир в собственность, бесплатная приватизация магазинов... Нехитрая истина гласит, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке. В эту мышеловку мы не раз попадали, радуясь "успехам" бесплатного образования и здравоохранения, доступности "общественных фондов потребления". Пора бы уже научиться видеть за бесплатностью лишь перераспределение кусков общественного пирога.

Бесплатный проезд для пенсионеров - одна из статей расходов бюджета города, который формируется трудом самих горожан. Социальная поддержка пенсионеров могла быть и в денежной форме, если это необходимо, и в установлении прожиточного минимума в наше трудное время. Но именно тем, кому невмоготу, кто считает последние рубли! В противном случае социальные льготы - лишь пропагандистский трюк, не позволяющий защитить пенсионеров от тягот кризиса, в частности от непрерывно растущих цен. И трюк этот придумал Г. Попов.

Бесплатная приватизация жилья - это возможность для номенклатуры получить апартаменты, приобретенные вне всяких норм и очередей, в награду за оболванивание народа и развал экономики. Моссовет пытался наложить запрет на бесплатную приватизацию элитного жилья - да где там! Особые полномочия московского мэра, выбитые у Президента, позволили номенклатуре продолжать благоденствовать. Они получили свои уютные и просторные апартаменты бесплатно. А кому-то достались квадратные метры коммуналок в аварийных домах или безнадежность ожиданий в бесконечной очереди на муниципальное жилье.

По оценкам специалистов, рынок жилья возникает при обеспеченности жилплощадью свыше 30 кв. м на человека. Следовательно, в Москве, имеющей обеспеченность около 18 кв. м на человека, квартирный рынок включил в себя лишь жилплощадь "избыточников" - тех, кто правдами и неправдами имел несколько квартир. Для них все и было подготовлено.

Бесплатная приватизация магазинов стала продолжением того же порядка обслуживания, который многие годы выматывал москвичей. Чувство собственника у торговца не пробудилось, зато наглое хамство обрело прочный экономический базис.

Бесплатная представительная власть, побирающаяся в приемных мэрии, ставшая приживалкой в ее кабинетах - тоже припас для мышеловки. Нормально работать она не может: нет техники, нет средств на оплату специалистов, нет возможности издать свою газету... Все настолько дешево, что хорошим быть не может.

Кому-то это выгодно... Наверное, тому, кто расставил капканы. Дичь безропотно шла в них, подавая голос лишь после того, как у нее переламывали позвоночник.

ПОПЕРЕК ГОРЛА

Продовольственная проблема для номенклатуры была все время, как кость в горле. Как ни прославляй свои хозяйственные успехи, а элементарно накормить народ бюрократия не могла. Ни "капээсэсовская", ни

"демократическая".

Грань между недостаточным питанием и состоянием голода для каждого человека своя. Исходя из этого можно заключить, что голод в Москве для многих был реальностью в 1991 г. Прежде других ощутили недостаток продовольствия и оскудение рациона дети и пенсионеры. В этой обстановке московские власти, подобно экс-премьеру Союза В. Павлову, начали в своих публичных выступлениях высказывать подозрения о том, что москвичи слишком много едят. Ажиотажный, мол, спрос...

Чтобы хлебца людишки ели поменьше, были введены аховые цены на всю кондитерскую продукцию. Министр торговли московского правительства спокойно объяснил на пресс-конференции, что теперь сподручнее будет цены потихоньку снижать. От такого мероприятия и таких ласковых заявлений, город замер, готовый взорваться бунтами. В очередях настроение москвичей быстро дошло до точки кипения. Но предгрозовое состояние где-то наверху уловили, и хлеб - основная пища бедных - временно снова стал доступен.

В 1992 г. вместе с "радикальными реформами" обстановка изменилась. Пока убежденный творческой интеллигенцией народ месяц за месяцем продолжал ликовать по поводу победы над путчистами, удельный вес затрат на 19 важнейших продуктов питания в бюджете московских семей поднялся с 11% (в 1991 г.) до 38% (в конце 1992 г.). Дело дошло до того, что один из вице-премьеров московского правительства напрямик заявил о том, что если официально публиковать минимальную потребительскую корзину - то это все равно, что брать на себя обязательства, которые администрация выполнить не может. Кроме того, *"это будет трудно пережить массе людей, которых официально зачисляют в категорию бедноты"* ("МП", 18.05.93) Лгать, выходит, не только не стыдно, а просто необходимо - из сочувствия к бедным людям.

В 1991 г. в Москве потреблялось 1 млн. 80 тыс. тонн мяса, в 1992 г. - 660 тыс. тонн, в 1993 г. - еще меньше. Москва сползла на уровень потребления на душу населения до 50 кг мясопродуктов в год. Германия, Чехия, Венгрия, неплохо обеспечивающие стол своих граждан другими продуктами, имеют годовое потребление 90 и более кг ("Куранты", 11.08.93).

В 1993 г. Москва стала одним из самых дорогих городов России, уступая по цене минимального набора товаров лишь районам Крайнего Севера, Дальнего Востока и некоторым городам Сибири.

Тем временем, Правительство Москвы продолжало взятый однажды курс на "коммерциализацию муниципальных структур". В результате на месте управленческих структур появились разнообразные бюджетные комитеты, а получившие самостоятельность хозяйственные объединения-монополисты рванулись за прибылью. Образованные в этой системе биржи, банки, торговые дома оперировали государственными фондами и старыми мафиозными связями. Поэтому от их деятельности ожидать увеличения благосостояния было просто невозможно.

В то же время независимые коммерческие структуры поддерживать было некому. Показателен пример с планом обеспечения московского региона продовольствием, разработанным итальянским концерном ФАТА еще в конце 1990 года и предполагающим значительные инвестиции. План был сорван только потому, что под ним стояли подписи союзных начальников. Ну а свою подпись Лужков просто проигнорировал. Вероятно именно потому, что

проект предусматривал поддержку только негосударственных предприятий, он был положен под сукно.

Проблема обеспечения населения продовольствием тем неудобна номенклатуре, что заставляет тратить громадные средства на пропаганду, которая одна только может заглушить природные позывы желудка. Но сколько не ври с экранов телевизоров, желудок когда-нибудь скажет все, что думает о дурной голове, замороченной агитками. Тогда и голова просветлеет, приказав языку высказать властям нечто для них неприятное.

ЛЮДИ БЕЗ ЗЕМЛИ

Известно, что добровольные садоводы и огородники вносят заметный вклад в обеспечение самих себя продуктами питания. Поэтому требование о выделении садовых участков - не блажь горожан, стремящихся к отдыху на природе. Это прекрасно понимали наши "реформаторы". Именно поэтому во всех предвыборных программах и плановых выступлениях этот пункт обязательно звучал. И Г. Попов, и Б. Ельцин не раз обещали москвичам решить проблему выделения участков земли под сады и огороды. Оба обещаний не выполнили.

Борьба горожан за подмосковную землю все время продолжалась без поддержки властей. В Моссовете две инициативные группы пытались сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Было даже организовано общественное движение, которое летом 1993 г. собрало митинг, десятикратно превышающий по численности все политические сходки того периода - около 30 тыс. человек. Собирались заявки на предоставление садовых участков, формировалась петиция. Но все было бесполезно, номенклатура была занята другим. Режим изготовился к прыжку на парламент.

Номенклатура сделала землю предметом торга и подкупа. Главы администраций Москвы и области превратили вопрос о земле в предмет постоянных переговоров. Если что-то и удавалось выжимать из области, районные главы администраций, воспользовавшись тем, что Ельцин не торопится расплачиваться с москвичами за свои предвыборные обещания, всячески тормозили выделение земли.

Зато стараниями московских властей возник черный рынок по скупке земель (по 500-1000, а то и 3500 долларов за сотку). Купленные толстосумами земли тотчас зачислялись в нормы, обозначенные для Москвы. Лужков, говорят, был сердит на такой оборот событий, но из городского бюджета, как из собственного кармана, решил выделять по 3 млрд. рублей в год на развитие инфраструктуры области - якобы для нужд садоводов. В действительности за счет бюджета обустраивались дорогами и коммуникациями те территории, которые распродавались спекулянтам ("Известия", 18.03.93).

Из коллективного письма жителей московского региона Президенту России (весна 1993 г.):

"Прежде всего хотелось бы поздравить Президента РФ Ельцина Б. Н. с успешным окончанием строительства его собственной дачи в престижных подмосковных Горках-10, о начале строительства которой независимая народная газета "Вечерняя Москва" рассказала в подробном репортаже с фотографиями более

года назад. При этом нам хотелось бы напомнить Президенту РФ и остальным властям России, что миллионы россиян - колхозников и горожан - так и не дождались выполнения их предвыборных обязательств и до сих пор не получили обещанной земли для создания фермерских хозяйств и садоводческих товариществ, которые накормили бы нашу полуголодную страну... Пресловутые садовые "сотки" спасли в этом году города России от голода, о чем свидетельствуют сводки невостребованных запасов городских плодоовощных баз. Летом народ правдами и неправдами "вгрызался" в пригородную землю, сеял, выращивал, спасая Россию, ее реформы от неминуемого краха. В России нет голодных бунтов, но это заслуга не ее правителей.

Учитывая эти обстоятельства, созданное при поддержке депутатов Моссовета в Московском регионе движение "Землю тем, кто хочет ее обрабатывать!", напоминает Президенту РФ и другим властям об их предвыборных обязательствах и просит наделить народ землей (и фермеров, и садоводов). Миллионы россиян хотят, также как и Президент Ельцин Б. Н., получить землю, построить на ней дом, но они не готовы ради этого стать президентами...

Анализ дел с выполнением ранее принятых решений (постановление Правительства РФ № 111 от 22.02.92, Указ Президента РФ № 1 от 4.01.92), например, по выделению жителям Московского региона земельных участков, показывает, что местные власти (Тяжлов-Лужков и их замы Гаранькин, Ресин, Суров) выделили лишь какие-то крохи земли вдали от транспортных магистралей, на неудобьях, в болотах и оврагах. Лучшие же земли руководители районных администраций Московской области (российские латифундисты-феодалы) при явном одобрении их главы - Тяжлова - распродают самым беззастенчивым и беззаконным образом или раздают "своим" людям. Коттеджи строятся сразу за московской кольцевой автодорогой, а десяткам тысяч инвалидов, ветеранов и других представителей льготных категорий граждан, стоящим годами в очередях на получение 6 соток, власти нагло врут о том, что земли для них нет и не будет, пока они не вложат миллионы рублей за приобретение земли в частную собственность. Вот и получается, что земля для россиян, особенно для тех, кто поливал ее потом и кровью, только на кладбище. Пенсионеры, ветераны, инвалиды, не способные заработать миллионы для выкупа своих участков, должны превратиться в вечных должников великого российского государства?

Департамент московского правительства по строительству (Ресин) и по развитию Московского региона (Суров) вели и ведут закулисные переговоры с Правительством Московской области (Тяжлов) о строительстве коттеджей для новых хозяев жизни, прикрываясь при этом интересами сотен тысяч садоводов, но не собираясь вкладывать в развитие московской садоводческой инфраструктуры ни копейки. Доказательством этого служит последний приказ Тяжлова (об этом писали газеты) о прекращении выделения москвичам даже тех жалких крох земли, которые давно должны были быть выделены. Московские и подмосковные власти не поделили "жирный кусок" российской собственности - подмосковную землю, а страдают от этого миллионы жителей региона.

Мы призываем российские власти убедиться в том, что миллионные очереди на получение садовых участков в Москве и подмосковных городах практически не движутся, земля беззаконно раздается направо и налево главами районных администраций Подмосковья, а московское правительство (Лужков, Ресин, Суров) заботятся только о строительстве коттеджей для миллионеров...

Мы поддерживаем проекты комиссии Моссовета по пригородному землепользованию о передаче 50-километровой зоны вокруг Москвы в особое управление, как зоны массового садоводства... Не до коттеджей, когда экономика в развале и надо поднимать Россию на ноги..."

Справка:

Москвичи имели к середине 1993 г. 710 тыс. садовых участков. Они занимали - 73 тыс. га в Подмосковье и 6 тыс. га в других областях. Но по заявкам граждан и организаций требовалось еще 700 тыс. участков и 90 тыс. га площадей.

ДЫРКА ОТ СБЕРКНИЖКИ

На 1 января 1992 г. общая сумма вкладов Сбербанка СССР составляла 372,3 млрд. рублей. Минфин с Центробанком еще летом 1993 г. продолжали ломать копья над проблемой, по какому же коэффициенту индексировать эти средства. Увеличивать их в 3 или в 5 раз ("Коммерсантъ-Дейли", 20.08.93)? Любому же далекому от экономического образования москвичу по действующим ценам было вполне понятно, что их вклады обесценились не менее, чем в 1000 раз. Таким образом, сумма компенсации к началу 1994 г. должна была достигнуть примерно 300 трлн. рублей.

Казалось бы можно было предъявить эту сумму к оплате той организацией, которая брала у граждан деньги для хранения. Да беда в том, что Сбербанк России чудесным образом не взял на себя обязательства исчезнувшего Сбербанка СССР. Судебные процессы, на которых Общество защиты прав вкладчиков пыталось отстоять свои права, показали, что государство в лице действующей власти вовсе не намерено расплачиваться по обязательствам союзных властей. Отметим, что компенсация ваучером, который стоил к середине 1993 г. не более 25-30 тыс. рублей, являлась поистине издевательством. "Размазанная" на всех компенсация составила лишь 4,5 трлн. рублей.

В своем знаменитом телевыступлении 20 марта 1993 г. ("телепутч") Президент Ельцин сказал: "Уже приняты решения о возмещении ущерба десяткам миллионов людей, чьи вклады в сбербанках обесценились во время реформы. Чтобы не подхлестнуть инфляцию, надо шире использовать компенсации акциями предприятий, землей и другим государственным имуществом."

Сразу возникала мысль: "А где же ты был раньше? Как-никак полтора года реформы растворяли вклады населения. Теперь вдруг такая милость..." Время все поставило на свои места: Президент лгал. Никаких решений никто принимать не собирался, рассчитываться с вкладчиками акциями и землей - тоже. Это была уже привычная игра. Надо было на короткое время поразить неизбалованных лаской граждан своей отеческой заботой, наобещать им с три короба, чтобы референдум собрал воодушевленных. Референдум собрал, а Президент соврал.

Из открытого письма вкладчиков Московского Сбербанка к мэру Москвы Ю. М. Лужкову:

> "Мы, вкладчики Московского Сбербанка, требуем выполнения Вашего же собственного постановления № 712 об индексации вкладов Московского Сбербанка через механизм приватизации муниципальной собственности. Решение Вами принято отличное и очень нужное, но все указанные в нем сроки прошли, и мы, собираясь каждый вторник в Общественном Центре Моссовета, так и не можем достучаться до Вас с вопросом: почему же Вы не хотите использовать приватизируемую собственность для индексации? Или все уже приватизировано?"

Точно также лгал (и неоднократно!) Ю. Лужков, обещая москвичам наполнить их ваучеры и провести приватизацию в их интересах. По отношению к вкладчикам он поступил так. На съемках одной популярной телепередачи москвичи напомнили Лужкову о принятом им решении "Об

обеспечении части денежных вкладов населения". Предусматривалось обеспечение вкладчиков Сбербанка акциями наиболее доходных московских предприятий. Лужков тут же вспомнил о своем решении и тут же отменил его!

Из письма Центрального Банка председателю ВС РФ Хасбулатову Р. И. (от 26 июня 1992 г., № 01-10-2/214):

"...произведенное повышение ставок по вкладам не компенсирует в должной мере потерь населения от обесценивания их сбережений в Сбербанке Российской Федерации в силу продолжающихся высоких темпов инфляции.

Согласно Закону Российской Федерации "Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР" защита вкладов населения, хранящихся в сберегательных банках, осуществляется путем повышения процентных ставок. Источником индексации определен доход банка. Основную долю своих доходов (70 процентов) Сбербанк России получает от размещения кредитных ресурсов. Как известно, основная их часть - 285 млрд. рублей из имеющихся 415 млрд. рублей ресурсов (69 процентов) находится в составе государственного долга. Минфин уплачивает за пользование этими ресурсами только 15 процентов годовых.

Как видно, Сбербанк не располагает достаточными собственными доходами, чтобы компенсировать возникающие у граждан потери в связи с ростом цен, используя механизм повышения процентных ставок.

С другой стороны, переоценка денежных средств населения, находящихся на счетах Сбербанка, исходя из сложившегося уровня инфляции, потребовала бы увеличения остатков вкладов как минимум в 10 раз и, соответственно, более 3 триллионов рублей бюджетных средств. Очевидно, что этот путь приведет к гиперинфляции.

Таким образом, реально произвести индексацию сбережений населения за счет средств бюджета в размере менее 100 млрд. рублей, которые могут быть выделены в четвертом квартале 1992 года, невозможно...

В перспективе принцип индексации сбережений населения за счет изменения процентных ставок должен быть сохранен, ... что позволит гибко регулировать уровень инфляции путем корректировок ставок в большую или меньшую сторону."

Из сообщения пресс-центра Моссовета:

"Общественный совет по защите прав вкладчиков и Общество защиты интересов вкладчиков банков подали исковое заявление в Конституционный суд по восстановлению их конституционных прав. Истцы считают, что Правительство, не компенсировав материальный ущерб вкладчикам, тем самым нарушило имущественные права граждан, гарантированные Конституцией. На состоявшейся встрече с В. Зорькиным последний признал рассмотрение иска возможным и необходимым."

Из ответа Замминистра финансов РФ депутату Моссовета Г. С. Иванцову (от 25 января 1993 г., № 5-4-05):

"Что касается вопроса о том, почему акционерами Банка (Сбербанка РСФСР - А. К.) не стали его вкладчики, то следует иметь в виду следующее:

во-первых, уставной капитал Банка выступает прежде всего в качестве источника, гарантирующего своевременное выполнение обязательств Банка перед своими вкладчиками

во-вторых, режимы использования средств, помещенных в банковские вклады и в акции, резко различаются: вложив деньги в акции, акционер не вправе требовать их возврата у Банка и может вернуть их лишь продав акции Банка на

вторичном рынке. Представляется, что основная масса вкладчиков Банка была в этом совсем не заинтересована

в-третьих, акции Сбербанка свободно обращаются на вторичном рынке, где могут быть приобретены любым желающим.

Что касается предложения Общества защиты интересов вкладчиков банков и владельцев ценных бумаг о создании региональных Кредитных союзов на базе местных отделений Сбербанка Российской Федерации, считаем, что это приведет к распылению кредитных ресурсов, а также к неравномерному их распределению, что в итоге поставит вкладчиков в неравные условия.

В условиях нарастающих инфляционных процессов дробление структуры Сбербанка способно привести только к увеличению риска для каждого отдельного вкладчика, тогда как в настоящее время государство гарантирует полную сохранность денежных средств и других ценностей населения, вверенных Сбербанку РФ, и выдачу их по первому требованию вкладчиков.

Кроме того, следует прямо сказать, что управление банками должно осуществляться профессионально, а не любительскими массами вкладчиков."

ГАРАЖНЫЕ ИСТОРИИ

Сил у администрации города управиться с гаражной проблемой не было. Только третья часть автомобилистов Москвы могла пользоваться стоянками и гаражами. Поэтому и угонов автомашин более чем достаточно - 5-6 автомашин в день на административный округ (коих десять). Разрекламированная было программа строительства подземных гаражей в 1992 г. быстро сошла на нет. Откуда же брать средства, если бюджет разворован?

Зато автостоянки в Москве стали источником преступного бизнеса. При отсутствии какого-либо правового регулирования в этой области вам сначала позволяют обустроиться со своей машиной на каком-нибудь пятачке, а потом начинают "доить". И вовсе не в бюджет города и не на ремонт дорог.

А с теми стоянками, которые существовали официально, произошла вот такая приватизационная история. "Ликвидаторы" из Главмосавтотранса безвозмездно передали общественной организации - Московскому городскому союзу автолюбителей более 120 автостоянок (около 36 тыс. машиномест). Для их эксплуатации союз создал ПО ГТО, а в 1993 г. после закулисной подготовительной работы ПО ГТО решило приватизировать автостоянки по остаточной стоимости, которая была определена в 9 млн. рублей - т. е. по цене одного импортного автомобиля. Общественные собрания автомобилистов на автостоянках были как бы сами собой ликвидированы, и на их месте "проросли" смешанные товарищества, прибравшие общественную собственность к рукам. Началась затяжная грызня добровольно-принудительной общественной организации МГСА и самозванных собственников в лице смешанных товариществ. Делили добро, доставшееся тем и другим даром. Автомобилисты тут были только зрителями,

Москва и сегодня продолжает наполняться автомобилями, но городская среда автомобилиста отторгает. Автомобилисты вынуждено идут на произвол и попадаются в сети чиновников. Конца - краю этому не видно...

На исходе лета 1994 г. Лужков в очередной раз объявил о начале строительства многоэтажных подземных гаражей ("ЭиЖ-М", № 17, 1994). Каждый год Москва должна была получать по 6000 элитных машиномест.

Номенклатура опять собиралась решать свои проблемы за счет городского бюджета.

* * *

Итак, город разграбили. Администрация Москвы занималась радикальным реформированием хозяйства по латиноамериканскому типу. Над этим работал с усердием весь аппарат московского правительства. Рвение выказывалось примерное, чувствовалась личная заинтересованность. Ведь чиновники не только стремились построить рынок, но и завоевать себе место в нарождающейся имущественной элите. Место себе добыли, а вот с "рынком" в Москве произошло что-то непотребное.

Имущественная элита, безусловно, нужна. Но только в том случае, если она обеспечивает материальное благополучие общества. В данном же случае за образование криминальной и безнациональной имущественной элиты город расплачивался разрушением своей экономики, распадом всей системы социального обеспечения, вторжением иностранных проповедников американизированной веры. В таких условиях ни духовной, ни экономической основы для развития средних слоев общества возникнуть не могло принципиально. Следовательно, ни о какой стабильности в развитии города говорить не приходилось.

Ставленники номенклатуры продолжали дурачить народ простеньким пропагандистским стандартом: кто за рынок, тот и за демократию. На вопрос в том, какой рынок мы получили, кто останется от этого в накладе, а кто выиграет, пропаганда не отвечала.

Ответ давала сама жизнь: по стране шагала криминальная революция, готовился открытый мятеж номенклатуры.

Общественное мнение страдает плохой памятью на лица. Обычно люди помнят не более десятка политических деятелей и совершенно не представляют себе, с кем приходится иметь дело: кто вещает им с телеэкрана, расписывает "теории" на страницах газет или выступает с предвыборными обещаниями. Беспамятность людей дает в руки номенклатурной пропаганды беспроигрышный ход - поразить обывателя новизной лиц и подвижностью языка невесть откуда взявшихся пророков.

Слова и поступки каждого человека, а политика - в особенности, должны быть освещены моральным правом. Не от всякого человека правдивое слово поведет к истине, не каждый разумный поступок строит разумную действительность. Истинная ценность дела и слова определяется нравственными качествами человека, которому они принадлежат. Правда в устах лжеца -опаснее лжи, человеколюбивый поступок подлеца - страшнее открытого злонравия.

Номенклатура подбирает себе в услужение новых популярных пропагандистов, энергичных "хозяйственников" и образованных "теоретиков", проводит среди них конкурсы правдоискательского словоблудия, реформистских программ и политических деклараций. Через эти конкурсы из безвестности и никчемности выбираются молодые негодяи, дабы оплодотворять систему промывания мозгов идеологической новизной и вливать "молодую кровь" в чахнущие номенклатурные династии.

В этой главе мы дадим портреты и биографии дюжины номенклатурных деятелей Москвы, останавливаясь на некоторых из них более подробно. Повадки этих людей следует узнавать, ибо доверяться им - опасно для жизни.

ХАМЕЛЕОН НА ПЕРВЫХ РОЛЯХ
(Гавриил Попов)

Представьте себе человека, который встает в пять часов утра, чтобы уделить наиболее продуктивное время суток своему увлечению. Чуть свет садясь к письменному столу, он стремится отыскать в закоулках российской истории причины сегодняшних напастей, одолевающих наше Отечество. В девять утра человек уходит на работу, за которую платят деньги, а вернувшись вечером отходит ко сну, не досмотрев информационной программы "Время". Зовут нашего героя Гавриил Харитонович Попов. А свой распорядок дня он огласил в одном из телеинтервью.

Почему стоит особое внимание уделять фигуре Г.Попова, ушедшего в тень от большой политики, а может быть даже и в политическое небытие? Главная причина состоит в том, что у Г.Попова на языке и на кончике пера именно те мысли, которые его соратники предпочитают держать за зубами. Они как бы уступали Г.Попову приоритет в прочерчивании на бумаге состава их подсознания.

Наследие экс-мэра - кладезь для исследователя нрава политиков. О нем можно написать отдельное исследование. Это поистине один из главных героев номенклатурной революции. Например, его книжку "Что делать?" можно порекомендовать в качестве настольной книги начинающим политическим дельцам. Это Белая книга новой либеральной номенклатуры! Но писана она не для слабонервных. Как и вся биография Г. Попова, изобилующая резкими поворотами и отказами от своего недавнего прошлого.

"ВЕЛИКИЙ ЭКОНОМИСТ"

Пресса часто определяла Г. Попова, как выдающегося экономиста, опытного управленца, прозорливого политика. Уж не мифами ли сформирован авторитет Гавриила Харитоновича в среде демократов? Попытаемся проанализировать эту догадку, опираясь исключительно на известные факты и опубликованные материалы.

Известно, что некоторое время ГХ (номенклатурная кличка Попова) получал зарплату за исполнение должности мэра Москвы - главы столичной исполнительной власти. Возглавляемая им мэрия отметила начало своего существования введением бесплатного проезда для пенсионеров в городском транспорте и массовыми ликвидациями ларьков и киосков, установленных "без разрешения", бесплатными завтраками для младших школьников и назначениями полных профанов на ключевые административные посты. Кроме того, набившая оскомину вывеска "Мосгорисполком" была заменена на вывеску "Правительство Москвы", а до боли знакомые еще с сайкинских времен потрошители городской экономики получили звания министров. Появилась и еще одна административная ступенька для бывших деятелей административно-командной системы - префекты. Вот так экономист! Вот так борец с административно-командной системой!

Пролистаем биографию Попова немного в прошлое. Вот он председатель Моссовета. Ни одного экономического проекта, ни одного предложения. Даже сам язык председателя свободен от экономических терминов. Еще несколько страниц в прошлое. Возьмем в руки сборник статей

Попова "Эти четыре года" (1989 г.) или другой сборник - "Блеск и нищета административной системы" (1990 г.), наконец, программную книгу нашего героя "Что делать?" (1991 г.). Мы не найдем ни в одной из книг экономики. В лучшем случае в некоторых статьях проявит Попов некоторую эрудицию в области марксистско-ленинской политэкономии - и все. В остальном же это чисто публицистические работы: сочинения по мотивам популярных литературных произведений, комментарии к событиям недалекого прошлого и любопытные политические портреты коммунистических деятелей.

За "моссоветовский" период работы "выдающийся экономист" не сформулировал ни одной экономической идеи или прогноза, а как управленец - не смог организовать работу депутатов и аппарата Моссовета. Как политик Г. Попов в этот период палец о палец не ударил и для поддержки формирующейся многопартийности, о которой было столько слов поначалу.

Для примера приведем рецепт Попова, который, по его мнению, годится, чтобы сделать мыло дешевле. Вот ответ на прямо поставленный вопрос о том, что нужно делать: *"Есть, знаете, еще одна категория людей, еще один род жаждущих бурной деятельности - они ходят по инстанциям. Но чтобы мыло стало дешевле, по инстанциям бегать не надо. Чего проще - встать 20 человекам около каждого магазина и уговаривать народ мыло не покупать. Месяц поуговаривали бы - мыло подешевело бы."* Все это говорится без тени иронии, "на полном серьезе". И "на полном серьезе" публикуется (сборник "Эти четыре года").

Вот другое откровение "великого экономиста" ("АиФ", № 14, 1992): *"Я знаю, что грязь на улицах может убрать только переделка всей системы."* Ни больше, ни меньше! И главное - никакой ответственности. Мэр Москвы грязь не уберет, покуда ему на блюдечке не преподнесут "новую систему". Что-то вроде сказочного "то-не-знаю-что".

В обоих случаях Г. Попова ситуация как бы провоцировала вести речь об экономике. Но напрасны ожидания экономической мысли от доктора экономических наук. Он всегда отделывается либо пустыми банальностями, либо политическими требованиями.

Нет и не было в природе экономиста Попова, но был и приносил ощутимые дивиденды миф о докторе экономических наук с демократическим лицом. Миф, как мы увидим, насквозь лживый. Как по части демократизма, так и по части экономической компетентности.

К ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Вслед за победой блока "Демократическая Россия" на выборах в Москве последовала череда кулуарных встреч Попова со своими ближайшими соратниками. Фактически шли штабные разработки по вопросу раздела портфелей между своими людьми. Для этого массовка из депутатов, воодушевленных прорывом демократии в Москве, была вовсе не нужна. Представители этой наивной группы метались по Москве в поисках заседающего "политбюро". Пытались даже проводить свои "тусовки". Но гонцы Попова легко разрушали их непритязательные планы. Задачей этих гонцов было не допустить возникновения неподконтрольных Попову структур.

Приведем несколько положений из речи Г. Х. Попова в качестве кандидата на должность председателя Моссовета 20 апреля 1990 г. Это

поможет понять, зачем так энергично затевались закулисные интриги.

Прежде всего было отмечено, что возникновение самостоятельных Советов привело к тому, что Узбекистан ограничил вывоз дефицитных товаров. *"Теперь никто остановить такое решение избранных органов власти Узбекистана или иной республики уже не сможет. Поэтому встает вопрос о том, что может предложить Москва стране в обмен на необходимые ей товары. Второй вопрос - о том, как научиться жить в ситуации, когда в Моссовете есть различные фракции с собственными позициями, в Москве разные позиции у райисполкомов, разные позиции в микрорайонах..."* Другими словами, Попов предлагал задуматься о том, как жить и бороться с плюрализмом мнений.

Ничего конкретного в данном случае предложено не было. Разве вот что: *"Для всей страны ликвидация промышленных министерств будет огромным благом. Вся страна вздохнет свободно, когда они будут ликвидированы в течение нескольких месяцев."* Вот и способ - ликвидировать министерства, да заодно и весь плюрализм! Как управлять после этого страной, большому экономисту задумываться некогда.

Г. Попов говорил: *"... главное - выработка общей программы Московского Совета, программы на 5 лет. Это не должна быть программа Попова или "Демократической России", это должна быть именно общая программа, которая должна быть широко обсуждена в Москве, должна быть одобрена жителями в демократических формах, чтобы можно было на нее опираться."* Так Попов ставил задачи перед другими. Сам же, как обычно, этим призывам следовать не собирался. Пока другие маялись над вопросами взаимодействия между различными структурами власти и экономическими программами, "демократический вождь" занимался интригами.

Г. Попов в своем выступлении громоздил один план на другой: профессионализация Моссовета (оплата работы депутатов), создание совета председателей районных Советов, определение статуса Москвы, создание сильного юридического центра, налаживание взаимодействия с Мосгорисполкомом, проведение референдума по основным экономическим вопросам, создание центра по изучению общественного мнения, создание своей газеты, журналов, аренда канала для Моссовета и Москвы у центрального телевидения... Дальнейшая практика показала, что если что-то из этих планов и воплощалось в жизнь, то в форме, удобной и выгодной для клана, сформированного вокруг Попова.

Помимо широкомасштабных планов, Г. Попов пытался вызвать симпатии и своей нравственной позицией: *"Не исключено, что мои взгляды и мои намерения, мои подходы к тем или иным вопросам будут расходиться с мнениями Президиума или Московского Совета. В том случае, если эти расхождения касаются путей и способов конкретных действий, то я буду всегда следовать тому, что решил Президиум, что решил Московский Совет. Но если же сложится ситуация, что мои взгляды расходятся с существом позиции Моссовета, то я честно скажу вам об этом и поставлю вопрос о доверии и об уходе с поста Председателя. Если Верховный Совет примет решение, которое я глубоко бы одобрил, о прямых выборах руководителей Москвы (я, правда, не уверен, что это должен быть Председатель Совета, так как я думаю, что это должен быть мэр города), то я приму все меры к тому, чтобы опять-таки подать*

в отставку с тем, чтобы обеспечить условия для свободных, без давления, прямых выборов руководителей Москвы".

В дальнейшем эта нравственная планка Поповым взята не была. Он даже и не собирался разбегаться, чтобы ее взять (см. главу "Рождение мэрской власти"). Это был заведомый обман, привычка к которому сформировалась долгими годами лицемерия в номенклатурно-научной среде.

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ИГРЫ

На встрече Попова с представителями Московского объединения избирателей 1 сентября 1990 г. он уже не думал, как договориться с республиками, а всесторонне ругал их самостоятельность и сокращение поставок продовольствия в Москву. Ругает он и самостоятельность районных Советов, объявляет о каком-то расколе в демократическом движении (связывая это утверждение почему-то с проблемами кворума на сессии Моссовета). Ругает Попов и бросившихся на дележку имущества работников партаппарата, комсомола, профсоюзов, Академии наук...

Эта встреча отмечена дьявольски точными предсказаниями:

- через год мэры городов будут избраны
- в Москве будет действовать единая исполнительная власть
- будет введена система префектур (по сторонам света)
- выборы в условиях переходного периода состоятся уже через 2-3 года.

Как в воду глядел Попов. А может быть, все планы были уже согласованы и роли распределены? Многое говорит именно за последний вывод. Но окончательного объединения старой и новой номенклатуры еще не произошло. Сговор еще не оформился, мятеж еще не был готов. Потому и ругал Попов дележку имущества, в которой сам принять участия еще не мог.

Это был момент, когда "поповцы" уже поделили Моссовет между собой, но к номенклатурной дележке собственности их пока не допускали. Отсюда и нервозность Г. Попова, столкнувшегося с реальными проблемами управления.

Могучее желание Г. Попова примкнуть к разделу общественного пирога проявилось в конкуренции за право снимать пенки с повышения цен. 15 ноября 1990 г. Попову от Предсовмина РСФСР И. Силаева пришла телеграмма о приостановлении постановления Совмина СССР № 1134 о введении с этой даты свободных розничных цен на предметы роскоши и отдельные товары первой необходимости. Гендиректор Главторга Москвы В. Карнаухов накануне получил из правительства телефонограмму с грифом "секретно". По поручению ВС РСФСР до специального распоряжения предписывалось запретить продажу указанных товаров. Службы Карнаухова и МВД работали всю ночь, учитывая и опечатывая товар.

И вот как Г. Попов обосновывает эту суету: *"...непростое решение не повышать цены на товары, которые рассчитаны на привилегированное потребление, - видимо, действительно непростое, но здесь решался важный политический вопрос. А политический вопрос состоял в следующем: присваивает ли себе союзное правительство право повышать любые цены на любой территории страны?*

... в нынешней обстановке, с точки зрения экономиста, они

(действия по повышению цен - А. К.), *в конечном счете, рассчитаны в интересах теневой экономики. Почему? Потому что деньги, которые сейчас есть, будут обесцениваться в ходе инфляции. И когда им сейчас вроде бы по повышенным ценам спустят золото, ковры, все остальное, то это дает им возможность бумажки, которые у них сейчас есть, отоварить в более выгодных условиях, чем те, которые будут через полгода или еще через какое-то время. И с этой точки зрения с этим решением* (И. Силаева - А. К.), *конечно, никак нельзя было не согласиться."*

Более нелепого объяснения, особенно в устах экономиста, представить себе было невозможно. Понятно, что инфляция съест не столько сбережения теневиков, сколько простых граждан. Но с точки зрения клановых интересов все в рассуждениях Попова было логично. Российская номенклатура стремилась перехватить у союзной право на установление цен и прибрать к рукам значительные бюджетные поступления. Попов активно помогал сформировать общественную поддержку таким действиям, чем выслуживал себе место при будущем перераспределении власти.

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМА

В беседе о национальных аспектах перестройки "Память и "Память" (в кн.: "Блеск и нищета административной системы", ПИК, 1990) Г. Попов по традиции начинает клеймить никому не известного студента, посмевшего высказать свое суждение о русском народе на страницах газеты:

"А задумывался ли этот студент, если уж на то пошло, - возглашает Попов, *- на чьей земле стоит его город - Новосибирск? Когда и как там появились предки этого радетеля русской нации?... Ведь народ, который жил в районе Новосибирска до основания города, тоже имеет право на память. И как быть, если память этого народа требует увековечения чего-то другого, а не основания русской крепости?"*

Попов мучится вопросами подростка, не называя ни того народа, который хотел бы увековечить свою историю, ни конкретных лиц, высказывающих претензии. Поэтому предмет разговора двух нерусских людей (и по крови, и по духу) о судьбах России превращается в мыльный пузырь, которым "политики" не могут налюбоваться. Они идут "дальше" и "глубже".

Г. Попов копнул в самом центре России: *"А если рассматривать проблему глубже и в целом, то большая часть территории, на которой мы сейчас живем, начиная с нашей столицы - Москвы, начиная с главной реки России - Волги, - это места расселения русского народа.* (Имеется в виду, что это не исконно русские земли - А. К.) *В самом деле, что это за слова : "Москва", "Волга", как они переводятся на русский язык? Эти слова на русский язык непереводимы, если не воспользоваться словарем других народов, которые жили на этих землях раньше, которые давали названия и Днепру, и Дону и т. д."*

Вот она - вся убогая идеологическая база для разрушения России! Оказывается, современная Россия должна расплатиться по векселям со всеми народами, которые когда-либо существовали на ее современной территории! Для идеологов распада требуется возбудить распри между племенами (от которых на деле и следа-то не осталось), давно считающими

себя единой нацией. И они смогли это сделать, используя самые современные методы организации геноцида через средства массовой информации.

Переписать историю - вот чего жаждал Попов.

"И сегодня еще фактическая история России излагается с московских позиций никто не написал историю России с позиций Твери, которая всегда фигурировала как "богомерзкая Тверь" никто не написал историю России с позиций "богопротивной" Рязани, которая всегда изображалась московскими летописцами как скопище пороков. А как могла выглядеть Москва в глазах первой русской республики - Великого Новгорода? Конечно, чисто татарской сатрапией."

(Позднее московский голова потащится в Тверь с колоколом, дабы подарить его тверскому "князю", компенсируя историческую несправедливость. Может быть, думал, что и его имя впишут в летопись наряду с мудрыми московскими князьями?)

Далее Попов стаскивает читателя на свои идеологические позиции, не приводя ни одного серьезного довода: *"Тот, кто стоит за память только своего народа, рано или поздно начинает оправдывать убийц."* Т. е. собственной памяти у народа быть не должно, а должна быть именно какая-то безнациональная, "объективная" память, которой позволительно поливать грязью своих предков и заставлять современников выплачивать их "долги" перед историей. Попов дает рецепт вслед за своим учителем: *"В. И. Ленин учил нас соединять в единый революционный поток все честные, искренние, демократические движения. И надо помочь здоровым силам "Памяти" преодолеть тенденции "избранной памяти".*

Нельзя опустить и литературоведческие изыски Попова на уровне школьника, повторяющего, что Россия была "тюрьмой народов" и что Лермонтов созревал от стихотворения "Бородино" ("слуга царю, отец солдатам") до стихотворения "Родина" ("ни темной старины заветные преданья не шевелят во мне отрадного мечтанья"). В общем Родина в его понимании - поля, леса, говор пьяных мужиков, *"а не государственность и ее характеристики"*. Дальше не составляет никакого труда подключить в аргументацию доводы Ленина с его концепцией поражения своего правительства в войне. Вот это Попов приветствует, одобряет, но пеняет одновременно своему учителю, что в развале России он остановился на "вольной" для Финляндии и Прибалтики. Надо было еще Кавказ и Среднюю Азию (вместе с сотнями тысяч русских!) предоставить самим себе.

Остается добавить, что "вольную", о которой мечтал Г. Попов, выписали три "деятеля" во главе с Ельциным в Беловежской пуще. Результатом была кровь и экономическая разруха. Вот это и было невысказанной мечтой Г. Попова. (Как ни хотелось бы автору воздержаться от использования терминологии из области психиатрии, все-таки придется подобного рода "мечты" назвать "некрофильскими". Следуя Э. Фромму, мы будем применять этот термин для оценки воззрений и политической практики некоторых общественных деятелей.)

В своем основополагающем труде "Что делать?" Попов тоже не обошел национального вопроса и заявил такую позицию: прямые выборы Президента СССР бессмысленны, потому что "всегда будет побеждать кандидат народа, составляющего большинство". Сиречь - кандидат русского народа. "Греку" Г. Попову по душе была бы победа представителя какого-

либо другого этноса, но только не русского. На II Съезде "ДемРоссии" Г. Попов высказал такой тезис: Ради будущей стабильности России *"...надо немедленно дать возможность выйти из России всем автономиям, которые на референдумах за это выскажутся... Только в таком случае мы создадим государство, в котором каждому народу будет обеспечено то, что ему нужно."* ("КП", 12.11.91). А еще через несколько лет (в мае 1994 г.), выступая в телепередаче "Диалог". Г. Попов объявит, что в разрушении СССР повинен русский национализм, и он же является основной опасностью для России.

Этот замес русофобии на почве чувства собственной неполноценности - тот внутренний жар, который сжигал Попова постоянно. Подсознание его постоянно всплывало в те зоны рассудочной деятельности, которые были связаны с политикой. Его окружение, его сторонники - сплошь русофобы, сплошь люди ущербные от сознания своей неполноценности. Эту ущербность они постоянно стремились перенести на других, стараясь в процессе сверхкомпенсации своего первоначально мнимого порока "перебороть" здоровую норму обычных людей.

ЧТО ДЕЛАТЬ ИЛИ НАРОДОВОЛЕЦ ПОПОВ

Не только Ленину Чернышевский перепахал душу. (Надеюсь, читатель помнит фразу вождя пролетарской революции, сказанную в адрес автора книги "Что делать?".) Душу Г. Попова он тоже перепахал. Та любовь к народу, которой, по словам ГХ, славился Чернышевский (см. статью "Н. Г. Чернышевский и отмена крепостного права" в кн. "Блеск и нищета административной системы"), забила ключом в сердце нашего героя в 1990 г. Можно сказать, что декабристы разбудили Герцена, тот растормошил Чернышевского, который в свою очередь растревожил Ленина, а потом все они вместе навалились на Попова. Так родилась в 1990 г. еще одна революционная книжка с традиционным для такого рода литературы названием: "Что делать?".

Главное в этой книжке-брошюрке - метод, которым Попов пользовался в течение всей своей недолгой политической карьеры. Метод основан на фабрикации ничем не обоснованной проблемы, которая потом превращается в основной вопрос современности. Вместо взвешивания на политологических весах всех действующих в обществе сил, формулируется "фундаментальное" в своей аксиоматичности положение: *"Самое важное - бороться за немедленное создание коалиции между центром, конструктивной частью аппарата и конструктивной частью демократических сил."* Для стороннего (но небезразличного и ненаивного наблюдателя!) "аксиома Попова" должна показаться рецептом предательства, рецептом вычленения из демократического движения "конструктивной" части, т. е. части, способной пойти на сговор с номенклатурой, на формирование новой номенклатуры.

А вот второе "фундаментальное" положение имеет другое свойство: свойство невольно высказанной истины. Попов считает (или делает вид, что считает), что аппарат может отвергнуть предложенную коалицию, и тогда придется отмежеваться от всего того, что аппарат делает в стране. Именно последний шаг пришлось сделать "неконструктивным" участникам

демократического движения, сепаратно от которых Попов договорился с номенклатурой. Именно для того, по формулировке Попова, *"чтобы не стать сначала ширмой для реализации чуждой нам программы, а затем - козлом отпущения, на которого спишут все провалы..."*. Правда, козлами отпущения эту часть демократического движения номенклатура все же сделала, как сделала дойной коровой "реформ" всю страну. Чуть ниже по тексту брошюры Попов проговаривается: в по-поповски организованной демократической республике главное - работа аппарата, работа профессиональных чиновников, а не депутатов. Т. е. не о профессиональном росте депутатов Попов заботился, а о "праве" аппаратчиков самочинно заправлять у кормила государственной власти.

Третий "фундаментальный" тезис выдается Поповым за экономический постулат: главное в экономике - дележ государственной собственности (опять дележ!) между новыми владельцами. Знаменитое "отнять и поделить" приобретает у Попова-теоретика новое - демократическое - звучание. Предполагается, что противоположный вариант - недемократическое присвоение собственности бюрократией. Вышло, как на грех, и то, и другое. Только собственниками стали, как старая бюрократия, так и новая - поповского призыва. Остальному населению достались фиговые листочки ваучеров. Попов прям и откровенен в своей случайной "гениальности": он ставит вопрос о том, кто будет хозяином перестройки. Для себя и своих ближайших соратников он этот вопрос смог решить однозначно - похозяйствовать удалось с большой личной выгодой (см. главу "Попов-фонд").

Политический тезис ДЕСОВЕТИЗАЦИИ тоже попал в брошюре Попова в разряд фундаментальных и был, в конце концов, закреплен залпами танковых орудий по парламенту. Источник этого "фундаментализма" был, в общем то, пустяковый - нежелание отвечать за результаты своей работы в Моссовете: система, мол, виновата. Но именно эта система помогла Попову пересесть в кресло мэра и покуролесить еще год. Опять же, не отчитываясь ни перед кем.

Следующий тезис - ДЕФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ (в нашей терминологии он больше похож на тезис о ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ, т. е. о ликвидации русской нации). Вот он рецепт процветания - на месте СССР формируются *"три, четыре, а то и пять десятков независимых государств"!* Тут несколько русских республик - Россия, несколько украинских республик - Украина, и союз союзов - что-то вроде РУБ - Россия-Украина-Белоруссия.

Что же это за бредни! - скажет любой здравомыслящий человек. И будет прав - это бредни. Сам Попов чувствует (хотя и не осознает) это: *"Надо откровенно сказать, что даже среди демократов демократический вариант дефедерализации не имеет поддержки большинства. <...> И все же долг демократов - выдвинуть демократический вариант дефедерализации, каким бы нереальным он не казался".*

Надо отдать должное, бредовые планы, несмотря на отсутствие поддержки в народе и среди соратников-демократов, все-таки были реализованы. Два десятка государств на месте Союза возникло (считая практически обособленные от России Татарстан, Чечню, Приморье. Якутию, Калининград и др. территории, а также Крым, Приднестровье, Абхазию). Не всем, правда, предстоит выжить. И, скорее всего, ни одному из них не удастся избежать обвальной катастрофы. Но идея народовольца Попова

восторжествовала - для подобных людей это главное.

Все, все предсказано Поповым в его "фундаментальной" работе! Только в большинстве случаев с точностью "до наоборот". Не с антиаппаратным путем перестройки оказался связан сам Попов, не антибюрократической фигурой оказался в борьбе за демократию Ельцин. Именно они, а не мифический аппарат без лица и фамилии, провели "мероприятия", от которых предостерегал (а скорее всего тайно их жаждал) Г. Попов: развал СССР и отстранение от власти Горбачева, распродажу богатств страны и превращение России в сырьевой придаток мировой экономики, установление режима диктатуры и проведение фальшивых выборов...

Осталось еще немного, чтобы грезы Попова сбылись окончательно. Вот его прогноз аппаратных реформ, в которые он лично вложил немало: *"Процесс деградации будет столь мощным, что Россию и русский народ ждет анархия, и Россию может постичь судьба стран и народов, не сумевших вписаться в ход истории. И Россия разделит судьбу Древнего Египта, Рима или Византии."*

БОЛЬШОЙ "ДЕМОКРАТ"

Если Попов-экономист - чисто мифологический образ, то Попов-политик - вполне реальная фигура, способная вписываться в динамичную ситуацию Смутного Времени.

Еще в 1989 г. Г. Попов предсказал основной разворот событий ("ЛГ", 04.10.89): *"Главное экономическое противостояние переходного периода состоит в том, что конечной целью перемен является свободный рынок со свободной конкуренцией, но вся ситуация в экономике такова, что любые шаги в сторону свободного рынка ведут к взвинчиванию цен, спекуляции, обогащению распоряжающихся общественным богатством бюрократов. Словом, движение к системе, призванной спасти страну, бьет по основным слоям нашего народа."*

Оценивая далее позицию сторонников ведения жесткой борьбы с экономической преступностью и экономическим развалом, Г. Попов говорит, что новая административная диктатура в любом случае обречена проделать тот же путь, что и путь большевиков с 1917 до 1937 г., а также путь французской революции, сделавшей основным аргументом в борьбе с ценами и политическими противниками гильотину. В полном противоречии со своими опасениями Попов пишет: *"Неограниченная демократия с правом избирателя на все влиять... может аннулировать все преимущества новой экономики. Демократия ведь всегда обременена опасностью перерастания социальной справедливости в уравнительность."* Не удивительно, что при внедрении такого понимания демократии даже избранные населением администраторы полностью избавляются от такой нравственной установки, как ответственность перед гражданами.

Попов-политик постоянно диктовал Попову-управленцу линию поведения с тем, чтобы планировать и дозировать демократию, будто это сыпучий материал. Вспоминается характерный эпизод политической биографии Попова. После памятного ухода Горбачева во время первомайской демонстрации 1990 г. с трибуны мавзолея, Гавриил Харитонович предлагает упорядочить демонстрации следующим образом.

Допускать в колонны только тех, кто попал в квоты организаций-участников шествия (например, 1 человек от 50 членов организации), затребовать у этих организаций перечень лозунгов и не допускать появления плакатов с личным мнением, определить способы борьбы с нарушителями и, наконец, "не пущать" демонстрантов на Красную площадь, предназначенную только для государственных праздников.

Что касается всяческих ограничений, таких предложений у Г. Попова было предостаточно. Но может быть поискать в его повседневной практике руководителя Моссовета что-то конструктивное? Попов-управленец за время пребывания в Моссовете родил единственную определенно выраженную идею или *"фундаментальный путь решения"* (выражение Попова) организационных проблем Моссовета: каждый депутат должен работать только в одной комиссии. Внедрить конторский порядок работы дважды пытались поименным голосованием. Не удалось.

Другая идея - о необходимости "усиления фракционности" в Моссовете, высказанная накануне ухода Г. Попова в мэры, звучала вразрез с другими его тезисами. О пользе фракционности странно было слышать от человека, постаравшегося не дать в Москве никаких шансов новорожденным политическим партиям. Видимо, организованная политическая среда была проявлением той самой неограниченной демократии, которой опасался Попов. Но какая же может быть фракционность без партийной основы?

Противоречие исчезает, если вспомнить, что Г. Попов старался приспособить действительность к своим целям: поддерживая уровень межблоковой конфронтации (ранее "ДР" против КПСС, потом - "ДР" и ДДР против "консервативных сил"), играть роль единственного арбитра. Пусть фракций будет больше, пусть они ссорятся, а мирить будет Попов.

Это было вполне в духе Горбачева, когда-то возглавлявшего Верховный Совет СССР, лавирующего там между умеренными консерваторами и ястребами, ссорящего их между собой, а потом пересевшего в кресло Президента СССР. Заметим, как сходна судьба реформаторов, не умеющих использовать политические инструменты открыто: возникает страстное желание взять в руки рычаги административного управления и подкрепить свои интриги мощным аппаратом подавления. Впрочем, Горбачев использовал технику интриг для противодействия номенклатуре, а Попов - для подавления противодействия номенклатуре.

Растерянность перед сложностями политической и экономической ситуации побуждала в 1990-1993 гг. некоторых политиков играть на нетерпеливом ожидании перемен и предлагать простые рецепты решения всех проблем. Очередное "открытие" появилось в интервью Г. Х. Попова еженедельнику "АиФ" (№ 29, 1991). По словам Г. Х. Попова, пока КПСС и демократы топтались на месте, на политическую арену вышла третья сила - *"люмпенский вариант фашизма"*. Опасность фашизма объявлена главной и, таким образом, борьба с фашизмом выходила для демократического движения на первый план. Не удивительно, что в список представителей "нашего" фашизма можно легко попасть помимо воли (а именно, волей хозяев прессы). Вас, дорогой читатель, моментально можно по распоряжению Попова причислить к люмпен-патриотам, люмпен-шовинистам, люмпен-пролетариату, люмпен-интеллигенции, люмпен-чиновникам (люмпен-аппарату). А все это - *"консервативно-люмпенский фашизм".*

В нашей критической ситуации пугало было сконструировано с определенной целью. Ради "завершения демократических реформ" накануне августовского путча 1991 г. планировалось ввести единомыслие в демократическом движении, а тем временем реализовать коалицию новорожденной номенклатуры со старым аппаратом. Конечно же речь шла о "конструктивной" части аппарата, о "конструктивных" демократах. При этом совсем не скрывалось, что "новые люди" для "новой партии" придут прежде всего из КПСС, где они поднабрались этой "конструктивности". Знакомый мотив коммунистического гимна слышится и в словах Г. Попова об объединении *"ради доведения до конца этапа разрушения старого строя"*. Объединяющие различные слои общества интересы Г. Х. Попов находил в усилении исполнительной власти, укреплении порядка и дисциплины. Уж не та ли это диктатура, которой пугал и которую тайно протаскивал в общественное сознание наш "большой демократ"?

Реальная опасность фашизма, может быть, и существовала в усилении открытых сторонников национал-коммунизма. Но еще большую и реальную опасность таила в себе ситуация, в которой эти силы на деле добивались того же, что и лидеры популистской "демократии": монополизации власти, разбойного дележа собственности, подавления оппозиционных формирований и пр.

Опыт истории показывает, что диктатура не приходит с заранее подготовленным оскалом на своей предвыборной физиономии. Она прикрывается демократическими лозунгами и народническими программами. Национал-коммунизм, представителем которого был Г. Попов, и либерализм, взятый на вооружение правительством Ельцина-Гайдара, имели одни цели, одну тактику, а потому и шли рука об руку.

Необходимость пугать других фашизмом возникала из-за собственного страха. Страх Г. Х. Попова, по-видимому, определялся желанием любой ценой сохранить заметную роль в политике. Стремясь укрепить ускользающую монополию на идеологическое оформление реформ, он заранее объявлял фашистами тех, кто может предложить какие-либо альтернативные пути, не будучи связанным ни с консерваторами из КПСС, ни с экстремистским либеральным крылом демократов.

Выдумав миф о люмпенском фашизме, Попов активно разрабатывал эту тему, не уставая повторять слова о той огромной опасности, которую несет объединение коммунистов и националистов. Именно этот шизофренический испуг привел к силовому подавлению забастовки таксистов, возмущенных убийствами своих друзей и безнаказанностью кавказских банд на улицах Москвы. Именно этот психоз стал причиной первой крови, пролившейся 23 февраля 1992 г. Именно по этой же причине Попов истерически призывал "дать отпор" попыткам нового путча, которого он так ждал и увидел, наконец, в попытке народных депутатов ликвидированного СССР (которых, кстати никто полномочий не лишал) собрать свой Съезд в марте 1992 г.

Завершающий теоретические изыскания тезис Г. Попов выдумывает после своего провала на выборах 1993 г.: неблагополучное общество (имелось в виду общество в России) не может позволить себе роскошь всеобщих равных выборов. Из этого тезиса автор сам делает вывод: нельзя давать голосовать селу, пока фермеры составляют в нем 1 %. Другое следствие: полновластие исполнительной власти в переходный период

должны защищать специальные элитные части, выведенные из подчинения военных. Так проще будет найти желающих расстреливать парламент и усмирять недовольных ("НГ", 10.12.93).

Вот с таким "большим демократом" пришлось столкнуться демократическому движению.

ДВА ШАГА НАЗАД В СУМЕРКИ ПРОШЛОГО

До того, как Г. Попов стал демократом, он 20 лет разрабатывал ниву марксистской политэкономии, доказывая преимущества централизованного руководства. Будущий критик административно-командной системы писал в одной из емких монографий: *"В условиях социализма принуждение, опираясь на авторитет собственности, приобрело государственную форму, охватило все хозяйство и соответствует интересам всех хозяев социалистического производства, то есть каждого члена нашего общества"* ("Система методов управления социалистическим общественным производством", 1973 г.). Черное у Г. Попова, многие годы редактировавшего номенклатурный журнал "Вопросы экономики", в нужный момент легко стало белым, белое - черным.

Но идеологическая нечистоплотность - еще полбеды. Бумага все стерпит, а люди просто не станут читать всякую чепуху. Настоящая проблема таится в сумерках прошлого Г. Попова, где прячется не только загадка трансформации взглядов, но и причастность к закулисным играм коммунистической номенклатуры.

Вот какие факты ставятся в вину Попову в статье В. Доброва "Штрихи к портрету профессора Попова" (еженедельник "Ветеран", № 22, 1991) со ссылками на "Советскую Россию" от 13.04.90, "Литературную Россию" от 13.04.90 и газету "Московский Университет" от 25.05.1988.):

1. Попытка добиться академического звания путем рассылки решавшим этот вопрос академикам корзин с коньяком и шампанским. При этом Попов претендовал на академическую вакансию по профилю "Экономика строительства", не имея фундаментальных работ в этой области.
2. Попытка влиять на результаты приемных экзаменов в Университет. Научное и ненаучное руководство сыновьями и дочерьми представителей государственной элиты.
3. Косвенная причастность к махинациям в возглавляемом им Центре управления общественным производством МГУ. Чрезвычайно высокая смертность сотрудников Центра из ближайшего окружения Попова и самоубийство начальника Академии МВД, с которым какие-то дела имел наш профессор.
4. Содействие плагиатору, пытавшемуся защитить докторскую диссертацию ("Соц. индустрия" от 28.10.79 и 27.04.80 и "Московская правда" от 28.11.87 и 05.07.87).
5. Перестройка дачи в пос. Внуково под шикарную виллу. (Вспомним строки из поповской предвыборной программы: "Покажи откуда деньги!")
6. Возможное покровительство секретаря МГК Гришина, фотография которого красовалась на стене в кабинете Попова.
7. Использование сети знакомств для выдвижения кандидатом в депутаты СССР от Союза научных и инженерных обществ (вопреки отклонению его кандидатуры парткомом МГУ и протестам знавших его сотрудников МГУ).
8. Использование служебного положения для сведения счетов.

Многие обвинения трудно проверить. Так или иначе, даже если

некоторые упомянутые факты присутствуют в биографии Попова, мы не станем копаться в них, а возьмем более доступный источник - сборник статей "Эти четыре года" и снова вернемся к трансформации взглядов этого "героя нашего времени".

Начнем с того, что только очень ленивый автор или неряшливый плагиатор может допустить, чтобы в небольшой книжке четыре страницы текста были полностью идентичны, располагаясь в разных разделах.

Второй характерный момент - это скука, навеваемая поповским популяризаторством. Все-таки экономисту стоило бы гордиться специальными экономическими статьями. Тем более, что Попов постоянно рекомендует себя, как экономиста-теоретика и специалиста по управлению.

Третий момент касается области идеологии. Прошлые и нынешние соратники были бы удивлены, если бы услышали такое признание: *"...я теперь с гордостью говорю, что я - коммунист. Ибо возрождаются славные традиции московских большевиков."* (с. 146). Напомним, что публикация относилась к 1988 г., а переиздание соответствующей статьи в книге - к 1989 г.

Книга Попова просто нашпигована цитатами из сочинений Ленина и ссылками на его авторитет. При этом нет ни одной ссылки на экономические работы других авторов. Следует подчеркнуть, что обращение Г. Попова к работам Ленина вовсе невозможно представить, как вынужденное, как необходимое для того, чтобы публикация состоялась. Их слишком много, они подчас совершенно неуместны и всегда абсолютно некритичны.

Почти в одно время с писателем В. Солоухиным Г. Попов пишет работу с идентичным названием - "Читая Ленина". Но если первый гневно обличает большевизм, его кровожадную сущность, то работа второго призывает читать работы Ленина "по-ленински". Убедительно звучит в одном из интервью и ответ на вопрос "не поспешили ли наши отцы с Октябрьской революцией?". Попов твердо отвечает: *"Нет не поспешили. Жизнь это показала."* И чуть усиливает впечатление: *"На это у нас и существует социалистическое государство, чтобы не позволять перерастать индивидуальной трудовой деятельности в антисоциалистическую."* (с. 295).

Четвертый момент, касающийся книги "Эти четыре года", позволяет раскрыть некоторые подробности биографии нашего героя. В частности, становится ясным, что организация, посадившая Попова в депутатское кресло - Ассоциация молодых руководителей предприятий, была совершенно номенклатурным образованием. По словам самого Попова, эта Ассоциация помогала комсомолу готовить смену для кормчих социалистической экономики. На деле, как известно, "творчество молодежи" вылилось в перераспределение собственности еще до возникновения каких-либо регламентирующих правил и законов о приватизации. Не отсюда ли пошла волна комсомольцев-бизнесменов, удачно пустивших в оборот свои капиталы, обходя на старте маломощных конкурентов? Спасибо за слово истины Г. Попову, который публично не уставал ругать аппаратные махинации с народной собственностью.

Дымовая завеса сработала. Попов на волне критики стал председателем Моссовета и не преминул поддержать тех, кто старался для него. Московская мэрия при Попове стала уютным гнездышком для комсомольцев-предпринимателей.

НОВЫЕ ПРОГРАММЫ ВМЕСТО ОТЧЕТОВ

При открытии 2-й сессии Моссовета в конце 1990 года прозвучала речь Попова, которая стала единственным подобием его отчета перед депутатами и избирателями.

О работоспособности Советов и проблемах кворума Попов говорил так: *"...советская система находится в кризисе именно как советская система, ибо она была своего рода кукольным театром, где нити дергала правящая партия. Когда кукольный театр попытались сделать живущим самостоятельно, реально выяснилось, что механизм этот малоспособен."* Эти слова тогда никого всерьез не насторожили, потому что воспринимались как привычные теоретические упражнения председателя Моссовета. А на самом деле в них содержалась скрытая информация: сговор с номенклатурой уже состоялся.

Теория теорией, но депутатам нужно было объяснить, почему Попов несколько месяцев блокировал созыв сессии. По его словам, сессия была отложена из-за того, что Горбачев с Ельциным договорились сделать общесоюзную программу на основе программы Г. Явлинского "500 дней" (тут бы и подготовленные командой Лужкова "Московские 500 дней" пригодились). Договоренность сорвана, говорил Попов, а Россия без выхода из СССР реализовать свою программу не сможет. Поэтому нужно ждать новых переговоров между Ельциным и Горбачевым, а пока реализовывать программу "минимум":

- дать по 70 руб. на каждого ребенка, не посещающего детсад
- провести приватизацию жилья
- приватизировать торговлю, а исполкому поручить разработать введение карточной системы
- на втором этапе перейти к созданию инфраструктуры рынка - бирж, банков, обеспечить привлечение иностранного капитала, разработать программу борьбы с теневым бизнесом и преступностью, начать разгосударствление образования и конверсию.

Попов лишь вскользь упомянул о задании 1-й сессии исполкома подготовить проекты решений о переходе к рыночным отношениям в экономике Москвы, о приватизации жилья и торговли... Все эти поручения еще не были выполнены, но Попов от этого никакого неудобства не испытывал. Он нащупал новую "программу-минимум", он грезил новыми планами: нужен генеральный план развития города, отраслевой перспективный план, еще какие-то планы... Попову не хотелось увязать в частностях, а тем более - оглядываться назад.

Тут стоит вернуться к предвыборной речи Гавриила Харитоновича, произнесенной еще в апреле 1990 г. В этой речи была в качестве основной задачи определена выработка общей программы Моссовета на 5 лет вперед. Декларировалось, что разработка этой программы пройдет при широком обсуждении среди депутатов и горожан. И в 1990 г., и в 1991 г. Г. Попов подменял реальные планы мифологией исторических целей и реальные отчеты - ничем не подкрепленными планами.

Пустопорожнее планирование, вероятно, является одной из основных черт представителей номенклатуры. Главное - запланировать, а там - хоть трава не расти. Через полгода работы в Моссовете Попов снова

говорит о необходимости разнообразных программ (борьбы с теневой экономикой, поддержки культуры и искусства, привлечения иностранного капитала, продовольственной) и планов (восстановления исторических ценностей, развития города как научно-технического, финансового и туристского центра, перевода города на товарное производство). Еще через полгода вновь повторяется банальность о необходимости "составить более цельный и более развернутый план". Ни одного авторского проекта мозг "выдающегося экономиста современности" за все время его присутствия в политике так и не родил.

Позднее Г. Попов говорил о том, что только через год работы в Моссовете он понял, что "КПСС бросила Москву на шею Моссовета" ("НГ", 10.12.93). Уяснив, что камень на собственной шее держать невыгодно, он совершает свое первое бегство - в мэры.

* * *

Утвердившись на почве разработки основ коалиции со старой номенклатурой и закулисным созданием новой, Попов не сомневался в том, что ответ за развал системы власти в Москве он нести не будет. В мае 1991 г. депутаты попытались выбить из ускользающего от ответственности Попова отчет о результатах его деятельности за год. Попов сделал вид, что его заставили пойти на неподготовленное сообщение и лишь в общих чертах описал трудности своей работы. Одновременно Г. Попов потребовал от сессии Моссовета при любом исходе выборов мэра (в июне 1991 г.) рассмотреть вопрос о его уходе с поста председателя Моссовета. Т. е. в любом случае никакого настоящего отчета он делать не собирался.

По мнению Попова, уже вовсю ведущего предвыборную кампанию за пост мэра, основной недостаток Моссовета состоял в том, что не был составлен план работы на перспективу ("Куранты", 28.05.91). Спрашивается, о чем же думал сам Попов, который подобных планов Моссовету не предлагал ни разу? Вот снова он стоит на трибуне и от кого-то требует развернутого цельного плана. Снова в качестве оправданий за полный провал своей деятельности Попов привел маловразумительные доводы: 1) ему постоянно мешала активность депутатов, от которых он стремился скрыться за закрытыми дверями кабинета 2) очень много усилий председатель Моссовета истратил, чтобы держать Москву "на плаву".

Вторым своим оправданием он просто расписался в том, что практически полностью был включен в систему исполнительной власти и работал только на нее. Моссовет же был для него тем трамплином, с которого можно стартовать в верхние слои административно-номенклатурной системы.

За день до выборов мэра Попов откровенничал уже в компании своего большого друга - редактора газеты "Куранты" - и снова повторял практически то же самое, что и на сессии. Ни одной новой мысли! К голым абстракциям Попову прибавить было нечего, все уже неоднократно излагалось перед депутатами и год, и полгода назад. Дополняет Попов свои теории только признанием в том, что "год дал очень много" в смысле знакомства с управленческими кадрами. Разумеется, дал он много лично Попову.

Накануне выборов мэра Попов открыто объявил о своих прогнозах и видах на улучшение обстановки: *"Отдельные, наиболее острые проблемы*

с продовольствием мы могли бы решить через год частично. Более реально - через два, если начнут широко развиваться фермерские хозяйства и прямые связи города и села..." ("Куранты", 11.06.91). Для промтоваров Попов поставил срок - 5 лет, а для выхода на мировой уровень - 8-9 лет. Но ни "наиболее острые", ни "частично", ни "через год" не получилось. Да и кто стал бы вспоминать через год какие-то обещания, какие-то прогнозы в условиях катастрофы?

Еще в конце 1990 г. Г. Попов разбавлял свои выступления невнятными рассуждениями о каком-то левоцентристском блоке, который демократам следовало организовать совместно с московскими профсоюзами и МГК КПСС, а также о широком движении всех тех, кто выступает за перестройку. Потом Попов обеспечил себе монополию на право заключать компромиссные соглашения, а расставаясь с Моссоветом обвинил депутатов в объединении с КПСС. Дело в том, что он сам уже на деле реализовал закулисный сговор с практически однопартийным исполкомом Моссовета, а Моссовет надо было добивать одновременно с высшим общесоюзным руководством. Вот и валил Попов своих неподготовленных к схватке противников в одну кучу.

Это нужно было Попову также и для того, чтобы не допустить каких-либо организационных форм сотрудничества различных политических сил на поле общих интересов (а они всегда есть, если есть государство!). Он прикрывает своим авторитетом группу Лужкова и формирует на ее основе по сути однопартийное "правительство", которое подавляет все дискуссии, все альтернативные подходы к управлению и развитию хозяйства Москвы.

НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ И ВЫБОРЫ МЭРА

Малоизвестны, но чрезвычайно поучительны закулисные маневры Г. Попова при навязывании Москве должности мэра и при проведении предвыборной кампании.

Вспомним еще раз, с какой подкупающей прямотой высказывался Гавриил Харитонович перед выборами председателя Моссовета в апреле 1990 г. (цитировано выше). Готовность оставить выборный пост при явном расхождении между взглядами большинства депутатов, отказ от попыток переиграть это большинство в процедурных вопросах - нормальная позиция для всякого порядочного человека. Этой позицией Попов не воспользовался, когда внеочередная сессия Моссовета (29.04.91) сформулировала свою законодательную инициативу по поводу статуса и порядка выборов мэра Москвы. Решение сессии существенным образом отличалось от проектов, подготовленных самим Г. Поповым - кандидатом на этот пост. Поэтому всевозможные усилия были предприняты с его стороны, чтобы в обход Моссовета провести свой вариант реформы управления, опираясь на свои связи в Президиуме Верховного Совета РСФСР (об этом см. главу "Рождение мэрской власти").

В результате Г. Попов добился такой процедуры выдвижения кандидатов на пост мэра, при которой он становился практически единственной фигурой, представляющей демократическое движение Москвы (Т. Корягина, имеющая второй после Г. Попова рейтинг популярности среди москвичей, не успела набрать достаточного числа подписей для включения в

список для голосования). Противодействие позиции Моссовета дошло до того, что решения внеочередной сессии, собранной инициативной группой депутатов вопреки воле председателя Моссовета, около двух недель не подписывались Г. Поповым и не направлялись в рассылку. Т. е. происходила грубейшая манипуляция процедурными моментами, которая не позволяла большинству депутатов Моссовета реализовать свою позицию. Ставка в номенклатурных играх для Попова была столь высока, что всякие представления о порядочности оказалось возможным отбросить.

Попов не только не попытался утрясти разногласия с депутатским корпусом, но и не выполнил еще одного обещания, взятого на себя добровольно в уже упомянутом предвыборном выступлении перед Моссоветом. Г. Попов заверил, что если он станет баллотироваться в мэры, для обеспечения выборов главы исполнительной власти "без давления" (т. е. без преимуществ у обладателя наиболее заметного административного поста) уйдет в отставку со своего поста председателя Моссовета и тем самым формально уравняет шансы всех кандидатов на выборах. Не ушел и не уровнял. Наоборот, Попов потребовал у сессии Моссовета особой рекомендации для своей кандидатуры, предупредив в опубликованном накануне ультиматуме, что при отказе в такой рекомендации не только сразу уйдет в отставку с поста председателя Моссовета, но и вообще не станет участвовать в выборах.

Даже при столь жесткой формулировке требований при открытом голосовании выявилось, что за год лидер демократов потерял навсегда более трети своих сторонников в Моссовете. Соответствующей рекомендации депутаты не выдали, считая, что шансы кандидатов и без того в пользу Попова. Но это не помешало последнему "забыть" свои угрозы и штурмовать кресло мэра по просьбе "друзей из Московского объединения избирателей".

На этих выборах перед Поповым стояла задача - победить в первом туре вместе с Ельциным. Второй тур с голосованием только по кандидатуре мэра с большой вероятностью мог не привлечь достаточного количества избирателей. Ради реализации сверхзадачи снова пришлось хитрить и лгать. Неравенство шансов кандидатов в мэры было усилено совместной предвыборной кампанией Ельцин-Попов. Вспомним хотя бы заполонившие столицу плакаты: "Ельцин - для России, Попов - для Москвы!" или "Ельцин: я голосую за Попова и Лужкова!". Нет сомнений, что этот девятый вал плакатов и листовок мало что прибавил к авторитету Ельцина, но шансы конкурентов Попова свел к нулю.

Суть предвыборной кампании Попова кратко выразила газета "Позиция", № 15 (превращенная в агитлисток под грифом "исполком Моссовета", неожиданно появившимся в демократической газете). На первой странице над фотографией Попова и Ельцина читаем: "Они пришли дать нам волю! Неужели откажемся?" Действительно, стоит ли отказываться, если тебя силком стараются втащить в "светлое будущее". Тут и смыслом введения поста мэра интересоваться некогда.

Ради этого поста оказалось возможным выдавать черное за белое. В одной из агитационных листовок москвичам предлагалось порадоваться за увеличение ввода жилья "при Попове" на 18% за квартал (при страшном провале графика ввода жилья в 1990 г.), за пенсионеров, получивших прибавки к пенсиям из средств города (на деле же - из кармана курильщиков, вынужденных покупать сигареты по коммерческим ценам), за создание 14

тыс. негосударственных предприятий (большинство из которых либо просто сменило вывеску, либо было не в состоянии продуктивно работать) возникают мифические 10 тыс. га под садовые участки в Подмосковье, хитрые цифры дают увеличение объема ремонта дорог на 75% (за развал работы в 1990 г. пришлось снять с должности начальника московского "Автодора").

Избирательной кампании Г. Попова способствовала и организованная его хозяевами дискредитация представительной власти, которая и в дальнейшем хорошо послужила и Попову, и Лужкову.

ПРОТИВ СТРОПТИВОГО МОССОВЕТА

Весной 1991 г. Г. Попов потряс общественность очередным "эпохальным" произведением с громоздким названием: "Об укреплении демократически избираемой исполнительной власти и демократического порядка (второе открытое письмо председателя Моссовета народным депутатам Моссовета и райсоветов, всем москвичам)".

Г. Попов писал, что Советская система - это *"мощная голова в виде Советов и весьма слабое "тело" в виде исполнительных органов"*. Вывод делался такой: надо перераспределить власть. Вот аргументация человека, целый год палец о палец не ударившего для организации работы возглавляемого им Моссовета: *"... какое обсуждение возможно среди нескольких сотен человек, когда автор предложения не то что ответить или пояснить, а вообще, в лучшем случае, может выступить только один раз, а многие его оппоненты не могут выступить ни разу? Представительный орган нужен, но только в составе нескольких десятков депутатов - не более."* По логике Попова для того, чтобы узнать мнение депутата, непременно надо сессию собирать. Будто нет механизма согласования интересов на заседаниях комиссий, в предварительных слушаниях, на Президиуме Моссовета. По логике Попова выходило, что механизм народовластия, рожденный на последних выборах уже никуда не годен. Выходило, что избранный всего год назад Моссовет - уже мешает.

И взамен предлагалась очередная реформа: *"...избранный народом мэр будет независим от Совета. Эта независимость - азбука демократии* (?! - А. К.)*. Зависеть нельзя ни от органов, ни от депутатов. Зависеть надо только от народа. Народ избирает Совет и мэра, и естественно, они друг другу не подчинены. <...> Итак, надо резко* (?! - А. К.) *укрепить исполнительную власть, вывести ее из-под ежедневной опеки (превращающейся порой в ежедневный террор) местных Советов. У обеих властей есть своя сфера. А кто из них прав - будут решать избиратели на следующих выборах."*

Эту лицемерную фразу о народе стоит запомнить, потому что от имени народа нередко делаются самые черные гнусности. Например, таким образом (продолжаем цитирование): *"В сложившейся сейчас кризисной ситуации и с учетом положения Москвы, как столицы, я не вижу иного выхода, как превратить среднее звено исполнительной власти в городе - райисполкомы - в главные органы на уровне городского района, формируемые городским исполкомом и подчиненные только ему. На уровне района нужно иметь Муниципальный совет, но с совещательными функциями по отношению к райисполкому..."*

Райсоветы, таким образом, просто выбрасываются на помойку вместе с выбравшими их избирателями и Конституцией, предоставившей им такое право выбора. Предлагается сохранить "потенциал демократии" - бесправных, безопасных для номенклатуры и никому уже не нужных депутатов этих самых райсоветов, но теперь уже в виде работников исполкомов и советов самоуправления микрорайонов. Соответственно, и депутаты Моссовета должны были быть принижены до выполнения чисто совещательных функций при исполнительной власти.

К историческому письму "большого демократа" был приложен проект о введении "столичности" на Москве. "Столичность" заключалась, прежде всего, в том, что "мэр является главой исполнительной и распорядительной власти и подчиняется непосредственно Президенту СССР и Председателю Верховного Совета РСФСР (Президенту РСФСР)." Ну а сессия Моссовета собирается один раз в год не более, чем на две недели. Раз в квартал на срок также не более недели собирается Муниципальный Совет - десятая часть особо уважаемых депутатов, которые вправе направлять мэру свои решения, а тот вправе их отклонять.

Как точно воспроизводит все это предысторию Советов, подмятых номенклатурой КПСС! Как раз такие Советы и нужны номенклатуре, только такие Советы и могут обслуживать ее интересы. Вот Попов и старался обосновать то, что Лужков реализовал в декабре 1993 г.

Что касается до политики, то, согласно мыслям Попова, вся она должна была сосредоточиться в Политическом Консультативном Совете при мэре, состоящем из представителей организаций Москвы, документально подтвержденная численность которых превышает 1% списочного состава избирателей Москвы, т. е. 60 000 членов. По тем временам такое могла позволить себе только компартия, которая и составила бы половину нового Совета. А вторую половину, по замыслу Попова, он подобрал бы сам. Теперь известно из кого - из уголовников, мздоимцев и прочей нечисти.

Вот так образованщина снова родит большевизм, а большевизм дает горы трупов.

РЕЗАТЬ ПО ЖИВОМУ

Победа на выборах мэра воодушевила Попова на новые "подвиги". Пообещав накануне обсудить административную реформу в городе "с депутатами и с районами", он тут же об этом забывает. Заявив сразу после выборов о необходимости сотрудничества с продуктивно работающим Моссоветом, Попов начинает перетягивать кадры и материальные ресурсы в мэрию.

Не смягчило новоиспеченного мэра и совместное участие московских чиновников и депутатов в подавлении путча ГКЧП. Хоть и говорил Попов слова благодарности депутатам на сессии, но вовсе не собирался работать с теми, кого когда-то называл единомышленниками. Такие, как Попов, работают с другими - с хозяевами жизни и их преданными псами. Временным сподвижникам ставленники номенклатуры обычно лгут в глаза.

Уже через месяц после разгрома ГКЧП на депутатов посыпались со всех сторон постоянно повторяемые в прессе обвинения в непрофессионализме и болтливости. Попов сам показывал пример: для телезрителей он постоянно находит время, чтобы ответить на полтора

десятка вопросов, почти никогда не требующих конкретных действий. С депутатами работать неудобно. Они владеют проблемой, и надуть их показным народолюбием непросто. Вот и стало привычным для Гавриила Харитоновича повсеместно поносить "советскую власть".

Дух социального эксперимента с непредсказуемыми последствиями вместе с Г. Поповым переместился из секретариата председателя Моссовета в мэрию. Начав кроить Москву по живому, молодая номенклатурная поросль попросту парализовала основные управленческие структуры. Весь этот правовой беспредел осуществляется под застарелыми антисоветскими лозунгами эпохи застойной диссидентщины. Агитаторы и пропагандисты нового режима стремились убедить доверчивых избирателей, что само название "Совет" изначально означает порочность. Порочными при этом следовало бы признать и Советы или подобные органы, которые сплошь и рядом управляют в т. н. "цивилизованном мире". Но руки у российской номенклатуры доросли пока только до того, чтобы придушить Советы отечественные, которые только-только некоторыми своими черточками стали походить на действительные органы власти и управления. Российским номенклатурным "западникам" эти Советы стали мешать, и подавить их решили общественным мнением, которое было равнодушно или зло по отношению к любой власти.

Реформа административно-территориального управления городом, губительная в нестабильной экономической ситуации, вполне соответствовала целям Г. Попова, который таким образом решил нейтрализовать своих политических противников. И вот свобода слова была поставлена на службу "генеральной линии" Г. Попова, а на ее противников обрушился целый шквал подтасовок и прямой лжи в прессе и на телевидении. В этом гаме журналистской шпаны Г. Попов со товарищи режет Москву по живому, не обращая внимания на то, что рубцы от прежней коммунистической "нарезки" успели затянуться, что в районах Москвы уже сложилась устойчивая инфраструктура управления и жизнеобеспечения. Нет, новой номенклатуре нужная свежеосвежеванная и разделанная туша, чтобы раздать по куску добычи выслужившим ее участникам шайки.

Наш герой творчески воспринял уроки большевизма: однажды сформулированная цель для него стала настолько желанной, что для ее достижения используется чрезвычайно широкий спектр методов. Без особого напряжения постигнув некоторый набор истин такого сорта, люди начинают, не слушая возражений, громоздить из них умозрительные (брошюра "Что делать?") или организационные конструкции (Правительство Москвы, городская Дума, городское Собрание, департаменты, префектуры и прочее). Становясь рабами цели, они начинают лгать сначала окружающим, потом себе, а затем свято верить в это вранье. Причины неудач отыскиваются всюду, но только не в собственных позициях и поступках. Так, в конце концов, дело доходит и до подавления инакомыслия.

Культура без инакомыслия невозможна. Поэтому номенклатуре приходится опираться на тех, кто легко подвержен различного рода страхам, готов рабски верить в мифы и ненавидеть любые проблески здравого смысла. Встречая сопротивление, лидеры, подобные Г. Попову, стремятся достигнуть цели одним рывком, революционным переделом, силовым подавлением несогласия. Им грезятся новые идеи, способные перевернуть мир. Так критики административно-командной системы поражаются ее метастазами и

начинают служить меняющему маски авторитаризму.

ПУТЧ, КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА

Политические катаклизмы - горе для граждан, но замечательная возможность для номенклатурных деятелей "освежить" свой образ в восприятии восторженных почитателей.

Г. Попов постарался ярко проявить себя во время подавления путча 19-21 августа 1991 г. Из ситуации было выжато все возможное ради того, чтобы набрать максимальное количество очков в политических играх. Попов даже постарался отобрать у других эти очки. Решая свои дальнейшие задачи, Попов сделал основным своим противником подлежащий уничтожению Моссовет. Поскольку основные итоги путча и его бесславный провал были заранее запрограммированы, Г. Попов решил опорочить Моссовет как орган, не способный что-либо предпринять в критический момент. Этому было посвящено столько слов, что многие даже не заметили, что сам Попов встретил критическую ситуацию, находясь где-то в Средней Азии.

Депутаты пытались противостоять путчу на баррикадах, в штабе обороны Белого дома, в районах. Но оказалось, что "родная мэрия" не собирается делиться славой подавления путча с депутатами. Это делалось, например, так. Накануне самой тревожной ночи Г. Попов предложил депутатам не подставлять лбы под пули и идти спать домой. Сам же Гавриил Харитонович обещал оставаться в Моссовете с небольшой группой сторонников до конца, но после депутатского собрания тут же уехал в Белый Дом.

После ликвидации путча мэр и его компания старалась всячески отметить свою роль в сооружении баррикад у Белого Дома. На сессии Моссовета Попов говорил: *"Администрация города действовала в соответствии с указаниями правительства, активно помогая. Строительные конструкции, баррикады, транспортные средства выходили на посты, перекрывали улицы, загруженные песком самосвалы становились там, где нужно, и в тех количествах, которые нужны. Короче говоря, все службы города в этот критический момент работали так, как требовало российское руководство, обеспечивая блокирование действий путчистов."* Все это было "номенклатурной" правдой. "Столько, сколько нужно" - это было количество, достаточное для создания декораций. Иногда даже не количество материальных объектов, а количество слов. Тут недостатка у Г. Попова не было никогда.

Во время торжеств по поводу провала путча Попов энергично выступал на всех крупных мероприятиях. В этих выступлениях трижды прозвучала фраза о том, что москвичи на баррикадах отработали свои талоны, свои привилегии. Дважды Гавриил Харитонович предлагал присвоить Президенту РСФСР звание Героя Советского Союза. Оба пассажа говорят, пожалуй, о полном отсутствии внутренней культуры.

А в феврале 1993 г. Попову уже мало было лавров главного победителя путчистов. Он начал рассказывать байки о том, как он предотвратил путч еще 17 июня 1991 г. ("Известия", 02.02.93). В этот момент Ельцин находился в Америке (куда же еще податься после всенародного избрания?), а Попов должен был его спасать от "людей Горбачева". Попов

находит блестящий (по его мнению) ход, чтобы предупредить Ельцина о готовящемся перевороте - использовать в качестве "почтового ящика" самого президента США! И Попов мчится в американское посольство. Только информация посла почему-то подвигла президента Буша позвонить как раз Горбачеву, от которого Попов что-то там пытался спасать. Попову, надо полагать, обидно стало - мало того, что господин Буш передал не по адресу сообщение особой важности, но еще и "заложил" Попова перед Президентом СССР. Сорвал, одним словом, всю сенсацию. Но нет худа без добра. Через полтора года "спаситель России" дозрел и решил напомнить публике о себе статьей на тему: "предательство, которого не было".

Да, в отношении США Попов не был предателем.

МОНОПОЛИЯ НА ВЛАСТЬ И ДЕЛЕЖ СОБСТВЕННОСТИ

Сразу после подавления путча Попов, исходя из революционной целесообразности, решил приобщиться к дележу собственности КПСС. Одного из преданных помощников (депутата Моссовета по совместительству) он сразу же назначил комендантом комплекса зданий ЦК КПСС. Некоторое время спустя, другие соратники начали занимать посты в правоохранительных органах.

При назначениях был применен известный большевистский тезис о том, что кухарка может управлять государством. Кухарка, как это всегда было, оказывалась с партбилетом. Если раньше это был билет КПСС, то сегодня назначенцы из ближайшего окружения Попова являлись активистами "ДемРоссии". Рекомендовал он их примерно одинаково: *"...если под профессионализмом понимать умение вовремя распознать назревающий путч, то один из руководителей "ДемРоссии" Аркадий Николаевич Мурашев - профессионал высокого класса. Такого в милиции нет."* ("Куранты", 21.09.91).

Послепутчевая горячка, вероятно, явилась и причиной появления Указа Ельцина № 96, поставившего под сомнение и конституционные права Моссовета (утверждение бюджета, определение правил распоряжения землей и собственностью в городе, порядка проведения приватизации) и перепоручающего, в нарушение целого ряда законов РСФСР, функции представительной власти - мэрии. Нет сомнений в том, что проект такого Указа на стол Ельцину положил Попов, пользовавшийся в это время у Президента особым доверием. Это доверие простиралось до такой степени, что позволяло Попову нагло заявлять: мол Моссовет ему не указ, а все конфликты должны разрешать "вышестоящие организации". Пытаясь дать своей позиции какое-то обоснование, Попов сформулировал удобный для него принцип: *"Горизонтальных вторжений в деятельность исполнительной власти не предусмотрено"* ("Куранты", 12.12.91). Так он говорил, так поступал, а вся правоохранительная система безмолвствовала.

Уже к осени 1991 г. Г. Попов почти добился своей цели. В лице мэрии была сформирована сила, обладающая монополией в принятии решений по всем вопросам жизни Москвы. Эта сила стремится не к реформированию, а к удушению представительных органов власти, к превращению их в неполноценный придаток мэрии. При этом продолжалась недобросовестная кампания дискредитации депутатского корпуса Москвы и

создавались невозможные условия для его работы.

Создание монопольной структуры мэрии отразило общую тенденцию подчинения всей политической жизни интересам альянса новой и старой номенклатуры и формируемой государственной суперпартии ДДР, поставленной в то время в привилегированное положение по отношению к другим политическим силам. Последующая история показала, что суперпартии не получилось, да и вотчиной управлять, при этом отвечая за все - дело непростое.

БЕГСТВО

Менять всю систему - такова установка Попова, оправдывающая тунеядство. Мы помним, что с грязью на улицах Москвы без того, чтобы переломать все, что только возможно, справиться он был не в состоянии. Когда же вкус к разрушению был удовлетворен, управлять городом стало и вовсе не с руки.

Для чего же москвичи избирали Попова мэром? По Попову вышло, что для продавливания его понимания концепции реформ. И если уж не удалось подменить собой Президента, то этот самый Президент должен именно в Москве уничтожить всякое подобие законности. До каких-то пор Ельцин шел на поводу у Попова, и целая цепочка противозаконных Указов вышла из-под его пера.

К осени 1992 г. назойливость Попова перешла все границы. Не терпелось получить совсем уж диктаторские полномочия. Четырежды Попов ходит к Президенту за новыми полномочиями, нужными якобы для радикальной приватизации жилья и торговли. Безрезультатно. Полномочий и так через край, а управление хозяйством Москвы никак не налаживается. Наконец, Попов восклицает: *"Что это за система, в которой подчиненный должен висеть на шее у начальника!"* и уходит (в который уже раз, но все-таки на этот раз окончательно) в отставку ("НГ", 11.06.92).

В другом печатном месте Попов заявляет, что его уход связан с тем, что российское законодательство не позволяет ему совмещать пост мэра и пост председателя Российского движения демократических реформ ("Куранты", 06.06.92). Будто бы Попов когда-нибудь всерьез воспринимал законы!

В третьем варианте обоснования своего бегства Г. Попов говорит: *"Я собирался быть мэром в условиях, когда обществом командует КПСС"*. К роли хозяина Москвы он оказался не готов. Эта роль по Г. Попову сводится к тому, чтобы делить блага ("НГ", 10.12.93). Делить он не хочет и не умеет. Потому и уходит.

На деле же причина ухода, а точнее бегства, проста. Прошел год, и настала пора отчитаться о деятельности на посту мэра, но отчитываться было нечем. Опять нечем! И вот почему: *"Я хорошо знаю свои способности - в моем возрасте пора все это хорошо знать. Я теоретик, я способен разработать политику, способен защищать эту политику, пропагандировать ее. Есть и участки практической деятельности, которые я могу вести. Но мэром я оказался в силу обстоятельств, и при первом удобном случае, как только обстановка будет благоприятной, с удовольствием уступлю свой пост любому другому, который*

действительно пригоден для такой работы." И еще одна причина: *"Я по советским понятиям - богатый человек. Ни в чем не нуждаюсь, все у меня есть. Поэтому знаю, что после ухода с поста мэра буду жить и работать нормально."* ("ДМ", № 101, 28.05.92).

Попов бежал, чтобы "жить и работать нормально". Моссовет попытался вдогонку потребовать его отчета, но тут уж руки были коротки. Отставку-то принял Ельцин, и Попов уже не был должностным лицом, от которого можно было что-то требовать. Отставка была принята, и концы спрятаны в воду. Но если бы отчет все-таки состоялся (соответствующие условия, видимо, совпали бы с проведением судебного процесса о нанесении ущерба городу в особо крупных размерах), на поверхность выплыли бы все чудовищные нарушения здравого смысла, законов, экономическая безграмотность и криминальные махинации.

Нет, это для Ельцина было недопустимой роскошью. Ведь Попов всегда выполнял роль его наиболее говорливой и "писучей" половины, а на президентских выборах на плакатах Ельцина красовались надписи: "Голосую за Попова - Лужкова!". Поэтому Ельцин переступил и через закон, и через собственные указы. На пост то ли мэра, то ли главы администрации он назначил Лужкова. Слов о мэре и его полномочиях в законодательстве не было, вот и творил Президент все, что "не запрещено законом". А потом творил свою реальность - без закона и здравого смысла - этот полу-мэр, полу-глава Ю. Лужков.

Уступив свое место, Г. Попов переполз в политическую тень. Но политика достала его и там. Прежде всего, возмутились его недавние соратники по "ДемРоссии". Координационный совет московской организации направил в его адрес открытое письмо, в котором говорится: *"Вы даете политический анализ событий после августа 1991 г., допуская ряд инсинуаций, граничащих с прямой клеветой на демократические силы. На посту мэра Москвы Вы, обладая властью, оказались не в состоянии ее использовать, что нанесло значительный урон авторитету демократических сил не только в Москве, но и в России... Организовав Движение демократических реформ, Вы в своих публичных выступлениях стали порочить "ДемРоссию", оставаясь формально ее участником.... В сложившихся обстоятельствах мы просим Вас сделать публичное заявление о выходе из движения, либо публично опровергнуть порочащие его высказывания."* ("НГ", 08.09.92).

Получилось так, что пока Попову нужна была массовка в виде "ДемРоссии", он всячески агитировал в ее пользу. Когда она слепо шла за ним, теряя при этом своих сторонников, это было соответствующим политическому моменту. Но вот от "ДемРоссии" почти ничего не осталось, и Попову понадобилось перетаскивать массовку в РДДР. Обычный для Попова маневр, примененный им в отношении Моссовета, сработал и здесь. Таков уж нравственный потенциал "большого друга демократии". "ДемРоссия" испила свою чашу до дна и заслуженно получила то, что получила.

На новой ниве - РДДР - Попов вступил во владение отступным наследством, доставшимся ему от мэрских будней. Он стал во главе номенклатурной организации и снова сделал реверанс в сторону незыблемого, как скала, Президента. Уже в ноябре 1992 г. Ельцину втолковывалась идея "президентского правления" и насильственной отмены действующей Конституции ("КП", 27.11.92). Именно в недрах РДДР был

подготовлен сценарий переворота, реализованный в октябре 1993 г..

ПО НИСХОДЯЩЕЙ

На круглом столе "ВМ" (декабрь 1991 г.) И. Заславский отмежевывается от поповского ДДР: мол, ДР представляет интересы среднего сословия, а ДДР - эклектичное движение управленцев: мощный компонент номенклатурных капиталистов, слой идеологов лево-горбачевцев и демократов, которые выдвинули лозунг союза с передовым аппаратом. Блок с ДДР не признан необходимым, Попов теряет вес. Конфликтуя с Поповым, ДДР расползается на международную и российскую организацию. Сторонники Попова остаются в РДДР.

На съезде РДДР в январе 1994 г. от Попова отмежевались даже ближайшие соратники. А. Брагинский (см. главу "Демократ широкого профиля") заявил, что он в Госдуме будет представлять интересы избирателей, а не РДДР. А С. Красавченко, ранее замещавший Попова в номенклатурном журнале "Вопросы экономики", до того расстроился от заключения Попова о *"провале западнической модели реформ, проводившейся Гайдаром"*, что отказался выставлять свою кандидатуру в политсовет движения ("НГ", 01.02.94). За Поповым не оставалось уже практически никого и ничего.

Подобные истории - когда свои предают - в номенклатурной среде дело обычное. Но они в большинстве случаев не кончаются разрывом отношений. Об этом говорит и "история любви" Попова и Ельцина (см. главу "Особый тип нравственности"). В публикации отца административной революции Г. Попова в "Московских новостях" (1987 г.) поддерживается решение об освобождении Б. Ельцина от руководства Московской партийной организации, в отношение бунтовщика приводится цитата из Ленина (*"нам истерические порывы не нужны"*).

В жизни нормальных людей с нормальной психикой после таких пассажей, после такой "ненужной низости" (не составляло труда просто промолчать) руки друг другу не подают. Не то в среде номенклатурной. "Они" и в дальнейшем могут публично лобызаться. Покуда смена политической конъюнктуры не разделит их вновь.

И вот Г. Попов снова отпал от Ельцина, а его ближайшие соратники нашли себе более перспективных хозяев. Оставалось доживать свой политический век, вернувшись к старой проверенной практике - заплетать мозги читающей газеты интеллигенции.

СНОВА НА НИВЕ ПУБЛИЦИСТИКИ

Попов во всем, кроме лжи, показал себя, как человек крайне бездарный. Зато лжи этой было в избытке. Ложь в политике - материальная сила и козырная карта. И все-таки все время обманывать весь народ еще не удавалось никому. На выборах 1993 г. с поповской РДДР не пожелал иметь дело никто. Как ни навязывался Попов к Явлинскому (видимо, как собрат по цеху "экономистов"), как ни пытался оторвать от "Гражданского союза" жирный кусок, ничего не вышло. И голосовать за РДДР никто не стал. Ни в

Москве, ни в Питере, ни в провинции.

Тут бы и угомониться, подумать о душе, о грехах своих. Но внутренняя сущность номенклатуры не терпит умиротворения. Покой им только снится. С начала 1994 г. Попов натужно пошел на второй круг своей политической судьбы, начав снова с наигранной позиции - с позиции лжи. Он понимал, что за крутыми событиями последнего года позабылись его художества на Москве, и снова можно было наполнять прессу своими упражнениями в логике. Схема оставалась все той же: покритиковать слегка курс властей, высказать нечто с видом глубокомыслия, а дальше начать наворачивать план мероприятий, обоснованный этим "глубокомыслием".

Вот Попов говорит: "*Народ не хочет стрельбы*" ("АиФ", № 8). Вроде бы банальность. Но банальность становится целой публицистикой, если добавить еще банальностей: *"власть после августа была блоком двух бюрократий: молодой и старой"*, "*нам остается только одно - искать вариант коалиции политических сил"*, наконец, в правительство должны войти те, кто *"способен создавать долгосрочную программу",* и те, кто *"способен тянуть воз"*. Как тут не вспомнить умозаключение товарища Л. И. Брежнева: "В магазинах недостаточно гречневой крупы. Товарищи! Надо сеять больше гречихи!" Все кивали головами: надо! И рассчитывали, что делать будет кто-то другой.

Снова Попов рассчитывает на полных дураков и дилетантов в политике. Дуракам все внове, а дилетанты не знают о том, что Попов снова подсовывает вранье. Вот пишет Попов с пафосом обличения: *"На самом деле, скажите, в чьей предвыборной программе была шоковая терапия? Ее ни у кого не было. В чьей программе было упразднение СССР? Ни в чьей. В чьей программе было то, что губернаторы, мэры и т. д. назначаются сверху? Опять ни у кого этого не было. Так что после августа 1991 года "под шумок" была выдвинута совершенно другая концепция реформ, отличная от той, которая получила одобрение при голосовании в июне 1991 г. за Президента."*

Позвольте, но не сам ли Попов был в авангарде этого надругательства над волей народа? Кто под локоток держал Ельцина, когда тот рулил в сторону разрушения единства государства? (Только через год Г. Попов "не мог себе простить", что не уговорил Ельцина встать на место Горбачева и хоть что-то сохранить от СССР.) Кто придумал в своей же собственной мэрии "правительство реформ" сразу вслед за Гайдаром? Кто выбивал из "всенародно избранного" противозаконные акты по Москве? Да, в конце концов, не мнимы ли эти разногласия с Ельциным, если появились они на страницах газет в тот период, когда звезда последнего, очевидно, закатилась?

Чтобы уж совсем все стало ясно, придется раскрыть программный труд Попова "Что делать?" и обнаружить там и идею расчленения союзного государства, и набросок всероссийской ваучеризации, и "доказательство" неизбежного союза с номенклатурой. Как правильно заметил Попов через два с половиной года, население отвергло послепутчевый курс реформ ("НГ", 25.02.94). Попов, повременив, решил, что выгоднее на время снова быть "вместе с народом".

Поэтому приходится в очередной раз отказываться от самого себя, но встав при этом в позу отверженного мудреца. Приходится говорить слова, обращенные против собственного недавнего прошлого: *"На наших глазах*

усиливается перспектива формирования режима, в котором бюрократы - без содействия КПСС и без масок в виде коммунистических лозунгов - будут держать всю власть". Если раньше Г. Попов был полезен номенклатуре именно как бюрократ без коммунистической маски, то сегодня его маска для номенклатуры совершенно бесполезна.

Вот и мечется супердемократ-недоэкономист. Вдруг приспичило Г. Попову посреди политического затишья 1994 г. создать номенклатурную заказную социал-демократическую тусовку с участием верных ельцинистов А. Яковлева, маршала Шапошникова и других. Затея была шумная и заведомо бесполезная. Социал-демократическую идею быстро и надежно перехватил у Попова экс-президент Горбачев, собравший под свое крыло практически всех социал-демократов 1989-1992 гг. Одна лишь польза была для Г. Попова - есть чем заполнять газетные страницы.

В поисках новых способов привлечь внимание к своей персоне, Г. Попов подключается к кампании охмурения вкладчиков АО "МММ". Откровенно шулерскую деятельность он называет "народным капитализмом" и "капитализмом с человеческим лицом". Лицо "народного капиталиста" Г. Попова стало периодически появляться в спонсируемой группой "Мост" телепередаче. Опять "лицом к городу" - как в мэрские времена! Если старые выгоревшие звезды зажигают снова, значит это кому-нибудь нужно...

Появляется Г. Попов и в клубе "Реалисты", собирающем любителей интеллектуальных упражнений. Там можно, например, побеседовать о геополитических интересах России, которой, оказывается выгодно (!) расчленение Китая. Так утверждает Г. Попов. Кому-то хочется в это верить. Как и в то, что не всякая территория в составе России ей нужна. Например, как заявил Г. Попов в декабре 1994 г., Чечня - слишком маленький клочок российской территории, чтобы за него воевать. Действительно, опыт у Г. Х. по части суверенизации, федерализации, денационализации и по расчленению страны огромный!

Нет, Гавриил Попов так просто из политики не уйдет. Но в конце концов должны все-таки созреть условия, чтобы теоретикам воровских политмалин всероссийского масштаба подобрали достойную среду обитания в местах не столь отдаленных, а буревестникам номенклатурных революций окончательно свернули голову.

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ ГОЛОГО КОРОЛЯ
(Юрий Лужков)

Вот наш новый герой ведет светскую беседу с американским бизнесменом. Его глаза светятся добродушием, лицо сияет улыбками. Он - само обаяние. Вот он возвращается в свой кабинет. Лицо становится злым. Наш герой бросает своему секретарю что-то грубое и властное. Тот суетится, боясь попасть под горячую руку. А вот цветная фотография нашего героя в голом виде на обложке журнала "Столица". Здесь все перемешалось. На лице одновременно и улыбка, и колючие глаза. Луноликая голова посажена на распертое жировыми прослойками и покрытое редкой щетиной тело. Образ, созданный фотожурналистом, настолько ярок, что кое-кому может напомнить "видеоужастики" о сексуальных маньяках.

Это Юрий Михайлович Лужков. В Москве его, как говориться,

каждая собака знает.

Рассказывают о таком эпизоде. В апреле 1994 г. накануне праздника Пасхи мэр Москвы Лужков в компании друзей смотрел часовую заказную телепередачу о своей роли в восстановлении православного храма на Красной площади. Хозяин Москвы выглядел в фильме весьма и весьма солидно. После окончания передачи телевизор случайно не выключили и вслед за рекламной паузой с экрана вдруг начали вещать что-то совсем непонятное. "Что сделали с нашей Москвой", - говорил голос за кадром. А в кадре целых 20 минут демонстрировались явные признаки бесхозяйственности, антисанитарии и запустения в столице. Лужков тогда пришел в ярость. Такими трудами созданный образ хозяина прекрасного города рассыпался на глазах. Такого города не существовало! В тот же вечер мэр оказался в кабинете начальника московских телепрограмм и устроил разнос. Передачу запретили, сняв с эфира другие подготовленные материалы. Борьба за чистоту и незапятнанность образа мэра Москвы продолжалась.

Вокруг личности главного московского администратора Ю. М. Лужкова столичная пресса несколько лет создавала ореол выдающегося хозяйственника, "своего парня" и в чем-то даже интеллигентного человека. Поток интервью, портретных зарисовок, телерепортажей не ослабевал. Лужков становился все краше и привлекательней. Точнее, все краше был его образ, созданный газетной и телевизионной мифологией. Только крайне оппозиционные издания, рассчитанные на узкий круг читателей, публиковали критические материалы, касающиеся Лужкова.

Прессе, освободившейся от опеки КПСС, но тут же попавшей в зависимость от денежных мешков (вынесенных из подвалов той же КПСС), приходится сегодня обходить наиболее щекотливые моменты из биографии всесильного Лужкова. Например, о его роли в октябрьских событиях октября 1993 г. Где в эти дни находился Лужков, какие команды отдавал? Если журналисты не задают вопросов на эту тему, то и вся предыстория уходит в тень. Исчезают события 1 мая 1993 г. на Гагаринской площади, забываются расправы над демонстрантами в Останкино, меркнет в памяти первая кровь, пролитая в праздник Вооруженных Сил в 1992 году.

От созданного прессой и телевидением наваждения рано или поздно все-таки надо избавляться. Для этого придется посмотреть на биографию Лужкова без восторгов, без наивности, без такой привычной для журналистов любви к сильным мира сего.

ВДРУГ-БИОГРАФИЯ

Дономенклатурное прошлое хозяина Москвы скрыто мраком. Кроме его работы дворником во время тяжких студенческих лет в Институте нефти и газа им. Губкина, почти ничего о нем не известно. Говорят, отец Лужкова был сначала плотником, а потом как-то вдруг превратился в замдиректора нефтебазы. Такое же "вдруг" получается и в биографии Лужкова, который только поначалу пошел по нефтяным отцовским стопам. В НИИ пластмасс за шесть лет он прошел путь от научного сотрудника до начальника лаборатории. Вроде бы неплохое начало для карьеры.

Но лужковское "вдруг" по-настоящему произошло в другой области. В 28-летнем возрасте стал он начальником отдела автоматизации в Минхимпроме СССР и долгие девять лет ждал очередного витка карьеры, очередного "вдруг" ("ВМ", 27.04.90 "Тверская-13", 12.08.93).

В середине 70-х годов вдруг-гендиректор НПО "Нефтехимавтоматика" Ю. М. Лужков стал депутатом Моссовета. Как говорится, крыша не капала над Почетным химиком, Заслуженным химиком и Отличником химической промышленности, лауреатом Государственной премии СССР. Потом Лужков был председателем комиссии Моссовета по коммунально-бытовому обслуживанию. Вероятно, в нагрузку к химии. Работали лучше, чем нынешний депутатский корпус, были асами своего дела - так считает Лужков. Как же! Партия - не только крыша для карьериста, но и рулевой его судьбы... А то, что в 1990-1993 гг. существовало в результате случайной демократии, для Лужкова оказалось неприемлемым - очень уж сковывало "хозяйственную инициативу" асов номенклатуры.

Послужной список Лужкова впечатляет: 14 лет работал во главе НПО, 13 лет депутатствовал в Моссовете... Жаль, что документы об этой деятельности нам недоступны. Немало интересного к портрету нашего героя они могли бы, наверное, добавить. По крайней мере, к портрету любого из современных политических деятелей подобные страницы биографии добавляют достаточно, чтобы им никогда уже не светило всенародное признание.

Номенклатура любит пылких демагогов. Отраженный свет их "горения" исправляет от роду порочные физиономии и лепит мягкие образы самозабвенных работяг, тоже не чуждых борьбе за справедливость. Лужков сиял отраженным светом. Начав однажды дружить с Ельциным, он до сих пор не может выйти из-под лучей его славы. Сейчас это мешает, а тогда...

Тогда первый секретарь МГК Б. Н. Ельцин помог Лужкову сделать очередной рывок по номенклатурной лестнице - добился в 1987 г. назначения в Мосагропром человека, считающего, что эта структура в Москве - нелепость. Заодно Лужков стал и первым заместителем председателя исполкома Моссовета. В 1988 г. он уже - депутат ВС РСФСР, что и соответствовало новой номенклатурной должности в качестве обязательного довеска. (Кстати, чем он там занимался, за что голосовал?)

Мосагропром, а в особенности включенное в него плодоовощное хозяйство Москвы, был в той системе наиболее удобным местом для теневых махинаций по усушке-утруске и утечке отечественной гнили и шикарного продовольственного импорта, которым традиционно наполняли витрину развитого социализма - Москву. В течение 1988-1989 гг. только однажды всплыли дела о нанесении госбюджету ущерба около 100 млн. рублей от оплаты Мосагропромом торгово-закупочным организациям деятельности, которая должна была дотироваться только в отношении реально проданных населению картофеля и овощей. Тогда все проверки были заблокированы партхозноменклатурой. Лужкова спасло от прокуратуры лишь партийно-принципиальное разбирательство в Комитете народного контроля. После партийного вердикта о добропорядочности, прокуратура могла только безмолвствовать ("ЭиЖ", № 24, 1990 "ЛГ", 10.06.92).

Сделав отступление, отметим, что в 1993 г. выяснилось, что лужковская агропромовская система сгноила огромные запасы продовольствия, сделанные заботливым мэром. Зато невероятно

взвинченные цены обеспечили и невероятные прибыли привыкшим к обогащению за счет москвичей и облагодетельствованным приватизацией плодоовощникам ("Куранты", 11.08.93).

В 1989 г. Лужков начал дружить с кооператорами. К должности липли не только ордена (только до звания Героя Соцтруда не успел дослужиться Лужков, а орден Ленина от партии, которой отдал полжизни, имел). "Деловые люди", которым будущий мэр оказывал всяческую поддержку, тоже суетились вокруг него. Так сформировался клан из "своих" предпринимателей, которые без всякой конкуренции, без каких-либо особых усилий получили начальный капитал и прочно захватили пустовавший рынок. Не даром старый номенклатурный волк КПСС Зайков, уходя со своего поста "отца Москвы", высоко оценил работу Мосагропрома под руководством Лужкова.

Вспомним, что тем же путем - через кооператоров к демократизаторам, но только от университетской кафедры, шел и предтеча Лужкова - Г. Попов. Это была верная дорога. Особенно, если не торопиться пройти ее до конца.

Вопрос о председателе Мосгорисполкома демократического Моссовета в 1990 г. решился однозначно. В основном потому, что лидеры демдвижения давно искали тесной связи с хозяйственной номенклатурой. Ельцин тогда посоветовал Попову не предлагать на эту должность занимавшего ее Сайкина ("Куранты", 11.06.91). (Припомнил, поди, выступление Сайкина на "историческом" Пленуме ЦК КПСС, где вынимали душу из будущего Президента России.) Сайкин был уж больно одиозной для демократов фигурой. А вот Лужков тогда обаял готовых бороться с номенклатурой депутатов, ответом на вопрос: "Вы в КПСС на какой платформе?" (Тогда была небезызвестная "Демплатформа в КПСС".) Лужков ответил: "На хозяйственной".

Депутатам ответ понравился (при утверждении на пост Лужков получил 297 голосов из 360), а Лужков стал всюду твердить, что он не политик. Лишь изредка он проговаривался и формулировал так: *"Кто определяет власть в Москве, тот влияет на ситуацию в стране."* Вот Лужков и взялся "определять". С такой энергией взялся, что надругательство над здравым смыслом и законом стало основным признаком столичной власти. В конце концов Лужков так основательно определился с властью в столице, что ситуацию в стране можно было менять без особых усилий. Если оставить подробности изменения ситуации в октябре 1993 г. для других глав, то хорошим примером могущества столичной власти может служить такой факт. В сентябре 1994 г. начальник Мосэнерго отключил электропитание командного пункта ракетных сил стратегического назначения и на полтора часа вывел его из строя. Формальным поводом была неуплата долгов по оплате электроэнергии. За это лужковский чиновник не только не был тут же арестован, но даже не потерял свой пост. Теперь понятно, с кем надо договариваться, чтобы брать Россию голыми руками.

* * *

Думается, если у Лужкова спросить, за большевиков он или за коммунистов, он смог бы гордо ответить: "Я за исполнительную власть". Вот она - настоящая и единственно прочная "хозяйственная платформа", определяющая ситуацию в стране.

Достаточно мирно просуществовав год за спиной профессора Попова, решившего взять на себя грех хозяйственного развала Москвы (чтобы потом вовремя смыться), Лужков к исходу 1991 г. приобретает в столице практически неограниченную власть. Во многом этому способствовало обильное мифотворчество о его главенствующей роли в подавлении августовского путча.

В качестве основной заслуги Лужкову приписывается создание вокруг Белого Дома оборонительных сооружений. Но любой очевидец, здраво вспомнив те дни, не обнаружит в своей памяти ни бетонных сооружений, ни тяжелой строительной техники, якобы забившей все подходы к парламенту. Зато кое-кто вспомнит, о саботаже лужковских чиновников попыткам наладить серьезное сопротивление путчистам (см. главу "Продолжение спектакля"). Для окончательного растворения газетного мифа стоит сравнить оперативность и массированность вмешательства в события команды Лужкова в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Контраст очевиден.

Добавим еще, что лично для Лужкова слегка приоткрытая закулисная сторона августовского путча, практически не несет никакой тревоги. Вместо раскрытия истинных механизмов заговора (Ельцина против ГКЧП или ГКЧП против Ельцина) он вспоминает в книге с длинным названием "72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец коммунистического путча в России" милые сердцу подробности. Он вспоминает, как Ельцин на своей даче в тапочках на босу ногу организует сопротивление ГКЧП и предлагает всем (как трогательно!) сушеные им лично яблоки. Вот такой домашний штаб сопротивления путчу...

Кстати, публикация книг - своеобразный метод пополнения личного бюджета номенклатурных деятелей. Вряд ли кто-то поверит, что Лужков или Ельцин при своей загруженности по работе и природной косноязычности могут что-то написать. Вот и нанимаются за государственный счет литературные негры. А потом в игру вступают книгоиздательские фирмы, которым требуется высокое покровительство. Они могут и за рубежом издать бессмертное творение очередного хозяина. А хозяин получит вполне законный гонорар.

Упражнение по арифметике.

Дано: В 1992 г. зарплата мэра составляла 14.5 тыс. рублей в месяц ("Сегодня", 07.07.93), в 1993 г. - 50 тыс. ("НГ", 10.03.93). Вопрос: может ли мэр построить себе дачу, оценочная стоимость которой в ценах 1993 г. составляет 100 млн. рублей? Может ли он еще и дочь отправить обучаться за границей на 3,5 года при общей стоимости обучения 14 тыс. долларов ("АиФ", № 41, 1992)?

Ответ: может, но зарплата тут не причем.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ГЕНИЙ

Полтора месяца проработал Лужков в послепутчевом Комитете по оперативному управлению страной в качестве первого заместителя И. Силаева. Работа комитета с треском провалилась. Принять бразды правления Союзом оказалось некому. Способные к этому люди сидели в тюрьме. Да и задачи такой, как видно, не ставилось. Поэтому Лужков решил в Комитете вопрос обеспечения Москвы продовольствием и сбежал на прежнее место работы. Москва в результате получила за подавление ГКЧП свою

пайку, а страна распалась.

Дальнейшая работа Лужкова на высшем хозяйственном посту Москвы связана с распространением другого мифа, который даже ярых его противников вводит в смущение. Это миф о хозяйственных успехах столицы под руководством Лужкова, якобы держащего город "на плаву" в трудные времена. Неискушенный читатель "мэрских" газеток легко верит, что все в Москве прекрасно: и жилье строится, и дороги ремонтируются, и тепло в каждой квартире.

Простейший анализ официальных статистических данных показывает, что Москва не только наравне со всей страной хлебает горькую кашу, заваренную безответственными реформаторами, но еще и дополнительно страдает от комбинаций собственной администрации (см. часть 2 книги). Москва, несмотря на громадные льготы от российского правительства, несмотря на иностранные инвестиции и прочие преимущества своей столичности, поражена кризисом заметно более других крупных городов.

Здесь Лужкову совершенно нечем похвалиться. Даже успехи в жилищном строительстве, которыми он привык козырять везде и всюду, на поверку оказываются чистейшим блефом (см. главу "Ралли на квадратных метрах"). Моссовет не раз пытался разоблачить лживые восторги по поводу успехов строительного комплекса. Его разогнали и за это тоже. Чего теперь ждать 700.000 очередников на получение жилья? Вероятно их снова будут кормить мифическими цифрами и радостно сообщать, что квартиры в 1994 г. получали уже (!) очередники 1981 года.

А чего стоит тот "интим", который Лужков постоянно вводил в процесс формирования бюджета города! "Интим" нужен был Лужкову для того, чтобы скрыть свою профессиональную несостоятельность. "Интим" - это та "заначка", вынув которую в конце года, можно свести в городском бюджете концы с концами. При этом не надо надрывать свой административный организм - собирать налоги, разворачивать социальные программы, отчитываться за каждый рубль. Лужков лучше будет обвинять в непрофессионализме депутатов, а потом ликвидирует всю эту игру в демократию под корень.

Лужков начинал готовиться к корчеванию демократии заблаговременно - с районного звена управления Москвой. На развалинах районов появились префектуры и муниципальные округа. Хрен редьки не слаще, ведь более года продолжался паралич управления городом в низовом звене, да расцвели буйным цветом коррупция и воровство мелких чиновников. Эти издержки Лужкову были известны, но зато ему удалось бюджет огромного города полностью забрать под себя и практически приватизировать, приняв в долю свое ближайшее окружение.

Средства массовой информации, привыкшие лебезить перед начальством, твердят: Лужков распорядился выделить средства, Лужков профинансировал, Лужков нашел деньги... Спрашивается откуда? Должен бы из бюджета, должен бы при соответствующем контроле, должен бы в рамках своих полномочий. А реально получается, что есть такой благодетель, который единолично распоряжается всем бюджетом Москвы, как своим карманом. Конечно, роль благодетеля весьма полезна для Лужкова, для укрепления его мифологического образа. Но его конкретная деятельность была разорительна для города и государства, вынужденного содержать

прожорливую столичную бюрократию.

Сокрытие доходов и сокращение под предлогом дефицита бюджета социальных программ - обычное для Лужкова дело. Зато суперпроекты, вроде "Сити", Детского парка чудес , торгового суперкомплекса в Нагатино и тому подобного, грозят перенапряжением всей социальной инфраструктуры города. Не то чтобы всерьез что-то собираются строить, но есть свой интерес в громадье планов. Масштабность замыслов всегда как-то приподнимает их потенциального вершителя и придает смысл суете его соратников. Избавиться от захватывающего воображение плана и его автора становится так непросто - ведь такие проекты рухнут! (А может и пусть их?).

Гигантомания - вечный порок номенклатуры. Для московского градоначальника это тоже непроходящий синдром. Мыльный пузырь АО "Сити" был сначала наполнен средствами от льготного налогообложения ("МК", 19.05.93), а потом и прямыми вливаниями из бюджета ("РГ", 31.07.93). В другом случае - для нужд Нагатинского суперкомплекса - из городской казны только на первом этапе под строительство казино и ресторанов планировалось зачерпнуть ни много ни мало - 100 млн. долларов ("Тверская 13", 18.03.93). Третий пример разорительной гигантомании - коттеджное строительство. Якобы для преодоления жилищного дефицита за 10 лет предполагалось обчистить казну на 4 трлн. рублей ("НГ", 18.03.93).

Скрывать доходы города в суете гигантских проектах и лабиринтах финансовых махинаций выгодно еще по одной причине. При администрации кормится все та же армия "своих" предпринимателей и общественников. Они настолько полезны городу (а на самом деле Лужкову с компанией), что грех не предоставить им всевозможные льготы. Только приходится наводить тень на плетень всякими разговорами о поддержке предпринимательства, чтобы не дать ходу мысли обывателя о судьбе выплаченных им налогов. А то еще начнет судить, да рядить - мафия! мафия!

ЗАБОТЛИВЫЙ ОТЕЦ ГОРОДА

Итак, хозяйственная деятельность Лужкова разорительна для Москвы и России. Он и сам иногда проговаривается на этот счет. *"Плохо делаем, но ведь делаем!"* - так впопыхах оценил свою работу на хозяйственной ниве сам Лужков ("Тверская-13", 12.08.93). Но вот в чем никогда не признается Лужков, так это в презрении к неимущим.

Мэр московский всюду и везде подчеркивал свою заботу о стариках, детях и инвалидах. Но так ли он озабочен, как говорил и говорит, как писали и пишут о нем? Хороший повод для размышлений на эту тему дают воспоминания самого Лужкова.

Когда обстановка вседозволенности для Лужкова была обеспечена, главе столичной номенклатуры можно было, разомлев, вспомнить без сожаления и о былых грехах. В одном из интервью Лужков рассказывает, что с самого начала (лето 1990 г.) "продавливал" строительство Северной ТЭЦ, несмотря на решение Моссовета, только что назначившего его на высший хозяйственный пост Москвы. Тогда Лужков молчал, ибо его положение было еще не столь прочно. Теперь же от сознания своей неуязвимости он может позволить себе фантазии: мол, у ТЭЦ такая труба, что отходы производства скорее под Архангельском почувствуют, чем в Москве. Теперь эта громадная

полосатая труба "украшает" пейзаж и наполняет атмосферу ядами, от которых будут болеть дети и чахнуть старики. И нипочем Лужкову ни болезни людей, ни текущие теплосети. На суперпроекте привычно погреют руки не только отечественные "хозяйственники", но еще и зарубежные их партнеры. А это уже выход на международный уровень! Для пущей важности Северную ТЭЦ можно сделать образцовым объектом, вытряхнув необходимые ресурсы за счет усечения средств на реконструкцию других "грязных" предприятий. Такая вот "теплая" забота о городе и горожанах...

Лужков, говорят, заботится о москвичах? Но при Лужкове армия московских чиновников выросла чуть ли не вдвое. Одновременно удельный вес затрат на важнейшие продукты питания в бюджете московских семей вырос более чем в три раза. Кого же кормит Лужков из своего (уже не московского!) бюджета? Конечно же брата-чиновника.

О ком там еще заботится Лужков? А, о порядке на улицах!

При Лужкове Москва стала центром преступного мира. В 1993 г. В Москве зарегистрировано около сотни криминальных взрывов, за девять месяцев 1994 г. - еще столько же, использование автоматического оружия в столице стало обыденным делом. Милиционер с автоматом, зашедший в булочную, уже стал привычным признаком столицы. По некоторым данным, в руках у москвичей к середине 1994 г. находилось около 400 тыс. стволов самого разнообразного оружия (от духового и газового до гранатометов). А Лужков все продолжает наращивать оснащение милиции. Может быть, все это оснащение как раз и пополняет арсенал криминальной мафии, которая срослась с милицией (особенно в верхнем эшелоне)? Мы еще подробнее обсудим эту тему в разделе "Силовые резервы номенклатуры".

Так о чем заботится Лужков? Может быть, о нравственности? Вот он восстанавливает храм иконы Казанской Божьей Матери на Красной площади, жертвуя на это из своего кармана 50 тысяч деревянных, планирует целую программу восстановления церквей и даже Храма Христа Спасителя (см. главу "Номенклатурным лицом к церкви"). Замечательно! Но разыгрывать добродетель за счет городского бюджета - одно, управлять городом - другое. Если вспомнить, что наша Москва стала в это же самое время экспериментальной площадкой для производителей порнографии (законодатели порноэстетики - обласканные Лужковым "Московский комсомолец" и его редактор), да еще и центром "интимных услуг" (в 1993 г. количество соответствующих фирм достигло 1000), можно понять цену мэрским стараниям и той табличке с мэрским именем, "украшающей" построенный храм.

Какие там заботы еще остались? Бесплатный проезд для пенсионеров? О бесплатности мы уже говорили, она дорого обходится для москвичей. Добавим к этому еще один штрих. Один из чиновников, оставленных Лужкову в наследство от прежнего мэра, однажды неосторожно заявил, что в процессе приватизации мы только проедаем собственность Москвы. Действительно, если отдавать за бесценок накопленное веками, останется средств только на бесплатный проезд и завтраки для школьников. Остальным будут владеть те, кто вовремя завоевал доверие московских властей.

Большой успех московской мэрии в 1992-1993 гг. состоял в том, что торговое ворье из категории работников и чиновников переместилось в категорию собственников, а воровство и хамство стали законными правами

частных владельцев 10 тысяч магазинов и нескольких десятков тысяч киосков (см. главу "Приватизация через черный ход"). Это по Лужкову и есть забота о москвичах и рыночная реформа.

Лужков всегда строит из себя правдолюбца, не стесняющегося говорить о своем хозяйстве все до конца. Но вот данные о том, какие товары и в каких количествах потребляет средний москвич, Лужков выдать журналистам отказался. Он прямо заявил, что не хочет обременять себя лишними обязательствами на этот счет ("МП", 18.05.93). Возникает вопрос, а на каком основании тогда этот мэр занимает свой пост? Если он не желает нести ответственность за реальную ситуацию и получать "обратную связь" от москвичей в полной мере, то стоит заняться чем-то другим. Например, торговать в частном киоске, подтверждая свою деловую хватку.

Необходимо отметить и такой момент. Что бы ни делал Лужков в городе, он всегда пользовался теми идеями, которые давным-давно высказывались, но всегда представлял их как новинку, продукт своего хозяйственного гения. Мэр приходил к этим "новинкам" год-полтора, когда первые попытки внедрения новых управленческих и экономических решений уже основательно забывались. Заодно, бывало, ситуация выходила из-под контроля. Это касается, например, лицензирования торговли и введения в удобоваримые рамки расплодившегося палаточного бизнеса. Сначала джин выпускается из бутылки, а потом делается выдающийся вклад в наведение порядка на улицах Москвы. Это метод Лужкова.

Паразитизм номенклатуры известен давно. Дело в том, что общественные тенденции развития необратимы, а в борьбе различных группировок и кланов решается только один вопрос: кто лично будет использовать новые возможности и присваивать себе лавры прогрессистов. Поэтому номенклатура затаптывает все проблески интеллекта, чтобы, ограбив действительных авторов новых идей, внедрять эти идеи на свою пользу. При этом цена, выплаченная обществом, - это упущенное время и номенклатурные извращения здравых предложений.

ОНИ ВСЕ ЗА НАРОД

Кого бы ни поддерживал Лужков, с кем бы ни боролся, он следует главному правилу номенклатуры - необходимо создавать видимость борьбы за интересы народа. Вот Лужков распекает публично и с завидной периодичностью своих подчиненных, вот он вступает в бой с Правительством России, вот он с запальчивым патриотизмом выступает перед ветеранами... Он то требует, то выпрашивает, то обещает, то негодует, то жалуется, то умиляется - целое представление.

Со своим показным человеколюбием Лужков иногда выходит даже на международную арену. "Как гражданин и мэр" он вынужден был подать свой голос в защиту соотечественников за рубежом и приостановить поставки продовольствия Латвии. Поставки действительно одно время притормозили. Это позволило Лужкову хвастаться изобретением термина "моральный геноцид". "Этот термин придумал я!" - скромно сообщает он корреспонденту. Что Лужкову до русских в России или в Прибалтике! Ему важно показать, как он болеет за народ, пусть даже через ощущение пустоты в желудке у того же народа.

Для Лужкова тут главное - иметь сиюминутный политический эффект. Он уверяет, что ругался с Гайдаром по поводу антинародной политики последнего. Но не упоминает при этом, что скорее просто держал кукиш в кармане, пока тот был премьером и вице-премьером. Ведь Гайдар с точки зрения Лужкова все-таки создал Рынок (именно так - с большой буквы!). А рынком мэр московский называет ситуацию, когда при наличии денег можно купить все, что угодно ("Известия", 13.04.93). Как известно, перед ослом, груженым золотом, открываются ворота самых неприступных крепостей. К такому средневековому рынку и вели нас, слегка переругиваясь, Гайдар, да Лужков. Только в условиях финансового и экономического краха осенью 1994 г. Лужков вдруг понял, что надо проклясть прежний режим, чтобы выжить самому. В связи с планами введения новой налоговой системы он вспомнил о реформах Гайдара, почти прихлопнувших водочный завод "Кристалл": *"Это были преступные действия первого вице-премьера господина Гайдара. За такие вещи надо судить."* ("НЕГ", 12.10.94).

Летом 1994 г. Лужков публично сцепился с Чубайсом по поводу собственности, которая приватизировалась в городе. Оказалось, что самый жирный кус - промышленность - уплывает из-под контроля столичной администрации. Все дело в том, что ваучерная приватизация предполагала изъятие собственности у государства почти за бесценок. Поскольку ваучеры были скуплены в основном теми структурами, которые контролировал сам Чубайс, Лужков вынужден был сделать ответный ход. Он выставил себя перед публикой защитником интересов москвичей и интересов трудовых коллективов, которые работают на приватизируемых за бесценок предприятиях.

Действительно, все основные фонды ЗИЛа были оценены тогда в 3 миллиарда рублей (около 3 млн. долларов по курсу), в то время как оборудование одних только автоматических линий стоило 30 млн. долларов. Таким образом, слишком уж богатый подарок достался бы тем фирмам, которые скупили выброшенные на рынок акции. Просчитав ситуацию, Лужков заявил, что необходимые городу производства должны акционироваться только членами трудовых коллективов ("Куранты", 05.08.93). В этом случае для городской администрации оставалось достаточно рычагов для воздействия на предприятия. Правда, все остальные москвичи по-прежнему оставались посторонними в таком процессе приватизации.

Лужков сравнивал положение ельцинского правительства с положением пловца, достигшего середины бурной реки и не собирающегося поворачивать обратно ("Известия", 13.04.93). Не понятно только, кто просил, вместо поисков брода лезть в бурный поток, который номенклатура, может быть, и преодолеет с вполне ощутимыми приобретениями, а простые граждане могут и ко дну пойти? Никто не просил экспериментаторов, и никто права им на эксперимент не давал. Сами взяли и швырнули страну в этот поток и, если не выплывет, так черт с ней - не жалко.

Чиновник всегда стремится сделать вид, что он на стороне большинства населения. И население готово этому верить. Но времена меняются, приходят другие благодетели, а развенчанным "отцам города" вместо благодарности плюют вслед...

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Вернемся к "хозяйственной платформе". Вот высказывание Лужкова, начисто снимающее его утверждения о том, что он чурается политики: *"Я одобряю, что Гавриил Попов на торжественном собрании в Большом театре в честь 8 марта, когда Горбачев спровоцировал голосование за сохранение СССР, единственный во всем театре проголосовал против"*. Так самораскрываются: нас мало, но мы продавим свое, несмотря ни на что! Поэтому Лужкову и импонирует во всем жесткость. Ему нравится подавлять. Впрочем, эта некрофильская черта присуща большинству политиков-"демократов", выпестованных КПСС.

Тут к месту упомянуть об одной истории. Как-то раз Лужков попытался вышвырнуть из своего кабинета одного навязчивого депутата. Схватил народного избранника за грудки и раскроил о депутатский значок ладонь. Выкинуть депутата не удалось, даже несмотря на то, что тот руки держал по швам, чтобы не вляпаться в историю с "жесткой" разборкой. Наверное, в этот момент Лужков физически почувствовал, что собственных сил для подавления противника у него недостаточно, что для решительных действий нужно собирать головорезов.

Вот еще одна цитата: *"Борьба за власть - захватывающее занятие. Нередко весьма опасное. Сегодня идти против реформ с голыми руками - занятие безнадежное. Остановить реформы способны лишь танки, и ГКЧП-2, помня о попавших на скамью подсудимых предшественниках, патронов не пожалеет. Голосуя за Ельцина, народ спасает себя от кровопролитных переворотов."* И вот пришлось Лужкову по злой шутке судьбы, по должности и велению души ровно через пять месяцев после произнесенных слов работать на подхвате у ГКЧП-2. Патронов действительно не жалели.

Создавшие Лужкову мифологический ореол этой стороной биографии своего любимца не интересуются. Ведь сказано - "вне политики!" Приходится борзописцам выполнять заказ и демонстрировать калейдоскоп превращений: Лужков-стихотворец (трудно вынести его рифмованные словоизлияния), он же дипломат (бесчисленные вояжи по заграницам отнюдь не по хозяйственным нуждам), он же и писатель (упомянутая выше книга о путче 1991 г.), он же и спортсмен (морж и футболист), он и семьянин, и интересный собеседник... В своей профессиональной деятельности Лужков и химик, и аграрник, и строитель, и торговец, и великий градостроитель... В общем - корифей всех наук и специалист всех отраслей, способный к народной смекалке и без труда рассчитывающий параметры трубы Северной ТЭЦ на глаз.

Мифологический облик Лужкова - это "свой парень" в пролетарской кепке (где-то это уже было?). Он со строителями может пустить в ход мат, а в обществе "культурной элиты" начать без удержу читать свои вирши. Он порой надевает галстук-бабочку, а когда хочет пошутить, выражается так: *"Как я могу сказать, пойду ли я пить пиво, если не знаю точно, нальют ли мне пиво в кружку или жидкость похожего цвета?"* В другом месте он говорит о своих оппонентах: *"...я у многих, как кость в горле, а может, не в горле, а в заднице, что еще хуже - свербит постоянно."* ("Тверская-13", 12.08.93).

Ельцин в обществе испанских журналистов шутит на счет анализов мочи. Лужков тоже не отстает - он на том же уровне юмора. И на том же уровне нравственности. Тут, видать, и сошлись. На этом, пожалуй, и возникла

у Лужкова прочная привязанность к политике Ельцина, к способу существования режима, который вынес Лужкова к власти. Но в 1994 г. та же привязанность к Ельцину уже тащила Лужкова в пропасть. Прежний политический курс уже глядел в могилу.

Поэтому московский градоначальник в 1994 г. как никогда нуждался в поддержке газетчиков и новой рекламной кампании. Впереди перемены политических декораций и дружить с большим и давним другом Ельцина многим будет не с руки. Лужков и рад бы "отмазаться", да если это сделать раньше времени - можно попасть под горячую руку. Причем по судам никто таскать не станет. Просто внезапно сгорит человек на работе, и его светлый образ не успеет замутниться в глазах старых товарищей. А в качестве предупреждения столицу могут на время лишить топливной соски, как это было в ноябре 1994 г. Другой вариант предупреждения - декабрьская силовая акция против группы "Мост", руководство которой вместе с мэрией было на несколько часов обложено в здании СЭВ вооруженными до зубов гвардейцами Президента. Тут понимание приходит быстро и к обывателям, стоящим в очередях за бензином или глазеющим на людей в масках и с автоматами, и к чиновникам, сразу понимающим кто в самом деле "держит кон".

Именно поэтому Лужков всячески избегает высказываний о планах дальнейшей карьеры. Мол, буду себе тихо править на Москве, а вы уж там - в верхах - сами разберитесь. Мол, я мирный, я на "хозяйственной платформе" при любом режиме, хоть по рейтингу влияния и занимаю место в первой тройке.

В действительности Лужков - честолюбец. И даже считает, что фактор честолюбия является важнейшим в развитии общества ("Тверская-13", 12.08.93). Для него (и не без его участия) специально готовился пост вице-премьера российского правительства, главное дело которого - держать в узде столичный регион ("НГ", 30.05.94). До поры до времени этот проект пришлось заморозить. Кто знает, надолго ли..?

ПАРАДОКС ЛЖЕЦА

Известный логический парадокс состоит в том, что на острове, обитатели которого известны своей абсолютной лживостью (древние греки считали, что это о. Крит), утверждение об истинности или ложности какого-либо утверждения теряет смысл. Если один из аборигенов говорит - "все критяне лжецы", то его ложь должна означать неправильность исходного утверждения о фатальной лживости критян. Предполагаемая истинность заявления аборигена означает, что не все критяне лжецы, поскольку один из них все-таки не врет. Опять противоречие. Таким образом, в предложенных условиях нельзя установить истинность или ложность любого утверждения. Зато уж если в мире лжецов кто-то заявит, что он правдив - это будет вполне закономерно.

Именно такой мир лжецов сформировался на архипелаге номенклатуры. В качестве иллюстрации приведем пример схватки между Лужковым и Чубайсом по поводу приватизации. Лужков говорит: *"Мы, начиная приватизацию, хотели получить средний класс собственника. Собственника нет. Ваучеры скуплены теми, кто готов скупить по*

программе Чубайса заводы, фабрики. Собственность спущена за бесценок. Ее владельцами стали не хозяева, настроенные на расширенное воспроизводство, а скупщики недвижимости, заинтересованные лишь в том, чтобы с выгодой ее продать. Многократно обещанные Чубайсом каждому россиянину две "Волги" на ваучер - обман. Обещанной народной приватизации не получилось." Чубайс отвечает: *"Господин Лужков каждый шаг правительства в приватизации сопровождает собственными "антимерами". Он счел возможным выпустить некую антиприватизационную "конституцию", которую назвал программой приватизации. Лужков запретил регистрацию уже приватизированных предприятий, нарушив не только закон, - в частности закон о приватизации, - не только постановление правительства, но и указы Президента, в верности которому клянется."* ("Правда", 03.06.94).

Теперь стоит задать вопрос: правда ли то, что говорил Чубайс про Лужкова, а Лужков про Чубайса? Парадокс лжеца не дает возможности ответить однозначно, где тут правда, а где ложь. Одно понятно: все жители номенклатурного архипелага - лжецы.

Попробуем для понимания реальной логики номенклатурных политиков немного расширить логическую схему. Будем считать, что лживость всегда намеренна, всегда преследует цель дать неверную информацию. Поэтому члены номенклатурного племени все-таки иногда, сами того не ведая, говорят правду. Так, чаще всего они лгут по поводу своей правдивости и, скорее всего, правдивы относительно лживости своих оппонентов из той же среды. А еще есть безотчетная правдивость, которую называют фрейдистскими оговорками.

Разыгрывая правдивого мыслителя, Лужков пытается рассуждать по поводу тех кровавых событий, к которым он имел прямое отношение. Его патологическая страсть прорывается в безотчетных мыслях: *"Я невольно задаю себе вопрос: а до конца ли прорвался нарыв? Кончилась ли болезнь?... Стала ли на этот раз наша победа окончательной?... Неужели мы и в третий - а, может, и в четвертый, и в пятый раз должны пройти через кровавый коридор, чтобы окончательно победить?..."* ("Правда", 01.06.94).

Лужков откровенен именно там, где сам этого от себя не ждет. Зато в других случаях - когда он предпринимает осмысленные поступки - его лживость представляет собой закрепленную в характере черту.

Так 30 сентября 1993 г. Лужков пишет Патриарху Алексию II письмо, заверяя, что *"со стороны Правительства Москвы не будет предпринято никаких попыток применить силу для разрешения возникших противоречий."* Лужков обещал проявить милосердие и обеспечить защитников Белого Дома медикаментами, пищей, водой. А в это время в Москве высаживались прибывшие из горячих точек страны отряды штурмовиков.

Лужков обвинял в октябрьском кровопролитии тех, кто сорвал переговоры при посредничестве Московской Патриархии. Но внимательное изучение документов показывает, что именно он всеми силами препятствовал достижению соглашения. Лужков сознательно шел на обострение, на кровь. Это было его целью, когда он 2 октября 1993 г. проводил провокационную пресс-конференцию, когда запрещал показ по телевидению выступлений других участников переговоров, когда по его "милости" представителей Патриархии часами держали у оцепления и не пускали в Белый Дом. Лужков,

зная о полной нелепице своих слов, смел утверждать: *"Блокада "Белого дома" установлена исключительно для того, чтобы избежать бесконтрольной утечки оружия и проникновения в город вооруженных лиц"*. Цену его информированности показало утверждение, что у парламента на вооружении находится ракета "стингер", которая, как выяснилось потом, была работником аппарата с такой фамилией.

Мэр Москвы знал, что оружие, направленное против парламента, по своей мощи многократно превышает силу оружия, которое держали в руках защитники Белого Дома. Но Лужков выполнял возложенную на него миссию - подготовиться к оправданию крови, доказать общественному мнению ее необходимость. Такие доказательства он готов привести в любой момент, потому что его путь к власти - это путь через "кровавый коридор". И пока этот лицемер не будет лишен всех взятых им

силой полномочий, кровь будет литься "и в четвертый, и в пятый раз" - столько, сколько потребуется Лужкову, чтобы вернуть Москву и Россию в то состояние, в котором править могут только подлецы.

Главное для Лужкова - это активнейшее участие в силовом решении политических проблем, новаторство и инициатива именно в этой области. Лужков лично отдавал команды по аресту депутатов во время исполнения ими своих полномочий в 1991 г. (см. главу "Взять этого"), он пролил кровь в Останкино в 1992 г. (см. главу "Наступление началось"), он организовал бойню 1 мая 1993 г. (см. раздел "С праздничком"), он приказал отключить все виды жизнеобеспечения Белого Дома и раздать оружие из мэрского арсенала в октябре 1993 г. Некрофильство и лживость, объединенные в одном лице, дали Москве страшного по своим разрушительным способностям руководителя.

* * *

Злодейство, лживость и непрофессионализм всегда идут рука об руку. Люди, подобные Лужкову, легко одерживают свои победы над здравым смыслом и справедливостью в негодяйские времена.

Так сложилось, что в большинстве своем мы легковерны. Мы доверяем развязным и слезливым журналистам, нахрапистым проходимцам и вздорным мудрилам. Мы часто не верим глазам своим, не видим или не хотим видеть, в какую помойку превращают нашу жизнь. Поэтому так легко приживаются среди нас мифы о голых королях, будто бы обряженных в белые одежды, а мы не замечаем пятна крови на их нечистых руках...

ПОЛИТИК ИЗ МАННОЙ КАШИ
(Николай Гончар)

Есть такой тип людей, о которых мало что можно сказать определенного. Они подобны гоголевскому Чичикову: не слишком тонок, но и не так, чтобы слишком толст... В политике это особый тип деятелей, способных быть всюду - и нигде, быть со всеми - и не поддерживать никого. Таков и Николай Николаевич Гончар.

Из биографии Гончара мало что можно выделить. Ярких страниц в ней не найти. Гончар крайне неудобен для критики, сер и незаметен. С какой стороны не подойди, вся критика замыкается на личные эмоции - он мне не нравится! Если же Гончара оценить с других позиций, любя и восхищаясь им, то получается замечательной души человек.

Поэтому Гончар в нашем изложении - это скорее образ, пример блестящей карьеры с долговременной стратегией успеха. Это образ для "юноши, обдумывающего житье". Юноша, мечтающий о номенклатурной карьере, должен делать себя, обучаясь у таких, как Гончар.

ДЛИННАЯ ПРЕДБИОГРАФИЯ

Родился Н. Гончар в Мурманске, закончил Московский энергетический институт в 1972 г. В тот же год стал членом КПСС. Год

поработав инженером, он вдруг (традиционное "вдруг" номенклатурных биографий) стал заведующим отделом Моссовета с очень вычурным названием: "по научно-исследовательской работе студентов МГК ВЛКСМ". Два года позаведовав странным подразделением, он перешел к заведованию отделом НИИ комплексного развития народного хозяйства г. Москвы и застрял тут на долгие шесть лет (1976-1982 гг.). Стал Гончар кандидатом экономических наук (после окончания аспирантуры Института управления им. Орджоникидзе), а в 1982 г. резко пошел в гору по административной части. Должность заместителя председателя исполкома Бауманского райсовета столицы - это уже не мелочь в номенклатурной иерархии. Еще через пять лет Н. Гончар поднялся на новую ступеньку - занял кресло первого секретаря Бауманского райкома КПСС, а еще через два года снова вернулся в райсовет - уже председателем.

Человек многие годы проработал на руководящих должностях, а о нем ничего толком не известно. Что это означает? Это означает, что у него не было никогда своей позиции. Он мог действовать напористо, но отстаивая при этом чью-то чужую позицию. Он не заявлял свою позицию "в лоб": мол, нужно делать вот это, а кто не со мной, тот мой враг. Такая агрессивная позиция дает возможность для ответной атаки, для критики. Она заставляет политика быстро исчерпывать себя и уходить со сцены.

Карьера Гончара никогда не была агрессивна (как, например, у Лужкова). Этот тип карьеры делается, несмотря на то, что все вокруг рассыпается, несмотря на отсутствие видимых успехов.

В 1990 г. Н. Гончар в первом же туре голосования избран депутатом Моссовета и одновременно депутатом того же Бауманского райсовета. В Моссовете Гончар тут же был избран заместителем председателя (Г. Попову была важна связь как с прежней номенклатурой, так и с районным звеном), а в райсовете - председателем. Совмещал он две должности настолько скромно, что об этом совместительстве мало кто догадывался.

Демократизация дала, наконец, шанс Н. Гончару. Заняв позицию демократического коммуниста, а потом и коммунистического демократа, Н. Гончар точно угадал веяние времени. И в дальнейшем, оставаясь на этой столь удачно найденной и вечно туманной позиции, он не просто ловил удачу. Удача сама шла к нему.

ВЫЖИДАНИЕ В МОССОВЕТЕ

После избрания С. Станкевича первым замом Г. Попова, потребовалось как-то представить среди высшего руководства и интересы коммунистической части Моссовета. Ведь в то время московская организация КПСС составляла ни много ни мало - 1.100.000 человек.

Г. Попов предложил для избрания своими замами (уже не первыми) одного члена коммунистической группы "Москва", одного члена "ДемРоссии" и что-то ни то, ни се: номенклатурного коммуниста, избранного по списку "ДемРоссии" - Н. Гончара. Откровенного коммуниста все-таки прокатили, а двух других кандидатов замами избрали. Гончар получил 274 голоса "за" и всего 70 -"против". Рекомендация Г. Попова ценилась тогда очень высоко.

Первым делом в Моссовете для Н. Гончара был развал работы первой сессии, которая закрылась под его руководством спонтанно, без

необходимого по этому поводу решения. Депутатам просто опротивел метод ведения сессии, предложенный Н. Гончаром. Но, быть может, ему многие были благодарны за то, что можно было в сердцах хлопнуть дверью, отказываясь участвовать в бестолковщине.

Второе дело - это подрыв решения сессии о запрете выездной торговли промышленными товарами на предприятиях. Гончар одним из первых среди московских чиновников начал подписывать разрешения на выездную торговлю "в виде исключения". Решение решением, а номенклатурная принадлежность обязывала. Письмо от депутатской комиссии, курирующей этот вопрос и слегка взволнованной странной практикой моссоветовского руководства, можно было оставить без внимания в связи с летними отпусками.

Моссовет потому и провалился, что депутаты выбирали лидера, а выбрали что-то вроде живой печати. Эта печать штамповала чужие решения, удостоверяла на бумаге чужую волю, не пытаясь навязывать ничего своего, не имея определенной точки зрения. Все рассыпалось, а Гончар был неуязвим. "Коллеги! Тот или иной бюджет надо так или иначе принять... Или не принять...". Что здесь критиковать?!

Главную услугу номенклатуре Гончар оказал на второй сессии - в начале 1992 г., еще не будучи председателем Моссовета. Вместе с Поповым и Станкевичем он добился утверждения чиновников исполкома Моссовета без всякого обсуждения и списком. (Тогда голосование проводилось простым поднятием мандатов, а подсчет велся явно заинтересованными лицами. Поэтому, зная теперь ИХ нравственный уровень, трудно поверить, что они не воспользовались своим положением, чтобы преодолеть нежелание депутатов пропускать к власти старую номенклатуру.) За это Гончар и был включен в состав высшего номенклатурного звена.

Любопытно, как все это было сделано. Попов со Станкевичем только обосновали списочный порядок голосования. Они говорили о необходимости работы командой, о том, что навязывать команду Лужкову нельзя. Ведь ему работать с этими людьми! Депутаты этим доводам не вняли и при первом голосовании списочный принцип провалили. По нормальной логике надо было принять эту позицию Моссовета, как должное и приступить к утверждению исполкомовского руководства другим способом. Но у номенклатуры своя логика.

Гончар применил такой выверт. Не закрыв вопрос о формировании исполкома, он открыл вопрос о ситуации в Литве, связанной с применением армии против населения. Страсти разгорелись. Депутаты стали пугать друг друга танками, которые вот-вот могут появиться и на улицах Москвы. Кто же их остановит, кто обеспечит работу систем жизнеобеспечения города? "Лужков, Лужков обеспечит!" - подсказывали "поповцы". "Только ему надо помочь, дать возможность сформировать свою команду!" Депутатов додавили, и новое голосование утвердило исполком списком. На радостях Гончар свернул сессию, позабыв дать возможность внести поправки в проект заявления Моссовета по событиям в Литве. Дело уже было сделано, и исправлять нелепицы в малоинтересном номенклатуре документе не было необходимости.

СВОЙ ШАНС

Бегство Попова с поста председателя Моссовета поставило последний на грань гибели. Деморосовская команда стремилась всячески сорвать выборы нового председателя, надеясь заслужить благосклонность мэра Попова тем, что злонравный Моссовет будет парализован, а мэру будет обеспечена свобода рук. Предлагались решения, представлявшие собой закамуфлированные методы саботажа: отложить выборы до осени, дождаться решения вопроса о статусе Москвы и определения полномочий мэрии и Моссовета... Высказывались и более откровенные заключения: чем меньше Моссовет работает, тем меньше вредит избирателям Моссовет безнадежен и требуются новые выборы...

И все-таки у Моссовета впереди была еще относительно длинная жизнь. Необходимо было работать. Слишком много дел было начато, слишком много надежд еще не было отравлено.

В ситуации разброда инициативу на себя взяла группа "Сильный Совет", которая определила Гончара, как единственного кандидата в председатели, который может рассчитывать на победу. Вторым кандидатом являлся фаворит оппозиции поповскому курсу Ю. П. Седых-Бондаренко. Ему можно было рассчитывать на пост заместителя председателя, лишь включившись в борьбу за первый пост в Моссовете. Группа "Сильный Совет" ставила именно на это: отдать первый пост с тем, чтобы сохранить Моссовет и провести в зампреды неноменклатурного, честного и способного слушать других человека.

Гончар грамотно разыгрывал свою игру. Он выступил и перед оппозиционным антидеморосовским собранием, подготовленным "Сильным Советом", и перед доминировавшими в руководстве Совета "деморосами", и перед коммунистами. Там и там он отстаивал свое право находиться в КПСС, как нравственную позицию ("этим не торгуют!"), говорил о существующей шаткой стабильности, которую можно сохранить, если не поступить так же, как большевики, расстрелявшие в 1917 г. штаб Духонина ("И казаки потянулись на Дон...", - трагически заключал Гончар).

Первоначально на пост председателя Моссовета претендовало аж 10 человек. Большинство из них хотело именно участия, публичной "засветки", права изложить с трибуны свою программу. Им все это было предоставлено. Четверо из непроходных кандидатов получили в первом туре по одному голосу, остальные - не более 15. Н. Гончар получил 139 голосов, Седых-Бондаренко - 81.

Стратегия группы "Сильный Совет" предполагала обязательный успех выборов председателя. В противном случае Моссовет мог бы закончить свое существование еще в июне 1991 г. Именно поэтому перед вторым туром голосования Седых-Бондаренко снял свою кандидатуру, и Гончар оказался единственным претендентом. В итоге он получил 282 голоса "за" и всего 102 "против".

НАЧАЛО РАЗВАЛА

Поскольку главной проблемой Моссовета к лету 1991 г. являлась организация продуктивной работы, выборы работоспособного руководства

стали еще и поводом для политического столкновения. Ведь оставшимся в Моссовете "поповцам" требовался дальнейший развал представительного органа. Они и ставили вслед за своим патроном задачу ликвидации Советов. Всем остальным требовался компромисс. И Н. Гончар оказался именно такой фигурой, по поводу которой компромисс был все-таки возможен. Он смотрелся явно лучше С. Станкевича, успевшего многих обидеть своей ироничной манерой поведения и интеллектуальной нескромностью.

Гончар устраивал и демократов (как член блока "ДемРоссия" в прошлом), и коммунистов (своей принадлежностью к КПСС), и районных лидеров (как председатель райсовета).

Гончар, понимая исключительность своего положения (либо он станет председателем Моссовета, либо председателем не станет никто), так и не взял на себя ни одного четкого обязательства. Он лишь вскользь упомянул в своей предвыборной речи подготовленные группой "Сильный Совет" тезисы по организации работы депутатов: "Все это надо поддержать". Но после выборов делать ничего не стал. Более того, дальнейшая работа группы "Сильный Совет" была напрочь заблокирована. Гончар не дал ей ни провести восстановительные работы в разрушенном "поповцами" пресс-центре (в полном составе эта команда ушла за своим хозяином в мэрию), ни развернуть работу депутатского клуба, ни сформировать группу по организации работы Совета, ни создать совет депутатских фракций. Даже благодарность за поддержку его кандидатуры толком выражена не была. Действительно, что было стесняться после состоявшейся победы?

В одном из интервью после выборов Гончар заявил: *"...меня Моссовет избрал для того, чтобы я организовал его работу, а не руководил им"*. В другом месте он сказал: *"...председатель должен быть, прежде всего, организатором, а не выразителем той или иной политической позиции"* ("Куранты", 21.06,91). Понимание, для чего его избрали, у Н. Гончара было, но не было с его стороны ни одного шага для воплощения этого понимания в реальные организационные действия.

Это и неудивительно. Сразу после избрания начались переговоры с верхушкой московских чиновников. Предмет был тот же, что и у Попова - о взаимоприятном существовании, выделении ячейки собственных интересов в общем интересе номенклатуры, гарантиях собственной "непотопляемости".

* * *

Номенклатурный руководитель заинтересован в поддержании подвластной ему структуры в том состоянии, в котором он ее получил. Это происходит по причине того, что руководитель сам является продуктом этой структуры. Организация работы для номенклатурного руководители - дело опасное. Структура может перерасти его профессиональный уровень, и неквалифицированный руководитель может стать ненужным. Поэтому последний период пребывания Гончара в Моссовете ознаменован курсом на сведение к минимуму работы по принятию каких-либо решений. Депутаты доводились до физиологического отвращения к нахождению на сессии, провоцировались на склоки и перепалки, выяснения вопросов о том, кто и когда сказал ложь. (Чуть подробнее об этом мы расскажем в главе "Вздох в микрофон".)

Еще одно правило номенклатурного руководителя - давать

поменьше обещаний, за выполнение которых потом придется отвечать. Если такой руководитель и дает обещания, то только так, чтобы они выполнялись или не выполнялись независимо от воли обещающего.

Гончар, применяя оба правила, предал Моссовет и своих избирателей так же легко, как и Попов. Но сделал это менее шумно, не ставя себя под удар, не оскорбляя никого лично. И депутаты приняли в своем большинстве этот сговор. Вотируя Гончара на доверие через год его руководства они отдали ему 270 голосов, и лишь 65 депутатов отказали Гончару в доверии. Это был аванс еще на год вперед. Для Моссовета этот год оказался последним, для Гончара - стартовым.

Второй раз вотировать вопрос о доверии Гончару не пришлось. Жизнь сама вынесла вотум недоверия депутатам, молчаливо принявшим участие в сговоре.

МЕТОД УЖА

Уже в декабре 1991 г. Гончар откровенно определил свое кредо: *"Моссовет в нынешнем составе напоминает мне волейбольную площадку, на которую вместо шести человек вышли 60 игроков. Какие бы они ни были профессионалы, игра не пойдет."* Это и стало оправданием полного бездействия в течение двух последующих лет.

Не многим известно, что сопротивляться бездействию значительно труднее, чем действию. Но не только это облегчило существование Гончара на посту председателя Моссовета. Его бездействие служило депутатам хорошим оправданием перед собственной совестью. Если ничего сделать нельзя, то нечего и утруждаться. Всякая же попытка "накатить" на Гончара вызывала вопрос: если не Гончар, то кто станет председателем Моссовета? Яркого лидера не было. Если бы он даже и был, шансы выбить Гончара из его кресла были бы весьма незначительными. Дело в том, что за год-полтора все индивидуальности в депутатской среде уже выявились и получили свою долю негативных оценок. Мысленно представляя себе любую кандидатуру, каждый депутат говорил себе: "И эта бездарь (этот проходимец, дурак, тупица, экстремист, консерватор, соглашатель...) будет мной управлять? Разве я хуже его?" Именно поэтому всякие попытки поставить лидерство Гончара под сомнение наталкивались на молчаливое противодействие депутатской массы. Новой метлы в своем доме молчаливое большинство не желало. И Гончар это чувствовал.

Гончар занимал свое место, тихо ссорил депутатов между собой и оказывал мелкие услуги номенклатуре. В 1991 г. такой услугой стала "инициатива" бесплатной приватизации квартир, тут же подхваченная Г. Поповым и позволившая чиновникам всех мастей даром получить в собственность элитное жилье вместе со всеми сверхнормативными излишками. Другая услуга - "пробивание" криминального бюджета города, изготовленного мастерами казнокрадства из команды Лужкова. Тут Гончар умел выкручивать мозги, приглашая депутатов на закулисные переговоры, одних пугая роспуском Моссовета, других одушевляя радужными перспективами роста его популярности, третьих урезонивая ради грядущего наступления на беззаконие. И тактика Гончара находила благодатную почву в депутатской среде, где каждый второй был таким же "гончаром", только

второго сорта.

Многие депутаты даже не замечали, что уходят из кабинета Гончара уже запрограммированными. Те же, кто не программировались, его не интересовали. Гончар работал с массовкой - податливой и наивной. Работал истово и самозабвенно, как трудолюбивый талант.

Нужно было номенклатуре собрать сессию Моссовета по поводу отмены выборов мэра - Гончар собирал. Нужно было заострить внимание граждан на фигуре Анпилова - Гончар снова собирает специальную сессию. Ну и что же, что реального результата нет, что никакого решения не принято! Достаточно и того шума, который весело обыгрывался средствами массовой дезинформации.

Гибким ужом вился Гончар между острых проблем. Это был настоящий талант - живучий и незаметный. Он даже врагом ни для кого толком быть не мог. Он заставлял признавать себя, как неизбежность, как лучшее из зол, с которым в данных конкретных условиях бороться бесполезно. Так обычно мирятся с паразитами.

В 1993 г. Гончар делает попытку более явно встроиться в систему исполнительной власти, которая уже никому не подчинялась, и провести рекламную кампанию своей персоны. Формально такая попытка могла быть проведена по вопросам городской собственности, поскольку под рукой была такая структура, как Фонд имущества Москвы, являющийся как бы промежуточным звеном между исполнительной и представительной властью. Возглавлял Фонд назначенный сессией депутат В. Бушев. Он и подвиг Гончара выпустить распоряжение о разграничении полномочий Фонда и Москомимущества ("Коммерсантъ-Дейли", 11.05.93), которое по сути дела не имело юридической силы, но было согласовано и с самим Бушевым, и с Лужковым. Одновременно была сделана и попытка политической рекламы: Гончар появился на телеэкране перед недостроенным зданием, которое совсем уж было "ушло" с аукциона, но Фонд имущества признал торги несостоявшимися. Гончару представилась возможность выступить защитником благосостояния москвичей.

Второе направление рекламы - роль миротворца. По горячим (и кровавым) следам первомайских событий Гончар делал реверансы во все стороны. Перед демонстрацией 9 мая 1993 г. он даже привез лидера Союза офицеров на телевидение и предложил ему сказать все, что подобает к случаю. Тот сыграл в предложенную игру - только поздравил всех с праздником. А Гончар, как выяснилось, и оппозиции угодил, и власти не обидел. Настоящий талант!

После бойни 1 мая 1993 г. и чудно-мирной демонстрации 9 мая Гончар так оценивает действия властей: *"Власти допустили ошибку. Они выражали мнение очень серьезных экономических сил. Прямым путем. И настрой был - "показать быдлу силу".... У людей появляется накопленный капитал и некоторые рассчитывают, что еще месяца три существующему правительству надо продержаться, чтобы , скажем, партию меди он успел вывезти за рубеж или выполнить контракт по нефти. А дальше... Дальше у него в Женеве маленький домик."* ("АиФ", № 19, 1993).

Несмотря на то, что Гончар в прессе призывал "прийти и понять", он очень желал привлечь к ответственности организатора коммунистических манифестаций своего коллегу по Моссовету В. Анпилова и удовлетворить

присланное в Моссовет представление прокурора о лишении Анпилова депутатской неприкосновенности. Но Моссовет, имея в виду выступление Гончара по телевидению, решил, что нельзя давать вести сессию человеку, заранее определившему позицию и высказавшему ее публично. Гончару только этого и нужно было. Он стал пострадавшим, ему сочувствовали все, кто не относил себя к экстремистам. Заодно Гончар вышел из-под шквала критического демхамства в прессе, в избытке доставшегося Моссовету.

Вспомним, что Гончар мог замять дело и не торопиться собирать сессию. Но сессию он созвал именно под дело Анпилова. Работал план - утопить все равно обреченный представительный орган для того, чтобы выплыть в эти бурные времена самому. Депутаты на эту сессию поначалу не собрались. Вопрос сессии никого совершенно не интересовал. Произошла своего рода депутатская забастовка. Тогда вопрос был вынесен на Малый Совет. Пресса не дала москвичам понять, что Малый Совет - это еще не все депутаты. Оценки уже были даны и закреплены в памяти народной. Сценарий сработал.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСШТАБ

Продолжая свой "творческий" путь, Гончар выходит на международную арену. Он вдруг организует визиты в Севастополь, встречу с командующим Черноморским флотом, приемы украинских делегаций в Моссовете. Гончару, как человеку, олицетворяющему собой субъект федерации, звонит глава администрации Севастополя и просит зачитать собственное обращение на сессии Верховного Совета России. Гончар по той же аппаратной привычке воспринимает главу администрации, как выразителя чаяний всего Севастополя. Поэтому считая себя (лично себя!) субъектом Федерации, а главу администрации Севастополя (лично его!) - всем Севастополем, Гончар приходит на сессию ВС.

Слова российские депутаты ему не дают. Гончар обижается - субъект Федерации обидели, его инициативы не принимают. По сути дела и инициатив то каких-либо не было. Просто формулировалась надуманная и осторожная просьба вернуться к вопросу и придумать еще что-то. Гончар опасается столкновений на флоте и среди жителей Севастополя. Об обстановке он судит опять же по мнению номенклатурных чиновников.

Здесь стоит припомнить другую историю, демонстрирующую "федеральное" самоощущение Гончара. Был в свое время подписан такой известный документ, как Федеративный Договор. Этот акт стал чуть ли не важнейшим регулятором отношений между субъектами федерации, на него очень любил ссылаться сам Б. Ельцин. В действительности же этот документ - обычная липа. Моссовет - единственный орган, уполномоченный представлять Москву - Федеративного Договора не рассматривал и санкций на его подписание никому не давал. Гончар подмахнул его самовольно. Опять отдельный субъект, пусть и должностное лицо, был отождествлен с субъектом Федерации.

Разобиженный Гончар обвинил российский парламент в сознательном провоцировании горожан Севастополя на создание параллельных Советам органов власти ("МН", № 31, 1993). Отсюда естественно последовал рост популярности Гончара среди тех, кого прежнее

решение ВС не устраивало. За предложение Гончара вернуться к вопросу о Севастополе проголосовало около 50 парламентариев. Хоть собственную фракцию формируй!

Вот так входят в элиту - методом ужа. Следующий шаг нашего комбинатора - инициатива о проведении референдума по экономическому союзу стран СНГ, которая созрела к концу июля 1993 г.. Идея столь же правильная, сколь и неосуществимая. Для того, чтобы узнать мнение людей, на которое по расчетам Гончара могли бы опереться президенты бывших республик в составе СССР, вкладывать громадные средства в проведение референдума было совершенно бессмысленно. Ответ был ясен заранее. И именно поэтому никакого референдума по экономическому союзу не будет во веки веков.

У Гончара свое понимание политической тактики - предложить неосуществимое мероприятие с известным результатом. Противники особо гневаться не будут (референдум все равно обречен!), а сторонникам есть о чем посудачить. Короче, угодишь всем.

В чем-то этот метод схож с методом Г. Попова. Сначала высказывается абсолютно верная для всех мысль, потом предлагается совершенно неосуществимый на данном уровне согласования интересов различных политических групп метод, а затем идет "наворачивание" логической схемы, которая обволакивает абсолютно негодный метод вытекающими из него предложениями и механизмами реализации отдельных сторон. В проекте-проспекте Гончара это и единая валюта без ликвидации местных валют, и общее правительство, ведающее экономикой, и снятие всех таможен, и единый банк... Из неосуществимой идеи можно черпать и черпать.

В конце июня 1993 г. Гончар устроил встречу посла Украины с общественностью Москвы. Посол не стеснялся в своих негативных оценках России, а Гончар ему подыгрывал. Он сюсюкал что то вроде: "Я полукровка - наполовину русский, наполовину украинец...". Общественностью же оказались по большей части представители украинского посольства и секретариат Гончара.

* * *

Для борьбы за административные высоты надо слыть думающим человеком. Времена простаков прошли. И Гончар становится мыслителем. Вот так начинается одно из его многочисленных интервью, появившихся летом 1993 г. ("АиФ", № 30):

"- Николай Николаевич, похоже, что вам что-то не дает покоя?

- Это прогрессирующая в сознании политиков мысль о том, что тот, кто не с нами, тот против нас. Это признак политической импотенции. Договариваться сложно, здесь нужны мозги. А чтобы противопоставить себя другому - нужна луженая глотка, чтобы на митинге орать, что "с этой сволочью больше никаких компромиссов". Конечно, он сволочь, раз у тебя не хватает мозгов... Но наша страна показывает, что каждый раз побеждает тот, кто в предыдущий раз проиграл. "

Все в этом откровении правильно и симпатично. Оппозиции понравится предсказание своей неизбежной победы, власть имущим - колкости в адрес голосистой оппозиции.

ПИКНИК НА РАЗВАЛИНАХ

Во время октябрьского путча Гончар пытался играть роль миротворца и метался между Белым Домом и президентской командой. 2 октября он даже появился на Смоленской площади в момент, когда возникла явная опасность штурма импровизированных баррикад фалангами ОМОНа. Случайный и непонятный Гончар, объявившийся среди баррикад, ни у кого не вызвал интереса. Но пресса и телевидение отметили это событие более широко, чем гибель людей в двух шагах от того места, где прохаживался Гончар.

Журналисты рассказывают такую историю. Приехал Гончар в Белый Дом - и тут же к Руцкому. Стал упрашивать его не применять оружие и даже сдать от греха подальше кое-какое снаряжение. Руцкой никак не мог в толк взять, чью же сторону в конфликте занимает Гончар. Все как-то на прямой вопрос ответа получить не мог. Наконец, придя в раздражение, генерал с презрением вымолвил: "Все-то вы будто манную кашу размазываете." Гончар ответил: "Зато не кровавую". Может быть, именно эта фраза позволила Гончару вывезти из Белого Дома 12 автоматов, которые должны были стать символом примирения, но всего лишь снизили и без того невысокую огневую мощь защитников Конституции.

Логика "только бы не было войны" навечно врублена в сознание русского народа. Возможно, поэтому и пользуются успехом политики, подобные Гончару - ни то, ни се. Зато, без "кровавой каши". Только не знают мирные граждане с миролюбивым сознанием, что мир этот покупается предательством. Гончар не только не стал самолично противостоять "демократическому путчу", но даже предложил путчистам свой кабинет под штаб. Это Гончару зачлось. Будем надеяться, что зачтется ему и издевательство над депутатами Моссовета, которых невдалеке от этого кабинета 3 октября 1993 г. держали под дулами автоматов.

Тончайшее чутье подсказало Гончару, как заручиться поддержкой и победителей, и побежденных в октябрьской революции 1993 г. Он сумел без лишней огласки помочь первым и публично пожалеть вторых. 5 октября 1993 г. Гончар был допущен на телеэкран в популярной телепередаче и рассказал душещипательную историю о том, как три дня назад он посетил баррикады на Смоленской площади и увидел там вполне нормальных людей, имеющих дикие выражения лиц лишь из-за того, что у них такая зарплата. В том, что подобные люди приходят на баррикады, Гончар обвинил и законодательную и исполнительную власть. По указанным уже причинам репрессий со стороны ельцинистов не последовало, зато прибавило Гончару авторитета у москвичей.

Подобные "изобретения" Гончара, его известность как председателя Моссовета и отсутствие прямых показаний против его кандидатуры (каждый считал его, по крайней мере, не своим главным врагом) позволили ему победить на выборах в Совет Федерации 12 декабря 1993 г. (К вопросу о цене этих выборов мы вернемся в других главах.).

Выборы в Совет Федерации по Москве проходили с нарушением ранее принятых правил. Вместо необходимого для регистрации кандидатов числа подписей, соответствующих 1% от числа избирателей, в Москве планка была снижена сначала до 0,35%, а потом и до 0,25%.

Чтобы не попасть на выборах под гильотину средств массовой информации, Гончару в очередной раз пришлось применить свою ужиную тактику. Обозначив присутствие в оппозиции ("Московский гражданский союз" был в тот момент единственной оппозицией, допущенной к выборам в Московскую Думу), он тут же начал переговоры с "Выбросом", перешедшие в совместную пресс-конференцию. Команду же из московского ГС он, по сложившейся практике, "отстрелил", никак не возместив ей поддержку своей предвыборной кампании. Команда провалилась, а лидер пошел вверх.

Так номенклатура в лице Гончара использовала наивный романтизм начинающих политиков. Из "начинающих" они уже не смогли вырасти в "опытных". Никакого обозримого политического будущего у них не было. Они были для Гончара совершенно не опасны. По крайней мере - в ближайший период.

ОТ СОЦИАЛИСТОВ К ПАТРИОТАМ

В свое время Н. Гончар, убежденный в неизбежном усилении левого политического лагеря, вместе с рядом лидеров профсоюзов и мелких общественных объединений подписал декларацию о создании Партии Труда. Была надежда, что сильные мира сего откликнутся на эту инициативу, которая могла бы стать альтернативой радикальной оппозиции. Не откликнулись. Партия Труда толком нигде и не проявила своего существования, а Гончар выждал паузу и в состав партии не вошел.

И вот сменились времена. Лево-правый выбор перестал быть популярной проблемой. И Гончар находит выход. Он на время становится националистом. Но также, как и при социалистическом выборе, не до конца, не руша мостов, не привлекая особого внимания.

Осенью 1993 г. в "Независимой газете" (уже после "кровавой октябрьской каши") появляется программная статья Н. Гончара под амбициозным названием "Повестка дня для нации на завтра и послезавтра". Политик без своего мнения вдруг обретает голос и начинает повторять вслед за патриотами-государственниками речи об особой роли России, которая призвана восстановить единство нации. Гончар пишет о том, что все остальные бывшие союзные республики *"не способны ни выжить в одиночку, ни интегрироваться на равноправной основе с западными или восточными цивилизационными центрами."* Появляются и вообще захватывающе смелые строчки: формула о "либеральном империализме" и инструменте возрождения России - "федерализм плюс атомная бомба". Либеральный империализм - это, оказывается, "консенсус между человеком и государством", а атомная бомба освобождает от напряженной готовности к военной мобилизации.

Н. Гончар в своем переходе в лагерь патриотов вовсе не собирался объединяться со всеми, кому "за державу обидно". Поэтому делаются три важных реверанса. Из прекрасных качеств атомной бомбы следует необходимость преломить шапку перед ВПК, который еще и сверхновыми технологиями нас обеспечит. Второй реверанс - в пользу Православия, которому воздается должное, как "генетическому коду культуры". И третий реверанс - в адрес молодежи, которая "находится в стадии поиска новых ценностей" и ищет идеологию, преодолевающую меркантильное потребительство.

Если два последних реверанса - скорее дань моде, то первый по сути дела является объявлением о готовности представлять интересы ВПК, временно придавленного сырьевыми монстрами.

В сообразительности Н. Гончару не откажешь. Рост патриотических настроений был налицо. Фракция сырьевиков в номенклатурной касте на выборах бороться не собиралась, вполне удовлетворяясь своей доминирующей ролью в правительстве. Зато вымирающий ВПК требовал политической поддержки. Вот Гончар своей неординарной статьей и направлял воротилам промышленности вооружений послание о готовности быть их лоббистом в Совете Федерации.

Дошло ли это послание до адресата, неизвестно. Только вот Н. Н. Гончар, известный москвичам скорее лишь по имени, стал-таки депутатом и даже получил пост председателя комитета по бюджету. Тоже неглупый выбор. По опыту Моссовета Гончар знал, что контроль за финансами - это и есть власть.

Итак, выборы были выиграны, номер с патриотизмом отработан, и от Гончара подобного статье в "Независимой", уже не исходило и исходить не могло. С ВПК, по всей видимости, тоже не было особой необходимости продолжать любезничать. Посадка в номенклатурный эшелон, отходящий от станции под названием "Государственный переворот" состоялась, и уже не Гончару нужно было заискивать перед ВПК. Самим магнатам ВПК теперь пришлось искать его расположения.

Таким образом, тактика политической интриги вполне отработана. Сначала на группе "Сильный Совет", потом - на Партии Труда и, наконец, на ВПК. С кем же сейчас плетет интригу Н. Гончар? Ведь новые выборы не за горами.

ОСТОРОЖНЫЙ ТАЛАНТ

Гончар в Совете Федерации стал председателем комиссии, ведающей финансами. Когда журналисты привязались к нему с просьбой предложить какие-нибудь меры для того, чтобы свести концы с концами в принятом Думой и Советом Федерации бюджете, Гончар находчиво ответил: "Я сам голосовал против этого бюджета".

В такой ситуации другого ответа быть не могло. Бюджет был навязан совершенно нереалистичный, номенклатура ничем не собиралась поступиться и настояла на том, чтобы под обломками бюджета снова ухватить его наиболее жирные куски для личного потребления. Гончар, сросшийся с номенклатурой, конечно же не стал сопротивляться. Но на всякий случай проголосовал "против".

Да и какой Гончар специалист по бюджету, чтобы формировать его грамотно и реалистично, да еще на вопросы журналистов отвечать? По своей моссоветовской практике он был скорее специалистом по проталкиванию бюджета. Причем такого бюджета, который при здравом рассмотрении нельзя не назвать криминальным.

И все-таки быть при бюджете - это еще полдела. Выбор бюджетной сферы - безошибочный политический шаг. Но нужна еще и политическая поддержка. И Гончар в поте лица работает на директорский корпус "красных баронов", увязших в столь удобных для них взаимных неплатежах. Под шум о

катастрофе промышленного производства этот слой номенклатуры, не накормившийся гайдарономикой, стремился взять свое, присосавшись к программам стабилизации. И тут особенно пригодился Гончар, который не был связан, как большинство депутатов Совета Федерации, еще и обязанностями по административной части. Гончар был более свободен от диктата "сверху" и вполне подготовлен, для того чтобы снова осторожно разрабатывать ниву номенклатурного патриотизма.

В телепередаче, посвященной выводу (а точнее бегству) российских войск из Германии, Гончар задавал в кинокамеру недоуменные вопросы: "Зачем так поспешно? Как быть с интересами России?" Зная Гончара, можно ожидать, что в запасе у него имеется пламенная речь о пользе разоружения, вывода войск с территорий иностранных государств. Этой речью всегда можно нейтрализовать осторожное подобие критики, перекрыв ее, в случае необходимости, мощным пафосом. Контрастом пугливому недоумению Гончара в той же передаче прозвучало интервью с генералом Лебедем, который напрямую назвал руководство Западной группы войск шайкой преступников. В другом месте он же назвал вывод войск из Германии идиотской акцией. Вот так один тихонько набирал очки и делал карьеру, сохраняя пути к быстрому отступлению, а второй говорил все, как есть, не стремясь удовлетворять любому политическому раскладу. Соответственно, один, крадучись, шел к посту министра, а другой просто оставался честным человеком.

Стоит обратить внимание и на стратегическую линию Гончара и признать ее безошибочность с точки зрения личного успеха. Номенклатурные деятели такого типа готовят себе почву для роста на несколько лет вперед. Они загодя подыскивают себе надежные варианты устойчивого политического роста. Например, вариант "встречных перевозок": ехал в вагоне "Вся власть Советам!", а потом вдруг в какой-то момент пересаживается на встречный состав "Да здравствует сильная исполнительная власть!". Причем, всем еще долгое время кажется, что никакой пересадки не было. Номенклатурный "гончар" един в двух лицах и может материализоваться в том или ином составе в любой момент. Причем игра идет всерьез, каждый раз демонстрируются такие переживания, что хочется плакать. Такой сценический талант!

Сценический талант, ловкое уклонение от конфликтов, невнятность позиции - все это, несомненно, карьерные плюсы для Гончара. Это одновременно и свидетельство того, что Гончар не является самостоятельным общественным деятелем. Гончар скорее годится на роль исполнителя - исполнителя политической роли и чужой политической воли. Он на некоторое время заблудился, попав в представительную власть. Ему прямая дорога в администрацию, в какие-нибудь министры (все равно какие). Попутно можно даже в выборы Президента поиграть.

Гончар стремится всегда быть в лидирующей группе, но не выходить в лидеры. Позиция второго всегда более выгодна, менее уязвима, более экономна с точки зрения расходования сил. Лучше 10 лет быть вторым, чем быть два года первым, а потом никаким. Все бьют по первому, а на этой позиции Гончара никогда нет. Даже когда Гончар выполняет роль председателя, он всегда, в любую минуту стоит в позе подчинения: это не я, это все они меня вынуждают, этого вы сами хотели!

Бороться со "вторыми" бесполезно. Их не стоит пытаться сбить с

номенклатурной стези - все равно любой удар придется по прикрывающей массовке. Их нужно лелеять и захваливать, чтобы "вторых" стало больше. Чтобы они стояли в ряд, соревновались друг с другом, толкались, а не шли мирным цугом за подставляющим свою голову лидером. Когда они начнут гнуть свое "это все они, это все вы", общий гвалт одинаковых голосов выдаст "вторых" с головой. Они станут смешны и безопасны! Многим из них придется будет перестраивать свою карьерную стратегию.

Пока бороться с "гончарами" еще никто не научился. Поэтому ближайшее будущее России, по всей видимости, будет принадлежать именно им.

СОВЕТНИК СЕРЕЖА
(Сергей Станкевич)

Стареющий мальчик с громадными бровями, печальным лицом и в пиджаке не по росту проходит пружинящим шагом по сцене, энергично садится к микрофону и задумчиво смотрит вдаль. Это Сергей Борисович Станкевич в бытность его первым зампредом Моссовета. Позднее он приобрел себе более подходящий его должности костюм и выглядел менее демократично, зато импозантно.

Станкевича мы включаем в наше повествование с некоторыми оговорками. Собственно, С. Станкевич не является законченным номенклатурным типом. Он интересен нам как пример некоего пограничного состояния, в котором нормальные человеческие качества еще не совсем увяли, в котором борьба человека с номенклатурной деградацией собственной личности еще продолжается.

Предбиография Станкевича коротка, как и весь его путь по номенклатурной лестнице. Он закончил истфак педагогического института. Три года преподавал в Институте нефти и газа им. Губкина. Потом долгие девять лет СБ был научным сотрудником Института Всеобщей Истории АН СССР, где в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по современной истории США и в 1987 г. вступил к КПСС.

Злые языки утверждают, что дипломная работа будущего политика (а может быть курсовая или что-то в этом роде) была посвящена книге Генсека КПСС Л. Брежнева "Малая земля". Те же языки говорят, что преподавание в нефтяном институте состояло в заведовании "кабинетом научного коммунизма". Кроме того, сам этот институт вызывает некоторые ассоциации. Возникает вопрос, а не там ли СБ завязал первые контакты с людьми Лужкова и будущими активистами Московского объединения избирателей и "ДемРоссии", пригретыми "губкинцами" в 1989-1990 гг.?

Впрочем, это больше похоже на догадки. Настоящей номенклатурной биографии у Станкевича не складывается.

КОМСОМОЛЬСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Был в свое время изобретен КПСС такой занятный вид идеологической работы среди молодежи - контрпропаганда. Предполагалось, что необходимо всячески разоблачать происки империалистов, стремящихся

околпачить советскую поросль строителей коммунизма. Вот и при Черемушкинском райкоме КПСС Москвы была создана комиссия по контрпропаганде. В этой комиссии и получил Станкевич свое политическое образование. В 1987-1988 гг. ему приходилось составлять для райкома разнообразные справки об идеологической направленности различных неформальных групп и приемах работы партийного актива среди них.

Позднее, вместе с растущей известностью Сергея Борисовича, возник интерес и к его статье в газете "Дружба" (орган Института Дружбы народов), где он писал:

"В перспективе коммунистам следует, по-видимому, стремиться не только реагировать на уже возникшие самодеятельные инициативы, но и целенаправленно способствовать их развитию, действуя через стихийно складывающиеся общественные структуры. Это серьезная идеологическая работа. Она потребует от членов партии иного уровня компетентности, иной самоотдачи. Тут очень важно предусмотреть дифференцированный политический подход. Это означает, что нужно свободно владеть политическими методами, чтобы предотвращать разрастание и движение вправо негативных групп и объединений (антисоциалистических, клерикальных, националистических). В иных случаях различать безапелляционную позицию лидера и более сдержанную - в его окружении <...>. Возникновение параллельных или более широких "охватывающих" структур может содействовать перетягиванию умеренной части "негативных" групп на социально приемлемые позиции. <...>

Коммунисты должны непосредственно (не только извне, но и изнутри) влиять на выдвижение лидеров, на выработку программ, организованных форм, на характер действий социалистических общественных клубов."

Сегодня эти строки выглядят более чем откровенно и даже могут быть истолкованы как организация широкомасштабной работы по подрыву демократического движения. Но тогда это было почти фрондой, почти оппозицией внутри самой КПСС.

Неформалы плодились в первые годы перестройки во множестве - на любой вкус. И Станкевич так увлекся своей второй работой, что сам стал неформалом - сначала членом группы "Народное действие", а потом - членом Московского народного фронта. Здесь оказалось интереснее, чем в райкоме, и с 1988 г. Станкевич уже не ведет партийной работы, хотя и остается членом КПСС до лета 1990 г.

Подобно многим политическим деятелям нашего времени С. Станкевич смог оседлать волну демократизации и с ее помощью приобщиться к власти. Это, бесспорно, был не тонкий расчет, а удачное стечение обстоятельств, когда душевные склонности молодого историка совпали с изменениями в обществе.

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ НАРОДНЫЙ ФРОНТ

В МНФ С. Станкевич не пользовался особым влиянием, хотя и входил в его руководство. Интеллектуалов его уровня там было достаточно. Хотя ни один из этих интеллектуалов не мог похвастаться связями в райкоме

КПСС. Скорее всего именно эти связи позволили Станкевичу пройти фильтр предвыборных собраний в 1989 г. Возможно, местные стратеги номенклатуры КПСС считали Станкевича "засланным казачком". Рассчитывали, вероятно, и на социалистическую ориентацию МНФ, который становился умеренной и скромной оппозицией, говорящей на том же языке, что и правящая партия. А тусовка неформалов наоборот полагала, что проталкивает своего человека через номенклатурные барьеры. Ходила такая листовка: "Плюнем бюрократу в рожу, голосуем за Сережу!". Так или иначе Станкевич воспользовался ситуацией и стал депутатом СССР.

В Московском народном фронте СБ познакомился с примечательными деятелями - В. Боксером и М. Шнейдером (см. главы "Истерическое начало" и "Антиаппарат"), организаторские способности которых тоже помогли нашему герою стать депутатом. Но главным в успехе предвыборной кампании Станкевича стала защита Ельцина. Он написал обращение в поддержку падшего ангела номенклатуры и обеспечил себе симпатии избирателей. Почти все, кто подписал обращение, выборы выиграли. Поэтому С. Станкевича можно считать первооткрывателем "метода паровоза" в российской политической практике. Потом этот метод обеспечил Г. Попову победу на выборах мэра Москвы ("паровозом" снова был Б. Ельцин).

Победив на выборах в депутаты СССР, Станкевич получил главную компенсацию за природную субтильность - ощущение собственной значимости. Люди видели перед собой молодого, энергичного, умного политика, так не похожего на мордастых функционеров КПСС. Станкевич блестяще выступал по любому поводу, приводил ясные аргументы. Его полюбили как расточек демократии, пробившийся сквозь брусчатку тоталитаризма.

Станкевичу мерещились лавры вождя. В начале 1990 г. в первом номере газеты "Позиция", сыгравшей на выборах важнейшую роль в объединении блока "ДемРоссия", Станкевич стал автором размышлений "Феномен Горбачева". Вот одна из его мыслей: *"Вот если бы Горбачев с самого начала обладал серьезной личной властью, и мы три-четыре года пожертвовали бы на авторитарную модернизацию, зажав глотку всем противникам реформ, затянув пояса, апеллируя к народу, объясняя необходимость жертв и трудности, используя полную монополию на средства массовой информации, апеллируя к тем слоям интеллигенции, которые были готовы поддержать авторитарную модернизацию, то перестройка сейчас могла бы действительно гораздо дальше уйти, быть по-настоящему радикальной. Да и экономические результаты были бы значительно лучше. Кстати, поддержка такого варианта была бы широкой. Это в традициях русского либерализма, который именно к ней* (надо полагать, поддержке авторитарной модернизации - А. К.) *тяготеет по стилю мышления."*

Дух захватывает от того, как точно СБ описал политику Ельцина и либерал-большевиков его окружения. Совершенно не понятно, как после этого у "демократа" Станкевича поворачивался язык говорить о многопартийности, верховенстве права и проч. Откровенные мысли наивного периода врастания в политику, скорее всего, временно растворились в диссидентской риторике, принесенной более опытными бойцами с всевластием КПСС. Только их отточенные до глянца идеи могли растрепать

партхозноменклатуру прежней закваски. Заодно полетела в тартарары и вся страна, но это диссидентов уже не волновало. При поддержке Станкевича они сделали свое дело, а заодно расчистили путь "демократам" вроде того же Станкевича.

ВСЕ ВРЕМЯ НА ВИДУ

Станкевич делал себя как политика-народника. Он стремился в народ, в газету, на телеэкран. Пожалуй, он был единственным из депутатов первой генерации, чувствовавшим необходимость быть все время на виду.

Во время первого Съезда народных депутатов Станкевич стал героем Москвы, когда первым вышел к людям - на массовый митинг. Его готовы были носить на руках. А потом вся страна, следившая за съездовским спектаклем по телевидению, увидела как стойко сносил Станкевич визг "агрессивно-послушного большинства", стоя на трибуне. И москвичи радовались, когда их герой холодно и свысока бросил в один из орущих ртов: "Это вы мне?".

В апреле 1989 г. происходят события в Тбилиси, когда впервые в массовом порядке применяются войска для разгона митинга на главной площади города. Станкевич входит в группу депутатов СССР, ведущих расследование. Тут, правда, его оттесняет блистательный оратор Собчак. Оттесняет, чтобы блеснуть эрудицией и похоронить дело навсегда.

В июле 1989 г. шахтерские районы захлестнули забастовки. Это было ново. И Станкевич отправляется к забастовщикам. Он спускается в шахту и предстает перед телекамерой с вымазанным угольной пылью лицом. Для того, чтобы в таком виде его узнали телезрители, пришлось представиться телеоператору: "Я - Сергей Станкевич". В последующей жизни этого уже не требовалось. Мягкую картавость Станкевича легко узнавала вся страна.

В начале 1991 г. в Вильнюсе происходит репетиция военного переворота. Захвачен телецентр, танки идут по улицам города, солдатня бьет прикладами демонстрантов. Московские демократы возмущены. Депутаты Москвы (районные, городские и российские) устраивают демонстрацию, которая проходит через Красную площадь, размахивая своими мандатами. Когда депутатская демонстрация выходит к Манежу, Станкевич уже там, контролирует мегафон и бортовую машину, ставшую трибуной. Он говорит что-то не слишком гневное, но отчетливо выражает "недоумение" поведением властей, и его слушают, продолжая любить.

В августе 1991 г. - путч ГКЧП. Станкевич остался не в Моссовете, где ему надлежало быть по должности, а бросился в Белый Дом - к микрофону. Вся "героическая оборона" была наполнена звуком его голоса. Это был настоящий трибун демократии.

Станкевич умел быть там, куда были направлены телекамеры, где в изобилии роились журналисты. Это умение, казалось, обеспечивало ему большое будущее. Но в действиях Станкевича всегда не хватало прочности, профессиональной закалки, умения упорно удерживать политические рубежи.

МОССОВЕТОВСКИЙ МАНИПУЛЯТОР

Станкевич, конечно же, никогда не был номенклатурным генералом. Он как бы все время на подхвате, на вторых ролях. Такой образованный, англоговорящий, демократичный... Демократизм Станкевича, очаровывал иностранцев и людей невысокого культурного уровня. Секретарши были без ума от него.

Станкевич был бесспорным лидером общественного мнения. Но, встроившись в далеко не бескорыстную команду Ельцина, он вынужден был считаться с ней. Станкевича просто заставили уступить первенство в Моссовете Г. Попову. Тот при голосовании на пост председателя Моссовета набрал всего-то 280 голосов (минимально необходимое число составляло 235 голосов), а Станкевич, баллотировавшийся на пост первого заместителя, получил 332 голоса.

Один раз уступив, Станкевич потом уступал всюду и даже как будто впал в немилость у фортуны. Его молодой задор был подорван. В Моссовете Станкевич стал подмастерьем при Г. Попове и единственное, на что он сгодился для новой номенклатуры, так это на поддержку своего патрона. Нужен был в свите такой интеллигент с увядающим шлейфом народной любви. Весомость его выступлений создавалась тем, что выступал Станкевич редко. Иногда казалось, что он в чем-то не согласен с Поповым, от того и молчит. Но дело было иначе. Просто Станкевич хорошо играл отведенную ему роль. И проговаривался редко.

Одна из таких оговорок возникла еще до первой сессии Моссовета. На депутатском собрании развернулась дискуссия о том, насколько конструктивно создавать в Моссовете политические блоки. Кто-то бросил фразу, что вся история показывает обреченность блоковой политики. Станкевич возразил, что история как раз показывает обреченность монолитного единства. Но через минуту тот же Станкевич пожелал монолитного единства блоку "ДемРоссия". Коммунисты в зале ехидно захихикали. А демократы пропустили мимо ушей столь важную оговорку. А ведь тут был "засвечен" важный принцип закулисной политики. Он состоит в том, что "у нас" должно быть действительно монолитное единство, а у всех остальных - плюрализм и разномыслие. Ошибка Станкевича состояла в том, что принцип сплоченности своего "ордена меченосцев" он огласил публично, и его недоброжелателям стал виден политический цинизм.

В дальнейшем удивительный Сергей Борисович до того осторожничал, что ни в коем случае старался не высказать своего мнения. Битый час обсуждается вопрос, относящийся к компетенции исполнительных органов власти, а потом СБ подводит черту: *"Итак, есть мнение за это предложение и есть мнение против этого предложения. У уважаемых депутатов есть возможность определиться голосованием. И аргументы "за" весомы, и аргументы "против" достаточно весомы. Депутаты суверенны в том, чтобы принять соответствующее решение. Итак, кто за то, чтобы санкцию на две визитки на одну фамилию дать. Прошу поднять мандаты......... 90. Решение не принято."*

Речь шла о том, чтобы по визиткам покупателя, введенным для москвичей Поповым, выдавать продовольственные товары по двойному нормативу тем, кто предъявит две визитки с одинаковой фамилией. Так решили (в конце концов все-таки решили) облегчить закупки для одной семьи. Бестолковщины от этого не убавилось. Бывают ведь и у родственников

разные фамилии, и большие семьи, и соседи-инвалиды...

Возникает вопрос, кто же кому навязывал частные вопросы, которые по смыслу своему принадлежат области текущего управления? Вне всякого сомнения, аппарат подсовывал эти вопросы депутатам с ведома и по особому благорасположению тандема Попов-Станкевич. Не зря же лидер всей московской торговли В. Карнаухов вываливал на сессию груду цифири и всяческих соображений по колбасам, сырам, картошке и т. п. Наверняка утверждать явный сговор нельзя, но оснований для предположения вполне достаточно.

Как-то раз Станкевич огласил свой принцип ведения сессии: *"Для меня сигнал к постановке вопроса на голосование - отсутствие депутатов у микрофонов".* Так и получалось день за днем: очередь у микрофонов не иссякала, и ее всегда можно было пополнить вопросом :"Какие будут предложения?" Игра в первый-второй микрофон с комментариями любой реплики, которые перекрывали по времени все реплики вместе взятые, - стихия Станкевича. Зато по форме все корректно, интеллигентно, а иногда и с тонким юмором. Станкевич усиленно играл роль власти в президиуме сессии, доступной только через этот злополучный микрофон и никак иначе. Поэтому микрофону скучать было некогда.

Пустопорожняя трата интеллекта стала для Станкевича работой.

ЛЮБИТЕЛЬ ПРЕЗЕНТАЦИЙ

С первых дней существования Моссовета нового состава С. Станкевич заявил, что представительный орган должен стать крупнейшей коммерческой организацией города и попытался взять процесс приватизации под себя. Не вышло. Более могучие руки ухватились за это дело, и Станкевича отодвинули на обочину. Ему оставалось только участвовать в презентациях - как известному демократу.

Сергей Борисович с помпой открывал отреставрированный по западным стандартам "Пассаж". Магазин стал сверхреспектабельным и сверхдорогим. Прибыль потекла в карманы частных лиц, а средства города, на которые было создано это великолепие, сыграли роль безвозвратной ссуды, а проще говоря - подарка. Он же возглавлял правление чуть ли не единственного в то время коммерческого Мосбизнесбанка. (После запрета на совмещение должностей удержать контроль над банковской сферой Станкевич не смог.) Он же готовил шоу-фестиваль на Красной площади и выбивал миллионные ресурсы в валюте. (Пробиться в сферу шоу-бизнеса Станкевичу не дали, фестиваль провалился.)

Из воспоминаний депутата Моссовета Г. С. Иванцова:

"В 1991 г. группой депутатов Моссовета была предпринята попытка создания кадрового центра Моссовета, призванного осуществлять подбор людей на ведущие посты в управлении городом на основе конкурсного принципа. Предложение было изложено С. Станкевичу. Он выслушал и одобрил. Совместно со специалистами началась работа над созданием нормативных документов. За несколько месяцев работа была сделана и прошла экспертизу в организациях, занимающихся кадровыми вопросами. Несмотря на то, что у Станкевича постоянно не было времени, за этот период несколько раз накоротке удавалось информировать его о ходе дел. И когда все

документы были подобраны, разосланы в депутатские комиссии, то для вынесения их на заседание Президиума Моссовета необходимо было чисто формально получить "добро" от курирующего эту проблему. Он же, замотанный постоянными командировками за рубеж, многочисленными презентациями и пресс-конференциями, уставший от разрезания красных ленточек, не успевал заниматься подобными делами.

Итог работе по созданию кадрового центра был подведен резолюцией примерно такого содержания: "Секретарю Президиума Соколову. Прошу передать в профильные комиссии для рассмотрения целесообразности постановки вопроса." Увидев эту резолюция, я был обескуражен. Так не мог ответить человек, знающий о многомесячной работе. Такое могло произойти только в том случае, если Сергей Борисович рассматривал эту деятельность в качестве периферийной в системе своих интересов или даже нежелательной.

Потом Станкевича эти самые кадры, которыми он не захотел заниматься, убрали и из Моссовета, и из Кремля. И в одной из телепередач он жаловался на то, что ему отключили телефон, лишили пропуска в Кремль. Вот и расплата за любовь к презентациям.

А номенклатуре кадровый центр не нужен."

Справка:

Список должностных лиц, которые должны утверждаться Моссоветом составлял в 1990 году около 5000 человек, из них 3300 должны были избираться непосредственно на сессии. Избран же был только председатель исполкома Лужков.

В презентациях С. Станкевич искал не бесплатных бутербродов. Он презентовал себя. А для этого годились не только разрезания шелковых ленточек. Ради представления публике Станкевич готов был весь Моссовет вывезти на картофельные поля. Его образ с ведром только что выкопанной из колхозной земли картошки был возвышен и целеустремлен. Политики-демократы и московский люд, годами выгоняемый в поля, были едины в своих заботах.

В другой раз ради красного словца С. Станкевич в телепередаче объявил о включении "горячего телефона", по которому москвичи могут сообщать о всех безобразиях, творящихся в системе московской торговли. Был назван, а потом и напечатан в газетах номер телефона депутатской комиссии по потребительскому рынку. Телефон на десятимиллионный город был один. Обвал звонков накрыл комиссию, а точнее двух-трех энтузиастов, пытавшихся помочь тем, кто дозвонился по самому популярному телефону Москвы. Ну а Станкевич у этого телефона ни разу не появился, да и не поинтересовался его судьбой. Дело было сделано, телепрезентация прошла, а там - хоть трава не расти.

В дальнейшем, пока депутаты рубились вокруг повышения цен, приватизации квартир и т. п., Станкевич предпочитал заниматься беспроигрышными делами, тем, против чего никто не возражал, где можно было набирать только положительные очки. "Кто этим занимается? Сергей Борисович? Звезду на грудь!"

УСЛУГА НОМЕНКЛАТУРЕ

Первая серьезная услуга, оказанная С. Станкевичем номенклатуре - это использование своего авторитета для того, чтобы блокировать назначение на пост начальника ГУВД Москвы опытного профессионала и

специалиста по борьбе с организованной преступностью генерала В. Комиссарова. Решение этой задачи для номенклатуры укладывалось в более широкую программу. Ей требовалось провести на посты в исполкоме Моссовета прежних своих ставленников, завязанных в густую паутину связей "ты мне - я тебе" и круговую поруку криминальщины.

В нужный момент С. Станкевич бросил весь свой авторитет на чашу весов: *"... категорически настаиваю на том, чтобы председателю исполкома Моссовета была предоставлена возможность предложить свою команду, сформировать группу тех людей, с которыми он мог бы эффективно работать, и предложить их на утверждение сессии"* ("НГ", 10.01.91). Только первая часть этой фразы была правдой. Станкевич боролся за монополию номенклатуры на власть, за ее право решать все кадровые вопросы. Буквально через несколько дней Станкевич уже поддерживал идею списочного утверждения состава исполкома без всякого обсуждения. Станкевич поддерживал Лужкова всеми своими силами: *"... я за истекшие месяцы проникся к Юрию Михайловичу глубоким уважением. Я считаю, что столичное городское хозяйство в нынешней критической ситуации в значительной степени держится на его феноменальной работоспособности, на его могучих плечах."* (там же).

На второй сессии Моссовета Станкевич опустился до того, что обвинил тех, кто добивался законного назначения на должность начальника ГУВД генерала Комиссарова, в сознательной провокации с целью дестабилизировать ситуацию в городе ("МП", 08.02.91).

Станкевич знал, на какие плечи опереться. Он угадал вектор политической воли номенклатуры. Но вот с оценкой своего места - явно ошибся. Он надеялся на место среди тяжелых фигур новой власти, а стал всего лишь разменной пешкой.

С ДЕПУТАТАМИ НЕ ПО ПУТИ

Станкевич остро чувствовал перспективу и выбирал для себя позицию силы. К июню 1991 г. он еще мог пробудить прежнюю любовь к себе среди депутатов и стать председателем Моссовета. Стоило лишь несколько раз встать на их сторону в противостоянии с исполнительными структурами, выступить с программой работы Моссовета и предложениями по повышению эффективности деятельности депутатов. Но Станкевич не стал этого делать. Выигрыш был для него слишком незначительным, а возможность разрыва с командой Ельцина - опасной.

Станкевич ясно видел обреченность Моссовета. Он говорил своим избирателям: *"...даже если удается путем многочисленных согласований добиться, чтобы Моссоветом было принято какое-то разумное решение, обеспечение его исполнения требует титанических усилий, для которого сплошь и рядом не хватает достаточного количества профессионалов и финансовых возможностей. Не хватает возможностей подкрепить свои решения некой принудительной силой государства, настоять на их выполнении. А это крайне необходимо: создать такую ситуацию, когда неисполнение решения карается в соответствии с законом."* ("НГ", 06.06.91).

И выбор делается в пользу номенклатуры: *"Чисто*

представительские органы власти, которым переданы полные права и неограниченное время отведено для дискуссий и согласований, хороши для стран, где имеются устоявшиеся системы, пребывающих в спокойном периоде. Но в периоды интенсивных реформаторских преобразований не может быть абсолютного равновесия сил. Должна доминировать сильная исполнительная государственная власть."

Станкевич был абсолютно прав. Прав, как теоретик. Ибо ни разу он не высказал свое видение ситуации депутатам, не попытался собрать сторонников, превратить теоретические построения в практические действия. Он просто пошел "во власть".

Все рассуждения сводились к одному: готов служить. Позиция Станкевича была и ударом по Моссовету, и одновременно "брачным объявлением" (подобным тому, с каким Н. Гончар обращался к ВПК). Оставалось ждать претендентов на подписание брачного контракта. И повод заключить новый политический контракт, избавивший Станкевича от мучительных ожиданий, представился.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРАНСЛЯТОР

Станкевич умел в нужный момент оказаться в нужном месте при микрофоне и информации. Во время путча 1991 г. он стал глоткой сопротивления ГКЧП (победа, в основном, и была добыта горлом). Вся информация транслировалась его узнаваемым голосом в усилители и разносилась в души защитников Белого Дома. Любая поступавшая информация и дезинформация принималась сначала с голоса Станкевича. Подобно психотерапевту телевизионного профиля, он все время напоминал защитникам парламента: "Я с вами!"

Человек работал в поте лица, понимая, что такой возможности для набора политического веса у него больше может не быть. И опять Станкевич просчитался, опять не подкрепил недолговечную любовь толпы солидным административным весом. Об этом говорит явно проигрышная позиция Станкевича уже в следующие после путча дни.

Президент Российской товарно-сырьевой биржи К. Боровой со своими брокерами, отмечая провал августовского путча, принял решение снести памятник Дзержинскому. Станкевич пытался и тут стать героем - остановить толпу. Кричал что-то вроде того, что "железный Феликс" может свалиться и пробить своды метро. В его распоряжении были мощные динамики, но толпа не хотела слушать своего вчерашнего кумира. Под покровом ночи обстановку разредили те, кто действительно выиграл в августе. "Железного Феликса" демонтировали с помощью мощной строительной техники.

Станкевич назвал "хунвейбинских специалистов по сносу памятников" случайными людьми (телебеседа 27.08.91). Но случайным в этом спектакле оказался все-таки сам Станкевич, получивший от Ельцина за свои микрофонные страдания лишь пост советника.

Телеведущий (кто-то из легких фигур номенклатуры) в передаче об августовских событиях заискивающе напомнил, что 20 августа 1991 г. господин Станкевич лучился уверенностью в победе. И Станкевич разыграл предложенную комбинацию, кокетливо отрицая такой примитивный образ. За

внешней уверенностью, как оказалось, скрывался глубоко переживающий человек. Он, как выяснялось на глазах телезрителей, был уверен в установлении полувоенного режима на 5-7 лет.

Это был действительно спектакль. Зрители жаждали на политической сцене именно таких героев, и им было неинтересно что творится за кулисами. А для Станкевича закулисная игра оказалась в конечном счете слишком сложной, и он снова проиграл почти все.

В ТЕНЬ ЗА СПИНУ ЕЛЬЦИНА

Станкевича всегда обманывали. Имея реальные шансы стать председателем Моссовета, он вынужден был довольствоваться ролью заместителя Г. Попова. И это несмотря на то, что его рейтинг в депутатской среде был выше поповского.

Второй раз Станкевича обманули, не взяв его в мэрию. Оставили на растерзание депутатам, которые причислили его к арьергардному отряду "поповцев", бившемуся против Моссовета на сессиях.

С трудом подыскали Станкевичу место при Президенте. Стал он советником по политическим вопросам, а заодно возглавил Российский общественно-политический центр (РОПЦ) - эдакое общежитие многопартийности в помещениях бывшего ЦК ВЛКСМ. Казалось бы, есть хороший задел для расширения своего влияния, налаживания связей с различными политическими группировками. Это требовало черновой работы, к которой Станкевич не был склонен.

Уже в 1992 г. Станкевич видел, что в московских политических тусовках собираются те же люди, что и в 1987. Те же лица (примерно 500 человек на всю Москву), с теми же разговорами, с той же неспособностью договариваться, с теми же не обеспеченными ни интеллектом, ни ресурсами амбициями. Он был уверен, что христианские демократы Аксючица никогда не договорятся с социал-демократами Румянцева. Вкладывать сюда силы было, с его точки зрения, совершенно бесполезно. Поэтому оставленный на произвол администраторов РОПЦ стал по сути дела пристанищем мелких коммерсантов, рядящихся в политиков.

Станкевича занимали более глобальные проблемы - строительства Государства Российского. Была надежда у госсоветника Станкевича, что в эту работу можно будет втянуть и Ельцина. С небольшой группой единомышленников он разработал пакет документов и положил их на стол Президенту. А дальше состоялось столкновение с суровой правдой жизни. *"Фактически Госсовет блокирован,* - по итогам своей работы судил Станкевич, - *Мои документы были потеряны и потом найдены среди черновиков спустя два месяца. Я мог бы рассказать массу фантастических историй. Откровенно говоря, я имел некие представления об этом мире, но реальность меня просто поразила..."* ("МК", 05.10.91). Как тут не вспомнить судьбу пакета документов по кадровому центру Моссовета!

Станкевич с молодой наивностью и восторженностью влетел на политическую кухню Ельцина и остолбенел: на него повеяло могильным холодком эпохи застоя. *"Это привычный аппаратно-номенклатурный стиль, он тоже имеет свои преимущества, он обкатывался годами. Ведущим рычагом является там метод аппаратного лабиринта, в котором при*

желании можно породить любой документ и погубить любой документ. В зависимости от того, что нужно в данном случае. Все виды аппаратной интриги задействованы, и бороться с командой, исповедующей этот стиль, имеющей соответствующую квалификацию, бессмысленно. Для этого нужно стать такой же командой." (там же).

Получалось, что вместо доверительного и демократичного общения с лидером, Станкевичу предоставили лишь место и право участвовать в номенклатурных интригах. Вместо совместных мозговых штурмов с участием Ельцина пришлось ограничиваться скоротечными и редкими встречами. И Станкевич постепенно смирился, растворяясь в тени Президента.

ХУДЕНЬКИЙ ДЕРЖАВНИК

Еще в 1991 г. от Станкевича стали исходить претензии на создание идеологии - некоего "консервативного прогрессизма". Никто не понимал, что это такое, и признанного демократа старались об этом подробно не расспрашивать.

В 1992 г. Станкевич собирался создать мощное ("мощное" - любимое слово больных маниловщиной демократов) державное движение и целую индустрию державных изданий. Он даже выступил с программной речью на молодежном конгрессе "Будущие лидеры нового тысячелетия" (забавы недавних комсомольцев и действующих "поповцев"). Станкевич говорил о том, что с реформами нельзя торопиться, что не надо взнуздывать Россию, что реформы должны постепенно укорениться. Звучало все это в устах советника Президента очень свежо. "Почему же Ельцин не слушает своего политического советника?" - недоумевали наиболее заинтересованные участники молодежного конгресса. Скорее всего, в этот период Ельцин уже перестал обращать внимание на своего пажа, на то, что он думает и о чем говорит.

Был в то время еще один прожект - двуглавые орлы на башнях Кремля. У Станкевича в кабинете даже появился эскиз нового облика резиденции русских царей и генсеков номенклатуры. Но и это дело тоже не выгорело. Номенклатура более высокого ранга приоритеты не уступала. Пусть на монетах появились эти самые орлы, лишенные всех атрибутов власти ("менее сердитые" - по выражению Г. Бурбулиса, "чернобыльская курица" - по народному определению), но приоритет уже был перехвачен. Потом тот же Ельцин, демонстрируя свою приверженность традиционной российской символике, вернул орлу все отнятое (кроме самой России). И Станкевичу очередная презентация окончательно "обломилась".

Дело с крупномасштабной державностью кончилось слабосильной газетой "Ступени" и последующим присоединением к партии С. Шахрая (о "заслугах" последнего перед Москвой см. в главе "Приказ: столицу сдать").

РЯДОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

После расстрела парламента С. Станкевич понял, что режим обречен, и оставаться при Президенте становится весьма недальновидным. Использовав близость к Президенту для успеха шахраевской партии ПРЕС на

выборах в Госдуму, Станкевич тихо-мирно ушел с поста советника Ельцина по политическим вопросам. Это выглядело лишь как легкая оппозиционность при сохранении фундаментальной лояльности, поскольку Станкевич постарался всячески подчеркнуть отсутствие разногласий с Ельциным. Было ясно, что разногласия все-таки есть. Они только в силу врожденной интеллигентности не оглашаются публично.

Станкевич разжаловал сам себя. Сыграть роль второго Бурбулиса при Ельцине не удалось. Тихо снял Станкевич погоны флигель-адьютанта и пошел служить в парламент к Шахраю во фракции ПРЕС. Должностишка мелкая, но хотя бы паленым не пахнет. А когда Ельцин "сгорит" вместе со своими соратниками, то можно рассчитывать не только на снисхождение, но и на новые вакансии на политическом Олимпе.

Чем в Думе занимается Станкевич? А ничем. Как и большинство, просто ждет. Старая партия сыграна, новая еще не началась. Среди фигур прошлого чемпионата номенклатуры места не нашлось, быть может в новом повезет больше. Вот и стал Сергей Станкевич тишайшим депутатом.

В сентябре 1994 г. Ельцин расквитался со Станкевичем за тихий уход из его команды. "Московский комсомолец" (15.09.94) опубликовал хамскую статью, обвиняя Станкевича во взяточничестве, а через несколько дней он был снят с последней почетной должности - с поста председателя совета Российского общественно-политического центра. С должностишкой при Шахрае тоже пришлось расстаться. Новый политический патрон привычно пнул лежачего, предложив Станкевичу приостановить свое членство в ПРЕСе.

Итак, Станкевич окончательно пошел на дно. Ему осталось проиграть очередные выборы, чтобы пойти служить в мелкие клерки. Жаль, искренне жаль...

СВОРА

В предыдущих главах мы уже давали в комментариях биографические справки о тех, кто помогал номенклатуре разрушать Москву. В последующих главах этих справок тоже будет немало. Но всех не перечесть. Ведь сформировался (или был намеренно сформирован) целый чиновничий слой, специализировавшийся на прикрытии номенклатурного произвола. Часть этого слоя вела арьергардные бои в Моссовете, часть перешла в мэрию и по старой памяти давила представительную власть. Депутатам как бы постоянно приходилось бороться с одними и теми же лицами - выходцами из собственной среды. А чиновники тем временем занимались своим делом - набивали карманы.

Сразу после подавления путча ГКЧП Г. Попов, исходя из "революционной целесообразности", решил приобщиться к дележу собственности и власти, оставшихся после краха КПСС. Геофизик Савостьянов возглавил московский КГБ, врач Боксер стал руководителем национальной гвардии Москвы и был представлен на должность заместителя начальника московской милиции (молодой "гвардии", правда, оказалось удобнее рассеяться по конспиративным подвалам), редактор газеты В. Миронов стал главным контролером Москвы и также представлялся на должность замначальника ГУВД. Начальником ГУВД Попов пытался сделать

своего бывшего зама по журналу "Вопросы экономики" экономиста Красавченко, но у того хватило ума отказаться. Зато физик Мурашев поддался соблазну доказать, что настоящие демократы не боятся трудностей и общественного мнения.

О подобных деятелях мы уже рассказывали и кратко расскажем в других главах. А сейчас остановимся на некоторых других номенклатурных кадрах. Они нам интересны, как массовка для мятежа номенклатуры.

ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ

Номенклатуре нужна была смена. Геронтократический метод подбора кадров себя не оправдывал. Кандидатуры, готовые верно служить, нашлись без особого труда. Одним из первых в "буферную группу" между Моссоветом и исполнительными структурами вошел Константин Буравлев.

Если бы К. Буравлев занимался предпринимательством - своим заводом керамической плитки (ПО "Гончар") - остался бы, возможно, приличным человеком. Потянуло на политику. А "Гончар" продолжал процветать без своего молодого директора, неизменно публикуя рекламу на первой странице популярной в деловых кругах газеты.

Предвыборная речь Буравлева (1990 г.) в качестве кандидата на пост председателя комиссии Моссовета по градостроительству была столь пустой и глупой, что даже "деморосы" забеспокоились. Но Буравлев не забыл напомнить - он член КПСС с 1979 года. И получил голосов больше, чем Г. Попов при избрании председателем. Коммунисты всех фракций поддержали юного строителя.

Лужков взял Буравлева к себе, возможно, по своей давней любви к кооператорам. С 1991 г. Буравлев становится зампредом Мосстройкомитета. Главные его заслуги перед номенклатурными приватизаторами состояли в том, что возглавляемая Буравлевым комиссия по приватизации стройкомплекса решала все вопросы в их пользу. Став окончательно "своим", Буравлев был пожалован в вице-премьеры Правительства Москвы и начал заведовать всем комплексом московской экономики.

Наш молодой строитель в этом качестве был главным буфером, выставляемым администрацией Москвы на сессии Моссовета вместо Лужкова. Чувствуя поощрительную поддержку со стороны Лужкова, Буравлев смел отстаивать перед депутатами проект горбюджета, не смысля в этом деле, как говорится, "ни уха, ни рыла". Ни разу он не смог ответить ни на один вопрос. Лужков знал, что делал. Непрофессионализм и нагловатые ухватки Буравлева вызывали естественное раздражение и ответную реакцию депутатов. Поэтому в удобный момент можно было "обижаться" на депутатов, делая вид, что всегда готов к сотрудничеству (о подобной обиде мы упомянули в главе "Без шансов на успех").

О квалификации Буравлева говорит хотя бы такой эпизод. На заседании Правительства Москвы обсуждается вопрос о льготах для предприятий службы быта. Справедливо говорится о том, что эти предприятия давно стали самостоятельными, и кормить их за счет бюджета нельзя. Буравлев возражает, объявляя, что раньше он всегда доплачивал парикмахерам, а это значит, что служба быта уже с незапамятных времен живет в рыночных условиях, но это не означает, что раньше для нее не

существовало льгот. Такая вот "аргументация" в стиле Гавриила Попова.

Большие заслуги перед Лужковым позволили Буравлеву войти в круг избранных, где не только должности и привилегии раздают, а еще и "запасными аэродромами" обеспечивают. Таким аэродромом для юного строителя стал Московский инвестиционный фонд (МИФ), созданный старыми (еще коммунистической выделки) банками для сбора ваучеров у населения. Тут Буравлев получил место в составе руководящего органа.

Говорят, ко всему прочему, что Буравлев породнился с московской элитой, став зятем одного из первых сподручных Лужкова. Вот вам и механизм проникновения в номенклатурную семью. А дальнейшие шаги делаются, например, так. В августе 1994 г. К. Буравлев принял участие в теннисном турнире номенклатуры высшего ранга "Большая шляпа", проходившем в Сочи. Играть и развлекаться здесь можно с членами правительства и особами, приближенными к уху Ельцина. Это не просто большая честь (если можно говорить о чести подобных людей), здесь делается карьера.

* * *

О втором молодом строителе мы упомянем лишь вскользь. Это Николай Маслов. Безвестный инженер-строитель в 1990 г. был избран трудовым коллективом директором предприятия коммунального хозяйства и почти одновременно - депутатом Моссовета. В Моссовете Маслов руководил комиссией по городскому хозяйству и пробивал приватизацию жилья в самом упрощенном варианте - например, он выступал против введения льгот для коренных москвичей. Но и этот проект был Н. Масловым с легкостью отброшен в сторону после решения Ельцина-Попова о бесплатной приватизации жилья. Перечить сильным мира сего не стоило.

Платой за покладистость стал пост заместителя руководителя Департамента муниципального жилья в администрации Москвы. Немного засидевшись на этом промежуточном для настоящего карьериста посту, Н. Маслов решил поиграть в "политику". Он организовал партию народного согласия - этакую подделку под патриотическую организацию на базе административно-номенклатурной среды. Возвышенные слова о необходимости прихода к власти честных политиков, о фальсификации результатов последних выборов, об отсутствии у руководства страны действенной программы реформ, выдвижение Масловым тезиса о "нравственной экономике" - все это создает ему имидж радетеля за народное благо. И вот уже кое-кто готов чуть ли не всерьез рассматривать Н. Маслова, как потенциального претендента на пост Президента России ("Мегаполис-континент", № 27, 1994).

В данном случае мы видим, как номенклатура, скупив молодую поросль карьеристов, начинает играть пешками сразу по всем направлениям - авось одна из пешек пройдет в ферзи. Каждой пешке дают импульс в виде должности, а потом можно просто ждать результата. Ибо пешка сама будет энергично искать пути к ферзевому росту.

СКРОМНЫЙ ИНЖЕНЕР

Как-то раз Лужков в интервью любимому им "МК" говорил о том, что свое продвижение вверх по номенклатурной лестнице он "карьерой" не считает. *"Карьера - это когда старший инженер заштатного НИИ становится председателем парламентской комиссии. Вот это взлет!"* ("МК", 19.08.92), Кого имел в виду Лужков - не ясно, но рядом с собой подобных карьеристов держал. Один из них - Василий Шахновский, сумевший прибрать к рукам всю кадровую политику при всесильном мэре.

Из скромных инженеров В. Шахновский попал в Моссовет. Его участие в выборах отмечено неприличной историей с агитацией против коллеги по блоку "Демократическая Россия". (Заметим кстати, что в подобном нарушении этики предвыборной борьбы был публично уличен и другой "поповец" - будущий генерал КГБ, а тогда безвестный инженер Е. Савостьянов). Перед вторым туром голосования Шахновский распространил листовки, в которых исключил своего оппонента из списка демократов. И ничего, что сам Шахновский был членом КПСС, а его соперник - нет. Зато это обеспечило победу на выборах.

В Моссовете Шахновский стал одним из ближайших помощников Г. Попова, и до того привязался к патрону, что ушел вместе с ним в мэрию. Назначенный на хозяйственную должность - начальником Управления делами мэрии - быстро превратился в одну из ключевых фигур московской администрации. С тех пор, как Г. Попов оставил пост мэра, на заседаниях Правительства Москвы по правую руку от Лужкова можно видеть молодого человека с ехидной ухмылкой. Это - тот самый В. Шахновский.

В критические для Лужкова моменты В. Шахновский появлялся на московском ТВ в компании с начальником горуправления Министерства безопасности Е. Савостьяновым (июнь 1992 г., май 1993 г.) или представлял Правительство Москвы перед журналистами (в июне 1992 г. после решения Моссовета о выборах мэра). Его единственной мыслью, которая звучала всегда и всегда нравилась пишущей братии, была мысль об устаревшем и запутанном законодательстве, которое исполнять нет никакой мочи. Примерно это выглядело так ("Куранты", 03.12.92): *"Дело в том, что события развиваются столь стремительно, что законодательство не поспевает за жизнью. А она ежедневно ставит все новые проблемы, которые надо оперативно решать. Вот тут-то устаревшие законы и вступают в противоречие с реальностью. Лично я - за эволюционный путь преобразований. Если бы мы шли этим путем, то и законодательство совершенствовалось бы эволюционно. А когда общество пытается перейти в качественно новое состояние методом рывка, скачка, как это наблюдается у нас, тогда непременно образуется большой разрыв между законом и жизнью. В подобных случаях все страны в переходной период действовали на основе декретов. Вот тут-то наши Советы и могли бы оказать исполнительным органам реальную помощь путем разработки таких нормативных актов, которые бы развязали исполнителю руки, не делали из него нарушителя."* И каким же махровым большевизмом, надо отметить, несет от этих рассуждений!

С этим демосовковым мировоззрением Шахновский и был нужен номенклатуре. Именно с таким мировоззрением и стал он активнейшим участником разгрома парламента в 1993 г. Как настоящий большевик, брал он в заложники своих бывших коллег по Моссовету для обмена на своего нынешнего коллегу по мэрии А. Брагинского или ответной казни.

Говорят, что Шахновский был принят в номенклатурную среду тоже по родственному признаку. Как и Буравлеву, хорошим подспорьем в номенклатурной карьере ему послужили родители жены. Как видим, судьба молодых номенклатурных "кадров" в чем-то сходна.

ДЕМОКРАТ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Готовность бросить все и начать с чистого листа возникает у нормальных людей чаще всего от неуспеха и разочарования. У деятелей номенклатуры - от почетных предложений (вспомним приглашение Лужкова в Мосагропром).

Вот так и доктор физико-математических наук А. Брагинский, профессор Института инженеров железнодорожного транспорта, сменил профессию, поруководив сначала комиссией Моссовета по науке и технике, а потом перейдя в мэрию вице-премьером и все время меняя профиль своего вице-премьерства.

В одном из своих первых интервью по телевидению заместитель генерального директора Департамента мэра А. Брагинский неожиданно для себя узнал, что в городе плохо с продовольствием. Для него угроза голодухи была неожиданностью - прямо так и сказал ("Правда", 03.12.91). Да и откуда было взяться опыту, в том числе и чисто человеческому, не должностному?

Для нужного, но неопытного Брагинского в мэрии специально был создан Департамент социально-культурных отраслей. Якобы с целью объединения бюджетных отраслей управления, имеющих сходные проблемы в рыночной системе (культура, образование, здравоохранение, наука и спорт). Нелепость затеи была очевидна почти всем. Но Брагинский объяснил протесты Моссовета и администраторов всех уровней всеобщим дурным менталитетом ("Ъ", № 26, 1992). Три месяца администрация морочила себе голову и, наконец, отказалась от своей инициативы.

А. Брагинский, бывший депутат Моссовета, переметнувшийся на теплое местечко близ Попова, а потом пригретый Лужковым, утверждал, что депутат должен заботиться только о своем микрорайоне - о крышах, благоустройстве, отоплении... ("Тверская-13", 22.04.93). Ну а об остальном позаботится мэрия - о городских финансах, собственности и т. п. Отлично позаботится. Лишь бы никто через плечо не подглядывал и не попискивал в оппозиционной прессе: воруют, мол.

Помалкивал "бывший", что сам то он вовсе не отоплением в Моссовете занимался, и не о протекающих крышах заботился, угнездившись в мэрии. Он создавал очередную номенклатурную партию - Партию демократических реформ, которую сам и возглавил, чтобы потом гордо восседать на так называемом Конституционном совещании. Знакомство с сильными мира сего позволило без проблем пройти регистрацию псевдопартии (якобы имеются целых 44 региональных отделения!) и даже съездить за границу под видом большого защитника демократии. Не случайно и возглавляемый Брагинским Департамент общественных и политических связей мэрии был больше похож на партийный штаб. Штаб, который всячески противодействовал попыткам поддержать становление многопартийности (см. главу "Номенклатура против многопартийности").

А вот о чем позаботились хозяева Брагинского. Спецдом для

демократов выстроен на ул. Зелинского. Квартиры получили вице-премьер московского правительства, ставший депутатом Госдумы А. Брагинский, начальник ГУВД Панкратов и недолговечный министр соцобеспечения Э. Памфилова, боровшаяся всю свою сознательную жизнь с привилегиями. ("Оппозиция", № 6, 1994). Вот за такую мизерную плату обменял Брагинский науку на административное упоение.

И все-таки не ужился Брагинский с Лужковым, который так и не смог подобрать ему место, чтобы уж совсем ничего не нужно было делать. Пришлось Брагинскому переквалифицироваться в депутаты. Бывший вице-премьер Москвы, обалдев от своей победы на выборах в Госдуму (спасибо МГУ за такого депутата!), на страницах "МК" опубликовал свои восторженные вирши о думском единстве. Вероятно испуг перед "красно-коричневыми", прихватившими его в мэрии в октябре 1993 г. и державшими несколько часов под арестом, не прошел даром. Вот г-н Шахновский, вызволивший Брагинского из плена угрозами расправы над депутатами Моссовета, на выборы не пошел и умом не подвинулся.

А Брагинский оказался слабеньким. В Госдуме он окончательно сошел с рельсов, долго болел и скоро превратился в выкидыш родной для него номенклатурной системы.

ПРИПАВШИЕ К ИСТОЧНИКУ

Припавший к источнику информации, который контролируется сильными мира сего, никогда не останется внакладе. Надежно, выгодно, удобно. Здесь людям в годах тоже есть чему поучиться у молодежи.

Павел Гусев - настоящий герой нашего времени, лжец и негодяй, каких мало, типичный выкормыш комсомольской номенклатуры. (Автор имеет право дать именно такую характеристику, ибо имеет личный счет к "Московскому комсомольцу" и при удобном случае не откажет себе в удовольствии залепить подлецу пощечину.)

Начинал Гусев с международного отдела ЦК ВЛКСМ. По той же линии добрался до поста первого секретаря Краснопресненского райкома комсомола, а оттуда попал в газету "Московский комсомолец". Деятельность редактора он начинал с разгона старых кадров и антиалкогольной кампании в собственном коллективе (искал бутылки под столами у сотрудников). Карьеру делал на больших заказных статьях о партхозноменклатуре КПСС московского разлива. Пришли "демократы", и П. Гусев переориентировался на Г. Попова. Физиономия эконом-демократа не сходила со страниц молодежной газеты. Потом, в свою очередь, "МК" возлюбил Ю. Лужкова. И тот ответил взаимностью.

П. Гусев всегда знал свое место. Интервью с опальным Ельциным он в 1989 г. печатать не стал. Начав было публиковать на выборах 1990 г. список кандидатов "ДемРоссии", струсил и продолжил дело списками кандидатов МГК КПСС.

Победив на выборах в Моссовет по списку "ДемРоссии", П. Гусев записался в коммунистическую фракцию "Москва" (возможно по заданию новых хозяев, а может быть, от трусости). До самого путча редактор "МК" сохранял в редакции первичку КПСС, а 20 августа 1991 г. объявил коллективу редакции о своем покаянном письме в адрес ГКЧП.

Послепутчевая карьера была головокружительной. П. Гусев становится не только фактическим владельцем "МК", но еще и председателем Союза журналистов Москвы, и министром печати и информации у Лужкова, и лидером московского отделения поповской ДДР. Он и совладелец независимой телерадиокампании, и член худсовета на Мосфильме, и председатель федерации плавания... П. Гусев чем-то напоминает Г. Попова - хитрый, трусливый и вездесущий.

* * *

А вот и замечательный ученик П. Гусева, поднявшийся вместе с мутной волной "демократизации" из самых низов. Небольшая история о нем.

В 1991 г. накануне проведения выборов мэра Москвы перед зданием Моссовета состоялся митинг. На этом митинге сторонники Попова впервые начали вопить в адрес депутатов: "Фашисты! Фашисты!". Будущий мэр стоял над толпой на том самом балконе, с которого когда-то произносил речь В. Ульянов-Ленин. Рядом с Г. Поповым стоял некто Лев Шемаев. О нем и речь.

На другом митинге мальчик с наивными глазами подошел спросить у Шемаева: "А Вы действительно, говорят, человека убили?" Л. Шемаев долго брызгался слюной, но в его искренность наивному мальчику что-то не особенно верилось.

Темная биография этого субъекта не смутила "демократов". При их поддержке он пытался в 1990 г. стать депутатом России. Одновременно участвовал в издании газеты Московского объединения избирателей "Голос избирателя", суетился вокруг находившихся на волне популярности следователей Гдляна и Иванова. Но победить на выборах, несмотря на горячечный блеск в глазах и обличительный пафос до багрового покраснения лица, не удалось. Пришлось тогда Л. Шемаеву перейти на ниву культуры.

Своему другу и соратнику, не одолевшему барьера на выборах, Г. Попов отписал Сандуновские бани. Предварительно Шемаеву в утешение создали АО "Московский центр искусств". Потом вышло распоряжение Лужкова о передаче четырех строений, принадлежавших баням, этому самому МЦИ. Постановление где-то затерялось, а директора бань долго уламывали отдать бани Шемаеву, который в одном из строений планировал создать валютную гостиницу. Сандуновцы запротестовали - пошли митинги, пикеты, обращения в ВС и в Моссовет. Г. Попов попытался уволить строптивого директора бань ("НГ", 04.02.92), но в конце концов дело ограничилось передачей Шемаеву банного корпуса высшего женского разряда. Бани разорили, корпус обнесли забором, в 1993 г. за этим забором работ все еще не велось - хозяин потерял к этому делу интерес.

Скорее всего, интерес к банному бизнесу был потерян потому, что в это время Л. Шемаев переключился на издательское дело - любимый конек всех "демократов". Наконец-то припал ярый "демократ" к настоящему источнику - стал редактором газеты "Президент". Великолепная полиграфия и верстка были предназначены для наиболее похабных политических доносов. Шквалом этих доносов взорвался "Президент" в октябре 1993 г. Его погромные статьи мы процитируем в соответствующих главах. Сам же Шемаев во время октябрьских событий руководил действиями ОМОНа по разгону митинга на Советской площади.

Л. Шемаев, помимо всего прочего, глава общества любителей Президента Ельцина. Его испитое лицо и несообразных размеров орден за августовскую защиту "всенародно избранного" появились на телевидении ради того, чтобы собрать после расстрела парламента тех, кто и на этот раз остался верен Ельцину. Штурмовики и партизаны номенклатуры продолжали объединяться.

ИХ ОХРАНА

Преданная охрана, повязанная с хозяевами общими делами - то, без чего номенклатура обойтись не может. Злой и подлый ум - один из главных ресурсов ее власти.

Один из соратников Г. Попова, переданный им в наследство Лужкову - придворный правовед Сергей Донцов. Он не стесняется при посетителях обсуждать по телефону сделку "ты мне - я тебе" с чиновником Верховного Суда. Конечно, не за свой счет. Речь идет о дачке за счет города в обмен на необходимое судебное решение. А не боится потому, что нет силы, способной схватить его за руку.

Донцов любит давать интервью и хвалить свое начальство ("Тверская-13", 04.03.93): *"Всякий непредвзятый наблюдатель видит сегодня результаты усилий городской администрации по формированию и становлению новых структур городского управления. Набираются опыта префектуры и их работники, районные суды и органы прокурорского надзора постепенно начинают ориентироваться в сложившейся ситуации, москвичи привыкают к муниципалитетам как административным единицам."*

Донцов говорит, что мы не имеем права больше экспериментировать, что это жестоко по отношению к людям. Тогда логично было бы признать, что проведенный эксперимент с системой городского управления тоже был жесток. Но признаться в этом Донцов по долгу службы не может. Он даже боится возврата к прежнему делению города, потому что "шутникам", нагревшим на переделе территорий руки, придется ответить за все. Поэтому Донцов и обращался к "здравомыслящим депутатам".

Начальник государственно-правового управления мэрии Донцов - полковник милиции, носящий по совместительству еще и казачьи погоны. При этом он не гнушается улаживанием дел с бандитами за ресторанным столиком и даже дает об этом интервью ("Известия", 06.08.93). Бандиты - воры в законе - показались Донцову милыми интеллигентными людьми. Они же открыли кандидату юридических наук то, что знает любой москвич: Москва поделена бандитами на зоны влияния. А еще эти милые люди посетовали, что в их среде нет настоящего авторитета. Нужен воровской лидер! Может быть, поэтому и обратились к официальному представителю Лужкова.

Донцов же преследует свои цели. По его мнению, следует издать нормативные акты о процедурах контактов с мафией, и на основе этих контактов как-то контролировать ситуацию. Предлагается также осмыслить на каком-то более высоком уровне просьбу блатных вернуть в Москву известных Донцову чем-то хорошим Славу Иванькова и Япончика, которые должны навести порядок и передушить мелочь, стреляющую на улицах не по делу.

Одним словом, лужковская команда в лице С. Донцова открыто

заявила свою готовность к контактам с "сильными" уголовниками, которые уже появились и берут под контроль столицу. Осталось перестроить психологию работников правоохранительных органов, которые по старинке еще собираются гонять и сажать бандитов. Им неведомо, что теперь нужно дирижерской палочкой направлять развитие бессмертной мафии и проводить с насильниками и убийцами круглые столы.

В другом интервью Донцов напрямую заявил, что милиция не может гарантировать защиту честным людям ("Куранты", 18.08.93). Действительно, за первое полугодие 1993 г. число убийств по сравнению с 1992 г. возросло на 50%. Министр Ерин говорил о 3000 банд на территории России, организованных в 150 преступных синдикатов. Донцов, несмотря на милицейские погоны, защищать москвичей от такой силищи не брался. Зато готов был брататься с мафией, чтобы невзначай не поплатиться своей шкурой.

В октябре 1993 г. Донцов руководил разгромом Моссовета и захватом оказавшихся там депутатов.

ИЗ СТАРЫХ ЗАПАСОВ

Старый конь борозды не испортит. Особенно, если это старый номенклатурный конь, немного побегавший в одной упряжке с демократами.

Первый секретарь Севастопольского райкома КПСС г. Москвы Алексей Брячихин в свое время считался демократом и даже где-то имел отношение к организации "Демократической платформы в КПСС". На съезде Демплатформы накануне выборов его начали обвинять в преследованиях неформалов. Может быть, поэтому Брячихин от демократов решил отстраниться. В Моссовете он стал лидером коммунистической фракции (группа "Москва") и даже пытался конкурировать с Г. Поповым в борьбе за пост председателя Моссовета. После неудачи ушел в тень и тихо ждал своего часа.

Благодаря закулисным играм Брячихин попал в особый почет у Лужкова. Западный округ, переданный в его распоряжение, получил первым возможность строить сверхдорогие коттеджи для иностранцев. Был запланирован к постройке целый поселок для богатых людей - 220 частных домов по 400 квадратных метров каждый.

По складывающейся традиции Брячихин завел дружбу с коммерсантами. Одна из фирм почему-то совместно с англичанами чуть ли не за красивые глазки потратила на концепцию развития Западного округа в 1991 г. 5 млн. рублей (еще не инфлированных!) и 300 тыс. долларов ("МК", 15.06.93). Под эту концепцию администрации округа Лужков дал дополнительные права. Если у Попова был свой экспериментальный Октябрьский район, то Лужков тоже не мог без этого. Для него экспериментальной лабораторией стал Западный округ.

В конце 1993 г. вышла книга префекта Брячихина "Сколько власти нужно власти (опыт регионального управления экономикой)" (М.: Международный гуманитарный фонд "Знание", 1993). В какой-то мере эта книга наследует черты поповских статей до 1989 г. Номенклатурная "теоретическая" традиция предусматривает сплошные банальности, изречение самоочевидных истин вперемежку с явно односторонними

суждениями и бесконечные повторы скучных слов. Автору нет никакого дела, что заголовок книги не соответствует ее содержанию. Ни власть, ни региональное управление не становятся предметом его внимания. Ссылки на личный опыт эпизодичны и совершенно не раскрывают вопросов управления. Автор постарался в довольно объемном труде не затронуть ни одной фамилии реально действовавших политиков и управленцев, с которыми ему пришлось сталкиваться.

Единственная тема, достаточно ясно проявившаяся в книге, - упреки депутатскому корпусу в некомпетентности и прославление профессионализма управленцев-практиков, к которым относит себя и сам Брячихин. Вместо реальных предложений о том, как исправить положение, разрешить кризис власти, кризис экономики, господин префект отделывается самыми общими словами: надо выбирать честных и компетентных, надо заниматься подбором грамотных кадров. А как?! То, что нужно делать хорошо и не надо плохо, понятно любому. Но префекту это должно быть не просто понятно, это должно было бы стать предметом его практики. А в книге о такой практике нет ни слова. И чего же тогда стоят упреки депутатам за их бесплодное теоретизирование и претензии на всезнайство? Выходит, что уважаемый префект в этом смысле ничем не отличается от нерадивых депутатов.

И еще один аспект морального плана. Господин Брячихин не только был депутатом Моссовета. Он еще и претендовал на пост председателя Моссовета и выступал на сессии с программной речью. Попытка сесть в кресло председателя не удалась. Чем же кончилось дело? С этого момента депутата Брячихина не стало. Борьба за нормальную работу Моссовета для него прекратилась. Что ж тогда на зеркало пенять, коли рожа крива?

А пенять Брячихину нужно для того же, для чего писал свои убогие статьи Г. Попов. Если вы расстараетесь и опубликуете свои "размышлизмы" в виде книги, то вы уже становитесь специалистом и можете рекомендоваться таковым всюду. Вашу книгу, может быть, никто читать не станет, но сам вид обложки, да еще с портретом автора, впечатляет. Ну чем не долговременное вложение средств в основной капитал - в авторитет у доверчивых и непросвещенных людей, которые на выборах (в высшие органы власти или в мэры московские) должны будут проголосовать за представителя власти, якобы имеющего собственные мысли о власти и управлении.

В старой манере делает карьеру Брячихин. Пишет бездарную книгу. Но это уже публикация! С ее помощью он планирует защитить никому не нужную диссертацию по территориальной власти ("Куранты", 15.06.93). Что ж, это будет звучать гордо: "доктор наук Брячихин". Не менее гордо, чем "доктор наук Попов". И столь же катастрофичны будут последствия деятельности этих полуграмотных наследников коммунистической эпохи.

В случае А. Брячихина это вдвойне опасно, поскольку многочисленные интервью в газетах и на телевидении свидетельствуют: он готовится стать преемником Лужкова на посту мэра Москвы, если тому судьбой будет назначена более высокая роль.

ДРУЗЬЯ НА КОММЕРЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

В апреле 1992 г. группа Борового (Московская конвенция

предпринимателей) избрала методом выхода на политическую арену атаку на исполнительную власть Москвы. Никакого опыта политической работы у биржевиков не было, и они пытались брать глоткой и хлесткими выражениями. (Была, правда, создана экспертная группа, пытавшаяся отследить просчеты экономической политики мэрии Москвы и выявить признаки коррупции. Но эта группа быстро распалась. От экспертов требовался броский шарж на политику, а не серьезная работа.)

Против Борового тут же была выставлена мощная группировка выращенных за счет мэрии коммерсантов. Они коллективным заявлением дали отповедь Боровому и призвали мэра и Правительство Москвы "пристально рассмотреть" его коммерческие проекты, равно как и проекты уполномочивших его структур. Кто же предлагал применить власть к зарвавшемуся биржевику? Это Ассоциация совместных предприятий и Инкомбанк, сотрудничающие с Лужковым в печально известном АО "Оргкомитет" (Ассоциация в это время получала в распоряжение весь центр Москвы под поквартальную реконструкцию - "Ъ", № 14, 1992) это взращенная лично Лужковым группа "Мост" это переварившая немало государственной собственности Московская товарная биржа во главе с бывшим председателем Октябрьского райисполкома это К. Затулин, приведенный Г. Поповым из Администрации Ассоциации молодых руководителей предприятий СССР к вершинам бизнеса в Межрегиональном биржевом союзе ("Куранты", 17.04.92).

Боровой понял, что ругать Лужкова пока не стоит, надо силенок поднакопить. Ведь против отступников действовала мощная группа, обладавшая немалым капиталом и административными рычагами - Совет по предпринимательству при мэре Москвы. В полном составе члены Совета бросались на защиту своего кормильца по его сигналу. А Боровому накопить ни финансовых ресурсов, ни политического влияния так и не удалось. Оставалось превратиться в коммерческое подобие Жириновского (см. подробнее в главе "Российские наполеончики").

Несмотря на использование их в борьбе с чужаками, Лужков поначалу держал любимых бизнесменов в черном теле. Совету по предпринимательству иногда даже приходилось жаловаться - предложения, сулящие городу (а вместе с городом и инициаторам предложений) многомиллионные суммы, повисают в воздухе. Но Лужков уже "развивал диалог" и все нормативные документы администрации по предпринимательству стали предварительно обсуждаться Советом ("Тверская-13", 05.11.92).

В октябре 1992 г. в мэрии на закрытом заседании Правительства Москвы члены этого Совета попросили начальника управления Министерства безопасности России по Москве и Московской области Е. Савостьянова уделять больше внимания "защите нормальных здоровых коммерческих структур, пока их не забрали под свой полный контроль криминальные элементы".

Типичным объектом защиты стал Константин Затулин, который на заре туманной юности сам был не прочь защищать некие "интересы". Стоит посмотреть на него чуть внимательнее.

Началась биография будущего бизнесмена и политического лидера с исторического факультета МГУ, где он активничал в комсомольским оперотряде. (Может быть, сказалось воспитание отца - полковника КГБ?) С

1977 г. К. Затулин комиссарил на своем факультете, в 1983 г. вступил в КПСС (потом этот факт тщательно скрывал), с 1985 возглавил оперотряд МГУ. Данные об этом вместе с копиями доносов были опубликованы ("МК", 23.01.90).

За успешную ловлю университетских диссидентов в 1987 г. К. Затулин попал в аппарат ЦК ВЛКСМ. Потом номенклатурная стезя привела его в объятия Г. Попова и в администрацию Ассоциации молодых руководителей предприятий СССР. В 1990 г. Попов и Станкевич активно поддерживали Затулина на выборах в Моссовет. Было и обращение избирателей за личными подписями этих известных деятелей, и листовка с фотографией кандидата, пожимающего руку знакомого депутата СССР. Но в этот раз номер не прошел. Зато деловые качества испытанного комсомольца пригодились на поприще коммерции. Затулин попадает в биржевой комитет номенклатурной Московской товарной биржи, а дальше - во всевозможные советы по предпринимательству (то при Президенте СССР, то при мэре) ("Оппозиция", № 1, июнь 1993 г.). Более всего комсомольский чекист сроднился с Лужковым. Чем-то нравятся эти грузные мужчины друг к другу...

Волна номенклатурного бизнеса заносит К. Затулина в окружение С. Шахрая и вместе с ним - в Государственную Думу. Там комсомольский вожак благодаря межфракционным соглашениям занимает сверхреспектабельный пост председателя комитета по делам СНГ. Утвердившись на должности, Затулин решил, что можно уже затевать тяжбу с Шахраем и даже раскалывать думскую фракцию ПРЕСа. В конце концов фракция под нажимом Шахрая все-таки исторгла Затулина, но пост председателя думского комитета ему удалось сохранить. Впрочем, вся эта подспудная грызня шла вяло, как бы нехотя. Делить-то по большому счету было нечего.

У Затулина, как это обычно бывает с подобного рода карьеристами, политическая карьера в конце концов завершилась обретением работы, в которой он смыслил ровным счетом ничего. Если со своим багажом знаний и умений такие карьеристы начинают что-то делать, то их дурь становится видна каждому. Поэтому наиболее умные из толстозадых номенклатурных выдвиженцев стараются не делать вообще ничего. Вот и Затулин, поначалу активно привлекавший к себе прессу, заметно поутих. Молодая оперотрядовская кровь скисла в парламентскую жижицу и неторопливо течет по тяжелеющему организму.

* * *

Читатель, путешествующий по страницам этой книги, еще не раз встретит фамилии тех, кто помогал терзать Москву и намерен в дальнейшем участвовать в политике. Судьбы и повадки этих людей дают пищу для размышлений. Мы должны узнавать их и не обманываться внешним добродушием и формально добропорядочными суждениями.

Контроль за средствами массовой информации - одна из главных забот власти в современном мире. Чистая информация в нашем мире - большая редкость и в основном добывается она индивидуальным опытом. Действительно, кто же станет просто так раздавать такой важнейший ресурс власти?

Наоборот, те, кто пытается взять или удержать власть, формируют целые системы фильтров на пути информации от факта к потребителю сведений о нем. Информация контролируется (ее распространение в нужный момент может пресекаться), дозируется (фильтруются отдельные штрихи, интонации, формируется полуправда), искажается и подменяется. Даже по форме верную информацию номенклатура научилась подавать таким образом, чтобы программировать поведение поглощающих ее.

Информация в руках безнравственной власти становится способом распространения особых форм лжи, делающих даже из людей, способных самостоятельно мыслить, рабов номенклатурной империи.

Там, где в памяти москвичей зацепилось слово "Моссовет", номенклатуре удалось создать мутное пятно, вызывающее раздражение при любом прикосновении к нему. С этим помутнением вполне можно жить. Но рано или поздно все-таки необходимо остановить превращение человеческой памяти в захламленный сарай, в котором за что ни возьмись - одинаково серая пыль. Для того и написана эта часть книги.

КТО СДЕЛАЛ МОССОВЕТ НЕИЗВЕСТНЫМ

ЛУЧШИЕ СЛУГИ НОМЕНКЛАТУРЫ

Три с половиной года существовал в Москве уникальный орган народного представительства, о котором москвичам, его избравшим, практически ничего не известно. О нем не было сказано людям почти ни единого правдивого слова. Система дезинформации, подхваченная Г. Поповым, а потом и Ю. Лужковым, делала свое привычное дело. Раньше она разоблачала мнимые антисоветские заговоры, теперь убеждала людей в том, что их выбор в 1990 г. - случайное недоразумение. Примерно в течение года с момента избрания Моссовета наемникам бюрократии, окопавшимся в средствах массовой информации, удалось создать у москвичей отношение к этому органу, как к однородной массе тупиц, болтунов и мелких жуликов.

Из дневника автора:
"Я задаю себе вопрос: почему они все время лгут? Самое простое объяснение - их купили и платят за ложь построчно. Но это так лишь отчасти. Готовность продаваться для журналистов опирается на стойкую привычку писать на заказ, вытравливая из своей профессии себя самого, свое отношение к миру. После снятия идеологического пресса оказалось, что у пишущей братии практически ничего не было за душой. Именно поэтому на газетные страницы и телеэкраны хлынул поток глумливого цинизма. И тут они окончательно нашли друг друга: номенклатура и журналистика. Номенклатура ушла в тень и предоставила прессе громить все, что осталось на свету - направо и налево. И уж тут обладатели второй древнейшей профессии не подкачали - сделали ее первой из древнейших."

Стереотип, который удалось поселить в сознании людей, состоял в том, что они любые неурядицы своей жизни встречали вопросом: "Куда смотрит Моссовет?" Этот вопрос был обращением к власти. Но беда в том, что запрос обращался к тем, чьи полномочия и реальное влияние к термину "власть" не имело почти никакого отношения. Реальной власти у депутата было меньше, чем у постового милиционера, который и законом от нападения был защищен, и штраф за безобразия мог взыскать. Даже начальник РЭУ имел власти куда больше, чем у депутата. В руках у народного избранника не было ни рубля, никакие законы его деятельность в интересах избирателя всерьез не подкрепляли. Все, чем мог располагать депутат лично, так это имевшимся в обществе уважением к его статусу и возможностью писать депутатские обращения с просьбой предоставить информацию. Собираясь на сессии, депутаты прямых властных полномочий не получали, их решения номенклатуре нетрудно было блокировать и обходить.

Итак, от безнадежности и беспросветности простая мысль-запрос, обращенная к власти, плавно и незаметно трансформировалась у граждан в убеждение: "Депутаты ничего не делают - только болтают." А дальше вывод делался совсем уж злобный: "Гнать вас всех надо". Основанием к такой позиции стали только сообщения прессы - ничего более. А они не имели под собой никакой конструктивной основы и лишь подталкивали читателей к

разрушительным желаниям.

За все время существования Моссовета ни разу ни в одном издании не появилось ни одной публикации, которая демонстрировала бы стремления автора разобраться в том, что же все-таки происходит в главном представительном органе власти Москвы. Оказалось, что свобода слова была лишь инструментом безнаказанной подтасовки. Вместо реальности создавалась продуктивная для номенклатуры иллюзия: правили Москвой одни, а общественное мнение чинило расправу за безобразное правление над другими. Москвичам так и не дали осознать, что не было у них никаких других защитников в системе власти, кроме депутатов. Единственный инструмент участия во власти - уважение к статусу народного избранника - номенклатура смогла выбить из рук депутатов.

Да, депутаты, были плохи (не подготовлены, суетливы, глупы, пассивны и т. п.), не смогли взять реальную власть в свои руки, многие из них предали своих избирателей... Но не было в Москве никакой другой силы, кроме депутатского корпуса, которая противостояла бы разграблению столицы и мятежу номенклатуры.

АТАКА НА ДЕПУТАТА

Представим себе, что какой-то человек создал общественную организацию. Вроде бы ничего предосудительного. Потом эта организация строго в соответствии с законом учредила предприятие. Вроде тоже ничего предосудительного. Но вот если этот человек, о котором мы говорим, является депутатом, то сразу возникает возможность веселой игры для читателей газет. Можно ничего дурного не знать ни об этой общественной организации, ни о созданной коммерческой структуре, но если к ним имеет отношение депутат, фонтан грязи обеспечен.

Блестящий образец для анализа работы пропагандистской машины номенклатуры - газета "Московский комсомолец" (например, публикация от 15.05.93). Читателю то и дело предлагалось воспылать в праведном негодовании. Особенно этого легко было добиться от него после серии статей о шизофреническом упорстве Моссовета в противодействии мэрии, о защите депутатами экстремиста В. Анпилова, а также после подготовки психики всякими "ужастиками".

Фрагмент коллекции заголовков из МК (май 1993 г.):

"Улицы заполнили змеи."
"Москва завалена ядовитой водкой."
"Вырезал свою семью и застрелился."
"Изнасилована трехлетняя девочка."
"Москва поделена между девятью преступными кланами."
"Осужден расчленитель 4-летней девочки."
"Процесс над бандой грабителей."
"Маньяк задержан."
"В Мосгорсуде назначено к слушанию дело об убийстве 4-х человек."
"Обстреляно приемное отделение больницы."
И т. д.

Кошмары притупляют у человека ощущение реальности, и от любой

публикации он ждет сильных ощущений и глобальных выводов. Ему уже не нужна информация к размышлению.

День за днем, месяц за месяцем шла обработка психики, которая в конце концов перестала воспринимать будничную повседневность. Выработалась нечувствительность к чужой боли, а вместе с этим пришла и нечувствительность ко лжи.

Из одного фактика высосать впечатление невозможно. Поэтому для достижения целей номенклатуры требовалось лгать непрерывно, долго, разнообразно и упорно. Не только в одной статье, но из номера в номер. Политика постепенно подмешивалась к ужасам, ужасы - к политике.

Вот как в одной только статье "МК" формируется целый набор кошмаров: они (ОНИ!) - это офицеры КГБ, пробравшиеся в депутаты! Они - это те, что хотели "посадить начальником ГУВД своего человека", создавать военизированные формирования, да еще что-то там "в наглую" протащить через Верховный Суд! Они - это люди, известные не только неуважением к закону, но и (куда страшнее и опаснее!) антиельцинскими взглядами! Да еще (о ужас!) они хотят хранить в Моссовете оружие!

Наворотив весь этот бред, "МК" знает, что только огульные обвинения дают эффект и запоминаются. Нет нужды аргументировать свои доводы, упоминать, в чем выражается нарушение закона, на чем основана та или иная политическая позиция, называть фамилии и факты. Информация просто не нужна. Нужен ее отсвет, преломленный через видение газетного "аналитика".

Вспомним атмосферу сплетен, которую воспроизвел Гоголь в "Мертвых душах". "Да он ее изнасильничать хотел!"- такого рода мысль должна вспыхнуть в загаженном московскими комсомольцами сознании обывателя. Если тогда речь шла о старухе Коробочке, то сегодня - непременно о депутате, ибо большего зла для города и лучшего предмета для сплетен просто не существует!

ЖЕЛТАЯ ПРЕССА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Проиллюстрируем позицию желтой прессы на одном примере. В период номенклатурного мятежа убийства в России стали обыденным делом. В столице убивают чаще, чем где бы то ни было. Это тоже мало кого удивляет и возмущает. Уж по крайней мере, никто не дергается в конвульсиях от вида брызг и луж крови, которые попадают на телеэкраны из криминальной хроники или с видеокассет. Никто не вздрагивает и от газетных живописаний насилия. Журналистов и политиков тоже иногда убивают. Не чаще, чем солдат, предпринимателей и бандитов. Легкая печаль проходит по рядам пишущей братии, и она спокойно смыкает ряды. В октябре 1993 г. убили несколько журналистов и несколько сот безоружных граждан. Ни власти, ни прокуратура, ни пресса в этом особой трагедии не усмотрели. Все пообвыклись и продолжили в меру спокойную жизнь посреди подлости и нарастающего запустенья.

Но вот срабатывает взрывное устройство в редакции газеты "Московский комсомолец", убит журналист Дмитрий Холодов. А затем происходит нечто непонятное - обвал публикаций, заявлений, пресс-конференций, телерепортажей. Рядовая трагедия нашей жизни превращена в

дело государственной важности.

Еще вчера на страницах "Московского комсомольца" можно было глумиться над смертью соотечественников, а сегодня уже нельзя принимать факт гибели журналиста иначе, как всероссийскую трагедию. Еще вчера как бы и не было никакой коррупции в высших эшелонах власти, а теперь коррупция всюду. Еще вчера, если из высшего начальства "кое-где у нас порой" кто-то и делал что-то незаконно, то уж непременно это было легитимно и способствовало благотворным реформам и демократии. Сегодня же "кое-где" обрело реальную форму и умывающийся слезами редактор "Московского комсомольца" объявил, что теперь то он начнет писать всю правду. Еще вчера "Московский комсомолец" с наглостью шута поливал грязью слабосильных врагов власть имущих, а сегодня он замахивается на ближайшее окружение "всенародно избранного Президента".

Вся эта кампания, развернувшаяся вокруг единичной смерти в море других смертей, выглядела фальшиво и постыдно. Как-то уж больно заинтересованно был организован весь этот поток возмущения - фонтаны слез перед заблаговременно развернутыми телекамерами, готовая версия случившегося, собрания и митинги "демократической общественности". Похоже, что события подобного рода давно ждали, мизансцена была уже развернута, и не хватало только трагического случая.

Кто больше других получил от шумихи, развернутой вокруг этой смерти? Это можно было видеть по составу публики, использовавшей повод для появления на телеэкране и на страницах газет. Публика была представлена так называемыми "демократами". Они как-то сразу определили, что смерть Дмитрия Холодова - это политическое убийство, направленное против "нарождающейся" (который уже год!) российской демократии. Поскольку власть по-прежнему была в руках хозяев этих весьма "демократических" деятелей, то следовало ожидать ответных мер против предполагаемых врагов. Теперь слова против власти не скажи - объявят пособником убийц журналиста. Теперь не смей критиковать "демократическую прессу" - заподозрят в организации террористической деятельности. Ну если и не так круто отреагируют, то уж точно обвинят в безнравственности. Ведь человека убили, а ты тут с критикой его друзей лезешь!

Вот такая направленная в никуда, безадресная ненависть - мощный инструмент в политической борьбе. Кому-то (ясно кому!) очередной всплеск ненависти был чрезвычайно выгоден. В момент резкой финансовой дестабилизации ("черный вторник"!) нужно было отвлечь население чем-то ярким и знакомым. Вот и развернули пляски дикарей вокруг погребального костра. Языческий ритуал помогает сплотиться против "общего врага". В общем - политическая бесовщина посреди погребальной процессии.

Некрофильская увлеченность плясками смерти - вот истинная причина гибели Дмитрия Холодова и многих других. Желающих поучаствовать в остросюжетном представлении немало - сколько работников пера кормятся вокруг этого! Но общественная среда рано или поздно возвращает пропагандистам плоды их трудов. Агитировали против государственного единства, в результате кто-то безвинно сгинул в межнациональных конфликтах. Покрывали "демократическое" беззаконие - в результате один из неразряженных в свое время "чемоданов Руцкого" взорвался в руках у рядового журналиста. Потешались над народными избранниками (такими глупыми, некомпетентными, вороватыми...), ратовали

за "сильную исполнительную власть" - и получили вереницу гробов в октябре 1993 года.

Пляска смерти поддерживает сама себя, душа человеческая сгорает в ней, замещаясь легкостью освобожденного разума. Так же легки и фальшивы театральные слезы вечного московского комсомольца Павла Гусева, не раз в своей газете прямо одобрявшего кровопролитие и использовавшего смерть для злого зубоскальства. Желтая пресса вроде "Московского комсомольца" привыкла оттачивать свое глумливое остроумие на горе и смерти, сшибать гонорары за потеху для профанов и рекламу для подонков.

Желтая пресса "демократической национальности" и есть основной поставщик трупов номенклатурной революции.

ЛИЧНЫЕ СЧЕТЫ И ЛИЧНЫЕ СЧЕТА

Информация - это власть. Поэтому номенклатура не только изобрела новые методы подмены информации суррогатом эмоциональных композиций. Она прибирала к рукам и все технические средства массовых коммуникаций и превратила их в систему оболванивания населения.

Приобщенные к службе информации демократические чины старались не только служить номенклатуре, но и себя не забывать. 25 июля 1991 г. было создано примечательное акционерное общество "Московская независимая радиовещательная корпорация". Учредителями стали: Московская мэрия (Г. Попов - РДДР) - 10 % Мосбизнесбанк - 15 % Министерство связи СССР в лице ОРПС - 10 % Научно-промышленный союз СССР - 5 % Союз журналистов - 1 % Объединение "Символ" журналистского фонда Союза журналистов - 8 % Сагалаев Э. М. (член политсовета ДДР) - 17 % Попхадзе Н. А. (заместитель председателя Союза журналистов) - 17 % Орлов О. И. (член Президиума Моссовета, председатель комиссии по средствам массовой информации, верный "поповец") -17 %. В качестве члена ревизионной комиссии фигурирует тогдашний председатель Москомимущества Е. Котова (использованная скорее всего для того, чтобы при регистрации 02.09.91 г. прикрыть глаза на явные нарушения законодательства в уставных документах).

Уставной фонд составлял (в дореформенных ценах!) - 100 млн. рублей. Причем 51% акций оказался в руках трех физических лиц. Забавной особенностью Устава общества было то, что конфликтные вопросы должны были решаться Арбитражным судом в Стокгольме на основании шведского материального и процессуального права. Примечательна и другая деталь - по протоколу учредительного собрания три физических лица, ставшие учредителями корпорации, а также объединение "Символ" после регистрации намеревались уступить свои акции в пользу корпорации "а также физических и юридических лиц, в том числе и иностранных". Кому собирались уступать - дело темное, но должности распределились так: О. Орлов стал президентом корпорации, Н. Папхадзе - вице-президентом.

Корпорация была зарегистрирована 2 сентября 1991 г. без необходимого при таких капиталах заключения Антимонопольного комитета и начала вещать, сменив в названии свой масштаб и став международной. И не беда, что вместо уставных 100 млн. за 9 месяцев было внесено лишь 500 тыс.

рублей. Денег хватало и на содержание офиса, и на аренду передатчика ("Политика", № 16, ноябрь 1991 г. "Куранты", 03.06.92).

Это всего лишь одна иллюстрация закулисной игры, результатом которой стал полный контроль номенклатуры за телеэфиром. Подкормка "свободы слова" стала платой за участие в этой игре.

* * *

Номенклатура не стеснялась поддерживать нужных ей "мастеров пера". Устроив для них большую пьянку под названием "Ночной бал в мэрии" (14.02.92), она еще и премировала наиболее отличившихся работников пропагандистского фронта. Все это люди, пишущие про Моссовет в исключительно негативном плане, про мэрию - в позитивном. Именно они оценены, как "наиболее активно участвующие в освещении политической и экономической жизни Москвы". Наиболее яркие - Т. Цыба ("МК") и Н. Андреев ("Куранты"), да услужливый телеведущий Б. Ноткин. А вот г-н Колбасюк из "НГ", также получивший премию, в 1994 г. отрабатывал ее, публикуя громадные материалы о Лужкове.

Газета "Куранты" возникла в свое время, опираясь на поддержку Моссовета, еще пользовавшегося в 1990 году достаточно серьезным влиянием. Как локомотив демократической прессы, она получила и помещения, и солидную финансовую помощь. Только когда Моссовет разошелся с Поповым, главный редактор Панков (тоже депутат из поповской генерации) решил разойтись с Моссоветом.

Как использовать газету для сведения личных счетов - этот пример номенклатурной практики г-н Панков показал блестяще. Что стоит, например, заголовок: "Депутат NN не только лжец, но и трус" ("Куранты", 25.05.93). Не случайно пародия на эту газету вышла под заголовком "Кранты", то есть - конец, дальше ехать некуда.

Панков ехал и ехал на своем коньке, подаренном ему новой номенклатурой. Теперь его кормила мэрия. Настоящий плюралист - он давал и другим поливать грязью своих коллег. Депутаты "ДемРоссии" неоднократно призывали все напасти на головы своих оппонентов именно через "Куранты". Другим депутатам, как правило, в публикациях отказывали. А если и позволяли появиться в газете какому-либо антиноменклатурному заявлению, то лишь для того, чтобы присовокупить к нему гнусный комментарий или лживые измышления.

Распространяя свое влияние в сферу политики и контроля за сознанием людей, лужковская номенклатура бросила около миллиарда рублей на газету "Сегодня", скупившую наиболее сговорчивые перья целого ряда московских газет. Схема "добывания" средств прежняя - через коммерческие структуры из городского бюджета перекачиваются все необходимые средства. Лужков содержит финансовые резервы города на счету "Мост-банка" и благодетельствует группе "Мост" доходными проектами, а та, в свою очередь, и газету "Сегодня" направляет в нужное русло, и "Московский комсомолец" спонсирует, и одряхлевшей "Литературной газете" не дает умереть до конца.

Следует заметить, что номенклатурные газеты - это не только бульварные листки вроде "МК". Это и профессионально сделанные издания, способные удерживать внимание читателя и популярность у подписчиков. Это

и специальное "чтиво" для интеллектуалов, к которым у номенклатуры сложился особый подход.

Дело в том, что номенклатура демократическая кое-чему научилась у номенклатуры коммунистической. Она уже не допускает той глупости, когда думающая публика просто перестает читать официальную прессу. Новой номенклатуре не нужно давить мозги мыслящих граждан постоянным информационным прессом. От этого у читателей лишь включается природная самозащита - сознание успешно противится постоянному давлению. Новая номенклатура рассчитывает на шок. В нужный момент и по ключевому направлению наносится массированный информационный удар. Читатель или зритель не ожидает его, и успех инъекции гарантирован - на короткое время критическое восприятие притупляется, и думающая публика ведет себя, как безликая толпа.

ЗАКАЗНАЯ МУЗЫКА

Как известно, кто платит, тот заказывает музыку. Мотив этой музыки образца 1990-1993 гг. известен: Лужков замечательный хозяйственник, демократы - милейшие люди, все остальные - "красно-коричневые".

В июле 1993 г. ТОО "Итоги" и группа "Мост" учредили телерадиокомпанию НТВ, а в конце года ей уже был передан 4-й канал телевидения ("Кто есть кто?", № 3, 1994). Отношение к этому делу имел сам вице-премьер В. Шумейко, сославшийся на одобрение Ельцина ("НГ", 19.08.93.). Почва была подготовлена демкомиссарами, которых заблаговременно внедрили на ключевые посты в "Останкино" (например, хрупкого юношу К. Игнатьева).

24 января 1992 г. Ельцин подписал Указ, которым отдавал московский телеканал в монопольное владение мэрии Москвы. Но даже ближайшие помощники Ельцина заявили, что Г. Попов вошел к Президенту с черного хода и получил подпись на Указ, минуя установленный порядок ("Ъ", № 6, 1992). Исполнение Указа пришлось спустить на тормозах. Тем не менее телевидение номенклатура из своих лап выпускать не собиралась. Заказная музыка для номенклатуры лилась со всех телевизионных каналов. Лишь на короткое время этот поток разбавила студия РТВ-Парламент, воспринимавшаяся многими, как глоток свежего воздуха. Новоизбранная под контролем Ельцина Госдума о своем канале телевидения только поговорила, но серьезно настаивать не стала. Не те времена. Чтобы выжить, нужно вести себя смирно.

* * *

Заказную музыку номенклатуры в прессе удобнее всего прослеживать по бульварным изданиям, например по "МК".

Приведем симфонию московских комсомольцев на тему "Моссовет надо разогнать" (написана в 1991-93 гг., авторы - Т. Цыба, А. Степанов и др.):

Плохому танцору всегда что-то мешает (в Моссовете началась "охота на ведьм").
Ставки делают господа депутаты.
Крыша над головой? Поехали!

Моссовет в борьбе с собой провел очередной день.
Депутаты Моссовета отказали москвичам в бесплатном жилье.
Было бы чем думать.
Моссовет работает в режиме свободного падения.
В Моссовете холодно, как в могиле
Сессия Моссовета продолжает создавать иллюзию интенсивной работы.
Моссовет обсудил прошлогодний снег.
"Отверженные" из Моссовета.
Депутатские аппетиты.
Депутаты Моссовета нуждаются в психиатрах.
А не придурок же я - засомневался депутат.
Снова в бой за власть Советов?
Какому богу молятся в Моссовете.
Моссовет пыхтит, а поезд ни с места.
Депутата взяли с миллионом.
Моссовет заказывает доносы.
Деятельность Моссовета способствует дестабилизации.
Депутаты взмахнули кулаками после драки.
Почему прокурор наплевал на Моссовет.
Моссовет распустился.
Моссовет обещает кровь.
Депутаты потянулись за яйцами.
Удалось поймать депутата.
Моссовет ошарашивает новым налогом.
Аборигены могут спать спокойно - Моссовет не спит.
Охота на ведьм: в Моссовете читают письма частных лиц.
Неужели не надоел балаган?
Моссовет не читает газет.
Осторожно: пресс-центр Моссовета.
Моссовет садится на метлу.
Почем голос депутата?
Неуловимый Моссовет награжден грамотой за ничегонеделанье.
Марионеточный режим на Тверской.
Моссовет потянули в суд.
На грани суицида (закрылась сессия).
Вступать в связь с пресс-центром Моссовета опасно.
Богоугодные дела Моссовета.
Моссовет упускает мафию.
Моссовет в руках провидения.
Москва! Как много депутатов...
Любимый город может спать спокойно, если Моссовет не поставит его на уши
Нужда депутатская.
Моссовет и зеленый змий.
Потасовка в Моссовете.
День секса в Моссовете.
Приватизационный стриптиз (Моссовет три недели разоблачает сам себя).
Депутат Моссовета должен иметь холодный нос, горячие уши и ловкие руки.
Моссовет выслушал избирателей и "поимел их в виду".
Защитники провокаторов требовали эфира.
Моссовет напрашивается на грубость.
Хранить оружие предполагается в Моссовете.
Моссовет погромщиков не сдает.
Депутатская невменяемость.
Моссовет с ружьем.

Предоставим читателю самому оценить, какой стереотип оценок навязывал "МК" своим читателям.

* * *

Вслед за Г. Поповым над расширением номенклатурной империи лжи усиленно работал Ю. Лужков. Если депутатская газета "Дума" планомерно душилась им (вопреки решениям Моссовета не выделялись финансы, помещения, журналисты "Думы" изгонялись с заседаний правительства), то для послушной "Вечерней Москвы" было выделено 300 тыс. долларов на покупку редакционно-издательского оборудования. Под эти деньги "ВМ" должна была концентрировать свой административный восторг еще и в приложении "Градские вести" ("НГ", 25.08.93).

Кормить специалистов по оболваниванию масс - святая обязанность лидеров номенклатуры. В конце 1993 г. Лужков выделил телеканалу "Москва" 2 млн. 700 тыс. долларов на закупку оборудования. Причем закупку должен был осуществлять "Московский торговый дом", который также являлся творением рук московской номенклатуры ("НГ", 24.12.93).

Журналисты готовы были кормиться с рук новых хозяев жизни. Только это кормление и обеспечивало их доходами, более или менее соответствующими мифу о благоденствии в условиях движения к экономике "цивилизованного мира". Потому-то и Моссовет остался для Москвы совершенно неизвестным.

А ведь все могло быть совершенно по-другому, если бы не сделка купли-продажи, в которой совесть служила товаром. Вот замечательный фрагмент одной публикации ("МК", 18.01.91):

"Вся команда Лужкова - у власти. Случилось то, что вчера миновало депутатов, отказавшихся принимать всю команду Лужкова списком. Сегодня же запуганные и запутанные происходящим в Литве депутаты сделали это. Президиум четко и целенаправленно подвел депутатов к беспринципному голосованию. Коммунисты блока "Москва" в едином порыве с псевдодемократами сделали москвичам большо-ой подарок. <...> В знак протеста депутат Моссовета главный редактор "МК" Павел Гусев, депутат Моссовета корреспондент "МК" Александр Попов и парламентский корреспондент Татьяна Цыба покинули зал заседаний, где люди уже окончательно обалдели от бесплодных споров."

А ценой в сделке было всего-то участие в том закулисном сговоре, который руководство Моссовета уже самостоятельно оформило с номенклатурой. Тем, кто считал себя демократами, очень захотелось приобщиться. Поэтому, пообижавшись, они все-таки сочли, что в трудное время без хозяина пропадешь. И пошли служить, исполняя заказную музыку.

ВГРЫЗАНИЕ ВО ВЛАСТЬ

ДРУЗЬЯ СТАНОВЯТСЯ ЛИШНИМИ

Вот о чем с самого начал пресса помалкивала, так это о закулисном дележе власти, который уготовили только что избранному Моссовету Г. Попов и его компания. Да, скорее всего, и не знала пресса об этом ничего. Все готовилось втайне.

В то время, когда вновь испеченные депутаты в большинстве своем еще были полны желания сделать что-то на пользу избирателей, выполнить свои предвыборные обещания, Г. Попов и его окружение цинично делили портфели и отрабатывали тактику нейтрализации всяких спонтанных (с их точки зрения) процессов.

Начнем с того, что блок "Демократическая Россия", победивший на выборах усилиями тысяч людей, сразу оказался для вгрызающихся во власть циников лишней обузой. Его надо было использовать - и только. Поповский клан для осуществления своих планов полного захвата руководства в Моссовете и реализации прочих кадровых перестановок (ближайшие соратники должны были получить право решать, что на пользу, а что во вред Москве и москвичам) собирался конспиративно.

Эти люди в один момент усвоили правило - кто сразу занимает место в президиуме собрания, тот и доминирует на нем. Те, кто вынужден смотреть на восседающих в президиуме снизу вверх, уже поставлены в приниженное положение. Поэтому "поповцы" все собрания проводили именно так - сразу захватывали управление, а всех недовольных старались представить смутьянами. На первых порах действовало безотказно. Только через год депутаты забеспокоились, почувствовав, что осуществляемое "поповцами" управление вовсе не идет на пользу городу и Моссовету.

Не успели отгреметь предвыборные баталии, а "поповцы" уже договорились, как пропихнуть в лидеры второго эшелона своих людей. Вот 18.04.90 проходит выдвижение "ДемРоссией" кандидатов в Президиум Моссовета. Попов выдает свои рекомендации, и некому усомниться в их вескости. Его оруженосцы проводят тайное голосование, и никого еще не гложет сомнение в порядочности тех, кто считает голоса. Так или иначе, отряд "поповцев" получил вотум доверия. Не все попали в Президиум, но устроиться в этой жизни номенклатура помогла каждому из них.

"ДемРоссия" из блока была спешно превращена во фракцию, имеющую примерно 60% депутатских мандатов Моссовета. Причем, "поповцы" накануне первой сессии вынудили эту фракцию принять решение о дисциплине во время голосований. Нужно было такое решение только для одного - для избрания Г. Попова председателем Моссовета. Потом уже о блоковой дисциплине никто не вспоминал, а избранный координационный совет фракции даже не пытался организовывать общие собрания "ДемРоссии". Достаточно было согласований в узком кругу. Позднее вся "ДемРоссия" и замкнулась в этом самом кругу, центр которого перекочевал в исполнительные структуры.

Справка: ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС МОССОВЕТА
(данные на 1 января 1991 г.):

Всего депутатов - 470
из них:
работников науки - 150
работников народного образования - 41
работников правоохранительных органов -...35

работников культуры, искусства, СМИ - 33
руководителей предприятий и организаций - 16
военных - 13
рабочих - 11
студентов - 5
священников - 2
пенсионеров - 2

до 30 лет -	8.5 %	Русских -	89.2 %
30-49 лет -	65.6 %	Украинцев -	3.6 %
старше 50 лет -	25.7 %	Евреев -	2.1 %

Высшее образование имели 94.1% (в райсоветах Москвы - 77.6%)

Политическая принадлежность:
членов КПСС и кандидатов в члены КПСС - 296 (63%)
членов блока "ДемРоссия" 204 (43%)
(первоначальная численность блока - 281 человек)
членов группы "Москва" (коммунисты) - 82 (17%)
(первоначальная численность группы - 92 человека)
членов группы "Независимые" - 49 (10%)

К ноябрю 1992 г. численность депутатов Моссовета упала до 441 человека. 24 человека сложили полномочия по должности, 1 - по собственному желанию, 6 - умерли. На постоянной основе в Моссовете к этому моменту работало 223 депутата (плюс 4 - в регистрационной палате и 3 - в Фонде имущества Москвы).

С ПЛЮРАЛИСТАМИ ВО ГЛАВЕ

Вот один из эпизодов, красноречиво характеризующих стиль поведения Попова.

1 мая 1990 г. впервые по Красной площади прошла демонстрация оппозиции. На мавзолее Попов удостоился чести стоять рядом с Горбачевым.

В этот день оппозиция совершенно не питала теплых чувств ни к тому, ни к другому, ни к попираемому "отцами демократии" мавзолею. Оказалось, что не все, далеко не все население души не чает в Перестройке и ее лидерах. Демонстранты об этом заявили без обиняков - криком, свистом, колкими плакатами. Горбачеву вместе с Поповым и другими "руководителями партии и правительства" пришлось под свист спуститься на мавзолейные задворки и убраться за кремлевскую стену.

И вот с чем выступил позднее наш "плюралист" Г. Х. Попов:

"Сам я считаю Ленина символом нынешнего государства. Но могу понять и тех, кто не хочет такой символики, тем более - не закрепленной в Конституции.

Я против копания в прошлом и сведения перестройки к сведению счетов. Потому я против лозунга о "кремлевских чаушеску" (был и такой). Но сам я отнес его к известным персональным пенсионерам, героям эпохи застоя. И непонятно, почему кто-то из деятелей перестройки захотел принять этот лозунг на свой счет.

Я категорически против лозунгов "Долой Президента" и вообще всяких "Долой". Это - давно всем знакомый большевистский экстремизм,

вспомним "Долой самодержавие". Лозунгам "Долой" - не место в правовом государстве.

Но в то же время я считаю вполне конституционным лозунг "Президента - в отставку". Сам я против такого призыва. Но Конституция отставку Президента допускает, и потому чей-то призыв к отставке Президента не является антиконституционным."

Попов беспокоился, что группа в 50 человек могла быть представлена на площади в том же количестве, что и партия в 50 тыс. человек. Отсюда он делал вывод, что соотношение демонстрантов не отражало реальное влияние среди москвичей. Выходит, что надо было регламентировать проход на площадь строго по квотам? Тогда большинство получил бы МГК КПСС. Именно к этому и призывал Попов!

Тут же появляется и идея о предварительной регистрации лозунгов - чтобы на плакате не было личного мнения отдельного человека. Кроме того, Г. Попов предлагал регламентировать и темп движения демонстрации. Для тех же, кто пронес припрятанные лозунги, Попов рекомендовал принимать карательные меры.

Да и вообще, что тут судить да рядить, коль скоро Красная Площадь - историческое место. Попов считал, что ее нужно оставить только для больших государственных праздников. (Позднее демократы дошли до проведения в Кремле хасидских торжеств, а на Красной площади устраивали всякие поп-концерты.)

Короче говоря, колонны профсоюзов Попову были по душе, а все остальное - это правый и левый экстремизм. Дошло и до принесения извинений Президенту за антиконституционные лозунги. "*Ошибки эти надо честно признать и идти к правовым формам демократической жизни".*

К месту вспомнить и еще один эпизод в отношениях Горбачев-Попов. На конференции Московской городской организации КПСС председатель Моссовета вступил с Генсеком в такой диалог ("МП", 02.12.90):

"ГХ: <...> Вносилось предложение ввести рабочий контроль. Простите, пожалуйста, кто работает во всех наших системах распределения, базах и т. д.? Кто руководит нами? 99 процентов - члены партии. Следовательно, рабочие должны выйти на контроль за коммунистами-руководителями. Так, что ли, получается? Я думаю, что нужно, конечно, повторяю, нужно усилить контроль. Но все-таки на этом участке надо искать глобальные решения. Что важно на мой взгляд? Например...

МС: Я, например, за рабочий контроль.

ГХ: Михаил Сергеевич, я тоже "за" (но ведь только что был "против"! - А. К.).

МС: Причем я вам хочу сказать - я не просто "за". Через два дня будет указ о рабочем контроле. (Аплодисменты). О рабочем контроле, и не о таком, который мы создали и поставили в ложное положение, а с правом приостановления исполнения служебных обязанностей тех, кто нарушает, с правом допуска на все базы и в магазины. И с постановкой вопросов перед правоохранительными органами о привлечении к ответственности. (Аплодисменты).

ГХ: Михаил Сергеевич, мы полностью поддерживаем постановку вопроса. Я просто хочу сказать...

МС: Никакой аппарат, никакой контрольный аппарат, уверяю вас, где б мы его ни создавали, и какой бы штат, какую бы зарплату не дали, - не справится. Народ должен контроль взять в руки. Все."

Комментарии, как говорится, излишни.

Приведем еще один пример "плюрализма" вождей демократии.

Александр Баламутов вспоминает об одной встрече с избирателями в Общественном центре Моссовета, посвященной пресловутому "конфликту Моссовета со своим председателем" (1991 год):

"Станкевич долго говорил о достоинствах тогдашнего Председателя Исполкома Лужкова Юрия Михайловича. По словам Станкевича, это был единственный человек, способный вывести столицу из глубочайшего кризиса. Он описывал, как тщательно искали они с Поповым кандидата на этот пост. Наконец, когда им как-то довелось проехать вместе с Лужковым по городу, они почувствовали в его голосе такую боль за москвичей, такое горячее желание помочь им, что поняли - лучшего человека на должность предисполкома им не найти. Поэтому Станкевич убеждал, что сейчас надо всячески оберегать и поддерживать исполнительную власть, а не пытаться ее поколебать.

Я задал вопрос Станкевичу: "Правда ли, что первоначально предлагалось назначить на должность Председателя Исполкома занимавшего ее до недавних пор товарища Сайкина, и только когда депутаты отказались поддержать это назначение, появилась кандидатура товарища Лужкова?" Станкевич ответил: "Нет, не правда. Этого никогда не было. Более того, после того, как Сайкин передал горкому КПСС здания Моссовета, мы поняли, что с этим человеком никаких дел быть не может!" Я слегка растерялся, ибо не ожидал такого наглого вранья. Мне совершенно точно было известно, что на первых заседаниях фракции "ДемРоссия" (еще до открытия первой сессии Моссовета) Г. Попов настаивал именно на избрании Сайкина. И только после того, как депутаты решительно воспротивились сохранению прежних позиций в руках старой номенклатуры, в качестве "компромисса" была предложена кандидатура первого зама Сайкина - Лужкова. На деле все было гораздо проще: хотели оставить на своем месте старого председателя, а когда не вышло - обратились к его первому заму. Романтическая история о поисках незаменимого руководителя была нужна, чтобы скрыть правду о курсе, взятом на сохранение в городе власти старого аппарата."

* * *

Продолжение "плюрализма" было наглядно продемонстрировано 28 марта 1991 г. - во время проведение внеочередного Съезда народных депутатов России, решавшего вопрос о введении поста Президента. По призыву руководства движения "Демократическая Россия" на улицу для участия в митинге вышли десятки тысяч москвичей. Но "плюралисты" поповской выделки знали - в Москву введены войска и демонстрация может окончится бедой. Отводя от себя личную беду и немилость сильных мира сего, они предпочли попрятаться по домам. На Пушкинской площади колонны демонстрантов уперлись в ОМОН - ландскнехты номенклатуры стояли стеной.

Люди возмущались, но в драку не лезли, хотя и расходиться не собирались. Помогло еще и то, что в разделительную цепочку выстроились депутаты Моссовета. Только через пару часов подъехал автобус с громкоговорителем и голосами известных демократов стал убеждать демонстрантов пойти по домам, чтобы "не сорвать Съезд".

ИСТЕРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Начало работы Моссовета было вполне разумным: начали с самоорганизации. Но руководствоваться принятым регламентом лидеры демократического Моссовета были не в силах. С самого начала большинство

вопросов Попов и Станкевич старались решить за кулисами.

Между тем на сессии шло карикатурное копирование Съезда народных депутатов СССР. По самым пустяковым поводам к микрофону выстраиваются очереди, в бесконечных повторах одной и той же мысли теряется время, "принципиальные" предложения сыпятся как из рога изобилия... И некому (да и незачем) было унимать эту стихию. В узком кругу после всей этой депутатской бестолочи руководству так уютно было поговорить о близких ему проблемах.

Сначала депутаты еще как-то пытались самоорганизоваться даже и без своего руководства. А потом все накрыл вал народолюбия и неподготовленных попыток изменить экономические условия жизни Москвы, перераспределить социальные льготы. Уподобляясь разбуженному ребенку, который бессвязно выговаривает какие-то слова и тут же забывает об их содержании, первая сессия Моссовета, наговорив кучу слов, насмотревшись на себя по телевидению, завершила работу.

В комиссиях остались лишь наивные энтузиасты. А ведь совсем недавно борьба за председательские кресла в этих самых комиссиях носила столь ожесточенный характер, что, казалось, депутаты боятся отстать от уходящего поезда. Но вот посадка состоялась, и можно было завалиться на полку и дремать, забыв об истерических схватках у первого и второго микрофона.

* * *

Истерия народолюбия развивалась примерно так.

23.04.90. Моссовет принял проект о выходе из кризисной ситуации в системе дошкольного воспитания. Это было реакцией на требование работников детсадов, которые еще месяц назад на конференции потребовали обеспечить финансирование их учреждений по расчетным нормативам, повысить зарплату на 50%, снизить наполняемость групп и т. д., а теперь образовали забастовочный комитет. Сессия предложила Исполкому рассмотреть требования воспитателей в течении недели и в дальнейшем формировать бюджет города на основании единых денежных нормативов на содержание ребенка. Ничего подобного Исполком делать не стал. С него за это никто и не спросил.

19-21.05.90. Депутаты рассматривали проект о введении нового механизма управления хозяйством Москвы. Предусматривалось финансирование по нормативной методике. Разработка нормативов была поручена Мосгорисполкому со сроком исполнения поручения до 1 сентября. Но и саму сессию Моссовета Г. Попов не созвал ни 1 сентября, ни 1 октября. Исполком ничего не подготовил. Вторая сессия открылась только в ноябре и рассматривала совсем другие проблемы.

Следующий вопрос - о мерах по упорядочению использования нежилых помещений. Предполагалось создать временную рабочую группу по инвентаризации нежилого фонда. Более сессия об этой теме ничего не слышала. За два месяца должны были появиться нормативные документы (типовой договор аренды, порядок проведения конкурсов и аукционов и т. п.). Соответствующим комиссиям Советов давалось право визы на договорах аренды. Мечты, мечты...

Депутаты подступились к вопросу улучшения содержания и уборки

территории столицы. Мосгорисполкому поручалось принять срочные меры и доложить о результатах второй сессии. Предполагалось и обезвреживание негодных люминесцентных ламп, и поставка вторсырья на экспорт, и ТЭО методов и мест размещения объектов индустриальной переработки твердых бытовых отходов... Поручили - и забыли. Чиновники только перекрестились.

Один из "главнейших" для города вопросов, решаемых в это время Моссоветом (поднят секретарем оргкомитета сессии Боганцевой, активисткой из команды Попова), был вопрос о поддержке следователей Гдляна и Иванова, раскручивающих "кремлевское дело" о взятках. Этим нужно было все время разбавлять сессию. Этим и пробавлялись "поповцы" - чужими проблемами и политической трескотней. А сколько было потом призывов "не политизировать..."! Все это была откровенная конъюнктурщина.

Безграничное народолюбие превращалось в имитацию деятельности. Отсутствие опыта и здорового прагматизма приводило к потере самоконтроля. С самого начала любое решение воспринималось, как конечный продукт сессии, после которого тему можно уже более не трогать - само все решится.

Плохая память помогала депутатам раз за разом испытывать удовольствие от своей любви к народу, реализованной в бумажных решениях сессии. Фонтан народолюбивых решений продолжался.

28-31.05.90. Еще одно политэкономическое решение. На сей раз - об отмене передачи райкомам партии, МГК и МК КПСС занимаемых ими помещений. Часть зданий оказалось еще дореволюционной постройки и без признаков капремонта. В общем, еще большевистские экспроприации. Как всегда, вопрос о власти был связан с вопросом, кому и где сидеть. (Вопрос о помещениях весь период номенклатурного мятежа 1990-1993 гг. оставался главным. В данном случае вторичной экспроприации удалось избежать, но всего через год все было снова экспроприировано новой генерацией большевиков.)

29.05.90. Депутаты принимают решение о газетах "Московская правда" и "Вечерняя Москва", которые в одностороннем порядке сняли гриф Моссовета - одного из учредителей этих изданий. Редакции руководствовались в данном случае волей другого соучредителя - МГК КПСС. Права Моссовета на газеты депутаты подтвердили, но обе они так уже никогда и не повернулись лицом к Моссовету и продолжали служить горкому КПСС, а потом горкому попово-лужковской номенклатуры.

В тот же день депутаты сформировали перечень должностей, на которые чиновники, согласно Законам, должны были утверждаться Моссоветом. Но потом состоялся сговор верхушки "демократов" с номенклатурой и на второй сессии Моссовета всех чиновников утвердили списком.

Чуть позже по предложению фракции коммунистов депутаты обратились к проблеме беженцев из Закавказья (в январе в Баку вошли союзные войска, погибло около 130 человек и около 500 получили ранения, потом многим русским и "русскоязычным" семьям пришлось спасаться бегством). Вся дальнейшая история показала полную беспомощность Москвы решить проблему беженцев. Если бакинским изгнанникам еще как-то удавалось помочь, то возникший позднее основной поток беженцев со всех окраин разрушенного СССР принять было уже некому. (При этом в 1994 году Россия принимала беженцев из Руанды вместе с холерным вибрионом.)

Политика Ельцина превращала преследуемых граждан России во врагов.

На первой сессии был внесен единственный интересный с точки зрения экономики документ - концепция московских чеков (своеобразных социальных денег). Но где тут тягаться с монополистом в области экономических идей - Г. Поповым! Идею похоронили, не рассматривая. Та же участь постигла и проект об упорядочении деятельности кооперативов. Надо было торопиться с демонстрацией свой любви к массам, чтобы массы отплатили тем же. А интересные предложения Попов, пользуясь рекомендацией своего учителя В. Ульянова-Ленина, стремился передать в комиссии, где дело с успехом хоронилось его ставленниками.

31 мая 1990 г. сессия Моссовета впервые официально зарегистрировала отсутствие кворума. Это состоялось благодаря чуткому руководству Г. Попова, отдавшего распоряжение не регистрировать депутатов, прибывавших на сессию с опозданием. Единоличное решение противоречило принятому временному регламенту, но торопливость и нервозность предопределила поведение недавно избранного лидера Моссовета. Впервые правовой нигилизм, который, как оказалось, в крови у руководства Моссовета, был осужден одним из наиболее рьяных радетелей процедурной чистоты - депутатом С. Белашовым. В дальнейшем "правдолюбца", буквально затравившего С. Станкевича, блестяще использовал в своих манипуляциях сессией Н. Гончар.

Потом как-то между делом был утвержден председателем Мосгорисполкома не известный большинству депутатов Ю. Лужков. Депутаты поверили рекомендации Г. Попова (который в свою очередь последовал рекомендации Б. Ельцина), да плюс ко всему согласились со своим председателем в том, что нужно "дать шанс" проявить себя в новых условиях тем, кто не первый год работает в Мосгорисполкоме. В общем-то депутаты имели в виду среднее звено хозяйственников, а Попов - высшее руководство. Но уточнять позиции было некогда.

29.06.90. Один из наиболее последовательных "поповцев" А. Осовцов неожиданно для всех поднял на сессии истерию по поводу нежилых помещений Москвы, которые Моссовет якобы мог потерять в одночасье и полностью в результате вступления в силу какого-то там закона. В результате было принято такое решение: "Московский городской Совет народных депутатов объявляет коммунальной собственностью все нежилые отдельно стоящие здания, а также нежилые помещения, расположенные в жилых домах г. Москвы, строящиеся и реконструируемые здания, отменяет все ранее выданные акты о передаче отдельных зданий на баланс предприятий и общественных организаций...". Бабахнули мимо цели. Впереди была обвальная приватизация, потребовавшая от номенклатуры полной оккупации нежилого фонда столицы без всяких санкций Моссовета.

Конец первой сессии был отмечен схваткой между депутатским клубом "Столица" и ярыми "поповцами", отстаивающими свою монополию на "допуск к телу" председателя Моссовета и ведение депутатских собраний. Попов со Станкевичем, как правоверные коммунисты, отправились в это время на Съезд КПСС (там они хотели в меру шумно выйти из партии), а ведущий сессию Н. Гончар отпустил вожжи. Большинству перепалка показалась омерзительной и депутаты покинули сессию, так и не дождавшись ее официального закрытия.

Клуб "Столица" удалось умертвить. Г. Попову и его камарилье

удалось пресечь попытки депутатов организовать неформальные, неподконтрольные им объединения.

Инициаторов организации клуба обвинили в коррупции именно те, кто погряз в настоящей коррупции уже через полгода, а в описываемый момент развлекался мелким интриганством. Возглавлял группу ярых "поповцев" депутат Моссовета В. Боксер. Боксера и компанию Г. Попов трудоустроил в Моссовете на ответственных должностях безо всякого согласия других депутатов. Потом группа Боксера перешла в мэрию. Это коррупцией не считалось.

В. БОКСЕР

Врач-педиатр, член КПСС с 1982 г. Из движения зоозащитников в 1988 г. пришел в Московский народный фронт и стал членом его координационного совета. В. Боксер - один из инициаторов создания Московского объединения избирателей, член его координационного совета, организатор митингов в поддержку Ельцина. В 1989-1990 гг. у Боксера прорезался талант к политической интриге. Этому способствовало его избрание в 1990 г. депутатом Моссовета. Затем Боксер работал помощником Г. Попова (зав. отделом при председателе Моссовета), потом в мэрии, с 1992 г. он становится заместителем председателя Антимонопольного комитета столицы. Весной-летом 1991 г. Боксер блестяще провел операцию по захвату Московской организации "ДемРоссии", результатом которой был выход из нее представителей пяти крупнейших политических партий и шести районных организаций "ДемРоссии". После августовских событий 1991 г. он пытался организовать вооруженные формирования Московской национальной гвардии. Но номенклатуре эта инициатива не понравилась, и Боксер переключился на другие сферы деятельности. С апреля 1992 г. Боксер - председатель Оргсовета "ДемРоссии". В октябре 1993 г. - один из активнейших участников расстрела парламента. Далее следы Боксера теряются. Говорят, теперь он живет в США.

СКУДОУМИЕ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Дураки и дороги... Вечная проблема! На первых порах существования Моссовета глупость как-то особенно выпукло была видна. Не стеснялись скрывать, что ли..?

Вот один из депутатов с трибуны предлагает решить продовольственную проблему раздачей московских газонов под огороды. У этого хватило бы ума накормить москвичей чернобыльской картошкой.

Вот другой - предлагает продемонстрировать работоспособность Моссовета на субботнике. Он не знает, что мечта номенклатуры - увидеть народного избранника с метлой. Ну с метлой - такого удовольствия Моссовет не доставил. А вот осенью 1990 г. вся страна могла лицезреть первого зампреда председателя Моссовета С. Станкевича в раскисших полях Подмосковья с ведром картошки и с ним несколько десятков верных соратников.

Вот третий... Это уже исторический персонаж. Это В. Анпилов. Он встревожен наличием в буфете осетрины. Идеологические позиции требуют запретить народным избранникам кушать осетрину. Забыл только товарищ Анпилов, что буфет тот принадлежал МГК КПСС, у которого Моссовет

арендовал здание Общественного центра на Цветном бульваре. Да и большинству депутатов осетрина была не по карману. Но в этот раз помутнение рассудка охватывает весь зал, и сессия принимает решение о передаче осетрины в детские сады. Поскольку садам все это тоже не по карману, буфетчики выносят лоток на улицу, где осетрина быстро раскупается любителями деликатесов.

Потом в веренице мелкой и случайной глупости неожиданно выделился вопрос о символике. Некоторые депутаты весьма болезненно воспринимали то, что мандат депутата Моссовета № 1 по традиции принадлежал В. Ленину, который всегда отсутствовал на сессии (хотя и по уважительной причине). Кроме того, громадный ленинский бюст, нависающий над президиумом сессии, давил им на психику.

Глупость была не в том, что вопрос о символике был поднят, а в том, что этот вопрос, будучи поднят на сессии в той самой истерической форме, отдалял его решение и давал повод коммунистам пылать праведным гневом на демократов (как это сделала очень демократическая в последующем и очень верноподданно-коммунистическая тогда "Вечерняя Москва"). Руководство Моссовета могло бы сразу решить каверзный вопрос, если бы депутаты однажды утром вошли бы в зал, вообще лишенный символики. Г. Попову же, как видно, требовалось накалять страсти. Сначала ленинский бюст (это было уже в Мраморном зале Моссовета на Тверской, где бюст не был столь велик, как в Общественном центре МГК) энтузиасты задвинули в угол и накрыли портьерой (С. Станкевич аж вскочил от возмущения), потом и вовсе куда-то унесли. Скандал раздувался взаимным неуважением к системе ценностей демократической и коммунистической фракций. Лишь на второй сессии Моссовета зал заседаний был, наконец, оформлен государственной символикой России.

Коллективная глупость выразилась и в том, что сессии Моссовета стали транслироваться по телевидению полностью, подобно всесоюзным Съездам. Соответствующий госкомитет уж больно легко согласился на трансляцию. Моссоветовская бестолковщина на несколько месяцев стала доступна любому москвичу. А депутаты, опасающиеся жесткой манипуляции за закрытыми дверями, еще долго были убеждены, что абсолютная гласность в их работе жизненно необходима. Тем самым авторитету Моссовета был нанесен колоссальный урон.

* * *

За то, что кому-то из народных избранников лень или не досуг было думать, городу пришлось дорого заплатить. И не только авторитетом Моссовета. Ущерб наносился самый что ни на есть ощутимый.

В Законе "О местном самоуправлению" указывалось, что если депутаты хотят что-то сделать (создать, соорудить, реорганизовать, вывезти и т. п.) на подведомственной им территории, они должны определить источник ресурсов, источник финансирования для оплаты своего заказа. Недоразвитость системы кредитно-финансовых отношений за многие десятилетия в нашей стране фактически предопределила в качестве основного инструмента созидания соответствующий бюджет.

Именно этот инструмент удалось выбить из рук депутатского корпуса Москвы. И сделали это так.

ПОДКУП

Многие из тех, кто в 1990 г. стал депутатами, были внутренне готовы к принятию атрибутов власти, связанных с разнообразными привилегиями. Разумеется, пользование этими привилегиями оправдывалось интересами избирателей. Депутат должен был соответствовать своему статусу - хорошо одет и технически оснащен. Именно на этом убеждении Г. Попов и его команда стали тонко играть.

Летом 1990 г. решением сессии была отменена так называемая "выездная торговля", т. е. заведенная процедура, при которой магазин вместе с прилавком и кассой перемещался прямо на предприятие или в учреждение, где сотрудники могли "отовариться" дефицитным товаром, а продавцы - укрыть часть товара. Отмена такого порядка объяснялась многочисленными нарушениями: продавцы скрывали дефицит, перераспределяли его в пользу тех предприятий, которые могли чем-то "расплатиться" с торговлей. Большинство москвичей, имеющих возможность покупать товары только в магазине, было лишено шансов на покупку дефицитных товаров.

Решение решением, а Попов уже через месяц своей подписью начал разрешать выездную торговлю то тому, то другому "нужному" предприятию, а точнее - его начальству. Потом в это дело втянули и депутатов. Управделами Моссовета В. Шахновский объявил, что он не может договариваться о той или иной покупке для каждого депутата индивидуально. Кому-то нужен костюм для поездки за границу, кто-то лишен возможности купить приличную обувь в магазине... Вот и выдумал Попов распродажи для депутатов - ту же выездную торговлю, совершаемую в виде закрытой распродажи в одном из крупных магазинов или, например, в ДК ГУВД. По комиссиям стали разносить талоны. Депутатов пачкали грязью, а те предпочитали помалкивать. Тех же, кто отказывался от участия в нечистоплотном деле, старались не замечать. Их талоны скапливались у гражданина Шахновского вместе с гневными записками.

Второй вариант подкупа - организация зарубежных поездок. Практически никто из депутатов, принявших участие в делегациях, выезжающих из страны по приглашению зарубежных друзей Москвы, не оставил после себя отчетов. Смысл поездок был только в том, чтобы удовлетворить за счет государства свое любопытство, да еще насладиться прелестями, которые предоставлял депутатский статус, так высоко ценимый за рубежом (и полностью обесцененный в Москве!). Никакой системы для формирования делегаций не существовало. Попов просто "подкармливал" таким способом наиболее преданных ему лиц.

Примечательна и история с автомобилизацией депутатов. Группа депутатов, мечтающая о личном транспортном средстве, просчитала, что выгоднее всем депутатам предоставить автомобили, чем пять лет возить их на служебных "Волгах". Справедливости ради, заметим, что эти самые "Волги" для рядовых депутатов были недоступны. На них разъезжали поповские любимцы и председатели комиссий. Короче говоря, начали собирать списки тех, кто хотел бы получить автомобиль по государственным ценам (чтобы купить машину по госцене в те времена приходилось стоять в очереди годами). Тут возмутились депутаты, не желавшие дискредитации

Моссовета, а также не имевшие средств на покупку машины. Пришлось каждому из инициаторов добиваться автомобилизации в индивидуальном порядке. В сложившейся ситуации успех им был обеспечен. Те же, кто были более чистоплотными, продолжали ходить пешком.

ПРОШЕЛ ГОД

В представленном сессии Моссовета 27 мая 1991 г. "докладе" председатель Моссовета Г. Попова не стремился присвоить себе чужие заслуги, а говорил только о собственной работе в Совете. Оказалось, что отчитываться просто не о чем. Текучка и борьба с всевозможными кризисами поглотили все силы достопочтенного председателя.

Оценку своей деятельности Г. Попов не сделал, но этого и не нужно было. Все, в том числе и верные соратники, видели, что первый год Моссовета стал годом обманутых надежд. Обманутыми оказались и депутаты, и избиратели.

Ожидания избирателей, да и депутатов, натолкнулись на любимую идею Г. Попова о коалиции с номенклатурой. Вместо серьезной кадровой политики Попов постарался лишь слегка встряхнуть верхний слой исполнительной власти и найти себе там удобное местечко. Опыт его деятельности в Моссовете позволял ожидать, что введение поста мэра также обернется несложной комбинацией в виде пересаживания одних и тех же людей из кресла в кресло.

Вспомним несколько характерных "мелочей". Руководители Моссовета обещали привлечь к работе в Моссовете тех членов блока "ДемРоссия", которым не удалось победить на выборах. Люди ждали, но Попов со Станкевичем даже и не думали выполнять своих обещаний. Реализуя свою рекламную кампанию, Станкевич летом 1990 г. не раз обещал москвичам резкое улучшения состояния автодорог. Все это так и осталось на словах. Гавриил Харитонович не отставал в обещаниях - за ним осталось обещание московского референдума по мерам социальной защиты. Но даже о том, какие же меры нужно предложить москвичам Гавриил Харитонович не подумал. Тот же Гавриил Харитонович обещал блоку "ДемРоссия" экономическую программу для Москвы. Какое там! Пришлось заниматься более интересным делом - обосновывать необходимость блока с номенклатурой, писать книжки и статьи на эту тему.

Лидеры Моссовета Попов и Станкевич упустили и другое - политический механизм решения проблем города. Их роль в уничтожении блока "ДемРоссия" была наиболее заметной. Координационный совет блока разбежался сразу после распределения административных постов. Затем всплыли на поверхность закулисные интриги по вопросу о назначении начальника ГУВД, а также махинации при введении поста мэра Москвы. В результате исчез механизм согласования позиций большинства, исчезло единое понимание того, ради чего существует Моссовет и каковы его ближайшие и перспективные задачи. Программу "ДемРоссии", которой москвичи оказали доверие на выборах, выполнять было некому. Вспоминать о том, что Попов со Станкевичем были лидерами блока, да и о самой программе блока, стало неудобно.

Другой момент, в котором руководители Моссовета упорно

бездействовали - это формирование социальной среды, способной к самоорганизации и воздействию на власть. Декларации о поддержке многопартийности были забыты, а КПСС практически ни в чем не была потревожена. Попов со Станкевичем в закулисной игре уже договорились с номенклатурой, которой конкуренция идей была совсем некстати. Вся забота о формирующихся политических партиях состояла в выделении восьми полуаварийных комнат под Общественный центр Моссовета, где некоторые московские общественные организации нашли себе временное и весьма неуютное пристанище.

Роль председателя Моссовета и его команды в организации развала Моссовета как органа власти трудно переоценить. Во время сессий Гавриил Харитонович Попов неоднократно сам руку прикладывал для разрушения демократической процедуры (ради внедрения демократии он, по собственному выражению, "выкручивал руки"), а высокомерие Сергея Борисовича Станкевича постоянно выводило сессию из состояния равновесия. Это можно было бы им простить, если бы с таким трудом принятые решения выполнялись. Вместо этого Президиум, руководимый этими двумя недюжинными политиками, проявлял поразительное миролюбие по отношению к исполкому, игнорирующему все ключевые постановления Моссовета.

Состоявшийся за кулисами сговор с номенклатурой вынудил Попова и Станкевича приложить все свои силы и весь авторитет для того, чтобы навязать депутатам утверждение исполкома Моссовета списком. Для проталкивания соответствующего решения была пущена утка о том, что в Москве где-то кем-то сформирован Комитет национального спасения, подобный тому, который действовал в Литве. Против диктатуры такого комитета, якобы, мог спасти только лужковский исполком.

Разменяв свой политический капитал на эти малоприличные игры, дуэт руководителей Моссовета лишился поддержки большинства депутатов и основательно подорвал возможность их нормальной работы. 85 депутатов из бывших соратников Попова и Станкевича открыто заявили о том, что это - предательство интересов избирателей ("МК", 18.01.91).

Между сессиями, казалось бы, основное внимание руководители Моссовета должны были уделить работе депутатских комиссий. Но это было для них пустой тратой времени. Они и обращения депутатов, отчаявшихся добиться аудиенции у своих лидеров, не читали. По сути дела это было присоединение к информационной блокаде, которую с их же попустительства наладил лужковский исполком.

Вместо помощи депутатам в комиссиях и избирательных округах, Поповым и его командой была организована кампания шельмования инакомыслящих. В "Курантах" бывших союзников Попова обвиняли в единстве с "*погромщиками в Тбилиси и Вильнюсе, Баку и Риге, с создателями комитетов общественного спасения и защитниками этих комитетов от правосудия, с теми, кто вывел войска на улицы Москвы 28 марта, кто захватил ТВ в Вильнюсе и Москве"*. Все это наворочено депутатами-"поповцами" Коротких , Макагоновым и Максимовым. Один из них стал впоследствии штатным щелкопером "демократических" газет, второй - чиновником мэрии, третий - из пятой колонны в Моссовете после кровавого октября перебрался в кресло председателя Городской Думы. Вечная память их порядочности.

Наконец, годовщину своего пребывание в Моссовете Г. Попов отметил организацией антидепутатского митинга. На этом митинге основными доводами были грубые ругательства, а политической позицией - одобрение рукоприкладства. (На фразу о том, что теперь понятно откуда берутся всякие "адольфы", депутат, имевший в виду тактику Попова, получил пощечину от "поповца", выскочившего у него из-за спины. Нанесший пощечину считал себя либералом и потом кормился при СП "Сити", о котором уже было сказано немало.)

Стоило ли после всего этого верить Г. Х. Попову, пытавшемуся в своем прощальном "докладе" рассказать о каких-то попытках изменить порядок работы Моссовета? Вялость и примитивность таких попыток не демонстрировала искреннего стремления к реформам и действительной организации работы. Моссовет уже прошел стадию становления. Многие научились работать, и от дружного "демократического одобрямса" перешли к вдумчивой оценке рассматриваемых на сессиях документов. Вместо того, чтобы поддержать то, что с таким трудом наработано, Г. Попов предпринял рывок к креслу мэра. Причем в чисто большевистском духе - главное ввязаться, а там посмотрим.

О каком доверии к Попову и Станкевичу могла идти речь? Только о таком, которое формируется не интересами дела, а интересами клана, интересами закулисной интриги. Когда вопрос о доверии был поставлен на голосование, Г. Попов получил равное число голосов "за доверие" и за "недоверие" - по 177. К Станкевичу отношение было менее негативным, и он просидел в своем кресле первого зама председателя Моссовета еще долго.

Депутаты прозрели раньше избирателей - уже через год своей работы. Это прозрение ничего, кроме больших неприятностей, им не дало.

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КВОРУМ

Уже на 15-й день первой сессии Моссовета 21 созыва во весь рост встала проблема добросовестности депутатов и их присутствия на заседаниях. Станкевичу, сидящему в президиуме, кричали в микрофон, что сессия не подготовлена, что ее эффективность ничтожна, что не определены приоритеты в работе... Бестолку. Станкевич предлагал только штрафы за пропуски сессии и сетовал на отсутствие письменных предложений (которые, впрочем, некому было рассматривать). Но никаких штрафных санкций к прогульщикам так никогда и не было принято. Попов со Станкевичем, а потом Гончар, стремились к тому, чтобы объяснять провал работы именно безалаберностью и безответственностью депутатов. Формировался негласный сговор: я лоялен к вашим проступкам - вы лояльны к моей деятельности.

Проблема кворума на сессиях Советов оказалась для лидеров демократии совершенно неразрешимой, а в тайных мыслях разрешение этой проблемы было, скорее всего, нежелательным. Постепенно выяснилось, что неустойчивость численности присутствующих на сессии депутатов дает невиданные возможности для манипулирования системой голосования (об этом подробнее в главе "Вздох в микрофон"). А в некоторых ситуациях

сессию можно было вообще не собирать.

Например, длительная пауза между 1-й и 2-й сессией, продолжавшаяся более четырех месяцев, сама по себе способствовала утверждению разгильдяйской психологии. Пример разгильдяйства показал сам Председатель Моссовета, который вместо решения городских проблем все это время занимался созданием своего нетленного труда "Что делать?", а вместо организации работы Совета договаривался с партийно-государственной номенклатурой по поводу раздела власти. Восхищение этой брошюркой в среде "демократов" отчасти было вызвано именно предоставляемой возможностью забыться в безответственных рассуждениях о судьбах страны и отвлечься от насущных проблем Москвы.

Но прозрение рано или поздно наступает. Как мы уже отмечали, депутатам судьба предоставила возможность избавиться от иллюзий раньше других. Им воочию пришлось столкнуться с предательством собственного руководства: увидеть махинации вокруг кандидатуры на пост начальника ГУВД, пережить "выкручивание рук" во время утверждения исполкома Моссовета, наблюдать прямой саботаж решений Моссовета по статусу Москвы...

Поскольку депутаты стремительно избавлялись от наивности, Попову пришлось играть ва-банк, делая ставку на ликвидацию Моссовета как властной структуры. Потеряв доверие депутатов, еще можно было опираться на все еще наивных избирателей. И тогда на вооружение была взята идея "сильной исполнительной власти", реализованная до полного умерщвления власти представительной.

Решением Президиума ВС РСФСР о введении в Москве поста мэра был нанесен сильнейший удар по Моссовету. Оправиться отчасти удалось только благодаря тому, что вопреки усилиям "демократов" удалось избрать нового председателя Совета Н. Н. Гончара. Была надежда на то, что последний реализует многочисленные предложения по организации работы депутатов. Нет сомнений, что в иных условиях эти меры были бы непременно реализованы. Но ситуация диктовала Гончару иной подход. Лето 1991 года было ознаменовано рождением нового административного монстра - московской мэрии. Усиление Моссовета означало бы, что на пути номенклатуры возникает преграда. Ни московским бюрократам, ни их союзнику Гончару это было невыгодно.

Гончар не зря осторожничал с организационной активностью. Власть мэрии к осени простерлась до президентского кресла и стимулировала целый залп Указов, добивающих Моссовет и развязывающий руки сложившейся номенклатурной коалиции мэрия - Правительство Москвы. Эта коалиция могла утопить проклюнувшуюся политическую карьеру нового председателя Моссовета. После того, как выбор был сделан в пользу карьеры, оставалось аккуратно сдать Моссовет, извлекая из этого максимальную пользу. Отказ от решения ставшей проклятой для Моссовета проблемы кворума и был одним из способов этой сдачи.

Такова уж была судьба московских депутатов - выбирать себе руководителей, которые использовали Моссовет в своих личных целях и упорно не желали работать как организаторы. Ситуация при этом становилась безнадежной, поскольку всегда решающие преимущества получали "добронравные" люди, терпеливо подталкивающие Моссовет к пропасти. Шаг за шагом мэр Москвы и Президент России, работая сыгранным

дуэтом, отсекали властные функции Моссовета. Верховный Совет и Конституционный Суд охотно во всем способствовали им. В конце концов на растерзание очень "независимой" прессы и избирателям остался безобидный обрубок народных чаяний образца 1990 года, только и годный на то, чтобы его лягали и кусали. Именно таким Моссовет и оказался полезен - меньше пинков и укусов приходилось на долю тех, кто в действительности правил бал.

Итак, Попов, задвинувший Моссовет на задний план политики и управления городом, торжествовал. Для окончательной победы оставалось немного. Последний бастион - Городская Дума (Малый Совет) - пал после проведения выборов в самом Моссовете (см. главу "Думский переворот"). Переродившиеся почти поголовно в номенклатурных чиновников члены Президиума Моссовета легко объединились с ярыми "поповцами" и бывшими коммунистами из группы "Москва".

Моссовет стал безвредной игрушкой в руках номенклатуры и мишенью для журналистского словоблудия.

ПРОЦЕДУРНЫЕ КАВЕРЗЫ

Помимо изъятия у Моссовета большинства его законных полномочий, он последовательно разрушался процедурой своей работы. Раз за разом Попов и Станкевич воспроизводили нелепый механизм ведения сессий. Алгоритм принятия решения был настолько непродуктивен, что заставлял думать о ведущих сессию дурно: либо дураки, либо сознательно ведут дело к развалу.

Злонамеренность руководства опиралась на наивность депутатов. Они с самого начала полагали, что хорошую работу можно сделать при хороших правилах. Казалось, что если разработать удачный регламент, то дело пойдет как по маслу. Депутаты не сразу обнаружили, что могут сами себя удушить той процедурой, которая создана их собственными руками. Буквально на первой сессии возникла ситуация, когда политические оппоненты использовали процедуру, чтобы парализовать работу сессии. Если на первой сессии в 1990 г. коммунистическая фракция "Москва" демонстративно покидала зал, то в 1993 г. фракция "Демократическая Россия" открыто срывала кворум. И ничего нельзя было сделать против саботажа. Таков был закон, таков был регламент.

Вот как обсуждались поправки к принятию решений под надзором Станкевича. Сначала все поправки депутаты вносили от микрофонов, а потом эти поправки (уже забытые и перепутанные в мозгах) начинали голосовать все подряд. Группа "Сильный Совет" попыталась переломить ситуацию. С лета 1991 г. эта группа проводила анализ работы сессии и давала рекомендации по повышению процедурной эффективности. Никакой поддержки со стороны руководства Моссовета эта деятельность не получила. Более того, введенные правила размножения материалов позволяли распространять рекомендации "Сильного Совета" только мизерным тиражом. В конце концов последовательный порядок принятия поправок был введен, но было уже поздно. Депутаты уже привыкли к тому, что сидеть на сессии просто глупо - есть более важные дела.

Порой, когда это было нужно номенклатуре, депутатов вынуждали

"давать продукцию". Поэтому все обсуждения сводились к минимуму, а неугодные решения блокировались в самом начале - при обсуждении повестки дня. Опасные для сговора руководства с исполнительной властью проекты в большинстве случаев даже не удавалось внести в эту самую повестку дня. Лишь по вопросам, вызывавшим накал страстей и таким образом консолидирующим оппозицию режиму Попова-Лужкова (позднее Лужкова-Гончара), удавалось ломать процедурные игры.

Попов, Станкевич, Гончар всегда старались разогреть сессию настолько, что никакие поправки к нужным им проектам решений уже не проходили. Скорость, с которой голосовались поправки, превышала возможности осмысления сути принимаемых или отклоняемых предложений. Необычайно короткое время для обоснования необходимости той или иной поправки со стороны их авторов исключала взвешенный подход. Даже при искреннем стремлении сознательно участвовать в голосовании не было никакой возможности успеть проследить текст поправки, сличить его с текстом редакционной комиссии и воспринять аргументы за или против поправки. В результате депутаты реагировали только на поверхностный смысл предложений своих коллег или на их фамилии ("Меня не интересует что предлагает этот дурак, я все равно "против"!"). Поправки обычно не проходили даже при почти единогласном голосовании, поскольку они принципиально не могли заинтересовать отсутствующих в зале. Полупустой зал был для руководства Моссовета гарантией от случайностей.

Подчас зал и ведущий сессию были едины в своем нежелании работать продуктивно. Депутаты делали вид, что участвуют в работе сессии, ведущий делал вид, что он им помогает.

Ситуация вынуждала разработчика любого документа добиваться всего лишь начала рассмотрения вопроса на сессии (для чего требовалась благосклонность руководства). Не было сомнений в том, что прения в основном станут поводом для самовыражения выступающих и не смогут повлиять на результаты голосования "за основу". Примерно сотня депутатов, не считающих обязательным выслушивать какие-либо аргументы, возвращалась в зал лишь для голосования и почти всегда голосовала "за". Ситуация повторялась и при обсуждении поправок, за исключением того, что из курилок депутаты уже не возвращались.

Станкевич в нужный момент мастерски переводил сессию на наименее интересные для депутатов темы. Депутатские запросы традиционно звучали при полупустом зале. Не удавалось привлечь внимание и к отчету созданных сессией под напором руководства скучных комиссий.

Помимо чисто процедурного абсурда Моссовет стал заложником тунеядства. Лидеры отказывались выполнять лидирующую роль. Они не предлагали никакой концепции работы, и, предпочитали идти вслед за событиями, не тревожа верховные власти предложениями по организационной реформе самих Советов. Потом неэффективность работы системы Советов объяснялась их генетическим родством с коммунистическим режимом. Профанация была налицо. Как со стороны лидирующих и ведущих, так и со стороны ведомых.

Один из депутатов Моссовета сказал однажды замечательную фразу: *"Для приличных людей никакой регламент не нужен"*. Это действительно так. Если люди собрались, чтобы совместно сделать что-то полезное, они не будут ставить друг другу подножки, опираясь на вечно

несовершенные правила. Но как раз такого человеческого отношения между депутатами с различными убеждениями и не дали наладить сначала Попов со Станкевичем, а потом и вся верхушка Моссовета во главе с Гончаром, нашедшая себя в интригах и переговорах с лужковской администрацией.

ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ

Пока Моссовет боролся сам с собой, мэрия все дальше распространяла свое влияние. Благодаря Б. Ельцину в руки вчерашних и новых номенклатурщиков , попали не только рычаги власти, используемые КПСС, но и многое другое. Это многое - прямое подчинение им руководства милиции и территориального управления Министерства безопасности, бесконтрольное решение всех вопросов, связанных с собственностью Москвы и громадными средствами, сконцентрированными во внебюджетных фондах.

Все закулисные интриги и жестокие разборки в структурах исполнительной власти до публики не доходили. Зато депутатские склоки крутили по московскому каналу телевидения часами более года. Жизнь становилась все хуже, а тут на экране занимались совершенно непонятными разговорами народные избранники. Услужливые комментаторы торопливо толковали: они некомпетентны, слабы, ничего не умеют и хотят бесконечно могучей личной власти. Этим они мешают толковым хозяйственникам, ночи не спящим в заботах о любимом городе. Поносимым и шельмуемым депутатам оставалось мучиться бессильной злобой, прорывающейся в редких и бездарно сделанных телепередачах с их участием. Многие предпочли не нервничать и пошли к хозяевам города на поклон - просить доходного места при мэрии.

Может быть так и стоило поступать, смиряясь и оправдывая себя той конкретной пользой, которую можно приносить избирателям на административных постах? Тогда во что должна превратиться система представительных органов власти? Снова в тот же придаток партийных структур (теперь закамуфлированных номенклатурой под хозяйственные)? Не всем по душе было перерождение избираемой власти в назначаемую. Природное упрямство мешало согласиться на крутую смену убеждений.

Нет, такой выход для порядочных людей не подходил. Он противоречил здравому смыслу и становился предательством по отношению к собственным устремлениям, высказанным когда-то избирателям. Система, которую лепила новая номенклатура и подсобники из "демократов" была явно противоестественна и внутренне конфликтна.

Зампред Моссовета Ю. П. Седых-Бондаренко и академик В. М. Капустян написали на эту тему статью "Как Моссовет может стать сильным." ("Столица", 1992). С их точки зрения, неэффективность доминирования исполнительной власти была обусловлена целым рядом причин. Прежде всего, в такой ситуации административный пост появляется еще до своей функции, а потом изобретает эту функцию и требует под нее финансирование. Значит приходится содержать не аппарат, решающий реальные проблемы, а изобретателей функций. Расточительность налицо! Второй момент состоит в том, что хозяйственная деятельность приобретает технократический характер: она привязана к техническим комплексам города, а не к конкретным потребностям населения. При ослаблении властных

установок технические комплексы начинают работать вхолостую или самостоятельно определять свои задачи. В то же время депутаты, как представители населения во власти, обязаны выявлять и исследовать проблемы города, определять первоочередные из них и намечать стратегию их решения. Если обеспечить эту естественную функцию депутатского корпуса, роль администраторов-исполнителей сохраняется в разумном распоряжении выделенными им под решение конкретных проблем ресурсами. Тогда деньги расходуются под конкретные проблемы, а не под обеспечение существующих административных структур.

Такого рода эффективность была убийственной для номенклатуры, собирающейся нажиться в обстановке разрухи и хаоса. Поэтому железной пятой наступила номенклатура на горло представительной власти, пытавшейся по началу говорить именно о проблемах Москвы.

ПЕРЕД МОРЕМ ПРОБЛЕМ

И все-таки депутаты могли попытаться самостоятельно перейти в проблемный режим работы, не воспроизводя бюрократию хотя бы в своей среде. Не тут то было. Зря что ли оставлял Г. Попов в Моссовете мощный арьергард - пятую колонну? Зря что ли привечал бывших коммунистов из моссоветовской группы "Москва" Ю. Лужков?

Группа "Сильный Совет", не ведая с кем связалась, раз за разом делала заходы вокруг руководства Моссовета, дабы внедрить проблемный режим работы Моссовета.

Вот что предлагали. Поскольку отраслевая структура депутатских комиссий совершенно не способствовала эффективной работе, и внутри них возникали мелкие личные счеты, значительная часть депутатов с большей охотой встраивалась в работу хозяйственных структур. Это убивало Совет. Поэтому предлагалось опереться на инициативные группы разработчиков конкретных решений городских проблем и отказаться от жесткой отраслевой специализации. Проекты инициативных групп должны были существовать поначалу в виде принципов - не более. Лишь после принятия депутатами общей концепции решения проблемы, должен был начинаться поиск юридических формулировок.

Для того, чтобы видение городских проблем не замыкалось в узких группах из депутатов и специалистов, предлагалось сделать обязательным инструментом в работе депутатов циклы публичных слушаний, проходящих вне заседаний сессии. На этих слушаниях группа разработчиков должна отвечать на вопросы, формировать пакет возражений на свою концепцию, корректировать список принципиальных моментов, который должен быть вынесен на голосование сессии Моссовета. Тут могли сложиться и группы, отстаивающие альтернативные подходы. (В режиме слушаний с участием специалистов сессия работала лишь один единственный раз - при обсуждении судьбы Северной ТЭЦ в 1990 г.)

Часть депутатских заседаний должна представлять собой запланированные встречи с депутатами России от Москвы, с представителями администрации города и содержать заранее подготовленные вопросы по конкретной проблеме.

Заседания Моссовета, как предлагала группа "Сильный Совет", не

должны превращаться в испытание для психики и в физическую муку: в перерывах вблизи зала заседаний должен был работать простейший буфет, газетный киоск, 3-4 городских телефона, в фойе должна была звучать негромкая музыка, прерываемая с окончанием перерыва.

Если хотя бы часть этих предложений была принята, Моссовет не попал бы в нелепую ситуацию, когда масса юридически выверенных решений все-таки не исполнялась. Замахиваясь на проблему, депутаты не могли оценить своих реальных сил и часто действовали по принципу: "А пусть попробуют не выполнить!"

Администрация и не собиралась выполнять ровным счетом ничего из депутатских мечтаний. Либо потому, что это было ей невыгодно, либо потому, что администрация приняла на вооружение принципиально иной подход в своей работе. Проблемы города в стратегии администрации не должны были становиться предметом открытого обсуждения и столкновения мнений. Общение власти с городом должно было происходить лишь через различного рода подачки в виде льгот и хождение граждан по чиновникам с челобитными.

* * *

Лишь однажды группе "Сильный Совет" почти удалось сломить сопротивление моссоветовского начальства и применить проблемный подход при решении вопроса о процедуре приватизации жилья. Для примера мы приведем здесь комплекс вопросов, которые пришлось бы решать Моссовету, если бы проблемный подход был принят.

Группа "Сильный Совет" предлагала, прежде всего, прояснить для себя цель приватизации жилья. Это либо извлечение максимальных средств для нового жилищного строительства, либо получение максимального числа приватизированных квартир и "выброс" квартир на рынок, либо что-то другое? (Либерал-гайдаровцы впоследствии сказали, что для них главное - чтобы был собственник, как можно больше собственников. Что из этого вышло, мы знаем. Собственниками стали почти все, только одни - собственниками лачуг, другие - шикарных хором одни - собственниками ваучерных фальшивок, другие - собственниками заводов, банков, земли и пр.).

Следующий важнейший вопрос, который нужно было решить при последовательном подходе к проблеме, это вопрос о том, в состоянии ли городские власти подтвердить в полном объеме свои обязательства перед гражданами, состоящими на учете по улучшению жилищных условий? Стоило также определить, можно ли принять на себя еще и новые обязательства, связанные с приватизацией? В последнем случае необходимо было бы решить, каким образом учесть приличную обеспеченность жильем одних и плохую (или никакую) обеспеченность других. В случае признания неспособности городского хозяйства и действующих на данный момент властей вынести бремя прежних обязательств вместе с новыми, стоило бы разобраться, какими именно обязательствами Моссовет готов пожертвовать: готов ли он замедлить продвижение очереди на получение бесплатного муниципального жилья, готов ли он отсечь "хвост" очереди или будет исключать из очереди состоятельных лиц?

В случае принятия концепции "дешевой" приватизации жилья (т. е. преимущественно бесплатной), надо было бы определить, что передается москвичам бесплатно: стоимостный эквивалент, равный для всех, или жилплощадь, выделяемая на каждого человека и на семью в занимаемой квартире (независимо от ее качества)? Следующие вопросы - об оплате "излишков" (сверх бесплатного норматива) и технологии оценки качестве жилья (элитные здания и элитные территориальные зоны).

Таков круг вопросов, связанных с приватизацией жилья, над которыми депутатам не довелось по-настоящему поработать. Кропотливое исследование

проблемы обеспечения москвичей жильем было не по душе номенклатуре и ее союзникам. Их принцип дележа, как и при использовании ваучеров, состоял в праве силы.

Поначалу к "сложному" решению проблемы приватизации жилья склонялся и московский мэр. Г. Попов не раз говорил о необходимости доплаты за излишки приватизируемой жилплощади, но, буквально через несколько дней после очередного выступления такого рода, он утвердил правила бесплатной приватизации жилья. Дело было обставлено так, будто с этой инициативой выступил председатель Моссовета Н. Гончар, а его поддержал Президиум Моссовета. Никакого решения Моссовет не принимал, никаких корректировок в рамках российского закона о приватизации не вносил. Просто Попову было позволено все.

Администрация Москвы, объявив бесплатную приватизацию, практически сразу отбросила все обязательства перед очередниками на жилье. Состоятельные граждане вовсе не пострадали. А больше всего выиграла все та же номенклатура, получившая бесплатно в собственность все свои хоромы. Это была цена "простоты" - резкое имущественное расслоение общества. Такая простота, как известно, хуже воровства.

Итак, моссоветовское начальство обыгрывало депутатов, а исполнительная власть громила Москву, растаптывая железной пятой все попытки применить в столице законы России. Вместо внедрения проблемного подхода проводники интересов мэрии постоянно ввергали сессии Моссовета в состояние сумбура. Предложения группы "Сильный Совет", распространяемые среди депутатов и представляемые руководству всю вторую половину 1991 г., были полностью проигнорированы. Депутаты не учились достигать компромисса в предварительных обсуждениях, руководство сваливало все на крайне перегруженные сессии, голосование имеющихся альтернатив практически никогда не проводилось, заседания все время сползали к истерии...

Помимо действий пятой колонны, работу Моссовета калечило и извращенное народолюбие. Большинство депутатов находилось при стойком убеждении, что надо выдавать побольше решений "полезных для города". Ради тактического успеха они старались не замечать, что проигрывали стратегически, что "полезность" выпускаемых решений исчезающе мала.

Члены группы "Сильный Совет" попытались на издыхании своего энтузиазма создать депутатский клуб, в котором могли бы еще сложиться нормальные человеческие отношения между депутатами, но натолкнулись на полнейшее равнодушие руководства и депутатскую леность. Вместо помощи моссоветовские наследники Г. Попова блокировали все попытки всерьез поставить эту работу.

А ведь все можно было бы сделать по уму. Нужно было только в какой-то момент одуматься и начать все сначала - с определения нескольких ключевых проблем, над которыми депутатам придется работать в течение длительного периода.

Таких проблем, на решение которых, отбросив второстепенное, стоило сориентировать всю работу, было не так уж много. Это:

- соблюдение законов России исполнительными структурами города (нормой должны были стать открытые судебные разбирательства, инициированные депутатами должен был возникнуть банк данных по случаям нарушения законности должны были быть созданы органы независимого финансового контроля, внесены законодательные инициативы по коррекции российского законодательства и пр.)

- формирование и поддержка независимых рыночных структур, не имеющих генетической связи со старыми исполкомовскими формированиями (единая система льгот, кадровые центры, разумное лицензирование, ответственность собственника перед городом, ответственность властей перед производителем и пр.)

- поддержка новых политических и общественных организаций и движений, не ведущих коммерческой деятельности и действующих в рамках закона (обеспечение их помещениями, выходом в средства массовой информации, возможностями участия в подготовке проектов решений органов власти и пр.).

Если бы Моссовет сконцентрировался именно на этих направлениях работы, которые ему прелагал "Сильный Совет", то удалось бы избежать того беспросветного одиночества, в которое Моссовет загнали его руководители. Впрочем, надеяться на какую-то победу все равно было бесполезно. Силы были не равны.

МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО ПРОИГРАЛИ

Для наиболее прозорливых депутатов (точнее, желающих что-то прозревать в туманном будущем) общий проигрыш Моссовета в борьбе с номенклатурой стал ясен уже в начале 1992 года. Неформальное депутатское совещание, которое удалось провести в конце января, констатировало глубокий кризис Моссовета. Возможностей антикризисных мероприятий было много, но реализовать их было некому.

Депутаты говорили о том, что им не удалось взять власть с самого начала, когда имелась широкая поддержка населения, когда исполкомовцы сидели на сессии и ждали своей участи. Попов и Станкевич (оставаясь членами КПСС) не пошли по этому пути - пути здравой политизации Моссовета. Оттого-то и воспроизвели они старую отраслевую систему организации представительной власти, удобную номенклатуре, но бесполезную для Москвы. В результате депутаты только наплодили в комиссиях новую группу чиновников с которыми им самим же и пришлось вести длительную и безуспешную борьбу.

Чиновники, разумеется, консолидировались с целью закрепления своего статуса. И сменить их даже за развал работы сессий, общий организационный балаган, негодное оформление решений и т. д. было очень трудно. Истории со сменой руководства той или иной комиссии иногда выворачивали наружу всю человеческую гнусность. В одном месте председатель комиссии солгал и не покраснел от того, что его ложь стала всем очевидна в другой - председатель совершил подлог, выступив перед комиссией с докладом, переписанным из прошлогодних исполкомовских отчетов, и не сгорел со стыда, когда это открылось в третей - глава комиссии несколько месяцев требовал полного кворума для официального лишения его председательских полномочий, хотя и не стеснялся признавать, что окончательно прекратил работать по должности.

А на том самом печальном совещании, где депутаты признали, что их поражение неминуемо, только и удалось поговорить о наболевшем. Так вот поговорили, дали друг другу обещание собраться с целью организации особой фракции, а назавтра же все забыли. Сил хватило только на то, чтобы

держать лишь свой индивидуальный участок антиноменклатурного фронта.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

В последние дни 1992 г. вопрос об организации работы Совета был поднят последний раз. Весь 1992 год по этой позиции многим казался совершенно провальным. И вот на трибуну выходит председатель Моссовета Н. Н. Гончар и выносит на рассмотрение депутатов целую программу организационной реанимации Моссовета:

1. Расписать компетенцию каждой из структур Моссовета, предусмотреть исключительную компетенцию постоянной комиссии, Малого Совета. Обоснование: Смысл структурирования Моссовета состоит в том, чтобы дать возможность принять решение не Моссовету, а тем или иным структурам, и тем самым облегчить работу Моссовета в целом.

2. Президиум Моссовета должен быть сохранен, его задача - повседневная организация деятельности Московского Совета, его аппарата, текущего взаимодействия комиссий, подготовка заседаний Малого Совета. Обоснование: Все вопросы, как правило комплексные, нужен координирующий орган.

3. После вотирования председателей комиссий в течение 2-3 недель нужно принять решение о том, что до конца полномочий Совета состав председателей постоянных комиссий не меняется. Обоснование: Требование элементарной дисциплины в комиссии, в особенности для тех, кто работает на постоянной основе. Председатели не будут уходить от непопулярных решений в этой области.

4. Порядок работы сессии Моссовета должен быть таков:
- вносится концепция, по ней принимается решение сессии,
- профильная комиссия, группа комиссий или Президиум готовят проект решения и анализирует поправки,
- голосование поправок к проекту проводится подписным путем через комиссии.

Обоснование: После принятия закона о статусе Москвы в компетенцию Моссовета будет передан целый ряд важный вопросов, что повысит ответственность за сроки принятия решений и их качество. Часть депутатов занята по месту основной работы и не может много времени уделять заседаниям.

5. Повестка дня сессии должна утверждаться в начале сессии и изменяться только количеством голосов большим, чем число голосов, поданных за первоначальный проект повестки. Обоснование: Постоянные изменения в повестке дня уводят от содержательных вопросов.

Все это было замечательно! Это был луч света в темном царстве номенклатурного саботажа! Только одна тонкость всей этой программы как-то ускользнула от депутатов. Выдвинув программу, Гончар не внес по ней ни одного проекта решения. Именно поэтому возникшее у депутатов удовлетворение от председательской программы было временным. Исполнять ее никто и не собирался. Скорее всего, Гончар просто сыграл "под дурочку". Показав свое намерение всерьез реанимировать Моссовет, он этой серьезностью кого-то напугал и этот "кто-то" предложил за отказ от реанимации хорошую цену. Ведь реальное возрождение работоспособности Моссовета и самому Гончару было невыгодно.

История с непрекращающимися попытками организовать работу Моссовета кончилась нелепым эпизодом в финале. Чудовищными усилиями группы энтузиастов и хитростью, применявшейся и для менее благовидных целей, к исходу лета 1993 года Моссовет принял-таки выверенный с многих

сторон Регламент и даже издал его в виде отдельной брошюры. Только воспользоваться уже не успел. Последняя сессия завершилась 3 октября под грохот канонады, не признающей никаких регламентов.

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГОЛОДОВКА

Вопрос о назначении генерала Комиссарова на пост начальника ГУВД послужил поводом для размежевания сил в Моссовете. Стало понятно, кто есть кто. Одни депутаты безоглядно шли в бой за интересы номенклатуры, другие пытались вести дела на пользу городу. На первом этапе (начало 1991 г.) руководство Моссовета одолело пока еще робкую оппозицию. Попов, Станкевич и Лужков выполнили задание номенклатуры: не пустили на важнейшую должность человека "со стороны".

Вплоть до начала третьей сессии Моссовета противостояние продолжалось. И третья сессия снова началась на высокой ноте: значительная группа депутатов все никак не могла смириться с тем, что сторонники законности терпели поражение от номенклатуры в ключевом вопросе. Комиссия по законности вновь вышла на сессию с предложением окончательно разобрать вопрос о начальнике ГУВД, а большой демократ С. Станкевич постарался заблокировать это предложение.

Схватка обещала быть затяжной. Но вот что-то в скрытом механизме номенклатурных манипуляций сдвинулось. По всей видимости, новой генерации российских политиков понадобилось отвоевать еще один силовой рычаг.

Так или иначе, 23 января 1991 года Лужков, до сих пор стоявший стеной против предложения депутатов, официально внес предложение сессии Моссовета об утверждении генерала Комиссарова начальником ГУВД. Решение Моссоветом было принято незамедлительно. Комиссаров получил 280 голосов. "Партия законности" торжествовала. С этого момента московская пресса осторожно приняла их сторону и поддержала неугодного союзным властям Комиссарова.

Теперь противодействие принятому решению оказало МВД СССР. Началась волокита с изданием приказа министра внутренних дел СССР, а номенклатурный генерал П. Богданов продолжал занимать кабинет на Петровке, 38.

4 февраля 1991 г. коллегия МВД СССР вопреки действующему законодательству (Конституции и закону "О краевом, областном Совете...") объявила, что процедура назначения нового начальника ГУВД нарушена, а посему П. Богданов останется на своем посту. Предполагалось, что какие-либо решения по этому вопросу можно будет принимать только после принятия закона "О статусе Москвы" (позднее такую же тактику ссылок на несуществующие законы с успехом будет применять мэр Гавриил Попов).

Подписавший противозаконное решение министр Б. Пуго позднее принял генерала Комиссарова и после часовой беседы сделал заключение, что тот не подходит для должности начальника ГУВД по политическим причинам, хотя профессиональные достоинства Комиссарова у него сомнений не вызвали ("НГ", 07.02.91).

Номенклатурным чиновникам обычно не хватает простого исполнения своих функций. Они хотят еще и зримого ощущения власти, упоения от своих властных возможностей. Так и генерал Богданов, чтобы покуражиться над депутатами, не пустил их даже на порог здания ГУВД (Петровка, 38), демонстративно нарушив статус депутата. Одновременно он проигнорировал и свою должностную принадлежность, отраженную на табличке у входа в его собственное ведомство: "Московский Совет народных депутатов, Исполнительный комитет, Главное управление внутренних дел".

Кипя негодованием от беспредельной наглости чиновников, депутаты Моссовета решили пробиться к Ельцину и заручиться его поддержкой. Не без труда беседу с лидером российского парламента организовать удалось. Около часа депутаты рассказывали о своих проблемах. Ельцин пообещал, что в ближайшее время многие из них (в том числе и вопрос о начальнике ГУВД) будут разрешены принятием Закона "О статусе Москвы, как столицы России". А пока не стоит торопиться и портить отношения с Горбачевым. На прощание Ельцин подарил каждому депутату по своей книжке "Исповедь на заданную тему" и пообещал на днях приехать на Тверскую для встречи с московскими депутатами.

На встречу в Моссовет Ельцин не приехал (так и не побывал там ни разу). А через четыре дня после своей беседы с членами комиссии по законности он выступил по телевидению с призывом к отставке Горбачева. За эти дни курс российского руководства резко изменился в направлении конфронтации с союзными властями. Вспоминать в этих условиях о какой-то там законности Ельцину и К° было недосуг.

Полтора месяца комиссия Моссовета по законности продолжала безрезультатную переписку с органами прокуратуры, МВД СССР и РСФСР, направляла письма депутатам СССР и РСФСР, Президенту СССР и председателю ВС РСФСР. Все тщетно. Номенклатура отгородилась глухой стеной молчания.

20 марта 1991 года в знак протеста против действий союзных органов и молчаливости их российских коллег депутаты комиссии Моссовета по законности во главе со своим председателем Юрием Петровичем Седых-Бондаренко объявила голодовку (первоначальное число участников акции - 11 человек). Голодовка должна была проходить вплоть до фактического вступления генерала Комиссарова в должность.

Участники голодовки разместились в здании Верховного Совета РСФСР. Одновременно собирались подписи депутатов России в поддержку требований голодающих (всего было собрано более 130 подписей), но интерес со стороны парламентариев быстро угас. Российские парламентарии стали равнодушно проходить мимо, а руководство Белого Дома даже попыталось выдворить голодающих депутатов Моссовета за пределы здания.

Лишь 25 марта 1991 г. Президиум ВС РСФСР принял уклончивое постановление, адресованное МВД РСФСР, которому предписывалось решить вопрос о руководстве ГУВД. На это решение Президиума ВС и продолжение депутатской голодовки Президент СССР Горбачев ответил на следующий день Указом о создании Главного управления МВД СССР по Москве и Московской области на базе ГУВД Мосгорисполкома и ГУВД Мособлисполкома. Так московская милиция был напрямую подчинена МВД СССР. Заодно было выпущено постановление Кабинета министров СССР, запрещавшее митинги и демонстрации, которые москвичи намеревались

провести в день открытия III Съезда народных депутатов России. В этот день (28.03.91) милиция и войска, вооруженные дубинками, экипированные касками и металлическими щитами, силой очистили Манежную площадь от демонстрантов. Подобные акции имели место и 30 марта при разгоне пикета на Советской площади. Насилие грозило принять массовый характер. Накалявшаяся обстановка как бы отодвигала голодовку депутатов на второй план.

28 марта внеочередной Съезд депутатов России приостановил действие Указа Горбачева, зато приказ министра внутренних дел РСФСР Баранникова определил начальником ГУВД... В. Ерина (которому очень скоро довелось организовывать штурм нерешительного парламента России). Ерин тут же попытался по-свойски договорится с участниками голодовки, но депутаты отвергли его. Они твердо стояли на своем и добивались соблюдения законов. Наверное, Ерин запомнил этот унизительный момент и не забыл расквитаться за него в октябре 1993 г..

2 апреля 1991 г. лидер группы голодающих Ю. Седых-Бондаренко получил слово на Съезде депутатов России. Короткое обсуждение было прервано председательствующим Б. Ельциным, слова которого стоит привести по стенограмме:

"Товарищи, есть предложение, не принимая постановления, записать в протоколе, что в соответствии с нашим решением, в соответствии с Декларацией о суверенитете, в соответствии с тем, что у нас существует решение о том, что начальников управлений назначают Советы, предложить Моссовету назначить свою кандидатуру (шум в зале). И второе. Поручить Верховному Совету довести это дело до конца. Ну не на Съезде же нам сейчас обсуждать этот вопрос. Давайте поручим Верховному Совету. (Шум в зале). Он детально разберется и примет решение. Кто за это решение, прошу голосовать.

Результаты голосования:
Кворум для принятия решения - 532.
Проголосовало "за" - 458.
Проголосовало "против" - 84.
Воздержалось - 42.
Всего проголосовало - 584.
Не голосовало 2.

Голосование недействительно, нет кворума. Думаю, что завтра вернемся к этому вопросу. (Шум в зале)".

Назавтра никто к этому вопросу не вернулся, Ельцин постарался о нем не вспомнить. Шел пятнадцатый день голодовки...

5 апреля Г. Попов и Ю. Лужков начали переговоры с Б. Пуго о создании Московской муниципальной милиции. В Москве должна была появиться московская милиция, а действующая на данный момент должна была подчиняться МВД СССР. Так и овцы оставались бы целы, и волки сыты. Разные ветви номенклатуры готовы были на временное перемирие по этому вопросу. Заодно совершилось бы предательство московских и российских депутатов, пытавшихся отстоять закон.

В тот же день закрылся чрезвычайный российский Съезд. Б. Ельцин решил на нем главный вопрос. Для него путь к президентскому посту был открыт. А голодающие - пусть себе голодают...

6 апреля 1991 г. министр МВД РСФСР В. Баранников все-таки подписал приказ о назначении начальником ГУВД Мосгорисполкома

В. Комиссарова. Приказ был тут же отменен министром внутренних дел СССР Б. Пуго.

8 апреля 1991 г. Президиум Моссовета принял отчаянное и нереализуемое на практике решение о создании муниципальной милиции и прекращении финансирования из бюджета города подразделений ГУВД Мосгорисполкома, перешедших в подчинение МВД.

Учитывая позицию МВД РСФСР и Президиума Моссовета, участвующие в голодовке депутаты Моссовета согласились прекратить свою акцию, продолжавшуюся 18 дней. Большинство из них к этому моменту находились в тяжелом состоянии. Шесть человек после медицинского осмотра были госпитализированы.

Некоторые основания для того, чтобы поверить в то, что ситуация сдвинулась с мертвой точки все-таки были. Попов, Станкевич и Лужков, ранее всемерно препятствовавшие назначению Комссарова, теперь действовали совершенно иначе. Помимо упомянутого решения Президиума Моссовета, Станкевич с Лужковым встретились с руководством МВД и потребовали утверждения в должности кандидатуру Моссовета ("ВМ", 12.04.91), Чуть позднее Попов с Лужковым опубликовали заявление о формировании муниципальной милиции, которая будет полностью подчинена только интересам Москвы ("Куранты", 13.04.91). Лужков высказался так: *"Москвичи, Моссовет, Мосгорисполком будут иметь муниципальную милицию со всеми необходимыми городу функциями. У нее уже есть начальник - Вячеслав Сергеевич Комиссаров, профессионал высокого класса, получивший полномочия в строгом соответствии с законом. За него проголосовало на сессии подавляющее большинство депутатов, волю которых категорически не советую игнорировать."* ("ВМ", 14.05.91). Эти слова позднее были напрочь забыты.

11 апреля П. Богданов наконец-то был отправлен на "заслуженный отдых", а его место занял генерал-майор Ю. Томашев, назначенный генерал-лейтенантом И. Шиловым, начальником новоиспеченного управления МВД СССР по Москве и области. 18 апреля начальником ГУВД союзный министр Б. Пуго назначил бывшего заместителя П. Богданова генерал-майора Н. Мырикова. Стражи правопорядка уже не знали, где они работают и кому нужно подчиняться. Все смешалось.

* * *

Результатом голодовки было перенесение конфликта с уровня "Моссовет против Исполкома и собственного руководства" на уровень "Москва против руководства СССР". Десятки статей и телевизионных комментариев позволили москвичам разглядеть закулисные игры номенклатуры, которая в данном случае не могла играть "втемную". Это было хорошо, но никто не видел теневой игры российского политического клана...

Для нас комбинации номенклатуры в этой истории должны показать, что закон вовсе не был целью ни российского, ни союзного руководства. Первое подтвердило это через два с половиной года (октябрь 1993 г.), а второе - через три с половиной месяца (август 1991 г.). Действия ГКЧП были по форме вполне законными, но попытка встряски всей системы власти с далеко идущими последствиями была налицо. Это ставило под сомнение соблюдение закона в том случае, если бы ГКЧП одолел своих

оппонентов, что достаточно явно показало "дело Комиссарова".

Другой вывод из этой истории - в том, что мужество и стойкость в отстаивании закона и правды могут быть обращены на службу далеко не чистоплотным политическим планам. Попов, Лужков и Станкевич продемонстрировали, что умеют это делать. Они превратили всю историю с назначением начальника ГУВД в еще один таран, направленный против союзного руководства.

И все-таки голодовка не была напрасной. Медленное публичное самоубийство только на первый взгляд кажется бессмысленным. Особенно если учесть, что его могут использовать не так, как хотелось бы тем, кто рискует своей жизнью. Все-таки самопожертвование не может оставить людей с нормальной психикой равнодушными, они делают попытку понять причины непонятной стойкости. Уже в те дни, когда огромные массы граждан еще не сомневались в благородстве замыслов Б. Ельцина, участникам голодовки приходили письма и телеграммы, в которых его позиция расценивалась, как предательство.

РОЖДЕНИЕ МЭРСКОЙ ВЛАСТИ

Власть КПСС неуклонно рассыпалась под действием неудержимых перемен в обществе. Номенклатура искала новые рычаги для дальнейшего осуществления своего всевластия. И рычаг был найден: "сильная исполнительная власть", опирающаяся на авторитет демократических лидеров и хозяйственный опыт старых кадров.

Вот хроника введения мэрства на Москве.

1990 год. Одновременно с референдумом о судьбе СССР проводится спекулятивный опрос о выборах мэра всенародным голосованием. Далее в демпрессе публикуются никем не обсужденные проекты положения о выборах мэра Москвы (один из вариантов предполагал введение талонов для того, чтобы москвичи, отдав свой голос за выдвижение одного из кандидатов, не могли отдать голос за другого). Никто из москвичей во время опроса не знал, что имеется в виду под термином "мэр", каковы его полномочия и ответственность. Голосовали по сути дела только за сочетание слов "всенародные выборы".

19 апреля 1991 г. Президиум ВС без согласования с Моссоветом принимает постановление "О статусе и структуре органов управления города Москвы". Этим постановлением определено, что главой исполнительной власти в Москве является мэр. Тем самым было внесено изменение в структуру органов государственной власти и управления, их компетенцию, закрепленные в Конституции РСФСР. Конституционные полномочия местных Советов народных депутатов и их исполкомов были противозаконно переданы мэру. Кроме того, Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР "О перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер и выполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР" от 5 апреля 1991 г. прямо запрещалось использовать полномочия ВС РСФСР, Президиума ВС РСФСР и председателя ВС РСФСР "...для роспуска любых законно избранных органов государственной власти..." (ст. 2). В данном случае таким органом являлся исполком Моссовета, избранный депутатами.

25 апреля. Оргкомитетом, созданным без участия руководства Моссовета, созывается собрание депутатов, которое назначает внеочередную сессию для решения вопроса о позиции Моссовета по вопросу о выборах мэра и законодательной инициативе Моссовета на этот счет.

26 апреля. Г. Попов направляет письмо в Президиум Верховного Совета, которое было воспринято там, как окончательная позиция Моссовета по вопросам, которые должны были рассматриваться на внеочередной сессии.

27 апреля. Президиум ВС собирается во внеурочное время (в субботу!) и принимает свое решение по поводу выборов мэра в Москве. Соответствующее положение игнорирует Конституцию (в ней никакие мэры не фигурируют) и законодательство (никаких положений о полномочиях мэра нигде не обозначено).

29 апреля. Собирается внеочередная сессия Моссовета. Станкевич в течении двух часов блокирует принятие повестки дня. После его смещения с кресла председательствующего, оргкомитет сессии в течении четырех часов проводит три важных решения. Г. Попов на сессии молчит и о своем письме, и о решении Президиума ВС.

В этот день в выступлении председателя Комитета по законодательству ВС РСФСР С. М. Шахрая перед депутатами Моссовета изменение в соотношении представительной и исполнительной власти в Москве трактовалось как эксперимент в рамках Конституции РСФСР. Разумеется, о решениях по проведению эксперимента, а также о сроках подведения его результатов так ничего и не стало известно. Эксперимент был больше похож на заговор, на подготовку к мятежу.

29 апреля - 14 мая. Принятые депутатами документы Г. Попов не подписывает, несмотря на многократные требования оргкомитета сессии. В конце концов на документах свою подпись ставит Станкевич.

20 мая. Сессия ВС, на которой законодательная инициатива Моссовета была отклонена практически без рассмотрения. Р. Хасбулатов высказался в своей обычной манере: "Что вас слушать!".

В тот же день на сессии Моссовета, ссылаясь на безымянную группу депутатов, противодействующих выборам мэра в Москве, Г. Попов говорил, что если ситуацию не изменить, то "неизбежен длительный конфликт между Моссоветом и мэром". Он заявил: *"Но я не хочу быть тем самым мэром - в случае моего избрания, который будет вести войну с Моссоветом и его депутатами. Втянуть себя в план консерваторов - столкнуть демократические силы - я не позволю. Поэтому я не могу сегодня дать согласия баллотироваться на пост мэра."* Далее последовало требование о рекомендации сессии Председателю Моссовета на участие в выборах. В случае отрицательного результата голосования Г. Попов грозил отказом от участия в выборах и своей отставкой с поста Председателя Моссовета. *"Я не вижу возможности для мэра работать, расходясь с Моссоветом и его депутатами во взглядах на коренные проблемы,"* - заключил он свое обращение.

Принимать решение, которое ставило бы Попова в особое положение перед всеми кандидатами (лишь у него одного была бы такая рекомендация) депутаты не захотели. Да и обстановка показывала, что весь шум был поднят только для того, чтобы выявить нелояльных депутатов. Попов все равно оставался единоличным фаворитом на предстоящих

выборах. В итоге за "рекомендацию" проголосовало лишь 189 человек, что для принятия решения было недостаточно. Тогда "деморосы" стали собирать подписи среди депутатов в поддержку Попова. Тайное голосование стало явным.

К Попову с мольбой выставить свою кандидатуру на пост мэра обратились еще и 46 депутатов России от Москвы (46 из 65). Прошли собрания "демократической общественности", лишенной какой-либо информации о делах Попова в Моссовете, но яростно защищавшей его право на особое положение на выборах мэра.

23 мая Г. Попов подает свое заявление в избирательную комиссию по выборам мэра Москвы. Он готов баллотироваться. Москвы отдавать нельзя.

25 мая Попов пишет новое обращение к Моссовету, сообщая что он будет баллотироваться в мэры, но при любом исходе выборов просит освободить его от обязанностей Председателя Моссовета. "Изменил я свою позицию только потому, что должен выполнять решение, которое приняли мои товарищи по "Демократической России"...", - говорит он ("ВМ", 27.05.91).

В этот день под стенами Моссовета проходит митинг в поддержку Попова, на котором с "ленинского" балкона звучит площадная брань в адрес депутатов. Попов освящает митинг своим выступлением. Депутатам впервые кричат: "фашисты!". С этого момента запускается антимоссоветовская кампания "Московского комсомольца" (см. главу "Заказанная музыка"), Попов возглавляет деятельность по дискредитации Моссовета и лишению его конституционных полномочий.

28 мая Г. Попов делает на сессии Моссовета бессистемное сообщение, заменившее отчет за год работы. Вотирование "на доверие" дало ему 177 голосов "за доверие" и столько же "за недоверие". Для смещения председателя Моссовета голосов не хватало (для принятия решения нужно 235 голосов), но отношение депутатов, уже распознавших в Попове номенклатурного игрока, было высказано недвусмысленно. Для сравнения, С. Станкевич получил 192 голоса "за доверие" и 164 - "за недоверие", Н. Гончар - 257 и 96 соответственно.

1 июня Президиум ВС выпускает еще одно постановление - "О разграничении компетенции органов власти и управления в городе Москве". Маховик мятежа запущен верховной властью России и набирает обороты. Началась избирательная кампания. Но только не для Попова. Он свой путь к посту мэра начал заблаговременно.

Об этом говорит хотя бы тот факт, что Московская городская избирательная комиссия позволила Попову заранее начать сбор подписей в свою поддержку, не заверяя подписные листы печатью. Потом, вопреки только что принятому Президиумом ВС положению, комиссия внесла в бланки графу "паспортные данные", затруднив сбор подписей остальным кандидатам. Но это уже не интересовало Президиум ВС, позволявший московской администрации действовать по революционной целесообразности.

Несмотря на принятие положения о выборах мэра, никакого правового регулирования на выборах не было. Предполагалось, в частности, что избирательная комиссия аккумулирует добровольно внесенные на выборы средства и равномерно распределяет их среди кандидатов. Не вышло. Только избирательная кампания Попова была поставлена

действительно серьезно. Кроме того, Москву просто заполонили плакаты Попова, отпечатанные по тому же образцу, что и плакаты Ельцина. Единый стиль оформления даже не скрывался: то ли Ельцин платил за Попова, то ли Попов за Ельцина. Предвыборной кампании остальных кандидатов в мэры за этой волной агитации просто не было видно.

Большую порцию рекламы выбросила газета "Позиция", издаваемая фондом "Содружество" (глава фонда - моссоветовский "деморос"). Номер, насыщенный славословием Ельцину (автор панегириков - журналист Радзиховский, о роли которого мы еще поговорим) и Г. Попову (авторы - моссоветовские "деморосы"), был оплачен позднее сторицей. 23 декабря 1992 г. фонд "Содружество" указом Президента № 1574 получил "для поддержки деятельности" ни много, ни мало - 100 млн. рублей.

14 июня 1991 г. почетные проводы Моссоветом своего председателя, избранного москвичами мэром, вылились в нелепый обмен заверениями, поздравлениями и мнениями о том, как возможно более удачно организовать дальнейшую работу. В действительности же поповской командой все делалось для того, чтобы оставить Моссовет без царя в голове - без председателя. Так он мог бы тихо скончаться. Поповские "деморосы" откровенно ориентировались на срыв выборов председателя Моссовета.

5-17 июня наблюдается залповый выброс целого набора распоряжений мэра, которые формируют административные и муниципальные округа, передают на баланс мэрии административные здания и имущественные вклады городских и районных органов управления в предпринимательские структуры, изменяют режим финансирования органов управления, прекращают деятельность районных исполнительных комитетов. Первая фаза номенклатурного мятежа дала свои первые плоды.

24 июня правовой беспредел робко пытается приостановить прокурор города ("ВМ", 24.07.91), разъясняющий противозаконность действий мэрии. Но активного противодействия произволу прокурор не предпринимает. Робкие прокуроры - это то, что нужно номенклатуре. Все катится дальше само собой.

На основании упомянутых постановлений Президиума Верховного Совета председатель комитета ВС РСФСР по законодательству С. Шахрай дал публичные разъяснения, получившие в условиях мятежа силу закона ("Куранты", 30.07.91). Разъяснения основывались на праве Президиума ВС до принятия Закона о статусе Москвы произвольно менять структуру управления столицей. При этом принятый Закон "О местном самоуправлении", по мнению С. Шахрая, не касался специфики Москвы. Поэтому все местные органы власти и управления в Москве подчинялись мэру города, который имел чисто номенклатурное право на их реорганизацию. Особо было отмечено, что "осуществление бюджетов местных Советов г. Москвы, а также распоряжение средствами их органов управления, внебюджетными и иными фондами, вкладами в предпринимательские структуры, имуществом и землей на их территории осуществляется создаваемыми мэром органами."

С. ШАХРАЙ

Окончил юрфак Ростовского университета. В 1987-1990 гг. работал завлабом в МГУ. Членом КПСС был до августа 1991. В 1990 г. стал депутатом России и председателем Комитета по законодательству. Пытался стать зампредом ВС РФ, а потом баллотировался в председатели ВС РФ. Оба раза безуспешно. В 1991-1993 гг. осуществлял юридическое обеспечение всех российских реформ: выборов мэра в Москве, Беловежского сговора, Договора об общественном согласии и т. п.

Летом 1991 г. получил при Ельцине место госсоветника по правовым вопросам, а в декабре был назначен заместителем председателя Правительства России. Через три месяца ушел в отставку, чтобы сохранить депутатский мандат и помогать парламентским ельцинистам. Был арбитром России в Чечне и Ингушетии (в 1994 г. отстранен от этих дел в связи с полным провалом работы). Затем, вернулся на тот же высокий пост при Ельцине и стал председателем Госкомнаца. На этом посту заслужил стойкую ненависть русских общин ближнего зарубежья. Используя связи с регионами, создал свою Партию российского единства и согласия (ПРЕС).

На выборах 1993 г. прошел в Госдуму вместе с группой единомышленников (например, госсоветник С. Станкевич, министр А. Шохин, предприниматель К. Затулин и др.) и одновременно впал в немилость у Ельцина, лишившего его министерского портфеля. С национальных вопросов Шахрай был "брошен" в 1994 г. на дела религиозные (соответствующий комитет при правительстве). Пост вице-премьера и контроль над средствами массовой информации Шахрай все же сохранил, подтвердив свою приверженность "курсу реформ". Правда, начались трудности в любовно выпестованной думской фракции. Пришлось приступить к сдаче своих соратников (тех же Затулина, Станкевича, Шохина).

Таким образом, милостью депутатов ВС Конституция РСФСР, а также ряд законов, регламентирующих структуру и функции властей, с 12 июня 1991 г. в Москве были отменены.

28 августа в послепутчевой горячке появляется Указ Ельцина № 96, в очередной раз подкрепивший процесс узурпации конституционных прав Моссовета. Мэрии предоставлялось право на самостоятельное образование и использование внебюджетных фондов, изъятие и предоставление земельных участков, распоряжение и управление собственностью города, самостоятельное установление акцизов и предельных уровней оптовых и розничных цен, лишение неугодных предприятий права на установление договорных цен, самостоятельное введение местных налогов и штрафов. Мятеж продолжался.

Наделив себя широкими полномочиями в области распоряжения собственностью, исполнительная власть Москвы в октябре 1991 г. повела массированное наступление на прежние структуры власти - на районные Советы. В этот период префектурами и другими органами исполнительной власти проводился стихийный насильственный захват зданий и материально-технических средств, принадлежащих районным Советам ("Солидарность", № 15, 1991). Не насытившись в 1991 г., чиновная рать и осенью 1992 г. штурмует то Октябрьский, то Тушинский райсоветы. А что стесняться, если сам Президент покрывает произвол, а прокуратура привычно молчит ("Правда", 23.10.92)?

29 декабря 1991 г. появляется Указ Президента РСФСР № 334 "О дополнительных полномочиях органов управления г. Москвы на период

проведения экономической реформы". Вопросы взаимоотношений представительной и исполнительной власти были решены опять помимо всяких законов. В некоторых пунктах Указа появились слова о согласовании действий мэрии с Малым Советом Моссовета (бюджетные нормативы, местные налоги и регистрация предприятий). В остальном Указ повторял предыдущие акты Президента и вводил дополнительное право мэрии проводить ускоренную приватизацию муниципальной собственности по самостоятельно разработанным правилам и графику.

12 января 1992 г. выходит еще один Указ - "Об обеспечении ускоренной приватизации муниципальной собственности в г. Москве". В абсурдной карусели беззакония составители документа (очевидно, из мэрии Москвы) не заметили, что согласно Указу, Президент санкционирует "бесплатную передачу гражданам квартир жилищного фонда... от имени Московского городского Совета народных депутатов Правительством г. Москвы...", забыв спросить мнение самого Моссовета. Кроме того, Фонд имущества Москвы, образованный Моссоветом, по данному Указу лишался своих полномочий, оговоренных в Законе РСФСР "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР". Эти полномочия поглощались Комитетом по управлению имуществом, входящим в структуру исполнительной власти Москвы.

Дух большевистского социального эксперимента с непредсказуемыми последствиями переместился из секретариата председателя Моссовета в мэрию, которая благодаря поддержке "сверху", перекроила административное деление Москвы заново, попросту парализовав на несколько месяцев основные управленческие структуры. Беспредел (в том числе, и с точки зрения закона) осуществлялся под устаревшими антисоветскими лозунгами, объект критики которых исчез еще в 1990 г. Поскольку Советы стояли на пути установления режима единоличной власти мэра, то с точки зрения Г. Попова, следовало оглушить москвичей шумной ложью, чтобы убедить их в изначальной порочности органа государственной власти, позволившего себе носить название "Совет".

Реформа административно-территориального управления городом, губительная в нестабильной экономической ситуации, вполне соответствовала целям номенклатуры, стремящейся к нейтрализации или устранению своих политических противников. Избранные методы вполне соответствовали цели. Свобода слова реализовалась только для сторонников "генеральной линии", а против несогласных была развернута программа подтасовок и лжи. Административный передел, проводимый с революционным энтузиазмом, призван был обеспечить бывшим партаппаратчикам, проявившим к тому же лояльность к новому "вождю", доходные места.

Теоретической основой для административного "эксперимента" послужил тезис о "сильной исполнительной власти". В действительности эта власть ничего исполнять не собиралась, а "теории" разводились лишь для того, чтобы подорвать другие ветви власти и прибрать к рукам их полномочия. Речь вовсе не шла об эффективности функционирования "исполнительной вертикали", которой "эксперимент" нанес сильнейший удар. Только по официальным данным, московские чиновники не выполнили более трети распоряжений мэра и постановлений Правительства Москвы ("Тверская-13", 5.11.92). Что ж с того? Выполняется только то, что выгодно в данный момент!

На протяжении всей российской истории государственные мужи неоднократно использовали метод укрепления своей личной власти, заключающийся в том, что старые органы государственной машины постепенно утрачивали свои функции, а влияние и реальную власть получали другие структуры. Постепенность процесса преобразований гарантировала от социального взрыва. Попытка же в одночасье разрушить систему управления до основания привела в 1917 г. к социальной катастрофе. Повторить этот эксперимент ради быстрого приобретения личной власти решились назвавшие себя демократами проходимцы, которым удалось оседлать волну демократических настроений и захватить сначала Москву, а потом и всю Россию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГОЛОДОВКА - II

Путч 1991 г. сменил декорации. Сессия Моссовета, принявшая 22 августа 1991 г. решение о преодолении последствий путча, предусмотрела одним из пунктов просьбу к МВД РСФСР о немедленном введении в должность начальника ГУВД генерала Комиссарова. Тем более, что существовал приказ российского министра на этот счет еще от 6 апреля 1991 г. Но МВД РСФСР снова начало тянуть резину, выжидая реакцию сильных мира сего. Сессия Моссовета через неделю снова обратилась по указанному поводу уже к Президенту России Б. Ельцину. Ельцин на обращение не ответил, но выпустил Указ "О полномочиях органов исполнительной власти г. Москвы", передающий всю полноту власти в городе Попову и Лужкову.

Заговор номенклатуры продолжался. Поэтому 4 сентября 1991 г. группа депутатов вновь возобновила голодовку. Голодовка на сей раз проводилась в Красном зале Моссовета, окна которого выходили на Тверскую улицу. Именно в этих окнах появились громадные буквы, обращенные к Москве: "ГОЛОДОВКА". И Москва не безмолвствовала. Возмущенные произволом номенклатуры люди приходили на митинги к памятнику Юрию Долгорукому. Депутаты раздобыли мощный динамик, который непрерывно вещал из здания Моссовета на площадь голосами тех участников голодовки, которые уже были не в состоянии выступать с трибуны.

А в это время генеральный директор департамента мэра Е. Савостьянов разъяснял специальным письмом в ГУВД, что милиции не стоит беспокоиться и надлежит подчиняться приказам генерала Мырикова.

У участников голодовки оставалась надежда на то, что Ельцин все-таки обратит внимание на творящиеся у него под боком безобразия. После разгрома ГКЧП образ первого Президента выглядел светлым. На него, как на оплот справедливости, и была надежда. Из тех, кто еще мог держаться на ногах, составили делегацию.

Но обратиться к "царю батюшке" не удалось. Депутатов просто не пустили в Белый Дом. Новая демократия устанавливала свои порядки. О Конституцию и законы Ельцин стал вытирать ноги сразу, как только были нейтрализованы всесоюзные структуры власти и у него были развязаны руки. Статус народного депутата для него с этого момента не значил ровным счетом ничего. Одновременно сговор номенклатуры поддержала пресса. В СМИ голодовка была представлена глупой и нечистоплотной игрой.

Пробиться к Ельцину на сей раз удалось лишь одному наиболее

настырному депутату. Изложив все свои болячки и объяснив причину голодовки, депутат нашел отеческое понимание и даже получил обещание со стороны Президента во всем разобраться и встретиться с моссоветовцами на сессии. Депутат ушел повеселевшим. Но напрасно. Ельцин обманул второй раз, так и не решившись посмотреть в глаза избранникам Москвы, которая в свое время вытолкнула его к вершинам власти. С начальником ГУВД он тоже не стал разбираться. Все-таки Г. Попов был для Ельцина почти родным и мог еще пригодиться для дальнейших закулисных игр, а с Моссоветом были одни только хлопоты.

12 сентября 1991 г. открылась сессия Моссовета, которая сразу же обратилась к Ельцину с телеграммой, где напомнила Президенту закон, по которому он должен был принять для беседы депутатов Моссовета, объявивших голодовку.

Генерал Мыриков в этот момент подал в отставку с поста начальника ГУВД. Его поведение во время путча ГКЧП было более чем двусмысленным, и стоило поберечь себя. Вместо того, чтобы назначить на освободившееся место Комиссарова, Г. Попов все силы бросает на то, чтобы протолкнуть в начальники ГУВД кого-то из своих приближенных.

Попов трусил. Боялся, что реставрация не заставит себя долго ждать, и тогда ему припомнятся все его художества. Вот и стал он торопливо рассаживать на все посты в силовых структурах своих людей. Пусть плохонький, да свой! ГУВД досталось молодому шалопаю и известному активисту "ДемРоссии" А. Мурашеву.

А. МУРАШЕВ

Закончил МВТУ им. Баумана и работал научным сотрудником в Институте высоких температур. В 1987 г. избран депутатом Моссовета, где прославился своей фразой: "Перестройка не канава, нечего ее углублять". В 1988 г. Мурашев стал кандидатом в члены КПСС. В 1989 г., благодаря выступлению по телевидению в поддержку Ельцина, он был избран депутатом СССР в первом же туре голосования. На этом поприще Мурашев становится секретарем МДГ. В 1990 г. он участвует в создании Демократической партии России, избирается заместителем председателя ДПР, а через год выходит из партии (совместно с Г. Каспаровым). В конце 1990 г. Мурашев становится одним из сопредседателей "ДемРоссии". Весной 1991 г. он вяло пытается создать Либеральный союз. С сентября 1991 г. до конца 1992 г. Мурашев - начальник ГУВД Москвы.

Переждав некоторое время, Мурашев попадает в Госдуму ельцинского призыва. Уже без особых претензий. Теперь Мурашев больше известен как активный участник околошахматных интриг (совместно с эксцентричным чемпионом Каспаровым и пухлым адвокатом Макаровым).

Голодовка депутатов для Попова была непонятна. Поэтому он называл ее политиканством, выходом за пределы здравого смысла. Чтобы втиснуть ситуацию в свой "здравый смысл", он выдумывает фальшивое письмо от 14-ти начальников РУВД в поддержку Комиссарова, а потом начинает клеймить неведомых авторов фальшивки ("МК", 24.09.91). В действительности имело место совещание начальников и заместителей начальников РУВД совместно с участниками голодовки. Милицейские чины однозначно высказались за то, чтобы ГУВД руководил профессионал. Под

резолюцией совещания действительно стояло 14 подписей. Таким образом, Попов снова наводил тень на плетень.

Попов ни разу не пришел к голодающим и не попытался найти с ними общий язык. Состоявшееся собрание депутатов Моссовета расценило такое поведение, как провоцирование участников голодовки на самоубийство.

А между тем, на 16-й день голодовки двое из ее инициаторов были доставлены в больницу с сильными болевыми спазмами. Голодовка продолжалась в больнице.

Возможно именно это - угроза прослыть хладнокровными убийцами - заставила мэрскую власть пойти на попятный. В тот же день Станкевич и представитель МВД провели процедуру введения в должность начальника ГУВД генерала Комиссарова. Куда девать теперь Мурашева, было неясно. Тем более, что в пылу борьбы никто не заметил, что в действительности назначали его начальником управления МВД по Москве и Московской области, а Горбачев в эти дни отменил свой Указ о создании этой структуры.

Номенклатура, уступая требованиям голодающих, все-таки нашла выход из затруднительного для нее положения. Не даром поверженные политические противники как бы переселяются в своих победителей. Вот так же и Пуго будто переселился в Попова, и последний избрал путь политической провокации. Расшумев повсюду о ведущейся кампании по дискредитации мэра и вице-мэра, он инициировал организацию массовых митингов. На митинг 25 сентября поддержать своего "кореша" по политическим баталиям примчались И. Заславский, В. Миронов, А. Яковлев, Г. Якунин, Э. Шеварднадзе, Л. Шемаев... В общем - сливки "демократической общественности", которые тогда еще лишь у немногих вызывали приступы тошноты своими идеями и повадками.

Г. ЯКУНИН

Окончил пушно-меховой институт в Иркутске, в 1962 г. стал священником. Через три года был отстранен от священничества за выступления против огосударствления церкви. В 1979 г. арестован за правозащитную деятельность и приговорен к 5 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. В 1987 г. амнистирован. Пытался участвовать в выборах 1989 г., в 1990 г. стал депутатом России и сопредседателем "ДемРоссии". С этого времени он занимается только политикой и является заштатным священником. В 1993 г. Якунин за участие в выборах вопреки решению Священного Синода был лишен сана, но рясы не снял и активно включился в кампанию дискредитации Московской Патриархии. Г. Якунин - один из наиболее яростных сторонников Б. Ельцина, большой друг всех неправославных конфессий, герой газеты "Протестант". Г. Якунин первым ввел в практику проведения митингов на Манежной площади элементы церковной службы.

Об этом "духовном отце демократии" ("поп-звезда", по определению остряков) поговаривают всякое. Одни божатся, что видели у него под рясой панталоны паскудно-желтого цвета. Другие уверяют, что, вставая к микрофону для очередного спича, Якунин оправляет под рясой хвост и только тогда начинает говорить.

Обеспечение поддержки "масс" было подготовлено продажной прессой. Всюду печатались пакостные статейки, поносящие участников голодовки, а с ними и Моссовет. Суть акции грубо извращалась. Попытки

депутатов направить опровержения и разъяснения ни к чему не приводили. "Известия", в лице редактора газеты, просто сочли нецелесообразным принимать материал от депутатов, находящихся на грани жизни и смерти. А "Куранты", хотя и опубликовали протест депутатов против кампании лжи, но снабдили его убийственным комментарием.

Так или иначе, пресса многое сделала, чтобы митинг "деморосов" перед Моссоветом стал удачным фоном для отстранения Комиссарова от должности и возведение в "главные менты" А. Мурашева. Комиссарову "предложили" стать первым заместителем министра внутренних дел России.

Моссовет еще попытался возразить, назвав действия нового министра внутренних дел РСФСР А. Дунаева и мэра Г. Попова противозаконными. Но времена уже были не те. Тут даже видимости законности можно было не обеспечивать. Мятеж номенклатуры уже поглотил столицу и растекался по стране.

Возникает вопрос, не вспоминалась ли занимавшим в период борьбы за пост начальника ГУВД попеременно пост министра внутренних дел РСФСР Баранникову и Дунаеву их нерешительность (если не сказать трусость), когда ельцинские танки лупили по парламенту, где опальные генералы пытались найти прибежище?

ВЫБОРЫ МЭРА - II

Вслед за бегством Г. Попова с поста мэра 4 июня 1992 г., Ельцин самочинно, не согласовав свои действия с Моссоветом (как это было положено по закону), назначил на этот пост Лужкова и объявил его главой администрации Москвы. 10 июня Моссовет обратился к Президенту с просьбой устранить нарушения законодательства в упомянутых указах. Ответа на обращение не последовало. Моссовет 25 июня 1992 г. своим решением расценил действия Президента, как незаконные, выразил Лужкову недоверие как заместителю главы администрации и в соответствии с законом назначил выборы нового главы администрации на 5 декабря 1992 г.

Логика депутатов Моссовета: Принятие ряда поправок в действующую Конституцию и ряда законов на этот момент отождествило должность мэра с должностью главы администрации. Досрочное прекращение полномочий главы администрации на основании личного заявления по Закону "О краевом, областном Совете..." - исключительная компетенция Моссовета. Президент мог своей волей освободить Попова от должности лишь в случае грубого нарушения Конституции, актов Президента или Правительства, или же по заключению Конституционного Суда. Согласно действующему постановлению Съезда народных депутатов, установившему мораторий на выборы глав администрации до 1 декабря 1992 г., Президент не мог назначить Лужкова главой администрации без согласования своего шага с Моссоветом и депутатами России от Москвы.

Московское правительство тут же отреагировало. На пресс-конференции было заявлено, что если решение Моссовета "не получит оценки здравомыслящей части депутатов, правительство не будет считать возможным сотрудничество с данным депутатским корпусом." При этом правительство в отставку не собиралось и рассчитывало снова на Ельцина, указы которого позволяли не замечать существования в столице

представительного органа власти ("РГ", 27.06.92).

Лужков и его соратники использовали и новые для себя методы давления на депутатов. Они стремились организовать не только газетную кампанию против них, но и продемонстрировать поддержку своего режима москвичами. На улицу выводились демонстрирующие свою поддержку Лужкова грузовики, здание Моссовета было засыпано великолепно отпечатанными листовками, у его входа появились пикеты.

Из многотиражной анонимной листовки (1 июля 1992 г.):

"Мэру Москвы Ю. М. Лужкову.

Уважаемый Юрий Михайлович! В этот морально тяжелый для Вас момент выражаем Вам свое полное доверие, поддержку и считаем, что проводимый Вами курс направлен исключительно на благополучие, защиту и улучшение положения москвичей.

Знаем, насколько это трудно практически. Поэтому самым категорическим образом отметаем пустословную демагогию так называемого депутатского корпуса, который находится в эйфории от Мраморного зала Моссовета и потерял всякую связь с людьми, его избравшими. Больше того, ест даром народный хлеб и при этом изощренно ставит палки в колеса Вашему динамичному Правительству.

Вас избрал весь город, и Вы не имеете права сдавать позиции перед этими словоблудными депутатами.

Мы, уважаемый Юрий Михайлович, в любой момент готовы помочь Вам всеми способами и методами, которые будут адекватны складывающейся вокруг Вас и Правительства Москвы обстановки.

Мы верим своему правительству!

Москвичи"

15 июля прокурор Москвы опротестовал решение Моссовета, а 2 сентября 1992 г. Мосгорсуд отменил это решение.

Логика суда: После отставки мэра Г. Попова его обязанности перешли к вице-мэру, что было подтверждено Указом Президента. Недоверие Лужкову, как заместителю главы администрации, выражено лицу, которое не занимало должности, указанной в решении Моссовета. Кроме того, установленный мораторий на проведение выборов следует рассматривать и как запрет на назначение выборов, требующих начала избирательной кампании еще до 1 декабря 1992 г. Наконец, поскольку недоверие фактически выражено главе исполнительной власти (суд считал Указы Ельцина "О Г. Попове" и "О Ю. Лужкове" законными, а потому - действующими), а не его заместителю, то такое решение требовало 2/3 голосов, а не простого большинства, как это было на сессии Моссовета.

Моссовет начал готовить новое решение по выборам, которое за основу было принято 1 октября 1992 г. Верховный суд России тем временем не удовлетворил кассационную жалобу Моссовета и решением от 2 октября 1992 г. оставил решение Мосгорсуда в силе. 6 октября Моссовет обжаловал указ Ельцина о назначении Лужкова в Конституционном Суде. Ходатайство так и не было рассмотрено.

Логика Верховного Суда: Решение о моратории на выборы предусматривает начало предвыборной кампании только после 1 декабря 1992 г. До принятия соответствующих законов вопрос о порядке выборов и отзыва мэра определяется Президиумом ВС, им же должны назначаться выборы мэра. Согласно ст. 183 Конституции до принятия специального закона о Москве, на ее территории могут действовать не только законы РФ, но и

другие нормативные акты.

26 октября 1992 г. Моссовет повторным решением назначил выборы на 7 февраля 1993 г. Ю. Лужков обвинил Моссовет в попытке создать параллельную власть и подрыве авторитета существующей законной власти. Лужков подтвердил свою готовность на одновременные выборы мэра Москвы и депутатов Моссовета ("Известия", 28.10.92). Но дальнейших шагов в этом направлении не последовало. Для Лужкова выборы были смерти подобны.

Дальнейшая заминка была вызвана резким нарастанием напряженности, связанной с приближением срока окончания чрезвычайных полномочий Б. Ельцина. В начале декабря кризис власти мог привести к резкой смене обстановки. Лужков готовил митинги и демонстрации большегрузных автомобилей у Кремля, где проходил Съезд народных депутатов. 10 декабря 1992 г. Съезд принял постановление "О главах администраций" в котором Советам предписывалось опираться на ранее принятый Закон "О выборах главы администрации". Таким образом, Моссовет смог 21 декабря принять новое решение, опирающееся на данное постановление. Заодно выборы были перенесены на 28 февраля. Председатель ВС Р. Хасбулатов пытался заблокировать это решение, направив 22 декабря 1992 г. депутатам Моссовета письмо, в котором просил пересмотреть решение сессии и не форсировать выборы до принятия Закона "О статусе столицы Российской Федерации", намеченного на январь 1993 г. Его позиция поддерживалась моссоветовскими "деморосами", которые попытались предотвратить окончательное оформление решения Моссовета и открыто призвали своих сторонников сорвать заседание сессии 23 декабря (не приходить или не регистрироваться с целью срыва кворума). "Деморосы" (по оптимистичным оценкам их самих - около 50 человек) заявили, что юридических оснований для выборов не представлено. Это противоречило действительности - десятки документов с комментариями профессиональных юристов раздавались на сессии.

Из заявления фракции Моссовета "Демократическая Россия" ("Куранты", 30.12.92):

"Конфликты между Советами и исполкомами носят повсеместный характер, и они не могут быть разрешены без решения главного конфликта: между Съездом, Верховным Советом и Президентом, Правительством. Для решения этого главного конфликта нужны новая Конституция, новая структура органов власти в стране, новый закон о выборах, новые выборы, новые выборы всех органов власти. <...> Проведение в этих условиях каких-либо выборов явно нецелесообразно и неизбежно помешает решению важнейших политических задач."

Из обращения объединения депутатов Моссовета "Законность и народовластие" (23.12.92):

"Провокационное, откровенно подстрекательское поведение исполняющего обязанности мэра города Лужкова Ю. М. в дни работы VII Съезда народных депутатов Российской Федерации в очередной раз предостерегло: Москва не может дальше оставаться заложницей самоуправства криминальных группировок и людей с уголовным мышлением без неминуемого обострения угрозы конституционному строю, нарождающимся демократическим институтам, законным правам, интересам и самой жизни москвичей.

Необходимо помнить, что сегодня мы стоим у последнего рубежа, за

которым либо спокойная и продуманная, протекающая в рамках Конституции и законов России эволюция к нормальной жизни для большинства граждан, либо экономический крах, социальный взрыв и неизбежный приход к власти реакционных сил, установление ими террористической диктатуры, то есть полный и принципиальный отказ от демократической перспективы."

Зампред Моссовета Ю. П. Седых-Бондаренко (из ответов на вопрос о возможности конструктивного сотрудничества с администрацией города в случае, если выборы не состоятся - пресс-конференция в декабре 1992 г.):

"Если у нас будут соблюдаться законы и Конституция России, то выборы должны состояться. Если они не будут соблюдаться, отсюда тоже нужно будет сделать определенные выводы.

Я за сотрудничество, за конструктивное сотрудничество, за любое сотрудничество, но только с теми, кто соблюдает законы. До тех пор, пока Ю. М. Лужков не станет законным главой городской администрации, я не готов сотрудничать с ним. Как и с обманным путем утвержденным вопреки действующим на то время законам составом исполкома Моссовета, который до сих пор работает в команде Лужкова."

Итак, одни решали свои политические задачи, а другие защищали закон. Одни обслуживали интересы номенклатуры, другие - противостояли произволу. Поэтому, в конце концов одни получили доходные местечки в аппарате той самой номенклатуры, а другие - кровавую кашу октября 1993 г.

30 декабря 1992 г. прокурор Москвы опротестовал новое решение Моссовета. Робкий Г. Пономарев вновь обратил внимание на действие актов, принятых Президиумом ВС. Моссовет отклонил протест прокурора, дополнив свою аргументацию новыми соображениями, а также обратившись к ВС с просьбой дать разъяснение по спорным моментам. 18 января Моссовету удалось провести решение об образовании окружной избирательной комиссии, но вопрос о финансировании выборов оставался открытым.

Логика Моссовета: Моссовет согласно Конституции и законодательству не является местным Советом, за которым осуществляет надзор городская прокуратура. Москва - субъект Федерации, а Моссовет - орган государственной власти. Закон "О прокуратуре" обязывает прокурора города осуществлять надзор только за местными представительными органами. Протест же Моссовету может принести Верховный Суд или Конституционный Суд.

27 января 1993 г. Мосгорсуд отменил новое решение Моссовета. Логика суда осталась прежней. По этой логике мэр не являлся главой администрации, Москва не являлась российским городом (здесь не действуют российские законы), Моссовет не являлся органом государственной власти. Судебная коллегия Мосгорсуда во главе с судьей Е. А. Фоминой (вспомним историю с мусорным налогом в главе "Жизнь среди мусора") по заказу мэрии решила быстро "обстряпать" дело, не обращая внимание на "мелочи". Процесс, имеющий ключевое значение для судьбы десятимиллионного города, был закрыт в два дня. Заседание проходило с грубейшими нарушениями. Судья Фомина вела себя развязно и нагло, демонстрируя перед представителями мэрии свою подобострастную лояльность. Ни одно из заявленных ходатайств со стороны Моссовета удовлетворено не было. В том числе было отказано даже в такой мелочи, как предъявление удостоверений личностей заседателей суда. А по другим вопросам отказано в приглашении

адвоката, в перенесении заседания в более просторное помещение (где могла бы разместиться публика), в оформлении зала государственной символикой (согласно законодательству) и пр. Суд был превращен в фарс. Коллегия готова была вынести заранее одобренное "сверху" решение хоть в хлеву, лишь бы побыстрее.

3 февраля 1993 г. Заместитель председателя Верховного Суда В. Жуйков опротестовал решение Мосгорсуда от 2 сентября. Это, впрочем, ничего уже не меняло.

Аргументация В. Жуйкова: Известное постановление Президиума ВС определяет мэра Москвы главой исполнительной власти, а исполнительная власть, согласно законодательству, поправленному в этой части еще до выборов мэра, осуществляется соответствующей администрацией. Независимо от наименования главы исполнительной власти он является главой администрации. В положении о выборах мэра, принятом Президиумом ВС 27 апреля 1991, говорится, что оно действует до принятия законодательных актов, касающихся Москвы. А Москвы касается также и Закон РФ "О выборах глав администрации" от 24 октября 1991, действующий на всей территории РСФСР. Этот Закон не предусматривает автоматического перевода полномочий главы администрации его заместителю. Наконец, запрет Съезда на проведение выборов не содержит запрета на их назначение и подготовку.

Так ситуация запуталась окончательно. Какое же решение действует, так и осталось неясным. А Моссовет так и не смог решить вопрос о финансировании выборов ("деморосы" пересидели на сессии депутатское "болото", которое было не прочь объявить выборы, но торчать в душном зале ради этого долго не смогло). Разумным течением событий было бы автоматическое выделение средств на выборы из городской казны. Но казна была захвачена номенклатурой, а депутатский корпус разлагался на глазах. Почти 2/3 депутатов уже не появлялись на сессиях.

Между тем, энтузиазм выдвинутых различными общественными организациями кандидатов в мэры сильно поугас, и даже пресса прекратила непрерывно мусолить эту тему, понося строптивых депутатов.

Пресс-центр мэрии ("ВМ", 02.03.93) в последний раз пнул решение о выборах, заявив, что продолжение деятельности городской избирательной комиссии носит провокационный характер и направлено на дестабилизацию обстановки в Москве. На этом дело и кончилось.

Оставалась надежда, что депутаты России найдут в себе мужество и при завершении работы над законом о статусе Москвы все-таки внесут ясность, может ли Моссовет назначить выборы.

15 апреля 1993 Верховный Совет принял Закон "О статусе столицы Российской Федерации" и отменил пресловутые постановления Президиума ВС 1991 года, касающиеся мэрской власти. Вместе с тем, проблема выборов в Москве так и осталась неразрешенной. Закон был аморфным и не предусматривал прямого действия. Предполагалось, что все проблемы между мэрией и Моссоветом будут решены при разработке Устава города Москвы. Ю. Лужков закрепился на своем посту до принятия в декабре 1993 г. новой Конституции, по которой глав администрации назначает Президент. С этого момента оторвать Лужкова от мэрского кресла можно было, только оторвав Ельцина от кресла президентского.

Так, силами прокуратуры и судебных органов Москвы при полном

равнодушии депутатов России удалось заблокировать право Моссовета назначать выборы главы администрации после отставки ранее занимавшего этот пост Г. Попова. Административная система не только справилась с демократической процедурой, но использовала ее в своих целях, чем окончательно закрепила свое торжество.

Нельзя недооценить и роль Р. Хасбулатова, всячески способствовавшего тому, чтобы оградить Лужкова от депутатских каверз. Им помимо выборов в июле 1992 г. были заблокированы выводы парламентской комиссии, изучавшей деятельность исполнительной и представительной власти в Москве. Итоговый документ комиссии, представленный Президиуму ВС, вместо рассмотрения по существу, был положен под сукно, а комиссии было предложено продолжать свою деятельность, которая к тому времени открыто саботировалась московской администрацией ("Ъ", № 28, 1992).

Многое сделала для срыва выборов демократическая пресса и депутатская фракция "ДемРоссия". День за днем москвичам вдалбливали в голову, что выбирать мэра "при живом Лужкове" совершенно невозможно. О всех юридических тонкостях и соображениях своих оппонентов, разумеется, умалчивалось.

Выборы в Москве были опасны городской администрации. Поражение старых бюрократических сил и объединившейся с ними новой номенклатуры на выборах было неминуемо. Если бы выборы стали неизбежными, многие силы попытались бы выбить кресло из-под Лужкова, дальнейшая работа которого на этом посту уже не была бы такой уж несомненной. В результате неминуемо вскрылись бы все чудовищные злоупотребления служебным положениям, катастрофическое расхищение богатств города, осуществленное под руководством "талантливого хозяйственника".

Из телефонных опросов 1000 москвичей, проведенных Институтом маркетинговых и социальных исследований "ГФК-Москва". Вопрос об отношении к мэру Москвы Ю. М. Лужкову (1992-1993 гг.):

	сентябрь	март	апрель	май
"Доверяю" -	16 %	20 %	33 %	27 %
"Отчасти доверяю" -	24 %	23 %	21 %	18 %
"Отчасти нет" -				
"Не доверяю" -	37 %	38 %	32 %	31 %

Из данных февральского социологического опроса 1993 г. ("Бюллетень ОЦМ", № 3 1993):

Наказы новому мэру на случай проведения выборов:

Систематические операции по изъятию оружия и ликвидация преступных группировок -	62 %
Запрещение спекуляции продовольствием и ширпотребом -	59 %
Установление справедливого налога на жилье -	55 %
Удовлетворение потребности москвичей в получении земельных участков в пригороде -	40 %
Создание возможности для того, чтобы каждый москвич мог завести свое дело -	30 %

Приведенные данные показывают, что выборы все-таки могли состояться. Потребность в них была. И вряд ли Лужков стал бы победителем на этих выборах.

* * *

Отметим, что попытка депутатов провести выборы натолкнулась не только на интересы номенклатуры. Законодательство, придуманное без привязки к жизни, позволило в огромном городе выдвигать кандидатов в главы администрации собранием в 150 человек. И таких собраний, судя по оформленным документам, прошло немало - более тридцати. В результате в списке кандидатов оказались и попросту больные люди. Широко здесь были представлены и "российские наполеончики" (см. одноименный раздел): Жириновский, Боровой, Анпилов, из за границы приехал известный диссидент В. Буковский (в основном, чтобы "пофигурировать" перед телекамерами и журналистской братией)... Разбавить эту бестолковщину попытались ряд депутатов России, два замминистра, два крупных предпринимателя, директор промышленного объединения, несколько шумных политических деятелей муниципального уровня, священник, два генерала. Они также стали кандидатами на вожделенный пост.

Пожалуй, единственный кандидат был на голову выше всех. Это Ю. П. Власов - олимпийский герой в прошлом, писатель и публицист в настоящем. В случае выборов его успех был бы почти неизбежен. (Впоследствии Ю. Власов убедительно победил на выборах в государственную думу в миллионном избирательном округе Москвы.) Вряд ли Юрию Петровичу удалось бы одолеть круговую поруку криминального аппарата, но удар номенклатуре в этом случае был бы нанесен сильнейший. В ближайшие годы ей было бы не до переворотов. К сожалению выборы так и не состоялись.

В Моссовете надеялись, что первый тур голосования отсеет случайных лиц. Но дело с выборами затянулось, а газеты и телевидение демонстрировали наиболее убогих кандидатов в мэры, и сама идея о каком-то голосовании приобретала в глазах москвичей совсем уж анекдотический характер. В мэры лезли косноязычные бомжи. Пресса представляла дело именно так. Блок чиновников и журналистов в конце концов окончательно победил.

ПРИКАЗ: СТОЛИЦУ СДАТЬ!

Вопрос о власти, особенно власти тоталитарного государства, решается преимущественно в столице. Пока столица несла функции центра Союза и республики, ее администрация могла успешно маневрировать, играя на конфликте интересов. Об этом однажды на сессии Моссовета обмолвился Г. Попов. Он говорил, что в неразберихах между союзной и республиканской властью *"создаются исключительно благоприятные условия для действия мафиозных структур, которые всегда могут найти какой-то канал на каком-то уровне, на стадии решения каких-то вопросов."* Короче говоря, согласно позиции Попова, необходимо навести порядок, чтобы мафиози могли обращаться в одно место и иметь только один канал для своей

деятельности. Так, собственно, и произошло. То, что раньше получали чиновники на союзном и республиканском уровне, перекочевало в карманы московского чиновного люда. Потому-то этот слой и стоял горой за горячо любимого "Харитоныча".

Формальным поводом для возбуждения вопроса о статусе столицы послужил Указ Президента СССР Горбачева о Садовом Кольце, который долго не могла ему забыть "демократическая общественность", рисуя на его портретах свастики и потешаясь над ним, как над Президентом только этого самого Садового Кольца. (Мерзость этих шутовских выходок ничем не отличалась от воплей шизо-коммунистов в 1994 г.: "Иуда!".)

Как только ВС РСФСР начал обсуждение проблемы статуса Москвы, Горбачев издал Указ о создании соответствующей комиссии (с незапамятных времен верный метод утопить все дело). Попова комиссия и российские законодатели держали у дверей и никаких документов до поры до времени не предоставляли. Пришлось ГХ самому проявлять активность в качестве борца за права москвичей. Он повсеместно сетовал, что в тяжких трудах ему приходится постоянно искать исполнительную власть, которая подчинена неизвестно кому. В общем оставался Гавриил Харитонович покуда без исполнительной власти и без статуса Москвы.

Обходной маневр проникновения в недра номенклатурных интриг оказался удачнее. Вместе с мэрией в 1991 г. в Москве появился и мэр - сам Попов, а закон "О статусе..." начал рассматривать российский парламент, уже не оглядываясь на союзных коллег. Но не удовлетворили Попова усилия российских депутатов. Он считал и заявлял, что Москва *"и как столица, и как сверхгород-мегаполис не сможет вписываться в общероссийские законы"*. Мэр гневался по поводу того, что рассмотренный в первом чтении закон о статусе Москвы таков, что *"парламентарии оставили нас с вами наедине со своими проблемами, лишив возможности решать их"*. Пожелания мэра учтены не были. А ведь он хотел особого положения для Москвы в части взаимоотношений исполнительной и представительной власти, особого территориального устройства, *"полномочий в экономической сфере, позволяющих проводить в наиболее выгодном для населения режиме радикальные экономические преобразования"*. Нет, не хотелось Попову быть *"низведенным до положения назначаемого председателя исполкома"* ("ВМ", 20.12.91).

Пришлось Попову раз за разом подключать к делу тяжелую артиллерию. Для начала в дело сгодилась любимая газета Президента - "Московский комсомолец". Ее редактор, совместивший этот пост с руководством московским отделением номенклатурной партии Попова (ДДР), от имени этого отделения призвал Ельцина решить все проблемы разграничения полномочий властей своим Указом, а ВС приостановить принятие Закона "О статусе Москвы" ("Куранты", 20.12.91). На этот комариный писк никто бы не обратил внимание, но за ним стоял Попов.

В дело вступил непререкаемый авторитет. Нет, не закон, не Конституция, а сам Президент Ельцин! Он отдал Попову землю и собственность, валютные средства города и внебюджетные фонды, милицию и КГБ. Моссовету оставалось лишь согласовывать нормативы по бюджету. Указ следовал за Указом - так явочным порядком устанавливался статус Москвы - столицы криминального мира, гнезда номенклатурного мятежа и нового Клондайка для любителей легкой наживы.

А депутаты России как-то вдруг забыли о принятом в первом чтении Законе. Ельцин помог им стать забывчивыми. Второе чтение все откладывалось и откладывалось. Моссовет в этом ожидании выкипал от возмущенных требований. Он почти весь выкипел, когда началось новое рассмотрение Закона. Российские депутаты склонялись к тому, чтобы не делать различий между Москвой и другими городами, если дело касалось структуры власти и других законодательно закрепленных положений. Планировалось уточнить лишь порядок реализации столичный функций.

Все, что смогли сделать российские депутаты, так это констатировать, что на территории Москвы действует, как и на остальной территории России, Закон о местном самоуправлении. Но тут свою трактовку законодательству дал Конституционный Суд во главе с В. Зорькиным. Он указал российским депутатам, что они сами приняли поправки к Конституции, согласно которым ими же определяются лишь общие начала организации представительной власти краев и областей (Москва имела именно такой статус). По логике Зорькина Москва должна была жить вообще без законов и ждать пока российские депутаты расстараются, определив "общие принципы" или издадут особый закон о Москве, который каким-то образом "проглотит" все законодательство России ("Куранты", 27.05.92).

Интригуя в высших эшелонах власти, чрезвычайно заинтересованные руководители исполнительной власти Москвы (огромная собственность, огромное влияние!), мечтали об одном: чтобы закон о Москве отменил на территории столицы российское законодательство в части, касающейся полномочий Советов и отдал все мэрии. Исполнительная власть мечтала перерасти свои управленческие полномочия и обрести полномочия собственника и единственной и непререкаемой власти. В. Зорькин либо этого по наивности не понимал, либо играл в законопослушность, удобную номенклатуре. Доигрался до государственного переворота в октябре 1993 г. И, судя по всему, неприсоединение к перевороту он посчитал достаточной ценой, чтобы не быть в долгу перед попранной законностью. Вся предыстория забылась. А ведь В. Зорькин и его коллеги внесли огромный вклад в разрушение стабильности закона на территории России. Львиная доля этого вклада внесена позорной трусостью, которой нет и не может быть прощения.

Из обращения группы депутатов Моссовета к москвичам (ноябрь 1992 г.):

"Развернувшаяся сейчас кампания дискредитации представительных органов России идет по модели, отработанной в Москве. На две трети состоящий из депутатов, избранных в 90-м году по спискам "Демократической России", Моссовет уже в 91-м стал, судя по московской прессе, препятствием для "демократических" и "рыночных" реформ, проводимых "прогрессивнейшим" (состоящим на девять десятых из старой номенклатуры) московским правительством.

И все из-за того, что Моссовет настаивал на безусловном исполнении российских законов, отменяя и опротестовывая незаконные решения исполнительной власти. Решения, открывающие дорогу номенклатурной приватизации. Решения по распоряжению городской собственностью, ущемляющие права рядовых москвичей: о продаже жилых домов вместе с жильцами коммерческим структурам, о выселении детских учреждений и учреждений культуры из занимаемых ими зданий с помощью вооруженных отрядов, о сдаче в долгосрочную аренду за бесценок огромных земельных участков. Моссовет выступает против совмещения должностей в органах власти и в коммерческих структурах. Настаивает на том, чтобы столичная милиция

возглавлялась профессионалом. Требует, чтобы средства, полученные от продажи гуманитарной помощи, были возвращены городской администрацией для раздачи малоимущим, а не исчезали в недрах московской торговли. Моссовет не утверждает городской бюджет, в котором московский мэр, преуспевший в выбивании средств у федеральных властей, не хочет показывать доходы, заработанные городом и составляющие, по подсчетам депутатов, десятки миллиардов рублей. Во всем этом и заключается политика "контрреформ", проводимая представительными органами власти Москвы.

Мы совсем не склонны идеализировать работу Моссовета: кому, как не нам, знать о недостатках в его деятельности. Далеки мы и от того, чтобы идеализировать законы, принятые Верховным Советом. Многие из них уже сейчас требуют уточнения. Более того, некоторых законов явно не хватает. В этой связи хотелось бы обратить внимание российских парламентариев на то, что принятый в первом чтении закон о статусе Москвы никак не рассматривается во втором чтении. Москва де-факто живет по указам Президента" ("РГ", 04.11.92).

Забывчивость российских депутатов была связана с тем, что в свое время мэрии "не понравился" проект, принятый в первом чтении. Была даже попытка раздуть скандал о том, что бланк с визами ответственных лиц прикрепили к другому тексту. Но вместо скандала удалось другое - номенклатурная интрига. Ельцин и Хасбулатов договорились между собой, что для "компромиссного" варианта будет создана комиссия во главе с В. Шумейко. Пустили козла в огород и ждали плодотворных результатов. И результат вышел отменный: "проект Шумейко" резко ограничивал полномочия местных органов власти, устанавливал численность Моссовета, определял, что представительные органы власти по сути дела наделяются лишь совещательными функциями. Для мэрии было предусмотрено согласование многих вопросов на федеральном уровне. Мэрия на это была согласна. Ведь, для московских чиновников доступ на вершины власти был открыт, чего не скажешь о депутатах. Таким образом, никакого компромисса не было, а была наглая попытка номенклатуры придушить Моссовет.

VII Съезд народных депутатов России под влиянием ситуации (антисъездовская позиция Ельцина, демонстрация грузовиков у стен Кремля, устроенная Лужковым, наглое выступление последнего со съездовской трибуны) принял поправку к пресловутой 183-й статье Конституции, распространив действие общероссийских законов на столицу. Но маховик номенклатурного мятежа уже был раскручен.

Тут восстал еще и титан номенклатуры Ю. Лужков, почувствовавший серьезный подкоп под свое административное кресло: *"Сегодня городская власть функционирует в обстановке правового хаоса. В какой-то мере он компенсировался постановлениями Президиума Верховного Совета, указами Президента, но это были в основном частные решения... Закон об областном, краевом Совете... реакционен. Ибо его породила та же идея - вся власть Советам."* ("ВМ", 01.03.93). Решения Президиума подразумевались еще старые, когда на нем председательствовал Ельцин. Номенклатура продолжала планомерно демонстрировать единственную функцию Советов: не давать работать исполнительным органам.

О власти Советов в Москве к началу 1993 г. речи быть не могло. Конечно, если эта речь была честной. След и дух власти Советов давно выветрился. Лужков просто пользовался хорошо зарекомендовавшим себя пропагандистским клише. Пропаганда должна была быть направлена на

блокирование тех законов, которые Лужкова и его номенклатурную команду не устраивали. Власти этой команды мешали районные Советы, неудобно вставшие прямо у вожделенной кормушки. Наблюдателей процесса расхищения народного добра в новой системе быть не должно. И Лужков говорит: *"деление власти в муниципальном районе на представительную и исполнительную неуместно"*. После октября 1993 г. Лужков свою идею реализовать сумел. А заодно и вопрос со строптивым Моссоветом решил, посадив в Городской Думе три десятка марионеток. А муниципальные советы так и не родились. И в муниципалитетах никакие представительные органы над номенклатурной душой не стояли.

Несмотря на отмену весной 1993 г. Конституционным Судом противозаконных Указов Ельцина "Об ускоренной приватизации муниципальной собственности в г. Москве", "О дополнительных органах исполнительной власти в г. Москве" и постановления "Об административно-территориальном делении в г. Москве", Лужков заявил, что Указы отменять уже поздно ("ВК", 13.03.93). Действительно, бюджет, собственность, процесс приватизации, нормы о порядке торговли, о штрафах, о лицензировании и прочее он уже давно держал у себя. А депутатам была навязана роль бессильных нормотворцев и объектов для публичного шельмования всеми СМИ..

После октября и этих объектов не осталось. Поэтому прессе оставалось только славословить блестящих хозяйственников.

КОМУ НУЖНА ЭТА ЗАКОННОСТЬ?

Соблюдение законов является как бы само собой разумеющимся правилом для добропорядочных граждан. Вопрос о соблюдении закона как бы даже не возникает - все его обязаны соблюдать.

На словах закон исполнять все готовы. Политики тоже не отстают и стараются подкреплять любые свои выкрутасы ссылками на закон. Не то среди журналистов. Они должны отрабатывать свое. А поразить воображение читателя не так просто. Его можно "взять" только под корень, только замахиваясь на основы.

В этом отношении особо примечательна статья живчика пера демократической штамповки Л. Радзиховского в одном из последних номеров журнала "Столица" за 1991 г. Статья задумывалась как ответ на попытку зампреда Моссовета Ю. Седых-Бондаренко и академика В. Капустяна указать болевые точки системы власти и предложить принципы, на основании которых эти болевые точки можно было бы залечить.

Рассуждения Радзиховского любопытны сами по себе, а не как комментарий к статье. К статье все это не имеет ни малейшего отношения. Там нет ни придуманных Радзиховским слов о "правовом беспределе", ни попыток заткнуть мэрию за пояс. Нет никакой "демошизы", которую отыскал комментатор. "Демошиза" находилась где-то в другом месте - скорее всего на митингах "ДемРоссии". Поэтому содержание статьи нашего критика не интересовало. Он придумывал свое содержание, что и позволяло рельефнее выразить собственную позицию.

Радзиховский увидел в лозунгах защиты законности (которых в комментируемой статье нет ни одного) только "красивость" и целую связку подозрений к своим оппонентам. Оказалось, что защитников законности

можно заподозрить в покрывании каких-то темных делишек, в поддержании пустого процесса "самоговорения" (нужен же какой-то повод!), в утверждении вместо лозунга торжества законности другого лозунга: "Пусть торжествует что угодно - лишь бы мир погиб". Так, любое действие в защиту законности превращалось журналистом в бестолковое и опасное следование формальным правилам вопреки реальной жизни.

Имеется в "выдающемся" творении демо-советской журналистики замечательный пассаж:

"При том соотношении сил, при той психологии, какая сегодня есть в России, никто не верит в святость никаких законов, всякий их обходит и обходить будет. Нет никакого "правового беспредела". У отделения милиции вас не режут? Вот и не надо про "беспредел"...

Так вот - законы обходились, обходятся и будут обходиться. Разумный человек, принявший это как данность, старается активно принимать правила игры в обществе (с поправкой на то, что и их будут в известной мере обходить) - принимать их с тем, чтобы влиять на реальное соотношение общественных сил, например, влиять в том смысле, чтобы возникла ситуация, когда законы будут стоить дороже, чем та бумага, на которой они написаны. Вот этим - изменением правил игры, чтобы затем изменилась сама игра - и занята также мэрия. А вот кто с благородной миной произносит благородные слова - старается ей мешать. Вот и все."

Именно так понимали законность и свои общественные задачи хозяева и единомышленники Радзиховского. Они урезонивают: вы уж примите сложившееся повсеместное нарушение законов, как объективную реальность. А мы эту реальность подготовим в лучшем виде. Для тех же, кто имеет обыкновение критически рассуждать, мы наймем Станкевича, который будет выполнять свою роль политического деятеля с установками "санитара в дурдоме" (именно так определил деятельность Станкевича в Моссовете сам Радзиховский).

Один из авторов статьи, которую Радзиховский даже не пытался разбирать в ее основных положениях, так описывает сформированную радзиховскими и лужковыми систему ("День", № 8, 1993):

"Плутократическая законность - это когда всенародно избранный Президент, принесший публичную клятву о соблюдении Конституции Российской Федерации и ее законов, тут же, не отходя от президентского стола, цинично и демонстративно топчет эту самую Конституцию и эти самые законы. Как он сделал это своим указом от 28 августа 1991 года "О полномочиях исполнительной власти города Москвы", несмотря на то, что действовал запрет на проведение государственно-правовых экспериментов. Или при отставке Г. Попова с должности мэра столицы и назначении на его место Ю. Лужкова. И как он это сделает еще раз, когда генштаб партии мародеров заставит его посадить на это место своего очередника?

Плутократическая законность - это когда спикер Хасбулатов, денно и нощно, устно и письменно декларируя правильные слова о соблюдении закона, о его господстве, как условии разделения властей и т. п., одновременно незаконным актом, перечеркивая компетентность Моссовета, изменяет административно-территориальное устройство столицы, вводит административные и муниципальные округа при

сохранении старой схемы районирования и создает жуткий административный хаос в городе. Одна только реорганизация милицейских структур и ее последствия чего стоят. Только плутократическая "философия права" позволяет ему написать: " Президенту... дана возможность принимать указы, противоречащие законодательству, при условии их последующего одобрения парламентом". Вдумаемся в этот "правовой пассаж": кем "дана возможность", на каком основании, кто ответит за разрушительные для государства и народа последствия реализации этой "возможности"?

Плутократическая законность - это когда Президиум Верховного Совета, грубо нарушая не только действующее законодательство, но и Конституцию (а контроль за ее соблюдением - его конституционная обязанность), принимает постановление "О статусе и структуре органов управления города Москвы - столицы РСФСР" и организует противозаконные выборы "мэра" Москвы. <...>

Плутократическая законность - это когда московский градоначальник Ю. Лужков в нарушение законов вводит в городе "мусорный налог" и заставляет население столицы оплачивать безобразную работу подчиненных ему служб. А когда Моссовет отменяет этот налог, инспирирует в "Вечерней Москве" ответ: "Что касается недавнего решения малого Совета московских депутатов о том, что за мусор платить вообще никто не должен, то оно действует только для самих малосоветчиков. Остальные же москвичи... за вывоз отходов платить обязаны".

Плутократическая законность - это когда "четвертая власть" имеет возможность безнаказанно подрывать и без того слабое уважение к закону в обществе. Когда, например, Л. Радзиховский - типичное перо мародерской прессы эпохи "большого хапка" - может без всяких для себя последствий написать: "Мэрия создала новую систему исполнительной власти в Москве. Охотно верю, что многие решения здесь не соответствовали законам, но, впрочем, после того, как Попов пробил президентский Указ об основном статусе Москвы, этот вопрос вроде бы отпал".

Вот в этом лексиконе, в этих "пробил", "вроде бы", "охотно верю" по отношению к закону и заключается вся суть швондеровской "философии права"".

* * *

Вот в чем возникает проблема. Лидеры номенклатуры тоже все время говорят о необходимости соблюдать закон. Вот только относится это все-таки в большей степени не к ним самим и не к чиновникам, а к простым гражданам. Для себя же номенклатура изобретает принцип "плутократической законности" - т. е. внешнего подобия соблюдения законов. Выполняются как бы еще ненаписанные законы - то одни, то другие. И все это подкрепляется административной мощью. Обыватель смиренно думает: "Не могут же они нарушать закон, коль сами этим законом управляют". Не так, не так! Они не нарушают только свой воровской закон, гражданские же законы для того и пишутся, чтобы по обходным тропинкам к благополучию не побежали "массы народные".

Правовые нормы и жизнь всегда будут находиться в противоречии. Где эти противоречия концентрируются и кто их должен устранять - вот в чем вопрос! Кто будет народные представления о Правде и Справедливости превращать в юридические формулы и следить за их соблюдением? Если те, кто навязывал стране принцип произвола: "разрешено все, что не запрещено законом" (слово "закон" чаще всего при употреблении фразы опускается), то рано или поздно правосознание граждан будет разрушено. А первыми будут творить "что не запрещено" - чиновники.

Дело не в том, чтобы добиваться невозможного состояния общества, в котором законы не нарушаются. Задача состоит в том, чтобы такие нарушения происходили реже всего там, где законы являются инструкцией, регламентирующей поведение именно чиновника. Закон для него должен стать таким правилом, выход за пределы которого моментально лишает его доходного места, даже если инициатива в данное время и в данном месте случайно оказалась благотворной. Чиновник обязан действовать только по закону, не изобретая ничего сверх закона. (Кстати, в этом смысле депутаты Моссовета из "партии закона" были бы идеальными чиновниками.)

Тут не возникает никакого препятствия для совершения гражданских поступков, которые противоречат законодательству. Но такие поступки должны быть связаны с личной жертвенностью. Иначе все, кому не лень, начнут творить произвол, оправдывая его революционной целесообразностью, необходимостью двигать вперед радикальные реформы или не допустить гражданской войны. Взять, к примеру, Ельцина. Какая тут жертвенность? Сплошной и безнравственный произвол...

Ничто не может стеснять чиновника в том, чтобы добиваться отмены или изменения неразумных, с его точки зрения, правовых норм. Только такая отмена или замена не может быть в компетенции самого чиновника. Иначе он нагородит огород - будь здоров! Пока же в большинстве своем чиновничество чтит параграфы, не решаясь предлагать их усовершенствование без того, чтобы не поднять мятеж. Проще тихо нарушать законы с легкой руки начальства или присоединяться к правовому беспределу, организованному политическими авантюристами.

Есть такое издревле популярное утверждение, что вред от дурных российских законов компенсируется дурным их исполнением. Это совершенно не так. Дурные законы чиновничество ставит себе на службу. Эти законы исполняются рьяным образом, но лишь там, где чиновнику это выгодно, где он может либо мзду получить, либо насладиться властью. Рядовому гражданину, замордованному бытовыми проблемами, не доказать, что чиновник отказывается соблюдать закон. У него нет ни времени, ни соответствующей квалификации, чтобы по каждой мелочи высиживать свою правоту в судебных инстанциях. А мелочи, как известно, создают совершенство. В данном случае совершенство бюрократической машины, порабощающей людей.

И еще раз вспомним слова классика - Салтыкова-Щедрина - сказанные будто о нашем времени: *"Чиновник, представлявший собой орган государства, мог свободно не знать, что такое государство, в чем заключаются те функции, которые отделяют его от общества и определяют его отношения к последнему он обязывался иметь ясное понятие только о "начальстве", он знал только букву "предписания" и даже*

не чувствовал ни малейшего поползновения уяснить себе ее смысл и ее отношение к действительности. Чиновничество изображало собой организованное невежество не только по отношению к общей области знания, он и по отношению к той специальности, которой оно служило." (Собр. соч., т. 9, с. 163).

НОМЕНКЛАТУРА ПРОТИВ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

В чем номенклатура преуспела - так это в организации бульдожьих схваток под ковром. Номенклатуре некогда разбираться с народом, который почему-то сам собой не организуется в политические партии и неполитические общественные организации, который не способен даже сформулировать свои интересы в каких-либо политических документах. С таким народом нечего церемонится. Он - только объект для манипулирования им.

Правящая группировка во главе с Ельциным с самого начала воспринимала ростки гражданского общества, как враждебную поросль, сковывающую своими побегами свободу ее действий. На первых порах с разнообразными политическими структурами чиновники еще пытались заигрывать. Б. Ельцин как-то раз даже подписал с рядом партий соглашение о сотрудничестве. Разумеется, выполнять его было недосуг. Позднее был создан Российский общественно-политический центр - нечто вроде Ноева ковчега (а точнее - коммунальной квартиры) для партий и общественных объединений. По одной комнате на партию - вполне достаточно, чтобы они имитировали существование многотысячных организаций: проводили пресс-конференции, участвовали в различного рода совещаниях, круглых столах и т. п.

Поначалу председателем Совета РОПЦ был С. Станкевич. После октября 1993 г. его от дел оттеснил "выдающийся аналитик" Г. Сатаров, ставший генеральным директором РОПЦ. Тоже из советников Ельцина и тоже ничего не смыслящий в деле организации. Потом первый ушел в тень, а второй - в Президентский Совет. РОПЦ становился лабораторией по проверке благонадежности высших номенклатурных кадров. Заодно проверялась и благонадежность общественных организаций, прижившихся в РОПЦ. Так, автору довелось слышать, что дополнительную комнату одной из организаций в РОПЦ выделили после того, как представители этой организации показали гильзы, принесенные от расстрелянного Белого Дома и рассказали о своем участии в "героическом штурме".

Даже после октября 1993 г., когда все эти нелепые образования в виде крошечных партиек можно было отбросить, номенклатура не стала их растаптывать. Ранее существовавший жесткий партийно-государственный контроль над общественными организациями сменился полным равнодушием государственных органов к самоорганизации общества. Дело в том, что деградация общественной жизни была настолько сильна, что подавлять эти фантомы вовсе не было никакой необходимости. Даже наоборот, их существование выгодно власти, как пример беспросветной нежизнеспособности любой самоорганизации общества вне административных структур.

Урок и пример всей стране в этом вопросе дала Москва. Столица

как центр всей политической жизни России отличается тем, что здесь деже крохотный митинг в несколько десятков человек становится объектом внимания прессы, телевидения, иностранных журналистов. В огромной мере это стимулировало появление разного рода групп, которые, определившись с лидером, начинали имитировать создание всероссийских партий. Все, чем ответила на это московская администрация во главе с Лужковым - это проведение льготного закрытого аукциона на покупку помещений для небольшого количества политических партий (результат был близок к нулю) и вялая попытка консультаций мэрии с политическими лидерами, возникшая в условиях нарастания опасности выборов главы московской администрации в 1992 г.

Другая особенность общественной жизни столицы - существование замечательного номенклатурного образования, регистрирующего общественные организации. На его работе следовало бы задержать внимание.

Дело поставлено так, чтобы потенциальный барьер для любителей собираться по поводу небытовых и некоммерческих вопросов был как можно выше. Барьер состоит в приведении устава общественной организации в соответствие с требованиями чиновника, занимающегося регистрацией.

Совместная работа над этим уставом обогащает чиновника зарплатой, а соискателя статуса общественной организации - ненавистью к чиновнику. Если ваш интеллект вынуждает вас бороться против нелепостей в упомянутом документе, будьте уверены - вас заставят уважать чиновника и его право стоять на страже нелепости. Если вы правдолюбец и требуете предъявить инструкции, по которым вся эта абсурдная практика существует, вам откажут в "человеческом" отношении и заставят воспринимать чиновника как самого человечного человека, чья человечность позволяет вам зарегистрировать свою организацию, только вопреки бесчеловечной инструкции. Такой вот новый вид кормления изобретен существующей системой.

Зато для тех, кто особо боек, существует замечательная возможность проявить себя и зарегистрировать партию численностью в десять человек. Потом эти партии объединяются в блоки, блоки собирают собрания "демократической общественности", конституционные совещания и пр. В общем открыты широкие возможности для имитации и пересудов журналистов.

Пожалуй, единственная небюрократическая структура (поэтому и маломощная), существовавшая в Москве в годы случайной демократии и кое-как отработавшая концепцию государственной поддержки новых общественных структур - это Общественный центр Моссовета (ОЦМ). Но Моссовет - враг администрации. Поэтому взлом помещений Центра и его варварский разгром в октябрьские дни 1993 г. были вполне закономерны, а гробовое молчание прокуратуры по этому поводу - естественным.

И все-таки о работе Центра есть что рассказать. Центр впервые стал проводить публичные слушания, впервые организовал общественные приемные по ключевым проблемам города, впервые стал выпускать аналитический бюллетень по проблемам московских общественных организаций. ОЦМ помог многим общественным организациям и отдельным людям. Это была фактически единственная структура в городе, которая своими силами пыталась заполнить громадную брешь между властью и

избирателями. Этот опыт еще пригодится тем, кто сметет бездарную номенклатурную касту демо-советикусов.

А пока все условия в Москве созданы для партий другого рода - номенклатурных. После августовского путча 1991 г. стараниями мэра Москвы Г. Попова возникло Движение демократических реформ. В его Совет помимо Г. Попова входили такие заметные лица, как Вице-президент А. Руцкой, российский премьер И. Силаев,, серый кардинал КПСС А. Яковлев, экономический академик Петраков, префект центрального округа Москвы А. Музыкантский известный тележурналист Э. Сагалаев и др. ("РГ", 31.07.91, "Политика", № 16, 1991).

21 октября 1991 г. Г. Попов выпустил мэрское распоряжение с такой преамбулой: *"Учитывая, что одним из важнейших условий создания демократического правового государства является создание независимых политических структур и движений..."*. А смысл состоял в том, чтобы передать Оргкомитету Движения демократических реформ здания Бауманского райкома и райисполкома на Басманной ул. с площадью служебных помещений, ни много ни мало, 5 тыс. кв. м. ("Солидарность", № 15, 1991).

А вот другой пример развития многопартийности по номенклатурному сценарию. В конце 1991 г. в ответ на свои кадровые рекомендации московская организации Демократической партии России получила от мэрии письмо следующего содержания: *"Согласно сложившейся практике, рекомендации по кадровым вопросам от партий и общественно-политических организаций поступают и проходят предварительное рассмотрение в комиссии московской городской организации движения "Демократическая Россия". Для скорейшего рассмотрения кадровых рекомендаций МГО ДР Вам надлежит передать их непосредственно в эту комиссию либо в координационный совет МГО движения ДР"*. Подписано заместителем генерального директора департамента мэра А. Соколовым (все тем же - из команды "поповцев" в Моссовете) ("НГ", 29.05.92).

А. СОКОЛОВ

А. Соколов в 1990 г. был избран депутатом Моссовета, а до того был военнослужащим непонятного статуса и профиля. Г. Попов подыскал ему местечко ответственного секретаря Президиума Моссовета. Ответственности, разумеется, никакой. Потом этот активист ДР пошел за Поповым в мэрию и стал на время генеральным директором департамента мэра.

В августовские дни 1991 г. А. Соколов был назначен комендантом комплекса зданий на Старой площади. В те дни оттуда в неизвестном направлении активно вывозили ценное оборудование ("Куранты", 10.09.91). Позднее Попов пытался сделать услужливого депутата председателем лицензионной палаты, которую вознамерился переделать по своему усмотрению, но Моссовет отменил решение, которое противоречило не только закону, но и ельцинскому указу о чрезвычайных полномочиях мэра ("Ъ", № 14, 1992).

Пришедший ниоткуда, А. Соколов в 1992 г. ушел в никуда. О координатах этого "никуда" можно только догадываться.

Так номенклатура дозировала многопартийность. После путча 1993

года уже и контролировать было нечего. Многопартийность стала совершенно ненужной вещью. Партии можно было создавать почти мгновенно. Деньги делали все. Одна за одной вымирали и рождались вновь партии без идеологий и без каких-либо мыслей по поводу судьбы России. Партия любителей пива, Партия бедноты, Партия большинства, Партия народной справедливости и пр. А номенклатура, совершившая свой мятеж, свой интерес видела в других структурах - это клан Газпрома, клан ВПК, банковский клан и т. п.

ПЯТАЯ КОЛОННА

Оглядываясь в прошлое, трудно понять, для чего на свою голову избиратели и депутаты то и дело голосуют за карьеристов, проходимцев и лжецов. Казалось бы, не так уж и сложно разобраться в этих людях и, по крайней мере учесть свои ошибки. Этого почему-то не происходит. Нам почему-то проще махнуть на все рукой, в то время как проходимцы формируют все более плотные группы, скрепленные дисциплиной, круговой порукой и даже кровью.

Моссовет тут не исключение. Те, кто не собирался торговать своей совестью, оказались беспомощными против интриг и коллективных действий ставленников номенклатуры. В результате от их имени управляли Моссоветом люди не самого высокого интеллектуального и нравственного уровня.

ДУМСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Прежняя система ответственности депутатов за свою работу рассыпалась на глазах. Кворум сессий Советов разных уровней исчезал повсеместно. В Моссовете численность депутатов, при которой принятие решений могло считаться правомерным, составляла 311 человек. Но даже на первой сессии после месяца работы заседание начиналось при наличии лишь 200 человек.

Законодатели нашли выход из положения, не утруждая себя размышлениями о причинах такой ситуации. Они решили не затрагивать чьих-либо интересов и не вводить карательных дисциплинарных мер. Просто решено было снизить кворум с 2/3 до 1/2. Система представительных органов начала свое планомерное вымирание.

На месте неповоротливых сессий стали возникать Малые Советы, смысл создания которых состоял в том, чтобы передать на мини-сессии текущие проблемы и разгрузить большие залы от многочасовой бестолочи. В Москве Малый Совет решили назвать Городской Думой.

Первый состав Городской Думы Москвы был образован самозаписью депутатов, которые готовы были продолжать постоянную работу. Большинство из них уже работали в Моссовете, получая за это зарплату. Поэтому они записывались в Думу по долгу службы, хотя не всегда собирались работать в этом новом органе.

Принятый поначалу порядок организации Думы был вполне законным, но очень не устраивал Г. Попова, который просто взорвался 18 декабря 1991 г. яростным заявлением в прессе. В нем с надрывом было

написано: мы хотим все приватизировать, слабых защитить, всю Москву накормить, а депутаты мешают. Мешают потому, что требуют исполнения законов, которые, по мнению Попова, останавливают реформы в Москве. Главное препятствие для благоденствия - Дума, отменяющая решения мэра, которые никак не умещаются в российское законодательство (что он и сам без всякого смущения признал). Депутаты, видите ли, хотят в соответствии с законом, утверждать должностных лиц, возглавляющих некоторые отрасли городского хозяйства! Но ведь уже есть мэр с вице-мэром! Они сами в состоянии всех назначать! В заявлении Попов однозначно объявил о своей отставке, но по принятой им манере поведения в отставку не ушел. Соврал, стало быть. Зато добился могучего резонанса в прессе и в рядах "демократической общественности".

Как открылось впоследствии, свободное формирование Думы противоречило далеко идущим планам демноменклатуры. А план был прост: сформировать Думу, послушно выполняющую все просьбы мэра.

Любопытный документ хотелось бы процитировать в качестве иллюстрации того, какими иезуитскими методами действует номенклатура против своих оппонентов. В перечне работ по департаменту мэра указана такая: система кластерного анализа социальных объектов. В примечаниях указано, что система позволила выявить "не объединенных в формальные группы депутатов, близких по взглядам, что позволило выработать оптимальный для конструктивного взаимодействия с исполнительной властью состав Малого Совета из имеющегося контингента депутатов Моссовета". Все правильно, бюджетные деньги потрачены на собственные политические цели. Вычислили сторонников, собрали их с помощью того же аппарата и в нужный момент обеспечили перевес голосов. Короче говоря, против своих противников номенклатура считала возможным применять все, "что не запрещено законом". А нравственность, как известно, законами не регламентируется.

Следуя плану укрощения Моссовета, Попов вслед за истерикой в печати по всем правилам политических диверсий организовал в Моссовете переворот. Будто бы решили избрать Думу по новым правилам. В действительности за кулисами состоялся сговор наиболее циничных сторонников Попова с "умеренной" частью депутатов, решивших продать себя в общем то за грош - за место в этой самой Думе, которая должна была составлять лишь 1/5 от общего числа депутатов. Престижность попадания в первую моссоветовскую сотню многих привлекала.

Подготовка к выборам в Думу привела к попыткам сформировать списки наиболее приемлемых кандидатов. Заблаговременно были подготовлены только два списка: от группы "Сильный Совет" и коалиционный список, контролируемый фракцией "ДемРоссия". В первом случае была предпринята попытка учесть интересы различных групп и составить список из "умеренных" и проявивших желание работать в Думе депутатов. Во втором случае предполагалось сформировать список на основе жесткой договоренности: каждый вошедший в список голосует только за этот список и предоставляет свой бюллетень для проверки группе контролеров от этой коалиции. В список вошли представители "ДемРоссии", бывшие коммунисты и представители, выдвинутые некоторыми комиссиями. Совпадение состава двух списочных "команд" составляло лишь 20%.

Результаты голосования показали, что коалиционный список

получил явное преимущество (более 80% Думы составили кандидаты именно из этого списка). Вероятно, решающее значение здесь приобрел фактор известности группы, состоящей из членов Президиума, председателей комиссий и ряда наиболее активных депутатов. Вторым фактором было голосование тех депутатов, которые на сессиях обычно не присутствовали. В результате определенной работы удалось склонить этих депутатов к голосованию именно по коалиционному списку "деморосов".

Второй список практически не сработал: лишь около 15% депутатов из части этого списка, не совпадающего с коалиционным, были избраны в Думу. Дело в том, что многие депутаты, в целом одобряющие кандидатуры, включенные в список, отказывались голосовать "по списку". Они заполняли бюллетень для голосования, руководствуясь лишь личными симпатиями. Поэтому "деморосы", сконцентрировавшие голоса своих сторонников и доброжелателей, получили заметное преимущество.

В итоге в Думу вошли наиболее радикальные представители "ДемРоссии" (практически все из числа стабильно голосующих против решений, противодействующих нарушению законности в Москве). Кроме того, около 35 % Думы составили депутаты либо, не вошедшие в первый состав Думы (т. е. не попытавшиеся работать в ней), либо выведенные из ее состава за пропуски заседаний.

Победа над Моссоветом в вопросе формирования Думы ничего не дала Попову. С неумолимой логикой этот орган пришел к тому, что его интересы (имеющие или даже не имеющие отношения к вопросу о депутатских полномочиях) оказались прямо противоположными интересам лиц, стремящихся к ликвидации органа представительной власти в городе. Из Думы не получилось инструмента разрушения Моссовета.

Уже в марте 1992 г. Дума не приняла к рассмотрению очередное истерическое заявление Попова насчет нового путча, якобы подготовленного опальными депутатами СССР. Попов, следуя своей логике вечного противостояния при любом возражении на его позицию, приступил к поношениям теперь уже и Малого Совета. Моссовет для Попова стал органом, способным поддержать антиконституционные действия. Вот так - будто не было августа 1991 г.!

Дума нового состава никогда не стояла в жесткой оппозиции по отношению к мэрии. Зато из состава не вошедших в Думу депутатов такую оппозицию вполне можно было составить. Эта оппозиция стала бы вполне "нормальной", т. е. противостоящей как политике исполнительных органов власти, так и политике Моссовета в лице ее Думы. Тем более, что вся последующая история показала, что никакой системы взаимоотношения Думы с депутатами, не вошедшими в нее, не возникло. Депутаты разделились на элиту (Дума) и второй сорт (остальные). "Второсортники" были отсечены от важнейшей информации, до них не доводились повестки дня заседаний Думы и ее решения.

Однако оппозиция организационно так и не была сформирована. Объединения существующих неформальных депутатских групп (кластеров) не произошло. Свою роль сыграли здесь факторы субъективного порядка - неспособность или нежелание некоторых ярких "оппозиционеров" к согласованию своих позиций с мнением других.

АНТИАППАРАТ

Мятеж номенклатуры оказался возможен из-за того, что общество не смогло найти способа устранить или хотя бы ослабить влияние бюрократического аппарата на политический процесс. Агентура бюрократии была поначалу внедрена в среду демократического движения, а потом отсекла все пути к самоорганизации в избранных населением представительных органах власти.

Способы разрушения бескорыстной инициативы и свободной организации граждан были столь бесстыдны, что многим долгое время не верилось в столь глубокое коварство людей, всюду выставляющих себя поборниками демократии.

Кое-что на эту тему можно почерпнуть из беседы одного из первых организаторов демократического движения в Москве Лидии Георгиевны Мягченковой и корреспондента газеты "Оппозиция" Александра Баламутова:

"Л. М.: В ходе организации Межрегиональной группы у нас в руках были все связи, списки, контакты с клубами избирателей. Тогда к нам стали приходить Боксер, Шнейдер и другие. Мы помимо всего прочего еще и работали, а потому не могли все время сидеть на месте, а эти люди почему-то всегда были свободными. Они постепенно оттеснили людей, которые стояли у истоков...

Первоначально предполагалось, что избирательные списки "ДемРоссии" будут подаваться снизу от клубов избирателей, а они будут их просто печатать. Однако, как потом выяснилось, эти списки кем-то очень сильно переделывались. Из них вычеркивались настоящие демократы, а вписывалась зачастую номенклатура. Ко мне как-то обратился один демократический кандидат с просьбой выяснить, почему вместо него в списке оказался второй секретарь ЦК ВЛКСМ Смирнов, реакционнейшая личность, которую никто не рекомендовал. Я пошла в Межрегиональную группу выяснить, почему это произошло. В комиссию по составлению списков входили Ельцин, Попов и кто-то еще. Со мной была сопредседатель КИАНа Вахнина, до которой дошли слухи, что списки КИАНа кем-то переделаны. Она предложила мне потребовать от Шнейдера и Боксера предъявить списки кандидатов в депутаты, которые те отказывались показывать. Я не могла понять, у меня в голове не укладывалось, как можно скрывать списки. Увидев Шнейдера, я попросила показать списки. Он ответил, что списков у него нет - они отправлены печататься в Прибалтику. Это показалось мне еще более подозрительным, и тогда я стала сурово требовать от него показать списки. Подошла Вахнина и спросила, кто посмел переделывать списки КИАНа, почему там другие люди. Я была просто в бешенстве! Тут я взяла Шнейдера за грудки и сказала, чтобы он немедленно показал списки. Шнейдер бросился бежать по коридору. Я за ним. Вахнина, которая потом сказала, что в нее вселился мой дух, за нами. Это было потрясающее зрелище - две солидные дамы бегут за Шнейдером! Он метнулся в скоростной лифт, но я успела тоже туда просочиться. Он выскочил на каком-то этаже и снова побежал. Я за ним. Он ворвался в какой-то кабинет. Я за ним. Это был кабинет Попова. Там были Боксер, Орлов и еще кто-то. Шнейдер спрятался за их спины. Я говорю: "Немедленно мне списки!" Они говорят: "Вы понимаете..." - "Я не понимаю. Где списки?" И им пришлось предъявить списки. И тут выяснилось, что и меня там нет! Они начали оправдываться: "Лидия Георгиевна, мы Вас не включили потому, что Ваше районное объединение избирателей заявило, что, если мы Вас включим, то они все выйдут из "ДемРоссии"". Я спросила: "Кто проголосовал за то, чтобы меня исключить?" - "Проголосовал этот комитет." "Кто именно? - настаивала я, - Попов, Ельцин?" Все присутствующие стали заверять, что они лично голосовали за меня. "Кто против?" - "Ельцин." "Где Ельцин?" - "Уехал по России." "Где Попов?" И в этот момент вошел одетый в пальто сам Гавриил Харитонович. Я спрашиваю: "Гавриил Харитонович, Вы что, голосовали против меня? Я по-Вашему не демократ? Кто же я тогда?". Попов отвечает: "Лидия Георгиевна, я тут ни при чем. Это все МОИ, МОИ, МОИ! И, вообще, я

спешу, я еду. Мы, как договорились, в составлении списков не участвовали. Это все МОИ, МОИ!" Пришлось этим товарищам со мной объясняться. И они пообещали, что пошлют поправки вдогонку, и списки будут изменены в отношении меня. Правда, часть тиража "Позиции" была отпечатана без моей фамилии, и Уражцев вывешивал именно те листочки, где моей фамилии не было. Но далеко не каждый кандидат имел возможность брать за грудки Шнейдера и отлавливать Попова...

М. ШНЕЙДЕР

Окончил МАИ и физфак МГУ. С 1988 г. увлекся демократическими пикетами и вошел в КС МНФ, потом в КС МОИ и, наконец, в КС "ДемРоссии". На выборах 1989 г. был доверенным лицом С. Станкевича. Затем, Шнейдер превратился в вечного помощника мэра (сначала Г. Попова, потом Ю. Лужкова) и выполнял мелкие поручения главных московских администраторов. В политических кругах часто оценивается как современная реализация литературного прототипа по фамилии Швондер.

(Тут автор должен не без удовольствия вспомнить, что сам однажды держал гражданина Швондера за грудки, чему даже посвятил несколько строк всезнающий "МК").

А.Б.: Существовала договоренность между клубами избирателей и руководством МОИ о недопустимости внесения в списки, поданные "снизу", каких-либо изменений. После того, как эта договоренность была нагло нарушена, многим клубам избирателей пришлось сражаться "на два фронта": против кандидатов от райкомов КПСС и кандидатов от "ДемРоссии". После всего этого возникли требования расследовать, кто виноват в этом безобразии. Совет Представителей МОИ небольшим большинством голосов принял-таки решение создать комиссию для расследования нарушений договоренности с клубами избирателей. Я участвовал в работе этой комиссии, в которую в основном вошли люди, настроенные оппозиционно по отношению к боксеровской верхушке МОИ. Мы связались практически со всеми клубами избирателей и убедились в том, что почти в каждом районе руководство МОИ пыталось протащить в депутаты различных одиозных деятелей. Видимо, уже тогда эти люди думали о формировании послушного депутатского корпуса, которым было бы легко манипулировать. А людей непокорных, имеющих свою позицию по возможности отсекали. Занимались списками, насколько мне известно, Боксер, Шнейдер и Боганцева. Работа нашей комиссии постоянно саботировалась, и нам не были даже предоставлены документы, которые СП МОИ распорядился нам предоставить при формировании комиссии. Тем не менее, мы собрали достаточно интересный материал.

Л.М.: Был, например, такой случай. Я должна была выступить в одном закрытом "ящике", весьма консервативно настроенном. Я за день до собрания попросила знакомого депутата-межрегиональщика выступить вместе со мной и поддержать меня. Он обещал мне, а за два часа до собрания (в 2 часа дня) мне на работу позвонил Шнейдер (не знаю, откуда он достал мой телефон) и стал кричать: "Почему Вы срываете нам работу, мы пригласили этого депутата выступать совсем в другое место!" Я удивилась и сказала, что имею право приглашать кого угодно, не спрашивая ни у кого разрешения. И потом, разве на этом депутате свет клином сошелся - депутатов много! Шнейдер заявил, что сейчас у него никого нет. Я ответила, что это его проблемы. Шнейдер продолжал настаивать, чтобы я "отдала депутата". Я спросила, когда у вас собрание? - В 7 часов. - Я объяснила, что у меня в четыре, и депутат успеет к ним приехать. На том и договорились. Но не тут-то было: когда я пришла в институт, мои избиратели известили меня о телефонограмме, в которой сообщалось о том, что депутат не сможет прийти. И пришлось мне сражаться одной. Но в конце концов, институт поддержал меня. На следующий день я позвонила этому депутату и спросила, почему он не пришел. Он ответил: "Мне сказали, что Вы

обойдетесь без меня. Шнейдер и Боксер приехали ко мне домой на машине и увезли меня, не помню даже куда - на какое-то собрание. Они сказали, что Ваше собрание переносится"...

В одной школе, где преподавал друг моего соперника по выборам в Моссовет Олега Орлова (из МОИ), я сама видела написанные на доске призывы голосовать за Орлова. Ученики этой школы распространяли листовки с призывами голосовать не за меня, а за Орлова. Я знала, что Орлов в нашем районе не живет, хотя он в своих листовках и утверждал обратное. За день до выборов появилась листовка о том, что он выдвинут коллективом популярного тогда "АиФ". Это была тоже ложь.

А.Б.: И чем закончилась Ваша избирательная эпопея?

Л.М.: Я вышла во второй тур на выборах и в Моссовет и в депутаты России.

А.Б.: Я припоминаю случай на Конференции МОИ в мае 1990 г., когда Вы пытались сказать что-то разоблачительное про эту компанию, а Боксер пообещал усадить Вас на нары.

Л.М.: Да. Тогда Боксер заявил со сцены: "Эта дама клеветница. Она засыпала избирательные комиссии доносами на демократических кандидатов"...

Надо отдать этим людям должное: они как губка всасывают мысли и чаяния людей, всегда говорят то, что надо, чтобы прийти к власти. Когда они стали депутатами, они по Уставу должны были уйти из Координационного Совета МОИ. Но они не хотели этого делать...

А.Б.: Да. Я прекрасно помню эту историю. Они попросту решили не проводить конференцию для того, чтобы их нельзя было переизбрать. Провели в Мраморном зале Моссовета встречу "актива клубов избирателей с демократическими депутатами Москвы" и назвали эту встречу задним числом "конференцией". Тогда КИАН и другие недовольные создали оргкомитет, разослали по клубам избирателей приглашения и созвали Конференцию МОИ, которую старый КС отказался признавать и даже не удостоил посещением. Правда, старому КС МОИ пришлось назначить дату своей конференции. Если бы мы тогда были умнее, мы тогда бы переизбрали эту нечисть...

Так была упущена последняя возможность спасти честь московского демократического движения, очистить его от проходимцев."

Дальнейшее разложение демократического движения было направлено на уничтожение его возможного и естественного центра - Моссовет. Сначала Г. Поповым из своих ближайших помощников (тех же шнейдеров и боксеров) был сформирован антимоссоветовский аппарат. Позднее Н. Гончар не стал тревожить тех, кто не ушел вслед за его предшественником в мэрию, а лишь слегка разбавил своими людьми. И аппарат делал свое дело - работал на председателя, имитируя работу на Совет. В результате все усилия порядочных людей обращались во прах, а "морально неустойчивым" предоставлялись самые разнообразные возможности, чтобы стать падшими ангелами демократии.

Если говорить об антиаппарате, сформированном в Моссовете, то стоит привести воспоминания депутата Моссовета А. К. Тюленева:

"На первой сессии Моссовета я, как и многие другие депутаты, оформил свое депутатское обращение и передал, как это было заведено, в секретариат сессии. Прошла сессия, прошло лето, а ответ на свое обращения я так и не получил. Отправился в секретариат. И тут мне говорят, что обращение "утрачено". Его ввели в компьютер, а тот вышел из строя. Но предлагают не огорчаться. Вместе с компьютером погорели 2000 обращений депутатов, составленных с самого начала их деятельности. Оригиналы тоже никто не хранил. Я все-таки огорчился и решил побеседовать о работе секретариата с Г. Поповым, который настоял в свое время на назначении начальником секретариата депутата И. Боганцевой. Когда я пришел в приемную председателя Моссовета, мне сказали: "А он депутатов не принимает". "Как так?" - не поверил я и

решил все-таки дождаться самого Г. Попова. Ждал упорно - полтора часа. И вот он явился в плотном окружении свиты. Я стал сквозь свиту взывать: "Гавриил Харитонович! Гавриил Харитонович!". Но он скользнул невидящим взглядом в мою сторону и исчез за тяжелыми дверями кабинета. Я понял, что ходить сюда бестолку."

Помимо всяческих секретариатов, существовала еще одна специфическая структура, созданная Г. Поповым - специальный моссоветовский орготдел, который был скорее отделом по дезорганизации работы Моссовета. Орготдел намеренно скрывал информацию от депутатов и делился с мэрией всеми результатами своей деятельности. (Не за эту ли высокую продуктивность после октября 1993 г. и полного разгрома управленческих кадров Моссовета начальник орготдела был пригрет в Городской Думе нового образца?) Порой обнаруживались и другие отделы в структуре Моссовета, которые скорее напоминали отстойники для чьих-то приятелей. Они либо никогда не отчитывались о своей работе, либо гнали халтуру.

Ко всему прочему, Моссовет как был с 1990 г., так и остался без своего здания и без собственной материальной базы. Здание по Тверской, 13 Моссовет попытался отсудить у мэрии. Не вышло. Суды были намертво схвачены "лужковцами". Приходилось работать в неприспособленных помещениях. Чего только стоил зал заседаний для сессий Моссовета с дурной акустикой, духотой и разболтанными креслами. А аппарат годами "думал" над тем как улучшить положение дел. Компьютерную сеть в здании налаживали два года, да так и не установили. Потом и думать стало не нужно. Заменившую Моссовет Городскую Думу можно было впихнуть в помещения одной депутатской комиссии - и пусть занимаются чем хотят.

Система моссоветовского аппарата работала сама на себя. На содержание Моссовета в 1993 г. планировалось израсходовать около 4,5 млрд рублей. В среднем на депутата приходилось чуть ли не по 10 млн. рублей. Реально даже близких к этой цифре затрат депутаты сделать не могли.

Из статьи Ю. Седых-Бондаренко и С. Пыхтина ("Время", № 3, 1993):

"Моссовет сегодня. Несмотря на все "демократические" вывески, он бюрократизирован до безобразия. Он устроен по принципу чемодана с тремя днищами. Достаточно сказать, что любой чиновник, сидящий на распределении материальных благ (путевок в санатории, автотранспорта и бензина, мы уже не говорим о таком священном деле, как оформление загранкомандировок), во много раз сильнее всех депутатов, вместе взятых.

В Моссовете полно "хитрых" и посторонних людей и подразделений - торгашей, чекистов, лоббистов и т. п. Только в Моссовете тебя может сбить с ног толпа, несущаяся куда-то в подвал, где в очередной раз "что-то дают". Эти полчища чиновников мэрии и правительства, наполняющие здание на Тверской, не имеют никакого отношения к Моссовету, но в глазах народа они тоже "Моссовет".

Если считать, что Президиум Моссовета задумывался как главная часть аппарата Моссовета, то эта часть сделала "пятой колонной" внутри Моссовета собственную глупость. Приведем только один пример - с переименованием улиц. Решение о массовом возвращении старых наименований принял Президиум, а общественность обрушилась на Моссовет и депутатов, которые к этому не имели никакого отношения. Глупость Президиума граничила с преступлением. Во-первых, с карты Москвы

убраны улицы, названия которых давно уже стали топонимами: Пушкинская, Чехова, Герцена и др. Во-вторых, кулуарный метод обсуждения вопросов, полное молчание прессы на этот счет обеспечили однозначное отношение к депутатскому корпусу: дураки, которые в состоянии все погубить. Московские писатели даже обвинили Моссовет в маразматическом антикоммунизме, по которому узнаются бывшие коммунисты. Не знали многие из них, что наиболее активными сторонниками этих переименований были "деморосы", которые антикоммунизм удачно совмещали с антигосударственной позицией.

Президиум Моссовета стал гнездом для внутримоссоветовской бюрократии. А интересы бюрократии формируются сами собой. Это и монополизация прав на информацию, это и сговор между собой по отношению к избравшим Президиум депутатам, это и захват полномочий, которых никто никогда не делегировал Президиуму. Началось все с того, что Президиум Г. Попова летом 1990 г. утвердил сам себя, не спросясь у сессии. Об этом все забыли, как о деле несущественном. Потом Президиум существовал без всяких отчетов о своей работе, без оглашенных планов деятельности и без всякого желания заниматься проблемами самого Моссовета (например, организационными). Точно так же, члены Президиума никогда не отчитывались перед депутатами, никогда не оглашали планов своих работ.

История с Президиумом показывает, что включение в номенклатурные игры происходит как бы само собой, если этому способствуют формы существования властных органов. Сам способ существования Моссовета (его оргструктура) помогали номенклатуре использовать его в своих целях. Никаких инструментов сдерживания номенклатурного заговора в самом Моссовете не существовало, а руководство не только не пыталось поставить дело иначе, оно еще и стремилось к поиску своего места в рядах номенклатуры.

ВЗДОХ В МИКРОФОН

Не секрет, что от века существует и применяется на практике вполне определенная и неплохо разработанная техника политических интриг. Век массовой информации принес с собой и мощнейшие средства оболванивания масс, которые стали инструментом этих интриг, оснастили их в соответствии с уровнем возникающих задач.

Установка Геббельса об увеличении убедительности лжи пропорционально ее неправдоподобности без особого изменения использовалась и используется современными политиками. Так околпачивал своих избирателей мэр Москвы Г. Попов - через бесконечные телеинтервью и статьи своих заказных собратьев по перу в "Курантах", "Московском комсомольце", "Вечерней Москве", "Аргументах и фактах", "Московских новостях". Перемешивая правду с ложью, небольшая группа журналистов, оседлав тему, формировала общественное мнение. У обывателя в сознании откладывалось, что именно мэр со своим правительством спасали и спасают Москву от рэкета, от голода, от крыс что именно они - главные победители путчистов и строители баррикад что депутаты только мешают наладить нормальную жизнь в городе...

Приобретение последних лет - совершенствование техники

политических интриг в области управления большими коллективами. Известно, что и раньше в нашей истории коллектив легко обращали в толпу, требующую смертной казни "врагам народа" или приветствующую бурными овациями косноязычные и бессодержательные выступления "верных ленинцев". Переход России к посттоталитарному обществу заставил мозговые центры номенклатуры выдвинуть на передний край специалистов по этой части, которые быстро нейтрализовали представительные органы, сводя на нет их усилия что-либо изменить в процессах, контролируемых номенклатурой.

Богатый арсенал средств, применяемый номенклатурой в управлении Советами особенно упорно применялся в Москве и Санкт-Петербурге, где депутаты оказались наименее сговорчивыми.

Мы уже рассматривали тактику захвата власти в Моссовете теми, кто сделал из него предмет политического торга. Опыт показывал, что небольшая сплоченная группа с четко поставленной целью, терпеливо выждав момент, своего добивается. Задача захвата и удержания власти особенно упрощалась за счет дезорганизации депутатского корпуса, не создающего сколько-нибудь устойчивых депутатских групп и фракций. Именно так получилось при восшествии на председательское кресло Г. Попова, а потом Н. Гончара.

Теперь остановимся на способах применения власти в целях ее же укрепления ("кратократия" - такой термин изобрели журналисты). Разумеется, ограничим в этой главе "игровую площадку" стенами Моссовета.

Задача удержания власти решается, прежде всего, путем создания перевернутой иерархии (Президиум - орган при председателе, Малый Совет - орган при Президиуме, а Совет в целом - орган при Малом Совете). В немалой степени играет роль и создание препятствий инициативам депутатов в области организационных усовершенствований работы Совета (дезорганизованный коллектив легко управляется), и прекращение контроля за принимаемыми решениями, и насаждение обстановки склок, взаимной неприязни между депутатами.

Одна из наиболее простых манипуляций депутатским корпусом - создание определенной эмоциональной атмосферы. Сессии - наиболее удобное место для этого. Можно обработать всех скопом, не утомляясь вылавливанием народных избранников поодиночке.

Вот, прыгая от нетерпения у микрофона, просит слова неугодный депутат. Председатель устало вздыхает в микрофон и держит артистическую паузу. Несколько подобных приемов - и неугодному депутату образ бестолкового обеспечен. Иногда можно искренне переполниться укоризной, произнести что-то вроде "ай-яй-яй", чтобы многие почувствовали себя нашкодившими учениками, устыдившись своей нерадивости в присутствии послушных отличников, внимающих председателю. Роль Учителя требует постоянного напоминания о ней ученикам.

По-другому лепится нужный образ для эмоционального правдолюбца с депутатским значком. Неуемных депутатов правила политических интриг предписывают любить. Легче работать, когда недовольство аудитории можно перевести на "особо буйного" или отождествить задиристые требования "особо буйного" с неугодной позицией. Буйно-неуемный депутат легко предсказуем, легко предсказуема реакция на него большинства - "с этим как всегда что-то не того". Осталось лишь найти

чувствительную струну буйной души, и ее обладатель становится незаметно для себя очень послушным орудием. А потому и превращается в "любимого". Это делается, например, таким тактичным замечанием, произнесенным мягким отеческим тоном: "Я же вам уже один раз предлагал не орать". Будьте покойны - после этой фразы "ор" войдет в привычку данного любимца, и при необходимости вызвать неразбериху в зале, это всегда можно использовать.

Одного неуемного, как правило, мало. Лучше держать при себе целую команду вспыльчивых и запальчивых "врагов", которые умело "программируются" председательствующим. Здесь возникает целый набор нитей-манипуляторов, которые протягиваются между залом и ведущим сессию. Нужная эмоция в зале извлекается из одного такого "любимца", потом из другого... Театр абсурда действует, как часы.

Давно известно, что подсказанный ответ имеет более высокие шансы при выражении мнения аудитории. "Ну что, прекратим прения? Кто за?" - спрашивает председатель. И прения прекращены. "Кто за то, чтобы дать слово председателям комиссий и на этом закончить?.." Принято. А любимый (неуемный) депутат беснуется, горлом пытаясь отстоять свои права. Молодец, помогает председателю.

Предположим, что руководству нужно провалить неугодное решение. Тогда устраиваются неограниченные по времени и бессистемные дебаты. Как же не дать слова всем неуемным, всем желающим блеснуть интеллектом, представителям всех фракций? Председатель просто отпускает вожжи и наблюдает из президиума, как в зале нарастает утомление, угасает интерес, и депутаты разбредаются по курилкам. Измотав своих коллег, достаточно убедиться, что кворум для принятия решения исчез, и можно без труда закрыть заседание.

Не всегда, однако, удается избежать случайных голосований против воли председателя. Тогда наступает время продемонстрировать "конструктивную позицию". Председатель объявляет о том, что "мы зашли в тупик". Далее следует фокус: на свет извлекается заготовленный "компромиссный вариант" решения. Снова начать обсуждение депутаты уже не в состоянии, и они сдаются. Тут можно вынудить их проголосовать и за явный абсурд. Нужно только через короткое время (пока абсурд не стал слишком очевиден всем) заявить: "Мы (ну конечно же МЫ, а не Я!) сделали большую ошибку". После этого следует очередной "компромиссный вариант". С легким чувством неудовлетворения собой, но счастливые избавлением от мук, депутаты покидают зал. Председатель тепло смотрит им вслед.

При возникновении острой политической дискуссии председатель может легко противопоставить экономические и политические вопросы, определив первые как актуальные и наиболее важные для города, а вторые - как второстепенные, служащие в основном средством самовыражения "особо говорливых депутатов". С этим как-то сразу стало принято соглашаться. Затем, в длинных разъяснениях по поводу поставленного вопроса можно довести зал до чувства омерзения по отношению к нему - к этому вопросу. Дальнейшее голосование по порядку ведения ("по порядку ведения" - эдакий демоновояз!) решает вопрос однозначно в пользу председателя. Депутаты с легкой ненавистью к сложности вопроса исполняют свой долг перед избирателями - и решение выпущено. Жаль только, что долг этот понят совсем не надлежащим образом.

В качестве страховочной меры на голосование ставится не

содержательная часть вопроса, а его корпоративный признак: "Кто за предложения Президиума?". На это клюют охотно. Большинству по любому поводу приятно утереть нос оппозиции.

Другая страховочная мера на крайний случай: объявить, что в экономический вопрос кое-кто пытается внести политические страсти. Далее - по накатанной схеме можно разбирать вопросы муниципальной собственности, земли, бюджета... Депутатский корпус уже приручен и безвреден. В общем - деполитизирован.

Если не нужно принимать никакого решения, а обязательства перед "хозяевами жизни" или соратниками требуют показать усердие, применяется метод "бу-бу-бу". Председатель берет слово последним и долго препарирует проблему, то пугая ответственностью, то возможными провокациями, взывает к разуму и совести. Короче, бубнит до потери пульса у депутатов, собравшихся на сессию. Номер отработан, но время обеда наступило уже час (или два) назад, депутаты разбрелись и никакое решение принять невозможно.

Вариант отработки номера перед депутатами может выглядеть и так. После чьего-либо эмоционального выступления вместо призывов к миру и спокойствию председатель поддерживает накал страстей, произнося с нажимом сквозь зубы и уже без всякой нежности: "Не надо нагнетать обстановку". Ну а если атмосфера накалена и с помощью жаренной информации организуется "голосовательный зуд", домашние заготовки председателя проходят без сучка, без задоринки.

Отразив здесь лишь часть арсенала бюрократии, которым она нейтрализует результаты выборов 1990 года, приходится отметить крайнюю степень наивности тех, кто взялся защищать интересы своих избирателей и потратил многие месяцы, чтобы от этой наивности избавиться. Единственная возможность когда-нибудь преодолеть наивность народных избранников возникает только в условиях частых выборов. Раз за разом избиратели, а потом и избранные ими депутаты, должны все-таки научиться отсеивать купленных бюрократией или склонных превращать свою совесть в товар, учиться распознавать приемы манипулирования и видеть истинные цели политиков сквозь ткань интриг. В конце концов избиратель должен стать профессиональным избирателем, депутат - профессиональным политиком, а все вместе - гражданами своей страны.

КОНСТРУКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Когда с ролью и судьбой Моссовета все уже было ясно (лето 1992 г.) - он должен был оставаться лишь трибуной для озвучивания общественного недовольства - в нем объявилась вдруг фракция "За конструктивное взаимодействие" (около 40 человек, включая 11 председателей постоянных комиссий). Возглавили фракцию тихий зампред от коммунистов Л. Белов и, опять же от коммунистов, председатель комиссии по промышленности В. Телешов (по совместительству - создатель Гильдии московских промышленников) с большим номенклатурным прошлым. Уже после разгрома Советской власти эти "конструктивисты" получили плату за отстаивание интересов Лужкова в депутатской среде. Первый из них стал московским министром печати и информации, второй - зампредом

Департамента промышленности.

Молчаливым союзником "конструктивистов" был и глава коммунистической фракции в Моссовете депутат В. Шанцев (прежде - секретарь Перовского РК КПСС). За свои неоценимые услуги (нужно было в определенные моменты замирать и не предпринимать никаких действий) в 1994 г. он был пожалован должностью префекта Южного административного округа столицы.

Депутат Моссовета Г. С. Иванцов (из ответов на вопросы на пресс-конференции в октябре 1992):

"Депутату можно хорошо жить, можно очень удобно пристроиться в этой системе. Можно не заметить украденных у города миллиардов и тихо и спокойно при поддержке администрации устраивать личные инвестиционные проекты. Некоторые депутаты так и делают, вовсю сотрудничая с чиновниками в комбинациях с собственностью и бюджетом. Но я знаю несколько десятков депутатов Моссовета, которые на такое сотрудничество никогда не пойдут. "

Из заявления депутатского объединения "Законность и народовластие" от 04.11.92:

"Мы констатируем, что руководство Моссовета и его Президиум идут на поводу у мэрии. Более того, в связи с попыткой назначения выборов главы городской администрации сторонниками Лужкова Ю. М. сколочена "фракция силы", объединившая в своих рядах функционеров "Демократической России" и бывшего горкома КПСС, представителей и защитников старой и новой номенклатуры.<...> Мы отказываемся разделять ответственность с теми, кто превратил столицу в мафиозный центр, в площадку для всевозможных афер с городской собственностью, бюджетом, системой управления, осуществляемых за счет жизненно важных интересов все более нищающих москвичей."

Деятельность "конструктивистов" была проста и незатейлива. Любое действие Моссовета в защиту закона надо было объявлять политизацией, нагнетанием истерии, происками антилужковской оппозиции. Для пущего эффекта то и дело возникали призывы к самороспуску Моссовета, потерявшего всякое уважение среди москвичей. Призывать призывали, но сами своих депутатских мандатов не сдавали.

Надо поделиться с читателем еще одним наблюдением. С течением времени среди номенклатурной обслуги среднего звена образовалась прослойка чиновников, которые умели содержать свое лицо в демократическом виде, умели казаться вполне здравыми и порядочными людьми. Многие обманывались этим напускным видом, чувствуя "конструктивное" благорасположение этих чиновников и надеясь на какой-то разумный прогресс при решении собственных и общественных проблем. Глубоко непорядочные люди с внешне порядочными чертами получали определенные преимущества в условиях номенклатурного мятежа. Они походили на некую небольшую фракцию в недрах номенклатуры, с которой все-таки можно иметь дело.

"Конструктивное взаимодействие" имеет характер гипноза. Чем больше общаешься с номенклатурными "конструктивистами", тем больше впадаешь в наивную доверчивость и сам перерождаешься в такого "конструктивиста".

ФИНАЛ

Гибель Моссовета была заложена уже в первые месяцы его существования. От внимания публики в свое время ускользнули (или были тщательно скрыты) интриги группы "самых демократичных демократов" из ближайшего окружения Попова. Эта группа сразу после избрания постаралась накрыть своим влиянием все структуры Моссовета, превратить сессию в легко управляемый инструмент. С коммунистами в городской исполнительной власти руководству Моссовета довольно быстро удалось договориться. А вот каждый раз увязывать противоречивые позиции среди депутатов демократического крыла - оказалось делом слишком сложным. Поэтому летом-осенью 1990 г. группа Попова уже перестраивала свою тактику захвата власти, ориентируясь на силовые методы.

Нетрудно перечислить объективные причины падения Моссовета: отсутствие системы гражданского общества, реальной многопартийности, социальных групп населения с устойчивыми общественно-политическими интересами... Добавим сюда, что большинство депутатов Моссовета, включая его руководство, состояли в КПСС и прошли там школу лицемерия и "гибкости". Может быть, именно поэтому многих депутатов удалось так просто купить должностями или благосклонностью очередного патрона.

Сыграла свою роль и пробудившаяся страсть к привилегиям и коммерции. Чем больше трудностей встречалось на пути депутатской деятельности, тем больше депутатов переносило свою активность на частный бизнес или частные карьерные программы. Депутатский статус давал дополнительные возможности.

МОГЛИ ЛИ СОВЕТЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ?

Из материалов "круглого стола" газеты "Оппозиция" (№ 7, 1994):

А. Тюленев, депутат Моссовета:

"Да, у Советов, в частности у Моссовета, была возможность полностью взять власть в городе в свои руки. По крайней мере такая возможность была в 1990 г. Психологический фон был очень благоприятным. Москвичи ждали, что новый неноменклатурный Моссовет покажет себя властью в городе, накажет зарвавшихся чиновников, примет решения на пользу москвичей и т.д. Ожидания были очень большими. К сожалению, они оказались обманутыми. Почему? Начнем с того, что Моссовет оказался предан своими первыми вождями. Именно предательство было со стороны Попова, Станкевича. А те люди, которые пришли им на смену - Гончар, его заместители Седых-Бондаренко и Белов - не смогли или не захотели организовать работу Моссовета. Достаточно привести такой пример. За все время существования Моссовета ни одна депутатская комиссия ни разу не отчиталась перед сессией за свою деятельность.

Вообще Г. Попова, при всем моем отвращении к нему, как к политику, я считаю человеком весьма неглупым. Он проводил политику разложения довольно тонко. Например, известен случай, когда депутатам Моссовета в 1990 г. от имени руководства Совета вдруг предложили приобрести машины по старой цене - за 10 тыс. рублей, когда на рынке они уже стоили намного дороже. Предложили всем записываться. В списке оказалось человек 300. Не знаю, получил ли кто-нибудь из них машину, но Попов не раз этот список вытаскивал и говорил о депутатах: "Вот каковы

они - за машину готовы продать все - и Советы, и мать родную, и все прочее". Это типичный пример политики Попова.

Чью волю выполнял Попов, сказать сейчас трудно. Но то, что с самого начала у него была идея ликвидации такого авторитетного органа власти, как Моссовет, - у меня нет сомнений."

А. Калинин, депутат Моссовета:

"Да, люди типа Попова сыграли страшную роль. В России теперь нет более ненавистного слова, чем демократия. На самом деле никакой демократии не было. Советы были у власти два месяца - пока мы бегали, знакомились друг с другом, узнавали, кто у нас вождь, а кто нет. Моссовет уже тогда имел двух естественных лидеров: Станкевича и Попова. Другого выбора не было. Оба были "видными деятелями демократического движения", Межрегиональной группы. Они рядом с Сахаровым сидели!

Вспомните, кого из вас не проняла слеза, когда худенький еще тогда Станкевич говорил: "Вы, Михаил Сергеевич, коммунист и не имеете права затыкать мне рот. Я представляю 126 тысяч избирателей!" И я тогда, признаюсь, удивлялся, какая отвага в этом тщедушном тельце! Не такие ли люди переломят хребет коммунистической системе лжи, лицемерия и насилия?!! А Попов был теоретик - мудрейший человек. Все остальные были на три головы ниже не очень высокого Попова.

<...> Но кто сейчас на первых ролях? "Демократические" выдвиженцы! Они раньше прозябали: кто преподавал научный коммунизм где-то в провинции, кто трестом руководил, кто техникумом. Системе нужны такие люди, как Гайдар и Чубайс. А кем они были при старой системе? Вспомните как недавно их отхлестал сановник-боярин Черномырдин: "завлабы"! Вот там их место. А пока они нужны системе, чтобы создать ощущение какого-то развития, движения вперед, перехода в новое качество и т. д.

У нас было время до января 1991 г. - до того момента, когда Попов надел на нас исполком списком. И даже после этого какие-то возможности были. До тех пор, пока Верховный Совет руками "вождя народов" Руслана Имрановича не подписал положение "О реформе органов управления города Москвы". После этого началась агония и пошли арьергардные бои. Кстати, не всегда безуспешные.

Например, в Моссовете была комиссия имущественного контроля. Во-первых, они даже наловчились выигрывать в наших судах дела - опротестовывать сделки по приватизации! Во-вторых, они накопили бесценный материал, который, возможно, какому-то архивисту-историку лет через 20 понадобится.

Я считаю, что шансы стать властью были. Упустили их потому, что имели, во-первых, романтическое сознание, во-вторых, потому что следовали еще одной совершенно ужасной идее: идее исторического компромисса. Мы все время должны были с кем-то договариваться. Но компромисс - это когда речь идет о дележе 50:50 или 60:40. А когда вас держат за горло и говорят: "Все мое, и тогда я задушу тебя не сегодня, а завтра..."?

Люди типа Гончара (не даром он сейчас в верхней палате Федерального Собрания!) доконали наш Совет полностью. Это был конец мучительный и долгий.

Хочу вам сказать, что я лично ни в какие представительные органы больше никогда не полезу. Считаю ныне существующий режим абсолютно незаконным. Он мне совершенно не нужен: он меня не обеспечивает, не защищает, он основан на крови, он омерзителен с головы до пят еще в большей степени, чем большевистский режим. Ни в каких его выборах я участвовать не буду. Это будут выборы в незаконные органы власти. Единственный выход - это восстановление конституционного строя, который существовал до вечера 21 сентября. Мы можем сказать Верховному Совету: "Ребята! Мы возвращаем вас к власти с условием - в течение 3-х месяцев разработать порядок, принять необходимые законы и провести выборы в Учредительное Собрание и там решить вопрос о Конституции".

С. Пыхтин, депутат Моссовета, председатель Черемушкинского

райсовета г. Москвы:

"До весны 1990 г. не было ни Советов, ни Советской власти. Это был миф, реально была настоящая исполкомия с весны 1918 г. Миф этот сыграл роковую шутку в истории нашей страны, потому что громадное количество людей каралось за т. н. "антисоветскую деятельность" при отсутствии советской власти. Значительная часть средств пропаганды играла именно на этом: будто бы эти люди боролись против "всевластия Советов".

Что касается Черемушкинского района, то мы в Москве были первыми, кто проанализировал законодательство, которое имелось в 1990 г., и пришли к выводу, что никакого "разделения властей" на низовом уровне быть не может. Низовой слой - это самоуправление, непосредственно избранное населением в зоне пешеходной доступности, и создавать на этом уровне какие-то коллегиальные органы исполнительной власти совершенно бессмысленно. Потому что возникает один вопрос: кто должен подписывать платежные документы? Тот, кто это делает, тот и является властью. Кто подписывает ордер на квартиру, тот и является властью. Если мы обратимся к законодательству 1990 года, мы увидим, что все эти действия поручались исполкому.

Я сумел убедить своих коллег, что никакого исполкома быть не должно. Если мы примем решение о создании исполкома, то тем самым передадим всю власть бюрократии. Все мои старания передать эту идею коллегам из других райсоветов разбились о полное непонимание депутатами того, что как только они выберут предисполкома, они свою власть сдадут. Между прочим, в Москве был еще один район, где был фиктивный исполком - Дзержинский. Они создали исполком из орготдела.

Поэтому я допускаю, что технически было возможно взять власть весной 1990 г. не избирая исполкомы. Но мне кажется, что не реализовалось это закономерно, потому что в нашей стране нет никаких условий для демократии. У нас человек чувствует себя только просителем, ему нужно жить в зависимости от начальства. Поэтому, когда наше население в 1990 г. избрало Советы, оно на второй день о них просто забыло. За исключением небольшого числа чудаков, которые продолжают верить в миф о демократии в России. Поэтому же за 7 лет так и не смогли сформироваться политические партии.

Советы могли технически взять власть и заменить исполкомовскую бюрократию, которая, как я помню, полгода дрожала, боясь быть уволенной. Они сидели на краешке стула в зале заседаний и думали: "Что же эти вновь избранные депутаты о нас решат?" А потом они поняли, что эти люди ни на что не способны, кроме совершения одной глупости за другой.

Могу перечислить. Например, Декларация о независимости России, которая явилась просто шизофреническим решением. Это когда-то Распутин бросил шутку, а они решили ее реализовать. Депутаты с участием бюрократии могли вообще реализовывать только шизофренические идеи. Второй пример - президентская власть - идея, которая была реализована сверху до низу. Для того, чтобы лишить себя всякой возможности влиять на события? Далее: разделение властей, как принцип организации власти. Это вопрос техники, депутаты же превратили его в политику. Причем сделали это также сверху донизу - вплоть до сельского Совета. И там все разделили - т. е. лишили себя возможности принимать решения. Далее: законодательное недержание. Они не могли остановиться! Им надо было каждый день принимать какой-нибудь закон. Иначе, они считали, день прожит зря. Сейчас Дума не приняла ни одного закона. Что нибудь от этого меняется? Кто-нибудь эти законы выполнял? 400 законов, принятых Верховным Советом Союза, которые сейчас мыши грызут, и 400 законов, принятых российским парламентом, - никому не нужны. Наконец, чрезвычайные полномочия Ельцина!

Это была иллюзия власти. Власть перешла к этнобюрократии, к директорскому корпусу, к тем, кто способен оторвать кусок от общего пирога. А всей 90% массе бросили обглоданную кость демократии - нате, подавитесь, пока мы все поделим. И депутаты в этом обмане сыграли свою роль. Поэтому не надо искать заговоров за рубежом или в каких-то "жидо-масонских кругах". Они возможно помогали, но организовало весь процесс сборище избранных некомпетентных людей, которые

вымостили дорогу в ад из благих намерений."

Советы могли взять власть лишь теоретически. На практике шансов "переиграть" номенклатуру не было. Дело в том, что желающих "играть" против номенклатуры было совсем немного, но много было желающих пристроиться к ее рядам. И в Моссовете, и в политических структурах демократического движения. Радикальный демократизм сохранялся лишь до той поры, пока номенклатура не открывала вакансии особо горластым критикам. Те тут же умолкали или становились "плюралистами" на стороне силы.

В Моссовете критиканов собралось более чем достаточно. Их мелкая возня ради личных приобретений показывала - это вовсе не бойцы, вовсе не те, кто старается выполнить то, что расписал в своих предвыборных программах. Эта возня заменила стремление к высокому коллективному статусу депутатского корпуса. Поэтому и аппарат исполнительной власти уже после первой сессии Моссовета мог безо всяких опасений игнорировать Моссовет.

МЫ ВСЕ-ТАКИ ДАЛИ БОЙ ВСЕРЬЕЗ

Схватка с номенклатурой завершилась не в пользу Моссовета. За кем же осталось поле боя, каков образ победителя, кому принадлежит Москва? Чтобы ответить на эти вопросы, надо спросить себя: "Кто контролирует собственность Москвы, ее бюджет, кто устанавливает правила жизни помимо всех законов?". Ответ один - это мэрия во главе с Ю. Лужковым. Никаких других сил с октября 1993 г. в Москве просто нет. До государственного переворота все внешне было несколько иначе, а на деле - почти так же. Различие лишь в том, что была отчетливее видна подноготная тех, кто сегодня заправляет в столице.

Для того, чтобы знать сущность сегодняшней власти, придется посмотреть на человеческие типы, проявившиеся в период номенклатурного мятежа. И для этого мы приведем фрагмент из статьи Ю. П. Седых-Бондаренко "О власти в столице" ("Правда", 16.04.92):

"Мы привычно говорим: парламентская борьба, конфликт между представительной властью и исполнительными структурами. А ведь это всего лишь видимая часть айсберга. И то, что происходит в столице, можно понять, лишь учитывая подводную часть айсберга. А там идет обморочная борьба за власть над Россией на будущие полсотни лет, если не больше. Идет по всем правилам политической войны, лишь на волосок удерживаясь от войны, так сказать, физической - с комендантским часом, патрулями и "черными марусями" на улицах, ночными допросами. Несколько влиятельных сил воюют за право распоряжаться страной в ближайшем будущем. А между ними растерянно мечутся все остальные, если угодно, мы с вами, мои избиратели и сограждане.

Что же это за силы? Рискуя получить ярлык и русофоба, и антисемита одновременно, скажу: за власть дерутся три партии - швондеров, шариковых и мамыкиных. Вы, читатель, конечно, помните бессмертных персонажей повести Булгакова "Собачье сердце" и известной песни Высоцкого "О слухах": "Говорят, Мамыкина снимают...".

Три партии, три мощные группировки: "демократы", национал-коммунисты и бюрократия. Рассмотрим по порядку.

"Демократы". Это умная, тонкая и глубоко эшелонированная политическая сила. Не забудем: в ее активе "Великая октябрьская социалистическая революция", связи с немецким генштабом в военное время, убийство царской семьи, победа с помощью натравливания одной части русского народа на другую в гражданской войне, красный террор, расказачивание... Переигранная в политической игре Сталиным (чего до сих пор не может ему простить), обезглавленная и отодвинутая им в сторону, она десятилетиями накапливала концептуальный и организационный потенциал и сейчас стремится взять реванш. <...>

Вторая могучая сила - проснувшиеся, а точнее разбуженные от пьянки шариковы. И это еще серьезнее и страшнее, хотя они и находятся в оппозиции. У них в послужном списке - тотальный геноцид, крупномасштабная война против своего народа, стирание его в лагерную пыль, превращение всей страны в единый концентрационный лагерь, разбой в ближних и дальних окрестностях (Финляндия, Польша, Чехословакия, Афганистан, Ангола и др.), тотальная шпиономания и доносительство, антисемитский идиотизм. <...>

Третья могущественная сила - целый класс мамыкиных, отечественная бюрократия: хозяйственные волки, номенклатурные трубадуры военно-промышленного комплекса, управляющие и директора современных красных избушек. В историческом аспекте - главное отечественное ворье.

Мамыкины держат сейчас реальную власть в обществе, частично деля ее со швондерами. В их руках ключевые государственные структуры. Если присмотреться - это второй эшелон брежневской номенклатуры, отказавшейся от коммунистической фразеологии.

Отличительная черта мамыкиных - их нравственная опустошенность и идейная импотенция, заставляющая их блокироваться хоть с самим дьяволом ради достижения клановых выгод."

И вот после государственного переворота, совершенного Ельциным и его командой, все разнообразие человеческой мерзости собралось под опекой Лужкова. Мерзавцам было удобно именно его единоличное правление. В случае чего можно переориентироваться на нового хозяина. А пока не надо думать о балансе сил и все время опасаться, что те, кого поддерживаешь, будут внезапно сметены. Одна Москва - один фюрер! - так проще и надежнее. И вполне соответствует воровским привычкам номенклатуры. Теперь их даже не нужно скрывать. "*Все гнойное, мерзкое прет наружу, поскольку в наличии все условия для этого..."* (Ю. Власов).

Возникает вопрос, а стоило ли при такой безнадежности ситуации биться за Моссовет? Ведь шансов победить номенклатуру в отдельно взятом городе не было практически никаких. Достаточно было увидеть позицию депутатов России, "успехи" гайдарономики, повальную коммерциализацию власти, чтобы оценить эти шансы.

И все-таки есть ситуации, когда надо играть заведомо проигрышные партии до конца. И вовсе не из чувства долга перед кем-то или чем-то. Тут возникает ситуация нравственного выбора: "Я иначе не могу".

В замечательной книге Лиона Фейхтвангера "Успех" есть

размышления адвоката Гейера, готовящегося защищать своего подопечного на безнадежном процессе. Он думает так: "Что ему вообще надо в это удивительно тупоумном городе? Ведь этот народ сам любуется своей удивительной нелогичностью, блаженствует в студенистом хаосе своих представлений. Бог одарил их бесчувственным сердцем - большим, впрочем, плюсом на нашей планете... И для этого народа он лезет из кожи! Ради чего? К чему старается он очистить грязную машину судопроизводства, когда те, кого она давит, прекрасно чувствуют себя в своем навозе?.. Никто не скажет ему за это ни слова благодарности". В конце концов доктор Гейер приходит к тому, что делает это он из одного стремления к чистоте.

Вот именно из чувства нравственной чистоплотности те, у кого это чувство не отмерло, и продолжали удерживать свой рубеж сопротивления номенклатуре. Нас обошли по флангам, окружили и уничтожили. Но мы дали бой всерьез. Номенклатура это отлично знает, будет помнить и мстить за свой страх.

Говоря "мы" автор вовсе не имеет в виду весь Моссовет или его большинство. Номенклатурному мятежу дал бой разношерстный отряд необученных "ополченцев" численностью не более сотни. Именно они обеспечили противостояние мятежу на тех направлениях, где Г. Попову не удалось внедрить на руководящие места своих продажных ставленников. Это, прежде всего, комиссия по законности, которая, несмотря на активность пятой колонны, постоянно ставила препоны на пути к разграблению города и установлению всевластия номенклатурных паханов. Это новые структуры, созданные без участия "поповцев": комиссия по жилищной политике и комиссия по имущественному контролю. Когда наиболее нетерпеливые "поповцы" с кресел председателей комиссий бросились в объятия исполнительной власти, сопротивление мятежу оказывала и бюджетная комиссия. Все остальные комиссии были практически полностью дезорганизованы "поповцами". И особенно пострадали именно те направления, в которых "деморосы" обеспечили преемственность своей руководящей роли: это комиссия по делам общественных организаций и комиссия по социальной политике.

Отряд в сто человек за три года мог стать могучей силой на фоне всеобщего разброда. Беда в том, что цинизм "поповцев" и "лужковцев" настолько был противен "могучей кучке" ополченцев, что заставлял ее членов впадать в глубокий романтизм. Романтизм толкал народных мстителей к подвигу: все для других и ничего для себя. Романтики чурались обретения любых признаков власти. Ведь это работа "на себя", что сближает с продажными прислужниками мэрии!

Оппозиция Попову и Лужкову в Моссовете так и не смогла создать устойчивой организационной структуры. Объединение "Законность и народовластие", возникшее в борьбе за проведение выборов мэра-II, выдохлось в течении двух месяцев. Остались лишь бумажные заявления и невыполненные администрацией решения сессии.

Потенциал был достаточно велик. Если и нельзя было выиграть бой с номенклатурой, то вполне реальным было создание постоянной политической группировки, бьющей номенклатуру по болевым точкам. Могли ведь создать общемосковскую политическую организацию! Не стали. Потому что это вроде как для себя, а не для избирателя. Потому что это отвлекает от массы начатых депутатскими комиссиями дел. Ну а кому теперь, после

Второй октябрьской революции, после вооруженного мятежа номенклатуры, все эти дела нужны? Да и сами избиратели Москвы в своем большинстве просили об одном: руки прочь от мэра и Президента, депутатов разогнать!

И их желание было выполнено. Моссовет был единственным Советом субъекта Федерации, который удостоился специального Указа.

"В связи с активным противодействием Московского городского Совета народных депутатов, Зеленоградского городского Совета народных депутатов, районных Советов народных депутатов, поселковых и сельского Совета народных депутатов в городе Москве выполнению Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" и содействием вооруженному мятежу 3-4 октября в г. Москве, в целях реформирования представительных органов власти и стабилизации политической обстановки в столице Российской Федерации постановляю:

1. Прекратить полномочия..."

Московский Совет был ликвидирован, как говорится, без суда и следствия. Кто поверит теперь, что политические и экономические проблемы можно решить путем выборов, а не путем кровопролития и диктатуры?

Вместе с Моссоветом исчезли и былые возможности противостоять московской номенклатуре. Почти ничего в политической среде от Моссовета не осталось. Все наследство растащили проходимцы. Кто в парламентарии попал, кто свою коммерцию завел...

Есть ли о чем жалеть? Жалеть тех, кто сыграл с номенклатурой в поддавки? Жалеть тех, кто, ослепнув от эйфории, рукоплескал Попову и Ельцину до конца 1991 г. и лишь потом стал постепенно прозревать, заодно утрачивая интерес к выполнению своих обязанностей перед избирателями? Нет, к этим людям трудно испытывать жалость. Все они без труда и мук совести нашли себе новое место под солнцем.

Чего действительно жаль, так это нереализованных возможностей. Жаль, что наиболее честные люди, пришедшие в Моссовет отнюдь не для удовлетворения своих жалких амбиций, потерпели сокрушительное поражение. Жаль наш родной город.

И все-таки, еще не вечер.

Август 1991 года врублен в память москвичей. Прежде, чем начать разговор об августовских событиях, приведем цитату, которая замечательна своей точностью.

"12 июня 1991 года в результате избрания Ельцина Президентом РСФСР в Москве, как и в Петрограде февраля 1917, установилось двоевластие. 19 августа 1991 года руководители ГКЧП совершают государственный переворот и пытаются разрубить гордиев узел, сразу отстранив и Горбачева и Ельцина от власти. Не получилось. Ельцину удается контрпереворот, и он берет под свой контроль все силовые структуры СССР, лишая Горбачева какой-либо реальной власти. <...> Развязка наступает в декабре 1991 года. Опираясь на поддержку министра обороны Евгения Шапошникова, он окончательно ликвидирует (вопреки Конституции РСФСР) страну и, благодаря этому, изгоняет Горбачева из Кремля. Все эти дни получили название демократической революции только потому, что демократически избранный Верховный Совет РСФСР под аплодисменты одобрил подряд два государственных переворота. Надо называть вещи своими именами. Вожди и депутаты Верховного Совета РСФСР были соучастниками заговора против своего государства" (А. Ципко, "НГ", 05.07.94).

К сожалению, ясность с течением времени приходит далеко не ко всем участникам сопротивления перевороту. Для многих это были героические дни, когда самый обыкновенный человек мог почувствовать себя творцом истории. Пожалуй, многих придется оскорбить, назвав августовские события мерзостью. Некоторые из них даже не пожелают узнать, что в те дни было обманом, а что правдой. С мифами очень неудобно расставаться. В особенности, если они подкреплены еще и правительственной пропагандой, наградами, почестями, должностями.

А вот, что сказал непосредственный участник тех событий генерал А. Лебедь, которого трудно заподозрить в лукавстве:

"Путча как такового не было - была гениально спланированная, блестяще осуществленная, крупномасштабная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, сознательно или бессознательно, свои роли выполнили." ("РГ", 20.08.94).

СПЕКТАКЛЬ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЖЕРТВАМИ

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ

Из Заявления Советского руководства от 18 августа 1991 г.:

"В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР..., в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества

исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик

руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей,

заявляем:

1. ... идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и Законы Союза ССР..."

Из обращения ГКЧП к советскому народу, 18 августа 1991 г.:

"Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества... Сегодня те, кто по существу ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями...

...Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма - регионального,

ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывающегося десятилетиями... Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком будущем неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы...

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные Советы...

Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности...

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущие поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час - значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени..."

Из Заявления руководства РСФСР от 19 августа 1991 г., 9.00:

"В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правовым, реакционным, антиконституционным переворотом. При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более широкий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания - 20 августа с. г."

(Необходимый комментарий: официально проект Договора был опубликован всего за три дня до выхода цитируемого заявления. Подписывать его 20-го августа было нельзя: его обсуждение еще не прошло, законодательные органы на этот счет никаких санкций не давали. Получается, что на указанную дату готовилось тоже нечто вроде переворота. Страну хотели поставить перед фактом, очень своеобразно трактуя

результаты референдума. А слова о стремлении к единству Союза - это самая наглая ложь. Дальнейшие события это ярко подтвердили. - А. К.)

"Такое развитие событий вызывало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем такие силовые методы неприемлемыми. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета..."

В заявлении излагалось требование обеспечить выступление Горбачева перед народом, созвать Чрезвычайный Съезд депутатов СССР, призывы к военным не принимать участия в перевороте, к гражданам - объявить бессрочную забастовку."

Из обращения Координационного совета движения "Демократическая Россия", 19 августа, 15.30:

"...группа высокопоставленных заговорщиков, отстранив от власти Горбачева, а также Ельцина и законные власти по всей стране (это была явная дезинформация с целью раздувания страстей - А. К.), совершила попытку военного переворота, назвав его "временным чрезвычайным положением". Мы призываем остановить работу на всех промышленных предприятиях... Генералы и офицеры, верные присяге, берите инициативу в свои руки! Демократы, создавайте повсюду комитеты гражданского сопротивления!"

Из обращения вице-мэра Москвы Ю. Лужкова, 19 августа, 16.30:

"Власть узурпировала группа лиц, именующих себя государственным комитетом по чрезвычайному положению, не имеющая конституционных полномочий на руководство страной, представляющая тем самым фактически хунту. В ее состав вошли лица, несущие основную и непосредственную ответственность за катастрофическое положение в экономике, общественной безопасности и социальных условиях жизни граждан. <...> Переворот преследует цель свернуть любые демократические преобразования и надолго оставить страну под властью реакционных сил..."

Из обращения Ельцина к военнослужащим 19 августа, 17.00:

"Страна оказалась перед угрозой террора. "Порядок", который нам обещают новоявленные спасители Отечества, обернется трагедией, подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами. "Лучшая жизнь" окажется пропагандистским обманом. Солдаты и офицеры России! В эту трагическую для России, всей страны минуту я обращаюсь к вам. Не дайте поймать себя в сети лжи, обещаний и демагогических рассуждений о воинском долге! Не станьте слепым орудием преступной воли авантюристов, поправших Конституцию и законы СССР. <...>

Над Россией, над всей страной сгустились тучи террора и диктатуры. Они могут превратиться в вечную ночь..."

Из обращения Ельцина к москвичам, 19 августа, 19.00:

"...налицо тягчайшее преступление - измена народу и Конституции страны. Действия путчистов направлены на демонтаж нарождающейся демократии и возврат к тоталитаризму. Члены комитета - главные виновники тяжелейшего кризиса в обществе - действуют как политические авантюристы. Захваченная силой власть в их руках обернется большой бедой для нашего многострадального народа, приведет страну к полной катастрофе. Еще нигде и никогда не удавалось решить экономические и политические проблемы с помощью оружия и насилия..."

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ - ИМИТАЦИЯ ОБОРОНЫ

Первый день переворота начался со страха перед неизвестностью и полной неразберихи. Стосковавшаяся по прямому действию и готовая к лобовой схватке оппозиция выплеснулась на улицы. Пассивное большинство страх погнал по обычному пути - на работу.

Политизированная прослойка столичной публики рванулась на митинги. Их активность подхлестнули бронетранспортеры и танки, появление которых вызвало бурю негодования еще до того, как прояснились намерения военных и поставленные им задачи. Военная техника ожидалась только в составе карательной экспедиции против демократии.

19 августа в 11.30 у здания ТАСС уже стояли десять БТР, а офицер сказал журналисту, что при получении приказа придется стрелять. Ко всему прочему, не вышли газеты, а телевидение непрерывно передавало лишь "Лебединое озеро" и постановления ГКЧП. Типографии отказались принять в набор "Московские новости", "Московский комсомолец", "Российскую газету", "Куранты", "Независимую газету". Это подтверждало догадку: дело закручивается всерьез. В нарастание истерии внесли огромный вклад эмоциональные до вздорности заявления руководства России (см. выше). Еще никто не знал, болен или здоров Горбачев, а действия ГКЧП уже именовались военным переворотом.

Сначала даже здравый очевидец мог не заметить, что военная техника не имела задачи пройти там, где ее встретит людская масса. Страх диктатуры или просто истерическое состояние на время ослепили людей, бросившихся любой ценой остановить эту технику, идущую через город посреди потоков гражданского транспорта. Стремление решить здесь и сейчас конкретную задачу отключило у политизированных москвичей способность задать себе вопросы: почему техника пошла не ночью, почему нужно было проводить ее через центр города, почему же военные так легко послушались и развернули своим колонны от Манежной площади? Позднее можно было бы спросить и о причинах бесперебойной работы всех основных систем связи и электропитания у противников путча, о полном провале объявленного комендантского часа.

В 12.00 стихийный митинг у здания Моссовета остановил колонну БТР, пытавшуюся пройти в сторону Кремля. Военные не знали, что им делать, и через полчаса развернули свои машины. Примерно в то же время начался немногочисленный митинг на Манежной площади. Мегафоны были слабыми, никто ничего не слышал. Да и выступать было не о чем - никто не имел достоверной информации. Выступающие толкались на импровизированной трибуне, торопясь войти в историю.

Люди искали себе применения, чувствуя значимость момента. Они кричали "Фашизм не пройдет!" и призывали отдать под суд членов ГКЧП. Увидев лидера ЛДП Жириновского, по слухам поддержавшего ГКЧП,

демонстранты обратили его в бегство с криками "Фашист!". С утра никто еще не успел устать, и кипящая кровь требовала действия.

Примерно в 12.30 со стороны Большого театра появилась бронетехника. Весь митинг побежал ее останавливать. Поскольку движение транспорта до этого никто не прекращал, нашлось немало водителей, пожелавших запереть въезд на Манежную площадь. Техника давить людей и машины не решилась и встала. С полчаса командиры думали, что предпринять и, как и в других случаях, решили отступить. После того, как удалось пресечь проход БТР еще и вдоль Александровского Сада, большая часть разросшегося митинга с чувством выполненного долга ушла к Белому Дому. С этого момента Манежная площадь была плотно взята под контроль военными, перекрывшими все подъезды броней и оцеплением.

Там - у Белого Дома - толпа кружила без дела и оживилась только при появлении колонны военной техники на Новом Арбате. Эта колонна тоже выглядела совершенно беспомощной. Ее остановила вызывающе декоративная баррикада. За баррикадой стояли люди, и головная машина остановилась, словно на стену натолкнулась. Толпа тут же обтекла несколько машин и попыталась вступить в диалог с военными. Ее сначала отгоняли страшным ревом двигателей, но потом моторы заглушили. Измотанные ночным переходом командиры экипажей в растерянности сидели на броне. По их словам, колонна должна была взять под защиту Белый Дом на набережной, и буйное негодование со стороны толпы воспринималось военными с недоумением.

То же самое творилось и со стороны Кутузовского проспекта. Оттуда чуть раньше подошли несколько танков. В то время, как танкисты пытались понять что делать дальше, ретивые молодые люди заталкивали в гусеницы длинные пруты арматуры. Ощущение игры особенно явно было видно на некотором удалении. Одни делали вид, что наступают, другие - что способны им в этом помешать. Причем игра со стороны "защищавшихся" происходила с искренним вдохновением. "Ребята, - кричали молодые мужчины, перетаскивающие на баррикаду садовую скамейку, - помогайте, а то перед детьми будет стыдно!" До вечера было еще далеко. К 16.00 "баррикадники" стали разбирать мостовую.

"ПОДВИГ" ДЕПУТАТОВ

В первый день путча было стыдно по другому поводу. 19 августа депутаты в Моссовете пребывали в состоянии полной растерянности. Так же, как и уличная толпа, они совершенно не знали, что им делать. Противника как такового не было, сессию созвать было невозможно, никаких планов на случай чрезвычайных ситуаций не существовало, и даже отдавать приказы было некому.

Собрание депутатов было организовано уже в 11.00, но многие были в отпусках, а часть народных избранников сразу бросилась в Белый Дом, не думая о судьбе и задачах Моссовета. Взять руководство на себя было некому. Депутаты не смогли ни заняться организаторской работой, ни принять какого-либо обращения против ГКЧП. Одно хорошо - кто-то додумался собирать подписи против переворота. Вот только дорого бы это обошлось, если бы путчисты играли всерьез и до конца. Если бы они

победили, то списки активистов сопротивления были бы готовы для "компетентных органов". Кстати, в эти дни погибли в огне многие архивы общественных организаций и частных лиц. В страхе за себя и за других люди уничтожали потенциальный компромат.

Вместо сессии собрался расширенный Президиум Моссовета, председатель которого застрял в Форосе где-то рядом с заблокированным там Горбачевым. За Гончара исполнял обязанности Л. Белов - армейский замполит в прошлом и "конструктивист" при Лужкове в будущем. Его стараниями Президиум решил, что даже в этой ситуации необходимо обеспечить кворум. А без кворума осторожные члены Президиума принимать решения не хотели. Более того, Президиум решил, что ему нужно собираться в узком кругу без остальных депутатов.

Лишь к 21.00 появилось заявление Президиума в поддержку обращения Ельцина к гражданам России и призывом содействовать избранным народом органам власти. Впрочем, обращение в информационные агентства как-то не попало. А на следующий день к полудню вышло странное по стилю обращение к военным: *"Братья! Старая партийная верхушка делает последнюю отчаянную попытку сохранить свою власть и привилегии. Те, кто роскошно жил за счет нищего народа в своих особняках и дачах, снова хотят утопить в крови тех, кто борется за право на землю, за право жить по-человечески. <...> Каждый из вас даст ответ перед Богом и людьми за то, как он поступил сегодня. Не убий!"* Чувствовалось, что текст авторский и принят второпях. У органа власти такой интонации быть не должно. Президиум как бы расписался в том, что он - не орган власти.

Подвига депутатов не произошло. Реальных рычагов управления, реальной возможности связаться с избирателями у них не было, воли к пользованию властью - тоже. Лишь у части депутатов просматривалось горячее желание послужить делу демократии.

Путч показывал, что советской власти в городе уже не существовало.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ - ПРОДОЛЖЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ

В 13.00 Борис Ельцин взобрался на танк и обратился к москвичам. Ничего особенного не сказал. Только потребовал вернуться к нормальному конституционному развитию. Впечатление у присутствующих вызвал огромное. По-видимому, как в свое время потряс толпу Ленин, взобравшийся на броневик.

На исходе дня появился Указ Ельцина о том, что до созыва внеочередного Съезда депутатов СССР все союзные органы исполнительной власти переходят в непосредственное подчинение Президенту РСФСР. Отчаянность и нелепость этого Указа пугала. Коль скоро Ельцин подписывает такие истеричные Указы, дело действительно дрянь.

В 20.00 Ельцин выступил с балкона Белого Дома. Опять минимум новизны и масса эмоций у присутствующих. Заработало радио, расположенное внутри Белого Дома. Успевшим пройти внутрь энтузиастам раздавали автоматы и распределяли по многочисленным подъездам. Москвичей призывали на защиту российского парламента в мегафоны и по

радио.

Десять танков Таманской дивизии (как потом выяснилось, без боекомплекта) охраняли "танкоопасные" направления у резиденции российских властей. (Командир этой группы впоследствии сгинул где-то в лабиринтах армейской бюрократической машины.) К 23.00 к ним прибавилась рота десантников во главе с заместителем командующего ВДВ генерал-майором Лебедем. Сам командующий ВДВ генерал Грачев, по всей видимости, уже согласился на пост министра обороны в будущем правительстве и начал выполнять распоряжения Ельцина.

В ночь у Белого Дома горели костры. Пикетчиков подбадривал И. Силаев, пообещавший через громкую связь зачесть дежурство у костров как полный рабочий день и оплатить его в двойном размере.

ВОССТАЛИ БРОКЕРЫ

20 августа с утра была организована демонстрация брокеров (В те дни многим всякий брокер казался демократом). Человеческая начинка из Российской товарно-сырьевой биржи вышла колонной с флагом России размерами 5×120 метров. Этот флаг вызвал восторг у мелкорозничной толкучки близ Детского Мира, которая собралась, невзирая на путч. Брокеры, двигаясь к Белому Дому, скандировали: "Долой хунту (КГБ, КПСС)! Ельцин! Россия! Свобода! Победа! Моссовет!"

Отвлечемся на несколько строк от хронологии событий.

Всего через несколько дней те же брокеры удивили Москву полотнищем вдвое большей величины. На сей раз причина их выступления была куда прозаичнее. Они требовали освобождения арестованного собрата и провели митинг перед Белым Домом, исполнив наспех состряпанный "Гимн свободе". На этом митинге (30 августа) брокерский лидер Константин Боровой уже заявил: *"Никакой революции не произошло: коммунисты-демократы победили руками народа коммунистов-фашистов"*.

15 мая 1992 г. Боровой остановил торги на РТСБ: *"Партию экономической свободы должны учредить вы, которые остановили путч, которые не побоялись пожертвовать собой ради свободы, которые спасли Россию."* Партию учредили брокеры - спасители Отечества. Потом злые языки называли ее Российской товарно-сырьевой партией. Брокерам первой генерации ведь никакой свободы, кроме "экономической", нужно не было. Постепенно отпала необходимость и в партии, и в Боровом. Слишком уж много стало этой золотоносной "свободы", чтобы терять время на митинги и партсобрания.

А еще через год повторить свой маршрут с флагом 18×400 м брокерам не позволил Лужков. Они плакали от обиды. Но плакали недолго.

ПАРТИИ НА ЗАЩИТЕ ДЕМОКРАТИИ

Противодействие перевороту требовало от московских организаций политических партий энергичных действий. Но ситуация проявила отсутствие у них какой-либо системы оперативного реагирования на

события и организационного ядра. Листовки к концу дня в городе появились, хотя действующих активистов партий заметить среди толпы не удавалось. Как оказалось потом, все они скопились у парламента, чтобы приобщиться к историческому моменту, и вовсе не думали о серьезной работе по организации отпора перевороту.

В убогие комнаты Общественного центра Моссовета пришли единицы партийных активистов, которые обычно тут толклись в изобилии. Часть из них мелькнула лишь на короткое время, чтобы получить информацию и снова смешаться с толпой. Несколько человек остались здесь и работали как подобие информационного центра. Сведения о действиях путчистов и противостоящих им силах в республиках и областях в Белый Дом и Моссовет прорывались с трудом, и Общественный центр образовывал альтернативный канал информации. А пока передавались сообщения об Указах Ельцина и обстановке в Москве, зачитывались в телефонную трубку документы. А с утра 22 августа уже шла проработка подготовительных мероприятий по организации забастовок.

Дальнейшая история показала, что сил одной партии едва хватало, чтобы обеспечить "оборону" одного подъезда Белого Дома. К тому же оказалось, что в политическом спектакле вся эта работа никому не нужна. Сцена и без того переполнена декорациями и героическими персонажами.

ВОКРУГ БЕЛОГО ДОМА

Итоги первого дня большого политического спектакля поддержали у людей высокий уровень страха и ожиданий исторических событий. Путчистами были схвачены средства массовой информации, изданы грозные распоряжения с далеко идущими последствиями, объявлен комендантский час в Москве. Слухи доносили, что вблизи кольцевой дороги наблюдается массовое перемещение войск.

Утренняя картина массового народного гулянья вдоль баррикад перед Белым Домом с фотографиями на память около танков на фоне голубого неба говорила: совершеннейший спектакль! Это было видно только со стороны. Участники массовки фальши не замечали, они наслаждались призраком Свободы!

С 12.00 здесь начался непрекращающийся многочасовой митинг. Большой праздник требовал большого шума. Снова выступил Ельцин, потом появился вернувшийся из дальних мест отдыха Г. Попов. Позднее раскалившийся микрофон радио российского парламента плотно занял С. Станкевич. Он же первым объявил, что в ближайшее время может быть предпринята попытка штурма Белого Дома.

К вечеру Б. Ельцин, поговорив по телефону с президентом США Дж. Бушем и премьером Великобритании Мейджором, стал звонить председателю ВС СССР А. Лукьянову (через двое суток тот будет объявлен "главным идеологом переворота"). Лукьянов, сославшись на министра обороны Д. Язова и шефа КГБ В. Крючкова, сказал, что ни о каких планах штурма Белого Дома ему не известно. Тут же с Ельциным связался и глава ГКЧП Г. Янаев, заявивший, что ему тоже не известно о каких-либо планах штурма и что он готов отменить такой приказ, если он где-либо существует. Все эти переговоры никому известны не были, и ГКЧП клеймили с прежним

усердием.

Совсем уж погружаясь в бред, информационные агентства сообщили, что руководящий "обороной" Белого Дома генерал-полковник К. Кобец направил невесть откуда взявшегося "верховноглавнокомандующего казачьими силами России" в конный полк киностудии "Мосфильм" для получения лошадей и оружия, "необходимых казакам для защиты Президента России".

Информационная истерия нарастала. Всюду искали танки. А между тем, начался вывод войск из столицы. Подступы к Белому Дому в ночь с 20 на 21 августа были совершенно свободны. Жертвенная толпа мокла перед зданием парламента уже совершенно впустую. За нарушение комендантского часа никого не преследовали, Москва мирно смотрела августовские сны.

Ожидая штурма, защитники парламента выстроились вокруг здания плотными рядами и наладили жесткую пропускную систему. По радио голосом Станкевича транслировались сообщения - одно страшнее другого. Люди изматывали себя в крайне взвинченном состоянии, считая, что совершают подвиг и в любой момент могут погибнуть. Наступает кульминация спектакля.

ШТАБ В МОССОВЕТЕ

С 20 августа в Моссовете энергично заработал штаб по чрезвычайному положению, собиравший сведения о перемещениях военной техники по городу и занимавший значительную группу депутатов разговорами на эту тему. Три человека беспрерывно отвечали на телефонные звонки, пытались связываться то с Белым Домом, то с командующим Московским военным округом, то с военным комендантом. Еще человек тридцать напряженно слушали радио, обсуждали слухи, переполнявшие эфир, и анализировали прогнозы, переполнявшие головы. Организовывать полезную деятельность было некому, и депутаты просто ждали появления вооруженных людей, безотчетно желая прославить себя участием в сопротивлении.

Героизм в депутатские сердца нагнетался потоками дезинформации, поступающей по радио из Белого Дома. Целые дивизии входили в город и бесследно исчезали в нем, колонны танков то и дело готовились к штурму, со всех сторон надвигался ОМОН. Пугая друг друга этими слухами, депутаты переполнялись гордостью за собственную стойкость.

Многие московские депутаты пытались работать в индивидуальном порядке на баррикадах, в штабе обороны Белого Дома, в районах. Но оказалось, что "родная мэрия" не собирается делиться славой подавления путча с депутатами. Подвиг подавления путча должен был совершить аппарат и только аппарат. Черновая работа активистов-энтузиастов должна была потонуть в общем торжестве демократии.

Замещающий мэра Лужков поторопился издать распоряжение о прекращении допуска в Моссовет кого-либо, кроме депутатов. Добровольные помощники, решавшие, к примеру, задачу доставки бетонных блоков к Белому Дому, проникали в Моссовет только после напряженных разговоров депутатов с начальником охраны. А В.Шахновский, уполномоченный мэрией выписывать пропуска, из Моссовета исчез - помчался искать славы в направлении Белого

Дома. Своеобразно действовал и сам мэр Г.Попов, предложивший на небольшом совещании депутатам не подставлять лбы под пули и идти спать домой. Сам же Гавриил Харитонович обещал оставаться в Моссовете с небольшой группой до конца, но после депутатского собрания тут же уехал в Белый Дом. Тоже за славой и подальше от беззащитного и полупустого Моссовета.

Дело в том, что охрана Моссовета, присланная Грачевым, которую все восприняли за войска ГКЧП, была снята. Несколько милиционеров Моссовет защитить могли только от случайных посетителей. А через некоторое время начальник ГУВД Мыриков предупредил работников мэрии о готовящемся штурме красного здания на Тверской. Чиновники ретировались столь быстро, что не известили об опасности депутатов. Только спасающийся бегством любимец Попова В. Боксер, ныряя в автомобиль, случайно привлек к себе внимание воплями: "Сейчас здесь такое будет!"

И вот сидели то ли испуганные, то ли обрадованные депутаты в своем штабе и готовились принять мученическую судьбу. Депутат-журналист, отправляясь к Белому Дому, надевал бронежилет и на его лице появлялась грустная решимость пойти на смерть. У тех, кто бронежилета не имел, лица были более спокойными.

В моссоветовском штабе отставной генерал важно руководил размещением флажков на карте Москвы. Сообщения о перемещении войск поступали по телефону и тут же превращались во флажки на карте. Сообщений много и флажков много. Только куда девались только что зарегистрированные части, понять было нельзя. После информации о том, что никакой военной техники в районе Белого Дома нет, генерал-консультант заключил, что пространство расчищено для атаки сходу.

Штурма ждали, но его не было и не могло быть.

Утром 21 августа на уставших лицах читалась досада. Так ничего и не произошло.

ПРИЗРАК ШТУРМА

Центральным событием спектакля стал "бой" на пересечении Нового Арбата и Садового Кольца, прозванный потом штурмом Белого Дома. Около полуночи радио сообщило, что начался штурм, и бронетехника в количестве 20 единиц прорвала первую линию обороны. Это была фантазия.

В действительности же, несколько боевых машин пугнули мешающих им проехать баррикадников выстрелами на Садовом Кольце у американского посольства. Потом, уже удаляясь от Белого Дома, они были заблокированы в тоннеле троллейбусами с фронта и тяжелыми поливальными машинами с тыла. Попятившиеся назад БМП не смогли сдвинуть заграждение и, напуганные огромной и агрессивной толпой, решили прорываться вперед - через баррикаду из троллейбусов.

У ненавоевавшихся людей (скорее всего, бывших "афганцев") возникло желание захватить попавшую в ловушку технику. Оказавшись в западне, военные занервничали. И было от чего. Вместо диалога, как это было в других случаях, в ход пошли бутылки с зажигательной смесью с одной стороны и автоматные очереди в воздух - с другой.

Люди погибли при разворотах БМП, пытавшегося предотвратить

захват и сбросить с себя накинутый какими-то "умниками" брезентовый полог. Ответственность за пролитую кровь лежит не только на тех, кто отдал приказ ввести войска в город, но и на тех, кто нагнетал по радио истерию, кто бросал бутылки с зажигательной смесью, рискуя не только собственной жизнью, но и жизнью солдат, и жизнью тех, кто стоял у гусениц БМП.

В своих воспоминаниях Ельцин деловито описывает свое пробуждение от выстрелов на Садовом кольце и почти состоявшееся бегство. Всеобщий испуг заставил охрану Президента России приступить к его эвакуации в американское посольство. На него напялили бронежилет и засунули, как бревно, в машину. Американцы уже были готовы оказать помощь. И тут только Ельцин очнулся, похолодев от мысли о том, что о нем подумают его защитники. В октябре 1993 г. ни Хасбулатову, ни Руцкому мысль о бегстве не приходила в голову даже под огнем ельцинских танков. Американцы помощи тоже не предлагали.

В августе 1991 г. рисковали жизнями людей и те, кто призывал москвичей своими телами прикрыть российское правительство и все время занижал данные о защитниках Белого Дома примерно на порядок. Сотни тысяч москвичей по сути дела оказались в зоне огня между двумя вооруженными группировками. Толпа у Белого Дома удерживалась волнами истерии, нагнетаемыми лживой информацией по громкоговорителю. Опровержение одной ложной информации постоянно сопровождалось новой ложью.

Пока шумели о штурме, войска выходили из города. Поначалу, не поняв интриги, помощник мэра Е.Савостьянов сообщил об этом РИА и посетовал на "трагические недоразумения", которые происходят, когда военные случайно сталкиваются с ранее созданными баррикадами и активными пикетчиками. Если же войскам не мешать, то они тихо уйдут, говорил Савостьянов в три часа ночи. А к утру недоразумение на Садовом Кольце стало по версии журналистов бешеным штурмом.

Зато пришлось пожертвовать менее важной информацией (дезинформацией!). В конце концов были без смущения опровергнуты громогласно распространяемые высокими должностными лицами слухи о высадке десанта в районе подмосковной Кубинки и на Ходынкском поле, факт концентрации танков Кантемировской дивизии в районе Кутузовского проспекта, известие о штурме Моссовета, информация об аресте П. Грачева, данные о повальной забастовке шахтеров, остановке ЗИЛа, завода "Калибр" и других крупных предприятий Москвы.

Штурма не было, как не было и баррикад. Был фальшивый штурм и декоративные баррикады, фальшивый путч и фальшивые герои. Лишь кровь человеческая была настоящей.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Поверхностный взгляд на трагические события августа 1991 г. в Москве дает однозначные выводы о победившей демократии, о срыве попыток партаппарата вернуть себе власть и т. п. Действительно, опыта ликвидации политических авантюр у граждан России до сих пор не было, и ждать особенной глубины анализа от толпы, скандирующей "Ель-цин! Ель-цин!" не приходится. Зато в частных разговорах недоумение возникает. Путч

уж слишком напоминал спектакль, его последствия просматривались буквально с первого дня.

Для придания правдоподобности политическому спектаклю режиссерам пришлось подмешать в события кровь. От этого возникли сложности с изобличением событий путча, как фарса политиканов. Фарс был превращен в трагедию. Эйфория победы, также запрограммированная режиссерами, отшибала трезвое восприятие. Поэтому в те дни как-то не замечалось и постыдное предложение о присвоении Ельцину звания Героя Советского Союза, и утверждение о том, что москвичи отработали свои карточки на баррикадах (автор того и другого, как мы уже упоминали, Г. Х. Попов), и многое другое.

Если мэр Москвы и демократизованные журналисты строили словесные мифы, то подчиненные градоначальства активно создавали собственный героический образ. После ликвидации ГКЧП мэр и его компания старалась всячески подчеркнуть свою роль в сооружении баррикад у Белого Дома. Но, несмотря на распоряжение Лужкова, железобетонные конструкции так и не были доставлены к парламенту России в ощутимом количестве, тяжелая строительная техника лишь обозначила свое присутствие в отдельных точках. Может быть распоряжение и не предполагало ревностного исполнения?

Из дневника автора

"До штаба генерала Кобеца дозвониться оказалось неожиданно легко. "Куда разгружать бетонные блоки?", - спросили мы. "Куда хотите. В любое место.", - был ответ. Это означало, что никаких серьезных баррикад не построено. Одна фикция.

Разговоры о машинах, груженых песком оказались ложью. Там не было ровным счетом никаких машин. По этому поводу через помощника мы пытались найти начальника Мосстройкомитета Ресина. Его радиотелефон в машине упорно не отвечал. молчали и другие телефоны.

От чиновника транспортного отдела администрации мы узнали, что Лужков распорядился метро не останавливать ни в коем случае. Наши попытки подготовить остановку наземного транспорта тоже не вызвали энтузиазма в транспортном отделе. Всерьез сопротивляться ГКЧП никто не хотел."

В итоге театрализованные декорации и словесные мифы привели к вовсе не театральным переживаниям и политическим сдвигам. Не за горами было окончательное перерождение оплодотворенной "демократией" номенклатурной команды в свирепую воровскую шайку.

В одном из телеинтервью (16.03.92) ближайший соратник Ельцина Г. Бурбулис сказал: *"Мы создаем новую реальность. Мы вылечим больного вопреки ему самому"*. Это требуется помнить - они создавали и создают новую реальность!

КАЖДОМУ СВОЕ

После подавления путча ГКЧП было объявлено, что маршал Ахромеев повесился, а шеф МВД Б.Пуго пустил пулю в лоб. Немногим позже поступило сообщение, что выпрыгнул из окна управделами ЦК КПСС. Все эти

смерти по официальной версии были самоубийствами. Но знание уходящих таким путем из жизни людей было столь опасным для дальнейшего перераспределения партийного наследства, что эта версия становится весьма сомнительной. (Взять хотя бы тот факт, что дачный городок ЦК и МГК КПСС в Кунцево отошел "Попов-фонду", а одним из учредителей этого фонда стал заместитель управляющего делами ЦК КПСС Лещинский. Кто помогал расхищать добро, остался жить.) Более правдоподобна версия состоит в том, что важным особам намекнули, что по итогам последних событий их ближайшим местом обитания будет общая тюремная камера, в которой присутствие высокопоставленных гостей доставит блатным особое удовольствие (в 1994 г. о таком варианте ведения следствия открыто говорилось в специальной телепередаче).

Что получили в конце концов путчисты? Те, кто понял, что почва уходит из-под ног, что со страной кончено, кто не желал издевательств всякого хамья, торопящегося доказывать свой "демократизм" - те ушли из жизни. Могила маршала Ахромеева на время стала местом паломничества коммунистической оппозиции. Армия Грачева забыла и маршала Ахромеева, и многих-многих других. Забыли и Пуго. Слегка воспрянули от личной катастрофы только А. Лукьянов, да В. Стародубцев. Оба почти сразу из тюремной камеры пересели в кресла депутатов Госдумы.

* * *

Смерть или изоляция высших чиновников, не решившихся включиться в новый номенклатурный клан, была необходима для того, чтобы покрыть мраком происхождение капиталов, намытых из партийного золота. Послепутчевые разговоры - хорошая информация к размышлению о том, кто и как делил наследство КПСС.

Горбачевский "серый кардинал" А. Яковлев утром 21-го августа гулял по Моссовету в очень веселом состоянии. Вероятно, с Г. Поповым они уже обсудили к тому моменту вопрос о создании новой номенклатурной партии - Движения демократических реформ (ДДР). А в появившемся в эфире телеинтервью тот же А. Яковлев раздавал характеристики своим бывшим коллегам по старой номенклатурной партии, опрокинутой в августе. Он говорил о том, что Лукьянов - ястреб (такая оценка, вероятно, позволила засадить Лукьянова в тюрьму), зато Пуго - слабохарактерный, осторожный, совестливый человек. Прожженного политика удивил Язов (как и Яковлев, он был лейтенантом в годы Отечественной войны): *"казалось, он останется солдатом"*. Яковлев добивал не вписавшихся в его команду (говорили, что он будет баллотироваться на скорых выборах в Президенты СССР) - кого в тюрьме, а кого и после смерти.

А ведь Яковлев и те, кого он оценивал, были начальниками одной армии - генералами от номенклатуры КПСС, осуществлявшими совместный контроль за своим главнокомандующим и его генеральным штабом. Всего за год до разгрома ГКЧП Яковлев в другой телепередаче (по поводу демонстрации 1 мая 1990 года) расценивал трехцветный российский флаг, как дурной символ "монархистов с анархистами", а демонстрацию оппозиции - как вылазку ультраправых (он назвал их "ряжеными").

Времена меняются, номенклатура подстраивается под них, а люди забывают ее прошлые мерзости... Теперь клан А. Яковлева победил, и нужны

были какие-то новые слова. (К личности А. Яковлева и вопросу о цене его слов мы вернемся в главе "Особый тип нравственности".)

* * *

В послепутчевой дележке собственности и власти не только полузабытое прошлое нужно было покрыть мраком, но и недавние события сохранить в их мифологическом виде. Решая эту задачу, Г. Попов выступил против каких-либо комиссий по расследованию, созданных представительными органами (телеинтервью 27.08.91). Достаточно, мол, комиссий при исполнительных органах. Т. е. истинный сценарий переворота надо было упрятать подальше, чтобы наивные депутаты не раскопали чего-нибудь гадкого. Его стараниями материалы комиссий ВС СССР и Моссовета так никогда и не были опубликованы.

Вместо этого мэр московский призывал к проведению политической чистки для того, чтобы "силы путча" потерпели окончательное поражение ("МК", 24.09.91). Потом еще почти год Г. Попов пугал публику угрозой нового переворота, и лишь к годовщине разгрома ГКЧП успокоился. Его просветленное сознание посетила догадка, что демократы так и не смогли взять власть, что они только и сумели, что расчистить место для реформаторов от номенклатуры. Только не жалел Г. Попов ни о чем: *"Я всегда буду гордиться тем, что в дни путча всеми силами помогал свергнуть отживший, угрожающий будущему России строй. Но я никогда не прощу себе того, что мог сделать больше, но не сделал - как демократ, как идеолог и теоретик, как российский интеллигент, просто как гражданин."* ("Известия", 24.08.92).

Это было действительно свержение, контрпереворот, а не "демократическая революция". Это был пролог октябрьского переворота 1993 г. Безобразную лживость организаторов того и другого переворота может показать попытка приложить приведенные в начале главы цитаты из документов к октябрьским событиям 1993 г. Почти все слова обращения ГКЧП могут быть приписаны Ельцину и его сторонникам. Откуда ушли, туда и пришли. Одну маску сменили другой. Доверчивые купились на это, а те, кто сохранил память и здравомыслие, многому научились.

* * *

С течением времени членов ГКЧП тихонько выпустили из тюрьмы, и они стали похаживать на митинги "красных". Гэкачеписты превратились в персоны, причастные к болевому моменту отечественной истории, отсидевшиеся в тюрьме, пока общество исчерпывало интерес к героям событий августа. Теперь перед публикой объявились антигерои и интерес на время разгорелся с новой силой.

Гэкачеписты стали выступать в прессе, публиковать воспоминания. Журналистский бомонд даже пригласил их на телепередачу "Пресс-клуб", где долго балансировал в своих оценках и вопросах на грани приличия, а потом сорвался к брани: "Вы - дерьмо!". Настроенный на жесткую перепалку В. Павлов ответил в тон: "В порядочных домах за такие слова морду бьют". После этой отповеди члены ГКЧП с чувством нравственной победы покинули собрание. Журналистам крыть было нечем, и они стали трепать друг друга,

чтобы в следующий раз снова найти общего врага.

Организаторы путча в 1994 г. приняли амнистию, формально признав правомерность своего нахождения на скамье подсудимых. Упорствовал только генерал Варенников, известный своими жесткими требованиями к ГКЧП по поводу ареста российского руководства. В конце концов он был оправдан судом (август 1994 г.). Попутно совещание лидеров ГКЧП накануне переворота было определено судом не как заговор, а как обсуждение ситуации, грозящей целостности СССР. Оправдание Варенникова, скорее всего, прошло так легко только потому, что было направлено против Горбачева. Осторожно обретающему новую роль в российской политике экс-президенту "клеили" обвинение в преступной пассивности - якобы он не предпринял все возможное для того, чтобы сбежать из Фороса. Пожалуй, только такого рода интригой можно объяснить вдруг прорезавшуюся принципиальность прокуратуры и суда.

Попутно всплыл такой ценный документ (приводим фрагмент): *"Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме? Одним под семьдесят, у других плохо со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то, мне очень стыдно! Вчера прослушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили. По-прежнему с глубоким человеческим уважением. В. Крючков. 22.8.91."* ("НЕГ", 14.07.94). Вот таковы были покаянные мысли бывшего шефа КГБ...

Надо отметить, что поверженный в октябре 1993 г. А. Руцкой не впал в такое размягчение воли, не был сломлен. И напрасно генерал Лебедь потом (в 1993 г.) заявил, что "Руцкой утратил честь офицера". Руцкому можно предъявить претензии в том, что он оказался для сложившейся в 1993 г. ситуации недостаточно умен и слишком слаб как организатор, но никак не в бесчестии. Бесчестие естественно преимущественно для номенклатурных выкормышей КПСС, независимо от политического профиля - "гэкачеписты" или "ельцинисты". Если имелось ввиду, что Руцкой не пустил себе пулю в лоб, то эта претензия абсурдна, поскольку противоречит русскому национальному мировоззрению.

А БЫЛ ЛИ ПУТЧ?

Подавляющее большинство москвичей были уверены, что "у нас все так плохо, что даже переворот толком организовать не могут". Так ли это? Да и был ли переворот, если до сих пор не известно, кто отдал распоряжение ввести войска в Москву? Скорее всего танки в Москву вызвал сам Ельцин. Именно по его просьбе командующий ВДВ Грачев отдал приказ генералу Лебедю привести батальон десантников для охраны Дома Советов - Белого Дома. Именно Грачев получил и выполнил приказ взять под охрану важные объекты в Москве: Госбанк, Кремль и телецентр. Ни о каком штурме никто не думал.

Номенклатура, конечно же, тренировала своих бойцов. Такие "тренировки" проводились в 1989-1990 гг. в Тбилиси и Баку , в Риге и Вильнюсе. Спецназ отрабатывал "взаимоотношения" с демонстрантами и в Москве. Попутно давили и криминальщину (Баку), и национал-экстремизм

(Тбилиси, Фергана, Карабах). Но только попутно. Готовились к главной схватке. Ввод войск в Москву был отработан 26 марта 1991 г. в дни российского Съезда народных депутатов. Десятки БТР по официальной версии почему-то перемещались через столицу транзитом и почему-то именно во время чрезвычайного Съезда, который должен был решить (и решил) вопрос о проведении выборов Президента РСФСР. Ясно было, что все это не случайно.

Августовский путч был липовым - это ясно сегодня почти всем. Так ради чего был разыгран весь этот балаган? Похоже, что настоящий переворот готовили вовсе не члены ГКЧП... Посмотрим повнимательней на действия стороны, победившей в 1991 г.

Референдум 17 марта 1991 года, на котором население СССР однозначно высказалось за сохранение "обновленного" Союза ССР, был российским руководством однозначно проигнорирован. Все решения Правительства России и депутатского корпуса выглядели так, будто Российская Федерация являлась суверенным государством.

Горбачевский проект Союза Суверенных государств (подготовленный практически им единолично) в качестве нового Союзного договора прямо противоречил Конституции СССР, решениям Съезда депутатов СССР и результатам референдума. Проект был опубликован только 16 августа 1991 г. Как позднее рассказывал сам Ельцин, предполагалось, что новый договор между республиками послужит поводом для принятия новой Конституции СССР, в которой не будет союзных министерств (дались же эти министерства "деморосам"!), а останутся только координационные экономические органы. Что же означали тогда слова Горбачева о том, что путч был направлен против союзного договора? Скорее всего то, что путч ГКЧП предполагал сорвать договор определенного типа и сохранить СССР на принципах, отличных от тех, что замышляли Горбачев и Ельцин.

В конце июня 1991 г. Горбачев с Ельциным в Ново-Огареве обсуждали вопрос о замене некоторых высших руководителей Союза. Все это были люди, которых Горбачев лично выдвигал и знал по работе не один год. Теперь пришла пора их сдать. Вот так втихую, в закулисных переговорах. Поэтому путч ГКЧП был также и способом сохранить действующую верхушку власти, которая могла разделить судьбу многих и многих функционеров КПСС, которых Горбачев постепенно вытеснял с руководящих постов.

Теперь о ситуации в хозяйстве. Как говорил премьер В. Павлов, экономика в 1991 г. накренилась, как Пизанская башня - вот-вот рухнет. Поэтому и потребовались ему дополнительные полномочия, с которыми он выступил перед ВС СССР. Он просил для правительства всего-то права законодательной инициативы, права выпуска нормативных актов по программе экономической стабилизации до принятия соответствующих законов, создания независимой налоговой системы, восстановления единства банковской системы и единой службы борьбы с организованной преступностью. В то время В. Павлова обвинили в попытке захватить власть. Правда депутаты СССР так никакого решения и не приняли, ограничившись обсуждением, а В. Павлов не собирался присваивать себе дополнительные полномочия без соответствующего решения. Даже действия ГКЧП планировалось утвердить на сессии ВС СССР и на Съезде буквально через несколько дней после введения чрезвычайного положения.

А между тем, российский премьер И. Силаев прямо предписывал российским предприятиям не выполнять распоряжения Правительства СССР. Силаев твердил на заседаниях одно: мы сами продадим на Запад нефть и алмазы, сами купим хлеб и оборудование. Как только этот план был реализован после августа 1991 г., экономика начала разваливаться. Другие республики тоже решили торговать самостоятельно, не согласовывая свои действия с Москвой. Экономика рассыпалась, а И. Силаев уехал за границу в добровольную эмиграцию (на пост представителя России в ЕС), уступив свое место Гайдару.

Вспомним, что на шестом Съезде депутатов России Ельцин потребовал гораздо более значительные полномочия, чем те, о которых просил В. Павлов. Его в перевороте никто не обвинил. Только через год стало вполне понятно, что кроме усиления личной власти, чрезвычайные полномочия Ельцина ничего не дали.

Получается, что ключевая проблема в политике состоит не в том, чтобы решить, каким путем двигаться и какие организационные меры предпринимать. Проблема заключена в персоналиях, исполняющих задуманное. По поводу права совершить поворот руля можно, как оказалось, и глотку перегрызть. Как в свое время Сталин уничтожил троцкистов, чтобы продолжить их дело под своими лозунгами, так в наше время Ельцин разогнал всю горбачевскую команду. Точно так же в Москве Лужков душил Моссовет, чтобы потом воспользоваться его наработками. Только, вот беда - те, кто ворует у других идеи, свои идеи генерировать не в состоянии. Да и чужие не может должным образом воплотить.

Вернемся снова к ГКЧП. Никакого законодательства, которое регламентировало выполнение полномочий президента вице-президентом не было. Поэтому Г. Янаев и ГКЧП ничего не нарушали. При отъезде в Крым Горбачев сказал ему: "Ты остаешься на хозяйстве". По традиции никаких документов в таких случаях не оформляли. Члены ГКЧП, собственно говоря, и были законной властью, и никакой переворот им был не нужен. Ни одного нарушения закона в выпущенных ГКЧП документах найти невозможно. Нельзя же в самом деле полагать, что вопрос о законности действий ГКЧП решается только тем, был ли Горбачев действительно болен! Потому-то и судебный процесс над ГКЧП окончился совершенно безрезультатно. Не за что судить!

Вот уж кто действительно готовился к путчу, так это Г. Попов. В своей статье "Август девяносто первого" он откровенно описывает, как прорабатывались разнообразные сценарии путча: с благословения самого Горбачева или против Горбачева... Попов пишет, что планировалось представить путч именно в последнем варианте, что было особенно выгодно.

Следовательно, то, что нужно было делать государственным органам, так это подавлять готовящийся российскими властями переворот. Как раз попыткой в рамках закона предотвратить этот переворот и были действия ГКЧП. На Горбачева в этом деле опереться было невозможно, он уже договорился с Ельциным. Зато его можно было нейтрализовать, пользуясь чисто формальными номенклатурными правилами игры. Горбачеву были поставлены не столько физические препятствия для участия в августовских событиях, сколько чисто формальные. Прорывающийся сквозь собственную охрану Президент не только терял бы лицо и выглядел бы смешным, но мог быть обвинен и в разжигании гражданской войны, а также в дьявольской интриге против всего остального руководства страны. Вступая в

августовскую игру, Горбачев мог быть в конце концов снят со своего поста тем же Съездом, который его на этот пост избрал.

Итак, сеть для Горбачева была расставлена талантливо. С Ельциным это не прошло. Он не принял игры ГКЧП, не боялся потерять лицо и не стал продолжать затяжную войну законов, которую ГКЧП безусловно выиграл бы. Ельцин сразу сыграл ва-банк. Его ответный ход - обвинение ГКЧП в совершении государственного переворота и незаконном отстранении Президента СССР от власти с призывом к общенациональной стачке, к аресту путчистов. Его позиция - это отказ от каких-либо компромиссов с ГКЧП, выталкивание ГКЧП на путь силовой контригры.

Члены ГКЧП не пошли на расстрел Белого Дома, не смогли переступить через кровь. (Совсем иначе, как по нотам был бы разыгран вариант октября 1993 г., когда на жесткий вызов Ельцин ответил танковой атакой, и горы трупов не смутили его). Они предпочли искать спасения у Горбачева, который мог пожурить свою команду, кое-кого снять с должности, но не дать разрушить систему власти. Горбачев, потрясенный изоляцией и не посвященный в планы ГКЧП (он вполне мог опасаться и за свою жизнь), не пожалел путчистов и дал Ельцину полностью захватить власть, будучи уверенным в том, что уж свое-то влияние сохранит.

Совершая контрпереворот, Ельцин смог не только упрятать в тюрьму членов ГКЧП, но и выбить стул из-под Горбачева. Он посмеялся над доверчивостью Горбачева, наплевал на все закулисные договоренности, воспользовался ситуацией для полного подавления власти Горбачева. Наслаждаясь необъятной властью, Ельцин не упустил возможность растоптать Президента СССР на глазах у Съезда депутатов России. Подписывая на глазах восторженной депутатской публики антиконституционные Указы, он смаковал унижение Горбачева, демонстрируя всей стране, что Президент СССР теперь только кукла, с которой смешно согласовывать "судьбоносные" решения. Сцена была отвратительной, но публика была настолько ослеплена победой над ГКЧП, что бесчувственно приняла эту инъекцию безнравственности. Похмелье наступило только в октябре 1993 г.

Сказанное не означает, что автор является сторонником того режима, который олицетворял собой ГКЧП. Но попытка одномоментно разрушить его "до основанья" привела к катастрофе. К жизни были вызваны еще более гнусные процессы и явления, чем те, которые существовали в условиях всевластия КПСС, к власти пришли еще более гнусные люди, чем высшая номенклатура КПСС. Поэтому речь идет не о возвращении в прошлое (что, кстати, мерещится возможным только помешавшимся "деморосам"), а о преодолении отвратительного настоящего. Связано же это настоящее именно с победителями ГКЧП и соответствующими настроениями в обществе.

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ
(Взгляд через год)

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Из заявления Фонда "Демократия и гуманизм":

"Прошел год правления Ельцина и его команды... Кому мы сегодня обязаны тем, что в России, в стране с мощным научным потенциалом и богатейшими природными ресурсами, женщины не могут себе позволить рожать детей, старики жить на свою пенсию, а государство занято исключительно "либерализацией", т. е. повышением цен! Льется кровь в Приднестровье, страна распадается на части, как карточный домик, а псевдодемократические чиновники заявляют, что первый год президентства прошел успешно, поскольку гражданская война, несмотря на все происходящее, не началась...

Фарс, умело разыгранный политическими актерами на театральных подмостках Белого Дома 19-21 августа 1991 года, многих ввел в заблуждение. Сегодня Россия видит закономерный результат своей политической наивности. В России сегодня нет свободы (вспомните 23 февраля и 22 июня), нет правового государства, нет нормальной частной собственности, нет социальной защищенности. Растоптаны продажной властью демократические идеалы, уничтожена национальная честь.

Поэтому мы предлагаем всем честным людям считать 19-21 августа ДНЯМИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРАУРА В РОССИИ. Мы выражаем соотечественникам свои искренние соболезнования и глубоко скорбим.

СОГРАЖДАНЕ! Российская правящая олигархия, благополучно отсидевшаяся с оружием в руках в Белом Доме с 19 по 21 августа 1991 года за спинами своих безоружных подданных, трое из которых погибли под гусеницами советских танков, решило отметить годовщину этих печальных событий организацией театрализованного балагана на наших улицах. Это шоу под названием "Виват Россия" - позор России. Мы призываем вас не соучаствовать в повторении прошлогоднего спектакля, лучше оставайтесь дома."

УКРАДЕННАЯ СВОБОДА

Из заявления Союза Возрождения России:

"Год назад к Белому Дому пришли граждане России, осознавшие свою ответственность за судьбу страны. Каждый из тех, кто готов был преградить путь танкам путчистов, совершил в те дни, быть может, самый значительный поступок в своей жизни. Именно эти люди остановили готовую вспыхнуть гражданскую войну, их решимость заставила одуматься военных и политиков, считавших, что народ по-прежнему будет безмолвствовать. Именно они своими телами разъединили две вооруженные группировки, которые готовы были открыть стрельбу.

Но оглядываясь на прошедший год, мы не можем не замечать, что плодами августа 1991 г. воспользовалась новая генерация номенклатуры, в результате сторговавшаяся со старым аппаратом власти на более выгодных для нее условиях. Этот сговор привел к тому, что бюрократическая элита сегодня чувствует себя еще более безнаказанной, чем год назад. Снова применяются самые иезуитские методы для подавления оппозиционных настроений, повсеместно нарушаются законы и Конституция, целенаправленно разрушается государство. Произвол и беззаконие переместились в сферу экономики. Структуры управления на местах превращены в частные конторы, расхищающие народное достояние.

В то же время Президент Б. Ельцин совместно с другими бывшими функционерами КПСС высшего эшелона решился единолично определять судьбу великой страны и превратился в гаранта безнаказанности авантюристов, рвущих страну на части.

Многие из тех, кто в те памятные дни был у Белого Дома, сегодня отказываются от почестей в качестве его защитников и начинают понимать, что их гражданский порыв был включен в сценарий грязной игры. Разочарование и хаос в демократическом движении - результат предательства его лидеров, дорвавшихся до власти.

Сложившееся положение заставляет нас, расставшись с наивной верой в

прежние авторитеты и готовые рецепты решения проблем России, начать трудную черновую работу над восстановлением демократического движения на новом этапе. Мы рассчитываем на честных профессионалов, готовых сделать все от них зависящее для возрождения России."

К ИТОГАМ АВГУСТА 1991 ГОДА

Из заявления ЦК Конституционно-демократической партии (партии народной свободы):

"Год, прошедший со времени августовских событий, сконцентрировал в себе такое количество разнообразных перемен, что большинство современников расценивает все, что было до августа и произошло после него, как две разные эпохи. Так ли это на самом деле?

С одной стороны, нельзя не признать, что в последовавшим за августом декабре произошел переворот, коренным образом изменивший политическую ситуацию в стране - два президента и один председатель Верховного Совета в Беловежской Пуще договорились о разделе страны и предложили присоединиться к ним остальным многочисленным президентам и председателям бывшего Советского Союза. В результате раздела не только рухнула общая экономика страны, экономика, основанная на принципе единого монопольного хозяйствования, но и вспыхнула пока еще вялотекущая гражданская война. Впрочем, раздел вооруженных сил и вооружений бывшего Союза ведет к ее интенсификации, и то, что происходило на Кавказе в доавгустовскую эпоху, не сравнимо с сегодняшними сражениями, где используются авиация, ракетно-артиллерийская и бронетанковая техника. Впервые в роли стороны в вооруженном конфликте выступили значительные массы русского населения в Приднестровье, только что заполыхало в Абхазии , где крупнейший доавгустовский демократ Шеварднадзе показал, что в деле раздела страны его не остановят кровь женщин и детей. Скоро можно ожидать столкновений в Эстонии и Латвии, где "цивилизованные" балтийские национал-демократы успешно строят общество апартеида для русских жителей этих республик. О сражениях различных кланов в Таджикистане и о других пока малокровных событиях можно и не упоминать. Ликвидирована противовоздушная оборона страны, Президент Ельцин обязался уничтожить стратегические силы ответного удара, которых так долго боялись наши сегодняшние "друзья" из США. В ответ на это благодарные союзники Ельцина разрабатывают на весну 1993 года планы вооруженной интервенции на территории бывшего Союза с целью наведения элементарного порядка.

Было ли это неизбежным? Нет. Все происходящее является следствием политических амбиций так называемых демократических лидеров, следствием союза лево-радикальных псевдо-демократических движений типа "Демократическая Россия" и национальных номенклатур бывшей КПСС, а также обыкновенных националистов, которые существовали и будут существовать всегда, но в нормальном обществе, не стремящемся к самоубийству, им не предоставляют возможности активной пропаганды с помощью всей мощи средств массовой информации. То, что эта возможность была предоставлена в доавгустовскую эпоху, не случайно, вытекает из особого положения русских националистов, национализм которых имеет в основном прогрессивный охранительный характер, а потому воспринимается крайне враждебно силами, заинтересованными в дезинтеграции страны.

Но главной причиной постигшей страну беды является фактический отказ от принципа конституционности всех изменений отказ, основу которого заложил декабрьский антиконституционный переворот и который сегодня вылился в прямые призывы к разгону представительной власти - Съезда народных депутатов, местных Советов, к разгону профсоюзов и других организаций, по тем или иным причинам не устраивающих сегодняшнюю исполнительную власть.

Столкнувшись с народным непониманием этих своих планов, власть

маневрирует. Президент Ельцин требует себе все новых полномочий и закрепления их в Конституции. Но уже сейчас полномочия Президента равны полномочиям Государя. Президент сам смещает и назначает министров своего правительства, которое с осени 1991 года перестало быть даже утверждаемым Верховным Советом. Это положение ничем не отличается от того, что существовало в начале века и, таким образом, старое кадетское требование ответственного министерства вновь является актуальным.

Членам нашей партии, как и всем здравомыслящим людям, было абсолютно очевидно, что либерализация цен в монопольной экономике может привести лишь к тому, к чему она и привела - диктату монополистов, сворачиванию производства, к исключительному расцвету торгово-посреднической деятельности и, в конечном итоге, к деиндустриализации. Мы предупреждали Президента Ельцина о пагубности такого курса еще осенью прошлого года. На декабрьском Пленуме ЦК партия поддержала альтернативную экономическую программу Сабурова. Мы предлагали Президенту конкретный план стабилизации политической обстановки в стране, план, основанный на резолюции II Съезда (июнь 1991 г.) нашей партии.

С начала января 1992 года партия перешла в оппозицию к существующему режиму. Мы, защищавшие Белый Дом во время августовской судороги, сегодня заявляем, что Президент Ельцин и его правительство должны немедленно уйти в отставку, потому что главным итогом прошедшего года является дискредитация "антинародным правительством нищеты и национальной измены" всего того, что могло бы обеспечить России процветание и народное богатство. Президент, его правительство и антинациональные силы, на которые правительство опирается, могут добиться только стойкого отвращения народа к идеалам демократии и экономической свободы...

"На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величия ее будущего" (П. Струве)..."

БРЕСТСКИЙ ЗАГОВОР

Из выступления В. Аксючица на Соборе Российского христианско-демократического движения ("Путь", № 7, 1992):

"Вы все знаете, что в августе 91-го мы защищали не Президента, а свободу России. Конечно же мы надеялись, что Президент возьмет курс на возрождение России и, прежде всего, будет опираться на национально-государственное и культурное достояние российской истории. К сожалению, мы в этом ошиблись. События после августа показали, что курс Президента - это измена национальным и государственным интересам России. Основной удар был нанесен брестским заговором президентов , которые не будучи никем уполномочены совершили антиконституционный переворот, создав тем самым прецедент правового беспредела. Если Президент нарушает Конституцию, что делать всем остальным гражданам государства? То, что было совершено в Бресте - это исторический произвол, никаким закономерным ходом истории не обусловленный. Тем самым был включен механизм огромной разрушительной силы. Разрушается государственность как таковая. Мы говорили об этом Президенту в декабре 91-го, и сегодня это очевидно: искусственный развал союзного государства стимулирует развал Российской Федерации.

Кроме того, это привело к искусственному расчленению армии, ее развалу, что крайне опасно, ибо уже сегодня мы видим: все "приватизированные" воинские соединения и вооружения оказываются по разные стороны фронтов с тем, чтобы защищать политические амбиции новоявленных вождей...

...Таким образом, к власти в Российской Федерации пришла новая когорта партийно-государственной номенклатуры, которая установила в РФ либерал-

коммунистический режим. В других республиках Союза, а также в автономиях России режим можно характеризовать как национал-коммунистический..."

НОМЕНКЛАТУРА ПРАЗДНУЕТ ПОБЕДУ

Из заявления демократического объединения "Свободная Россия" (Вестник "Свободный мир", № 10, 1992):

"На фоне старух, роющихся в отбросах, и нищих с грязными детьми грядет шоу. Номенклатура празднует свою победу. Сытые режиссеры устроили шоу, чтобы заставить голодных забыть о грабителях, преданных о предателях. Мы думали, что защищали демократию, однако теперь номенклатурщики брежневской закалки во главе с Президентом, назвавшие себя "демократами", формируют авторитарный режим, приватизируют богатство России в свой карман. Мы не для того отстояли три ночи , чтобы погрязшее в коррупции правительство откупилось от ограбленного им народа обесцененной бумажкой.

Жизнь миллионов стала намного хуже. Растет безработица, сворачивается производство... А "нувориши" становятся богаче и наглее. Резко ухудшились отношения между бывшими республиками СССР, льется кровь невинных людей... В этом виноваты и бывшие партийные лидеры, а ныне руководители "независимых" стран - ельцины, кравчуки, назарбаевы, шеварднадзе и прочие.

Пришедшие к власти в России Ельцин, Бурбулис, Лужков и другие ничего хорошего сделать не могли, ничем существенным не отличаясь от Горбачева, Лукьянова, Янаева и других предшественников. И те и другие - гэкачеписты и "победители" ГКЧП - беспринципные политиканы, бывшая номенклатура КПСС.

Возрождение свободной России возможно лишь при полном отстранении правящей номенклатуры от власти, переизбрании правящих лжедемократов путем свободных выборов, переходе к настоящей демократии и строительству рыночной экономики."

НОМЕНКЛАТУРНАЯ КОАЛИЦИЯ

Из статьи Г. Х. Попова "Август девяносто первого" ("Известия", 21-24 августа 1992 г.):

"Моя общая оценка: победа демократов над путчистами не привела к власти совершенно не готовых к ней демократов, а заставила, наконец, реформаторов-аппаратчиков и номенклатуру сделать то, чего они не сделали ни в 1985, ни в 1989, ни в 1990 годах, - организоваться, объединиться, очиститься от рухляди идеологии, отстранить консерваторов и начать реформы. Медленно - но начать...

... В этих условиях (1990 г. - А. К.) надо было скорректировать схему переходного периода. Вместо схемы: аппарат ведет реформы, демократическая оппозиция на него давит, мы выдвинули идею коалиции. Программа реформ вырабатывается совместно...

... Дальше ждать было нельзя. Страна разваливалась. Или надо было рвать с центром, и каждой республике идти своим путем. Или центр должен был укрепить власть и сделать что-то сам. Столкновение было неизбежным. Это понимали и демократы, и консерваторы. Консерваторы решили опередить события и выступить первыми...

...Консерваторы понимали, что осенью дадим бой уже мы. Опять-таки потому, что нам ждать больше было нельзя. Народ требовал от нас реформ, и мы их обязаны были начать, отняв у центра право вмешиваться в дела России. Консерваторы попытались опередить нас... ГКЧП - конечно, нарушение законности. Но и нам

пришлось бы ее нарушать (как, кстати, произошло при ликвидации СССР). Великие переломные эпохи нельзя судить по статьям прежних законов - раз речь идет о переходе к системе новых законов...

... Самым благоприятным для нас был вариант путча "против Горбачева". Мы ожидали, что скорее всего он таким не будет. Но, может быть, нам удастся представить его в таком варианте - и это будет большая удача. Поэтому даже если день, полдня будет "нестыковка" путча и Горбачева - надо будет сразу же этим воспользоваться и ударить в эту щель.

ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать, - не просто против Горбачева, а еще и с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не ответить великолепным ударом...

... Если "заслуга" руководства КПСС в том, что силовое столкновение стало фактом неизбежным, то заслуга первого демократически избранного Президента в том, что это силовое столкновение - в отличие от 1917 года - не стало началом погромов, анархии и бунтов. Президент сохранил Россию, открыв путь к мирному варианту преобразований...

...В отличие от лидеров русской революции 1917 года, лично абсолютно чуждых правящему до них в России классу, Ельцин мог рассматривать реформаторскую часть партийного и других аппаратов СССР как потенциальный резерв...

...Сотрудничество Ельцина с демократическими силами ему удалось организовать так, что он позволил и объявить и избрать себя лидером, не связав себя никакими формальными обязательствами перед демократическими организациями...

...Демократы, ликуя в дни после путча, даже не задумывались, что победу в эти дни одержала и идея коалиции с реформаторами-аппаратчиками."

И ВСЕ-ТАКИ ОНИ НЕ ПРОШЛИ

Из статьи одного из лидеров Партии Труда Б. Кагарлицкого ("Солидарность", № 23, 1992):

"В ходе августовских событий перед правящими кругами России стояло несколько задач. Необходимо было ликвидировать затянувшееся двоевластие, отстранив Горбачева, подорвав позиции центральной "союзной бюрократии". Во-вторых, преодоление двоевластия было необходимо для начала капиталистических реформ в стране. В-третьих, надо было решить идеологические проблемы реформы. Идеологические структуры не просто не должны были мешать, они должны были помогать. А этого не было.

Огромная собственность КПСС оставалась лакомым куском, в том числе для самих партаппаратчиков. Деньги КПСС можно было легко разворовать и пустить в дело (потом ищи-свищи деньги партии где угодно и сколько угодно). А здания? Недвижимость надо конфисковывать.

Одновременно нужно было развязать антиконституционную кампанию, позволяющую идеологически подготовить репрессии не только против немногочисленных идейных коммунистов, но и вообще против всех, кто сопротивлялся новому курсу. Под грохот этой пропаганды можно было бы устранить парламенты и Советы, разгромить профсоюзы, убрать с дороги колеблющихся в собственном лагере, ввести цензуру, навести в стране "порядок". Короче говоря, необходимо было перейти к жесткой авторитарной диктатуре по пиночетовскому образцу.

События 19-20 августа дали великолепную возможность решить все проблемы разом.

Казалось бы, все прекрасно. А между тем пиночетовского режима у нас все равно нет. Нет и жесткой эффективной власти. За развалом Союза последовал распад России. Экономические реформы теряют темп, а сопротивление народа нарастает медленно, но верно, по мере того как люди приходят в себя после многочисленных

шоков прошедшего года. Победители слишком увлеклись разделом награбленного добра и склоками между собой. Августовский шанс был ими упущен, но можно ведь и повторить игру. Именно поэтому ходят по стране вполне обоснованные слухи про новый переворот."

ВОТ КТО ПРИШЕЛ!

Итак, путч провалился, контрпутч состоялся. Одни решили, что это была попытка военного переворота, другие считали, что ГКЧП пытался спасти СССР от развала, третьи видели, что сработал беспроигрышный сценарий трансформации номенклатурного режима. Об истинном смысле августовских событий 1991 г. можно долго спорить. Бесспорным остается лишь то, что люди, которые в результате краха ГКЧП пришли к власти, были далеки от того, чтобы строить в России общество, руководимое правом и нравственностью.

Обращаясь к прошлому России, мы можем ужасаться жестокостям опричнины, стрелецкой казни, красного террора или сталинских репрессий. И все-таки леденящие кровь действия власти в те времена были тесно связаны с тем временем, опирались на состояние общества того времени. Жестокие нравы соответствовали жестоким временам.

Современная Россия, попытавшаяся вместе с Перестройкой строить демократию и забывшая за годы отупляющего застоя о крайних проявлениях антинародной сущности власти, получила правящий слой, который по гнусности своей был особо выдающимся. Он не просто не соответствовал по уровню управленческой компетентности и нравственному потенциалу требованиям цивилизации конца XX века. Этот правящий слой действовал против своего времени и имел разрушительный потенциал той же природы, что и власть гитлеровской Германии.

Известный кинорежиссер С. Говорухин оценил новый номенклатурный слой так: *"К власти прорвались самые подлые, самые циничные, самые корыстные. Судьба Родины их мало волнует. Мы сами передали знамя демократии в руки разбойников и плутов. Некрофилов, ненавидящих Россию... Ценой неимоверных страданий народ решили загнать в капиталистический рай. Слезы стариков, в ускоренном порядке - под шуточки команды Гайдара и хохот лавочников - отправляемых на тот свет, мучения детей, терзания миллионов ограбленных и оскорбленных - это им ничто."* ("Правда", 16.03.94).

НЕКРОФИЛЫ У ВЛАСТИ

Читатель, возможно, помнит анекдот про лягушку, утверждавшую, что она только по болезни выглядит столь омерзительно, а на самом деле она - белая и пушистая. Примерно с такой же убедительностью оценивали свою добропорядочность творцы либеральных "реформ", учиняемых над Россией. Социологические опросы показывали, что команда реформаторов снискала стойкую ненависть у большинства населения страны. Но за хорошую мзду номенклатура нашла политических знахарей, взявшихся вылечить весь народ от этой неприязни испытанным оружием - ложью.

Можно подумать, что некоторые сторонники Президента РФ были

совершенно уверены, что этот самый народ давно страдает слабоумием, и ему можно доказать, что Гайдар выполнил свои обещания, и экономика все-таки "чуть-чуть начала выходить из кризиса", а рубль "заработал". Они считали, что достаточно лишь, чтобы доза лжи была соответствующей, и тогда миф превратится в реальность.

Правительственный экипаж, действительно, работал вполне слаженно: командир руководил полетом, штурман выверял курс, радист поддерживал связь,... а бомбы ложились на жилые кварталы. Да где же вы видели войну без потерь, а реформы без кризиса?! И вообще, как говорил Жванецкий, не в этом смысл, главное - процесс!

Не важно, что берег, к которому выгребало правительство, сто лет назад ушел в пучину. Зато как приятно ритмично налегать на весла: Сво-бо-да! Ры-нок! Де-мо-кра... Нет, последнее слово в этом ритме до конца не выговаривалось.

И все таки, неужели ОНИ действительно так думали? Неужели они считали, что народ будет только благодарить за реформы, как благодарит он лекарей, избавляющих от зубной боли? Неужели они не видели растерянности людей перед рухнувшим доверием к власти и надеялись, что какой-то фантастический результат оправдает их художества? Убежденность, с которой выступал Президент Ельцин и "мальчики" из его команды, подтверждала - ОНИ ТАК ДУМАЮТ. Обливаясь холодным потом, приходится задавать другой вопрос: да не сумасшедшие ли нами правят?

История знает такие случаи. Достаточно подробное исследование на сей счет содержится в сочинениях классика психоанализа Эриха Фромма. Фромм пишет: *"Общество, тем более большое, не может управляться шизофрениками. Однако с этой задачей легко могут справиться индивиды с шизофренией, протекающей в легкой форме. Такие люди не теряют способности "реалистичного" мировосприятия, если понимать под этим способность судить о вещах с точки зрения их эффективного использования. Но способность личностного, субъективного, эмоционального восприятия у них может быть совершенно утрачена."* В то же время, *"умственная ориентация не дает возможности видеть цели, связанные с развитием личности и выживанием общества. Для этого нужен разум, а это нечто большее, чем интеллект. Разум предполагает союз ума и сердца, согласованность мышления и чувства".*

Пожалуй, пограничный случай мы и имели перед собой. Команда Гайдара и прочих радикал-демократов демонстрировала хорошую техническую подготовленность к борьбе за власть, к технике политических интриг и пропагандистской обработке населения. Но техника власти не сочеталась с реалистичным восприятием окружающей действительности в целом, не сопровождалась нравственным переживанием. Цифры и параграфы закрыли от "ельцинистов" и "гайдаровцев" человеческое горе.

Мы имеем перед собой тот же случай увечья нравственности, который приписал Лион Фейхтвангер одному из своих героев: *"это был талантливый организатор, но от роду болван болваном"*. Прототипом этого героя был Гитлер. Он же был объектом исследований Э. Фромма. Наш объект - "талантливые организаторы" российских реформ, работу которых мы уже не раз демонстрировали в предыдущих главах.

Да как же они, эти "талантливые организаторы", пробрались на ведущие государственные посты, как ИМ удалось обмануть НАС? Почему

организаторы Межрегиональной депутатской группы, "ДемРоссии", РДДР, и прочих псевдодемократических организаций показались поначалу приличными и очень умными людьми? Многим еще и организаторы блока "Выбор России" казались таковыми. Настолько перекосили мозги простенькие сказки о демократии, придуманные "шестидесятниками" и подхваченные реформаторами!

* * *

Галерея портретов брежневской поры органически была продолжена современными деятелями ельцинского призыва. Чтобы не поперхнуться от отвращения, их безопаснее изучать внешне, не заглядывая слишком глубоко в потемки душ.

Вот несколько картинок с натуры. С какой неподражаемой гневливостью на лице выступал Президент Ельцин! Если он улыбался, то его состояние лица можно было определить лишь скользким словом "осклабился". Как самозабвенно занимался красивым, но бессмысленным политическим пинг-понгом его временный любимец Е. Гайдар! Он смел учить других, как им жить, не имея никакой способности к оценке собственных поступков, и получил в конце концов точную и всеобъемлющую оценку своей личности: "щенок". С каким пафосом другой президентский любимец с трупоподобным лицом Г.Бурбулис воздевал свой кулачок и провозглашал жизнеутверждающие лозунги! Этому теоретику "научного коммунизма" на практике довелось доказать, что цели и средства политики можно тасовать, как карточную колоду, и играть ими, как краплеными картами. Как весело барахтались в проруби жирные моржи - Попов с Лужковым! Ледяная вода не охлаждала их мании разрушительства.

Не станем ли мы в скором времени препарировать биографии, речи, повадки ведущих российских политиков образца 1990-1993 гг., отыскивая в них подтверждение безумия этих политиков и причины наших несчастий, как это сделано с биографиями и речами Сталина и Гитлера?

Снова предоставим слово Фромму: *"Нередко демагог, стоящий по эту сторону границы, за которой уже начинается психоз, спасает себя от безумия, заставляя считать "нормальными" те идеи, которые еще вчера расценивались как бред."*

Разве, например, не безумием был беловежский сговор, развaливший СССР лишь ради того, чтобы ссадить Горбачева с президентского кресла? Вот так, из одной только мести за интеллектуальное превосходство, решиться взрезать вены единому экономическому пространству?! Это доступно только безумцам, возомнившим себя политическими гениями. Ельцин в своей книге пишет, что трудные решения надо принимать легко. Не иначе как после бани?

Ельцин в своих "Записках президента" пишет еще и так: *"В отличие от большинства демократов, я догадался, что угроза диктатуры исходит не только из окружения "Горби", но и от него самого. А это уже было по-настоящему страшно."* Испугавшийся либо застывает в ступоре, либо очертя голову хватается за первое попавшееся решение. Так было и с Ельциным: под руку ему попалось нечто знакомое из номенклатурной биографии - разрушительный удар, сметающий все, смешивающий все фигуры и глушащий партнера по политической многоходовке ударом по

голове.

Да, завирально-либеральными идеями нас смутили и заставили на короткое время обезуметь, предоставив власть потенциальным обитателям психбольницы. Они развернулись и воспрянули духом, кое-кто из них даже от расстрела парламента испытал "эстетическое удовлетворение".

Рецепт от безумия общества - презрение к безумной, бездуховной, бессовестной власти. Презрение к разглагольствующим о нравственности лакеям режима, прибравшим к рукам привилегии КПСС, к трусливым "центристам", вспомнившим практику "колебания вместе с линией", к лживым газетам, соревнующимся в разрушении нравственности, к навсегда испуганным прокурорам и судьям, потеющим над оправданиями беззакония, к "деятелям культуры", с печальной нотой в голосе рассуждающим о неизбежности издевательств над народом России...

С собственным безумием мы справимся, если не позволим ИМ разрушить Российское государство. Пока существует Россия, не все еще безнадежно.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Каждого из нас фактически подвергают своего рода тестированию: достаточно ли мы безвольны, окончательно ли выжили из ума, готовы ли притвориться умалишенными и тем уберечь собственную шкуру? Мы проходим тест по экономике, в котором ответы заранее подсказаны, а свидетельством сумасшествия будет совпадение всех ответов с подсказками. Ведь именно техническая сторона реформ - это нагромождение никем не доказанных (а чаще всего давно опровергнутых) тезисов.

Говорят, мы строим рыночную экономику (как когда-то строили коммунизм). Рынок - это в том смысле, что ОНИ (кто делает реформу) хотят жить по западным стандартам. Для остальных фабрикуется миф о Свободе: свободные цены, свободная конкуренция, свобода торговли... Осталось только согласиться, выдать аванс доверия тем, кому кажется, что он знает, как и что нужно делать для воплощения идеи Свободы, и все покатится само собой к благоденствию и изобилию.

Считающий себя корифеем рыночной экономики К. Боровой (см. главу "Российские наполеончики") следующим образом пропел гимн свободе в своей книжке: *"Только по-настоящему свободные люди способны создать общественный договор, где каждый свободен в отдельности, действительно свободен. И самое ценное в таком договоре - свобода одного человека. Именно такая свобода - высшее благо и единственная цель существования людей"*.

Такое понимание свободы противоречит не только всей культурной традиции России, предполагающей своеобразный сплав личной свободы и ответственности перед обществом и государством, но и всей истории человечества. Последняя показывает, что именно жертвенностью подвижников и самоотречением героев рождались и выстаивали под напором стихий и завоевательных набегов государства, способные хранить, усваивать и расширять культурное наследие человечества.

Западные мыслители совершенно иначе ставят вопрос о свободе, подчеркивая все время, что оборотной медалью свободы всегда является

ответственность. *"Либералы говорят о необходимости максимального использования потенциала конкуренции для координации деятельности, а не призывают пускать все на самотек"*, - пишет классик западной либеральной мысли Ф. Хайек. Он в то же время отмечает ограниченность сферы конкуренции в экономике и независимость расцвета духовной и культурной среды от степени демократичности политического режима.

А вот что говорил русский мудрец с язвительными наклонностями М. Е. Салтыков-Щедрин (Собр. соч., т. 9, с. 148): *"Свобода, как принцип, действительно признается всеми, и все партии охотно пишут его на своем знамени, потому что привлекательность его освящена преданием. Но те же партии очень хорошо понимают и его растяжимость и знают, что он ровно ни к чему не обязывает. Свобода в этих случаях принимается как нечто отвлеченное, совершенно независимое от того содержания, которым она наполняется. В этом смысле ее допускают действительно очень охотно. Но как только содержание начинает идти в разрез с господствующими мнениями и предрассудками, никому не кажется ни предосудительным, ни нелогичным противодействовать ему не только путем доказательств и опровержений (против чего невозможно и протестовать), но и путем самой простой травли. Самый принцип свободы при этом представляется нетронутым, ибо он заслоняется тем содержанием, которое его наполняет кажется, что попирается в этом случае не свобода, а то учение, которое благодаря ей увидело свет и которое в данную минуту почему-либо считается неблаговременным."*

Исторический опыт предупреждает: повторять "демократия", "свобода", "правда", "согласие" бессмысленно. Жонглирование понятиями без раскрытия их смысла в реальных условиях, сложившихся здесь и сейчас, именно для того и придумано, чтобы "наводить тень на плетень". Пока мы будем играть в бирюльки, номенклатура окончательно монополизирует рыночные механизмы. ОНИ обеспечат себе экономическую свободу, а МЫ сами напялим себе на шею ярмо, упиваясь своей просвещенностью по части экономических доктрин.

Вот слова Наполеона, которые Иван Бунин не случайно приводит в своих дневниках: *"Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. И каким прекрасным предлогом дурачить толпу была для нас всех свобода!"*. Дурачить толпу продолжают и сейчас.

Для того, чтобы очнуться от гипнотических чар ельциноидных "мальчиков", начитавшихся экономических букварей до размягчения мозгов, стоит привести также несколько цитат от столпов западной экономической мысли и понять, что этими чарами нас стремились не убедить, а попросту надуть. Продолжим наши примеры, опирающиеся на радикал-либеральные авторитеты и показывающие, насколько далеко зашло всенародное надувательство.

Крупнейший финансист, общественный деятель и большой друг российских либералов Джордж Сорос в своей книжке "Советская система: к открытому обществу" определяет коренным недостатком в представлении о свободной рыночной системе убеждение в том, что если системе не мешать, то она сама прекрасно справится со всеми проблемами. Сорос, сделав Россию полигоном для своих гуманитарных инициатив, сумасшедшим не сделался. Он понимал (и использовал это понимание), что само по себе преследование частного интереса не приводит к созданию жизнеспособных

систем, а принцип выживания сильнейшего оставил все свои положительные качества еще в XIX-м веке. Наши радикал-либералы этого понять не смогли. Российская и американская номенклатура за это им весьма благодарны.

Словами другого авторитета образованной публики - Генри Форда - можно прокомментировать результативность сегодняшних российских реформ в создании инфраструктуры рынка: *"Спекуляция с готовыми продуктами не имеет ничего общего с бизнесом - она означает не больше и не меньше, как более пристойный вид воровства, не поддающийся искоренению путем законодательства".* Именно такое воровство нам преподнесли как замечательный успех политики Ельцина-Гайдара.

А вот выдержка из работы Людвига Эрхарда, чудом (вовсе не набором элементарных решений!) сотворившим экономическую реформу в ФРГ: *"Избитой экономической истиной является то, что каждый участник экономических отношений может рассчитывать на благополучие лишь в том случае, если и другой участник будет преуспевать. С нищими бизнес не делается"*. Российская номенклатура доказала: наш бизнес не только можно, но и нужно делать с нищими. Только нищие в данном случае воспринимаются не как партнеры, а как источник обогащения, как неизбежные жертвы реформ. Если раньше им (хотя бы чисто формально) принадлежала вся страна, то в условиях либерального предпринимательства им должны принадлежать только нищенские льготы!

Наконец, вот что писал Макс Вебер в "Протестантской этике и духе капитализма": *"... Стремление к наживе, к наибольшей денежной выгоде само по себе не имеет ничего общего с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов,... чиновников - взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей публичных домов и нищих... Капитализм безусловно тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности... Ориентированная на товарный рынок, а не на политическую борьбу или иррациональную спекуляцию, рациональная организация предприятия - ... особенность западного капитализма."* Наши реформаторы ни действующих капиталистических предприятий не сумели создать, ни ввести стремление к наживе в свои разумные рамки - за стены частного предприятия.

Так может хватит считать разорение всего населения России благотворным лекарством от рецидивов коммунизма? Выходит ведь, что нам просто подсовывали дикий Запад вместо цивилизации, склоняя одновременно к отказу от национальных ценностей и стратегических интересов собственного государства.

Презрение к опыту человечества (мы здесь даже не стали расширять набор авторитетов за рамки либеральной идеи), подмена его дешевым суррогатом своего убогого, школярского понимания государственных и экономических проблем, ведут к неизбежному краху. Провал не пугает только "либеральных" реформаторов. Их не пугает этот позор в глазах всего человечества. Их пугает только отстранение от власти.

Воистину безумцы, они не ведали что творили, кому служили, что превращали в пепел! Зато номенклатура отлично видела и видит свои выгоды в деятельности этих безумцев.

РОССИЙСКИЕ НАПОЛЕОНЧИКИ

Российские "наполеончики" - это еще не клинический тип некрофилии. Правда, отдельные симптомы бывают хотя и временным, но ярким показателем того, что с их психикой порой не все ладно.

Вот, например, В. Жириновский. Такой шумный, потеющий перед телекамерами... Без него российскую историю конца XX века уже не представишь. А все выглядит словно карикатура на ослабевшего умом под грузом лет Бориса Ельцина - и статью, и категоричностью, и бессвязностью мыслей Жириновский напоминает лидера российских реформ. Такой же хаос в голове: и путч ГКЧП поддержал, и путч ельцинистов вместе с их Конституцией и договор об общественном согласии с "ельцинистами" подписал, и образ "крутого" оппозиционера принял...

Посылает Жириновскому вызов никому не известный председатель Партии большинства. Вызов не куда-нибудь, а на татами - помериться силами как мужчина с мужчиной. Жириновскому бы презрительно промолчать на эту глупость... Он же отвечает на вызов скороговоркой о готовности только к политическим боям. "Трусит, что ли?" - на такое злорадное недоумение и рассчитан был вызов. Жириновский подвоха не заметил.

Вот Жириновский на парламентской трибуне. Кто-то из демократов орет из зала что-то непотребное. Жириновскому бы съязвить, осмеять оппонента, а он орет в ответ: "Молчать, когда я говорю!" В другой раз он вопит из зала на председателя ФСК, стоящего на трибуне, и получает в ответ холодное: "Встретимся в суде". Получается, что перед нами упражняется в ужимках клоун, кукла, которую всегда можно дернуть за ниточку раздраженного нерва, и она снова вызовет смех в зале. Публике кукла нравится, но только до поры до времени.

Вот тип другого наполеончика - К. Боровой. Это уже что-то очень похожее на Гайдара. Был когда-то у Борового успех - создал он, поймав Фортуну за хвост, Российскую товарно-сырьевую биржу. Это было не так уж трудно: никаких запретов - "твори, выдумывай, пробуй"! И вот на всю последующую жизнь захлебнулся Боровой этим успехом. Он даже книжку "Цена свободы" написал - о себе вдохновенно и восторженно. Главная мысль книжки состоит в том, что таланты из РТСБ, руководимые Боровым, без труда могли бы взять на себя управление всей Россией - только дай! Автор даже не заметил, что на новый лад скопировал у большевиков миф о кухарке, управляющей государством. А еще книга была посвящена Свободе. Такой очень своеобразной "Свободе"...

Одну цитату из книги Борового о свободе мы уже приводили. Приведем еще одну. Свобода Борового - это *"свобода настоящая, которая позволяет считать себя полноценным, сильным и независимым человеком, принимающим решения и несущим за них всю ответственность."* Ответственностью свободного человека, как следует из всего содержания книги, деловой и политической практики Борового, он считает ответственность перед законом (если закон защищает эту "свободу"). Если же закон слаб или вовсе отсутствует, то, согласно учению Борового, все становятся как бы свободнее. Особенно, если карман отяжелен ковбойским кольтом, а грудную клетку распирает решимость доказать другим силой свою "полноценность" - способность плодить биржи или стать Президентом.

Когда закон стал отвердевать, а биржевой произвол хиреть,

метущаяся натура Борового двинула его в политику. Ничего не получалось на этот раз, но все казалось Боровому, что вот-вот что-то наконец получится. Проиграны одни выборы, проиграны вторые, проиграны третьи, в ряды номенклатуры тоже никак не удается вклиниться... Обиделся Боровой, стал сочинять кукольные спектакли про тех, кому завидовал. Для публики инсценировал нападение на свою персону, даже собственного лимузина не пожалел - расстрелял из пистолета и сжег. Все равно никакой реакции. Ни публика вниманием не балует, ни власть имущие не привечают.

Пора бы угомониться. Но Боровой не унимается. Объявляет, что быть ему российским Президентом - и точка. А что если народу надоест упиваться кульбитами Жириновского? Тут как тут Боровой: "Я тоже так умею!"

Лавры президента АО "МММ" тревожили честолюбие Борового, и он решил потягаться с создателем всероссийской рулетки на выборах в Госдуму, проводимых в Мытищах в октябре 1994 г. Выборы проиграл, оппоненту уступил, зато получил возможность перетянуть в свою команду часть массовки МММ, оскорбленной отказом господина Мавроди от своих обещаний на следующий же день после выборов. Тем и продолжал Боровой тешить свое самолюбие...

Оба наполеончика - Боровой с Жириновским - в конце концов нашли друг друга и устроили в Екатеринбурге дебаты, подобные кухонной разборке. Говорили на любимые темы о масонстве, гомосексуализме и мафии...

И как же тесно переплетаются судьбы всей этой мелкой политической мошкары! Жириновский, не желая уступать Партии любителей пива, продолжил свою клоунаду водкой "Жириновский", выпуск которой пришлось продавливать с помощью парламентской фракции ЛДПР. Его друг Боровой вместе со своей Партией экономической свободы договорился с "ДемРоссией" о выдвижении единого кандидата на ближайших парламентских выборах. Гайдар обозвал Жириновского фашистом, а потом по суду был вынужден выплатить за это 500 тыс. рублей ("НГ", 17.09.94). По слухам, строительство особняка для Жириновского спонсирует лужковская группа "Мост"... Все они друг без друга не могут, как не могут обойтись без пива, водки, демократии и свободы. Один из наиболее ярких примеров - поддержка господина Мавроди на выборах одновременно и со стороны Жириновского, и со стороны "деморосов" Якунина и Пономарева.

Российские наполеончики любят друг друга, и нет для них большего удовольствия, чем сунуть друг дружке кулаком в лицо. Символичная ситуация возникла однажды на сессии Моссовета. "Деморос" А. Осовцов и отчаянный коммунист В. Анпилов любовно вцепились друг в друга, суча кулаками и переплевываясь. Остальным депутатам с трудом удалось заставить сладкую парочку заметить неприличную публичность этих страстных излияний.

ОБЕЗУМЕВШАЯ УЛИЦА

Безумие разливается в "толще народной". Зародившись в столицах, оно грязным пятном растекается по просторам России. Визг либерал-демократических кликуш воспринимается людьми с ослабленной психикой как прикосновение к истине. Мозг одемокраченных обывателей, считающих себя интеллигентами, сотрясают "прозрения".

О таких прозрениях написано немало. Но вот одну изумительную цитату хотелось бы привести.

"Боже мой! Как мы ужасно жили! Вот почему мы так ужасно жили! Так жить нельзя!!! Методом свободных ассоциаций, всплыл, кружась и взвихриваясь, весь материал эпохи: письма, сам- и тамиздатовская публицистика, "Огонек" и "Московская трибуна", социологические "открытия", признания стукачей, но-мен-кла-ту-ра,: привилегии, кормушки, книги вскрытые архивы КГБ, разом надвинувшийся на горизонт сознания "Архипелаг ГУЛАГ". Глядя из-под этого "козырька", общественный индивид "прозрел". Но так и не успел подышать вытрезвляющим ветром реальности. Все содержимое бессознательного - весь этот позор, ночной кошмар, грех, виновность, обернувшаяся рудиментарным страхом, потными ладонями и расширенными зрачками - все это дерьмо, хлюпая всосалось в сознание. Но если "там", в подсознании, более ничего нет, то "здесь", "наяву" все позволено. Псих сошел с ума. И начал крушить все подряд. По Фромму, деструктивность - это энергия непрожитой жизни, трансформированная в энергию разрушения действительной жизни." (А. Остапчук, И. Дискин, "Дорогой советский покойник", "НГ", 14.07.94).

Вот мы снова вернулись к Фромму, предупреждающему об опасности некрофильских, разрушительных элементов психики, всплывающих на поверхность сознания в переломные, кризисные моменты истории. Он писал так: *"Вряд ли стоит говорить, что ярко выраженные некрофилы опасны. Они преисполнены ненависти, расистских предрассудков, движимы жаждой войны, крови и разрушения. Они опасны не только в роли политических лидеров, но и в качестве исполнителей "черновой работы" на службе любого диктаторского режима. Без них не смогла бы функционировать ни одна система, основанная на терроре и насилии. Но и умеренные некрофилы тоже играют важную роль в политике. Не будучи на первых ролях, они тем не менее, необходимы режиму, так как составляют его опору в массах."* Вспомним о наших боксерах-шнейдерах.

Сколько одержимых миражами ходит сегодня среди нас! Одни ратуют за свободный рынок, не смысля в этом ничего, кроме азбучных прописей из сочинений газетных шакалов другие ломают шапки перед "серпасто-молоткастым" красным знаменем, решив с чего-то, что нет более патриотичного символа, третьи поклоняются золотому тельцу, не замечая деградации собственных детей... До конца рехнуться им не дают бытовые заботы, но неустойчивая психика уже поддалась пропагандистскому нажиму, и мозги уже слегка съехали набекрень. Причем симптомы "сдвинутости" вполне идентичны даже при тотальном (а по существу мнимом) идеологическом противостоянии. Разница только в том, что одни готовы без достаточных мотивов бросить в лицо с "образом врага" слово "фашист", а другие что-то вроде "жидомасон".

Венгерский социопсихолог Бела Хамваш замечал: *"Чем дальше мысль от истины, тем сильнее тянется к ней толпа... Сущность толпы не зависит от поведения отдельных лиц и заключается в том, что толпа всегда бессознательно, то есть легко верит, всегда одностороння, реакционна, деспотична, тупа, темна, истерична: она не в состоянии взвешивать и судить, ее легко убедить, еще легче руководить ею и обманывать ее."* Действительно, в толпе человек не в состоянии понять смысл своего существования, исторической судьбы народа и основной своей

задачей делает поиск врага.

Да, безумным политикам, лишенным существенных фрагментов психики, формирующих социальное поведение, удалось обратить часть населения России в безумную толпу, заставить на минуту поверить в гениальность нравственных уродцев, в их знание истины. Но разве кто-то в здравом уме голосовал за убийственную "либерализацию" цен, разве кому-то из "властителей дум" давали санкцию на бесконтрольную власть, позволяли развалить и разграбить государство? Конечно, голосовали не за это, а за надежду на лучшее. Нас обманули, и понимание своей вины за готовность быть обманутыми должно вернуть нас к нормальному критическому мироощущению.

Источник безумия общества находится в обезличивании граждан, в превращении их в толпу. Следовательно, рецепт против безумия содержится в обратном процессе - гражданин должен стать личностью и нести бремя ответственности и свободы. Это и путь к личному спасению.

Только личность в силах противостоять безумию прорвавшихся к власти некрофилов и распознавать их еще на подходе к власти. Фромм пишет: *"Наивная уверенность в том, что порочного человека легко узнать, таит в себе величайшую опасность: она мешает нам определить порок до того, как личность* (порочная "личность" с разрушительными наклонностями - А. К.) *начнет свою разрушительную работу..."*

Иммунитет к идеям безумцев, нравственных калек и хитроумных проходимцев особенно важен сегодня, когда в обществе расплодились сотни потенциальных фюреров с самыми разнообразными политическими декларациями.

Пока же именно в Москве податливость и даже падкость населения на выкрутасы полоумных политиков особенно видна. Возникает особый гражданин, отличающийся от остального населения России, и формирующий подобие "малого народа". Это обычно широко начитанные люди, которые почти ничего не знают о реальной жизни. Это люди, отягощенные специальными знаниями, но разучившиеся самостоятельно мыслить вне своей профессии, разучившиеся мыслить как граждане. Это люди с претензиями на богатый внутренний мир и высочайшую самооценку. Именно этот человеческий тип обеспечил наполнение выборных органов власти (точнее полувласти, "околовласти" или даже "безвласти") "гайдаровцами", "ельцинистами", радикал-либералами и проч.

С. Говорухин так сказал об ополоумевшей московской публике ("Правда", 16.03.94): *"Ведь Москва сегодня - это не Россия. Это общепризнанная столица не России, а криминального мира. Здесь уже половина населения (как минимум!) или ворует, или пошла в услужение к иностранцам. Да что говорить про жителей этого города, если толпы москвичей радовались, аплодировали при каждом разрыве снаряда внутри "Белого дома", где находились десять тысяч их сограждан, в том числе женщины и дети. А когда президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов и Президент Ингушетии Руслан Аушев шли к "Белому дому" под белым флагом, чтобы вывести оттуда женщин и детей, толпа плевала в них, улюлюкала, кричала: "Ну ты, калмыцкая морда!.." Нет, такой город - не мой город."*

ТИСКИ НОМЕНКЛАТУРЫ

Верно сказано: "Красно-коричневые нам не угрожают. Они нами правят". Они предпочитают представляться то убежденными коммунистами, то либералами и "радикальными демократами", то в их речах вдруг вспыхивает патриотический огонек. Среди них может одновременно присутствовать и сионистский душок, и мода на щеголеватый "светский" антисемитизм. Они могут на праздник в церкви со свечкой постоять и одновременно любить порнографический "Московский комсомолец". Они могут твердить о законности и дружить с уголовниками. Такие разносторонние люди!

К разнообразию их подталкивает сложность переломного момента. Они уже сломали хребет стране и еще не знают как он срастется. Поэтому и страхуют себя на всякий случай, стараясь сыграть беспроигрышную партию. Это не случайные люди, вроде Гайдара. Они не собираются оставлять свои кормушки, меняя их на скромные шансы "войти в историю" среди дымящихся развалин. Развалины будут дымить где-то за океаном, а номенклатурный реформатор будет нежиться под ласковым солнцем зарубежного пляжа.

Либеральная номенклатура не против развалин, она за развалины. Чем больше потребности в личном обогащении, тем больше разруха. Номенклатура готова втоптать в грязь, дать разворовать общественного богатства на миллиарды, чтобы наполнить свои карманы миллионами. Это и есть их Свобода.

Если традиционная брежневская коммунистическая номенклатура хранила свой статус тем, что прятала от публики свой разгул и блуд, ограждала страну от проникновения более сильных конкурентов с Запада, то либерально-коммунистическая номенклатура стеснение отбросила. Теперь для потерявших стыд все позволено. Ничего, что полстраны считает реформы разбоем! Ничего, что составами вывозится из России все ценное - вплоть до мозгов! Это их Свобода!

Номенклатура российской либеральной демократии душит в своих объятиях Россию. Словно тисками перехватила она сознание граждан, выжимая из него вековые представления о Правде и Справедливости (это они называют "по капле выдавливать раба"). Возникает вопрос, свихнется ли гражданин России окончательно, или номенклатура сорвет резьбу своей чудовищной пропагандистской машины? Скорее всего сознание народа все-таки устоит, а номенклатурным трубадурам придется уже хором кричать: "Россия, ты что, сдурела?!". Когда этот хор станет повсеместным, значит МЫ начали выздоравливать.

* * *

Первая годовщина августовского путча была достаточно многолюдной. Вторая - в период "артподготовки" Ельцина против парламента - собрала два митинга всего по три тысячи человек: митинг радикальных "демократов" и митинг радикальной оппозиции. На празднование третьей годовщины к Белому Дому пришло всего 200 человек ушибленных любовью к Ельцину. Для того, чтобы они смогли организовать подобие митинга, ОМОНу пришлось очистить площадь от 2000 человек, протестовавших против "наезда" властей на всероссийскую рулетку - АО "МММ".

Мятеж номенклатуры - это неповиновение чиновничества закону, это процесс ограбления России союзом старой и новой бюрократии, это необъявленная диктатура под лозунгами демократии, это установление монополии чиновнических кланов на использование рыночной экономики, это формирование двуполюсной политической среды, оправдывающей насилие. Для мятежа требуется разнуздание насилия, хаотическое его применение, отказ государства от обязательства защищать гражданина от произвола.

Какой же мятеж без силы? Держать в руках аппарат насилия и противодействовать всякого рода мятежам - естественная функция государства. Извращение этой функции состоит в том, что аппарат насилия в России блюдет не государственные интересы, а, прежде всего, интересы номенклатурного слоя. На переломе времен это извращение становится существенным моментом в выборе дальнейшего пути общественного развития. Номенклатура делает этот выбор, а люди в погонах, привыкшие подчиняться приказам и считающие все свои действия защитой Отечества, помогают загнать массу невооруженной публики на тот путь, который указывает номенклатура.

История многому научила номенклатуру. Например, достоверно известно, что военные умеют точно выполнять только знакомые приказы. А приказ бить и убивать людей в мирное время - не может быть знаком, и его выполнение не может быть доведено до автоматизма. Поэтому черновую работу должен выполнить кто-то другой - не армия. Этому служат натасканные спецчасти мастеров по части грязных дел.

В этой части книги мы предлагаем взглянуть на то, как готовилась силовая опора мятежа номенклатуры, какой "материал" для этого был применен, какой пропагандистский нажим осуществлялся на психику граждан России.

СИЛОВЫЕ РЕЗЕРВЫ НОМЕНКЛАТУРЫ

С ЧЕГО НАЧИНАЛСЯ ОМОН

Программа развертывания спецподразделений была начата еще "при прежнем режиме". Инициативу КПСС быстро подхватили "демократы", сделавшие ОМОН и московскую муниципальную милицию своим жандармским корпусом.

В каком же виде родился московский ОМОН? В качестве иллюстрации приведем одну историю, которая случилась с автором на исходе лета 1990 г. Тогда еще никто не знал, что скоро будут без разбора колошматить людей на улицах столицы, расстреливать в упор безоружных граждан из автоматов, устраивать пытки в отделениях милиции. Тогда все было почти обыденно и прозаично...

Мне довелось проводить проверку работы ярмарки, что находилась в Лужниках и была объектом товарного ажиотажа. После ряда звонков в депутатскую комиссию по поводу безобразий на этом базарном пятачке, я решил посмотреть на торговлю с близкого расстояния.

И вот картина: наряд милиции, обеспечивавший порядок у одного из магазинов, осаждаемых огромной толпой и разветвленной очередью, пропускает через ограждения прямо ко входу молодого человека. Через минуту он выходит из магазина с большим свертком и в сопровождении милиционера направляется прочь. Пара мирно беседует и обнюхивает парфюмерию, не замечая моих любопытных глаз. В закоулках ее ждет автобус и еще два милиционера, готовых делить улов.

Появление депутата в автобусе при разложенном товаре и алчно горящих глазах вызывает короткий шок и немую сцену, а потом невнятные оправдания, вроде того, что молодой человек просто зашел показать покупки. (У нас это принято - делиться с милицией радостью обретенного!) Потом стражи порядка постарались рассеяться в разных направлениях, не обращая внимания на мои требования представиться.

Записав номер автобуса, я вернулся к магазину и снова увидел "сладкую парочку": милиционера, упаковывающего товар, и гражданское лицо рядом с ним, по видимому, точно так же, как и в предыдущем случае, обеспечившее вынос товара из магазина. Ведь несун в форме - это как-то неудобно. Мое приближение к парочке было предупреждено одним из участников предыдущего эпизода по рации и торговый альянс быстро самоликвидировался.

Письмо с изложением этой ситуации было направлено в районное управление внутренних дел. Ответ, пришедший через месяц, был в таком духе: ты мне про Фому, я тебе про Ерему. Мол, провели совещание по недостаткам в работе, а в автобус доставляли нарушителей правил торговли на ярмарке.

Второе письмо в адрес руководства московской милиции должно было изобличить вранье и привлечь врунов и проходимцев в милицейской форме к ответу. Ничуть не бывало. Ответ из ГУВД лишь открыл маленький секрет: врунами и проходимцами оказались работники специализированного подразделения - ОМОН. А результат депутатского беспокойства таков: сержант получил выговор, лейтенант привлечен к "товарищескому суду чести

среднего начальственного состава", а начальник отдела РУВД, направивший уклончивый ответ, "обсужден на оперативном совещании по месту службы". Вот и все.

По соображениям здравого смысла, берущие мзду за свою службу должны были быть привлечены к уголовной ответственности и лишены возможности работать в милиции. Этого не получилось. Подлая система хранила своих подлецов. Но и достигнутый депутатским письмом чахлый результат можно считать феноменальным, потому что уже через полгода на любые депутатские обращения вообще перестали отвечать. ОМОН становился неуязвим и вездесущ. Его готовили к настоящей "работе", к работе мастеров заплечных дел. Нужно было только отобрать наиболее циничных и жестоких.

Номенклатура справилась с задачей. Негодяйские батальоны верно служили ей и кроваво расправлялись с ее противниками.

В 1994 г. у омоновских гнезд можно было в явном виде зафиксировать плату номенклатуры за жандармские услуги. Многочисленным импортным лимузинам омоновцев не хватало места.

НАЕМНИКИ

Раньше наемники райкомов КПСС с блеском умели организовывать митинги, демонстрации и шествия "за власть Советов". После того, как КПСС приказала долго жить, ее опора - хозяйственная номенклатура - быстро отмежевалась от идеологических догм и направила своих ландскнехтов на защиту своих имущественных привилегий.

В это время Советы (особенно в Москве и Питере) принялись активно мешать хозяйственной элите строить свое баснословное благосостояние. Действиям Советов были противопоставлены наемники номенклатуры, предпринявшие силовые акции против избранных народом Советов. (О захвате зданий районных Советов Москвы и купленных демонстрантах мы уже упоминали в разделе "Невидимый фронт".)

Создание военизированных бригад - давнее увлечение московской бюрократии. Одно из характерных проявлений этого увлечения - передача помещения, выделенного ранее центру детского творчества "Полянка", Федерации молодежных правоохранительных клубов, занимающейся в основном охраной коммерческих киосков и унаследовавшей комсомольскую непосредственность от клуба "Юный дзержинец". Федерации было предоставлено право использовать помещения бесплатно, несмотря на то, что аренда квадратного метра составляла тогда примерно 500 рублей ("Куранты", 23.09.92). Боевики хорошо чувствовали свою безнаказанность. Во взаимодействии с префектом Центрального округа Музыкантским и начальником ГУВД Мурашевым, они проверили свою боевую выучку во время нападения на Октябрьский райсовет ("Правда", 05.09.92). Прокуратура, даже получая тумаки от номенклатурных наемников, предпочитала помалкивать.

С течением времени в административных округах Москвы были созданы так называемые группы быстрого реагирования, экипированные бронежилетами, щитами, дубинками, автоматами и "Черемухой". И все это не против бандитов, а против безоружных граждан. Именно с таким снаряжением вышли птенцы Мурашева против многодетных семей,

захвативших дом № 10/2 по Нагатинскому проезду. Расправа была зверской ("ВМ", 16.10.92 "Дума", № 7, 1992). Бить беззащитного, бить до смерти - вот чему учились ландскнехты номенклатуры. И выучились.

Наемники номенклатуры вовремя проявляли свою решимость применить насилие в отношении своих политических оппонентов. Насильственные акции против депутатов Моссовета никого не удивляли уже в 1991 г. Скорее всего потому, что эти акции были спланированы и одобрены той же самой номенклатурой. А власть ее была уже настолько сильна, что даже изображать удивление не было нужды.

Цепь насильственных акций была начата нераскрытым убийством депутата Ю. И. Максимова, проводившего расследование финансовых операций при строительстве Северной ТЭЦ еще в 1990 г. Дело милицией было закрыто за недостатком улик.

Потом были и другие истории, в которых действие или бездействие милиции само по себе являлось преступлением. В подъезде своего дома был избит депутат Г. Иванцов, распутывающий мафиозные дела в строительном комплексе. Неоднократные нападения осуществлялись на депутата А. Бабушкина, ведущего правозащитную деятельность. Бандитские нападения едва не стоили жизни депутатам В. Бушеву (получил несколько ударов ножом) и П. Жукову (несколько месяцев залечивал травмы лица). Пресса написала про заместителя председателя Фонда имущества Москвы депутата О. Ахинина, что он пришел на сессию "с красиво забинтованной головой". Это произошло после того, как он получил удар по голове металлическим прутом. Уже после роспуска Моссовета нападения на бывших депутатов продолжались. Один из бывших депутатов убит на собственной даче, другой едва остался в живых после бандитского нападения... Криминальщина настолько перемешивалась с политикой, что разобраться в мотивах нападений на депутатов совершенно невозможно.

Как-то первый зам Лужкова К. Буравлев сказал совершенно наивную вещь: мол, бизнесмену нужна помощь города, иначе бизнес уйдет под защиту криминальных структур ("НГ", 01.12.93). Захлопнув рот, он наверняка уже знал, что соврал. Ему ли не ведомо, что и бизнес, и сама городская администрация формировали свои силовые резервы именно из криминальных структур? Ему ли было неизвестно, что особый отряд номенклатурного войска составили незаконные регулярные части, закамуфлированные под охрану коммерческих структур. Родная для Лужкова группа "Мост" к началу 1994 г., по признанию ее генерального директора, имела численность службы безопасности около 1 тыс. человек. Головной офис фирмы находился под боком у мэра и занимал в бывшем здании СЭВ несколько этажей. Помимо того, группа "Мост" начала полуофициальный подкуп московской милиции, учредив Фонд помощи отделу по борьбе с организованной преступностью. Во время октябрьских событий 1994 г. группа "Мост" мобилизовала 200 своих головорезов, которые участвовали в штурме Белого Дома и охраняли тело московского мэра ("Кто есть кто?", № 3, 1994).

Лужковым была придумана примечательная система финансирования правоохранительных органов. Любая криминальная структура, возжелавшая получить влияние на московскую милицию, могла зарегистрировать благотворительный фонд соответствующей направленности. Таких фондов в Москве было зарегистрировано около двадцати, а в попечительский совет правоохранительных органов вошел не

только хозяин "Моста" В. Гусинский, но и еще 30 руководителей крупных коммерческих структур ("ЭиЖ-М", № 17, 1994). Другой вариант - финансирование милиции не из бюджета, а напрямую - через коммерческую структуру, создаваемую московской администрацией. Для этой цели создается гостиничный комплекс, от прибыли которого ГУВД будет получать около 25%. Это уже не просто охрана коммерческих киосков в свободное от милицейской работы время. Здесь отрабатывается вариант полного поглощения милиции и превращения ее в одну из наемных организаций криминального мира.

В апреле 1993 г. достоянием гласности стала история с дорожно-транспортным происшествием, в котором участвовал мэр Лужков в сентябре 1992 г.. Случайного автомобилиста машина сопровождения просто вышибла с дороги, не жалея ни своей, ни чужой техники. Машина с мэром даже не остановилась, унося главу города по неотложным делам. Потом пострадавшему отремонтировали его "Жигули", да еще впридачу из государственного гаража выдали новенькую "Волгу". Милиция дело похоронила. Попутно выяснилось, что к телу мэра постоянно приставлена пара головорезов, числящихся в штате муниципальной милиции ("НЕГ", 11.04.93). В 1994 г. подобного рода эпизод повторился снова, но о подробностях теперь не сообщалось.

Подмосковная дача Г. Попова по приказу все того же А. Мурашева должна была охраняться московскими милиционерами ("Ъ", № 4, 1992). И. Заславский, решивший привлечь к суду газету "День", явился для отправления правосудия в сопровождении отряда телохранителей, численностью до двух десятков человек ("Оппозиция", № 2, 1993). Похоже, что бывшие демократы не могли жить без приставленных к ним штурмовиков. Такого и не снилось столичным наместникам КПСС.

"Демократия" быстро срослась с преступностью. Известен, например, такой факт. В октябре 1993 г. раздачей оружия и организацией "демократических" баррикад у Моссовета руководил уголовный авторитет. Несколько позднее его свои же порешили, но вовсе не по поводу взглядов на права человека.

В 1994 г. фактом жизни в России стал террор. О покушениях на депутатов, убийствах общественных деятелей и коммерсантов, угрозах журналистам газеты сообщали чуть ли не каждый день. Заложенные в предыдущие годы процессы заработали вовсю. Наемники номенклатуры становились самостоятельной силой, взявшейся за устройство России под свои криминальные привычки и воровские законы.

Наступила их "демократия" и их "свобода".

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Шквал преступности, обрушившийся на столицу в 1991-1994 гг., принято объяснять экономическим кризисом и снятием тисков тоталитаризма. В действительности, криминальная среда теневых экономических и политических комбинаций номенклатуры начала срастаться с уголовным миром. Уголовщина становилась фактором, определяющим жизнь Москвы, а потом и России.

Вот несколько штрихов к сложившейся ситуации. В 1992 г. в России

было зарегистрировано 14,5 тыс. неопознанных трупов (Общая газета, № 1, 1993). По официальным данным только за первое полугодие 1993 года в столице было совершено около 310 тыс. преступлений. Из них 602 убийства и 901 тяжкое преступление, 4052 угона автомобилей. Зарегистрировано 10 столкновений между вооруженными бандами (Коммерсантъ-Дейли, 29.07.93). Милицией в 1993 г. было изъято 710 единиц огнестрельного оружия, из них 356 - нарезного, 114 - гладкоствольного, 249 - самодельного. Плюс к тому у бандитов изъято 376 гранат и 13 гранатометов ("ВМ", 12.08.93). Если в России за весь 1993 г. было зарегистрировано около 300 криминальных взрывов, то треть из них пришлась на Москву ("Экстра-М", 05.04.94). За 9 месяцев 1994 г. в Москве совершено 900 умышленных убийств и ежемесячно регистрировалось 40 террористических актов с применением взрывчатки ("НГ", 16.11.94).

А между тем, в Москве один милиционер приходился на 627 жителей, в то время как в Ленинграде - на 1486, в большинстве республиканских городов - на 1,5-2 тыс человек ("Куранты", 06.12.90). В дальнейшем обеспеченность милицией (при постоянных жалобах на некомплект кадров) для столицы оставалась наиболее благоприятной. Но номенклатура вовсе не собиралась бороться против преступности. Она, наоборот, врастала в преступную среду, объединялась с ней.

Полууголовная власть и вооружалась по криминальным законам. Тот же А. Мурашев в свое время вооружил верхушку московского и российского правительства. Примечательно, что регистрационное удостоверение на право ношения оружия за № 1 вручено Б. Ельцину, ну а следующий номер - у Г. Попова ("МК", 09.10.92). Поразительная близость! Теперь мы с уверенностью можем утверждать, что пощечина подлецу может обернуться пулей в живот из мурашевского пистолета.

Нельзя не вспомнить, что по личному распоряжению Ельцина была прекращена проверка деятельности московского правительства, назначенная Главным государственным инспектором Ю. Болдыревым. Президент лишь подкрепил своей подписью распоряжение Лужкова, разосланное префектам и содержащее указание не выдавать комиссии Ю. Болдырева никаких материалов. Попытка сбора компромата на мэрию была представлена как подрыв основ демократии.

Симптоматично, что пришедшие к власти "демократы" пальцем не пошевелили, чтобы дать возможность распутать клубок кремлевского дела, ниточки которого были ухвачены следователями Гдляном и Ивановым. Скорее всего, это произошло оттого, что новоявленные государственные мужи сами запутались в этот клубок. Например, фирма "Сеабеко" стала широко известна в связи со взаимными обвинениями в коррупции в высших органах власти весной-летом 1993 г. Но еще раньше эта фирма обосновалась на Петровке, 19 в здании, принадлежавшем ГУВД. Раскинулась привольно - на целый этаж. Шеф ГУВД Москвы П. Богданов в те времена не гнушался брать деньги у первых совместных предприятий для оплаты своих поездок по заграницам и для начальственных иномарок. Известны его контакты с СП "СовКувейтИнжиниринг". А потом П. Богданов просто перешел на работу в фирму "Сеабеко".

Криминальный авторитет О. Квантришвили, застреленный весной 1994 г. наемным убийцей, был известен своими связями с московской милицией. В созданной им ассоциации "XXI век" нашел свое пристанище 1-й

зам начальника ГУВД (чуть ранее бывший советником Лужкова - "ЛГ", 10.06.92). Брат О. Квантришвили был сотрудником МУРа, но без помехи был принят и в воровской среде. Сам О. Квантришвили не раз публично хвастался дружбой с начальником ГУВД В. Панкратовым, мэром Лужковым и Е. Гайдаром. Случайно ли Б. Ельцин телеграфировал влиятельному мафиози о своих соболезнованиях в связи с убийством его брата ("РГ", 12.04.94)?

В. ПАНКРАТОВ

Назначен на должность начальника ГУВД вместо А. Мурашева летом 1992 г. До этого был начальником одного из РУВД Москвы, потом работал в службе охраны общественного порядка, а затем возглавлял московское ГАИ. До назначения на должность начальника ГУВД полковник Панкратов никаких особых достижений по службе не имел. Разве что "гаишной" хамской хватки можно было ожидать от нового начальника. Так оно и получилось.

Кровопускание при Панкратове стало привычным делом в Москве. Те, кто должен был граждан защищать, привыкали их бить. В октябре 1993 г. они стали не только бить, но и стрелять. В. Панкратов был одним из наиболее активных организаторов расстрела защитников Белого Дома.

Случайно ли бывший депутат Моссовета и активнейший сторонник Лужкова полковник милиции В. Максимов после разгрома представительных органов власти в 1993 г. моментально нашел себе место работы в НИИ МВД, а потом столь же моментально перебрался в Городскую Думу на место ее председателя, не успев оставить прежней работы ("НГ", 12.01.93)? Как-то раз на заседании он мрачно намекнул своему коллеге депутату Гордумы Московченко, что опасается за его здоровье. Через три часа депутат был изрешечен пулями и едва остался жив. Здоровье его оказалось под угрозой, видимо, потому, что Московченко добивался переизбрания такого незаменимого для номенклатуры думского спикера. "Случайностей" настолько много, что они превращаются в закономерность. Москва становится столицей криминального мира.

Криминализация власти шла не только напрямую - через поддержку преступных группировок и мафиозных кланов, но и косвенно - через создание условий для буйного расцвета преступности. Так, с легкой руки того же Б. Ельцина, международный Шереметьевский аэропорт стал свободной экономической зоной, которой на паях владели Москва и область. Если область входила в долю землей, то Москве надо было вложить немалые финансовые и материальные ресурсы. Что же из этой затеи получилось, что получила Москва? Зону вокруг аэропорта поделили на куски и сдали в аренду. 12 юридических лиц, каждый по-своему, начали разрабатывать доходную территорию. Система управления была окончательно подорвана. Это сразу почувствовали криминальные структуры, которые стали еще одним хозяином аэропорта. Концентрация огнестрельного и холодного оружия выросла в Шереметьево неимоверно ("Тверская-13", 10.06.93). За год ограбленные пассажиры предъявили претензий на сумму в 149 млн. рублей (возместили им только 5,4 млн.) ("МК", 09.06.93). Никого, кто бы понес ответственность за размах криминальщины, найти невозможно. Очевидно, "ответственные лица" сидят слишком высоко и пользуются развалом правоохранительной деятельности в своих интересах.

Срастаясь с экономической и уголовной преступностью, деятельность номенклатуры могла расширятся только вместе с криминализацией правоохранительных органов. Московская милиция должна была избавляться от честных профессионалов, милиционеры должны были влачить жалкое существование, если отказывались прислуживать преступникам, высшее руководство милиции должно было быть повязано ответственностью и с уголовниками, и с политическими авантюристами.

НОМЕНКЛАТУРА БОРЕТСЯ ЗА ВЛИЯНИЕ

Силовые структуры нужны номенклатуре, чтобы использовать их против населения и особо бойкой оппозиции. После августа 1991 г. номенклатурные деятели упорно пытались доказать, что "хотят сделать как лучше, а получается как всегда". Т. е. "не корысти ради" совершается подготовка к массовым репрессиям, а лишь ради стабильности в государстве и борьбы против преступности. О том, что все это лукавство, говорят слова, случайно вырвавшиеся у Г. Попова на одном из митингов: *"Надо полностью игнорировать уроки сталинских репрессий, осуществлявшихся независимой от всех Советов полицией, чтобы соглашаться с выводом милиции из-под контроля депутатов Моссовета".*

А теперь посмотрим на историю того, как Г. Попов и прочая номенклатура из кожи лезли вон, чтобы избавить милицию от всякого контроля представительной власти, подчинить ее лично себе и превратить в репрессивный жандармский корпус.

Комиссия Моссовета по законности и защите прав граждан была, по всей видимости, единственной депутатской структурой, с самого начала своего существования и до роспуска Моссовета действующей не по указке номенклатуры. Самостоятельная позиция комиссии выразилась в активном поиске путей кадрового обновления московской милиции. Согласно действующему в то время законодательству, председатель Исполкома должен был по согласованию с МВД представить сессии Моссовета кандидатуру начальника ГУВД. Поэтому депутаты стремились использовать закон, чтобы найти для московской милиции достойного руководителя.

Комиссия требовала от действующего начальника ГУВД (осень 1990 г.) П. Богданова, чтобы он пришел на заседание комиссии, требовала от Лужкова представления кандидатуры, которую депутаты могли бы обсудить, обращалась с запросами в МВД СССР и РСФСР. Все было тщетно. Должностные лица игнорировали требования депутатов и законодательство.

В этих условиях комиссия по законности принимает решение о самостоятельном подборе кандидата на должность начальника ГУВД. Таких кандидатов набралось полдюжины, и две недели депутаты тщательно взвешивали их достоинства и недостатки. Бесспорным лидером в этой группе оказался генерал В. Комиссаров, в послужном список которого отражена многолетняя борьба против бандитизма и коррупции в Волгоградской области, где он прошел путь от рядового оперативника до начальника управления областного уголовного розыска. Потом, находясь на посту министра внутренних дел в Северной Осетии, он посадил на скамью подсудимых председателя Верховного Суда и генерального прокурора этой республики. Ниточки крупномасштабного мафиозного дела вели в Москву и

грозили высшим партбоссам КПСС. Поэтому В. Комиссарова снова повысили в должности и убрали из Осетии на пост заместителя начальника уголовного розыска СССР, а потом направили работать в Академию МВД. Кандидатуру Комиссарова комиссия и рекомендовала для утверждения в должности начальника ГУВД второй сессии Моссовета 23 ноября 1990 года.

Моссовет посвятил работе ГУВД целый день своей работы, задержавшись на сессии до позднего вечера. Богданова от должности депутаты отстранили. Состоялось и тайное голосование по кандидатуре В. Комиссарова. После объявления положительных результатов голосования (251 голос за утверждение Комиссарова) С. Станкевич, забыв прикрыть рукой микрофон, через который велась запись для телевидения, произнес: "По-моему, здесь какой-то мухлеж...". Поскольку время было уже позднее, утвердить протокол счетной комиссии предстояло после выходных. Это дало возможность номенклатуре собрать силы.

Первым включился в номенклатурную игру С. Станкевич, который дал интервью журналистам, негативно оценил наступательный напор депутатов. "Вечерняя Москва" (26.11.90), написала о том, что истеричные депутаты пытались антизаконно "протащить" своего кандидата. В том же духе выступила и "Московская правда" (все та же Т. Цыба!), заодно представив П. Богданова невинным мучеником. Еще днем позже в операцию подключился и "Московский комсомолец". Давление на мозги общественности было обеспечено. Осталось надавить на депутатов.

Утром 26 ноября, несмотря на то, что вопрос уже вроде бы решен, Г. Попов выступил с гневливой речью. Он обвинил депутата, предположившего, что Комиссарова поддерживает сам Ельцин, в политической провокации. "От имени и по поручению" Ельцина Г. Попов заявил категорический протест и потребовал провести расследование факта дезинформации. Далее Попов зачитал письмо министра внутренних дел СССР Бакатина, который был совершенно не в курсе дела: *"МВД СССР крайне встревожено абсолютно беспрецедентным событием, произошедшим на сессии Моссовета 23 ноября. С неоправданной поспешностью, без анализа и сколько-нибудь серьезных аргументов была предложена отставка т. Богданову. В вину ему было поставлено, что он не явился 5 ноября на комиссию. Вы знаете, что я просил отложить эти слушания и получил согласие."*

Здесь Попов прерывает цитирование, потому что невольно это раскрывает нелепость его аргументов. Во-первых, письмо, оказывается, было направлено лично Попову, а не сессии Моссовета. Во-вторых, озвучивать его почему-то стал сам председатель Моссовета, а не представитель МВД. В-третьих, оказалось, что сам Попов решил за Моссовет вопрос о перенесении слушаний по острому вопросу, и даже не проинформировал депутатов о каких-то переговорах с высшим начальством МВД.

Для Попова было ясно: если московская милиция будет в подчинении Моссовету, многие грязные дела (Ельцина, Попова, Лужкова, самого П. Богданова) могут всплыть на поверхность. Поэтому Попов забывает слова Бакатина и начинает разворачивать новую аргументацию, надеясь на обычный завораживающий эффект своей риторики.

Вопреки закону и здравому смыслу, Попов утверждает: статус московской милиции должен быть определен Законом "О статусе Москвы". Это означало, ни много ни мало, полную нейтрализацию демократических

сил, победивших в свое время на выборах в столице. Это означало и то, что закулисный сговор Попова с номенклатурным кланом уже состоялся, что Попов уже предал и продал Моссовет. Подтверждает этот сговор обмолвка Попова о том, что инициатором назначения Богданова на высокий пост в МВД был именно Ельцин, который и позволил абсолютно некомпетентному руководителю спортивного общества "Динамо" прикрывать художества самого Ельцина на посту первого секретаря МГК.

Попов начинает апеллировать к закону и регламенту, которые никогда не ставил в грош. Он навязывает Моссовету стиль работы, подобный итальянской забастовке. На ходу выдумываются несуществующие правила (обсуждение во всех комиссиях, письменное предоставление многих документов и т. п.) и требуется неукоснительное исполнение всего этого абсурда. Через полгода накануне выборов мэра ("Куранты", 11.06.91) Попов признается, что неоднократно "выкручивал руки" ради принятия необходимых ему решений. Какой уж тут закон, какой уж тут регламент!

Наконец, в обиход пускается сравнение заочного рассмотрения "дела Богданова", который многократно саботировал работу Моссовета и комиссии по законности, и "дела Троцкого и Бухарина". Попову обсуждение на сессии также напомнило захлопывание Сахарова на Съезде депутатов СССР. И даже режиссеры те же почудились ему. А для окончательного усиления воздействия на "толпу" депутатов Попов по ходу дела возглашает: "Можем ли мы работать, могу ли я работать здесь?" Короче, был предъявлен ультиматум: "либо я, либо он". И Попов покинул сессию, объявив перерыв.

Депутаты решили, что все-таки требуется продолжение обсуждения, и в большинстве своем остались на местах. Послушать было о чем. Например, депутат России Ребриков, оказавшийся в момент визита Попова к Ельцину в его приемной, свидетельствовал, что Ельцин никаких писем Попову не подписывал и никаких полномочий заявлять протест от своего имени не давал. Более того, Ельцин был хорошо знаком с Комиссаровым, который в свое время выдвигался альтернативной кандидатурой на пост министра МВД РСФСР. Выступил тут и Лужков, заявивший, что сложит полномочия, если ему не дадут сформировать Исполком по собственному разумению. Началась словесная схватка, затеянная номенклатурной агентурой в депутатском корпусе.

Выступление Попова было дополнено информацией о том, что в зале заседаний сессии Моссовета заложена бомба. Далее последовал спектакль с приглашением служебной собаки, которая обнюхала все ряды, но не нашла ничего. Разумеется, никакой бомбы и в помине тут не было. И страсти разгорелись с новой силой. Депутаты из "группы Боксера" нашли ответ на вопрос Г. Попова "кому это выгодно?". Позиция депутатов, отстаивавших свое право на решение кадровых вопросов, была определена, как происки КГБ.

Во второй половине дня "поповцы" добились голосования по вопросу об утверждении протокола счетной комиссии. Повод для переголосования был сверхпустяковым - кто-то что-то не там написал. Голосование дало 170 голосов "за" утверждение протокола, 134 "против" и 46 "воздержавшихся". Для утверждения протокола не хватило около десятка голосов (необходимо было большинство от присутствующих). Казалось бы, необходимо устранить процедурные нарушения и повторить тайное голосование. Но Попов и Станкевич попытались использовать ситуацию,

чтобы окончательно похоронить вопрос.

Необходимо подчеркнуть - все обвинения в нарушении закона к инициаторам отставки Богданова и назначения Комиссарова были голословны. Ссылок на конкретные законы ни разу не последовало. Наоборот, комиссия по законности тщательно аргументировала свои действия, опираясь на конкретные статьи законов. Но ни одна газета этой аргументации не напечатала. Газеты поддерживали другую сторону. Они продолжили инициативу "писем трудящихся". Публикуется письмо, якобы принятое на офицерском собрании подразделений внутренних дел Москвы. Авторам письма решение об отстранении от должности П. Богданова напомнило эпоху культа личности (очень похожие ассоциации были за день до того и у Г. Попова). От Верховных Советов СССР и РСФСР авторы требовали оградить их от "неправомерного вмешательства в служебную деятельность". О том, как подобные письма готовились, говорит магнитофонная запись закрытого собрания начальников РУВД Москвы и других подразделений, которое 29 ноября под давлением замначальника ГУВД генерала Бельянского поддержало выдвижение кандидатуры полковника А. Егорова - начальника МУРа. (Запись выпустила в эфир радиостанция "Эхо Москвы".) На милицейском собрании никто и пикнуть не посмел против мнения начальства.

Дополнительно к газетным публикациям и давлению на средний командный состав ГУВД номенклатурная круговая порука вызвала целую волну обвинений Комиссарова. Пошли телеграммы из Северной Осетии, требовавшие привлечения его к ответственности за разгон демонстрации во Владикавказе в 1981 году. Авторы телеграмм умалчивали, что демонстрации-то на самом деле были волнениями на почве межэтнического конфликта (о чем свидетельствовал ответ из МВД СССР на запрос депутатов Моссовета по этому поводу). Телеграммы умалчивали и о том, что в момент этих событий В. Комиссаров находился в отпуске за пределами республики. Более того, он после отзыва из отпуска настоял перед своим руководством на отказе от применения оружия против манифестантов. А потом у осетинской мафии с Комиссаровым были особые счеты. Многие тогда потели от страха быть посаженными на большие сроки. Только родная партия спасла. Теперь номенклатурная круговая порука спасала московских "братьев по крови".

Позднее Лужков подхватил измышления на счет роли Комиссарова в трагических событиях десятилетней давности и сделал главным поводом своих претензий. Впрочем, Лужков был готов на сделку и уступал Комиссарову пост первого заместителя начальника ГУВД ("Ъ", № 2, 7-14.01.91).

27 ноября казалось, что ситуация разрешилась сама собой. П. Богданов, возмущенный его отстранением от должности, подал в отставку сам, а точнее направил Лужкову письмо, в котором просил не выставлять его кандидатуры при назначении нового начальника ГУВД. Лужков, объявив об этом сессии, пообещал в ближайшее время представить новую кандидатуру шефа ГУВД. Конфликт выдохся, и сессия быстро закрылась. История этим, однако, не закончилась.

Знакомиться с Комиссаровым ни Попов, ни Станкевич, ни Лужков не стали. Лужков добивался собственного влияния на московскую милицию, и вместо богдановской креатуры и моссоветовского выдвиженца предложил комиссии по законности рассмотреть кандидатуру генерал-майора С.

Астафьева, специализировавшегося в основном на кадровых вопросах МВД. Комиссия кандидатуру отвергла. Потом пришлось отклонять еще целую вереницу номенклатурных близнецов лужковского генерала. Комиссаров для Лужкова оставался "совершенно неприемлемой фигурой". Специалист по борьбе с организованной преступностью был для него очень опасен.

Как известно, борьба депутатов за контроль над московской милицией успехом не увенчалась (об этом мы рассказали в главах "Что такое политическая голодовка" и "Политическая голодовка - II"). Попов с Лужковым при поддержке Ельцина буквально впихнули на пост начальника ГУВД полного профана в правоохранительной деятельности - А. Мурашева, которого еще через некоторое время сменил костолом В. Панкратов.

ПОФИГИЗМ

Мы уже писали, что один из способов развалить порученное дело - пустить его на самотек. Используя ситуацию, номенклатура постаралась оставить московскую милицию без царя в голове. По формальным признакам существование милиции никто не отменял, а по сути своей она должна была основательно переродиться. Чтобы не мешать перерождению, милицию нужно было обезглавить.

Для того московской номенклатуре на посту начальника милиции и понадобился такой нелепый человек, как Аркадий Мурашев, который больше интересовался шахматами и марками импортных сигарет, чем ростом преступности. Для того и нужен был эдакий "пофигист" (как он сам отрекомендовал себя в интервью "Московскому комсомольцу"), считающий, что сама демократизация жизни увеличивает преступность, а криминогенная обстановка усиливается при переходе от тоталитарного государства к демократии вполне закономерно.

В свое время Г. Попов обосновывал свое решение о назначении гражданских лиц в МВД и КГБ тем, что военный должен выполнять присягу, а гражданский может не выполнить приказ, и его просто уволят. Главной задачей гражданского лица становится задача "правильно" оценить политическую ситуацию. Вот и пускал Мурашев клубы дыма в потолок за шахматными партиями до особого распоряжения. Ждал распоряжений целый год. Но их не последовало. Тоже вполне закономерно.

Роль "пофигиста" пытались скрыть все, кроме него самого. Вот выдержки из интервью А. Мурашева ("НГ", 14.09.91):

"По мысли Попова, на этом посту не просто должен стоять гражданский человек, а человек, в отношении которого у экономически активных слоев населения не возникает сомнений - за кого он. Чтобы предприниматели, бизнесмены, да просто граждане были уверены, что отныне никогда ОМОН не будет бить людей. Что отныне ОБХСС никогда не будет бандитствовать, проводя ревизии на предприятиях и в частных фирмах, что не будет предпринимательство душить. <...>

Это политическое назначение. <...> У меня очень хорошее положение. И вообще, я живу припеваючи.

Это с моей стороны - жертва (имеется в виду согласие на назначение - А. К.). И меня именно об этом и просили: о некой жертве в интересах общего дела. И я не мог отказать, потому что до сих пор мы

играли в одну игру."

Иными словами, в правоохранительные органы был направлен политический комиссар, не имеющий никакого представления о предстоящей работе, но желающий приложить руки к радикальной реформе работы милиции. Вместо реформы произошел развал работы, а ОМОН продолжал колотить людей с удвоенной силой, "Пофигисту" до этого дела не было. Ведь не он рвался на этот пост, а его заставили принести жертву. К этой жертве было прибавлено всего лишь одно неприятное событие: рискнувший понаблюдать за одним из коммунистических митингов Мурашев был узнан и заплеван толпой. Но это было потом.

А пока все безобразия можно было списывать на запутанное законодательство. Те статьи законов, которые отвечали потребностям времени (потребностям номенклатуры), в руках Мурашева действовали, а другие - нет. Одни статьи можно было выполнять с особым рвением, а по поводу других говорить, что они не обеспечены необходимыми ресурсами. А то и просто помалкивать.

На встрече в мэрии 1 октября 1992 г. "пофигист" рассуждал примерно так. У нас как наследие тоталитарного прошлого сохранился стереотип организационных преступлений в форме принятия органами власти произвольных нерыночных решений. Любое их действие вызывает вопросы: почему что-то дали тому, а не этому? Пока у нас государство в огромной мере присутствует в экономике. Поэтому мы сталкиваемся не с фактами коррупции, а с фактами произвольного решения вопросов лицами, находящимися в том или ином административном кресле.

За эти наивные размышления, фактически означавшие утверждение о повальной коррупции в московской администрации, Лужков на той встрече в мэрии устроил "пофигисту" публичную порку, но еще несколько месяце держал на все той же должности. Вроде и гнев праведный проявил, и не обидел номенклатуру активными действиями милиции. Тем временем раскрываемость убийств снизилась с 80-90 % до 60-65 %, а с кражами и мошенничеством дело обстояло еще хуже. Тем временем оплата работы в охранных структурах коммерческих организаций в 5-6 раз превысила оплату работы милиционера. Кадры разбегались. Та же ситуация складывалась и в судах. Квалифицированные юристы массовым порядком уходили к коммерсантам.

С менее ярким проявлением "пофигизма" мы встречаемся в лице Евгения Савостьянова - шефа московских спецслужб, которого мы не раз встречали на страницах этой книги. В одном из своих интервью "Московской правде" (осень 1991 г.) вскоре после назначения на должность "деморосовский" политкомиссар говорил так: *"...узкоспециальные знания мне на этом посту не нужны. Там есть профессионалы, на них и ответственность, и не надо мешать им советами."* Политрук нового типа не замечает того, что критикуемая им самим кадровая политика КПСС (предшественники Савостьянова, по его словам, скорее обладали знаниями в области идеологии и партийного строительства, чем специальными навыками) полностью повторяется "демократами". А еще Е. Савостьянов сказал много теплых слов про добровольных осведомителей (проще говоря, про "стукачей"), которые в системе "политического сыска" необходимы, чтобы "предотвращать общественные срывы". Все, что было новенького у свежеиспеченного начальника - это желание "оставаться гражданским

человеком, как по званию, так и по сути". Не долго хранил Савостьянов это своеобразие. "Пофигизм" прорезался и тут. В конце концов бывший помощник махнул рукой на свои желания и подчинился желанию номенклатуры надеть на него генеральские погоны. (Вспомним, что карьера генерала Димы Якубовского, взращенного непосредственно под крылом В. Шумейко и потом бежавшего за кордон от опасности ареста за свои авантюры, была все-таки не столь стремительна и уж явно не столь долговечна.)

В судах Москвы тоже сидели "пофигисты". Они предпочитали жаловаться на убожество законодательства, не позволяющего пресекать организованную преступность. Председатель Мосгорсуда на упоминавшейся встрече в мэрии возопила: "Мы даже не щупальца стрижем! Кого мы берем?! Лиц, перепродающих мелочь!". Конечно, безопаснее всего было бы вести только ординарные процессы вроде разводов или разбирательств по поводу бытовой уголовщины. Где уж тут говорить о профессионализме и гражданском мужестве судей, если суды находились в полной зависимости от администрации, которая решала, дать или не дать им жилье, путевки в санатории, повысить или не повысить зарплату... Вот с предложением о передаче зданий райкомов КПСС судам чиновники решили: это будет слишком "жирно" и не стали передавать. Ну а без помещений, что спросишь с правоохранительной системы? Тут даже большие энтузиасты борьбы с преступностью постепенно становились "пофигистами".

Номенклатуре только это было и надобно. Высвобождающиеся ресурсы и застоявшихся некрофилов выпустили на другое дело - политическое.

ОМОНОВСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ

ВЗЯТЬ ЭТОГО!

В правоохранительных органах Москвы "демократами" с самого начала их правления насаждалось пренебрежительное и даже агрессивное отношение к народным депутатам. Об этом говорит вот какая история, не возмутившая спокойствия граждан и не привлекшая внимания прессы.

10 декабря 1991 г. группа депутатов Моссовета решила провести на Советской площади у памятника Юрию Долгорукому встречу с избирателями, посвященную Дню защиты прав человека. Через Управление делами Моссовета была заказана радиомашина и бортовая машина, служившая обычно импровизированной трибуной. Народу собралось немного - около 500 человек. Говорили о проблемах социальной защиты, о необходимости мер против коррупции и о нарушениях закона со стороны администрации.

В это время к митингующим подъехал автобус с ОМОНом. На него никто внимания не обратил. Тогда люди еще были наивны и посчитали, что московская милиция страхует митинг от возможных провокаций. Но это было не так. Начальство, подкатившее на отдельных машинах, оценивало ситуацию и медлило. Два депутата (включая автора этих строк) подошли к начальнику карательной команды полковнику Фекличеву (на страницах этой книги мы еще встретимся с этим "энтузиастом") и представились. Полковник сделал вид, что не замечает стоящих прямо перед ним людей, и двинулся в

сторону трибуны.

В это время прямо на полуслове оборвалась трансляция очередного выступления. Это вырубили радиомашину. Отряд ОМОНа обошел трибуну, выстроился в фалангу и ждал приказа. Депутат Г. Иванцов, оказавшийся между трибуной и изготовившимися ландскнехтами номенклатуры, холодно обратился к милицейскому начальнику: "Я депутат Моссовета Иванцов. Прошу Вас представиться и предъявить документы." Полковник Фекличев снова "не заметил" обращенной к нему фразы. Он обернулся к своим подчиненным и сказал: "Взять этого!". Полдюжины рук схватили Г. Иванцова с таким усердием, как будто это был особо опасный преступник.

Оказавшись рядом, я решил, что его сейчас просто убьют, и попытался перехватить пару вцепившихся в депутата рук. На мне тут же повисли двое. Увидев, что Иванцова ведут к омоновскому автобусу, я перестал сопротивляться, испугавшись, что он останется один на один с милицией. Два омоновца, скрутив мне руки за спину, отвели в тот же автобус, "обшмонали" и запихнули внутрь.

В итоге в омоновском автобусе оказалось пять депутатов Моссовета, два журналиста, три представителя общественных организаций и один иностранный подданный. Состав насильно задержанных говорил о том, что акция была спланирована и направлена именно против депутатов. Милицейские чины видели, кто выступал на встрече, слышали как представлялись собравшимся депутаты и вычисляли свои жертвы.

Нас долго возили в автобусе по Москве. Требования связаться с начальством игнорировались, заявления о депутатской неприкосновенности - тоже. Только через час одно из отделений милиции согласилось нас принять. У рядовых милиционеров были виноватые лица. Омоновцы, списывая с одного образца, составили свою версию событий. Депутаты по большей части дать объяснения отказались. Как показала практика, правильно делали. Потому что по словам, оставленным на бумаге, можно было делать любые умозаключения. Ведь для негодяев даже соображения формальной логики - ничто, если это им не выгодно.

На следующий день на сессии Моссовета разразился скандал. Сессия приняла резкое заявление по поводу нарушения депутатской неприкосновенности. Пресса о событиях умолчала. Только одна из желтых газет, все перепутав, написала, что боевики партии "Зеленых" (члены этой партии действительно присутствовали на встрече с депутатами) напали на ОМОН.

Через неделю на сессии выступал главный московский милиционер А. Мурашев. Он говорил: "10 числа распоряжения о мерах против митингующих были отданы непосредственно Лужковым". Отвечая на вопросы, Мурашев уточнил: "Распоряжение Лужковым было дано не об аресте, а о разгоне. Оно было дано не мне, а непосредственно моим заместителям - по рации."

Мурашев сожалел о случившемся и обещал, что выступления, носящие мирный характер и не приводящие к нарушению общественного порядка, пресекаться не будут. Мурашев даже согласился, что в День защиты прав человека произошло правонарушение со стороны милиции и даже дал распоряжение о проведении служебного расследования. Пострадавшие депутаты подали исковое заявление в суд. Фрунзенский районный суд

переправил заявление в районную прокуратуру. А потом рассмотрение вопроса взяла на себя городская прокуратура. Депутаты о таком бумажном "футболе" не знали и долго ждали приглашения в суд.

Вместо этого из ГУВД Москвы им поступило разъяснение. В нем все тот же А. Мурашев решил связать встречу с избирателями на Советской площади и заявку на проведение митинга партии "Зеленых", который на том же месте городские власти проводить запретили. Далее в своих разъяснениях Мурашев как будто задается целью не сказать ни слова правды. Он будто дразнит депутатов: мол, неоднократно милиция требовала прекратить несанкционированный митинг, а организаторы отвечали категорическим отказом, а когда их задержали, то не могли составить протокол на месте и вынуждены были везти задержанных в отделение милиции, где и выяснилось, что пятеро из них являются депутатами.

Еще решительнее расправился с действительностью полковник Фекличев, который в своей справке для прокуратуры города к лжи гражданина Мурашева прибавил свою ложь. Он написал, что организаторы митинга посягали на "общественный порядок, безопасность граждан, пешеходов в одном из многолюдных мест города, нормальную деятельность автотранспорта". Это при том, что все "правонарушение" состояло в выступлениях от микрофона. Фекличев уточнил, что "при задержании ни один из депутатов на предъявил каких-либо документов". Действительно, как можно предъявить документы, если тебя просто в упор не видят, а когда увидели, то выкручивают руки за спину.

Дальше пошла писать номенклатурная губерния, повторяя один раз высказанную ложь из документа в документ. В конце концов подпись под наглым враньем поставил даже замминистра МВД и начальник управления кадров МВД - оба генералы милиции.

Только в марте 1992 г. депутатам удалось добиться от районной прокуратуры ясности. В их адрес поступило сообщение о том, что прокуратура Москвы провела проверку и признала действия милиции правомерными. Депутатам, неприкосновенность которых пострадала, никто материалов проверки предоставлять не собирался. На запрос в московскую прокуратуру первый заместитель прокурора города ответил, очередной трансляцией лжи, начатой А. Мурашевым. Скорее всего, никакой проверки не было.

Между автором этих строк и прокуратурой состоялась замечательная переписка. Я пытался уточнить, какие все-таки факты позволили прокуратуре делать те выводы, которые я не мог признать удовлетворительными. Что вынуждает ее лгать? Например, в чем выражались противоправные действия и чем они зафиксированы, почему несостоявшийся митинг партии "Зеленых" отождествляется со встречей с избирателями, почему делается вывод, что омоновцы не знали, что они выкручивают руки депутатам, почему не проводился опрос свидетелей и т. п. Прокуратура раз за разом повторяла лживые утверждения, уклоняясь от аргументации. Ни на один, напрямую заданный вопрос, прямого ответ не было получено.

Генеральная прокуратура тоже дублировала ложь. Только через год - после запроса Малого Совета - Генеральная прокуратура истребовала необходимые материалы для повторной проверки. Толку в этой проверке не было, ибо она снова использовала только те переполненные ложью

документы, которые пылились в архивных папках. Снова ни на один прямой вопрос высокопоставленный чиновник прокуратуры ответа не дал. Это позволило автору этой книги сделать еще один шаг - подать исковое обращение в суд о создании препятствий в депутатской деятельности путем непредоставления запрашиваемой информации. Фрунзенский райсуд на это отреагировал совсем просто. Заявление было положено под сукно.

Через три месяца, когда истец стал требовать рассмотрения дела, ему ответили, что дело "оставлено без движения", а направленное в адрес истца постановление просто затерялось где-то на почте. Какие же были основания для такого решения? Еще полтора месяца уходит на выяснения. Оказывается, суд решил, что заявление составлено неправильно! Отчего, почему - никаких объяснений. Короче говоря, работники суда использовали бюрократический саботаж, чтобы замотать дело окончательно. Ну а там рукой подать было до "демократического" путча, закрывшего и это дело, и многие дела посерьезнее.

В конце концов эта история осталась лишь иллюстрацией круговой поруки номенклатуры и правоохранительных органов. Не для граждан, оказывается, организованы суды, прокуратура и милиция, а против них. Если граждане что-то нарушают - их преследуют. Если что-то нарушает номенклатура, то автоматически срабатывают наезженные механизмы саботажа.

Один из верных соратников Г. Попова, превратившийся из депутата в зампремьера Правительства Москвы и курирующий, помимо всего прочего, правоохранительные органы, так оценил попытки Моссовета привлечь внимание общественности к сложившейся системе коррупции и беззакония: "Собака лает, ветер носит" ("ВК", 15.10.92). Народ исподволь готовили к перевороту.

А между тем, большие "успехи" мэрии в заботах о горожанах привели к тому, что 29% из них, согласно опросам, сталкивались с коррупцией и взяточничеством городских чиновников ("ВК", 16.03.93).

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Кровопролитие в Москве было намечено московской администрацией на 9 февраля 1992 г. В этот день должен был состояться, вопреки запрету Лужкова, митинг коммунистической оппозиции. Люди не привыкли еще уступать угрозам власти и не верили, что родная милиция может устроить побоище. Все-таки к насилию никто не призывал и вооруженных отрядов не формировал. Мало ли что там мерещится Попову и Лужкову!

А номенклатура активно готовила провокацию. По Москве массовым тиражом ходила "демократическая" листовка, оповещавшая, что "красно-коричневые" намереваются "взять в осаду Белый Дом, чтобы свергнуть Б. Н. Ельцина и установить гэкачепистские порядки". Демократическая Москва должна была показать, что она жива! И тут Лужков отдал распоряжение ГУВД применять силу ("НГ", 07.04.92).

Но на первый раз акция сорвалась. Ответственный за мероприятие замначальника ГУВД не увидел повода для применения силы. За это ему было вынесено жесткое взыскание, потом последовала длительная опала.

Нужны были другие люди. И они появились.

23 февраля 1992 г. распоряжение о применении силы было выполнено, и милиционеров наградили значительными денежными премиями. В этот день Попов с Лужковым и наемным демократом Мурашевым впервые устроили москвичам кровавую баню. Москва впервые увидела лица, омытые кровью. Несколько сот человек получили незабываемые впечатления от ударов милицейской дубинкой по голове. В карательной операции были задействованы 12 тыс. работников милиции и ОМОНа, да еще наготове стояли 4 тыс. солдат дивизии Дзержинского. В кабинете Лужкова действовал "антимитинговый штаб" ("НГ", 27.02.92). Картина избиения граждан ОМОНом оказалась настолько ужасной, что прямо на демонстрации скончался пожилой генерал-ветеран.

Вот какую мотивировку действиям московского ОМОНа дал сам мэр Попов ("Куранты", 23.02.92): *"Цель 23 февраля у этих сил была одна: устроить потасовку, мордобой. Если бы им разрешили так называемый мирный митинг на Манежной площади, они наверняка бы пошли на штурм Красной, а затем Кремля. Антизаконные действия красно-коричневых были пресечены законным образом..."* Здесь уместно вспомнить откровения близкого друга Г. Попова, отслужившего на всех мыслимых и немыслимых постах в номенклатуре КПСС, - А. Яковлева. Он вспоминал как-то, что Горбачев ввел в Москву войска в марте 1991 г. и преградил путь демонстрантам только потому, что к нему пришла информация о готовящемся штурме Кремля и заготовке крючьев, с помощью которых штурмующие будут преодолевать кремлевскую стену. Именно такую же нелепость втолковывал Попов журналистам, готовым поймать на лету любую его глупость

Ну а команда Лужкова вообще вела себя нагло и развязно. Лужков со своим министром пропаганды П. Гусевым были приглашены на депутатскую комиссию ВС по расследованию кровавого инцидента. Оба держались вызывающе. Лужков заявил, что никакого желания извиняться перед ветеранами вооруженных сил за испорченный праздник у него нет. П. Гусев оценил действия милиции, не пропускавшей москвичей к могиле Неизвестного Солдата, как совершенно правильные. Единственное о чем сожалел Лужков, что не были арестованы организаторы запрещенного мэрией шествия ("НГ", 07.04.92).

Уже известные нам Шахновский, Мурашев и Музыкантский устроили пресс-конференцию и показали там фильм о двух омоновцах, демонстрирующих один синяк на двоих и расписывающих зверства демонстрантов. Цинизм достиг какого-то нечеловеческого предела. Так, "главный мент" А. Мурашев сообщил, что Ельцин знает о событиях в центре Москвы и "относится к ним хорошо".

Кровопускание и тщательную подготовку к нему можно было объяснить только одним - "ельцинистам" нужна была жесткая конфронтация, чтобы перевести свой антигосударственный мятеж из "холодной" стадии в "горячую".

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

На Тверской улице ОМОН научился перекрывать движение демонстрантов, а потом молотить их, выскакивая из-за автомобилей. Но это

были оборонительные операции. Требовалось же иное.

Первая разминка ландскнехтов номенклатуры в наступательной операции была проведена 18 и 22 июня 1992 г.

Все дело началось в так называемый День независимости - 12 июня. Масса людей в этот день совершила поход на "империю лжи" - к телецентру. Останкино обложили со всех сторон. Толпа не шутила, и начала трепать милицейские посты, которые тоже вели себя отнюдь не мирно. Коммунисты и прочая оппозиция требовали эфира. Эфир не давали. Руководство телецентра, испугавшись агрессивной толпы, согласилось на переговоры. Люди оставались вокруг "Останкино" и ночью. Так стихийно возник палаточный городок.

18 июня 1992 г. для усмирения "бунтов" в Останкино отправились 650 милиционеров и 150 омоновцев. Пикетчиков взяли в кольцо и вытеснили с площадки у телецентра, отобрав машину со звукоусилением и плакаты. Начальник ГУВД Мурашев не без удовольствия рассказывал о проведенной операции: *"Основанием для этой акции стала телефонограмма мэра, полученная вечером 17 июня. Участники митинга рассчитывали, что операция начнется тотчас. А мы их перехитрили: они бодрствовали всю ночь и ужасно вымотались, а мы отлично выспались и поехали к ним утром. Так что сопротивления почти не было, а потом мы полили это место водичкой."*

"Пофигист" Мурашев заявил журналистам, что не отдавал приказа бить людей, но зато рассказал милиционерам о Веймарской республике и отрядах штурмовиков. Всего лишь для того, чтобы они "были готовы к конкретным действиям" ("НГ", 19.06.92).

Провокационные действия и высказывания Мурашева привели к новой массовой демонстрации, и Телецентр вполне мог быть разгромлен. Если бы столкновение началось всерьез, не помогли бы и омоновцы.

Палаточный городок пикетчиков, вместивший несколько сотен особо энергичных манифестантов, был ранним утром 22 июня атакован боевиками мэрии, вооруженными спецсредствами. Палаточный городок протестующих против тотальной лжи на телевидении был сметен. Причем, пикетчиков не просто рассеяли, а именно стремились избить. Таков был приказ. Не Мурашева, конечно, а его хозяев.

Часть руководителей подразделений милиции отказались утвердить план ликвидации палаточного городка. Против правовой необоснованности этого мероприятия выступил и заместитель начальника ГУВД Л. Никитин. Последний был отстранен от руководства, и исполнять карательную акцию принялись специально натасканные части ОМОНа под руководством уже знакомого нам полковника Фекличева ("НГ", 19.06.92). Именно они потом покажут себя "во всей красе" в октябре 1993 г.

Избиение у телецентра было зверским. В Моссовет прибыла целая группа очевидцев, которые были свидетелями этого страшного зрелища и полагали, что среди покалеченных милицией людей могут быть убитые. Многие видели, как безжизненные тела омоновцы заталкивали в свои машины.

"Деморосовская" шпана визжала от негодования, требовала от прокуратуры жесточайших санкций к избитым людям, насмехалась над показаниями свидетелей. И только этот вой стоял в средствах массовой информации. Истинное положение дел уже научились тщательно скрывать,

забивая все информационные каналы ложью.

В Моссовете работала "пятая колонна". Депутаты В. Фадеев (председатель подкомиссии по правам человека!) и Л. Балашов (председатель подкомиссии по делам общественных организаций!) провели пресс-конференцию. Предварительно было объявлено, что будет продемонстрирована видеозапись событий, сделанная ГУВД. Журналистов и депутатов снова обманули. Были показаны одни обрезки милицейской видеозаписи, которые по большей части уже фигурировали в телепередачах. Вот ОМОН подступает к палаточному городку. Вот начинается стычка, в ОМОН летят какие-то палки... А следующий кадр - уже расчищенная площадка, на которой нет ни души. Сомнений в том, что остальные кадры содержали что-то страшное, не оставалось.

Примечательна роль московского прокурора Г. Пономарева в останкинских событиях. Его даже не проинформировали о готовящейся карательной акции. О событиях он узнал только из сообщений телевидения и сетовал журналистам, что его хотят подставить. Изоляция прокурора города говорит о том, что соответствующая команда пришла сверху. Скорее всего от самого Ельцина, который и к этой акции тоже, по всей видимости, "отнесся хорошо".

РЕПЕТИЦИЯ ПУТЧА

Первая попытка Ельцина установить диктатуру состоялась 10 декабря 1992 г., когда на 7-м Съезде депутатов России он попытался сохранить свои чрезвычайные полномочия, столь опрометчиво предоставленные ему год назад тем же Съездом.

На карту было поставлено многое, и номенклатура начала отрабатывать сценарий переворота. На Васильевском спуске был организован шабаш "деморосовщины". Объявились два десятка ряженных в казаки и какие-то шахтеры, пытавшиеся выдавать себя за представителей многотысячных организаций. Но этого явно было мало. Лужковские чиновники организовали демонстративный проезд большегрузной техники по центру города и вывоз автобусами к Красной площади 2 тыс. "демократов" из Зеленограда (распоряжение префекта о выделении зеленоградскими предприятиями по 100 человек "для поддержки законно избранного Президента" было позднее опубликовано - "Дума", № 17, 1992). Лужков выдавал все это за проявление народного гнева.

Депутаты России, идя на Съезд, вынуждены были проходить между двумя зверeющими на глазах толпами: коммунистической и "демократической". А тут еще кто-то пустил слух о перемещениях военной техники. Съезд потребовал от Лужкова заверений в том, что порядок в столице будет восстановлен. Московский мэр такие заверения дал, но отметил, что в любом случае у депутатов России руки коротки, чтобы снять его с должности. Потом он нагло потребовал отменить уже принятые решения, стращая массовым недовольством москвичей.

Правительство Москвы в этот момент выступило с поддержкой заявления Ельцина, решившего провести в январе 1993 г. референдум о том, "кому народ готов поручить работу по выводу России из кризиса - Президенту или депутатам". "Ельцинисты" могли мыслить только так: "или - или", но никак

не использовали в своих формулировках "и".

Лужков объявил защитные действия депутатов попыткой конституционного переворота, призванного подорвать исполнительную власть. В Москве, говорил Лужков, где исполнительную власть Советам не удалось подавить, жизнеобеспечение значительно надежнее, чем в других местах. Лужков лгал, скорее всего, не ведая реальной обстановки в стране, но чувствуя, что "держит" Москву только милостью Президента. Поэтому ему нужно было лгать. Ложь была для него способом жизни, правда - способом покончить со своей административной карьерой.

* * *

Второй дубль сюжета с государственным переворотом - уже более подготовленный - организовал Ельцин 20 марта 1993 г. Тогда с телеэкранов на всю страну прозвучал призыв нарушить Конституцию. Зачитывая свое обращение к народу 20 марта 1993 г. Президент Ельцин был в здравом уме, и те моменты его выступления, которые не соответствовали действительности, были им включены в обращение, конечно же, сознательно. Т. е. Ельцин лгал осознанно и осознанно камуфлировал ложь под полуправду. Только так можно было рассчитывать на успех переворота.

С первых же слов Президент заявил, что выбирая в 1991 г. "впервые в тысячелетней истории страны" Президента, граждане сделали выбор пути, по которому пойдет Россия. Президент знал, не мог не знать, что ни одно из его обещаний предвыборной программы не выполнено, что выполнено как раз противоположное обещанному. Но ему нужно было представить себя зачинателем "тысячелетнего рейха", а Верховный Совет - "империей зла". Поэтому возник и следующий его тезис: мол, депутатский Съезд есть олицетворение антинародной большевистской системы, которая *"стремится вновь восстановить утраченную власть над Россией."*

Президент не мог не помнить, что именно этот Съезд поставил его на высший пост в государстве: сначала сделал Ельцина председателем своего Президиума, потом обеспечил всю законодательную базу для выборов Президента, да еще наделил Президента чрезвычайными полномочиями. Теперь же Съезд стал для Ельцина *"генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры"*. Бесспорно, знал Ельцин о том, что партноменклатуру именно он пригрел в своем аппарате и правительстве. Да и сам вышел из этой номенклатуры и никогда не порывал с ней.

Обличение депутатского корпуса продолжалось обвинением в расправе над конституционным строем. Ельцин всегда говорил о реформах, а когда соответствующие изменения вносились в Конституцию, то она становилась для Ельцина "брежневско-сталинской". Более всего раздражало Ельцина, что его полномочия прекращались в случае нарушения этой Конституции при попытке совершить переворот.

Нет, не случайны оговорки, которые раскрывают внутренний смысл обращения Ельцина. Эти оговорки вскрывали стремление обелить себя, переместив грязь своих грехов на чужие головы. Ельцин говорит: *"Мы слышим ложь в постоянных клятвах верности Конституции"*. Та же ложь слышна была и в словах самого Ельцина, который действительно был единственным человеком, который клялся на Конституции и который сделал все, чтобы конституционный строй России рухнул. Ельцин говорит: *"Ложь в*

постоянных ссылках на мнение избирателей, в клятвах верности демократии". И ложь звучит именно в его словах. В обращении он сам ссылается на мнение избирателей, приписывая себе способность знать "мнение подавляющего большинства". Нарушая Конституцию практически каждым своим Указом, Ельцин говорит: *"Не подлежат исполнению любые решения любых органов и должностных лиц на территории России, которые посягают на основы конституционного строя."* Почему же он не относит этот тезис к себе? Может быть потому, что хочет находиться над любым законом?

И все-таки приведем полный текст выступления (по стенограмме):

"Уважаемые сограждане, я обещал вам выступить по итогам Съезда, за это время много пришлось анализировать, сделать определенные прогнозы, принять непростые решения, и вот сегодня я выполняю данное вам обещание. Я хочу дать оценку восьмого Съезда народных депутатов, хочу сказать о том, как намерен действовать дальше.

За последние дни многое нужно было действительно обсудить и оценить по-новому. Сегодня честно и откровенно хочу рассказать вам о том, как я предполагаю действовать, что предпринять с учетом сложившейся в стране обстановки.

В июне 1991 года вы избрали меня Президентом, доверили руководить государством Российской Федерации. Тогда впервые в тысячелетней истории страны был сделан выбор, выбор главы государства и выбор того пути, по которому пойдет Россия. Выбор был предельно острым: либо по-прежнему сползать в коммунистический тупик, либо начать глубокие реформы, чтобы идти дорогой прогресса, по которой движется человечество.

Благодаря вам, уважаемые сограждане, реальные преобразования в стране были начаты. Нашими совместными усилиями новые формы жизни утверждаются в России, но происходит это слишком медленно и трудно. Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса власти. При такой растрате сил мы никогда не вылезем из нищеты, не обеспечим мира и покоя для наших граждан.

Сегодня предельно ясно - корень всех проблем кроется не в конфликте между исполнительной и законодательной властью, не в конфликте между Съездом и Президентом. Суть глубже, суть в другом - в глубоком противоречии между народом и прежней большевистской, антинародной системой, которая еще не распалась, которая сегодня опять стремится восстановить утраченную власть над Россией.

Восьмой Съезд по сути дела стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры. Народ попросту хотят обмануть. Мы слышим ложь в постоянных клятвах верности Конституции. От Съезда к Съезду ее корежат и перекраивают в угоду собственным интересам, наносят удар за ударом по самой основе конституционного строя, народовластия, а то и просто, не оглядываясь на Конституцию, принимают решения, что было часто во время работы восьмого Съезда.

Ложь в постоянных ссылках на мнение избирателей, в клятвах верности демократии. А между тем, народу было высокомерно отказано в праве самому определять свою судьбу. Съезд похоронил референдум о собственности граждан на землю, похоронил апрельский референдум по основам новой Конституции, хочу сказать вам, просто трусливо ушел от решения вопроса о досрочных выборах (речь идет о том, что Съезд не дал Ельцину самовольно провести референдум - А. К.).

На Съезде в полный голос заявила о себе имперская идеология. Если она станет основой политики, то Россия неизбежно будет втянута в вооруженные конфликты со всем ближним зарубежьем. На Съезде то и дело гремели лозунги "холодной войны". В заключительной речи спикера фактически прозвучал призыв к ее возобновлению. Что это означает, понятно - снова гонка вооружений, снова рост военных расходов и снова глобальная конфронтация со всем миром.

Трагическим итогом Съезда стало ослабление власти, ослабление России. Разделение властей, как принцип Конституции, фактически ликвидируется. Сняты

последние барьеры на пути всевластия Съезда, Советов и Парламента. Любое свое решение и Съезд, и Верховный Совет объявляют законным и конституционным. Их некому остановить, некому удержать от произвола. Конституционный Суд в этой критической ситуации до сих пор не занял принципиальной позиции. Расправа над основами конституционного строя проходит у него на глазах и пока не получает отпора.

Итак, подведем итоги. Восьмой Съезд позволил руководству Верховного Совета фактически запустить маховик антиконституционного переворота. В его основе искусственное обострение противоречий в Конституции. Правительство хотя и получило некоторые символические полномочия, едва ли может нормально работать. По-прежнему Верховный Совет безраздельно распоряжается банком (видимо, имелся в виду Центральный Банк РФ - А. К.) и внебюджетными фондами. Если это не прекратить, будет и дальше обостряться финансовый кризис, будет продолжаться неразбериха с платежами, выплатами зарплат, перечислениями пенсий, непомерными налогами и т. д. (Здесь нельзя не отметить, что Ельцин в полном здравии перекладывает вину за сознательное разрушение финансов правительством Гайдара на плечи депутатов - А. К.).

В России как бы два правительства. Одно - конституционное, другое - в Верховном Совете. Они ведут принципиально разную политику. Согласиться с этим - значит согласиться с тем, что жизнь наших граждан должна быть мучительной и тяжелой, а экономика еще более уродливой и уязвимой.

Нельзя управлять страной, ее экономикой, особенно в кризисное время, голосованиями, репликами от микрофонов, через парламентскую говорильню (тут явная цитата из Ленина! - А. К.) и митинговщину. Это безвластие. Это прямой путь к хаосу, к гибели России. Не знаю, понимают ли это депутаты, но уверен - это хорошо понимают режиссеры восьмого Съезда, работники бывшего аппарата ЦК КПСС, которые удобно устроились в структурах Верховного Совета и там работают.

На Съезде и в Верховном Совете именно они сегодня правят бал. Тем более нельзя допустить, чтоб старая партийная номенклатура вновь воцарилась в России. Второй Октябрьской революции Россия не переживет (Да вот ведь пережила в 1993 г.! - А. К.). Это будет прыжком в бездну. Россия не выдержит, если произойдет возврат к насилию над экономикой.

Страна в течение десятилетий жила как бы в долг за счет будущих поколений, безжалостно истощая природные ресурсы, но при этом большевистская система в лучшие свои годы сумела накормить колбасой, но не всю Россию, а только столицу, да и то на доллары, которые получали за нефть (именно эта столица и вывела Ельцина на политическую арену на выборах в 1989 г.! - А. К.).

Главный порок этой системы - стремление всем и вся командовать, глушить любую инициативу и самостоятельность. И неважно, касается ли это права человека работать на своей земле, заниматься свободным предпринимательством или высказывать собственную точку зрения.

Вот куда нас зовут, вот куда нас хотят загнать. Вы, уважаемые сограждане, знаете, я честно стремился к компромиссу на Съезде и до Съезда. Несмотря на оскорбления, грубость - весь путь пройден до конца. Все попытки найти согласие привели лишь к тому, что Съезд дискредитирует власть, разваливает государство, Съезд пытается ограничить Президента в его стремлении дать землю народу и сохранить Россию. Возможности поиска согласия с консервативным большинством депутатского корпуса полностью исчерпаны.

Должен сказать прямо - ничего неожиданного для меня, я думаю и для вас, уважаемые сограждане, не произошло. Я был готов к такому повороту событий. Съезд отказался слушать голос страны, отверг мнение подавляющего большинства избирателей. Но Съезд - еще не государство, Съезд - не Россия.

В этих условиях Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны. На мне, как на Президенте, лежит государственная обязанность в условиях коренных изменений, которые происходят сейчас в России, обеспечить соблюдение самих основ конституционного строя. И прежде всего народовластия, федерализма, разделения властей, прав и свобод человека. На мне, как на Президенте, лежит государственная обязанность обеспечить сохранение единства и

целостности Российской Федерации, межнационального согласия в стране. На мне, как на Президенте России, лежит государственная обязанность обеспечить дальнейшее продвижение преобразований. Вижу во всем этом свой гражданский, свой патриотический долг, да и свой человеческий долг.

Именно поэтому после многочисленных консультаций принял следующее решение. Сегодня я подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с Указом на 25 апреля 1993 года назначается голосование о доверии Президенту и Вице-президенту Российской Федерации. Будут приняты особые Указы и распоряжения по всему кругу вопросов его организации.

Пошел на этот шаг потому, что меня избирал не Съезд, не Верховный Совет, а народ. Ему и решать: должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной - Президенту, Вице-президенту или Съезду народных депутатов. Одновременно с голосованием о доверии Президенту будет проводиться голосование по проекту новой Конституции и проекту закона о выборах федерального парламента. Они также выносятся Президентом и вступают в силу, если граждане поддержат Президента и Вице-президента. (Так и осталось неясным, была ли эта оговорка о Вице-президенте, размежевание с которым уже зашло довольно далеко, намеренной или случайной - А. К.). По утвержденной Вами Конституции и новому закону о выборах будут проведены выборы, но не Съезда, а нового парламента России. По новой Конституции Съезда не будет. До новых выборов Съезд и Верховный Совет не распускаются, их работа не приостанавливается. Сохраняются полномочия депутатов Российской Федерации. Но в соответствии с Указом не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену и приостановление Указов и распоряжений Президента и постановлений Правительства. Не подлежат исполнению любые решения любых органов и должностных лиц на территории России, которые посягают на основы конституционного строя. (Очевидно противоречие в двух последних декларациях - А. К.).

В Указе даны конкретно: поручения Правительству, министерствам по обеспечению стабильной работы народного хозяйства, по обеспечению общественного порядка, охране особо важных объектов.

Как Верховный Главнокомандующий я отдал приказ Министерству обороны не допускать использования армии в политических целях. Подтверждаю, что и впредь забота о Вооруженных Силах, о военнослужащих будет одной из важнейших задач Российского государства.

Особо хочу подчеркнуть, что Указ гарантирует соблюдение прав и свобод человека в полном объеме, ни коим образом не ограничивается и судебная защита. Федеративный договор сохранит свою силу и действует как составная часть Конституции. Не может быть и речи о каких-либо ограничениях суверенитета республик в составе Российской Федерации.

Официально подтверждаю, что Россия и впредь намерена соблюдать свои международные обязательства.

На восьмом Съезде вновь нависла реальная угроза над свободой слова. Это уже не первые попытки сделать ручными средства массовой информации, особенно телевидение. Мной уже подписаны Указы о защите свободы массовой информации и гарантии информационной стабильности. Я, как Президент, беру на себя защиту средств массовой информации и подтверждаю, что в Российском государстве будут обеспечены гарантии их свободы.

Мною подписаны также другие Указы для стабилизации обстановки в России в условиях особого управления.

Уважаемые граждане России, скажу откровенно, я настроен на решительные действия. Считаю, что в сложившейся обстановке иначе нельзя. Если не остановить политический раздрай, если не принять решительных мер по развязке политического кризиса, если не дать мощный импульс экономической реформе, страна будет ввергнута в анархию.

Председателю Совета Министров Виктору Степановичу Черномырдину дано поручение в двухдневный срок представить перечень экономических мер. В нем должны быть предусмотрены:

1. Меры по решению вопроса о земле. Нужен простой и понятный механизм передачи ее гражданам в частную собственность. Пора вводить приватизационные чеки на землю. Завершается работа над президентским Указом о наделении земельными участками граждан Российской Федерации.

2. Надо форсировать передачу прав на проведение приватизации вниз и дать гарантии, что приватизация будет необратимой. Главный гарант этого - сам Президент. Со своей стороны готовлю Указ о порядке оформления прав собственности на недвижимость.

3. Поддержка многих людей, которые хотят начать свое дело, я имею в виду малый и средний бизнес. Поддержка кредитами, льготными налогами, консультациями и организационными мерами.

4. Важнейший вопрос - растущая безработица. Необходимо организовать общественные работы, прежде всего по строительству жилья и дорог, нужно усилить гарантии занятости для работников госпредприятий, объявляемых банкротами.

5. Борьба с инфляцией, стабилизация рыночного курса рубля, строгий контроль за денежной эмиссией. Будут установлены рамки в процентах.

6. Уже приняты решения о возмещении ущерба десяткам миллионов людей, чьи вклады в сбербанках обесценились во время реформ. Чтобы не подхлестнуть инфляцию, надо шире использовать компенсации акциями предприятий, землей, другим государственным имуществом.

7. Наведение порядка в предоставлении льгот и привилегий предприятиям. Здесь масса злоупотреблений и коррупции. В ближайшее время подпишу Указ о государственной службе. Он защитит государственный аппарат и одновременно повысит его ответственность.

8. Прошу Правительство обратить особое внимание на согласованность действий федеральных властей и республик, краев, областей, автономий в строгом соответствии с Федеративным договором.

А в общем, давайте не только проводить реформу, но и наводить элементарный порядок у себя в России. Тогда у нас появятся реальные возможности больше помогать и пенсионерам, и многодетным семьям, и одиноким матерям, и всем, кто живет сегодня бедно и нуждается в поддержке.

И еще об одном. Вертикаль исполнительных органов в России восстановлена. Главы исполнительной власти и правительств субъектов Федерации подотчетны непосредственно Президенту и Правительству России. Их полномочия не могут быть прекращены без решения Президента Российской Федерации. В то же время в Центре и на местах выявлено немало случаев, когда руководители исполнительной власти препятствуют проведению политических и экономических реформ. Предупреждаю о персональной ответственности за подобные действия и виновных буду освобождать от работы. Мною подписан Указ об ответственности должностных лиц и исполнительной власти в Российской Федерации. За нарушение законодательства отстранены от своих обязанностей главы администраций Новосибирской, Иркутской областей, ряд ответственных работников Правительства Российской Федерации.

Стабильность и порядок нужны не только Президенту. Их требуете вы - мои избиратели. И это требование справедливо. Иначе не сделать наше государство сильным, демократическим и процветающим, а его граждан свободными. Рассчитываю на поддержку основных политических сил страны, продолжу диалог с ними и по проекту Конституции, и по проведению экономических реформ, и по их взаимодействию с Правительством.

Уважаемые сограждане! Я предлагаю цивилизованный, основанный на фундаментальных принципах Конституции выход из кризиса без чрезвычайщины и произвола, без танков и баррикад (октябрь 1993 г. забрезжил в этот момент где-то на горизонте - А. К.) , без митингов и забастовок. Все будете решать вы сами - граждане России - своим голосованием. Это будет ваш выбор, выбор народа.

Рассчитываю на понимание моих действий. Прошу вас поддерживать своего Президента. Верю в вашу поддержку.

Выступление Ельцина было построено по схеме:

- создать образ врага, напугать почти состоявшейся победой этого врага над демократией
- изобразить себя в роли миротворца, которого не признают
- представить себя решительным человеком, способным наказать обидчиков и одновременно стать народным заступником.

Усиление впечатления достигалось потоком обещаний, которые на деле ни до того, ни после выполнять Ельцин не намеревался. Сгодились и разнообразные реверансы в адрес местного и республиканского руководства.

Заявление Президента - не случайно оброненное забулдыгой в подворотне слово. По сути дела, на всю страну был объявлен государственный переворот, и только благодаря противодействию в общем-то малосильных депутатам и некоторых должностных лиц (Руцкого, Зорькина, Хасбулатова, Степанкова), переворот на этот раз был остановлен. Тем не менее, необходимого эффекта Ельцин добился. Обстановка перед апрельским референдумом была накалена до предела, и первоначально скучный для публики сценарий приобрел необходимую правящей номенклатуре остроту. Мятеж вплотную подошел к своей "горячей" фазе.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ

Из обращения Московской организации Российской Партии Зеленых:

"Борьба номенклатурных кланов поставила страну на грань гражданской войны... Борьба властей сопровождается очередным потоком обещаний, которые будут выполнены также, как и известное обещание "лечь на рельсы".

Президент, сочетающий законодательные и исполнительные полномочия - это сохранение самодержавия, это продолжение прежнего курса на разрушение производства и окружающей среды. Москвичи уже могли убедиться на своем горьком опыте, что такое господство исполнительной власти над представительной - это правовой беспредел, засилье "базарных мафий", срастание бюрократии и предпринимательства, превышение смертности над рождаемостью и т. д.

Цепляясь за самодержавную власть, Б. Ельцин становится "ледоколом" новой реакционной диктатуры. Мы призываем граждан не участвовать в этих политических играх, которые могут привести к гражданской войне. Мы считаем, что все ветви власти в нынешнем составе дискредитировали себя и в этом виде не имеют будущего. Но они должны быть преобразованы только одновременно, во избежание диктатуры одной из номенклатурных клик..."

Из заявления Правления Народной партии "Свободная Россия":

"Политическая ситуация в России в очередной раз резко обострилась в результате действий Президента Ельцина. Подписанный им 20.03 Указ о введении "особого порядка управления" представляет собой попытку решить силовыми методами проблемы, возникшие в результате провала экономической политики. Чем бы не мотивировались такие действия, мы осуждаем их как несовместимые с принципами демократии...

Мы обращаемся ко всем политическим силам страны в этот трудный час воздержаться от действий, нагнетающих страсти, чреватых насилием...

Правление НПСР предлагает членам и организациям партии поддерживать действия органов власти, направленные на разрешение кризиса в рамках Конституции РФ, противостоять осуществлению антиконституционных мер."

Из Заявления Секретариата ДПР и Политсовета Московской организации ДПР:

"Заявление Президента РФ Б. Н. Ельцина, сделанное им 20 марта, положило начало новому, весьма опасному витку кризиса власти в России.

Мы готовы с пониманием отнестись к желанию Президента обратиться к народу с вопросом о доверии. Однако мы отказываемся понимать, почему это обращение должно быть связано с введением особого порядка управления Россией. Действия Президента, вне зависимости от его намерений, объективно ведут к подрыву конституционного строя, переводят противостояние властей в стадию открытой войны, запускают механизм распада страны...

При попытках применить силу для достижения антиконституционных целей мы намерены действовать не менее решительно, чем 19 августа 1991 г..."

Из Обращений Демократического объединения "Свободная Россия":

"Вчера, 20.03.93 г., Ельцин предпринял попытку государственного переворота, провозгласив режим личной власти, не ограниченной никакими законами. Этот партократ уже многократно обманывал граждан - никаким его заявлениям и обращениям веры быть не может.

За два года правления, имея ничем, практически, не ограниченную власть, что сделал он для России? Президент не стал выполнять почти ничего из того, что он обещал до выборов. Поэтому ссылаться на избирателей у него никаких оснований нет. На его реальные действия - искусственное взвинчивание цен, резкое снижение наших реальных доходов, номенклатурную приватизацию, разрушившую экономику и поставившую Россию на грань катастрофы, попрание закона и основ демократии - на все это ему никто мандата не давал.

Ельцин за все время правления проводит политику в интересах коррумпированного чиновничества, криминальной буржуазии, обладателей долларов - в ущерб занятым в производстве. И могла ли быть иной политика главы номенклатуры, чьи лучшие друзья - Попов, Лужков, Карнаухов, Брячихин, Никольский и иже с ними?

Нас не должны обмануть лживые доводы о всевластии Советов как угрозе тоталитаризма. Вспомним, была власть райкомов, исполкомов, т. е. той самой "сильной исполнительной власти", которая, благодаря усилиям Президента, управляет Россией и сегодня. Но власти Советов, как выборных представительных органов, не было в нашей стране никогда. Нет ее и сейчас.

...Эти события должны послужить горьким уроком для нынешнего состава депутатского корпуса России. Тактика бесконечных уступок и компромиссов (в том числе за счет своих конституционных прав и интересов избирателей), тактика "умиротворения" нарушителей Конституции поставили Россию на грань катастрофы. Сколько раз Президент издавал Указы с грубейшими нарушениями Конституции, заявлял, что для него Конституция - не указ? Президент какой другой страны мог бы позволить себе подобное и не лишиться своего поста?! Кто предоставил Президенту чрезвычайные полномочия, фактически, поставив его над законом? С чьего согласия Президент и его правительство творили неслыханные в мировой практике издевательства над экономикой - типа "либерализации цен" до приватизации и в условиях государственно-мафиозной монополии или - т. н. "народной приватизации" или "ваучеризации" в виде раздачи населению обесцененных бумажек и пр.?! У депутатов нередко не хватало твердости добиться выполнения многих собственных законных, нужных стране, но неугодных Президенту решений. Поистине трагические для страны последствия имело решение V Съезда, принятое под сильным давлением Президента, отменить назначенные Верховным Советом выборы глав местной администрации и предоставить Президенту право самому их назначать. Так в канун Большой Приватизации в стране была воссоздана авторитарная, неподконтрольная избирателям пирамида исполнительной власти, идеальная для передачи собственности в руки правящей номенклатуры. В результате сегодня в самом разгаре

передел богатств страны между мафиозно-номенклатурными кланами. Именно на то, чтобы беспрепятственно довести этот процесс до своего логического завершения, направлена попытка единоличной узурпации власти Президентом.

При этом последний лицемерно ссылается на засилье в Советах старой коммунистической номенклатуры, обвиняет Съезд в нарушениях Конституции (без ссылки на конкретные якобы нарушенные статьи), говорит об ущемлении прав избирателей на свободное волеизъявление и необходимости довести до конца "радикальные рыночные реформы". И это говорит человек, сформировавший свое окружение на 80 % из бывших секретарей обкомов и горкомов, назначающий этих людей главами администраций по всей России, по существу отдавший ее им на разграбление! Сколько неконституционных Указов подписал этот "защитник Конституции"?! А кто добился лишения народа такого фундаментального права, как право при помощи голосования влиять на выбор своих руководителей?! Сегодня Президент грозит ЗАМЕНИТЬ своих особо проворовавшихся наместников. Вопрос о том, чтобы вернуть народу право на выбор, даже не ставится! И не рынок создается сегодня в России, а номенклатурно-мафиозная экономика, при которой власть и собственность сосредоточиваются в одних и тех же руках..."

Из Заявления Политсовета Союза Возрождения России:

"20 марта с. г. Президент РФ Б. Н. Ельцин выступил с "Обращением к народу", объявив введение "Особого порядка управления", фактически перечеркнувшего возможность дальнейшего конституционного развития России.

Президент Б. Н. Ельцин, провозгласив "новый порядок", признал тем самым банкротство своего политического курса. Таким образом, он провозгласил и свое личное банкротство как политического деятеля и высшего должностного лица Российской Федерации.

Не его оппоненты отрицают право Ельцина на пост Президента, он сам отрицает себя в качестве Президента. Ельцин сам 20 марта отстранил себя от должности, и задача парламента и Конституционного Суда - оформить его отставку согласно Конституции России.

Россия сейчас, как никогда, нуждается в компетентной, ответственной и авторитетной власти. Она именно теперь должна осуществлять глубокие стратегические мероприятия по стабилизации ее экономического положения и политического строя, а затем приступить к реализации экономических и государственных реформ, которые восстановят Россию как великую мировую державу с эффективным народным хозяйством, достойным уровнем жизни и стабильной политической системой.

В то же время, эти цели не могут быть достигнуты антиконституционным способом и безответственными действиями Президента, ставшего 20 марта с. г. клятвопреступником и политическим рецидивистом, создавшим питательную среду для смертельной схватки левых и правых радикалов..."

Из обращения Московской организации Народно-трудового Союза российских солидаристов (НТС):

"Мы долго ожидали решительных действий Президента России. И, наконец, решение принято. Теперь наша с вами очередь решать, кого поддерживать: всенародно избранного Президента или крючкотворов из бывшего "блока коммунистов и беспартийных".

Они мечтают лишить слова и власти не только законного Президента, но и сам суверенный российский народ.

Нас ожидают трудные, но радостные времена - предстоят месяцы борьбы за свое право высказаться по важнейшим общенародным вопросам на Референдуме, право жить без надзирателей из бывших политруков, право владеть собственностью и землей, право хозяйствовать без опеки бывших профессоров политэкономии.

Друзья! В наших силах превратить апрель 1993-го в месяц надежды, добра

и справедливости. Не позволим противостоянию мнений перейти в противостояние людей. Сохраним доброжелательность и снисходительность к тому, кто по стечению обстоятельств или по чьему-то умыслу хочет помешать российскому народу свободно и самостоятельно стать на демократический путь развития."

С ПРАЗДНИЧКОМ!

ГОРЯЧИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Казалось бы, все преступления российской "демократии" перекрыло ее главное преступление - события октября 1993 г. Но генеральная репетиция мятежа прошла 1 мая того же года, и этот день тоже навсегда останется в памяти москвичей. Им будет что вспомнить.

Вспомнят они жестокое избиение под плакатом "С праздником, дорогие россияне!". Вспомнят и невиданной наглости заявления мэра Лужкова о том, что демонстранты "крушили все на своем пути", и экспозицию придорожного мусора, который начальник ГУВД выдавал в качестве оружия "боевиков", и подшипники, ставшие метательными снарядами для милиции...

Ни для кого не было секретом, что майские праздники 1993 г. будут использованы коммунистическими организациями для того, чтобы выразить свой протест против политики властей. Для многих москвичей не протест являлся главным в этот день, а привычное шествие в праздничной колонне, украшенной красными флагами. Такая ностальгия по прошлому... Она вовсе не была агрессивной, хотя и было от чего прийти в ярость. На памяти уже были избиения демонстрантов 23 февраля и 22 июня 1992 года. Поэтому ожидали всякого.

И вот власти выстроили свои штурмовые отряды латников из ОМОНа вокруг всей Октябрьской площади. У кого бы не закипело в груди при виде этих враждебных колонн явно превосходящего силой противника. Зло разбирало людей при виде той самой милиции, которая должна была охранять их от преступников, а сегодня в таком явном виде демонстрировала, что она именно преступникам и подчинена и ни перед чем не остановится, чтобы выполнить приказ - бить и убивать.

Начальник государственно-правового управления мэрии С. Донцов (об этом придворном специалисте мы писали в главе "Их охрана") на предварительных переговорах с организаторами шествия без обиняков сказал: если вы пойдете, мы будем вас бить. Он знал, что люди пойдут на демонстрацию, что никакие предупреждения не помогут их остановить. Он с некрофильским восторгом желал столкновения.

Демонстрация не могла пройти к Крымскому мосту, где заботами Лужкова был сформирован настоящий "котел" с узким горлышком для прохода демонстрантов, которое могло быть в любой момент перекрыто. Демонстрации негде было развернуться, а остановить шествие было уже невозможно. Демонстранты могли пойти либо через Крымский мост, либо в сторону площади Гагарина. Столкновение было неизбежным. Демонстранты были полны решимости пройти, а ОМОН получил однозначный приказ - "не пущать". Если первые считали себя полноправными гражданами России и не могли подозревать, что расправа над ними может быть столь бессмысленной и жестокой, то вторые уже были настроены на эту расправу. Более того, для того, чтобы демонстранты тоже пришли в состояние ожесточенности, были

заготовлены специальные средства.

Наиболее гнусным оскорблением было то, что одетых по-праздничному людей "окропили" пеной из пожарного брандспойта. (Потом тот же способ провокации пытались использовать уже 2 октября 1993 г. на Смоленской площади, когда ОМОН обложил баррикады. Но тогда люди уже знали, что можно ждать от милиции, и встретили ее градом камней.)

Побоище на площади Гагарина было заснято многочисленными телеоператорами и подробно показано по всем каналам телевещания. Это было страшное зрелище. Да, люди дрались с милицией. Но, несмотря на ожесточение оскорбленного достоинства, у них не было той животной злобы, с которой ОМОН преследовал спасающихся бегством. На кадрах хроники было хорошо видно, что человека могли ударить просто за то, что он стоит рядом. Видно было, что омоновцы бьют именно по голове, чтобы сбить с ног и продолжить избиение беспомощного противника. Видно было, как натренированные омоновцы догоняют пожилых людей и зло расправляются с ними, пуская в ход ботинки. Только по официальным данным, за медицинской помощью обратились 579 человек, пострадавших в этот день от наемников номенклатуры. А сколько еще людей побоялись пойти к врачу, страшась доноса и репрессий? Зато уж омоновцы тщательно пересчитали все свои синяки и ссадины, которые и смогли продемонстрировать 295 работников милиции (в том числе 181 омоновец) ("СР", 06.07.93).

Следует отметить сознательное нарушение закона натравленным на демонстрантов ОМОНом, превратившимся в этот день в банду боевиков. Правила применения резиновой дубинки, утвержденные Совмином России, прямо запрещают удары по голове, шее, ключицам, животу и половым органам. Омоновцы били именно по этим запрещенным местам, прикрывая свои "места" щитами, касками и бронежилетами.

Многочисленные свидетельства показывают, что две загоревшиеся во время столкновения машины не имели к демонстрантам никакого отношения и, скорее всего, этот фейерверк был подготовлен номенклатурной агентурой для усиления иллюзии массовых беспорядков. Другой момент этой истории связан с тем, что демонстранты неминуемо должны были пройти мимо правительственных резиденций, расположенных на Воробьевых горах, и повод для их разгона, который приводился за кулисами официальной политики, несомненно, был именно таков - защитить президентскую обитель.

1 мая 1993 г. была проведена не просто очередная тренировка номенклатурных бульдогов. Эта акция предполагала дать повод Ельцину для введения чрезвычайного положения. Преступникам пора было прятать концы в воду. Ельцин медлил - не все еще было готово для разгрома парламента.

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ОЦЕНКИ

Парламентская комиссия по расследованию событий 1 мая 1993 г. зафиксировала ряд фактов ("СР", 24.06.93):

1. Организаторы шествия не призывали собравшихся на Октябрьской площади идти на прорыв оцепления. Правоохранительные органы ни разу не оповестили граждан о запрете на движение в сторону Гагаринской площади.

2. Утверждения Лужкова и Ерина о том, что демонстранты все

крушили на своем пути, и именно это послужило основанием к запрету их прохождения на Воробьевы горы, не соответствуют действительности. Лужков, еще не имея данных о подробностях столкновения к вечеру 1 мая, уже выступал по телевидению с односторонними оценками и обвинениями.

3. Пострадавших в этих событиях было гораздо больше, чем официально зарегистрировано. У демонстрантов в основном разбиты головы и лица, у милиционеров зафиксированы в основном травмы ног и кистей рук.

По результатам работы парламентской комиссии ВС принял постановление, в котором потребовал от Президента отставки мэра Лужкова и министра внутренних дел Ерина ("Коммерсантъ-Дейли", 24.07.03). Но мы уже помним, что Ельцин относился к расправам над оппозицией "хорошо", а парламентарии стали его главными врагами.

Демократическая пресса неистовствовала по поводу якобы заранее спланированных столкновений боевых дружин "Трудовой России" с милицией. Даже через два с половиной месяца после событий 1 мая еще появлялись измышления о том, что демонстранты заранее заготовили булыжники в Нескучном саду, о том, что задавивший омоновца водитель заранее получил ключи от машины, которую направил на ряды милиции ("Тверская-13", 15.07.93).

Расследование следственной группы Генеральной прокуратуры РФ показало, что события развивались следующим образом ("СР", 06.07.93):

09.04.93. Исполком "Трудовой Россия" уведомил председателя Моссовета Н. Н. Гончара о проведении 1 мая 1993 г. манифестации на Красной площади.

15.04.93. Ряд политических партий и движений, включая Фронт национального спасения и движение "Трудовая Москва", обратились к Президенту РФ с просьбой разрешить митинг на Красной площади.

19.04.93. Все заявки поступили в государственно-правовое управление мэрии Москвы, а 22.04.93 направлены за подписью мэра Президенту РФ с просьбой принять решение по поводу поступивших уведомлений.

25.04.93. Мэр Москвы, не дожидаясь решения Президента, выпустил распоряжение № 283-рм, которое никому не рассылалось и было зарегистрировано с нарушением обычного порядка путем вписывания в книгу регистрации

26.04.93. Распоряжение мэра разрешало проведение митинга на Красной площади только Московской федерации профсоюзов.

29.04.93. Пресс-служба Президента сообщила мэрии о подписанном распоряжении Президента о запрете митингов на Красной, Старой и Новой площадях. О содержании распоряжения инициаторам митинга было сообщено только в устной форме.

29.04.93. Появляется распоряжение мэра № 295-рм "О проведении митингов и шествий 1 мая 1993 г.", которое было разослано только Лужкову, Гончару и членам московского правительства. Инициаторам митингов его не рассылали.

30.04.93. На основании указанного решения ГУВД был разработан план обеспечения общественного порядка во время проведения митингов и демонстраций. Свыше 10 тыс. работников милиции планировалось задействовать для недопущения прорыва демонстрантов в центр города с Октябрьской площади. Блокирование Ленинского проспекта не

предусматривалось.

01.05.93, 10.00. С содержанием распоряжения № 295-рм работники УВД знакомят организаторов митинга на Калужской (Октябрьской) площади. Им предписывается провести шествие к Крымскому валу, где и должен состояться митинг. Маршрут демонстрации, который указывался в уведомлении, блокирован милицией. Руководители демонстрации решают увести ее на Ленинские (Воробьевы) горы. Об этом собравшимся на площади сообщается в 11.00.

01.05.93, 11.00. После выступления Анпилова об изменении маршрута, начальнику ГУВД по рации была отдана команда Лужкова о перекрытии Ленинского проспекта в районе пл. Гагарина.

01.05.93, 11.23. Формирование заслона из работников милиции проводилось на глазах у движущейся к нему демонстрации. Головная часть колонны, состоящая из дружинников, поддерживающих порядок, и выдвинувшихся из глубины колонны мужчин сходу врезалась в цепочку милиции, пытаясь своими телами раздвинуть ее.

01.05.93, 11.45. Основные силы ОМОН неожиданно начали выдвижение через заграждение из автомашин. В это время со стороны демонстрантов начала движение грузовая автомашина. Она врезалась в машину заграждения. При этом между машинами был зажат сотрудник ОМОН, получивший в результате смертельные повреждения. Водитель машины скрылся.

Приведенный график событий показывает, что никакой заблаговременной заготовки камней (о чем сообщала "демократическая" пресса) демонстранты не могли сделать, ибо не могли знать, где будет выставлен заслон, а задавивший омоновца водитель мог быть и провокатором из спецслужб (уж если у него были ключи от чужой машины).

Расследование прокуратуры также показало, что непосредственно в рядах демонстрантов находились 50 сотрудников уголовного розыска, а также представители спецслужб и оперативного управления ГУВД ("Завтра", № 12, 1994 г.)

Вот свидетельства очевидцев и пострадавших в бойне, устроенной Лужковым (Из книги "Кровавый май" и заявлений потерпевших, опубликованный в газете "Завтра", № 12, 1994 г.):

- Сбили с ног и начали избивать дубинками и каблуками. Хорошо, что молодые ребята спасли. Пришел в сознание только в скверике.

- Люди были со страшными травмами, в основном с разбитыми головами и лицами, кровь текла ручьем, все было ужасно. Я плакала и многие женщины тоже кричали от страха и плакали.

- На моих глазах омоновец лет 18-ти с неосмысленными глазами ударил женщину лет шестидесяти в пах ногой. Женщина упала. Был нанесен удар пожилому человеку по голове, кровь брызнула из головы. Он тоже упал.

- У меня на глазах омоновцы забили мужчину, он лежал весь в крови, к нему подошла женщина-врач, подняла веки и сказала: "Почти никакой надежды"... Когда омоновец замахнулся на мальчика, она закричала, и тогда он ударил ее по голове. Мостовая была залита кровью.

- Сотрудники милиции и омоновцы волоком, держа за ноги, тащили к автомашине мужчину, который был без сознания или мертв.

- Меня избивали дубинками по голове, глазам, спине, плечам.

Сбили с ног и ногами били в бока, грудь и коленки.

- Я был втянут в ряды омоновцев и меня начали бить. Бить зверски. Я получил удары дубинками и ногами по спине (в область почек) и по голове. В 1-й Градской больнице мне 20 минут накладывали швы.

- Меня били дубинками по голове, плечам и спине. А потом, сбив с ног, пинали ботинками в бока и грудь.

- Один из омоновцев сильно пнул меня ботинком в спину, а потом в пах, и я потерял сознание.

- От четырех ударов омоновцев по голове я упал. Мимо проходили двое омоновцев, остановились и стали быть меня лежачего.

А теперь посмотрим на оценки, которые давали событиям 1 мая депутаты Моссовета, имеющие самые разные позиции и отношение к властям. Приведем фрагменты выступлений депутатов Моссовета на заседания Малого Совета 5 мая 1993 г.:

С. И. Белашов (Заявление движения "Трудовая Москва"):

"Общественно-политическое движение "Трудовая Москва" своевременно уведомила Моссовет о намерении провести праздничную демонстрацию 1 мая 1993 г. Председатель Моссовета Н. Н. Гончар направил наше уведомление мэру Москвы Лужкову для принятия соответствующих мер по обеспечению общественного порядка во время демонстрации и митинга. Мэр Москвы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1988 г. должен был за 5 дней до намеченной даты согласовать все спорные моменты с организаторами демонстрации, но это сделано не было. 29 апреля 1993 г. ненадлежащее лицо - начальник Главного правового управления мэрии С. Е. Донцов - пригласил представителей "Трудовой Москвы" в здание Моссовета и в категорической форме заявил, что разрешение на шествие по заявленному маршруту со стороны мэрии дано не будет и что власти готовы применить силовые меры для недопущения манифестации. При этом письменное распоряжение мэра Москвы выдано не было, т. к. оно не было подписано Лужковым. Представитель "Трудовой Москвы" заявил, что мэр Москвы Лужков готовит политическую провокацию с целью устроить массовые беспорядки для введения чрезвычайного положения в столице и расправы с оппозиционными движениями. Действия мэра противоречат Указу Президента РФ № 524 от 25 мая 1992 г. и решению Моссовета от 19 февраля 1992 г. "О порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования". Представитель мэра начальник ГПУ С. Е. Донцов был официально предупрежден, что ответственность за последствия ляжет лично на мэра Москвы. 1 мая 1993 г. участники демонстрации собрались на месте сбора - Октябрьской площади и были готовы к началу движения по намеченному маршруту, но путь был прегражден с трех сторон отрядами ОМОН и милицией с использованием грузового транспорта. В результате такого блокирования демонстранты направились к МГУ по Ленинскому проспекту, свободному от автотранспорта и милиции. Руководство ГУВД Москвы (Панкратов, Киселев) умышленно спровоцировало столкновение демонстрантов с ОМОН и милицией, установив заградительный заслон при входе на пл. Гагарина, преградив путь движения колонны, вместо того, чтобы направить демонстрантов на ул. Косыгина по кратчайшему маршруту к МГУ. Набрав энергию движения от Октябрьской пл., колонна демонстрантов вошла в соприкосновение с заградительным отрядом и милицией. Омоновцы на флангах первыми пустили в ход дубинки, нанося ими удары по головам безоружных демонстрантов. В телевизионной записи отчетливо видно как омоновец тащил за ногу неподвижное тело мужчины по проезжей части за оцепление, где другой милиционер со всего маха нанес сильный удар дубинкой по телу лежащего и не подающего признаков жизни человека..."

Т. В. Шумилина (редактор газеты "Дума"):

"1 мая на профсоюзном митинге все было спокойно. Там было достаточно большое количество пешей милиции, которая вела себя очень миролюбиво и не препятствовала гражданам, за исключением того, что их не пустили на Красную площадь и предложили проводить свой митинг у Исторического музея со стороны Манежной площади. Народу было мало, и митинг протекал довольно скучно. Затем я отправилась на Октябрьскую площадь и увидела там уже довольно пугающую картину. Площадь со всех сторон была оцеплена ОМОНом, сверкали под солнцем каски и щиты. Было впечатление, как-будто собираются травить волков. Во всех переулках стояло невероятное количество техники и милиции. Проходы для проведения шествия в тот момент были открыты, но представляли собой промежутки в 15 метров, а впереди стоял отряд ОМОНа, и были видны каски в боковых переулках. Людей надо было вести прямо в "мешок", со всех сторон окруженный ОМОНом и милицией. Когда я беседовала с организаторами демонстрации, они сказали, что вести людей по проходам, в которых могла образоваться свалка, "в лапы ОМОНа" они не хотят и решили направить демонстрацию в наиболее спокойное и безлюдное место - на Воробьевы горы, где можно было провести митинг.

Как свидетельствует генерал Киселев, которого я слушала вчера на комиссии, Ленинский проспект был открыт, никто его не перегораживал и не оповещал граждан о том, что будет поставлен заслон. Более того, после того, как было принято решение, что колонна пойдет по Ленинскому проспекту, впереди нее и сбоку шли машины милиции, предупреждавшие водителей, чтобы они не мешали проходу колонны. Таким образом, демонстрация шла вполне спокойно и даже весело под руководством милиции, о чем я свидетельствую перед Богом и перед людьми. Клятву могу дать, что не было вооруженных людей, не было никаких разрушений и нарушений общественного порядка.

Когда мы спросили генерала Киселева о разрушениях на Ленинском проспекте, он ответил, что разрушений не было. Он также подтвердил, что решение о выставлении заслона было принято руководством только в тот момент, когда колонна двинулась по проспекту.

Демонстрантов никто громко и официально не предупреждал, что впереди выставлен заслон и что они обязаны остановиться или вернуться к месту сбора. Милицейские машины, которые вели граждан на бойню, были снабжены громкоговорителями и вполне могли оповестить их, что проход закрыт.

Организаторы демонстрации в один голос говорят, что остановить массу народа можно было не менее, чем за 500 метров. И поэтому набравшая энергию движения колонна остановиться не могла. При этом надо принять во внимание и психологический фактор. Когда люди на Октябрьской площади увидели, что их, как волков, со всех сторон обложили ОМОНом, что власти недружелюбны к своим гражданам, они были возбуждены и оскорблены. Те, кто выставлял этот заслон, должны были себе четко представлять, что с такой толпой нельзя не войти в соприкосновение.

Когда соприкосновение произошло, милиция стала "отмахиваться" дубинками, а люди стали оказывать сопротивление голыми руками. Сзади толпа напирала, и они пытались освободить проход, пытались раздвинуть машины. Когда граждане преодолели заслон в виде очень редкой цепочки милиции, который быстро рассыпался и большого ущерба им не нанес, началась бойня. В образовавшийся проход "свиньей" ринулся ОМОН. Это я уже видела своими глазами: заработали водометы, женщины закричали: "Защитите нас!" Граждане бросились в Нескучный сад и стали приносить оттуда камни, вскрыли мостовую, в ОМОН полетели обломки асфальта. Омоновцы гнались за убегающими в Нескучный сад людьми, догоняли их, колотили. Причем набрасывались на одного сразу по несколько человек, били лежачих, женщин, детей. Но здесь им начали оказывать сопротивление. У омоновцев в руках были шарикоподшипники и камни - все это я видела своими глазами, видела и людей, получивших ранения от шарикоподшипников.

Если бы вы видели эту картину - под ярким солнцем на траве Нескучного сада лежали на траве старики-ветераны и их медали блестели на ярком солнце. Лежали раненные с пробитыми головами, все в крови. Было невероятное количество

окровавленных, Ленинский проспект был весь в крови."

Д. И. Катаев ("ДемРоссия"):

"До 1 мая было 22 марта, когда тоже был осуществлен прорыв милицейской цепочки, но, слава Богу, без жертв, потому что милиция сопротивления не оказывала, а побитых мы жертвами уже не считаем. Побитые были, об этом есть свидетельства и фотографии в газетах. Мы имели около года назад Останкинские события, которые остались безнаказанными. Одна или обе стороны были виноваты - никто не понес наказания, все было забыто. Было много криков о трупах, которые якобы были в Останкинских событиях. Здесь присутствуют те, кто поддерживал все это, прекрасно понимая какую провокационную роль они в тот момент играли. Где эти трупы, кто понес наказание? Никаких следов.

Поэтому первомайские события должны были произойти, если не 1 мая, то в другой день. Кровь в большом количестве должна была пролиться, потому что законы нарушались постоянно.

Можно спорить о том, право или неправо Правительство Москвы и органы милиции, препятствующие демонстрации и выставившие оцепление. Но никто, я думаю, не будет спорить о том, что решение Правительства должно сначала выполняться, если оно отдано, а потом обжаловаться, обсуждаться. Никто не имеет права сам решать, законно данное решение или незаконно. Иначе никакой законности у нас в городе не будет.

Первая причина событий - беззаконие, и ответственность за него несем мы, поскольку не довели до конца ни одного расследования. А единственно законным концом является судебное разбирательство. То же самое относится и к попустительству. Попустительство со стороны прокуратуры, со стороны правоохранительных органов, начиная с Генерального прокурора и ниже. Попустительство со стороны Моссовета, где провалялось в течение месяца обращение в прокуратуру об административном взыскании Анпилову. Мы до сих пор не знаем, у кого.

Третья причина - это двойной стандарт. У нас очень охотно пишут любое лыко в строку правительству, но уклоняются от осуждения самых провокационных, самых очевидных действий "Трудовой Москвы". Причем делают это демократы из самых демократических побуждений, в искренность которых я абсолютно верю,

С двойным стандартом жить невозможно. Если оплевывают работников телевидения (причем отрицать этот факт невозможно), если бьют сотрудников милиции и водителей машин, как это было 22 марта уже этого года, если нарушают самые элементарные правила проведения демонстраций, как это было 1 мая, и кто-то пытается это оправдать, то что это, как не самый настоящий двойной стандарт?

Я не был в колонне 1 мая, но я депутат Октябрьского района, (у нас там большой актив), и я постарался собрать свидетельства людей, которые живут на Ленинском проспекте, особенно в районе Октябрьской площади и площади Гагарина. Люди видели явную агрессивность отдельных групп мужчин, которые не митинговали, и знамена у них на Октябрьской площади были черно-желтые, а не красные. Они пытались опрокинуть автобус с ОМОНом, когда он появился на площади после ухода демонстрации. Они били, толкали, оскорбляли милицию уже на Октябрьской площади, где не было никакого противостояния. Есть свидетельство о том, как была построена цепочка, по которой из-за магазина "Диета" демонстрантам передавали камни. Те бросали их в ОМОН. Причем, есть такое свидетельство, что камни нередко до ОМОНа не долетали, а попадали в тех, кто атаковал омоновцев. Есть свидетельство, что за оцеплением на площади Гагарина никакой драки не было. Те участники демонстрации, которые обошли оцепление, свободно там перемещались, вступали в пререкания с милицией, оскорбляли ОМОН, но никакого отпора не получали. Они пытались напасть на машину скорой помощи, когда в нее грузили раненного. И вот только в этом случае они получили несколько ударов дубинками. Это говорит о том, что милиция и ОМОН не были настроены агрессивно по отношению к демонстрантам, кроме места, где происходила свалка."

Ю. С. Авданин:

"Я бы хотел высказать свои соображения по тем главным причинам, которые вызывают сегодня такую нестабильную обстановку. Именно Президент, надев на треть населения красно-коричневый колпак, оскорбил большие группы граждан накануне дней, которые празднуются в мае. Частные заявления, которые Президент делал за рубежом, предавая анафеме коммунистическую гидру, никогда не будут способствовать стабилизации обстановки в России. Вторая причина - это разнузданная оголтелая кампания в электронных средствах массовой информации, которая была организована против представительных органов власти. Естественно, блокирование оппозиционных партий и движений привели к тому, что эти партии и движения пытаются выразить свою волю, вывести своих единомышленников на улицы и площади."

В. В. Попов

"В отличие от депутата Катаева, который ссылается на кого-то, я был на демонстрации с самого начала и все видел.

В исходном положении милиция стояла в 3 ряда. Первыми поставили милицию в форме без щитов, но с резиновыми дубинками. Это были те, кого первыми должны были бить при возможном столкновении. За ними стояли омоновцы со щитами и в касках. За омоновцами стояли машины, не давая им никуда деться. Именно такое расположение привело к травме одного из них, который, попав между машинами, не избавился от опасности, а пострадал за счет маневрирования одной из машин...

Буквально метров за 500 до пл. Гагарина люди увидели (именно увидели!) что там стоит заслон. С машины последовала команда молодым мужчинам выдвинуться вперед, а старикам и женщинам отойти вглубь колонны. Такая перестройка происходила вплоть до соприкосновения. Я побежал туда, пытался найти старшего офицера милиции, чтобы последовала команда, куда людям уходить. Все ссылались на Лужкова и Панкратова. Никаких проходов вправо-влево не было. Когда колонна подошла, она буквально в минуту оказалась на первых машинах. Никаких особых столкновений не было. Милицию сразу отодвинули. После этого началась драка.

Я стал искать обход и предложил проходить туда тем, кто не хочет побоища. Сейчас это преподносится как хитрый маневр. Потом я оказался в пространстве, где стояли омоновские машины с боевиками, искал начальство. Там меня пытались избить. Милиция не реагировала, хотя я представился.

Омоновцы выскакивали из машин по несколько человек, выхватывали кого-то из толпы, затаскивали в машину и избивали. Били не столько по голове, сколько по почкам. После этого произошло подожжение машин слева и справа.

Я нашел среди демонстрантов двух полковников - наших депутатов Моссовета, и мы пытались осуществить разъединение сторон."

А. И. Борисов (священник-обновленец):

"Моссовет должен адекватно отреагировать на события 1 мая. Мы не должны уклоняться от того, что побудило людей к этим беспорядкам. Быть может, была неправильная организация со стороны исполнительной власти, непродуманность шествия демонстрантов. Но нападать на милицию, как бы она там не стояла - поперек или вдоль, закон никому не позволяет. Если мы с вами не защитим сегодня милицию от произвольных действий граждан, завтра милиция не сможет защитить нас, потому что в милиции и так некомплект.

Я видел колонну 1 мая по телевизору. Там были активные люди. Также я помню митинг на Манежной пл. Там были отряды людей в форме, которые стояли квадратами. Это были люди, подготовленные для сопротивления или нападения.

Я должен напомнить вам те митинги, которые проводились

Демократической Россией в начале 1990 г. Тогда впереди действительно шли депутаты и, увидев за 500 метров щиты ОМОНа, не только не выдвигали кого-то вперед, но и предотвращали соприкосновение. Потому что сразу было объявлено, что ни одна идея не стоит одной единственной человеческой жизни.

Вина на тех, кто первый напал на милицию. По телевидению это видно совершенно отчетливо. Милиция не была виновата. Никто не сказал, что нападающие развернули две машины и направили их на милицию. Это было смертельно опасно, это привело к смертельной травме одного из омоновцев...

Три года назад под аплодисменты 80 % этого зала мы наблюдали, как бюст Ленина задвигали лицом в угол. Сегодня мы защищаем верного ленинца Анпилова. Вопрос не в политических взглядах, а в методах, которыми он действует. Неужели всех свидетельств о миллионах жертв коммунистического режима недостаточно, чтобы мы снова стояли за реставрацию коммунистической диктатуры?"

В. В. Фадеев (председатель подкомиссии по правам человека):

"В предыдущие годы я был организатором многочисленных акций гражданского неповиновения, которые не заканчивались ни жертвами, ни столкновениями с милицией. Потому что мы не призывали к насилию и к атакам на правоохранительные органы...

1 мая готовилось давно. 22 июня прошлого года были практически сходные события и сходные реакции депутатов Моссовета и ВС. Те же якобы безоружные несчастные демонстранты, которые встретили отряды милиции колами, прутами и бутылками...

Хотел бы предложить Моссовету принять заявление... Срочно создать правовую базу для нейтрализации экстремистских организаций. Поддержать действия и заявления Правительства Москвы в отношении первомайской демонстрации и ее последствий..."

В. А. Булгаков:

"Почему депутаты, которые задвигали бюст Ленина и протестовали против коммунистического режима, теперь вдруг поддерживают этих самых демонстрантов? Что случилось? А случилось вот что: если бы я захотел повторения путча в Москве, я бы выбрал именно ту политику, которую на протяжении почти полутора лет выбирает Правительство Москвы. Каждый раз, когда на пути демонстрации выстраиваются отряды ОМОНа и начинают ее не пускать, возникают конфликты, сопровождающиеся кровью. Когда преграда не ставится, демонстрация проходит мирно.

23 февраля была небольшая репетиция. Тверская была перегорожена и оставлен до смешного маленький проход в полтора человека шириной. Но Панкратов (начальник московского ГУВД - А. К.) связался с Гончаром, были выделены депутаты и серьезное столкновение удалось предотвратить.

Почему такую же добрую волю нельзя было проявить 1 мая? При вынужденном столкновении милиция теряет присущие ей черты бесстрастного стража порядка. Наблюдатели демократических независимых организаций отмечали, что в этот раз милиция сама кидала камни и железки в демонстрантов. Я считаю, что милиция была подведена к такому состоянию безответственными действиями руководства города."

Л. З. Шуголь:

"Я был на этой демонстрации с самого начала до самого конца. Но, кроме этого, я видел похороны Сталина. На похоронах Сталина погибло около 300 человек не потому что кого-то били, а потому что улицы перегораживали автомобилями с песком. В узких проходах между машинами люди гибли от давки. Они постоянно практикуют такой способ давки! Так было и 23 февраля 1993 г. Люди устремлялись в узкие проходы, а сзади стояли омоновцы и лупили. Но тогда люди шли в пальто и в шапках, а сейчас - с непокрытыми головами.

В этот раз омоновцы били демонстрантов как минимум дважды: один раз по

голове, а второй - когда человек упадет. Говорят, что они защищались. Нет, они переходили в атаку и гнали огромную массу людей обратно к Октябрьской площади. Вот тут и началась паника. Потому что с другой стороны тоже шел отряд милиции в касках. И тогда народ устремился в Нескучный сад...

Лужков на всю страну сказал, что шла толпа и крушила все на своем пути. Тем самым он обосновывает агрессивные действия ОМОН и милиции. Люди, которые не знают ничего больше, конечно считают, что правильно поступили с бандитами. Но дело в том, что туда шли организовано, веселые и с цветами, а обратно тоже колонной, но окровавленные.

Мы должны подать в суд на тех, кто дал распоряжение ОМОНу, и на руководство ОМОНа, которое дало приказ убивать. Бить и убивать - нет никакой разницы: ведь никто не знает чем кончится удар дубинкой по голове. Это покушение на убийство."

В. С. Шальнов:

"Чем дальше, тем больше наш народ будет понимать, что ему не по пути ни с Анпиловым, ни с Лужковым. На профсоюзном митинге 1 мая никто в поддержку Президента не высказался."

И. П. Данилов:

"Я бы хотел, чтобы мы жили в правовом государстве, и законы соблюдались бы всеми: и властями, и гражданами. Но мы живем не по законам, а по совести, и только это спасает нас от большой трагедии. Я не беру в учет тех людей, у которых вместо совести растет рейтинг. В сложившейся ситуации всем становится понятно, что виновата власть. (У кого власть, депутатам известно.) Потому что власть довела людей до такого состояния, что они выходят с массовыми протестами на улицу. А еще потому, что людям, выходящим на любые массовые мероприятия, не обеспечена безопасность."

В. И. Анпилов ("Трудовая Москва"):

"Главная причина, почему мы вышли на улицы - в призывах к разгону Советов. Сам Президент выступил с таким призывом. Протаскивание проекта Конституции в обход действующей Конституции, призывы к разгону Советов - это путь к открытой конфронтации в обществе... Дальнейшая эскалация будет прервана только в случае, если строго будет выполняться закон...

Я призвал людей идти по Ленинскому проспекту. В тот момент люди сказали: "Анпилов - трус!". Мне стоило огромных усилий и потребовалось использование своего влияния, чтобы сказать: "Уходим от столкновения. Важно не поддаться на провокацию". Но часть людей пошла на Крымский мост. Я бросился туда. Малое количество людей легко спровоцировать. Завернули... Началась передислокация ОМОНа: они бросились догонять колонну. Мы сели на Октябрьской площади, пытаясь их не допустить. Затем, пытались сделать это на Шаболовке. После того, как это не удалось, и я догнал колонну, побоище уже началось... Никаких заточек у нас не было, никаких ржавых цепей мы не несли. Наглая ложь!"

А. А. Калинин:

"Виктор Иванович [Анпилов], мне кажется, что за такие поступки, которые вы делаете, нужно вручать ордена "Демократической России" и следующие чины давать. Может быть, Вы и совершили какие-то героические поступки, пытались остановить людей, но люди уже были накручены, и вами в том числе. Да, основное бремя ответственности лежит на исполнительной власти. Но для того, чтобы произошло столкновение, нужен такой же заряд с другой стороны. И этот заряд создали вы и подобные вам.

Я считаю, что Моссовет не власть, в стране произошел государственный переворот. Нет в стране Конституции. К чему вы будете апеллировать?

Нужно отдать себе отчет, с кем мы играем. Перед нами путчисты, причем

путчисты победившие. Им нужен предлог для введения чрезвычайного положения, оправдывающий их перед миром... Какие бы решения здесь не приняли, на них наплюют. Эти решения будут представлены "свободной демократической прессой", которую лично защищает Президент, в самом пасквильном виде."

Третьим источником оценок и информации о трагических событиях являются документы общественных организаций:

Из открытого письма Демократического объединения "Свободная Россия":

"Сразу после обнародования предварительных итогов референдума и в самый канун праздника, который многие россияне традиционно привыкли отмечать шествием через Красную площадь, Президент подписал распоряжение, запрещающее политические акции на некоторых центральных площадях города. (Вам оно ничего не напоминает? Правда, "Президент Садового кольца" не захотел срамиться, добиваясь исполнения своего Указа, когда демократы все-таки начали выходить на Манежную. Нынешняя власть, однако, не столь стыдлива.)

... На пути мирной демонстрации были установлены многослойные заграждения из грузовиков и шеренги омоновцев. У лидеров "Трудовой России" не хватило разума и ответственности остановить шествие, и демонстранты пошли на прорыв. Надо полагать, этому трагическому решению способствовали многочисленные примеры, когда в ходе прошлых демонстраций "трудороссам" власти позволяли без особого труда прорвать заградительные кордоны милиции и пройти туда, куда им хотелось. Однако, в тот день цели властей были иные, и ОМОН получил, по-видимому, другие инструкции. И началось жестокое избиение, которое вскоре переросло в кровавое побоище в центре города. Полетели камни, в ход пошли древки от флагов, плакатов, палки и пр. Таким образом, наше и без того расколотое и озлобленное общество подтолкнули еще на один шаг к гражданской войне. А коммунистов - к запрету. Нужно ли им это? Конечно, можно допустить, что какие-то коммунистические лидеры посчитали "политически целесообразным" по старой привычке скрепить свое "правое дело" кровью. Хотя в этом случае непонятно, почему они сразу не повели своих людей "на штурм Красной площади", а устремились по единственному оставленному властями коридору на окраину города - туда, где меньше всего можно было ожидать противодействия. А что касается каких-то "заточек", цепей и прочего, якобы припасенного демонстрантами, то все эти реквизиты уже столько раз демонстрировались власть предержащими, что пора бы и разобраться, пора бы научиться различать единый почерк номенклатурной дезинформации: и в Тбилиси, и в Вильнюсе, и в Армении, и в Москве палачи стремились переложить вину на своих жертв, демонстрируя по телевидению "вещественные доказательства" их кровожадности. Убеждены: 1 мая демонстрантам незачем было вооружаться, они шли на праздник, взяв с собой детей и внуков, и не подозревали, что их ждет. Но даже если и допустить, что кто-то из организаторов демонстрации сознательно бросил безгранично верящих им людей на дубинки ОМОНа, это только то и означало бы, что кровавые Николаи снова нашли своих Гапонов, что интересы коммунистов на улице и интересы коммунистов в Кремле в очередной раз совпали. И кремлевские коммунисты сделали все для того, чтобы кровопролитие произошло, гораздо больше анпиловских.

...разве ответственная власть не обязана создавать для оппозиции все возможности для критики в свой адрес? Разве распоряжение Президента не способствовало разжиганию страстей и усилению конфронтации в обществе?! И разве можно бросать ОМОН на стариков, женщин и детей, идущих на окраину города, и полагать, что мужчины будут молча наблюдать за избиением?! Вспомните также о том, что кровь в Москве проливалась только тогда, когда власти использовали ОМОН (23.02.92, 22.06.92 г. и 01.05.93 г.)! Так зачем это было делать?!! Не затем ли, чтобы развязать травлю ЛЮБОЙ оппозиции, всех, кто отвергает насилие..."

Из Заявления Политсовета Союза Возрождения России по

результатам референдума и майским событиям в Москве:

"Дальнейшее обострение противостояния "Демплатформы" КПСС во главе с Ельциным и коммунистов-консерваторов из депутатского корпуса было оплачено кровью в столкновениях коммунистов-ультра с милицией в первомайском побоище. Эта кровь, как и в столкновениях 23 февраля и 22 июня 1992 г, была нужна только сцепившимся в схватке за власть фракциям КПСС, добивающимся монопольного права на восстановление своей тоталитарной партии в новом обличье.

В этой схватке не брезгуют ничем. Кровь предусмотрена стратегией борьбы и пропагандистскими трюками большевиков, скрытых под новыми личинами. Подобно большевикам, власти ввели в практику массовое награждение участников избиения своих сограждан.

Мы полагаем, что будущее возрождение России вряд ли будет связано с Ельциным, Лужковым, Макашовым или Анпиловым. Маловероятно, что вконец разложившийся депутатский корпус, в целом, способствовавший распаду единого государства и хаосу в экономике, найдет в себе силы вновь обернуться к интересам избирателей и Российского государства.

Мы считаем, что будущее за теми, кто выступает за духовное возрождение, власть закона, сильную государственность, национальное единство и нравственную политику. Мы призываем избирателей на будущих выборах представительной и исполнительной властей на всех уровнях поддерживать именно такие позиции. Только в этом случае Россия действительно обновится."

Из заявления собрания демократической общественности, прошедшего в мэрии г. Москвы 5 мая 1993 г.:

"События 1 мая носят не случайный характер, они явились закономерным итогом долговременной агитации и организационной работы, проводимой Фронтом национального спасения и другими экстремистскими группировками коммунистического и фашистского толка. Подготовка событий 1 мая во многом стала возможной благодаря позиции Конституционного суда и Прокуратуры Российской Федерации, которые как своими действиями, так и бездействием создали условия для легальной деятельности коммунистической партии и Фронта национального спасения, при почти полной безнаказанности лиц, призывавших к насилию, а порой и совершавших его. Обращает на себя внимание откровенно вызывающая позиция депутатского корпуса РФ и его руководства.

Мы полагаем, что Президент Российской Федерации, получивший 25 апреля мандат доверия из рук народа при поддержке демократической общественности, в том числе и демократической общественности г. Москвы, должен обеспечить безопасность граждан и порядок в стране, столь необходимые для нормальной жизни и проведения реформ...

Одним из условий, под которые избиратели голосовали на референдуме, было требование навести порядок. Президент должен использовать все свои силы и полномочия для обеспечения общественного порядка, безопасности граждан и общества. Действия представителей любых органов власти, будь это даже народные депутаты, если они направлены на подстрекательство к беспорядкам, должны решительно пресекаться..."

ЦЕНА ЖИЗНИ

Сразу после трагических событий Первомая высшие должностные лица дали им однозначную оценку, еще не имея на руках материалов следствия. Уже 4 мая Президент и премьер в совместном заявлении определили организаторов митинга на Октябрьской (Калужской) площади как виновников трагедии. 6 мая к ним присоединилась правительственная комиссия и Лужков.

Мэр Москвы Лужков (никем не избранный, но хорошо прикрытый услужливой правоохранительной системой) откровенничает в своих высказываниях о законодательстве ("МК", 04.03.93): *"Когда ситуация меняется в худшую сторону, мы должны законы не либерализировать, а ужесточать."* Говоря "мы", он не имеет в виду мерзкий его душе депутатский корпус. Под "мы" он имеет в виду себя, да Ельцина. А ужесточения вовсе не подразумевают "его величество Рынок", базарной грязью и хамством переполнивший Москву. Жесткость - это не параграфы Законов, это - состояние души, ставшее материальной силой. Материальной силой боевиков, окруживших Дом Советов в сентябре 1993 г.

Умыв Москву кровью, Лужков и его команда по принципу "вор кричит: держите вора!" обнародовали заявление о том, что трактовка событий Верховным Советом "является неприкрытой ложью" и о том, что *"депутатская комиссия,... возглавляемая зачинщиками беспорядков, не имеет права на расследование первомайских событий"* ("ВК", 05.05.93).

Верный оруженосец Правительства Москвы В. Шахновский по результатам кровавой маевки быстро построил умозрительную схему: пикеты - митинги - демонстрации - столкновения с властями - террористические акты - вооруженный конфликт. Авторство этой схемы управделами мэрии приписал своим противникам. Прибыв в качестве представителя Лужкова на парламентскую комиссию, Шахновский заявил, что его начальник болен. В тот же день репортаж с так называемого Конституционного совещания продемонстрировал членам комиссии Лужкова, который весело захлопывал выступление Хасбулатова ("СР", 24.06.93).

Поднаторевший в номенклатурных играх и потому получивший пост префекта Юго-Западного округа Москвы Ю. Притула так оценил события на Гагаринской площади: *"Простые российские парни грудью встали на пути, не побоюсь этого слова, фашизма."* ("ВК", 08.05.93). Эти заявления - лицо (точнее мурло) тех сил, которые вползли во власть под прикрытием благодушных лозунгов о свободе.

Освобожденная от всяческих барьеров, прежде всего нравственных, "мэрская" пресса тоже жаждала крови. С мая 1993 г. она подзуживала и без того исходящие нереализованной страстью к репрессиям власти и требовала избавления от нерешительности и созерцательности. Послужившая всем режимам "Вечерняя Москва" проливала слезы над погибшим омоновцем, раздавленным машиной в бойне на Гагаринской площади: *"В те часы, когда Володя умирал на больничной койке, в Моссовете депутаты принимали решения, осуждающие Володины действия. Можно ли придумать большее кощунство?"* ("ВМ", 06.05.93). О решении Моссовета - конечно же вранье. Моссовет осуждал действия властей и звериную жестокость вооруженных молодчиков ОМОНа.

В Моссовете, как мы видим по выступлениям, были и те, что поддержали Лужкова и лживую прессу, одобрили расправу. Например, депутаты Моссовета Д. Катаев и Н. Зыбина, которые по совместительству возглавляли московскую организацию "ДемРоссии", потребовали в мае 1993 г. создать правовую базу для "нейтрализации" экстремистских организаций ("Известия", 05.05.93). В сентябре 1993 г. они открыто поддерживали путч Ельцина. Мадам Зыбина даже участвовала в обыске рабочих мест своих коллег.

Депутаты Моссовета Лукин и Фадеев были более последовательны

и требовали решительности от властей еще в 1992 г. Добились. С 21 сентября 1993 г. они ходили в приподнятом настроении. (Может быть, действительно, стоило этих экстремистов разогнать раньше, чем они разогнали парламент?)

Надо отдать должное, Моссовет в тот момент действительно находился уже в состоянии, когда об адекватности своих действий никто не думает. Принятое на сессии обращение требовало от прокуратуры возбудить уголовное дело против Ельцина, Лужкова и Ерина. Моссоветовская фракция "деморосов" расценила это так: *"оголтелое неприятие законно избранного Президента России, всепожирающая ненависть к городской администрации и высокомерное игнорирование мнения наших избирателей-москвичей, столь определенно и однозначно высказанного на референдуме 25 апреля".*

Да, режим провокаторов и нравственных уродов всегда использовал человеческое горе в своих подлых целях. Традиция, рожденная в августе 1991 г., когда три жизни были принесены на алтарь "демократии", продолжалась и закреплялась. Задавленный машиной во время столкновения ОМОНа с москвичами тоже был отнесен на счет политических противников. Таков нравственный потенциал безнравственной власти и служащей ей лживой прессы.

* * *

Власти использовали ситуацию, чтобы в очередной раз подставить Моссовет. В тот момент, когда Моссовет должен был привлечь внимание к факту вопиющего произвола и провести независимое расследование событий 1 мая, на него прокурор города (вероятно, по подсказке сверху) взвалил вопрос о лишении депутатской неприкосновенности В. Анпилова, как организатора майских событий.

В другой ситуации Моссовет, по всей вероятности, удовлетворил бы ходатайство прокурора. Но вокруг кровавого побоища на Гагаринской площади такие горы вранья нагородили средства массовой информации! Именно они в глазах депутатов выглядели главными провокаторами, вкупе с московской администрацией, уже не находящей слов, как бы еще ей обругать своих политических оппонентов (даже тех, кто к майским событиям не имел никакого отношения).

Моссовет не мог в такой обстановке удовлетворить представления прокурора. Слишком очевидна была вина организаторов побоища - администрации Москвы и лично г-на Лужкова. Это как раз и нужно было "демократам". Моссовет всюду и везде был обвинен в пособничестве экстремистам, в поддержке позиции Анпилова. Все возражения на эти измышления дальше зала заседаний Моссовета распространить было невозможно.

Фракция "ДемРоссии" в Моссовете отмежевалась от "совдеповского", "прокоммунистического" большинства. Члены фракции рады были скопом полить грязью всех политических врагов. Каждый из них, независимо от всяких нюансов объявлялся поклонником Анпилова. К этому была присоединена кампания статей в московской прессе. Вот их заголовки. "МК": "Ни пяди Анпилова не отдадим", "Моссовет погромщиков не сдает", "Прокурору отказать - что два пальца обмотать". "Куранты": "Митинг в Моссовете", "Своих не сдаем!", "А лучше - самораспуститься". "Независимая":

"Депутатское братство". "Сегодня": "Моссовет защищает Анпилова". "Известия": "Малый Совет защищает Анпилова", "Малый Совет Москвы не заботится о спокойствии и порядке в городе".

Где уж тут было обсуждать действия московской администрации, позицию МВД, руководства милиции, Президента, наконец. Надо было во все горло кричать "Ату его!". Не Анпилова, конечно, - не велика птица. Забивали до смерти Верховный Совет и Моссовет.

ПРОВОКАЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Не случайно сразу два иска было направлено городским прокурором в Моссовет. Один касался мелких нарушений закона о печати (непредоставление каких-то номеров анпиловской газеты "Молния" в московскую регистрационную инспекцию), другой - участия Анпилова в майских событиях. Через прокурора кому-то очень нужно было привязать Моссовет к Анпилову, заставить москвичей отождествить их в своем сознании.

Вечером 8 мая лидер "Трудовой Москвы" В. Анпилов и его соратник были захвачены группой неизвестных, избиты и вывезены за город. После ночи с угрозами убийства и дня 9 мая с повязками на глазах и наручниках на запястьях оба "трудоросса" были выпущены в разных местах Подмосковья и утром 10 мая вернулись в Москву. Оба получили повреждения (ушибы, переломы пальцев и т. п.).

В. АНПИЛОВ

Окончил факультет журналистики МГУ (где и вступил в КПСС), работал радиокомментатором передач на Латинскую Америку, был корреспондентом в Никарагуа во время гражданской войны. В 1990 г. в депутаты России не прошел, зато стал депутатом Моссовета. Талантливый организатор, яркий оратор (о "талантливых организаторах" см. главу "Некрофилы у власти"). В. Анпилов - один из инициаторов создания движений "Трудовая Москва", "Трудовая Россия", член руководства РКРП, издатель газеты "Молния", организатор манифестаций "Марш голодных очередей", "Всенародное вече", "Осада империи лжи" и др. Неоднократно подвергался насилию со стороны властей. После октябрьского путча 1993 г. несколько месяцев провел в тюрьме.

Расчет у тех, кто планировал похищение Анпилова был на то, что взвинченные после 1 мая оппозиционеры взорвутся негодованием. Для того, чтобы крупномасштабные политические репрессии стали реальностью, Ельцину нужен был шквал беспорядков. Все утро 9 мая российскую прокуратуру трясло от телефонных звонков. Люди были убеждены, что Анпилов арестован.

9 мая 1993 г. мирная демонстрация прошла без ожидавшихся столкновений с милицией. Лужков был готов задавить ее силой, в переулках стояли БМП и вооруженный ОМОН, но в этот раз они напасть не посмели и даже дали демонстрации пройти не только до Советской площади, но и продолжить маршрут на Красную площадь. Впоследствии пресс-центр мэрии заявил, что впредь подобные нарушения установленных мэрией маршрутов

будут решительно пресекаться. На этот раз все обошлось только потому, что демонстрация была слишком многочисленной, в первых рядах шли депутаты Моссовета и России. Номенклатура была еще не готова к широкому размаху репрессий, да и день был неподходящий - праздник Победы не имел идеологической окраски.

Как же откликнулась пресса на эту демонстрацию? В прежнем ключе - провокацией. Вот типичный пример. Газета "Вечерний клуб" дает такую информацию: по сообщениям ГУВД, охрана Красной площади 9 мая задержала 7 человек с бутылками с зажигательной смесью, фитилями, касками, самодельными щитами и обрезками труб. А еще у них были шампуры и даже хоккейные щитки ("ВК", 13.05.93). Создается впечатление, что взяли целый отряд головорезов. В действительности, были задержаны: житель Тбилиси с шестью бутылками с соляркой, потом трое в пластиковых шлемах и еще трое с самодельными щитами и обрезком трубы ("МП", 12.05.93). Нигде потом об этих людях не сообщалось ни слова.

А вот как расценили "демократы" похищение Анпилова. "МК" в своем стиле дал статью на эту тему под заголовком "Доорался" ("МК", 12.05.93). Оправдание пыткам и политической уголовщине газета находит такое. Это мол могли мстить те молодые предприниматели, которым во время демонстрации разбили стекло новенького БМВ или владельцы якобы разрушенного демонстрантами кафе "Пингвин". И БМВ и "Пингвин", разумеется, выдуманы. "Куранты" (13.05.93) сетовали на то, что Анпилову предоставлены услуги врачебно-физкультурного диспансера, клепая "политику" главврачу. Травля продолжалась, беззаконие надвигалось под аккомпанемент заказной музыки.

Управление МБ по Москве и Московской области начало было расследование дела о похищении Анпилова, считая, что к теракту могли быть причастны сотрудники ОМОНа (Труд, 12.05.93). Омоновцы все отрицали, мрачно намекая, что их месть за умершего в больнице товарища не могла быть столь мягкой. Они ждали своего часа и дождались. В сентябре 1993 г. омоновцам дали волю отрабатывать технику расправы не на муляжах, а на живых людях. За свои потери они расплачивались со всеми, кто попадался под руку.

"Горячая" фаза номенклатурного мятежа наступала плавно, почти незаметно.

Часть 7.
АПОФЕОЗ МЯТЕЖА

Для того, чтобы начать рассказ об октябрьских событиях 1993 г., ставших апофеозом мятежа номенклатуры, мы приведем без комментариев три цитаты.

"Сочетание рынка и диктатуры - это путь, подходящий для отсталых стран. И для России тоже - ей необходимы долгие годы авторитаризма. " (Г. Попов, из интервью еженедельнику "Эвенман дю жеди", "Гласность", август 1992 г.).

"Если называть вещи своими именами, если открыто и честно оценивать реально сложившуюся ситуацию в сфере государственного устройства, то вывод и оценка напрашиваются сами собой. Мы столкнулись с необычайным и крайне опасным для судьбы страны. явлением - с неповиновением исполнительных структур Конституции и законам государства, с неподчинением в рамках этих законов высших чиновников решениям органов государственной власти. Иначе говоря, мы столкнулись с мятежом исполнительной власти против основных институтов государства." (С. П. Пыхтин, "СР", 17.10.92).

"Все случившееся в те дни - это наш общий позор. Позор нации. Когда народ перестает считать себя нацией, он превращается в население, в большую группу отдельных частных лиц, в толпу, которой как угодно можно манипулировать, из раза в раз обманывая" (А. Руцкой, "Правда", 05.04.94).

Для реконструкции событий сентября-октября 1993 г. автором использованы данные из брошюр "Площадь Свободной России", "Кровавый октябрь", "Анафема", публикации и воспоминания очевидцев.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПУТЧА (Война миражей)

С 1991 г. политические сезоны мы начали мерить с августа по август.

Первый такой сезон (1991-1992 гг.) был отмечен кавалерийской атакой президентской команды на основы государственного строя. Тылы надежно обеспечивал российский парламент. Первый залп - и вдребезги разлетелся Союз. Второй - и крупными трещинами административных и межэтнических границ покрылась российская территория. Третий - и под либеральные напевы ко дну пошла российская экономика. Это было время веселого разрушения, время пьянящего чувства свободы. А страна погружалась во мрак...

Второй августовский сезон (1992-1993 гг.) - время тяжелого похмелья. Люди начали понимать, что наворотили расшалившиеся правители, кому оказался выгоден этот угар разрушительства. Романтики

приувяли, и на первый план в государственной политике стали выползать из-за их спин настоящие уголовники. Уголовники стали грабить, а романтики - устраивать политические фейерверки. Чтобы было чем пугать наивного обывателя, в противников реформ перекрасили ближайших соратников Ельцина - парламентариев.

Первая хлопушка разорвалась в декабре 1992 г. на Съезде народных депутатов. Заговорили о возможности введения президентского правления. Вторая хлопушка потрясла Россию 20 марта 1993, когда Б. Ельцин выступил с "Обращением к народу", объявив введение "Особого порядка управления", но потом сделал вид, что это была просто невинная шутка: мало ли что сказал Президент на всю страну! ВС тоже встроился в эту игру, понимая, что сил для привлечения к ответственности новой команды путчистов у него нет. Пошумели немного, пугнули ближайших соратников Президента компроматом в "чемоданах Руцкого" и притихли.

Важной вехой в сезоне фейерверков и хлопушечных испугов стал референдум 25 апреля 1993 г., засыпавший всю страну разноцветным пропагандистским конфетти. Референдум, несмотря на ликование ультралибералов, закончился для них полным провалом. Только около трети населения России, имеющего право голоса, высказалась в поддержку Ельцина и его курса. Более половины голосовавших признали необходимость проведения досрочных президентских выборов. Почти половина регионов России не поддержала политику гайдаровских реформ. Наконец, избиратели отказали в доверии депутатскому корпусу именно в тех округах, где были избраны наиболее ретивые представители "ДемРоссии". Значительная часть населения, осознав всю фальшь затянувшегося политического шоу, предпочла вообще отказаться от участия в референдуме. А непросохшие от хмеля разрушительства "демократы" все продолжали талдычить о какой-то победе. Кое-кто им поверил, даже из деятелей оппозиции.

Спектакль, обеспечивающий прикрытие всероссийского грабежа, был продолжен гладиаторским боем 1 мая 1993 г. Противостояние номенклатурной "демплатформы" Ельцина и утративших власть консерваторов из депутатского корпуса было оплачено кровью невинных прохожее, привыкших в этот день прогуливаться в праздничной толпе. Президент решил с этого момента ввести практику массовых награждений участников избиения своих сограждан.

Весеннее хлопушечное наступление властей друг на друга стало очередной театрализованной репетицией российского Апокалипсиса. И многие купились на это шоу. Почти сразу и безоговорочно вымерло целое поколение деятелей культуры, бросившихся сладострастно вылизывать руки власти. Вымерло нравственно и духовно. Лишь немногие предпочитали умирать физически, не возбуждая народную и номенклатурную любовь участием в политических дрязгах.

Гамлет Смоктуновского решил навсегда вжиться в роль пакостного старикашки, твердящего наподобие свихнувшегося пушкинского Германа:

"да-да-нет-да". Жаль великого актера, не успевшего восполнить утрату собственного достоинства и умершего через какой-нибудь год после злополучного референдума, в котором ему довелось сыграть столь непристойную роль.

Неплохие актеры Караченцев и Абдулов решили отныне и до века играть роль комсомольских полукровок. Писатели-фронтовики Бакланов и Астафьев завернули в помещение для президентской челяди и стали профессиональными приживалами. Подававший надежды диссидент Буковский умер как диссидент и родился как лакей. Е. Боннэр вместе со своей совестью окончательно похоронила А. Сахарова, зато стала удобным подлокотником президентской власти. (Что стоили слова этой одемокраченной мадам о "ненасытной прорве старо-новой номенклатуры" после октябрьской бойни?).

Во всей этой компании заметно выделился популярный режиссер Э. Рязанов, который снял таки свой главный фильм - об одном холуе в президентских апартаментах. Объяснял свой нравственный выбор Э. Рязанов такими словами: *"Прежде всего следует осознать, что все мы заражены коммунистическим ядом, все без исключения, даже самые сверхдемократы. И всем нам предстоит выдавливать яд из себя - кому по капле, кому по чашке, кому по ведру. У кого как получится, кто как сможет. "* (Из интервью "Партия порядочных людей" в книге опечаленных демократов "Горечь и выбор - год после августа", 1992). Свой метод выдавливания яда вместе с представлениями о чести Э. Рязанов нашел - снял холуйский фильм дома у Ельцина аккурат на заказ перед апрельским референдумом 1993 г.

Вот еще один характерный эпизод, демонстрирующий перерастание "холодной" фазы номенклатурного мятежа в "горячую". Накануне апрельского референдума 1993 г. по Тверской ул. было организовано шествие шпаны. Толпа подростков в кожаных курках числом около 1,5 тыс., выкрикивая матерные лозунги, пересекла центр города. Подростков сопровождали одетые в пятнистую форму рохли из "отрядов баррикадников" и милиция. Тех же ублюдков потом показывали в телетрансляции 4 октября 1993, когда они избивали сдавшихся или захваченных защитников Белого Дома. Вот она - социальная база "творческой интеллигенции".

Вот она - "партия порядочных людей" Э. Рязанова!

В процессе нарастания криминальной революции с конвейера средств массовой информации -постоянно сходили великолепные образчики: то вдруг поумневший Жириновский, то сладкоголосый репортер Караулов, то жабоподобный придворный адвокат Макаров (в простонародье "Таня"), то выскакивала целая порция мелких бесенят столичного образца...

Для тех же, кто сохранял хотя бы какие-то крупицы собственного достоинства, предусмотрены были специальные чистки. Вспомним отставленного весной 1993 г. от всех дел Вице-президента А. Руцкого с его чемоданами материалов о коррупции в высших эшелонах власти. Вспомним секретаря Совета Безопасности Скокова, генпрокурора Степанкова, председателя Конституционного Суда Зорькина, отлученных от милостей

"всенародно избранного", вспомним "укороченных" президентскими решениями Болдырева, Баранникова, Дунаева и прочая, прочая...

Как говорят студенты, маразм крепчал. По своей насыщенности он не уступал брежневскому, а кое в чем дополнял старые традиции запоминающейся новизной. Как чертики из табакерки сыпались скороспелые генералы; тело Президента защищала полнокровная дивизия;

фальшивка в виде ваучера захватила умы граждан отупляющими размышлениями; протестантский проповедник на телеэкране вел светскую беседу о тонкостях сексуальных извращений; по сообщениям МВД, сумасшедший с перочинным ножиком чуть не убил Президента; вставший со смертного одра мэр столицы оказался способен на громоподобные речи с трибуны так называемого Конституционного совещания... Москва была обклеена листовками комсомольской активистки, объявленной живым богом; стотысячным тиражом был выпущен красочный агитационный плакат с надписью "Ельцин! Ельцин! Ельцин!" поверх ликующих болельщиков с американскими флагами; какое-то хамье из фирмы "Сеабеко" вместе с популярными эстрадными певцами устроило танцульки под песню "День Победы"; министр внешнеэкономических связей по воле ельцинского прихвостня вынужден был прервать командировку в Африку где-то над Тунисом; американский спецназ показывал свое искусство перед президентским аппаратом... А за всем этим завораживающим калейдоскопом - уничтожение науки, армии, дипломатии, развал стратегической обороны, крах финансовой системы, остановка производства и грабеж, грабеж, грабеж...

Президент Ельцин знал о своей стране твердо только одно - что лично он здоров. Здоровье это было, конечно же, особого рода (см. главу "Некрофилы у власти"). Вместе с наращиванием мышечной массы номенклатурного организма из треклятого гомо-советикус родился новый человекоподобный тип - демо-советикус ("гомо" почти все вымерло). С командой человекообразных кентавров, будто спрыгнувших с картин Босха, Б. Ельцин приступил к очередной "артподготовке". Бах! - брызнуло грязью из президентской комиссии по борьбе с коррупцией.

Бах! - грянули аплодисменты на встрече Президента с прикормленными мастерами вранья. Бах! - разразилась пресс-конференция.

Президента с обещаниями похоронить законность в стране к сентябрю... Фальшивая шрапнель летела во все стороны, но вызывала вполне натуральное воспаление мозгов. Хлопушечная "деморосовская" революция набирала силу, не замечая, что заинтересованных зрителей почти не осталось. На митинг по случаю второй годовщины августовских событий выи ню не более трех тысяч завсегдатаев с обеих сторон. Интерес публики с воспаленными мозгами могло возбудить только кровопролитие, публичное изнасилование страны.

Сценарий грязной игры дополнялся все новыми и новыми спецэффектами. Очередной путч стал ее продолжением. На сей раз

хлопушечный испуг должен был запомниться надолго - заряжали боевыми патронами.

21 сентября в 20.00 Ельцин издал Указ № 1400 "О поэтапной конституционной реформе".

ВТОРАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РАЗГУЛ ЕЛЬ-ЦИНИЗМА

Своим Указом № 1400 Ельцин прекращал полномочия Съезда народных депутатов и Верховного Совета, отменяя действие Конституции. Циничная оговорка о гарантиях защиты прав и свобод граждан ничего не меняла. Правда в Указе была несущественна, ложь - огромна.

Сопровождающее выпуск Указа телевизионное обращение Ельцина к народу было просто невероятным нагромождением фальши. Тут были и превратное толкование итогов референдума, и циничные ссылки на Конституцию, и направленные не по адресу обвинения в дезорганизации экономики, и лицемерные ссылки на пренебрежение правом со стороны Советов.

Указ объявлял о следующих мероприятиях. На смену избранным по закону депутатам должен был прийти Федеральный Парламент. Выборы должны были пройти по еще не существовавшим на тот момент правилам, а разработать их должен был аппарат Президента. Внешний мир должен был быть проинформирован, что выборы "диктуются стремлением сохранить демократические преобразования и экономические реформы". Иностранцы должны были понять, что государственный переворот "полностью соответствует основам конституционного строя Российской Федерации, прежде всего принципам народовластия, разделения властей, федерализма, и опирается на волеизъявление народа Российской Федерации, выраженное на референдуме 25 апреля 1993 года" (это почти слово в слово переписано из заявления ГКЧП-1!). Предполагалось, что противодействие этим противозаконным выборам будет жестко пресекаться. Полномочия представительных органов субъектов Федерации пока сохранялись. Как показала практика - не надолго. Конституционному Суду рекомендовано было не собираться. Вероятно, чтобы стыд глаза не ел.

Через полчаса после выступления Ельцина вице-премьер В. Шумейко заявил, что никаких силовых мер Президент не планирует. Он сказал также, что не планируется отключать свет и тепло в здании парламента. Министр обороны П. Грачев подтвердил, что "вооруженные силы в соответствии с военной доктриной, одобренной командующими, никогда не выступят против своего народа". Грачев заверил: *"Мы не допустим ввода вооруженных сил в Москву".* Зная лживость всего ельцинского окружения, можно и нужно было воспринимать эти слова, как прямую угрозу выполнения именно того, что Шумейко и Грачев обещали не делать.

П. ГРАЧЕВ

Взлет карьеры П. Грачева, как и у многих генералов ельцинского призыва, был связан с войной в Афганистане, где Грачев командовал полком и дивизией ВДВ. С декабря 1990 г. Грачев уже командовал всеми ВДВ. В августе 1991 г. он перешел на сторону Ельцина, получив "прозрачный намек" о назначении его министром обороны.

Как реформатор армии, Грачев надежд не оправдал. При нем началось резкое снижение боеспособности вооруженных сил России. Была вымучена убогая военная доктрина, в которой отсутствовали вероятные противники и союзники. Ракеты стратегического назначения были в одностороннем порядке резко сокращены, а оставшиеся лишены целеуказания. Российский флот перестал обновляться и быстро деградировал. Опытные генералы были удалены из армии, в массовом порядке армию покидали и молодые офицеры (около 60 тыс.). Число бесквартирньк офицеров достигло полумиллиона. Массовое хищение оружия и воинского снаряжения стало при Грачеве нормой. Потом это оружие было использовано режимом Дудаева против русских солдат, которыми ни Грачев, ни его генералы руководить не умели. Платой за подлость была смерть.

Зато министр лично занялся торговлей оружием, первым примерил новую армейскую форму, срисованную с НАТОвских образцов, увлекся заграничными вояжами и планами совместных маневров с американскими военными, а также созданием под видом мобильных сил жандармских корпусов ("Правда", 01.06.94). В армейской среде ельцинский министр обороны приобрел презрительную кличку "Пашка-мерседес" за свое пристрастие к импортным автомобилям.

Начальник ГУВД Панкратов был более откровенен. Он заявил, что *"в случае нападения на милиционеров или на объекты, имеющие особую важность, сотрудникам МВД разрешено открывать огонь без предупреждения" ("Правда",* 18.05.94).

С утра 22 сентября парламент отключен от всех видов телефонной связи, включая правительственную.

На следующее же утро экзальтированные "ельцинисты" бросились выражать восхищение своим патроном. Моссоветовские "деморосы" объявили, что последние годы мы, оказывается, переживали трудные времена перехода к демократии, а источник трудностей - это "брежневская Конституция" и "тяжелое наследие коммунистического режима". Обращение подписали 30 депутатов.

23 сентября 1993 Ельцин издал указ № 1435, который был ничем иным, как всенародным предложением взятки, которую узурпатор давал российским парламентариям в виде отступного. За признание Ельцина главным паханом России гарантировались: бесплатная приватизация служебной московской квартиры (оценочно 100.000 долларов), доходное

местечко в 'чиновничьей упряжке, выходное пособие (2 млн. рублей), бесплатное медицинское и курортное обеспечение и досрочный выход на пенсию. Будто из своего кармана готов был сыпать Ельцин дарами и привилегиями.

Не все согласились хрюкать вместе с президентской командой в зловонном болоте нравственного бесстыдства. Их список определила специальная ельцинская комиссия, возглавленная одним из тех многочисленных демо-советикусов, которого избиратели в прежние выборы направили служить народу в Верховный Совет. Новоявленные чекисты выявили 151-го депутата, чье поведение не позволяло распространить на них ельцинские "льготы" ("АиФ", № 8, 1994). Это список честных и мужественных людей. Хотя и не очень умных, не очень удачливых, не очень способных организаторов. Большинству из них противопоказано заниматься политикой. Они не сумели отстоять свое право на власть. Но в их честности в тот драматический момент сомневаться может только убогий душой человек.

В тот же день своим постановлением премьер Правительства РФ В. Черномырдин объявил о присвоении правительством "Российской газеты", "Юридической газеты России", издательства "Известия", теле- и радиопрограммы "РТВ-Парламент". Началась жесткая цензура прессы. Критические материалы по поводу действий "ельцинистов" запрещались, и газеты выходили с огромными белыми пятнами.

В это время состоялась провокация, имитирующая попытку захвата здания штаба Объединенных вооруженных сил СНГ. В строку защитникам Белого Дома поставили и убийство милиционера, и убитую шальной пулей женщину, решившую выглянуть в окно во время перестрелки. Генерал Кобец объявил, что при повторном нападении отдаст приказ открыть огонь на поражение. (Кстати, подробности этого эпизода так и не были описаны, ни в "демократической" прессе, ни в "патриотической", виновные не были названы.)

С утра 27 сентября Белый Дом был полностью блокирован, тяжелая техника окружила его плотным кольцом. Дополнительно все подходы опутали страшной "спиралью Бруно", которая была запрещена международной конвенцией еще в 30-х годах и даже фашистами не применялась. Оставшиеся коридоры были забиты глубоко эшелонированными кордонами ОМОНа в полной амуниции - в бронежилетах и касках, со щитами и дубинками. В Белом Доме было отключено электричество, вода, канализация.

Из газеты "Президент":

"Уверен, психиатрическая экспертиза признает, когда придет пора сажать бывших нардепов на скамейку в народном суде, их полную дееспособность. Но то, что все они, оставшиеся в блокаде, были ущербными лицами и забойными идиотами, - тоже очевидный факт... Хасбулатов кололся и накачивался анашой. Руцкой жрал

водку. А народец поплоше, хлебнув по маленькой, устроил концерт художественной самодеятельности... Всероссийская мразь гуляла, как мыши в театральном буфете. А чувствовали себя даже не кошками - тиграми. Они шалели в предчувствии большой крови, которую вот-вот пустят народу. Они отплясывали словно каннибалы, схарчившие родственника".

28 сентября ОМОН рассеивает мирную и безоружную демонстрацию у станций метро "Баррикадная" и "Улица 1905 года". Людей избивали, загоняя в метро. Избиения продолжались до вечера, а потом людей силой стали заталкивать в вестибюль метро и гнать вниз по остановленному эскалатору. Только благодаря милиции метрополитена, омоновцам не удалось столкнуть людей на рельсы.

Из показаний очевидцев ("Площадь Свободной России", М., 1994):

"*... каждый раз омоновцы бросались на людей с каким-то нечеловеческим рыканьем, с самой грязной матерщиной, разносившейся по площади. Били они остервенело, с явным удовольствием. Не люди, а звери, бандиты. Это была провокация, рассчитанная на ответные активные действия, в результате которой можно было бы свалить вину за все описанные беззакония на самих митингующих.*

29 сентября около полудня ОМОН зверски разгоняет мирную демонстрацию у станции метро "Баррикадная". Упавших били ногами, потом бросали а спецавтобус и продолжали избиение. Та же картина повторилась вечером.

Из дневника автора:

"Сегодня (29.09.93) довелось вплотную столкнуться с омоновским зверьем. Никогда не забуду свиное рыло командующего избиением людей у метро "Баррикадная". Облаченная в каски и бронежилеты жандармерия до костяного хруста запихивала людей в метро. Я оказался позади цепочки, орудующей щитами и дубинками, и попытался схватить одного из "героев" за плащ-накидку. На меня тут же набросился обладатель чудовищного % подбородка с тугим ободом жира над горлом. Но в суматохе люди оттеснили меня. Потом я попытался обратиться к человеку в милицейской форме с погонами майора. Но на меня взглянули совершенно пьяные глаза и в лицо пахнуло перегаром. "Депутаты сегодня никто", - сказал он, даже не взглянув на удостоверение, и два дюжих молодца отшвырнули меня в толпу.

Из показаний очевидцев ("Площадь свободной России", М. 1994):

"Я остановился и стал смотреть на площадь перед метро "Улица 1905 года ", где стояло подразделение со щитами, в касках, с автоматами и дубинками. ...два удара в голову свалили меня с ног. Поднявшись, я увидел перед собой командира и спросил у него: "Как фамилия, бандит ?" Он сказал:

"Сейчас скажу!" - и ударил дубинкой по правой руке, которой я успел прикрыть лицо. Посыпались удары по спине. Заломили руки и потащили через площадь к метро. ...меня поставили лицом к забору и стали бить по спине и бокам будто мешками с песком или боксерскими перчатками. Дышать до сих пор больно. Все задержанные в автобусе оказались случайными прохожими, все были избиты. Почти до полуночи задержали в 43-м отделении милиции. У многих пропали вещи, деньги, документы".

30 сентября в Москву прибывают подразделения ОМОН из Северной Осетии (3000 человек), из Питера, офицерский полубатальон из Твери. По некоторым данным наготове к этому моменту были и 1200 боевиков-общественников, пригретые мэрией Москвы (подпольная национальная гвардия). В ночь оцепление Белого Дома было усилено БТРами дивизии им. Дзержинского.

Весь день у станции метро "Баррикадная" проходили митинги, разгоняемые ОМОНом.

Из показаний очевидцев ("Площадь Свободной России", М. 1994):

- ... меня догнали сотрудники милиции, затащили в служебный автобус, обыскали и зверски избили кулаками и резиновыми дубинками. При обыске у меня были похищены 30 тысяч рублей. Во время избиения грозили убить, а ночью труп мой выбросить в Москва-реку.

- Полковник милиции скомандовал: "Батальон, к бою!" - и "бой" (избиение безоружных людей) вооруженными до зубов омоновцами начат. Около меня оказались две женщины, их сбили с ног и пинали. Резиновыми дубинками меня били по рукам, плечам и, поскольку я пытался прикрыться кейсом, он оказался пробитым в нескольких местах, сломаны замки, из него высыпались книги и другие вещи, поднять которые не было никакой возможности.

- Стали бить по голове, в пах, в живот. Один из них все сильнее душил меня. Когда я чуть не потерял сознание, он отпустил меня и ударил в нос. У меня в глазах появились розовые круги, на плащ полилась кровь. Заболела голова. Они приказали водителю везти меня в отделение. Привезли в 43-е отделение, опять выкрутили руки, выволокли из автобуса, поставили у стенки с поднятыми вверх руками и стали обыскивать... Продержали 6 часов.

- В 88-м отделении милиции старший лейтенант в ответ на заявление арестованных, что они будут жаловаться прокурору, сказал: "На х... мы видали вашего прокурора".

В этот день на Пушкинской площади намечался еще один митинг. Когда колонна демонстрантов подошла со стороны Белорусского вокзала, ее атаковали боевики в пятнистой форме и черных беретах. Потом в дело вступил ОМОН, пригнанный их Омска и Екатеринбурга. Побоище продолжалось допоздна. Вечером следующего дня побоище на том же месте повторилось снова.

Руководство карательными операциями осуществлял полковник Фекличев, которого с 1991 г. московская администрация использовала для самых грязных дел (незаконный арест депутатов, разгром палаточного городка в "Останкино" и др.). Потом его фигура мелькнула во время расстрела Белого Дома.

Белый Дом начинают обрабатывать "психическими" средствами. Выкрашенный в желтый цвет БТР, прозванный "желтый Геббельс", до боли в ушах исторгал через мощные усилители "демократическую" песенную пошлятину. Защитников парламента постоянно держали в напряжении, изматывая провокационными перемещениями войск.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЯТЕЖУ

Уже к полуночи с 21 на 22 сентября в Белом Доме начал действовать штаб общественных организаций. Обращение против Указа Ельцина подписали представители 21-ой организации.

Политические организации самого разного толка расценили этот Указ вполне однозначно. Это говорило о том, что все разнообразие политически воззрений противостояло позиции правящей партии "ельцинистов". Ситуация с противостоянием всей оппозиции единственной правящей партии повторилась в точности.

ЗАЯВЛЕНИЕ представителей общественных и политических организаций России

"21 сентября 1993 г. Б. Н. Ельцин выступил на всю страну с антиконституционным заявлением и подписал соответствующий Указ. Из формального гаранта Конституции и стабильности в стране он окончательно превратился в лидера антигосударственных, антинародных сил. С момента объявления Б. Н. Ельциным о прекращении деятельности законно избранного депутатского корпуса его президентские полномочия согласно ст. 121-6 Конституции Российской Федерации закончились, а подписанные им с этого момента государственные документы не имеют юридической силы и не подлежат исполнению.

Мы отчетливо видим намерение сил, поставивших на государственный переворот во главе с Ельциным, спровоцировать политическую нестабильность, •едущую к разжиганию гражданской войны. Только в ситуации хаоса они могут питать надежду сохранить власть и уйти от ответственности за результаты своей политики.

Мы обращаемся к тем, кто обеспечивает государственный порядок, с призывом неотступно выполнять закон и присягу. Мы призываем граждан России не поддаваться на спланированную антигосударственную провокацию. Органы власти обязаны исполнять возложенные на них обязанности. Мы требуем привлечения к ответственности лиц, виновных в грубом попрании Основного Закона России.

Только выполнив свой гражданский долг, мы сможем сохранить Россию".

Заявление подписали представители следующих организаций: Союз Возрождения России, Всероссийский Монархический Центр, Движение "Смена-Новая политика", Национально-республиканская партия России, Российский союз молодых христианских демократов, Конституционно-демократическая партия, Московская организация ДПР, Социалистическая партия трудящихся, Российский социал-демократический центр, Народная партия "Свободная Россия", Всероссийский Союз "Обновление", партия "Новые левые", Общественное объединение "Россия", "Объединенные социал-демократы", Партия национального единства, Демократическое объединение "Свободная Россия", Российская партия коммунистов, Фронт Национального спасения, Партия Возрождения Державы, Национал-большевистская партия, движение "Молодежная альтернатива". Партия Возрождения.

В ночь на 22 сентября собрался и Конституционный Суд, признавший указ Ельцина антиконституционным и служащим основанием для отрешения "всенародно избранного" от должности.

Ночью же собрался и Президиум Верховного Совета, принявший обращение к гражданам России, в котором, в частности, говорилось:

"В России совершен государственный переворот, введен режим личной власти Президента, диктатуры мафиозных кланов и его проворовавшегося окружения. Мы являемся свидетелями преступных действий, открывающих, путь к гражданской войне, в которой не будет победителей и побежденных. Может стать реальностью кровавая трагедия миллионов людей". По Конституции полномочия исполняющего обязанности Президента России переходили к Вице-президенту Руцкому. В 00 часов 25 минут он выпустил свои первые Указы и обращение к гражданам. Действия Ельцина были названы предательством, а его окружение - преступной кликой.

22 сентября Верховный Совет выпустил по горячим следам два решения. Первое констатировало прекращение полномочий Президента Ельцина, второе расценивало его действия как государственный переворот. В тот же день сессия Моссовета признала Указ Ельцина антиконституционным и не подлежащим исполнению. Исполком Федерации независимых профсоюзов также расценил действия Ельцина как государственный переворот и обратился к своим организациям с предложением противостоять антиконституционным действиям вплоть до забастовок.

С каждым днем противостояния президентская власть проигрывала. За исключением самых оголтелых "ельцинистов", все понимали, что творится беспредел. Объединения представителей областей, включая глав администрации, требовали одного: восстановления законности. Об этом в своих заявлениях говорили ассоциация "Центральная Россия", ассоциация' "Черноземье", "Сибирское совещание". Последнее, включившее в себя всех руководителей краев, областей и автономных округов Сибири, объявило: "... *в случае невыполнения наших требований будут предприняты меры протеста вплоть до прекращения движения по всем магистралям, связывающим европейскую Россию с Сибирью, будут прекращены поставки угля, нефти, газа, подача электроэнергии".*

23 сентября открылся 10-й Чрезвычайный Съезд народных депутатов России. Руцкой выступил на нем с президентской речью и поклялся до конца защищать Конституцию. 23-24 сентября свое негативное отношение к указу Ельцина высказали деловые круги (исключая воровские чековые фонды, наживающиеся на чубайсовской приватизации).

К 12.00 24 сентября 57 субъектов Федерации в лице своих представительных органов осудили действия Ельцина и только семь субъектов не определили своей позиции однозначно. Руководители субъектов Федерации потребовали отмены Указа № 1400 и назначения одновременных выборов Президента и Верховного Совета, а также отмены цензуры и выпуска закрытых газет.

26 сентября в Санкт-Петербурге совещание 41 представителя субъектов Федерации принимает решение: *"Отменить указ и восстановить в стране в полном объеме конституционную законность".* Только мэр Санкт-Петербурга Собчак и глава администрации Рязанской области

отказываются поддерживать это решение. Совещание поддерживает "нулевой вариант" разрешения конфликта и одновременные досрочные выборы парламента и Президента. С этим согласился и присутствовавший здесь вице-премьер Шахрай.

27 сентября в Краснопресненском райсовете проходит совещание представителей политических партий и движений. Принимается заявление с требованием снять блокаду Белого Дома.

29 сентября к властям обращается Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II:

"Россия - на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично то, что сегодня может распасться Российская держава. Если это произойдет, будущие поколения проклянут нас.

Противостояние на пределе нервов вокруг Белого Дома в любой момент может взорваться кровавой бурей. И поэтому я слезно умоляю стороны конфликта: не допустите кровопролития! Не совершайте никаких действий, могущих разрушить донельзя хрупкий мир! Не предавайтесь безумию, не переставайте уважать человеческое достоинство друг друга! Имейте мужество не поддаваться на какие угодно провокации, как бы больно они не задевали вас! Помните, что нынешней смутой могут воспользоваться и экстремисты, преступники, да и просто нездоровые люди.

Одна пуля, выпущенная около Белого Дома, может привести к катастрофе, кровавое эхо которой прокатится по всей стране. Вот почему я призываю любыми мирными средствами ослабить вооруженное противостояние. В нынешний сложный момент надо милосердно относиться к любому человеку. Никакие политические цели не могут препятствовать обеспечению находящихся в Белом Доме людей медикаментами, пищей и водой, медицинской помощью. Нельзя допускать, чтобы физическое истощение спровоцировало людей на неконтролируемые насильственные действия.

От имени Церкви я призываю противостоящие стороны к диалогу и предлагаю любую форму необходимого посредничества в это судьбоносное время. В связи с происходящими событиями созывается экстренное заседание Священного Синода.

Всех православных христиан прошу молиться о спасении России. Пусть и те, кто ни разу в жизни не обращался к Богу, возопиют ныне к нему. Верю: "Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром" (Пс. 28.II)! "

30 сентября на совещании в Москве 62 (по другим данным 68 из' 88) руководителя органов государственной власти объявили: *"В случае невыполнения наших требований до 24 часов 00 минут 30 сентября 1993 года примем все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме".* Решение субъектов Федерации было вручено премьеру Черномырдину, который, не моргнув глазом, объявил, что "мы будем действовать по собственному сценарию". Но все-таки после этого в Белом Доме был включен свет и заработала канализация.

1 октября начались переговоры противостоящих сторон при посредничестве Московской Патриархии. Здравые политики предпринимают

попытки использовать это посредничество для снятия напряженности. Для "ельцинистов" это была еще одна возможность облить грязью своих оппонентов. Они сознательно идут на обострение, не желая отступить ни на шаг.

Из газеты "Президент":

"... нет оппозиции, есть откровенные фашисты, бандиты, погромщики, с которыми неприменимы язык дискуссий и парламентский протокол.

Мы должны быть твердыми, а если потребуется, то и жестокими. Страна больна коммуно-фашистским раком, ей нужен хирург, а не бабки-шептуньи".

Несмотря на подписанные на переговорах протоколы, блокада Белого Дома усиливалась, количество войск вокруг парламента росло ежечасно.

2 октября "ельцинисты" приступили к реализации своего преступного плана по уничтожению парламента. Около 12 часов начался антиельцинский митинг на Смоленской площади, организованный депутатами Моссовета. Митинг был вытеснен частями МВД в сторону Киевского вокзала. Наиболее активных его участников ОМОНовцы затаскивали в автобусы и избивали.

На Смоленской площади должен был состояться еще один митинг. Эстрада, подготовленная к празднованию 500-летия Арбата стала помостом для ораторов оппозиции. Около 14.00 митинг был прерван нападением ОМОНа неизвестной принадлежности. Со стороны МИД отряд ОМОНа зашел в тыл к эстраде и набросился на собравшихся там людей. Несколько минут шло зверское избиение. Людей прижали к металлическим конструкциям эстрады и там, спасая свою жизнь, они взялись за обрезки арматуры, оставленной монтажниками. ОМОН бежал, унося раненных. На месте осталось лежать несколько участников митинга. Лужа крови отметила место гибели очередной жертвы режима. Против участников митинга ОМОНом были применены резиновые пули. На месте столкновения была найдена стреляная гильза от 9-мм патрона.

Пролитая кровь вызвала бурное негодование. Садовое Кольцо мгновенно было перекрыто несколькими рядами баррикад и митинг проходил под их прикрытием. С двух сторон вдоль баррикады выстроились фаланги ОМОНа со щитами и дубинками. Почувствовавшие эти дубинки на своем теле больше не желали повторной экзекуции и заготавливали камни. Когда ОМОН попытался придвинуться к баррикаде, его осыпали этими камнями. Та же участь постигла и водомет, который решил как в майские дни окропить митингующих и вызвать их на побоище. Командовал ОМОНом уже знакомый нам "специалист" - полковник Фекличев.

Баррикада простояла до темноты. Ее защитники в сгустившихся сумерках построились в колонну и, рассекая отдыхающую и равнодушную публику Арбата, прошли короткой и мрачной демонстрацией.

А тюремные камеры "Матросской тишины" тем временем уже освобождалась для размещения народных депутатов и их сторонников.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ

Из Указа Президента "О поэтапной конституционной реформе":

"Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая в Верховном Совете обструкция политики всенародно избранного Президента Российской Федерации, попытки непосредственного осуществления функций исполнительной власти вместо Совета Министров со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 г. Тем самым грубо нарушен Закон о референдуме, согласно которому решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации.

(Президент снова лгал. Как известно, никакого решения упомянутый референдум не принял. - А. К.)

<...> Необходимость выборов диктуется тем, что Российская Федерация -это новое государство, пришедшее на смену РСФСР в составе СССР и ставшее международно признанным продолжателем Союза СССР.

(Здесь Ельцин "забывал", что он тоже является президентом исчезнувшего фрагмента СССР и тоже подлежит переизбранию - А. К.)

Учитывая, что в действующей Конституции не предусмотрена процедура принятия но—и Конституции, политические партии и движения, представители общественности, неоднократно обращались к Президенту Российской Федерации с предложением незамедлительно назначить выборы в новый Федеральный Парламент.

(Ельцин не называл этих мифических партий и движений, потому что все это были его карманные структуры, не имеющие под собой ничего, корме административной поддержки - А. К.)

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решить свою судьбу;

учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации;

принимая во внимание, что безопасность России и ее народов - более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти;

в целях: сохранения единства и целостности Российской Федерации;

вывода страны из из экономического и политического кризиса; обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации; восстановления авторитета государственной власти; основываясь на статьях 1, 2, 5, 121-5 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года:

1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом...

Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу (!!! - А. К.)."

Из телевизионного обращения Ельцина к согражданам:

"Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на прямое ослабление и, в конечном счете, устранение Президента, дезорганизацию работы нынешнего Правительства. Развернута мощная пропагандистская кампания по дискредитации всей исполнительной власти в России.

До сих пор не отменены решения, которые противоречат результатам референдума. И сегодня можно уверено сказать - не будут отменены.

Наоборот, за последние месяцы подготовлены и приняты десятки новых антинародных решений. Многие из них целенаправленно спланированы на ухудшение ситуации в России. Наиболее вопиющей является так называемая "экономическая политика" Верховного Совета. Его решения по бюджету, приватизации, многие другие усугубляют кризис, наносят огромный вред стране. <...>

Более того, недавно Верховный Совет подготовил и предложил мне, фактически, одобрить смещение избранного народом Президента. Именно таков смысл поправок к Конституции, которые я недавно получил из Белого Дома.

Надо признать: процесс создания правового государства в России по сути дела дезорганизован. Наоборот, идет сознательное размывание и без того слабой правовой базы молодого российского государства.

Законотворческая работа стала орудием политической борьбы. Законы, в которых остро нуждается Россия, не принимаются годами. Вместо этого начата коренная ревизия действующей Конституции и принятых законодательных актов. Их переписывают в угоду сиюминутным политическим настроениям.

Утвердилась порочная практика юридического произвола, суть которого в примитивной формуле - какой закон захотим, такой и примем, что захотим, то и запишем.

И чем дальше, тем больше неразберихи, тем шире поле для злоупотреблений. Все это не имеет ничего общего ни с законностью, ни с правом.

Не может считаться законом то, что противоречит фундаментальным основам права, попирает элементарные права и свободы человека и основополагающие демократические принципы. Такой закон еще не право. Тем более, если его диктует один человек или группа лиц. <...>

Не замечать этого и терпеть, и бездействовать больше нельзя. Мой долг как Президента признать: нынешний законодательный корпус утратил право находиться у важнейших рычагов государственной власти, <...>

... я утвердил своим Указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации".

Из доклада Р. Хасбулатова на 10-м Съезде (23.09.93):

"Каковы же действительные цели переворота? Во-первых, это стремление уйти от ответственности за крах своей политики, развал страны, за резкое ухудшение жизни народа. Это попытка переложить ответственность на представительную власть и таким образом сохранить агонизирующий режим.

Во-вторых, цель переворота спасти свою социальную опору, очень узенькую, то есть тех, кто награбил баснословные богатства, строит себе дворцы, имеет по несколько дорогих лимузинов, отдыхает на Канарских островах, купается в роскоши при невиданном обнищании 90 процентов населения.

В-третьих, одна из целей - бросить людей в "дикий" рынок на произвол судьбы, лишив их всякой социальной защиты.

В-четвертых, правящий режим желает, предавая национальные интересы, иметь вердикт Запада на свое существование. В этих целях, собственно, и осуществ-

ляются экономические реформы, все в большей степени подчиняющие экономику страны сырьевым корпорациям международных финансовых и промышленных групп."

Из выступления А. Руцкого на 10-м Съезде (23.09.93):

"Мы должны, наконец, вспомнить чем из раза в раз для России и ее народа заканчивалась политика, выстроенная по принципу революционной целесообразности. Все это заканчивалось большой кровью, чудовищной разрухой, насилием над личностью больших и малых вождей, заканчивалось ГУЛАГами, гибелью и страданиями десятков миллионов людей."

Из обращения Федерации товаропроизводителей России к руководителям органов власти и управления РФ и руководителям региональных союзов и объединений товаропроизводителей (22.09.93):

"Совершена роковая ошибка, чреватая общенациональной катастрофой. Общество намеренно раскалывается на два враждебных лагеря, а государство - на удельные княжества.

В результате провоцируемого лобового столкновения властей в Москве мы становимся заложниками непродуманных действий высшего политического руководства страны. Угроза безвластия и коллективной безопасности стала свершившимся фактом, ответственность за последствия "московского спектакля" возложена на его "зрителей" - субъекты Российской Федерации.

Нам обещают выборы, как панацею от всех бед, но выбор каждый из нас должен сделать уже сегодня: решается не судьба реформ и политических амбиций, зовущих на выборы, а судьба Государства Российского, сотрясаемого реформами, - быть или не быть ему единым, федеральным, правовым, демократическим.

Суть происходящего - не в проблеме выборов властей и укреплении кресел власть имущих, а в ясной стратегии действий по обеспечению стабильности в обществе и государстве, что позволило бы россиянам вновь обрести уверенность в завтрашнем дне.

Конституция и закон, какими бы несовершенными они ни были, остаются единственным мерилом действий государственных деятелей в любом подлинно демократическом государстве. Какие бы аргументы не приводились той или иной стороной в обоснование своих поступков, они не могут служить оправданием произвола.

Хотели бы напомнить, что Съезд народных депутатов, Верховный Совет и институт Президентства - творение одних и тех же людей, взявших на себя в 1990 году ответственность за судьбы России. В силу этого, все дискуссии о том, кто прав, а кто виноват, теряют смысл."

Из заявления группы депутатов Моссовета (22.09.93):

"В последнее время Верховный Совет и Съезд народных депутатов РФ, попавших под полный контроль сил, выступающих за возврат к тоталитаризму, превратились в тормоз нормального развития страны, в подрывную силу внутри государства. Ситуация паралича государственной власти, постоянной борьбы, разжигания ненависти, инспирирование саботажа реформ, смыкание с националистическими и сепаратистскими силами в регионах и республиках России, которую создавала деятельность Верховного Совета и Съезда, не могли продолжаться бесконечно.

Указ Президента является решительной и крайне своевременной мерой высшего должностного лица России по сохранению и упрочению государственных органов. <...>

Мы приветствуем решимость Президента твердой рукой навести порядок в стране и провести новые выборы как нового парламента, так и Президента. Это смелый и решительный шаг, необходимость которого давно назрела" (11 подписей).

Из заявления фракции Моссовета "Демократическая Россия" (22.09.93):

"Мы исходим из того, что единственной легитимной федеральной властью в стране является Президент. Народ России создал институт президентства, избрал Президента и подтвердил свой выбор в апреле нынешнего года.

Способы избрания Съезда и ВС, а также их деятельность, не позволяют считать эти органы демократическими и легитимными".

Из заявления группы депутатов Моссовета (22.09.93):

"Указ Президента России Б. Ельцина о прекращении деятельности Съезда и Верховного Совета, хотя и не укладывается в рамки существующего законодательства, тем не менее вполне соответствует практике досрочного роспуска парламента, имеющей место в большинстве демократических государств и основан на волеизъявлении граждан, выраженном на референдуме 25.04.93 (67% от принявших участие в голосовании - за досрочные выборы народных депутатов)" (29 подписей).

Из решения 17-й сессии Моссовета (22.09.93):

"Своим Указом от 21 сентября 1993 г. № 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" Президент Российской Федерации Ельцин Б. Н. предпринял попытку государственного переворота".

ШТУРМ МЭРИИ

Днем 3 октября в теплый солнечный день состоялся захват сторонниками парламента здания мэрии и гостиницы "Мир", в которых находились оперативные штабы ГУВД Москвы и МВД России.

В послепутчевых интервью министр В. Ерин утверждал, что основная вооруженная часть милиции была отведена от мэрии якобы для передислокации. Но дело было совсем не так.

3 октября около 14.00 на Октябрьской площади должен был состояться митинг. Ему препятствовали фаланги ОМОНа, организовавшие "котел", подобный тому, который был устроен 1 мая. На этот раз проход был оставлен только в сторону Крымского моста. Вытесняемые с площади люди, взбудораженные вчерашними событиями на Смоленскои площади, развернулись в демонстрацию, направившуюся к *Белому* Дому. На Крымском мосту их встретила цепочка ОМОНа из юнцов-новобранцев. Этот заслон был смят в несколько минут. Второй заслон, стоявшим за мостом у метро "Парк культуры", начал обстреливать прорвавшихся через первый заслон газовыми гранатами. Но это не только не остановило людей, но еще и заставило их преодолевать газовое облако бегом. Вил разгоняющейся толпы,

вооруженной камнями и отнятым у омоновцев снаряжением, перепугал наемников номенклатуры, и они, бросая технику, рассеялись. Удирающие "омоновозы" давили своих и чужих. Третий заслон перегораживает путь демонстрантам на Смоленской площади. Их поливают из брандспойта и обстреливают газовыми гранатами. Звучат автоматные очереди. Взвинченная до предела толпа, разогретая успешным маршем и трусоватой уступчивостью ОМОНа, сходу сметает плотное оцепление. В милицию летят камни, построенную "черепаху" таранит захваченный демонстрантами "КАМАЗ". Милиция бросает блокированные машины и разбегается.

Головная часть демонстрации, прорвавшейся к Белому Дому, распугивает своим появлением часть оцепления парламента. "Спираль Бруно" расцеплена, поливальные машины раздвинуты, блокада снята.

Вероятно, с испуга ОМОН предпринимает попытку пресечь разблокирование парламента. В наушники омоновских раций пошла команда стрелять в людей. Те, кто прослушивал радиоэфир, отчетливо зафиксировала эту команду. И это был главный факт, который тщательно скрывали все последующие дни и месяцы: первые выстрелы по людям прозвучали из мэрии. Из-под пандуса мэрии, от входа в мэрию, из самой мэрии открывается автоматный огонь. Следы пуль оставались на гранитных стенах пандуса, за которым залегли защитники парламента. Сомнений не было - стреляли не холостыми патронами. Убито 7 человек, в том числе и смешавшиеся с толпой работники МВД, пытавшиеся предотвратить расстрел (потом вина за их гибель будет возложена номенклатурным официозом на защитников парламента). Под огонь попали и вышедшие из парламента Ачалов и Баранников со своей охраной.

Попытка пресечь разблокирование парламента захлебнулась, поскольку большинство военнослужащих отказались выполнять приказ. Если и стреляли, то главным образом поверх голов. Прицельно по людям били, скорее всего, снайперы с крыш близлежащих домов. Даже несмотря на огонь провокаторов, ранивших 5 бойцов и офицера Софринской бригады (один из них скончался), войска не вступили в бой. Две роты Софринской бригады (без оружия) почти в полном составе (по другой версии только 80 человек) перешли на сторону парламента.

По версии комбрига В. Васильева ("НЕГ", 30.09.94), переход солдат на сторону Конституции был всего лишь маневром с целью избежать столкновения с агрессивной толпой. Это позволило софринцам организованно погрузиться в машины и отбыть. (Позднее софринцы, хорошо обученные в Баку и Фергане, Карабахе и Осетии, были вооружены и направлены в Останкино, где комбриг запретил своим бойцам стрелять, а своему заместителю с группой БТР на МКАД - подчиняться нервозным приказам. Через месяц оба командира были уволены из армии "за совершение поступка, порочащего честь военнослужащего.)

Из воспоминаний очевидца ("Солидарность, № 23, 1993):

"Резерв ОМОНа у гостиницы "Мир " вскочил, засуетился. "Желтый Геббельс" поперхнулся на полуслове. С Арбата слышны крики, хлопки газовых

гранат. Каскоголовые стоят со щитами в две линии от мэрии к нам, <...> На Арбате (нам не видно из-за сквера) явно идет страшная драка. В воздухе тянет "черемухой". Хлопают выстрелы - одиночные, очередь. Газовые патроны? Холостые? И вдруг ряды ОМОНа смешались, толпа рвется вдоль мэрии, а по пандусу ДС хлынуло разноцветье флагов, плакатов, счастливых возбужденных лиц. <...>

А перед нами у гостиницы "Мир" кипит схватка. Строй каскоголовых лопнул, часть отступает по пандусу мэрии, остальные отбиваются перед гостиницей. У них выдирают щиты. "Желтый Геббельс", взревев на немыслимом форсаже, улепетывает в сторону "Баррикадной". БМП выкатывается вперед, на людей, и вдруг как-то криво застывает. На него лезут демонстранты. Нет, это уже не демонстранты, это повстанцы! Вот он снова взревел, крутнулся на месте и удирает. Успевшие зацепиться на нем люди закрывают смотровые щели. Омоновцы сдирают людей за ноги, лупят палками. Вдруг резко и близко бьет автомат, все катятся горохом с брони, кого-то хватают, бьют, а толпа все напирает. И вот рухнул строй. Опрометью разбегаются наемники Лужкова, Борового и К', бросая щиты, каски, шинели. БМП рванулся назад, вспыхнул от удачно брошенной бутылки с бензином и, загасив пожар фреоновым облаком, умчался вслед за своей разбегающейся армией. Толпа рвется за ними. Кто-то в погонах, приостановившись, бьет из автомата очередью - весь рожок. Я ясно вижу падающих. но остановить катящуюся человеческую волну сейчас не смогли бы даже танки. "

Услышав эти выстрелы и увидев падающих под пулями, Руцкой отдал приказ о штурме мэрии и сформировал колонну для того, чтобы очистить здание СЭВ от стрелявших по людям. Первая рота отправилась к мэрии. Все были без оружия, за исключением охраны возглавившего колонну генерала Макашова.

Прозвучала команда: "Огонь ни в коем случае не открывать". Но у входа в мэрию людей начали поливать автоматным огнем. Демонстрантам удается завести два ЗИЛа, стоящих рядом. Сторонники парламента под огнем грузовиками вышибли двери. Машины просто изрешечены пулями. Милиция разбегается, разбивая изнутри стеклянные стены здания. Первый этаж мэрии заполняется людьми. На следующих этажах блокированы несколько человек. Во избежание кровопролитного штурма генерал Макашов один поднимается на второй этаж, предлагая всем сдаваться. Оставшиеся в здании около десятка солдат и гражданских лиц попадают в плен, но их скоро отпускают.

Ни один милиционер или работник милиции при штурме мэрии не был убит. Раненые были по обе стороны.

Пришлось выставить охрану, чтобы толпа не разгромила ненавистное гнездо московской номенклатуры. Жаль, что в те часы никому не пришло в голову пошерстить эту криминальную малину, свезя документы в надежное место. Всего-то успели захватить ведомости, в которых расписывались за свои тридцать сребреников офицеры МВД, блокировавшие Белый Дом. За день работы причиталось по 100-300 тыс. рублей в зависимости от должности. В гостинице "Мир" был захвачен готовый к употреблению огнемет.

Макашов выступил с пандуса мэрии с краткой речью: "Теперь нет ни мэров, ни пэров, ни херов!" Люмпены взревели от восторга, более здравая публика испытала легкий привкус тошноты.

Вокруг мэрии началось народное ликование. Радостные лица, торжествующие крики, общий подъем. Возник даже сувенирный синдром - люди ломали "на память" страшную колючую проволоку, опутавшую парламент. Настоящую овацию вызвало появление группы солдат, перешедших на сторону Верховного Совета. На захваченных у милиции грузовиках группы защитников Конституции направились к Останкино, чтобы требовать эфира.

Казалось, что народ восстал. В действительности, как ясно теперь почти каждому, состоялась чудовищная провокация, втянувшая массу людей в смертельный сюжет номенклатурного мятежа.

Из дневника автора:

"Пытался пройти в Моссовет. Чугунные ворота закрыты, перед ними толпа старух непонятного происхождения. Решил пройти через переулок. Там проход загородили две поваленные скамейки и человек тридцать старичков. Бросились на меня, как на амбразуру. Предъявил депутатское удостоверение. Кто-то завопил: "Я его знаю!" Глаза загорелись. Чистая публика разразилась хамством. Кричали: "Ваше время кончилось, идите домой!" Только что матом не обложили. Сдержался, не ответив им, и решил, что лучше от Белого Дома привести человек пятьдесят, чтобы этот сброд отодвинуть в сторону.

Сквозь интеллигентский сброд пытался прорваться автобус с людьми в камуфляже. Те опять встали стеной. Хотелось думать, что пришли за Лужковым. Но это, по всей видимости, были лужковские же омоновцы или гвардия "ельцинистов". В качестве командующего "обороной" у автобуса мелькнула упитанная фигура депутата Моссовета А. Осовцова - председателя комиссии по социальной политике и профессора в поповском Международном университете по совместительству. Этот сразу встал на сторону мятежа.

В Белом Доме нет света, но мы как-то сразу нашли группу, которая намеривалась занять лужковские апартаменты. Командовал один из депутатов. Неприятно поразило солдафонство: "Тихо, когда я говорю!" И так далее в крайне развязной казарменной манере. Подумал, что это, вероятно, ему позволяет скрыть неуверенность и попытаться нормально организовать группу. Не тут то было. Все обещания оснастить группу техническими средствами от бронежилетов до бронетранспортера) закончились ничем. Полуторачасовые приготовления вылились в организацию безоружной и бесполезной колонны, в которой набралось человек 500. Таким силам у Моссовета делать было нечего, там уже буйствовала толпа столичных гайдароманов. Кроме того, пришла информация, что по городу идут танки, и они, конечно же, решат судьбу противостояния. Колонну распустили".

Характерен эпизод, который служит еще одним подтверждением того, что организаторам провокации была нужна кровь. "Лужковцы" держали связь с Белым Домом через председателя Краснопресненского райсовета А. Краснова, который оставался одним из немногих, кто пытался не допустить дальнейшего обострения событий. Краснову позвонил управляющий делами мэрии Шахновский и просил отпустить захваченных в

здании мэрии людей (в том числе и вице-премьера Правительства Москвы Брагинского). Он говорил о том, что если их не отпустят, то в заложниках будут удерживаться московские депутаты:

Седых-Бондаренко и другие, захваченные в Моссовете. После того как Шахновский был предупрежден о том, что у Краснова для ведения переговоров остался единственный неотключенный телефон, этот аппарат тоже замолчал ("Время выбора", спецвыпуск, декабрь 1993 г.).

Мэрия жаждала жертв с обеих сторон, которые оправдали бы войну против парламента.

ТРАГЕДИЯ В ОСТАНКИНО

К телецентру "Останкино" направилась основная масса демонстрантов, пришедших на Смоленскую площадь с Октябрьской площади. Это произошло еще до того, как были очищены от милиции и чиновников здание мэрии и гостиница "Мир". Невозможно было терпеть эту бесконечную ложь в эфире. Люди пошли требовать правды, требовать права изложить свою позицию.

Митинг перед Белым Домом скандировал: "Останкино! Останкино!" и туда отправились грузовики с людьми. Оружия практически ни у кого не было. У кого-то был отобранный у омоновцев щит, у кого-то дубинка - но это были единицы. Возглавил колонну автомобиль с группой Макашова.

Из газеты "Президент":

"... преступники не понимают ничего, кроме грубой силы. <...> Если преступника иначе остановить нельзя - его надо убить. <...> Поневоле воскликнешь вслед за Владимиром Шумейко: "Ну где еще в мире есть парламент, вооруженный до зубов?!" - и согласишься с идеей г-жи Новодворской - пустить по улицам казачьи разъезды, которые должны будут "оперативно реагировать на каждый красный флаг". Иначе нельзя".

Людей у Белого Дома оставалось катастрофически мало. Руцкой почувствовал, что сил явно не хватает и попытался отменить свой призыв. Но, не имея средств коммуникации, он уже не мог вывести людей из уготованной им ловушки. Пытался остановить безумие и Хасбулатов, который говорил депутатам, что Ельцин будет расстреливать людей. Ему не поверили.

В "Останкино" демонстрантов уже ждали. Только милиции там насчитывалось более пятидесяти патрульных бригад. В здании телецентра расположились две милицейские роты. Милиция же сопровождала безоружную толпу прямо к месту расправы (тот же почерк, что и 1 мая 1993 г.). У начальника ГУВД был на исполнении специальный план (планы, как известно, не создаются в течение часа). По этому плану требовалось дождаться, чтобы телевидение прекратило вещание, и только тогда вооруженные наемники номенклатуры должны были начать стрельбу.

Помимо милиции, в "Останкино" ждали москвичей еще 200 автоматчиков и снайперов отряда "Витязь", да 500 солдат дивизии Дзержинского. По официальным данным, оглашенным П.Грачевым через три дня, в засаде ждали демонстрантов 21 БТР с десантом.

У входа в телецентр около 17.00 начался митинг. Макашов пытался через закрытые двери начать переговоры с находящимися там вооруженными людьми. Вместо организации переговоров внутри телецентра строят баррикаду. Милиция радиокомитета выражает желание присоединиться к сторонникам парламента. Ее насильно удерживают спецназовцы дивизии Дзержинского.

Обстановка накалилась после демонстративного захвата спецназом вышедшего на переговоры милиционера. Попытки вести переговоры ни к чему не привели. Макашов идет на обострение ситуации. В мегафон он объявил: "Вы имеете три минуты, чтобы выйти". (По другой версии он кричал: "Крысы, выходите! Вы окружены превосходящими силами!") В надежде на повторение сценария взятия мэрии двери радиокомитета начали таранить грузовиком. Пробить сквозную брешь мешает кабина грузовика. Макашов еще раз попытался начать переговоры через проделанную брешь. Все тщетно. Генерал выстраивает свой штурмовой отряд - все 18 человек, пришедших сюда с оружием. Затем, группа Макашова пытается проникнуть в здание через какой-то проем. Их останавливает луч лазерного прицела, упершийся в щеку генерала и хорошо видный в сгустившейся темноте. В этот момент (около семи вечера) раздается первый одиночный выстрел. После паузы на скопившихся у входа людей обрушился шквал огня, из здания радиокомитета под ноги людям летят гранаты.

Выстрел из гранатомета произошел в момент падения раненого гранатометчика-любителя. Ушедший в темноту снаряд с несвинченным колпачком просто пробил стену, осколок от которой убил пулеметчика-спецназовца из отряда "Витязь", щедро поливавшего безоружную толпу свинцом. Больше ни одного выстрела защитники парламента сделать не смогли.

С двух сторон по безоружной толпе хлестнули автоматные очереди. Оставляя на площади десятки трупов, митингующие побежали в разные стороны. Вслед им летели трассирующие пули, рассекающие темноту. Озверевшие наемники номенклатуры обстреливали даже машины "Скорой помощи", которые пытались помочь раненым. Непрерывный огонь продолжался около полутора часов.

В это время в Останкино подтянулась основная колонна демонстрантов. Новая попытка начать переговоры привела к расстрелу безоружной толпы. Пулеметные очереди добивают раненых и гонят людей дальше. Лишь несколько самоотверженных казаков, пришедших с колонной, под огнем забросали угол радиокомитета бутылками с бензином. Многие из них погибли на месте.

Для того, чтобы завершить дело, на площадь у телецентра вползают БТРы. Видимо решив, что здание телецентра уже захвачено (а может быть,

поддерживая иллюзию боя), пулеметчики БТРов начинают стрелять по окнам первого и второго этажа радиокомитета.

Еще часа два БТРы охотились за любой движущейся мишенью в близлежащих окрестностях.

Тем временем на полную катушку заработала пропагандистская машина ельцинистов, которая использовала громадное количество отснятого видеоматериала. Просеяв его сквозь сито "социального заказа", журналистская братия выдала стране и миру факт: коммуно-фашисты пытались захватить телецентр, устроили расстрел его работников, но подоспевшие воинские части разгромили отряды преступников.

Все смерти списывались пропагандой на тех, кто и оружия то не имел. Будто не было дикой охоты на людей, расстрела совершенно безоружной толпы, будто не было организованной против демонстрантов коварной засады. Смерть видеоинженера в здании "Останкино" стала разменной картой в нечистоплотной игре. Только через много месяцев выяснилось, что убит он был спецназовцем отряда "Витязь".

Получив сигнал сверху, разная сволочь, называющая себя творческой интеллигенцией, хлынула на телеэкран, раздувая кампанию лжи. За ними потянулись и более приличные люди, днем раньше еще осуждавшие Ельцина. На тех, кто выражал хотя бы малейшее сомнение в том, что расстрел людей надо поддержать, журналисты набрасывались подобно цепным псам. Страх толкал их на подлости.

В волну лжи нырнул и Г. Явлинский, пытавшийся до этого момента занять позицию "над схваткой". Он в своем выступлении по телевидению призвал Ельцина применить силу для "подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой "Белого Дома" - вплоть до армейских подразделений. *"Президент должен проявить максимальную жесткость и твердость в подавлении бандитствующих элементов",* - говорил Явлинский. ("Российские вести", 05.10.93).

У страха глаза велики. Тем более, если пугать начинают близкие соратники. В ночь с 3 на 4 октября Е. Гайдар использовал телевидение, чтобы призвать безоружных сторонников на защиту Президента - к Моссовету и Кремлю. Планировалось в случае чего снова прикрыться щитом из живых людей.

Позднее Гайдар объяснил свои действия так: *"Вы думаете, мы напрасно просили москвичей собраться у здания мэрии на Тверской? Ничего подобного. Там в подвалах много оружия, и мы, в случае необходимости, хотели раздать его забаррикадировавшимся в Кремле"*. И действительно раздавали. С этим оружием из арсеналов Лужкова номенклатурные боевики штурмовали парламент.

Е. Гайдар не знал, что судьба парламента и его личная судьба уже решена. Бойня уже началась и собирать толпу не было никакой необходимости. Начальник ГУВД В. Панкратов сказал в интервью американской газете, осуждая Гайдара за истеричность: *"У нас были силы, чтобы подавить мятеж, и мы его подавили"*. Но требовалось личное

участие, личный вклад, выход на публику. И все - ради собственной мелкой и нечистой политической карьеры...

В ту же ночь замминистра финансов взял на фабрике Гознак под расписку 1 миллиард рублей. Эта была первая поощрительная порция для расстрельных бригад. Вторую - 11 миллиардов - у Центробанка через несколько дней взял сам Гайдар. К концу года деньги вернули, зачерпнув их из других источников.

По официальным данным, в Останкино погибло 36 человек (значительно позднее эта цифра была увеличена до 74), по сообщениям очевидцев - около 200.

Из воспоминаний очевидцев ("Площадь Свободной России", М., 1994, "Кровавый октябрь", 1994):

- В это время один из БТРов оказался совсем рядом. Полоснул очередью из пулемета. Мужчина средних лет и две молодые девушки-студентки были убиты на месте. Их кровь брызнула мне в лицо.

- Наступила какая-то режущая ухо тишина. Кричали раненые. В этот момент передо мною встал парнишка в белом халате., с поднятыми руками. Ему было лет двадцать, помню только очки и веснушчатое лицо. Самое интересное, что та сволочь, которая срезала его автоматной очередью, лицо это тоже видела. Впрочем, к врачам особого снисхождения не было. Через некоторое время я услышал диалог изнутри: "Грач, вон там за машиной, в белом халате... Сними, мне не видно". Короткая очередь... Добегался, козел!" Помню фигуру на втором этаже, стоявшую прямо напротив нашей группы. Сквозь разбитое стекло было отчетливо видно, как человек хладнокровно стрелял из пистолета по лежащим в 20 метрах от нас людям. Похоже, эта "королевская охота" доставляла ему немалое удовольствие. Не спеша прицеливаясь, он безнаказанно сажал в лежащих пулю за пулей.

- В морге я узнал ее сразу. Но то, что я увидел, меня потрясло: изувеченное лицо, синяки под глазами, выбитые зубы, пулевое ранение в ногу со стороны спины, очередь из 4-х пуль от плеча до плеча в грудь и пуля в затылок со следами кольцевого ожога. ... в прокуратуре, по моей просьбе, меня ознакомили с очень странным медицинским заключением: из четырех пуль в грудь осталось только две, полностью игнорируется наличие порохового ожога, нет следов побоев, ...на мою письменную просьбу на имя Генерального прокурора вернуть одежду дочери, ответили, что одежда уничтожена.

- В 20 часов 45 минут началась операция, в процессе которой были выявлены следующие ранения: ранение левой почки, селезёнки, сквозное ранение левого легкого, сквозное ранение желудка, сквозное ранение тонкой кишки, сквозное ранение сигмовидной кишки, ранение шеи слева, ранение таза слева, оскольчатый перелом левой лучевой кости, линейно-оскольчатые переломы 9-го и 10-го ребер. ...повреждения на выданной одежде не полностью соответствуют описанным ранениям, в частности, не указано, что причиной перелома лучевой кости явилась сквозная колотая ножевая рана.

Захваченных в Останкино людей свозили на Малую спортивную арену Лужников, потом туда стали поступать те, кто были в Белом Доме. Пьяная омоновская солдатня грозила убийствами, постреливала в потолок и избивала всех подряд. Потом избиения продолжались в отделениях милиции.

РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА

Ельцин заранее готовился к силовому разрешению конфликта. Выезжая летом 1993 г. в Таманскую и Кантемировскую дивизии, он неизменно интересовался настроем командного состава: как они себя поведут? Военные не подвели. Против парламента действовали подразделения Таманской, Кантемировской и Дзержинской дивизий, Тульской дивизии ВДВ, рязанский полк ВДВ, московская милиция и собранный из провинциальных районов ОМОН. Всего в живодерской операции было задействовано более 20 тыс. человек.

Однако, ночью с 3 на 4 октября Ельцину пришлось поволноваться. В окружении телохранителей он прибыл в Министерство обороны. Генералы без энтузиазма встретили приказ послать на штурм Белого Дома 10 танков. Для стрельбы по парламенту пришлось искать добровольцев. Далеко и долго ходить не пришлось - Москва была полна "деморосовщиной".

Приказ стрелять по парламенту был отдан лично Ельциным, о чем он признается в своей книге "Записки президента". *("Да стрелять, Павел Сергеевич!* (Грачев - А- К.) *Стрелять, чтобы спасти Россию. Спасти мирных людей... ").* Не сомневаясь в своем праве пролить кровь, узурпатор распорядился применить в центре столицы боевые снаряды.

Рано утром 4 октября (около семи утра) БТРы с мобилизованными Грачевым добровольцами-"афганцами" расстреляли огнем крупнокалиберных пулеметов палатки у Белого Дома вместе с их обитателями. Бессильные против боевой техники баррикады намокли от крови. На месте сразу были убиты около 40 человек. Зная о своей неуязвимости, БТРы медленно ползли вдоль здания, обстреливая площадь и окна парламента.

Начался разгром и физическое уничтожение защитников Конституции. Никаких требований к осажденным от организаторов этого разгрома предъявлено не было.

Из дневника автора:

"В Белом Доме остались мои друзья, а теперь я видел как методично расстреливают здание, где они находились. Единственное о чем я мечтал - это оказаться там и стрелять в наступающую сволочь".

Около 10 часов в здании Конституционного Суда должен был собраться Совет Федерации, но здание было блокировано. После "Останкинской" бойни и массированной обработки сознания, настроения переменились. Ужас перед смертью десятков людей и страх за собственную жизнь сделали свое дело. Доминирующим настроем обывателей, политиков всех калибров, военных, журналистов стал страх.

Президент Калмыкии К. Илюмжинов рассказывает ("Завтра", № 15, 1994) о том, как группа региональных лидеров пыталась предотвратить начавшийся расстрел парламента. "Когда выходили - вроде целая толпа была, потом людей стало все меньше и меньше, где-то на уровне раздевалки многие потерялись, священник тоже". Прошли к Белому Дому только двое:

К. Илюмжинов и президент Ингушетии Р.Аушев. Когда они шли с белым флагом, стрельба не утихала. Вернувшись из осажденного парламента в 15.00 на совещание субъектов Федерации в Кремле, два президента просили Черномырдина остановить убийство безоружных людей. В ответ получили заверения в том, что защитников Белого Дома придется вообще стереть с лица земли. Молодой нижегородский губернатор Б. Немцов кричал премьеру: *"Давите, давите, Виктор Степанович, времени нет. Уничтожайте их!"* Его поддержали и другие губернаторы. Страх, животный страх отключил сознание.

Судьбу парламента решили залпы танковых орудий. Выполнившие свое грязное дело "добровольцы" потом скажут про женщин и детей, находившихся в Белом Доме: "А нечего им там было делать!"

Из газеты "Президент":

"Ах, как радовалась душа, когда эти мятежные фанатики получили первую оплеуху в "Останкине", откуда их с треском вышибли спецназовцы. Тоща, наверное, мы впервые облегченно вздохнули: армия с нами, армия нас защитит. Последующие события - лишь подтверждение тому. Как грамотно, качественно обрабатывали кантемировцы Белый Дом. Четко, методично, со знанием дела снимали снайперов и подавляли очаги напряженности рязанцы и туляки".

Сколь громко не заявляла оппозиция о своей готовности отстоять Конституцию с оружием в руках, в руки ей попало всего-то 170 автоматов, а по другим данным и того меньше - около 70. Лужков, правда, утверждал, что автоматов было 1600, да еще 2000 пистолетов, 18 снайперских винтовок и 12 гранатометов, плюс 300 нештатных автоматов и 20 пулеметов ("Правда", 01.06.94). (По некоторым данным, арсенал Белого Дома составляя 9000 автоматов, несколько десятков противотанковых ракет и гранатометов, но все это "наследство Ельцина" руководство Белого Дома не подумало раздать защищавшим их людям.) Обороняться было практически нечем. Обнаружив, что против Белого Дома действуют десятки единиц бронетехники и танки, Руцкой отдал приказ вести только заградительный огонь. Сопротивление оказалось невозможным. Оставалось только показывать корреспондентам нетронутую смазку ствола своего автомата.

Команда Руцкого не стреляла. Лишь те защитники Белого Дома, кто подвергся нападению и имел перед собой прямую угрозу смерти, вынуждены были обороняться. Защитники парламента пытались также сбивать ельцинских снайперов с крыш прилегающих домов, но чаще сами попадали под их пули.

БТРы из крупнокалиберных пулеметов разметали казачьи заставы и группки ополченцев и даже не дали унести раненных. Мертвые так и лежали на площади в тех позах, в которых их застала смерть. Баррикадникам удалось поджечь один из БТРов, но всерьез загореться он так и не захотел. Боевая техника легко сопротивлялась гражданскому "вооружению".

Из воспоминания очевидцев (по кн. "Площадь Свободной России" и другим источникам):

- Пуля, будто всосанная головой моего товарища по баррикаде, попала в район затылка, где-то ближе к правому уху. Я вижу, как с треском от лобовой височной части отлетает кость, из уха течет кровь, ... содержимое его головы от удара об землю выплескивается мне на руки и брюки.

- Когда "бэтээры" проезжали первую баррикаду, что была впереди

Горбатого моста, кто-то бросил в них бутылку с зажигательной смесью. Не попал. Следующий "бэтээр" этого человека просто раздавил. В короткие минуты перемирия я из окна третьего этажа Белого Дома хорошо видел погибшего: проткнутая костями зеленая куртка, выдавленный на асфальт из рукавов кровавый фарш... После этого я уже ничему не удивлялся. ... "Разве вы не слышали, выступал Гайдар, призывал выходить на улицы, защищать демократию. Меня вот мама и отпустила..." Мы стояли за толстым простенком. Они отошли от нас и тут же "бэтээры" начали стрелять по теням в окнах. Девушку буквально разорвало пополам. Верхняя часть ее туловища откатилась чуть ли не к моим ногам. Оставила на паркете длинный, жирный кровавый развод... Я не запомнил лица девушки. Пусть ее мама скажет спасибо Гайдару.

- Когда утром 4 октября от мэрии, легко преодолев игрушечную баррикаду, на площадь влетели танки, отец Виктор - наивный и добрый человек! - вышел навстречу им, подняв над головой свое оружие - икону, пытаясь остановить их. Крупнокалиберный пулемет прошил его насквозь, а вместе с ним и икону. Когда он упал, убийцы, видимо, для верности проутюжили гусеницами его тело.

- Больше мне запомнились почему-то не картины смерти. Смертей было много - не только юная медсестра, погибшая на моих глазах. Больше всего запомнилось, что уже в самом конце - где-то за час до последнего выстрела - к нам через канализационные ходы пробрались мальчишки, которые принесли консервы и яйца в авоське. Как им удалось не передавить их - не представляю.

- На моих глазах людей ставили к стенке и с каким-то патологическим злорадством выпускали в уже мертвые тела обойму за обоймой. У самой стены было скользко от крови. Ничуть не стесняясь, омоновцы срывали с мертвых часы и кольца.

- Последняя группа была примерно полторы тысячи человек. Только мы вышли на лестницу, из мэрии и из другой точки по нам стали бить из крупнокалиберного пулемета. Из нашей группы примерно 12 человек упало. Прямо передо мной женщине пуля попала в грудь. Она мне до сих пор каждую ночь снится. У нее спина как-то всколыхнулась, и вдруг начал набухать красный пузырь. Он лопнул, и я заметил, что в разные стороны полетели позвонки. Она медленно начала падать. Мы стали прятаться за парапеты, а командир "Альфы" сказал: "Мы вступаем в бой с этими алкашами, идиотами и дегенератами. Наша задача - подавить огневые тачки".

Собравшись в зале на третьем этаже, не имевшем окон и потому наиболее безопасном, депутаты и другие невооруженные обитатели Белого Дома пытались стоически переносить варварский обстрел и ежеминутную опасность быть убитыми. Они пели песни, читали стихи и слушали выступления тех, кто, быть может, последний раз в жизни произносил публичную речь. Ждали помощи, но помощь так и не пришла.

Радиоэфир был заполнен командами стрелять на поражение, живых из здания не выпускать и не жалеть патронов. Стремясь остановить расстрел, руководители обороны парламента, по радиотелефону пытались связаться с президентской стороной. Тщетно. Снайперы "снимали" тех, кто пытался выйти из здания с белым флагом.

Штурмовали Белый Дом в полной неразберихе. Войск было так много, что в суматохе стреляли по своим ("МК", 09.10.93). Убитых и раненных, разумеется, относили на счет "мятежников". Журналисты тоже все время принимали своих за чужих: если били прикладом в зубы или крыли трехэтажным матом - значит это боевики Белого Дома. Потом этим враньем заполнялись страницы газет с миллионными тиражами.

Группы "Альфа" и "Вымпел" отказались принимать участие в операции по штурму Белого Дома. Даже представ пред ясные очи "всенародного избранного" спецназовцы не дрогнули. "Мы не для того готовились, чтобы в безоружных машинисток стрелять", - сказали офицеры Ельцину. Тогда "ельцинисты" предприняли иезуитскую тактику: подвели группы вплотную к боевым действиям, чтобы, втянувшись в обстановку боя, они пошли дальше. Так и случилось. "Альфу" на БТРах послали "в разведку", и при попытке подобрать раненного был убит тридцатилетний лейтенант, получивший от снайпера пулю в незакрытую бронежилетом часть тела. Выстрел прозвучал не из Белого Дома. Очевидцы показывали, что в Белом Доме снайперов не было, как не было и снайперских винтовок. Не удалось найти ни одного снайпера и позднее -после раздутой шумихи о якобы засевших на крышах домов сторонниках парламента.

Спецназ пошел на Белый Дом. Только пошел не совсем так, как на то рассчитывали "ельцинисты". Профессионалы из "Альфы" сразу определили, что их товарищ убит не защитниками Белого Дома. "Альфа" направила туда своих парламентеров, оставивших оружие у входа в здание. Они убедили находящихся под варварским обстрелом людей сложить оружие, гарантируя безопасность. К вечеру ожидался штурм боевыми вертолетами и газовая атака. Сопротивляться было бесполезно. Ельцин играл ва-банк. О самовольной инициативе "Альфы", вероятно, стало известно их начальству. Поэтому на Белый Дом был снова обрушен шквал огня. И все-таки "альфовцы" выполнили свои обещания.

Бойцы "Альфы" и "Вымпела" не только прикрыли собой безоружных людей. К их чести, они смогли подавить несколько огневых точек снайперов, пытавшихся еще раз для возбуждения ненависти прикончить хотя бы одного из спецназовцев. Кроме того, "Вымпел" уничтожил обезумевший (от наркотиков ли, от водки ли?) экипаж БТР, который поливал из пулемета и своих, и чужих. БТР полностью сгорел от точного выстрела из гранатомета.

Как свидетельствуют очевидцы, бойцы "Альфы" веди себя достойно. Только благодаря "Вымпелу" и "Альфе" внутри Белого дома не было устроено побоища. Со стороны спецназа не было тех зверств, которые всюду сопутствовали появлению ОМОНа. Обитателей Белого Дома спецназовцы

выводили без выстрелов и отпускали. Омоновцы орали выходившим из Белого Дома защитникам: "Поднять руки...", и били прикладами. "Альфовцы" говорили: "Опустите руки. Вы не пленные". Спецназовцы устроили живой коридор, предотвратив нападение пьяных молодчиков, с наслаждением взиравших на расстрел парламента.

Но "альфовцев" на всех не хватило... Натасканных омоновцев было гораздо больше.

Из газеты "Президент":

"Кто говорил, что танк бесполезен в условиях города? Это смотря в чьих он руках, что и кого он защищает. А еще, по кому он ведет исключительно точный огонь. <...>

И снова, к сожалению, гибли люди. Люди. Озверелых подонков, с которыми обращались даже слишком гуманно, забирая их в плен, я к этой категории не отношу".

Тем, кто выходил из Белого Дома в сторону мэрии пришлось несладко. "Демократы" устроили для всех без исключения прохождение сквозь строй. Били нещадно. Омоновцы показывали пример. А им пример показывал начальник президентской службы охраны - похабно ругая депутатов и отбирая у них депутатские удостоверения. За это от Ельцина он получил орден.

Толпа мародеров неистовствовала. Она пыталась растерзать даже президента Калмыкии, который договаривался с Руцким об условиях сдачи. Президента спас только семитонный "Линкольн", которым удалось протаранить баррикаду и уйти от преследователей. Охрану Илюмжинова перехватили и измолотили прикладами омоновцы.

В близлежащих дворах ОМОН неистовствовал еще свирепей. Там устраивался бандитский "конвейер". Били прикладами автоматов и ногами. Били по почкам и в пах. Били всех подряд. Депутатам устраивали имитацию казни. Ставили лицом к стене и стреляли поверх головы из автомата. Людей в форме отводили за угол и убивали.

С поднятыми руками и разбитыми лицами к стене ставили защитники Белого Дома под дулами автоматов и плевками негодяйского сброда...

Заранее был подготовлен для массовых "посадок" и стадион Лужники. Внутренние войска со служебными собаками ждали большей работы, мечтая о лаврах пиночетовской солдатни.

Потом были издевательства в отделениях милиции. Совсем, как в былые времена, людей заставляли давать ложные показания. Их заставляли признаваться в том, что они видели вооружен»» до зубов депутатов. Упорствующих нещадно били и обнажали оружие у их затылков. Камеры были переполнены. Истязание людей продолжалось и ночью. Свидетели рассказывают об изуверских пытках.

Из воспоминаний очевидца (по кн. "Кровавый октябрь"):

"Я стал как будто участником любительского спектакля про гестапо.

- "Где ты бросил свой автомат, коммуняка х...? Ты, б..., видел, что все депутаты даже на митингах были вооружены? Подпиши!" - Удары, удары, удары по всему телу деревянной (так и не понял, почему) дубинкой. Я им упрямо объяснял, что у меня нет никакой информации, которая могла бы их заинтересовать. И они снова начинали бить.

- "Да мы вас всех сейчас замочим" - омоновец вытащил пистолет, приставил мне к виску. Старший сержант, один из немногих, кто был в форме, закричал:

- "Только не здесь. Сейчас достану простыней, чтобы закрыть, и всех - во двор. "

... Бить прекратили только тогда, когда изо рта и носа хлынула кровь. Я понял, что приказа убить меня у них нет ".

Из дневника автора:

"Я говорил себе: "Слава Богу, за то что отвел от меня эту страшную судьбу - оказаться под пулями и самому стрелять в людей". Но другое чувство - мне не дано было испытать себя этой судьбой. "

Из воспоминаний очевидца (по кн. "Площадь свободной России"):

"Я, когда дверь приоткрыл, чуть не потерял сознание. Весь двор был усеян трупами, не очень часто, вроде в шахматном порядке... И что меня так шарахнуло, я сразу не понял. Трупы в каких-то необычных положениях: кто сидит, кто на боку, у кого нога, у кого рука поднята - и все сине-желтые. Думаю, что же необычного в этой страшной картине? А они все раздетые, все голые. Здесь всю ночь занимались мародерством".

Грабеж стал как бы приложением к массовому насилию. Магазины вблизи Белого Дома были разграблены, трайлеры с оборудованием и продовольствием - тоже. Омоновцы выворачивали карманы у всех подряд, снимали шапки и куртки, в милиции изымали личные вещи. Разграблен был и сам Белый Дом - толпа мародеров тащила компьютеры, телефоны, остатки содержимого буфетов.

Но потом все кончилось. Игра была сыграна. Гестаповские зверства можно было снова оставить для кинематографа.

Из доклада Комиссии по правам человека ("НГ", 23.07.94):

"По данным прокуратуры Москвы, в московских изоляторах временного задержания с 3 по 5 октября 1993 г. находилось более 6000 задержанных, половина из них без оформления каких-либо документов. В следственные изоляторы были помещены 348 человек. Все без документов о взятии под стражу.

В последующие дни задержания и аресты продолжались. Всего задержано за административные нарушения 54 тыс. человек, за нарушение комендантского часа - 35 тыс. человек. Задержания часто носили произвольный характер.

В местах содержания арестованных и задержанных происходили массовые избиения. Свидетели показывали, что жестокие расправы происходили в 18-м, 48-м, 77-м, 100-м и 119-м отделениях милиции. В московские органы прокуратуры поступило 115 обращении граждан, главным образом связанных с избиениями сотрудниками МВД. (Большинство пострадавших подобные обращения оформлять не стали, предполагая продолжение актов насилия и развертывание политических репрессий.)

За время действия чрезвычайного положения из Москвы было противозаконно выдворено около 10 тыс. человек".

С 21 сентября по 5 октября 1993 г. в Москве пострадало 72 журналиста, 7 из них погибли. По данным Фонда защиты гласности, от действий сторонников Белого Дома пострадали только 6 журналистов, остальные - от рук милиции и военных.

По приказу заместителя министра печати и информации противозаконным образом было приостановлено издание и распространение 13 оппозиционных газет, а их главные редакторы освобождены от занимаемых должностей".

ТОРЖЕСТВО НЕГОДЯЕВ

В официальном перечне, составленном "ельцинистами", числится 142 фамилии убитых при штурме Белого Дома и в Останкинских событиях. Неофициальная цифра - около 1000. Большинство из них были расстреляны ворвавшейся в здание после выхода из него группы депутатов омоновской солдатней. Трупы из Белого Дома прилюдно не выносили, раненых - тоже.

Имеются свидетельские показания о том, что захваченных в Белом Доме людей в камуфляже, в казачьей форме или просто похожих на военных расстреливали в подвале и у бараков стадиона "Красная Пресня". Другие свидетельства говорят о том, что всех раненных омоновцы добили, чтобы не было свидетелей.

Трупы убитых, которые не сгорели в пожаре на верхних этажах парламента (всю ночь парламент горел как факел), "ельцинисты" выносили тайком - возможно грузили на баржу, приставшую к набережной и уничтожали. Есть данные о том, что более 200 "внеплановых" трупов поступили в эти дни в Николо-Архангельский и Хованский крематории, а также об использовании топок одной из ТЭЦ в качестве крематория.

Известно, что судебно-медицинская экспертиза даже "официальных" трупов проводилась с грубейшими нарушениями, что официоз отказывался признавать гибель людей в самом здании парламента, что большинство убитых - жертвы снайперских выстрелов.

Со стороны частей, блокирующих и штурмующих парламент, потери составили всего 12 человек убитыми. Причем в большинстве случаев это были смерти от пуль собственных снайперов или пугавших цели омоновцев.

Еще долгое время после расстрела парламента в городе звучали выстрелы. Сейчас можно с полней уверенностью сказать, что специальные части выполняли задачу по поддержанию высокого накала обстановки. Управление охраны президента не зря еще 28 сентября получило со склада военно-технического снаряжения 50 снайперских винтовок ("Завтра", № 21, 1994). Из этих винтовок могли стрелять не только боевики Ельцина, но и снайперы зарубежных спецслужб (достаточно достоверную версию см. в "НЕГ", 30.09.94).

Для придания большего правдоподобия создаваемой иллюзии массовых беспорядков "ельцинисты" даже обстреляли редакцию "Московского комсомольца". Это послужило поводом для того, чтобы Грачев требовал от своих наймитов продолжения резни. *"Мы должны вычистить из Москвы всю шваль, а потом наводить порядок в других городах",* - инструктировал он подчиненных прямо перед телекамерами.

Строки из газеты "Президент" (статья "Говорить с ними не о чем. Огонь!"):

«И вот свершилось... Грязные и трусливые негодяи выползли из своего Черного дома, выговорив гарантию сохранения (хотя бы на первом этапе) своих подлых шкур - сдачу штурмовым войскам в окружении жен, детишек и прочих домочадцев. Тряслись коленки и едва не падали белые тапочки с ног Руцкого. Подергивал ручонками зловещий карлик Хасбулатов. Прячась за детские и женские спины, они садились в автобус и начинали свой последний путь. <...>

... Руцкой, Баранников, Дунаев замешаны по уши многомиллионными (в долларах!) взятками и подношениями, у них имеются щедрые закордонные "спонсоры" и огромные счета в банках. И они продавали все - офицерскую честь, государственные ресурсы и безопасность, сдавали за баксы реформу и судьбы россиян».

Уже на основе совершенного у них был один исход - "вышка". Однако и это еще не все. Негодяи высшего ранга (это также своевременно стало известно органам госбезопасности и Президенту) готовили государственный переворот с возвращением КПСС и всех прочих милых атрибутов нашей отнюдь еще не забытой прошлой действительности. Намеревались расстреливать нас с вами без суда и следствия, гноить в концлагерях и изнурять, как изнуряли наших родителей, дедов и бабушек их предшественники - ленинцы - практически бесплатным трудом и полуголодным существованием".

Трупов было бы значительно больше, если бы Москва отреагировала на события более бурно. Все было сделано для того, чтобы массовым насилием подавить массовый протест.

Как всегда, результатом перераспределения власти стало и перераспределение помещений. Лужков договорился с Ельциным, что отобранные Президентом, а также переданные по инстанциям мэром Поповым здания будут возвращены городским властям. Нет больше Парламентского центра, нет больше служебных квартир для депутатов, заняты номенклатурой и другие помещения. Теперь все это служит Лужкову. ("ЭиЖ-М", № 2, 1993). Здание Моссовета тоже освобождено от назойливых депутатов. Чиновникам мэрии стало просторнее и спокойнее. Теперь лишние посетители сюда не заглядывают.

Ремонт Белого Дома обошелся России в миллиард долларов, что соответствует строительству города для 100.000 человек. К тому же этот миллиард заплачен турецким строителям, которые без труда скрыли состояние Белого Дома после расстрела и вывезли свои доллары за рубеж.

Некоторым из обитателей здания на Тверской пришлось не только постоять лицом к стене под дулами автоматов, посидеть в камерах на тюремной баланде, пройти допросы - прочувствовать многие известные только по кинематографу и воспоминаниям приметы сталинизма.

Когда депутатов, просидевших в камерах трое суток без предъявления обвинений, отпустили, а прокуратура города принесла свои извинения, известная нам по предыдущим главам Т.Цыба опубликовала в приложении к "АиФ" статью "Матерщинников - на волю?". Кто-то шепнул этой "демократической мадам", что лежачего надо пнуть еще раз - для верности. Поэтому фабрикуется история о том, что причиной задержания заместителя председателя Моссовета Ю. П. Седых-Бондаренко 3 октября 1993 г. была его нецензурная брань. (Иск последнего по поводу защиты чести и достоинства был "похоронен" органами прокуратуры и следствием.) Лужков в гнусной газетке "Президент" заявил, что милиция отпустила организатора массовых беспорядков. Он даже официальное возражение на этот счет отправил то ли в ГУВД, то ли в прокуратуру ("АиФ", №41, 1993). Да еще пресс-центр мэрии "повесил" на депутатов Моссовета преступления своих хозяев, и от имени Правительства Москвы призвал москвичей "требовать для преступников сурового наказания" ("НГ", 09.10.93).

Из воспоминаний очевидца разгрома штаба Моссовета 03.10.93:

"Это врезалось мне в память на всю жизнь. Я стоял у дверей своей комнаты на третьем этаже Моссовета, как вдруг услышал сильный шум и увидел людей, идущих по коридору. Их было много, все с оружием. Потом я оценил, что на крохотном пространстве уместилось не меньше 80 человек в камуфляже и несколько гражданских лиц.

Я стоял, остолбенев, ничего не понимая. Неожиданно эти люди бросились на нас - по четыре-пять человек на одного, заломили руки и, жестко упираясь стволами автоматов в шею, повернули лицом к стене. Одного из депутатов, который держал в руках рацию, повалили на пал, стали избивать и выворачивать карманы. Остальных тоже грубо обшмонали, включая женщин. По чистой случайности, в заднем кармане брюк у меня осталась фотопленка, которую я отснял у Белого Дома. Потом мне удалось засветить ее.

Несколько часов я провел под наблюдением двух головорезов. Один из них поигрывал автоматом, а второй держал в руках ручной пулемет".

Профессиональные костоломы потрудились и на улицах Москвы, и в камерах. На подхвате у них работали уголовники, нанятые наживающимися на номенклатурном мятеже коммерсантами. Третьим звеном в системе номенклатурного бандитизма стала интеллигенция. Эта слабосильная команда полупартизанского вида и карикатурной разнокалиберности толклась у Моссовета 3-4 октября, а потом потрошила депутатские архивы.

Из дневника автора:

"Сегодня день приоткрытых дверей в Моссовете. Какой-то сброд в пятнистой форме не по плечу контролирует вынос личных депутатских бумаг. У

меня за спиной встали двое, напоминающие своим обликом чахоточных рабочих-большевиков из довоенных фильмов о революции. Ищут компромат, которого нет. Даже милиция более лояльна. Но глупость нетрудно провести. Вынес почти весь свой архив.

Второе посещение Моссовета. Все, что запретили вынести в прошлый раз, я еще тогда положил в коробку и заклеил липкой лентой. Ничего не тронули. Для чего же было устраивать издевательство? Видно, особо бойких живодеров пришлось устранить из здания, дабы не начали еще и мэрию потрошить".

В октябрьские дни 1993 г. без особого напряжения умерло, ушло в прошлое такое понятие, как честь русского офицера.

Наперед это касается таких чинов МВД, которые после 3-4 октября публично клялись своим достоинством и честью, что ничего подобного сжиганию трупов в Белом Доме "не было и быть не могло". (Потом с наивной циничностью один из чинов добавил: *"Мы, откровенно говоря, и не ожидали такого ажиотажа вокруг трупов. Если бы предполагали его, специально считали бы их потом..."* ("НГ", 04.02.94)). Горе людей они назвали ажиотажем.

Министр обороны Грачев, встретившись с журналистами 5 октября 1993 г. не позволял столь уж явных промахов. Он говорил о том, что войска трижды прекращали огонь только для того, чтобы защитники Белого Дома могли сложить оружие и выйти с белыми флагами ("КП", 07.10.93). Министр лгал вполне сознательно, как сознательно отдавал приказ стрелять на поражение. Ведь ему надо было сохранить перед журналистами, ждавшими именно такой игры, достойный вид. Как-никак дипломатические миссии и торговля оружием требовали, чтобы западные благодетели могли тоже делать вид, что не замечают пятен крови на руках российского министра.

Так вот, Грачев не мог не знать, что организованная сдача Белого Дома невозможна в силу того, что в огромном здании были отключены телефоны. Собрать забившихся по углам от снайперского огня людей не представлялось возможным. Да и кто стал бы собирать людей, рискуя получить пулю от снайпера?

Мерзавец в генеральской форме не является в истории чем-то исключительным. Но когда армия спокойно смотрит на то, как банды наемников издеваются над страной, она покрывает себя несмываемым позором. Армия Грачева - это армия трусов, и ничего, кроме презрения не заслуживает. То, что она воевать не умеет, показал чеченский конфликт. А с 3 октября 1993 г. понятие "офицерская честь" в российской армии не существует. Или, по крайней мере, наличие чести нужно основательно доказывать. Уважать человека в форме авансом уже невозможно.

И все-таки нашлись офицеры, которые имели понятие о чести. Из Ногинска капитан-лейтенант и 17 матросов с оружием в руках пытались прорваться к Белому Дому в ночь с 3 на 4 октября. Их перехватили, офицер застрелился. Он знал, что такое честь. Командир подольской учебной части ПВО с 17-ю добровольцами дошел-таки до Белого Дома и участвовал в его обороне. Грачевым эта часть была расформирована ("КП", 07.10.93).

Бесчестному министру нужно было давить всяческие понятия о чести. В противном случае он давно сидел бы в тюрьме.

Наверняка были и другие эпизоды. Но не нашлось ни одного командира дивизии, который готов был рискнуть своей жизнью, но раздавить авантюристов. Все эти обещания поддержки армии со стороны Руцкого, Стерлигова, Союза офицеров и пр. были просто блефом. В армии не было главного - духа. Дух был выбит еще политотделами Советской Армии. Вместо духа в армии годами царило воровство, уголовщина и показуха. Октябрь 1993 г. продемонстрировал, что это и есть основное содержание армии Грачева.

Московская милиция показала в полной мере тот уровень нравственности, который имеют на сегодняшний день люди в погонах.

За два дня до кровавых событий в Москве министру внутренних дел Ерину было присвоено очередное звание генерала армии, а после 3-4 октября он в числе первых получил звезду Героя России. На одном из брифингов господина Ерина спросили, не стыдно ли ему носить звезду Героя. Ерин очень "находчиво" ответил: "Надеюсь, что я не доживу до времени, когда будут интересоваться, какое у меня нижнее белье" ("Правда", 20.04.94). Мысль министра, изложенная коряво, все-таки ясна. Она состоит в том, что совесть - понятие неофициальное, и нет оснований обсуждать ее в сфере государственной политики. Что ж, это единственно возможная для сохранения невозмутимости позиция убийцы, которому смотрят прямо в глаза.

Вояки из нижних чинов МВД тоже получили свои тридцать сребреников. Орден "За личное мужество" получил генерал-лейтенант Голубец, расстрелявший в Останкино безоружных людей. Его подельщик подполковник Лысюк стал "Героем России". Лужков дал оценку и жизни человеческой. За убитого работника МВД родственникам заплатили по 1 млн. рублей, раненным милиционерам выдали по 400 тыс. ("ЭиЖ-М", № 2, 1993).

Вот еще несколько строк из интервью Лужкова ("АиФ", № 41, 1993):

"Панкратов, кстати, показал пример стойкости, организованности и грамотного управления ситуацией. Он заслуженно Указом Президента России получил звание генерал-лейтенанта. Комендант Москвы А. Куликов стал генерал-полковником. А Ерин, как известно, Героем России. Если бы ситуацией овладел Руцкой, скольких бы звезд на погонах недосчитались наши офицеры милиции и вооруженных сил. "

(В скобках заметим, что генерал Куликов в свое время мог занять пост начальника ГУВД, обойдя полковника Панкратова. Но прославился генерал другим - применил табельное оружие против людей, пытавшихся проучить его сына за хулиганские выходки ("Собеседник", № 32, 1992).)

Вот, оказывается, за что боролись! За звезды свои, за побрякушки, омытые чужой кровью!

По официальным данным, во время октябрьских событий погибло около 135 человек. По свидетельствам очевидцев - не менее 1500 человек.

ЧУЖАЯ БОРЬБА

Многие из тех, кто приходил в эти трагические дни к Белому Дому понимали: здесь собираются враги ельцинской диктатуры, но не всегда единомышленники. Опутанный красными флагами и сочащийся коммунистической риторикой Белый Дом очень многих отталкивал.

Страшная глупость руководства и депутатского корпуса просто выматывала. Вместо того, чтобы нормально поставить работу по противодействию мятежу, разворачивался бюрократический механизм. Приходилось тратить драгоценное время, чтобы выписать пропуск и провести в Белый Дом нужного человека. Не верили даже запискам депутатов.

А что стоит назначение "силовых" министров, которое предпринял Руцкой, не имея никакой уверенности, что хотя бы за одним из них есть ну хоть батальон, готовый с оружием в руках защищать парламент и Конституцию.

Из дневника автора:

"В штабе общественных организаций мы составили предложения по плану мероприятий антиноменклатурного сопротивления. Понесли в апартаменты Руцкого. Там нас встретили полупустые помещения, а какой-то помощник склонен был больше почесать языком, чем предпринимать конкретные действия. Второй раз приходим уже ночью. Так нужна наша помощь или нет? Опять никакого ответа. Сделать объявление о сборе в штабе нам не удалось - действовал чей-то запрет.

Наутро помощник Руцкого, с которым мы договорились встретиться, исчез, и наши планы - тоже. Мы передали через охранников горькое письмо о тем, что реального сопротивления путчу нет. Предложили срочно готовить базу для ВС в другом регионе. Ответа снова никакого. Так штаб общественных организаций окончательно умер.

24 сентября остатки штаба пытались организовать шествие по Москве с целью снятия пока еще формальной блокады. Нельзя все время отсиживаться. Хотели подписать заявление об организации демонстрации у ряда известных депутатов. Но все запуганы или озабочены только своими заседаниями. Один из депутатов побледнел лицом и стал доказывать, что всяческие шествия опасны. Другой взорвался возмущением оттого, что мы хотим взвалить на него - не московского депутата - всю ответственность. Несколько подписей все-таки собрали и передали в аппарат Руцкого. Там наше послание и сгинуло".

Из обращения редакции газеты Московских профсоюзов "Солидарность" к депутатам России:

"Вы собрались в критическое для страны чаем. Сегодня все честные люди понимают, что правота и законность на вашей стороне. Но и на вас лежит огромная ответственность - вы защищаете не только себя, но и демократию, и гражданский мир в стране. К сожалению, сутки 22 сентября потрачены вами впустую. Вы ведете себя так, будто бы ситуацию можно изменить простым нажатием кнопок для голосования.

Между тем, противник, используя монополию в средствах массовой информации, шаг за шагом отыгрывает общественное мнение, убеждая колеблющихся и порождая пессимизм у ваших потенциальных сторонников. Не сидите в своей осажденной крепости! Обратитесь к своим естественным союзникам - профсоюзам и трудовым коллективам, отправляйтесь на предприятия, организуйте расклейку листовок в метро и на улицах. Действуйте, тка не поздно!"

Штаб обороны совершенно игнорировал какую-либо деятельность, помимо собственных заседаний. Сам же штаб никакой обороной не занимался. По коридорам Белого Дома сотнями слонялись совершенно неприкаянные люди. Готовые бороться с диктатурой, они не могли найти себе применения. Все, что могли им предложить - это встать под ружье. Но оружие выдавали далеко не всем, а точнее - почти никому. Даже 3 октября защитники баррикад получили отказ на требование выдать им автоматы. А ведь уже было известно о трагедии в "Останкино", о том, что наемники номенклатуры патронов не жалеют. Баррикадники должны были встретить их буквально с голыми руками. Это против танков и боевых вертолетов!

Откуда-то появились в Белом Доме развязные мальчики, которых за бравый рост ставили у кабинетов начальства в виде охраны, и они тыкали всем приближавшимся в живот стволом автомата. А другие мальчики перед Белым Домом устроили демонстративное представление. Они имитировали поведение взвода фашистских головорезов. Им не дано было понять, что свастика на рукаве, фашистский жест приветствия -абсолютно противны русскому духу. Для русских фашизм - вместе со всеми его атрибутами - это гитлеровская оккупация, а вовсе не какие-то философские концепции или хитросплетения идеологии.

Характерен пример из воспоминаний генерала Макашова. В осажденном Белом Доме он по-отечески предлагает лидеру фашистов Баркашову снять свастику. Баркашов в ответ обращает внимание на звездную эмблему Союза офицеров на груди у генерала - масонскую символику. Они квиты. Они стоят друг друга. С такими ли противостоять диктатуре?

Штаб Руцкого. Здесь царило полное бездействие. Приближенные и. о. Президента не знали, что делать, и предлагали всем желающим заняться чем-нибудь на свое усмотрение. Предложение о перебазировании штаба в другой город не прошло или даже не дошло до Руцкого. Зато кто-то подсказал ему 3 октября, что штурм мэрии нужно продолжить действиями по блокированию Министерства обороны и Генштаба. Можно подумать, что генералы, даже если бы они не поддерживали Ельцина, позволили бы распоряжаться в их апартаментах каким-то парламентским комиссарам! Там, где нужно было действовать решительно, стратеги Руцкого медлили, где требовалась тонкая игра - хотели брать нахрапом.

Представим себе, что победила группировка, сложившаяся вокруг Руцкого и Хасбулатова. Ельцинизм был бы пресечен в его явных проявлениях, но вряд ли он был бы преодолен до конца. Зато анпиловский коммунизм вышел бы на политическую арену, как наиболее нахрапистая и

наглая сила, готовая растерзать любого, кто не согласен продолжать дело Ленина-Сталина. Эти люди, не приспособленные к власти и ответственности, могут делать, как и "ельцинисты", только одно - разрушать. Только-только начавший выдыхаться импульс разрушения анпиловцы смогли бы оживить, поднять на новую высоту.

С. Говорухин в своей книге "Великая криминальная революция" говорил про анпиловцев: *"Они оказали много услуг Власти, должны были оказать последнюю - решающую. Когда люди видели эти перекошенные от злобы лица, слышали эти крики: "Назад, в прошлое!", они говорили себе:*

"Тьфу, тьфу! Лучше кто угодно, хоть воры, но не эти!"

Последнюю услугу властям анпиловцы оказали 2 и 3 октября. Лучшего подарка Ельцину, чем вот этот - устроить беспорядки на улицах, пойти штурмом на телецентр - они сделать не могли".

Получается, что анпиловцы и ельцинисты - суть одно и то же. Их цели и действия настолько переплелись, стали однотипными, что и результат от победы одной из этих сил был бы одинаков.

КТО ВИНОВАТ?

Традиционный русский вопрос в последнее время стал казаться некоторым мастерам публицистических баталий каким-то порочным. Будто задавать его - значит обострять конфронтацию, уходить от сути проблем, стоящих перед обществом. Все это пустые рассуждения для красного словца. Пока мы не поймем, кто виноват в национальной трагедии, мы не найдем пути выхода из нее. Тут бессмысленно посыпать голову пеплом - все, мол, виноваты! - или кокетничать в самобичевании - я, мол, тоже виноват вместе со всеми! После этого только и возможно забивать читающей публике головы новыми схоластическими упражнениями.

Вина конкретна и лежит на определенных лицах, определенных общественных слоях, определенных мировоззренческих комплексах. В следующем разделе мы поговорим о мировоззрении. А пока необходимо предъявить в сжатой форме обвинение режиму Ельцина и сформированному вокруг него в 1990-1993 гг. номенклатурному слою.

Итак, на протяжении длительного времени Б. Ельцин и его команда демонстрировали циничное пренебрежение к закону. Видимость правомерности действий правительства оформлялась юридической казуистикой, агитпроповскими лозунгами о благе народа и тотальной ложью. Общество сносило все это только потому, что было дезорганизовано сначала коммунистическим режимом, а потом радикальным произволом либерал-большевиков.

Вместо помощи замордованному и потерявшему ориентиры народу "ельцинисты" воспользовались ситуацией, чтобы организовать безнаказанное разграбление страны. Сфабриковав в избирательную кампанию фальшивый образ мученика за идеи Свободы и Здравого Смысла,

захватив парламент России, навязав большинству мифологические представления о важнейших нравственных и политических ценностях, номенклатура второго эшелона подняла мятеж и завоевала абсолютную власть в стране.

Одряхлевшие конкуренты "ельцинистов" из партхозэлиты КПСС попытались противостоять распаду государства, но испугались решительных мер и человеческих жертв. Испугались не только нравственной ответственности за кровь, но и ответственности за страну, которой управлять были уже не в состоянии. В конечном итоге эта недееспособность обернулась распадом СССР, экономической катастрофой, постыдной нищетой народа, тотальным произволом и криминализацией власти.

Особый вклад в разложение общества и государства и в подготовке прихода к власти уголовников сделал российский парламент, павший в конечном итоге жертвой собственной интеллектуальной заносчивости. Как и большевики, депутаты решили разрушить "весь мир насилья до основанья", но только путем законотворческой деятельности. И разрушили заодно с государством, выпустив на волю самые отвратительные проявления человеческой низости.

Главным увечьем, которое нанесли российские парламентарии российскому обществу - это внедрение принципа разделения властей. Реализовав на практике рожденный воспаленным мозгом миф, российские депутаты добровольно отдали власть в руки Гайдара, Шумейко, Чубайса... По инерции они продолжали сражаться в правовом поле, не замечая, что это поле уже давно стало заповедником для замечтавшихся политиков. Романтики обкладывались законами, отгораживаясь от реальной жизни, аргументировали статьями из Конституции, стыдили "неверных"... А в жизни утверждались те, кто презирал закон, честь, совесть, справедливость. Депутаты не замечали, как легко разрушалось доверие народа к его собственным избранникам, полагали, что низкий уровень доверия к ним - это такое же нормальное явление, как и в любой "цивилизованной" стране. Только на пороге катастрофы тотальная ложь телевидения и радио начала разбавляться контрпрограммами парламента.

Депутаты "сделали" Ельцина, фактически одобрив переворот еще в 1991 г. В 1993 году они получили только несколько отложенный последний шаг номенклатурного мятежа. Именно депутаты дали Ельцину чрезвычайные полномочия, которые забрать обратно уже было невозможно. Именно депутаты дали жизнь законам, разрушающим экономику. Именно они пустили государственное строительство на самотек, не заботясь о системе представительной власти на местах, не обращая внимание на плачевный опыт применения наштампованных ими законов, отдав "в виде эксперимента" столицу России на разграбление...

Обе противоборствующие команды - номенклатурная уголовщина и парламентская оппозиция - пытались навязывать обществу свою монополию на легитимность, свою роль "спасителей Отечества"...

Предъявим же основные пункты обвинения.

КОМАНДЕ ЕЛЬЦИНА:

1. Превращение власти в самоцель.

2. Защита интересов иностранных государств, противостоящих интересам России.

3. Работа по законам уголовной шайки.

4. Организация системы тотальной лжи.

5. Личное обогащение и участие в преступном разграблении национального богатства.

6. Подготовка и проведение антигосударственного переворота.

7. Клятвопреступление.

ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГАЙДАРА-ЧЕРНОМЫРДИНА:

1. Генетическое пренебрежение к закону, воспитание чиновничества в духе верности лицам, а не Конституции.

2. Разрушительная, хозяйственная политика и обман по поводу "признаков экономической стабилизации".

3. Разложение нравственных основ общества путем распространения мифов о смысле экономической свободы и принципах свободного общества. Использование разложения общества в целях укрепления личной власти чиновничества на местах.

4. Мафиозность в реализации власти, формирование кланов, сращивание администрации с уголовным миром, превращение работников правоохранительных органов в лакеев режима.

5. Беспомощность в борьбе против коррупции, имитация решительных мер против преступности, подчинение уголовным элементам.

6. Покорность проходимцам, внедренным Ельциным в правительство через депутатский корпус.

ДЕПУТАТСКОМУ КОРПУСУ ЕЛЬЦИНА-ХАСБУЛАТОВА:

1. Разрушение единого государства (Декларация о суверенитете России, ратификация беловежского сговора, утверждение Федеративного договора).

2. Создание законодательной базы для "разделения" властей, позволившего узурпировать власть группировке, добившейся контроля над Ельциным. (В Москве - грубейшее нарушение Конституции введением поста мэра, нового административного деления столицы.)

3. Игнорирование симптомов диктатуры (10 декабря 1992, 20 марта 1993, 1 мая 1993 и др.) и вялость попыток противостоять ельцинским фабрикам лжи.

4. Соучастие в "создании" Ельцина: предоставление ему чрезвычайных полномочий, которые уже невозможно было отнять, благосклонность к собственным лидерам, легко идущим на сговор с "ельцинистами".

5. Отсутствие внимания к системе представительных органов власти на местах, которые были брошены Верховным Советом на произвол судьбы.

6. Эгоизм, ставший нормой поведения депутата, мелочные интриги в депутатской среде, отсутствие ответственности за свою профессию, безнаказанность грубейших нарушений закона и нравственных норм со стороны отдельных депутатов.

7. Законотворчество без контроля за его эффективностью.

8. Отсутствие сопротивления навязанному депутатам образу сторонников коммунистических сил.

Из дневника автора:

"Я не с теми, кто под видом законодательной деятельности разрушал страну и способствовал диктатуре. Я, тем более, не с теми, кто это разрушение и эту диктатуру осуществлял, штурмуя Белый Дом. Я с теми, кто встал между ними и пытался отстоять Конституцию. Точно так же, как в августе 1991 г ".

ДЕМО-СОВЕТИКУС

ПРАВО НА НАСИЛИЕ

Начиная с самых первых шагов демократического движения, принцип ненасилия постоянно декларировался в десятках документов. Лидеры демдвижения то и дело урезонивали радикалов, готовых перенять опыт большевистского подполья. Например Г. Попов осенью 1989 г. говорил на 2-й конференции Московского объединения избирателей: *"...растерявшаяся часть нашей интеллигенции стала говорить о том, что она готова поступиться демократией ради каких-то новых вариантов революционной или "демократической" диктатуры, тех или иных способов, вариантов и т. д. Мне лично представляется, что призывы к любой форме, к любым вариантам диктатуры по существу означают конец перестройки. Весь исторический опыт нашей страны показывает, что какой бы ни была диктатура - самой революционной, самой народной и т. д. - она обязательно заканчивается одним. Тут никакой другой логики в развитии диктатуры не существует. Начиная с французской революции они всегда кончали войной с собственным народом, с собственными массами, с теми, кто их выдвинул. Будет ли это диктатура Лигачева, Горбачева, Рыжкова, будет ли это диктатура Ельцина, Попова или Гдляна - любые из этих диктатур кончают одним. "* ("Наш выбор", № 2, 1989).

Но вот ресурс идеологического постулата выработан, и "демократы" начинают грезить о прелестях "сильной исполнительной власти" и разгоне ставших ненавистными Советов. Принцип ненасилия был прочно забыт, а Г. Попов говорил уже о необходимости долгих лет авторитаризма.

Для ельцинской пропаганды, славящей "сильную власть", весьма соблазнительно было провести аналогию между кровавыми событиями 1993

г. и введением военно-полевых судов в августе 1906 г. В первые восемь месяцев действия Указа о военно-полевых судах было казнено 1100 человек, что дало правительству Столыпина возможность без введения военного положения пресечь волну террора, захлестнувшую Россию. Расстрел Белого Дома также преподносится, как "хирургическая операция", пресекшая гражданскую войну.

Вот что говорил П. А. Столыпин 13 марта 1906 г. в своем выступлении перед Государственной Думой: *"Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. <...> Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны... Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостностью теорий и целостностью государства. ...такого рода временные меры не могут принимать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера - мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить и уродливые явления и отойти в вечность..."* (цит. по "Интервью", № 4, 1994).

Обоснование более, чем разумное. Прямиком перенося ту же интонацию, те же доводы на октябрь 1993 г., "ельцинисты" делают чудовищную подмену. Ведь государственное насилие в октябре было направлено отнюдь не против уголовного насилия, которое разрасталось в стране, вовсе не против политического террора, который как раз после ельцинского путча стал повсеместным явлением. Насилие было направлено против законно избранного органа власти, против безоружных людей, пришедших к своему парламенту. Во времена Столыпина революционный террор терзал страну, в 1993 г. ничего подобного не было.

Одно из оправданий насилия пытался дать некий кандидат богословия игумен Иннокентий (Павлов) - типичный демо-советикус, продолжатель дела Глеба Якунина. Он пишет ("НГ", 05.02.94), что Указ № 1400 был актом "не столько политическим, сколько нравственным". По его мнению, этим Указом был положен конец *"абсолютно нелегитимной власти Советов"*. (Ельцин, пришедший к власти под лозунгом "Вся власть Советам!", тоже в августе 1993 г. объявил, что "Советы не легитимны с 1917 года".)

Вполне логичен такой вывод, если принять две установки игумена Иннокентия:

1) "Последний Съезд нардепов есть прямой генетический наследник того самого съезда, который стал инструментом узурпации власти большевиками".

2) "...звериный оскал коммунистического "болота" присутствовал на нем всегда, и в 89-ом, и после "путча", и на СССР-овском и на РФ-ешном Съездах".

Дальше можно клеймить, притягивая за уши ситуацию 1917 г., предавая анафеме "извергов рода человеческого", будто бы идя вслед за Св. Патриархом Тихоном. Вполне самостоятельно, без всяких экскурсов в историю, не замечая саморазоблачительных слов про узурпацию власти и развязывание неслыханного террора против своего народа.

Аргументацию о. Иннокентия, как выяснилось позднее, поддерживают и некоторые "христианские" партии. Например, НТС, лидеры которого ничуть не смущаются тем, что их предшественники замарали себя сотрудничеством с гитлеровцами. Теперь они готовы сотрудничать с либерал-фашистами, лишь бы уничтожить "Советскую власть". Уничтожили, что дальше? Теперь оглядываются, что бы уничтожить еще? НТС многократно призывал Ельцина "не оглядываться на "советскую" Конституцию", а после расстрела Белого Дома склонял режим к продолжению репрессий: "Не имеет никакого значения, что среди путчистов были, наряду с коммунистическим большинством, нацисты, "соборяне", "кадеты", "христианские демократы" и т. д. - все они - за власть "Советов", советчики, то есть коммунисты, их организации необходимо безусловно запретить, печатные органы - закрыть, а лидеров - посадить" ("За Россию", 05.10.93).

Вот что интересно. Люди, оправдывающие насилие в той форме, в которой оно было применено в октябре 1993 г., как-то очень кучно расселены в своем особом мире. Так, отец Иннокентий (Павлов) оказывается среди авторов заказанной группой "Мост" книги "Национальная доктрина России". Какую доктрину для России выдумали кормящиеся от Лужкова и Ельцина бизнесмены и интеллектуалы, мы видели по делам их. Когда выгодно - они признают необходимость применения силы государством, когда невыгодно - они любое применение силы называют насилием.

Доказательством того, что в вопрос о силе и насилии "демократы" всегда разрешают, только исходя из своих шкурных интересов, показала общественная ситуация в России во время ликвидации бандитского режима Дудаева в Чечне. Все силы и лица, поддержавшие вооруженное насилие в центре Москвы в октябре 1993 г., теперь, почувствовав свою полную ненужность властям и скорые перемены на политическом Олимпе, восстали против применения армии в Чечне. Это не мешало мясистым лицам "демократов" мелькать на новогодних балах, когда в столице Чечни шли кровопролитные бои.

ОСОБЫЙ ТИП НРАВСТВЕННОСТИ

Нравственные нормы всегда остаются в зоне внимания чиновников и тех, кто озвучивает их блестящие и перспективные планы. Вот выступает известный в будущем политик Г. Попов из породы демо-советикусов ("Эти четыре года", с. 292):

"В религии есть вневременные, вечные заповеди: не убивать, не воровать и т. д. Свою положительную роль в развитии человечества христианский кодекс нравственности сыграл, да и сейчас играет.

Но марксизм показал недостаточность нравственного подхода.

Будь он верен, то только мерами нравственного воспитания можно было бы изменить общество, без революции... Дело в том, что сами нравственные отношения определены экономикой.

Все, конечно, не без греха. Но для чего вся эта добровольная гнусность, которую нет душевных сил даже скрыть?! Например, так: *"На Ученом совете мы лишали ученой степени парня только за то, что он уезжает в Израиль. Я председатель этого совета. Что мог сделать? Заявить протест? В той системе были свои законы"* (Г. Попов, "АиФ", № 14, 1992). Что же это, если не стремление жить именно по этим законам - законам безнравственным и подлым?

Спайка новой и старой номенклатуры бесспорно основана на единстве интересов. Это интересы пауков, временно покинувших банку для того, чтобы совместными усилиями растерзать строптивую жертву. Их нравы по отношению друг к другу отражает одно лишь сравнение.

В 1987 г., когда каждый партийный подлец пинал Ельцина за его "экстремистские" выходки (в общем-то весьма осторожные), Г. Попов писал в "Московских новостях":

"*... самое необходимое сегодня - единство всех сил, мобилизация всех возможностей для решения основных задач. Ясно, однако, что понимание этой необходимости, имеющееся у руководящего ядра партии, не стало еще всеобщим убеждением. В противном случае, не было бы попытки Б. Ельцина противопоставить Пленуму ЦК свою "особую позицию".*

... когда выясняется, что нужны годы тяжелой работы, нужны глубокие знания, нужно умение работать в условиях демократии - тогда кое у кого появляются панические настроения, возникают авантюристические рекомендации, начинаются запугивания всяческими издержками...

"Нам истерические порывы не нужны" - писал Ленин, предостерегая от такого рода рецептов преодоления трудностей... Именно поэтому я одобряю решение МГК партии (решение об отстранении Ельцина от поста первого секретаря МГК - А. К.)."

А всего через 4 года тот же заступник номенклатурного дела на митинге потребовал присвоить звание Героя Советского Союза тому же Б. Ельцину.

Памятный Пленум ЦК КПСС 1987 г. особо интересен паучьей грызней будущих "демократов": А. Яковлева, Э. Шеварднадзе, Г. Арбатова. Остальная свора, терзавшая отщепенца Ельцина, менее интересна. Она, в основном, осталась на прежних позициях. Поскольку к паучку А. Яковлеву, старательно разыгрывающему (подобно Г. Попову) роль эдакого

Винни-Пуха, мы имеем особый интерес, приведем выдержки только из его высказываний ("Известия" ЦК КПСС, № 2, 1989).

«Вероятно, Борису Николаевичу кажется, что он выступил здесь, на Пленуме, смело и принципиально. На самом деле, на мой взгляд, ни то, ни другое. А если это так, то выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что он исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки тех принципиальных позиций, которые занимает Политбюро, Секретариат Центрального Комитета, из неверной оценки того, что на самом деле происходит в стране. А безнравственно, на мой взгляд, потому, что он поставил свои личные амбиции, личные интересы выше общепартийных, как говорят, завел речь не в то время и не по делу. <...> Борис Николаевич, на мой взгляд, перепутал большое дело, которое творится в стране, с мелкими своими обидами и капризами, что для политика, на мой взгляд, совершенно недопустимо, особенно когда он занимает такой высокий пост, и партия ему доверила такое дело. Это, конечно, очень печально, что один из руководителей впал в элементарную панику. Такой, я бы сказал, произошел мелкобуржуазный выброс настроений, которые имеют место в обществе. Но приходится только сожалеть и недоумевать, что глашатаем этих настроений мелкобуржуазного свойства явился руководитель Московской организации. Конечно, здесь сыграли роль и амбиции, тщеславие, но это все-таки внешняя оболочка. А по существу, как мне показалось и как послышалось, - прямое несогласие с курсом перестройки, с ее практикой, с ее темпами, с ее назначением и существом, и это, видимо, самое главное. Если Борис Николаевич по этому вопросу будет упорствовать или ставить вопрос, как сегодня, то, знаете, его это очень далеко заведет и политически, и нравственно. <...> Ему кажется это революционностью, на самом деле это глубокий консерватизм. В конечном счете, здесь у нас прозвучало, к большому сожалению, самое откровенное капитулянтство перед трудностями, с которыми человек встретился, самое откровенное выражение этого состояния, когда человек решил поставить свои амбиции, личный характер, личные капризы выше партийных, общественных дел. (Аплодисменты)».

Характерные словечки "мелкобуржуазный" и "консерватизм" раскрывает А. Яковлева с головой. Также как раскрывают Шеварднадзе ярлыки "примитивизм", "безответственность", "клевета", восхищение перед "кристальнейшим человеком" Е. Лигачевым. Если Шеварднадзе покинул паучью банку российской политики, перевалив через Кавказский хребет, то А. Яковлев сумел найти с Б. Ельциным общую "нравственную платформу". А для того, чтобы эта платформа не выглядела той самой паучьей банкой, Яковлеву пришлось написать книжку "Горькая чаша", сдобренную душещипательными оборотами ("это мое покаяние, свидетельство, мои надежды"). Пришлось трактовать свое выступление на злосчастном Пленуме, как критику Лигачева и Секретариата ЦК.

Стоит тут вспомнить и самого забитого (словесно, конечно же!) в 1987 г. до полуобморочного состояния правдолюбца, его невнятнее бормотание после основательной порки на Пленуме ЦК КПСС, а также покаянную речь на Пленуме МГК. В своем покаянии Ельцин говорил, путая слова так:

"*... честное партийное слово даю, конечно, никаких политических умыслов я не имел и политической направленности в моем выступлении не было.*

... именно в этот период, то есть в последнее время, сработало одно из главных моих личных качеств - это амбиция, о чем сегодня говорили. Я пытался с ней бороться, но, к сожалению, безуспешно...

Мне сегодня было особенно тяжело слушать тех товарищей по партии, с которыми я работал два года, очень конкретную критику, и я бы сказал, что ничего опровергнуть из этого не могу. И не потому, что надо бить себя в грудь, поскольку вы понимаете, что я потерял как коммунист лицо руководителя. Я очень виновен перед Московской партийной организацией, очень виновен перед горкомам партии, перед вами, конечно, перед бюро и, конечно, перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире." ("МП", 13.11.87).

Впоследствии Ельцин постоянно подчеркивал, что покаянная его речь была связана с болезнью и жестоким действием препаратов, которыми его напичкали врачи. Реально же это было просто проявление уровня его сопротивляемости режиму, уровня его нравственного потенциала. Когда партийная номенклатура показала свои коготки, "правдолюбец" начал молить о пощаде и потом еще долго осторожничал в своих высказываниях.

Например так: *"Нельзя же 70-летний опыт отбросить! Много сделано и народом, и партией, и комсомолом, от этого нельзя отмахнуться. <...> Но не торопимся ли мы некоторые процессы перевести на демократические рельсы, которые пока без шпал? Мое мнение: торопимся. <...> Вот тут проглядывается либерализация и даже опасная. Надо постепенно переходить к процессам демократизации, по мере готовности, в первую очередь людей, да и средств производства, условий труда. Помните, еще Ленин говорил, что митинговать митингуй, но требовательность должна быть даже больше, чем у капиталистов".* ("Пропеллер", 21.02.89).

Пожалуй, это яркий пример политического перевертыша.

Личности некоторых деятелей "демократического движения" замечательны тем, что на них видны те родовые пятна номенклатуры, которые она обычно стремится скрывать.

Номенклатурные политики любят поговорить о нравственности, прикрывая свои интересы белым покрывалом (обычно с кровавым подбоем). Иногда родимые пятна все-таки просвечивают.

Мы уже приводили слова А. Яковлева, который громил Ельцина в 1987 г. и предъявлял ему претензии с позиций партийной нравственности. Цена такого рода нравственности очевидна.

А вот интервью "Аргументам и фактам" (апрель 1992 г.), где Г. Поповым на вопрос о нравственности в политике было заявлено напрямик: *"Если я политик, то имею право маневрировать для достижения цели."* Тут же декларируется особый тип нравственности, которым политики могут пользоваться как подручным инструментом. Мы уже приводили в других главах утверждение Г. Попова о том, что государственные чиновники могут брать взятки в размере 10-20% от стоимости сделки, назвав это "дополнительной оплатой хороших услуг". Уж не реализация ли этого принципа дает Г. Попову и его соратникам средства для частных инвестиций?

Подобного рода пример подает уже упоминавшийся певец ельцинского насилия отец Иннокентий (Павлов), который приходит к объявлению совершенно неуместными всяческих миротворческих попыток предотвратить кровопролитие: "*...нынешние всхлипывания просто оскорбительны для здорового нравственного сознания, поскольку ставят на одну доску бандитов, засевших в БД, и их жертв. Во-вторых, они оскорбляют память десятков миллионов жертв семидесяти-с лишним-летнего режима, прикрытого "властью Советов"*. Вот такими словами игумен ставит диагноз самому себе, а заодно и своим нравственным изысканиям. Нашел же нравственную задачу святой отец по себе - *"не прощать ничего, никому и никогда"!*

И все-таки это слишком грубо - почти не отличается от попыток изыскания нового типа нравственности. Б. Ельцин делает подмену с меньшей натужностью и потому более естественно вводит свое понимание нравственности.

В ответ на принятое в феврале 1994 г. решение Государственной Думы об амнистии участников сопротивления антиконституционному перевороту (именуемых официозом "участниками мятежа") Ельцин высказался: *"Считал и считаю, что здесь были допущены нарушения Конституции, закона и норм нравственности"*. Если отвлечься от ситуации, то простое вплетение в политическое заявление сносок на нравственность может вызвать уважение. Это и есть достижение "топорной" (а не натужной интеллигентской, как у отца Иннокентия) подмены. А на неофициальном уровне из недр Администрации Президента шли инструкции Генеральному Прокурору Казаннику о том, что следствие по октябрьским событиям следует закончить в течение нескольких дней и вынести смертные приговоры сидящим в тюрьме защитникам Конституции. ("Общая газета", № 15, апрель 1994 г.).

В своих воспоминаниях Ельцин лицемерно предлагал помянуть погибших "без дележки на наших и не наших". Красивые слова, в которые многим захотелось уверовать вплоть до желания подписать весной 1994 г. Договор об общественном согласии, разошлись с жизнью радикальным образом. Денежные пособия и почести получили лишь те, кто штурмовал парламент, и жертвы собственного любопытства. Вся лояльность Ельцина к погибшим защитникам Конституции состояла лишь в том, что он не сразу ликвидировал мемориальное место их гибели.

Если все-таки не позабыть недавнюю предысторию, всех этих разговоров о нравственности, они в устах людей, умывших Россию кровью и растоптавших своих оппонентов (даже если они были не очень-то привлекательны), выглядят омерзительно.

Отсюда и резкое размежевание общества. Те, кто видит всероссийский погром и не осознает мерзости своей службы "демократии", те, кто забывает предысторию красивых слов своих любимцев, становятся послушными орудиями номенклатуры и соучастниками ее преступлений. Те

же, кто помнит всю подоплеку и не забывает ни расстрелов, ни лжи, не могут с этой властью иметь ничего общего.

Здесь возникает не идеологический, а нравственный разлом.

СКОРОГОВОРКИ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ С ГИБКОЙ СПИНКОЙ

Полноправным участником подготовки государственного переворота и проводником соответствующих настроений в обществе была столичная интеллигенция. Точнее - ее верхушка, новономенклатурная элита. Те же демо-советикусы, но из области культуры.

Накануне апрельского референдума 1993 г., призванного продемонстрировать единство президентской партии и народа. Содружество союзов писателей, Союз российских писателей, Союзы писателей Москвы и СПб, а также писательская ассоциация "Апрель" выпустили брошюру, в которой статейки "демократической" интеллигенции были перемешаны со стихами Галича и Высоцкого.

Общий пафос брошюры дан броскими заголовками, лживость которых еще не была распознана гражданами России. Зато их навязчивость поразила, как реклама "Сникерса". Владимир Савельев (один из инициаторов издания) и известный пародист Иванов не случайно для "живости" пополнили общую коллекцию похабными частушками. К тому времени народ (за исключением жителей крупных городов) еще не вкусил всех прелестей Запада, и печатная похабщина еще кое у кого перехватывала дух.

Некоторые авторы брошюры выражались просто и коротко. Для писателей-фронтовиков достаточно было на полстранички обвинить депутатский Съезд в том, что он жаждет власти и рвется к ней. (Но не обязанность ли это депутатов - домогаться власти?) *"Позор обливать грязью Президента! Позор бунтовать в пору сева хлеба!",* - восклицают они. А затем слали угрозы: пожнете бурю! Через полгода от имени этих писателей, проклявших войну в своих книгах (а теперь вот - депутатов в своих коротких заметках) убивали людей в центре Москвы. Немало сделали эти писатели для того, чтобы кровавая буря разразилась не на книжных страницах.

Борцы за демократию с медалями за выслугу лет на этом поприще вели себя иначе. Их статьи пугали, обличали, въедались в души.

Василий Селюнин: "*... нужен был Съезду хотя бы один свежий труп!... перед мысленным взором вставал 37-й год... как теперь говорят, съездюки.. Не может же он (Ельцин - А. К.) не понимать, что это для него политическая смерть - обратиться к народу и закончить дельце вшивым компромиссом?... Никакой Конституции у нас нет. За год в нее внесено больше 300 поправок на потребу самим законодателям и никому более... Единственное, на чем держится Россия, - власть исполнительная во главе с Президентом... именно они (законодатели - А. К.) и подчиненный им Центральный Банк делали и делают все, чтобы сорвать реформы, а тем самым продлить и углубить полный набор кризисов... со стороны оппозиции тут сознательный замысел: не дать правительству нормально работать - чем*

хуже, тем лучше, пусть все видят, до чего довели страну Президент и его министры".

Андрей Нуйкин: *"...вонючее депутатское болото... жалкие политические бомжи, люди бесстыдные, малограмотные, ничего не умеющие, кроме как склоки затевать и интриги плести... Конституции у нас еще нет... Не между юридическими формулами разворачивается у нас сражение, а между демократией и фашизмом, между народом и оголтело рвущимися к власти антинародными силами. И силы эти сплочены общностью корысти, отмобилизованы злобой, изощрены в политических провокациях, вооружены беззастенчивостью и кастетами (если бы только ими!). Оголтелость и безответственность их не имеют, похоже аналогов в истории и вполне способны привести к мировой катастрофе.... ищут повод втянуть народ в кровавую мясорубку... гражданская война с неизбежным расчленением территории, полным распадом экономики и параличом власти... Шантаж гражданской войной в России - это непременно АТОМНЫЙ ШАНТАЖ!... Эти сволочи хотят подловить нас с Ельциным..."*

Елена Боннер: *"Конституция, сдержки и противовесы, парламент, законы! Смешно - аж плакать хочется!... Это же типичная фантомная боль - болит то, чего нет... съездовско-румянцевское образование, превратившее сталинско-брежневскую Конституцию своими вариантами и поправками в рулон туалетной бумаги, употребляемой нардепами за малой и большой нуждой... я действительно доверяю Президенту, потому что он не вор...*

Вот россыпь из других "источников": *"Истошно каркая о засилии демократов в средствах массовой информации, оно (видимо, "воронье" - А. К.) осуществило разбойный захват государственного телевидения... Воспрянув убогим, нищим духом, устраивает позорные шоу с гэкачеписта-ми... Лютая расправа с демократами запрограммирована государственниками-патриотами... Сшитое на скорую нитку лоскутное одеяло Конституции уже не прикрывает срама советской власти... Народ России выжил вопреки Конституции, которой он не принимал и которой его, как колючей проволокой, ограждают от свободы... Народ против вас - тех, кто ни на что не способен, кроме мелких пакостен и крупных взяток... Ельцин действительно виноват, но не в том, что не выполнил обещаний, а в том, что давал эти обещания... И все-таки, что ни говори, притягателен этот человек, пусть несколько грубоватый, но откровенный, прямодушный, болеющий за Россию... поднял такую ношу и несет эту ношу, не сгибаясь...*

Приобщился к рассуждениям писатель Борис Васильев: *"У нас НЕТ Конституции. " Вот именно "НЕТ", а не просто "нет "!* Поэт Андрей Вознесенский зарифмовал "родину" с "рвотиной". Другой "демократический" писатель вколотил, как гвозди: *"Демократический выбор состоит в том, что ВЫБОРА НЕТ!"* Именно так: "ВЫБОРА НЕТ", а не просто "выбора нет".

Конституции для подобных людей действительно нет и не будет никогда, потому что они ее никогда не открывали и не читали, а поправки для них ненавистны просто по причине их авторства. Нужно же куда-то направить свою ненависть! И выбора у них нет, потому что привычка "колебаться вместе с линией" - была линией их жизни.

И вдруг прорвалось у ярого пахаря газетных страниц Ю. Черниченко: *"...в зоне, если и голосуют дружно, то за начальника лагеря или дорогую вохру. "* Так оно и получилось. И урок состоялся - не захочешь, а скажешь правду-матушку в потоке лживых слов, хоть и позабыв примерить слова лично к собственной персоне и собратьям по политической тусовке.

После кровавой каши, заваренной Ельциным в октябре 1993 г., творческая интеллигенция не только не ужаснулась своей роли, но продолжила разыгрывать ее с упоением. В "Известиях" на следующий день после разгрома парламента появилось письмо писателей, поторопившихся примкнуть к компании погромщиков. Они требовали решительности. Они требовали повсеместной ликвидации представительных органов. Они выражали свою радость за "окрепшую демократию". Нет, они не призывали к убийствам. Они просто хотели крови. Так к ним приходило творческое вдохновение...

А вот еще один документ эпохи. Это листовка за подписями известных "деятелей культуры" (Ю.Черниченко, М. Захаров, С. Немоляева, А. Лазарев, А. Иванов, 3. Гердт), выпущенная в период путча "ельцинистов". Фантастическая ложь обращена к гражданам, приглашаемым на митинг 26 сентября 1993 г.: *"Избранный вами Президент предложил россиянам самим определить на выборах судьбу новых органов власти. Хасбулатов, Руцкой и их команда вместо выборов предлагают сажать и расстреливать всех несогласных.*

Третий документ еще подлее и отвратительнее. Все-таки процитируем несколько строк из письма исполкома Содружества союзов писателей ("писательские союзы демократической ориентации"), подписанное Г. Баклановым, Б. Окуджавой, Ю. Нагибиным, А. Пристав-киным, А. Нуйкиным, Ю. Черниченко и др:

"Мы глубоко признательны руководству Министерства финансов РФ, оказавшего нам финансовую поддержку, которая в настоящее время является единственной основой для нашего материального существования и практической деятельности, в том числе - издания предвыборной агитационной литературы, командировок виднейших писателей в основные регионы России, творческих вечеров в столице и на периферии. И, по чести говоря, уже понесенные нами расходы, равно как и те, что еще предстоят, дают основание для постановки перед правительством вопроса о более радикальном решении, чем пролонгация вышеупомянутой ссуды на оговоренных ранее условиях. С уважением и надеждой..."

На письме резолюция Гайдара от 21 декабря 1993 г.: *"Министру финансов* (Б. Федорову). *Прошу рассмотреть и по возможности помочь.* ("НГ", 21.01.94).

Что может быть откровеннее! "Творческая интеллигенция" нагло набивается на государственное служение, не стесняясь кланяться в пояс и напоминать о своих заслугах, которые надо непременно оценить в деньгах, компенсируя демократические затраты поиздержавшихся писателей.

И последний интеллигентский эпизод (больше нет сил копаться в этом паскудстве!). Как-то в одной из телепередач летом 1994 г. замечательного актера О. Басилашвили спросили, не хотел бы он сыграть

Б. Ельцина в кино. Тот задумался и с серьезным видом согласился - дала. И прибавил к этому свое отношение: мол, Ельцин, Гайдар и их окружение - это пример нравственного отношения к политике ("хотя, быть может, были отдельные ошибки"). Вот такой пример куриной слепоты, приобретенной, по всей видимости, в поповской РДДР...

О НРАВСТВЕННОМ АВТОРИТЕТЕ

В главах о Моссовете уже говорилось о невысоком духовном и рассудочном потенциале людей, решивших заняться политикой в наше смутное время. Главная причина эпидемии глупости - самомнение интеллигентных людей, считающих себя корифеями всех наук, достигнув некоторой компетентности лишь в одной. Симптомов такого зазнайства в органах власти было предостаточно. Но иллюстрацию хотелось *бы* привести из другой сферы.

Известный журналист и философ Ф. Бурлацкий (заметим, что это такой же философ, как его друг Г. Попов - экономист, а вместе они выступают в телепередаче, спонсируемой группой "Мост") рассказал как-то на страницах "Независимой газеты" о своем споре с родоначальником диссидентского сопротивления А. Сахаровым. Последний утверждал, что совсем скоро человечество сформирует мировое правительство, которое одно только и способно спасти его от угрозы ядерной войны. Сахаров даже назвал точный срок формирования такого правительства. Когда Бурлацкий через много лет напомнил Сахарову об этом споре, академик ответил: "Это не я ошибся. Это история ошиблась".

Эпизод этот столь замечателен, что может стать притчей. Она как нельзя лучше характеризует интеллигентский подход к политике. Последствия этого подхода ужасают. Ничего, кроме памятников собственной гордыне, вовлеченные в интеллигентское политиканство после себя не оставляют. Здесь Сахаров - практически единственное исключение из правила.

Еще одним исключением пытались сделать "уполномоченного по правам человека" депутата Госдумы Ковалева, которого на рубеже 1994/1995 многие "демократы" называли духовным преемником Сахарова за стоическое сидение в бункере чеченского мятежного генерала Дудаева и антиправительственные телеграммы В Москву оттуда. Но тут дело не вышло. Антиправительственная направленность посланий Ковалева была сопряжена с особым пиететом по отношению к Ельцину, который был в этот момент главным организатором и вдохновителем бойни в Чечне. К тому же, слишком явным был русофобский характер всех этих протестов против насилия, исходящий от тех, кто чуть более года назад это насилие оправдывал. Воля ваша, дорогой читатель, но автор никак не может признать человеком чести того, кто стал другом чеченских бандитов, обосновал справедливость их вооруженного сопротивления России, предал интересы своей страны, ведущей войну. Его душу не трогали судьбы русских беженцев, терпевших издевательства режима Дудаева, не смущали совесть трупы русских солдат на улицах Грозного, которых дудаевцы не собирались хоронить. А за спиной Ковалева на пресс-конференциях то и дело возникала фигура известного нам Швондера...

Сахаров, конечно, останется в нашей памяти, как могучий нравственный авторитет, в личной честности которого невозможно усомниться. Но есть и другой авторитет, в каком-то смысле противоположный Сахарову. Это П. Капица, не предавший науки ради абстрактного человеколюбия и политического стоицизма, которым в полной мере отдался Сахаров. В трудные годы сталинизма П. Капица не поступился совестью, ради того, чтобы сохранить право заниматься любимым делом или сохранить высокий научный пост. Вот именно такой интеллигентности когда-нибудь отдадут должное.

К этому стоит привести точный выпад Салтыкова-Щедрина против "партийных пустоплясов": *"Философ, экономист, натуралист превращаются в политических деятелей просто в силу одного обычая и очень часто истощают, все свои силы для того, чтобы сказать только одну извечную истину: что арена мысли должна быть, по малой мере, свободна от травли"* (Собр. соч., т. 9, с. 149).

Можно было бы продолжить сравнение нравственного потенциала тех, кто предпочел "выбрать свободу" и уехать на Запад, раскрывая там свои творческие способности, и тех, кто остался на Родине и наперекор отупляющему застою служил своему делу. Речь конечно же не идет о первой волне эмиграции - она действительно смогла сохранить духовный потенциал России. Речь идет о тех, кто был заражен диссидентским комплексом. Что для нас ближе - выбор Ростроповича или выбор Козловского, выбор Ю. Любимова или выбор В. Высоцкого, В. Шукшина? Те, кто уезжал, становились капризными "гражданами мира", с брезгливостью относящимися к своей прежней родине, не успевшей вовремя оценить их таланты. Те, кто оставался, по-настоящему любили Россию и стремились к ее возрождению. Мало кто из уехавших устоял перед мифами западничества (исключения составляют Владимир Максимов, Леонид Бородин и немногие другие). Лишь с началом горбачевской перестройки диссидентское помешательство стало общедоступным.

Диссиденты 60-х и либеральная публика 80-х в большинстве своем (не все, не все, слава Богу!) стали опорой ельцинского режима, разменивая на потребу номенклатуре наработанный годами нравственный авторитет движения в защиту прав человека. Авторитет был израсходован в политических боях 1989-1991 гг., а оставшийся на дне осадок вызвал к жизни такое явление, как диссидентские мерзости. Наиболее яростными проявлениями этой болезни страдали Е. Боннер, Г. Якунин, В. Новодворская, А. Нуйкин и еще целая вереница прочих некрофилов.

Другой тип течения болезни представляет бывший диссидент В. Буковский, неожиданно обмененный в свое время коммунистическим режимом на чилийского "партайгеноссе" Корвалана. Поругивая режим Ельцина из-за границы, он привлек внимание к себе и был приглашен депутатами Моссовета в качестве возможного претендента на пост мэра. Буковский приехал в Москву, но использовал ситуацию лишь для того, чтобы мелькнуть на экранах телевизоров и на страницах газет. Всерьез противостоять номенклатуре, грязную работу которой он видел вполне

отчетливо, Буковский не собирался, а в октябре 1993 г. поддержал мятеж и расстрел Белого Дома.

Стоит сказать и пару слов о Солженицыне, вклад которого в крах коммунистической системы несомненен и не может не вызывать уважения. Зато другой стороне деятельности знаменитого писателя трудно дать высокую оценку. Мало что понимая в российской действительности, он тоже поторопился поддержать Ельцина во время октябрьских событий 1993 г., а потом развернул целую рекламную программу своего возвращения на родину. Все почитатели ждали от патриарха диссидентщины чего-то необыкновенного. А результатом были лишь банальные рассуждения о судьбе России, в бледном виде воспроизводящие литературные достоинства брошюры "Как нам обустроить Россию". Став на время явлением современной политической жизни России, А. Солженицын как-то быстро ушел в тень, по существу, отказавшись от активной общественной позиции.

Не все герои прежнего сопротивления тоталитарному режиму разменяли свой прежний нравственный потенциал на поддержку наступающего демототалитаризма. Многие из них отчетливо поняли, что ельцинизм - просто второе издание большевизма, но еще более гнусное в своем лицемерии. И все-таки большинство из них, подобно щедринскому либералу, начав с проповеди своих идеалов с высоко поднятой головой, быстро склонило голову, следуя рекомендации "сведущих людей" действовать "по возможности". Потом пришлось сократить свои претензии до уровня "хоть что-нибудь", а затем и вовсе согласиться жить "применительно к подлости". Таким образом, российское правозащитное движение не стало явлением, задающим нравственное самочувствие общества.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ

Вопросы апрельского референдума 1993 г.:

1. Доверяете ли вы Президенту РФ Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом РФ и Правительством РФ с 1992 г.?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ?

4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?

Листовка Общественного комитета защиты российских реформ:

"ОЛЕГ ТАБАКОВ: Первый и единственный раз я избрал свободно и законным образом Президента своей страны. Главное, что я хотел бы сделать - это обеспечить ему максимальную возможность для наиболее полной реализации его обязанностей перед российским народом. Я себя ощущаю частью этого народа. Как говорил Андрей Платонов, Россия без меня не полная.

Я прошу всех моих зрителей, которых я в течение 35 лет моей работы в театре и кино не подводил, помочь нашему Президенту Борису Николаевичу Ельцину выполнить его обязанности перед народом.

Тяготы окружающей жизни в достаточной степени касаются и меня, и моей жены, и моих детей, и моих внуков. Но, несмотря на все это, я пойду 25 апреля на референдум и вновь проголосую за моего Президента, ибо для меня это единственно возможный шанс серьезно повлиять на мою дальнейшую судьбу, на судьбы моих детей и моих внуков.

ДА-ДА-НЕТ-ДА".

Листовка, подписанная Э.Рязановым, Н. Старостиным, К. Кинчевым и Н. Караченцевым:

"Друзья! Президент задал прямой и честный вопрос. Съезд пытается запутать избирателей. Но мы уверены, что вы не дадите себя обмануть, придете на референдум и проголосуете так: ДА-ДА-НЕТ-ДА".

Из листовки московской городской организации КП РФ:

"25 апреля состоится референдум, которого так долго и настойчиво добивался Президент Ельцин.

Вспомним, что именно Президент Ельцин отверг волю трех четвертей народа, проголосовавшего 17 марта 1991 года за единство Союза.

Ельцин - символ невыполненных обещаний. Он клялся не допустить снижения жизненного уровня, не повышать цены, а довел 90% россиян до нищеты.

При Ельцине 25 миллионов русских стали для России иностранцами, а в братоубийственных войнах погибло 150 тысяч человек.

При Ельцине останавливаются заводы и фабрики, разваливается армия и оборонная промышленность.

При Ельцине приоритет отдается не людям, умеющим делать товары первой необходимости, а людям, умеющим делать деньги.

При Ельцине хлынул грязный поток порнографии, насаждается чуждая нам культура, растет преступность.

Ельцин - клятвопреступник. Он клялся в верности Конституции, но уже дважды попытался совершить государственный переворот, результатом которого стала бы гражданская война.

Ельцин глумился над нашей историей. В 1945-м наши отцы и деды под Красным знаменем победили коричневую чуму - фашизм, а ныне Президент называет их "красно-коричневыми" и водружает над Кремлем триколор, под которьм выступали предатели-власовцы. Ельцин совершил святотатство, пустив хасидов в день их праздника топтать священные камни Кремля.

Соотечественники! 25 апреля перед нами открывается реальная возможность изменить ход реформ, сделать их реформами в интересах народа, остановить беспредел, защитить Конституцию и заставить исполнять законы, установить подлинную демократию - народовластие в форме Советов народных депутатов.

НЕТ-НЕТ-ДА-".

Справка:

Хасиды - представители одного из течений иудаизма, возникшего в XVIII веке, характеризующееся крайним мистицизмом и религиозной экзальтацией.

Из листовки Московской организации ДПР:

"Россия устала от затянувшейся борьбы Президента со Съездом. Пока они спорят, кто главнее, страна все глубже погружается в пучину социально-экономического хаоса. Наше активное участие в референдуме может

положить конец этой политической вакханалии верхов, создать условия для перевода экономических преобразований на реалистичные рельсы. Как проголосовать, чтобы этого не произошло?

На вопрос о доверии Ельцину мы ответим НЕТ. Нельзя доверять человеку, который ради завоевания и удержания власти готов обещать что угодно, нимало не заботясь о выполнимости своих обещаний. Нельзя доверять Президенту, который клянется на Конституции и тут же отрекается от нее. Нельзя верить безответственному политику.

На вопрос об одобрении социально-экономической политики Президента мы тоже скажем НЕТ. Почему? Прежде всего потому, что никакой социально-экономической программы у Президента просто нет. Реформирование экономики начато было без просчета социальных последствий. Результат налицо: абсолютное большинство недавно вполне благополучных граждан ныне влачат жалкое существование, по уровню падения производства мы перекрыли период 1941-1945 гг., махровым цветом расцвела преступность, коррупция чиновников. Жизнь россиян стала невыносимо тяжелой.

Мы - за досрочные выборы и Президента и депутатов. И Съезд, и Президент избирались в совершенно других условиях, в совершенно иной стране. Россия находилась в составе Союза, не было независимого суверенного государства. Изменилась система - должны смениться и люди, стоящие у власти. Тем более, как мы могли убедиться, они оказались абсолютно неспособными проводить реформирование общества, погрязли в склоках между собой, перекладывая ответственность за собственные промахи друг на друга.

Нужно менять власть. Пусть придут новые компетентные люди! В стране их немало.

НЕТ-НЕТ-ДА-ДА".

Справка:

Ровно через год Московская организация ДПР вышла из состава своей партии и объявила о самороспуске. Зато председатель партии Н. Травкин получил в правительстве Черномырдина пост министра без портфеля.

Из листовки общественного комитета "Реформы для народа":

"Прикрываясь лозунгами о демократии, свободе и гражданском обществе, в стране идет замена прежней тоталитарной системы на новую антинародную систему. Ради этого идет невиданное ограбление основной массы трудящихся: ученых, врачей, учителей, инженеров, рабочих, студентов, пенсионеров при помощи безудержного роста цен и распродажи принадлежащих народу предприятий спекулянтам, коррумпированной старой и новой номенклатуре, иным паразитическим слоям.

Угроза катастрофы нависла над нашим многонациональным домом. Разрушено исторически сложившееся государство. Льется кровь в межнациональных конфликтах. Рвутся сложившиеся хозяйственные связи, рушится производство, разваливается экономика. Трудовой народ обрекли на нищету и вымирание. Растет безработица, стремительно идет нравственная, духовная деградация, неудержимо растут преступность и коррупция.

Раньше мы были рабами у государства и номенклатуры. Сегодня бывший партократ Ельцин и его команда превращают нас в наемных рабов. Реформы в нашей

стране необходимы. Но "ваучеризация" и приватизация Ельцина - это циничный обман, это новое ярмо на шее народа. Создатели всего - Вы. Вы и должны быть хозяевами-собственниками результатов своего труда.

Если Вы не хотите быть рабами, Вы должны пойти на референдум и сказать "нет" доверию Ельцину, "нет" антинародной ельнинской политике, "да" перевыборам Ельцина. Если Ваш депутат поддерживает политику Ельцина, скажите "да" его перевыборам. Если он выступает за реформы для народа, скажите "нет" его перевыборам".

Из листовки РХДД и православного братства "Воскресение":

"По-прежнему нами правят по звонку со Старой площади. У власти все то же Политбюро (Ельцин Б. Н., Кравчук Л. М., Шеварднадзе Э. А., Назарбаев Н. Н., Алиев Г. А.). Поменялись только вывески. И вместо маразма брежневской эпохи нас потчуют балаганным "лежанием на рельсах". Но если вспомнить о новой границе России под Смоленском, о прифронтовых пляжах Пицунды, о заграничных Ялте и Одессе, то становится не до смеха... Вы этого хотели, когда голосовали за Ельцина? А Севастополь? А сотни тысяч беженцев?

Многие из нас совсем недавно поддерживали Бориса Николаевича. Сегодня мы отказываем ему в доверии. Судьба России и мира не может и далее зависеть от дрожащих пальцев на ядерной кнопке.

Довольно выбирать меньшее зло из двух худших. Элементарный здравый смысл диктует необходимость досрочных выборов и Президента, и народных депутатов. Все предыдущие выборы проходили в союзной республике РСФСР, а вовсе не в независимом государстве. К досрочным выборам призвали всех нас 25 марта в своем телеобращении Святейший Патриарх и Священный Синод. Не послушать духовных владык 25 апреля - на Красную горку - мы не вправе.

Как бы не была противна нам политика со всей ее возней, но остаться дома или уехать на дачу 25 апреля мы не имеем права. Во имя наших детей избавимся на Светлой седмице от новоявленных "демократов" XX века. И да поможет нам Бог!"

ФАШИЗМ С ЛИБЕРАЛЬНЫМ ЛИЦОМ

Для русской действительности всяческие трактовки слова "фашизм", взятые из области политологии, совершенно бессмысленны. Фашизм для русского человека тождественен с гитлеризмом: массовым геноцидом и войной, душегубками и гестаповскими пытками.

Но вот возникли два термина: "коммуно-фашизм" и "демо-фашизм". Если первый термин подразумевает, что основа обличаемой этим термином идеологии проистекает из большевистской практики, в которой была и война, и геноцид, и чекистские издевательства, и ГУЛАГ, то что несет в себе второй термин?

Демо-фашизм стал явлением, специфическим для России, когда не под флагом социалистических завоеваний (как это было в гитлеровской Германии и Советской России), а под либеральными лозунгами в стране насаждался произвол. Его специфика состояла в том, что весь он был сшит из антипатриотизма, а необъявленной его целью было разрушение ради

разрушения. Из его некрофильской сущности выползали те самые установки, которые подорвали могущество России и ввергли ее народы в страшную неприкаянность.

Вот откровения В. Новодворской из книги "По ту сторону отчаяния": *"Страна не выбирала либерализм, она и не могла его сознательно выбрать. Речь идет о том, как его стране навязать. Я хочу, чтобы была создана жесткая конструкция экономического принуждения. То есть сзади будут некие заградотряды: все уже разрушено, можно идти только вперед. Поэтому я разрушаю сознательно и с мстительным наслаждением.*

Что же тогда есть геноцид по отношению к собственному народу, что есть тогда материализованное понятие "враги народа", если не это? Вот он - обыкновенный демофашизм!

Новодворская с поразительным бесстыдством пишет: *"Только сейчас, десятилетия спустя, я поняла, что я из одного теста с Павкой Корчагиным, как от него ни отрекайся. Все-таки КПСС, вопреки своим собственным интересам, удалось воспитать из меня настоящего коммуниста, хоть и с антикоммунистическим уклоном. Теперь до меня доходит, что конфликт между мной и эпохой заключается отнюдь не в том, что я хотела быть человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой. "*

Вот уж не в бровь, а в глаз! Настоящий белый большевизм, который не может вызывать у нормального человека никаких ощущений, кроме рвотного позыва и брезгливости.

Вот еще ряд цитат из примечательной книги.

"*... я решила, что за все эти дела есть только одна мера наказания - разрушение государства. И сегодня, когда оно полуразрушено и лежит в крови и пыли, когда гибель его вместе со всем народом кажется весьма вероятной, во мне нет ни жалости, ни раскаяния. "*

"Разрушение. Безжалостное и неумолимое разрушение всего прежнего Бытия: промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, быта, традиций, стереотипов, моделей поведений, душ, судеб, понятий о добре и зле".

"Мы должны привыкнуть к мысли о том, что люди будут стреляться, топиться, сходить с ума... Я благодарна Ельцину за то, что он не помешал разрушению.

"Пойдем против народа. Мы ему ничем не обязаны. ... Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле и очень важно научиться стрелять первыми, убивать, пока тебя не убили... История не знает исключений. Добей гадину, или заказывай себе гроб".

Неуемная некрофилия "революционного сознания" охватывает и специалиста по логическим выкрутасам Г. Попова, когда он говорит о том же: *"Дело в том, что новая, послеперестроечная, система не вырастает естественным образом из прошлого, из административного социализма. Напротив, ее надо искусственно, извне насаждать на перекопанное поле*

прежнего строя. Денационализация и десоветизация должны прийти извне. Кстати, также как пришел извне сам административный социализм. Правда, есть и гигантская разница: социализм пришел, как нечто искусственное, а рынок должен вернуться, как нечто естественное. Но сам процесс в обоих случаях - процесс насаждения, а не вырастания" ("Что делать?").

Чуть позднее Г. Попов говорит ("Куранты", июль 1991 г.) о том, что объединение самых разных сил должно состояться *"ради доведения до конца этапа разрушения старого строя, ради завершения демократических реформ, ради альтернативы тоталитаризму"*. Ну чем не строки для тактической программы обновленной РСДРП(б)?

А вот другой вариант того же направления мыслей. Когда на одном из круглых столов в "Независимой Газете" (02.02.94) участники констатировали остановку крупнейших предприятий России, известный либерал К. Боровой, мнящий себя спасителем России не менее, чем на посту ее Президента, сказал: *"Слава богу, встает каменоломня, рабский труд уничтожается "*.

Вот это представление о состоянии общества ("нечто искусственное", "каменоломня") и стало основой для либерал-большевизма и демофашизма: РАЗРУШАТЬ И НАСАЖДАТЬ! Вслед за этим уже совсем легко выговаривается: *"...в период перестройки установление особого режима исполнительной власти - единственный вариант политического механизма"* (Г. Попов, там же). Доказать, что этот режим и есть демократия нетрудно, когда налажена геббельсовская машина лжи.

Граждане на некоторое время поверили в это: демократия налицо. Только это демократия фашистского типа - демофашизм. Демо-советикусы - плоть от плоти тоталитарной системы - сформировали это течение мысли и политики. Теперь они в русле собственных некрофильских убеждений готовы столкнуть в пропасть всю страну - лишь бы торжествовала Сво-бода!

Если одних политиков некрофильский большевизм распирает и прорывается в откровенных суждениях, то другие поражены им в скрытой форме, искалечившей мировосприятие. Люди, подобные А.Яковлеву, на старости лет воспринимают действительность в розовых тонах, умиляясь собственным иллюзиям (а может, притворяются?). Скорее всего это происходит с теми, кто с возрастом перестал отличать собственное лукавство (о "неизбежном лукавстве" пишет Яковлев в своей книге) от этой самой действительности. Им столько приходилось лгать самим себе и окружающим, что в конце концов Ложь для них стала Правдой. Только таким образом и можно поставить знак равенства между демократией и тем демофашистским режимом, в условиях которого живет Россия.

Снова обратимся к Салтыкову-Щедрину: *"Нужно такое счастливое стечение обстоятельств, которое отняло бы у человека способность отличать добро от зла и заглушило бы в нем всякое представление об ответственности. Вот эту-то именно задачу и выполняет привычка. И при этом она выполняет ее совершеннее и с несравненно меньшей суровостью,*

нежели другие факторы, в том же смысле споспешествующие, как например: трусость, измена, предательство и т. д." (Собр. соч., т. 16(1), стр. 230).

КРАСНО-БЕЛЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Многие политические деятели России стремились приобрести популярность, заявляя о своей центристской позиции. Никто на этом поприще не преуспел. "Центристы" проиграли все выборы, проиграли и представительные органы, и правительственные структуры, не нашли себе места ни в президентском окружении, ни в оппозиции.

Политический центр Перестройки с 1990 г. быстро ослабевал, перенося как тяжелейшую болезнь предательство собственных лидеров, скоропостижно развращенных властью и наплевавших на декларированные ранее ценности. Движение "ДемРоссия" в свое время вывело на улицы Москвы и других городов многотысячные митинги и было, несомненно, силой политического центра. Возня вокруг власти, дележ портфелей лидерами движения превратили его в экстремистскую организацию, которая отторгла от себя собственную программу, большинство сторонников, а потом и большинство собственных создателей.

Зато часть бывших лидеров движения обрела административную мощь и даже могло формировать общественное мнение с помощью "своей" прессы, "своей" прирученной оппозиции (снова плоть от плоти КПСС). Эта пресса по заказу могла невероятно раздувать опасность коммунистической реставрации, влиятельность движения "Память", перспективы Жириновского... Короче - чего изволите. Удобные противники среди прирученной и привычной к пинкам оппозиции были всегда в наличии и в состоянии готовности для битья. Эрзац-пресса, формируемая прибравшими к рукам власть "демократами", подобно прессе былых лет, вворачивала идеологию произвола и воровства в общественное сознание, скользя по поверхности фактов. Свобода слова интерпретировалась этой прессой, как свобода плевать в том же направлении, куда летели меткие плевки власть имущих, и перехватывать ответные плевки во власть

Совсем недавно очень популярны были призывы к разного рода референдумам. Одни ратовали за роспуск Съезда российских депутатов, другие - за недоверие Президенту. И те, и другие питали надежды убедить население в своей правоте. Но населению-то было вполне понятно, что Съезд хотели бы распустить именно те, кто жаждет бесконтрольной власти, а убрать Президента, среди прочих, мечтают также и последователи потрошителей России. И те, и другие вызывали у большинства неполитизированных граждан чувство омерзения. Да в общем-то, и те и другие - это одно и то же. Одни играли роль потрошителей вчера, другие играют сегодня. Общее происхождение проглядывало: вчерашние партийные секретари, номенклатурные хозяйственники и теоретики развитого

социализма спешно переквалифицировались отнюдь не в управдомы, а в сторонников радикальных реформ с гонором отцов демократии, солидными должностями и окладами.

Две силы - две фракции формально запрещенной суперпартии (либеральная и коммунистическая) - тянули каждая в свою сторону, пугая народ своими оппонентами. Обмен "любезностями" между ними призван был устрашать публику и унижать оппонентов. Радетели коммунистической перспективы и примыкающие к ним на митингах наделялись оскорбительным званием "красно-коричневые", те же отвечали не менее броским обвинением в "жидомасонстве" и "демофашизме".

Обрушиваясь на коммунистический большевизм, "ельцинисты" не замечали, что дублируют один к одному их лозунги, трансформированные на либеральный лад. Их общая характерная оговорка, демонстрирующая направление идеологических "исканий" (или заискиваний?) -приятное для власть имущих "реформаторов" утверждение: *"есть лишь один путь - вперед"*. И эта глупость с умным видом говорилась сотни раз! А ведь утверждение о единственности исторического пути, претензия на монополию на истину - явные признаки большевизма. Верной дорогой идете, товарищи! Пока не расшибете себе лоб...

Красные большевики обвиняли белых в гнусностях, белые красных - в глупостях. Причем дураки подчас выглядят подлецами, а подлецы - дураками. Поскольку и те и другие в своих обвинениях совершенно правы, у стороннего наблюдателя подчас создается впечатление, что политика - это удел лишь для умственно и нравственно ущербных, а для чистоплотного человека сегодня "войти во власть" - то же самое, что войти в навозную жижу. Так в политике прочно осваиваются экстремисты.

Стоит ли встревать в спор между экстремистами, пытаясь определить кто хуже? Пожалуй не стоит. И то и другое - совершенно негодный материал для восстановления нормальной жизни в России. Нет большой разницы между сценариями переворота по российскому образцу 1917 г. и 1993 г., между дурманящими лозунгами красного и белого большевизма. При любой идеологической закваске экстремизм будет вести только к разрушению.

Экстремизм - наиболее эффективное оружие в борьбе за краткосрочные цели. Две упомянутые силы пытались будоражить население иллюзорными целями и использовали завороженных обывателей в схватке за власть. Прямое столкновение было выгодно и тем, и другим. Взаимное насилие отвлекало внимание от иных вариантов политики, общество Делилось на "наших" и "не наших". От граждан требовались немалые усилия, чтобы под прессом пропаганды удержаться и не выбрать ни тех, ни других. Многие в результате таких усилий выбрали Жириновского и снова промахнулись. Хотя, этот "российский наполеончик" уж тем был хорош, что не старался делать вид, будто стремится к исполнению своих обещаний.

Итак, российская политика почти вся в 1990-1993 гг. состояла из экстремизма. Экстремизм власти и экстремизм улицы дополняли друг друга

и подпитывали друг друга разрушительной энергией.

В 1990-1993 гг. Россия находилась на исторической развилке. От качества ведущего слоя общества (государственных деятелей и интеллектуалов) зависело, по какому направлению в дальнейшем двинется страна. Унаследованная от коммунистического режима номенклатура выбрала путь мятежа и криминальной организации власти. Развитие национальной формы демократии было отложено на многие годы.

Номенклатура не пожелала поступиться хотя бы частью своих имущественных привилегий и властных полномочий. Тем самым она толкнула Россию в пропасть глобального кризиса и невиданных бедствий, сравнимых с бедствиями войны. Ожидать от посткоммунистической либеральной номенклатуры, разбавленной услужливой "творческой интеллигенцией", ответственной политики не приходится. Она, если ей не помешать, проведет консервацию своего режима и докушает общественный пирог до конца. Вероятно, только наследники ненасытных грабителей задумаются над тем, какое богатство досталось им в руки и дойдут мозгами до понимания того, что богатство это существует только вместе с русским народом. Только что останется к тому времени от былого богатства?

Тем, кто не одурел от хмельного разгула разрушительства, понимание преступности ельцинизма и путей его преодоления должно прийти значительно раньше. За номенклатуру кто-то должен придумать стратегию возрождения России. Сама она может думать только об интересах клана и не способна замечать, как сжимается шагреневая кожа ее благополучия, построенного на крови, на горе людском.

Часть 8.
ЗАКАТ ЭПОХИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ БУРЬ

Криминальная революция, которой так долго жаждала номенклатура, совершилась. Совершилась и закончилась... Казалось бы, номенклатурным стратегам надо радоваться, а ограбленным гражданам радоваться нечему. Но не все так просто.

Мятеж номенклатуры стал той судьбой, которую общество не могло предотвратить. Поэтому его пришлось пережить до конца, до победы болезни над организмом старого общества, не способного к сопротивлению, до перерождения прежнего организма государства в другой организм. В этом новом организме противономенклатурный антивирус уже начал свою работу. Политическая смерть инициаторов мятежа уже неизбежна.

Либеральная номенклатура готовит запасные аэродромы, ищет уши для своих "новых" идей, обеспечивает финансовую поддержку проводникам этих идей. И все-таки это тщетное занятие.

Ельцинский режим так же будет сметен со сцены, как был сметен коммунистический режим. Все ждут только ухода самого Ельцина. Это, конечно, не означает, что одержат верх те, кого номенклатурный мятеж отбросил с властных позиций. Шансов на то, чтобы снова взять в свои руки рычаги власти, у них практически нет.

Выборы 12 декабря 1993 г. показали, что номенклатурный манипулятор еще управляет обществом и успешно использует в борьбе за власть старые инструменты. Но эти инструменты уже затупились, на препарируемой действительности оставались грубые шрамы, шитые белыми нитками.

МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

ТИХИЕ ВЫБОРЫ

О выборах в Московскую Городскую Думу большинство москвичей узнало только на избирательных участках или после объявления итогов голосования. Тихие такие были выборы...

Организация всей избирательной кампании было делом самих кандидатов в народные избранники. Государственные органы отступили к избирательным урнам и там заняли круговую оборону. Конечно не от недостатка сил, а просто чтобы расчистить место для схватки очень свободных кандидатов. Получилось, что нормальная агитационная кампания стала возможна только милостью коммерческих структур, которые нерасчетливо вложили в это дело свои средства. Результат же определялся только тем, сторонники какого блока придут на выборы во время голосования. После физической расправы над инакомыслящими, оппозиционно настроенные избиратели по большей части предпочли не

выходить из дома, а их воодушевленные оппоненты прибыли для выражения своей воли вполне дисциплинировано.

Эти "тихие выборы" часто приводили голосующих в недоумение. Люди, не имея никакой информации о кандидатах, голосовали чаще всего против всех кандидатов. Несмотря на это выборы все равно признали состоявшимися. По таким уж правилам задумали чиновники сформировать народное представительство. Аппарату нужна была только имитация выборов, только имитация создания представительного органа. Потому что власть аппарата проистекает как бы ниоткуда и существует как бы без причин. Нужно чем-то прикрыть спонтанность своей власти. Но не создать же по этой причине новый Моссовет со всеми неизбежными неудобствами!

Предвыборный марафон в 1993 г. более всего был похож на спринтерскую гонку с непредсказуемыми препятствиями. Если организация выборов в Федеральное Собрание все-таки имела некоторые признаки разумности, то выборы в Московскую Городскую Думу скорее напоминали театр абсурда. Театр, в который к тому же практически не допустили зрителей. Точнее, их впустили туда под занавес и всей массой вытолкали на сцену.

Начнем с того, что прежний депутатский корпус Москвы численностью около 4,5 тысяч человек (вместе с депутатами райсоветов;

из них депутатов Моссовета - около 450 человек) был заменен узкой "тусовкой" в 35 человек. Соответственно были укрупнены избирательные округа. Теперь это территории с численностью избирателей около 200 тыс. человек. Перед каждым зарегистрированным кандидатом в депутаты вставала проблема: как дойти со своими программами до избирателя" Казалось бы, государственные органы должны выделить средства сообразно стоящим задачам. Ведь в 1990 г. выборы в округах с такой численностью избирателей предусматривали и теледебаты, и выступления в прессе, и официальное изготовление многотысячных тиражей плакатов.

Но номенклатура не была заинтересована в контактах политиков с населением. Выделенные на выборы ресурсы скорее предназначались для формирования видимости политической конкуренции. Чего стоит, например, представление кандидатов по радио, когда каждому из них дается 30 секунд на изложение своей биографии и 45 секунд на предвыборную программу! Тут даже бывшие участники состязаний КВН попали бы в затруднение.

Официальные плакаты кандидатов в депутаты на выборах в декабре 1993 г. имели тираж, достаточный разве что для расклейки в одном микрорайоне, и не предполагали размещения в них портретов кандидатов. (На фотографии тех, кого выбирали, удалось посмотреть только через месяц после выборов в газете "Градские вести". Посмотреть и ужаснуться.) Самостоятельный выпуск листовок, как показала практика, абсолютно ничего не давал. Для огромного избирательного округа любой мыслимый (в рамках обычной зарплаты москвича) тираж был бы каплей в море. А

расклеенные плакаты никто на морозе читать не собирался. Одним словом, избирателям предлагалось проголосовать вслепую.

Стоило ли участвовать в подобных выборах? Ответ на этот вопрос подсказывался самими организаторами московских выборов: не стоило! Администрации всегда мешал и будет мешать любой представительный орган власти. Именно поэтому все делалось для того, чтобы не дать возможности такой орган сформировать, либо набить его исключительно "своими людьми". К сожалению, эту позицию вполне приняли и ведущие политические блоки, которые выставили кандидатами в Московскую Думу не самых лучших своих представителей, а то и вообще отказались от мышиной возни вокруг гордумских мандатов. Об этом говорит опубликованный в "Московской правде" полный перечень претендентов на получение депутатских мандатов. Большинство из них заранее были готовы сыграть с московской администрацией в поддавки, оправдывая все ее ожидания.

Лишь блок "Московский гражданский союз" худо-бедно подобрал оппозиционно настроенных кандидатов. Но только два человека из трех десятков кандидатов этого блока пробилось в Гордуму. Остальные места взяли четыре другие проельцинских блока.

ПОДНОЖКИ И ПОДСТАВКИ

"Подножки" неудобным кандидатам ставились втихомолку. Что, например, стоит опечатать рабочий кабинет кандидата на недельку-другую, а после выборов принести свои глубочайшие извинения? Не было проблем и с тем, чтобы надежно оградить избирателей от кандидатов. Любое помещение, пригодное для организации встреч, можно было закрыть под надуманным предлогом, (например, привлекая СЭС или пожнадзор). И поменьше агитационных материалов! Не дай Бог москвичам станет известно что-то помимо приписки того или иного кандидата к тому или иному блоку!

Можно еще в бюллетене для голосования исказить должность или место работы. Особенно это удобно в отношении тех, кого последние события лишили прежнего места работы. Что должен подумать избиратель, если увидит в бюллетене для голосования кандидатов, до сих пор числящихся на работе в Моссовете или аппарате Верховного Совета? Скорее всего подумает, что это фальшивка или предательство.

Можно и информацию о кандидате исказить. Например "сократить" неудобные фразы из предвыборных плакатов. Пусть не всем повезло быть в поле зрения политической цензуры. Тем же, кому повезло, довелось обнаружить такое внимание к себе уже после выборов.

И, конечно, же в поте лица отрабатывали благосклонность начальства московские комсомольцы! Заряд грязи против пошедших на выборы депутатов Моссовета был мощным и целенаправленным. О своих

писали, как о стойких борцах с моссоветовской бестолковщиной (конечно же врали!), о чужих - как о хамах и дебилах.

Городская избирательная комиссия была прочно захвачена "Выбросом". Точнее, в нее номенклатурой были посажены два верных "поповца" - Боганцева и Осовцов - большие специалисты по организации развала Моссовета. Они топили, прежде всего, своих бывших коллег. Больше всех "повезло" выдвинутым от ПРЕСа и "ЯБЛока". Удалось утопить чуть ли не полтора десятка сильных кандидатов, действительно пытавшихся противостоять поповско-лужковскому абсурду без истерик и митинговщины. А использовались в этой грязной игре в основном формальные "недоразумения", разбирать которые после выборов уже мало кому хотелось. Ну а те, кому все-таки захотелось, снова натолкнулись на продажные московские суды, которым сподручно защищать только номенклатуру.

Специальная провокация против неугодных кандидатов была организована и самим избирательным объединением ПРЕС, возглавляемым Шахраем. Пригласив под свои флаги целый ряд кандидатов, в том числе бывших депутатов Моссовета, активисты ПРЕСа стали гадить своим же коллегам, добившись того, что объединение зарегистрировало лишь необходимый минимум кандидатов - в половине округов.

Эффективная система подножек и подставок против антиноме-нклатурной оппозиции позволила захватившим власть "лужковцам" не применять в столице более крутых мер подавления. Удачным изобретением Лужкова можно считать и объявление несостоявшихся выборов состоявшимися. Это избавляло от труда организовывать новые выборы (как это было в Питере).

ПОДТАСОВКА

Главное орудие номенклатуры - подтасовка. На выборах в городскую Думу подтасовка была проведена всеми наличными силами. Лужков помнил уроки Моссовета и не желал повторения ошибок.

В положении о выборах в Московскую Думу указывалось:

"признание выборов по избирательному округу несостоявшимися, если число голосов, поданных против всех кандидатов, превышает число голосов, поданных за кандидата, набравшего наибольшее число голосов, либо если в них приняло участие менее 25 процентов зарегистрированных избирателей." (Указ № 1738 от 24.10.93). Такие же установки содержались и в положениях о выборах в Госдуму и Совет Федерации.

6 ноября 1993 г. вышел Указ № 1814, по которому "в целях максимально объективного отражения воли избирателей" одно из ограничений снималось, и теперь любое число голосов, поданных "против всех" не влияло на результат выборов. Более того, подавший голос "против всех" теперь голосовал против собственного мнения, поскольку формировал

необходимые 25 процентов, да еще поддерживал необходимый кворум для принятия Конституции.

О выборах в Москве авторы данного Указа скорее всего забыли. Поэтому пришлось суетиться Лужкову, который задним числом вынужден был выпустить распоряжение мэра № 662 от 16 ноября 1993. Это распоряжение нигде опубликовано не было. Более того, кандидатам в депутаты раздавали (значительно позже 16 ноября) брошюрку с положением о выборах без всяких устных или письменных комментариев. Т. е. сами избирательные комиссии ничего об изменении положения не знали и не могли знать. Когда же в городскую комиссию в ночь на 13 декабря начали поступать данные по голосованию в округах, возникла острая необходимость в корректировке правил проведения выборов. В три часа ночи из центральной избирательной комиссии на места поступило распоряжение считать выборы состоявшимися, а победителями тех, кто набрал больше голосов "за". Лишь потом было оформлено распоряжение мэра, корректирующее Указ Президента. До самого Ельцина, видать, добраться просто не успевали.

Таким образом, несмотря на то, что в 31 округе из имевшихся 35 число голосов "против всех" превышало число голосов лидирующего кандидата, выборы были признаны состоявшимися по всей Москве.

Подтасовка была и на всероссийском уровне. Многочисленные публикации, появившиеся в середине 1994 г. показывали с математической точностью, что около 9,5 миллионов (!) бюллетеней были фальшивыми. Это означало, что голосование по Конституции недействительно, и режим не имеет никаких законных прав на существование. Цифры, полученные расчетным путем, многие пытались оспорить. Но законы больших чисел невозможно переписать в угоду политической конъюнктуре. Тем более, что расчеты опирались на официальные данные. Поэтому номенклатура просто перешла к тактике замалчивания и игнорирования факта массовой подтасовки.

АРИФМЕТИКА ИХ ДЕМОКРАТИИ

Точно также как математически была доказана фальсификация выборов и голосования по Конституции, доказана и причастность иностранного капитала к финансированию выборов. Больше всего средств от западных благодетелей получили "Выбор России" и "ЯБЛоко" ("Мегаполис-континент", № 30, 1994). Причем, сведения на этот счет далеко не полны, а обнародована лишь абсолютно достоверная информация.

Итак, "Выброс" получил 3 млн. рублей от банка "Эффект-кредит", учрежденного АОЗТ с иностранными инвестициями "Акар", "Иберика" и СП "Росинтакс Интернэшнл". 20 млн. рублей выделило СП "Скай лайн", половина уставного капитала которого оплачена британскими фирмами. 130 млн. рублей поступило от АО "Олби-дипломат", образованного АОЗТ

"Концерн Олби", в котором 45% уставного капитала принадлежало советско-американскому СП "Интеркойс". Впоследствии президент щедрой фирмы стал председателем исполкома "партии Гайдара" ("Демократический выбор России"). Центризбиркомом показано, что 17% средств, затраченных на избирательную кампанию "Выброса", поступило из зарубежных источников. Причем, на поверхность "всплыла" только вершина .айсберга. Интернационал ворья умел прятать концы в воду. Кроме того, многие компании оплачивали расходы блока, минуя избирательный фонд, что также было грубым нарушением.

На предвыборные нужды блока Г. Явлинского 10 млн. отдал банк "Опцион", в котором 20% уставного капитала принадлежало советско-сингапурскому СП "Солаз". Остальные факты оказались упрятанными надежнее. Теперь блок "ЯБЛоко", несмотря на его мнимую оппозиционность, - бесспорный преемник "Выброса", который явно пережил сам себя. Соответственно, по наследству должны перейти и зарубежные инвесторы, и необходимость отстаивать их интересы.

Были и другие факты, не получившие официального признания, ибо не так уж сложно провести перечисление средств по более сложной схеме, заметающей следы инвесторов.

Напомним, что всем зарегистрированным Центральной избирательной комиссией блокам полагалось из государственного кармана по 100 млн. рублей на проведение агитационной кампании. В дополнение к этим средствам "Выброс" истратил еще 1 млрд. 826 тыс. рублей, Шахраевский ПРЕС - 730 млн., "ЯБЛоко" - 280 млн., ЛДПР - 98 млн.

Такова вот арифметика их демократии.

НЕСОГЛАСНЫХ ПУСТИЛИ ПО МИРУ

Результат разгрома Моссовета для депутатов оказался таков. Те, кто больше других подличали, попали на службу к городским властям. Те, кто давно махнул рукой на свои обязательства перед избирателями, отлично устроились, получив от своих депутатских полномочий максимум выгоды для себя лично. А вот те, кто честно трудился, оказались просто выброшенными за борт без спасательного круга.

Для многих из тех, кто воспринимал свои обещания на выборах всерьез, наступили нелегкие времена. На три с половиной года эти люди прервали ту деятельность, которая позволяла обеспечивать себя средствами к существованию в долговременной перспективе. После номенклатурного мятежа они стали безработными с нищенским выходным пособием, которое за три месяца практически полностью обесценилось инфляцией (выплаты в течение трех месяцев составляли около 70 тыс. рублей в месяц, что к февралю 1994 г. было равно окладу уборщицы). Экс-депутатов еще и обманули, сняв с их зарплаты (от которой исчислялось выходное пособие)

все надбавки и лишив их социальных гарантий, предусмотренных законом. Законы в Москве считались окончательно преодоленными.

Все те, кто понадеялся на щедрые обещания о трудоустройстве депутатов и увольняемых сотрудниках аппарата, тоже остались ни с чем. Скорее всего, при решении вопроса об оказании помощи с поиском работы, соответствующей полученному опыту, учитывались результаты поименных голосований. И не удивительно, ведь вопрос решался лично "злым гением" Моссовета В. Шахновским.

Из этого незначительного, в общем-то, эпизода следует серьезный вывод: политическая среда готовится номенклатурой таким образом, чтобы в ней не оставалось людей с устойчивым мировоззрением. Тех, кто сохраняет свои взгляды на жизнь и политические ориентации в течение длительного периода, стараются удалить из органов власти. Остаются лишь те, кто готов изменить себе в угоду новым хозяевам, кто готов служить любому режиму.

Преследование депутатов по политическим мотивам продолжалось и в дальнейшем. Так, летом 1994 г. квалификационная комиссия Мосгорсуда обнаружила, что некоторые бывшие депутаты Моссовета работают в качестве помощников следователей. Для прессы тут же было сделано сообщение, что в качестве помощников следователей "работает немало (! - А. К.) бывших депутатов Моссовета, известных своей неадекватной реакцией и повышенной эмоциональностью" ("Экстра-М", 04.06.94). Номенклатура продолжала мстить за свой страх.

ВСЕ ОПЯТЬ ПОВТОРИТСЯ СНАЧАЛА

Не успели номенклатурные стратеги подвести итоги фальсифицированных выборов, как один из рьяных демократов, прошедших в Гордуму в качестве "несгибаемого борца с фашизмом", устроил форменный дебош. В прессу попало сообщение, что "демократ" решил покуражиться перед секретаршей префектуры, размахивая газовым пистолетом. Против дебошира возбудили уголовное дело, но депутатские полномочия уже пристали к радикал-демократу намертво. Правоохранительным органам пришлось отступить ("Градские вести", 12.01.94).

Все худшие черты Моссовета, худшие черты прежнего депутатского корпуса повторялись вплоть до мелочей в новом представительном органе. В Гордуме даже появился свой "сумасшедший".

Так за что же боролись господа "демократы"? Расстреляли парламент и заменили его почти таким же, разогнали Моссовет и допустили возникновение на его месте еще одного атавизма эпохи случайной демократии? В чем смысл?

Смысл был в том, чтобы в ключевой момент уничтожить своих соперников и развязать себе руки для дальнейшего грабежа. Этот метод можно смело считать новейшим изобретением либеральной номенклатуры. Оказалось, что постоянного подавления инакомыслящих не требуется.

Достаточно просто время от времени "осаживать" их. А демократия в этом случае служит ширмой. В нее можно играть, можно позволять до какого-то момента баловаться ею разношерстным политикам и простым энтузиастам "из народа". В ключевой момент этих политиков снова можно будет поставить на место - лицом к стенке.

Так был ли для граждан резон, чтобы принимать участие в выборах в Московскую *Думу* или в Федеральное Собрание в 1993 году? Среди противников нынешнего режима существуют различные точки зрения по этому вопросу. Мы хотим дать свое понимание проблемы.

Участвовать в выборах было нужно. Даже несмотря на то, что голоса граждан любой ориентации и любой позиции все равно в конечном счете были учтены в пользу никем не читанного проекта ельнинской Конституции. Ведь Конституции в этот период можно было принимать хоть еженедельно. Переворот уже состоялся, и его оформление в любом случае было бы проведено. Даже путем подделки избирательных документов.

Другое дело с людьми - их не подделаешь. Человек с твердой позицией в Федеральном Собрании или местной Думе был бы костью в горле у разворовывающей город администрации. Практически в каждом округе Москвы было хотя бы по одному кандидату от тех сил, которые не поддерживают ни шоковых реформ, ни нарушений закона в угоду целесообразности, ни аппаратных игр с городским бюджетом и собственностью. И у избирателей возможность определить таких кандидатов была. Тем не менее, многие москвичи, неоднократно обманутые в 1989-1993 гг., потеряли всякий интерес к выборам, к кандидатам в депутаты и к их программам. Только шизофренически верящая Ельцину часть избирателей дружно проголосовала за "Выброс" и поддерживающих его. Остальные на выборы не пошли или голосовали против всех. В итоге и Государственная Дума, и Московская Дума стали элементом системы грабежа и насилия над здравым смыслом, декорацией за которой творятся гнусные дела. Первый же "успех" декоративной структуры на московском уровне - отказ от проведения выборов в муниципальных округах.

Принимать участие в голосовании нужно, независимо от ожидаемого эффекта, еще и потому, что это снижает вероятность того, что определенные силы постараются решить все вопросы безо всяких выборов. То же самое касается и участия оппозиции в выборах. Если оппозиция предпочтет партизанскую борьбу с режимом, то, скорее всего, она будет подавлена регулярной армией номенклатуры, и оказывать сопротивление распаду страны будет уже кто-то другой.

Более важен вопрос о другом - кого можно поддерживать на - выборах, а кого надо вычеркивать из бюллетеней сразу, невзирая на личные качества. Это мы обсудим в заключительных разделах. В следующей главе мы покажем, что русский либерализм, весьма завлекающий образованную публику, есть как раз тот идеологический комплекс, который чрезвычайно опасен для России. Именно против этого идеологического комплекса и стоит предостеречь избирателей.

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ БУДУЩЕГО РОССИИ

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Русский философ Н. Бердяев в свое время определил и исследовал такое явление, как "русский коммунизм". Речь шла, конечно же, не о проявлении внутренней сущности русского народа, а об определенного рода болезни, занесенной на отечественную почву западными теориями. Сегодня настало время поговорить о другом явлении, также открывшем в России время великих потрясений. Именно, о "русском либерализме" - своеобразном идеологическом вирусе, более опасном для национального организма России, чем коммунистический.

Аналогично тому, как российский большевизм "творчески" упростил марксизм, либерал-большевизм, опираясь на идейные установки диссидентов, воспользовавшись условиями развала тоталитарного строя, примитивизировал комплекс ценностей западной цивилизации, подняв "массы" полуобразованной интеллигенции на борьбу за Свободу. В сущности установки этой свободолюбивой публики мало чем отличались от пены, смывшей Самодержавие в феврале 1917 года, открыв тем самым простор "революционным реформаторам" жизни. В 1990-1991 гг. российские либералы на этой волне романтической эйфории снова въехали во власть одновременно с чуткими ко всяким революциям обер-чиновниками второго эшелона. Так из номенклатуры КПСС вынырнула новая номенклатура.

Пока возбужденная Перестройкой интеллигенция за неимением созидательного инстинкта продолжала крушить основы российской государственности, новая номенклатура подбирала обломки, присваивая и распродавая госсобственность, расточительно вычерпывая госбюджет сообразно своим шкурным интересам. Пользуясь настойчивыми рекомендациями западных либеральных прагматиков, возникшая полууголовная власть немало поспособствовала феодальному дроблению страны, созданию этнократических режимов, экономическому хаосу и беззаконию.

Пропасть, возникшая между властью и обществом, густо заполнялась липкой ложью о правовом государстве и рыночной экономике. Совмин и аппарат Ельцина одно время были полностью превращены в единое министерство пропаганды. Точнее - в коллективного Геббельса, оседлавшего средства массовой информации и тратящего без счета государственные ресурсы на промывание мозгов. Либеральная интеллигенция вовсю работала на либеральную номенклатуру.

Посмотрим на продукцию этого симбиоза. Возьмем, прежде всего, диссидентский (времен СССР) комплекс зависти по отношению к Западу:

права человека и общечеловеческие ценности, правовое государство, принцип разрешено все, что не запрещено законом.

Введение этого комплекса в практику государственного управления российской номенклатурой второго эшелона КПСС и российской либеральной интеллигенцией (одними в корыстных целях, другими - в рамках собственного понимания смысла демократии) привело Россию без всяких промежуточных стадий от тотального вмешательства государства во все сферы деятельности гражданина к тотальному же пренебрежению интересами того же гражданина. Десятки миллионов людей против своей воли оказались брошенными на произвол судьбы вне пределов России. Многим из них выпало на долю стать людьми второго сорта у себя дома. Оставшимся в пределах России тоже было несладко. Они оказались под пятой либеральной номенклатуры и в полной мере испытали на себе обстановку произвола и бесправия. Жаловаться, умолять о помощи некого. Того государства, которому было присуще хоть изредка приводить в порядок вицмундиры чиновничества и проявлять внимание к бедам людским, уже не существовало.

Совсем незадолго до этого новая номенклатура укрепляла свой авторитет тем, что по любому поводу вспоминала о правах человека. Темная толпа людей с дезорганизованным (сначала пропагандой КПСС, а потом либералами) сознанием поверила в то, что номенклатурные князья мира сего семью хлебами накормят ее досыта. Толпу поймали на крючок, поманив грядущим удовлетворением эгоистического "дай!". Радостное предвкушение неожиданной сытости в сочетании с гордостью за свой вклад в борьбу за права человека сдвинули лавину, которая накрыла Россию.

Толпа получила от либералов то, чего заслуживала. В силу ограниченности средств мечту о сытости пришлось оставить до лучших времен. Зато ограниченный контингент новой номенклатуры получил почти ничем не ограниченное право удовлетворить свои фантастические потребности, да еще прикармливать "творческую интеллигенцию". Остальные были свободны протестовать, получать удары дубинками ОМОНа по чувствительным частям тела или же ждать лучших времен, уповая на обещания "всенародно избранного".

Перейдем к следующему идеологическому комплексу - "общечеловеческим ценностям". Разглагольствования на этот счет, которыми морочили головы либерал-интеллигенты, обернулись для России идеологическим спидом - разложением защитных механизмов государства, оберегающих интересы общества, предохраняющих его от распада. По сути дела российские либерально-номенклатурные власти защищали общечеловеческие ценности за рубежом, но не у себя дома. За вывод войск с территории других стран, за разоружение, за вспыхнувшие региональные конфликты, за исчезновение рынков сбыта и разрушение экономических связей приходилось расплачиваться нам. Но если мы платили, то Запад получал ощутимые прибыли.

Ради "общечеловеческих ценностей", России предлагалось в очередной раз "заклать себя на алтарь всечеловеческой демократии" (К. Леонтьев). К этому склоняла ее "творческая интеллигенция". Ей пришлось отрабатывать подачки "новых русских" и зарубежных друзей "правительства реформ" баснями о бескорыстии Запада, который будто бы только и мечтает о соблюдении прав человека во всем мире. Власть же, используя наработанные методы КПСС-КГБ, уверено утихомиривала тех, кто видел в поддержке Ельцина вполне конкретные и выраженные в кругленьких суммах интересы.

Теперь о "правовом государстве". Всем понятна и близка идея жить не по произволу, а по закону. Только на практике либеральная номенклатура решила реализовать эту доступную каждому мысль в своей интерпретации - в форме материализации либерального принципа "разрешено все, что не запрещено законом". Это позволило чиновникам и нуворишам криминально-номенклатурной экономики обогащаться, открыто используя дыры в законодательстве. Именно им позволено было все и все было не запрещено. Помогало этому то обстоятельство, что наиболее общие формулы Конституции России были превращены правительством Ельцина-Гайдара в ничего не значащие декларации, а правоохранительная система - в декорацию.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что русский интеллигентский либерализм сослужил номенклатуре неоценимую службу - дал жаждущей толпе новую "продуктивную утопию". Номенклатура смогла одновременно избавить себя от необходимости хранить идеологическую добропорядочность и навязать такую необходимость обществу. Достаточно было на некоторое время парализовать защитные реакции граждан, чтобы провести мятеж.

Номенклатурная либерализация в форме номенклатурного мятежа состоялась и мы видим ее ужасные последствия. Оказалось, что "демократические реформы" - это навязывание народу представлений о том, что справедливо, а что нет. Оказалось, что вместо возвращения к традиции взаимного уважения и взаимопомощи нас снова начали делить классовыми перегородками. Причем, делают это именно те, кто яростно обрушивается на классовое учение и одновременно заталкивает Россию в те времена, когда классовая борьба была реальностью. Мы видим, что вместо восстановления традиции добровольного законоблюдения и опоры на интуитивное понимание права, обществу предлагают груду законов и указов, которые позволяют проворному жулью оправдывать свои воровские махинации противоречивостью и неполнотой нормативной базы. Вместо естественного чувства ответственности за судьбу родной земли, гражданам России предлагают исходить общечеловеческой любовью к мерзавцам, растаскивающим ее по кускам. При всем при этом нам предлагают ждать, что "к концу года обстановка стабилизируется"?

"Русский либерализм", интеллигентская мечтательность наиболее яркие проявления которых мы видим в Москве, совершенно непригодны в

качестве идеологического обеспечения государственной стабильности и укрепления благосостояния общества. "Русский либерализм" есть лишь реакция российского посткоммунистического балагана, называемого "гражданским обществом", на продукт жизнедеятельности Запада. Он был временно внедрен в сознание граждан истинными люмпенами - антигосударственными и криминальными элементами, у которых нет и не может быть Родины. Западное общество научилось в процессе социальной эволюции нейтрализовать негативные проявления разнообразных теоретических построений, пресекать наиболее ретивых либералов и ценить консерватизм в политике. В России же, не выработавшей такого иммунитета и ослабленной внутренней распрей незнакомый вирус либерализма вызвал жестокий синдром.

ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ

Обратимся снова к идеологическим установкам либеральной интеллигенции - теперь уже в области государственного строительства. Главный предмет зависти наших неозападников поначалу был таков: сдержки и противовесы парламентаризма, многопартийность и сильная исполнительная власть, общественный договор и федерализм.

По сути дела, все эти элементы устройства власти остались в России чисто пропагандистскими уловками. Парламентаризм, не успев народиться, сразу же основательно утомил караул. Влиятельных партий не было, нет и в ближайшее время не будет. Ну а власть чиновной бюрократии была всегда, и никакого ее ослабления в последние годы не наблюдается.

О качестве страстей по многопартийной системе мы уже говорили в главе "Номенклатура против многопартийности". Реальная многопартийность для номенклатуры была опасной. Поэтому вместо нее гражданам подсунули и продемонстрировали во всей неприглядности многопартийную грызню малопонятных группировок, которые ничего, кроме жажды власти, не выражали. Усилиями пропаганды из декоративных политических структур, не несущих никакой легальной идеологии, создавалось нечто значительное. С ними можно было проводить "круглые столы", советоваться на так называемом "Конституционном совещании" и даже подписывать Договор об общественном согласии. Всему этому балагану солидность придавала поддержка государства. Тем же протопартиям, которые именно и готовы были предложить обществу все разнообразие идеологий и возможность реального выбора в многопартийной системе, приходилось влачить жалкое существование. Сложилось такое положение, при котором партия становится совершенно неэффективной организационной формой.

Теперь посмотрим на либеральное понимание федерализма. Вместе с усилением разговоров о федерализме ослаблялись скрепы государственного организма. Все началось с суверенизации России от самой

себя (Декларация о суверенитете). Затем последовало продолжение в виде ратификации беловежского сговора и принятии Федеративного договора. Сегодня распад продолжается через сдачу Президентом русской земли мелкопоместным феодалам. Это называется укреплением федеративных начал государственного устройства и снабжается россказнями об ужасах имперского прошлого, позаимствованными в большевистской сказке о России-тюрьме народов.

Номенклатурный федерализм вовсе не означает добровольного союза народов и территориальных образований. Он предполагает расчленение по явным и мнимым границам, распад России на номенклатурные вотчины. И сейчас продолжается вкрадчивое навязывание русским людям смирения перед неизбежным распадом России на несколько независимых государств. Может быть поэтому не было создано никаких теоретических основ для проведения реформ, и они породили только хаос в экономике и разруху в мозгах. За неимением своих мыслей, либералам приходилось списывать у других. Как известно, те, кто живет чужой премудростью, хорошо не кончает.

С течением времени наши либералы вспомнили, что разнообразные формы власти не освобождают ее от обязанности быть сильной и способной к управлению страной. Очевиднейший распад государственного управления подсказал идеологам номенклатуры новую уловку - идею сильной исполнительной власти. Эта идея, как изначально и подразумевалась, означала уничтожение народного представительства. Следуя урокам отца русских либералов - Ленина, полагалось убрать властные полномочия из этой "говорильни". И снова ничего толкового из этих экспериментов не получилось. Хотели силы - получили бессилие. Каждый удельный князек номенклатуры почувствовал свою бесконтрольность и начал самовольничать, приспосабливая тезис о сильной исполнительной власти лично под себя.

Сила исполнительной власти, добытая когда-то в уличных и закулисных боях большевиками-коммунистами и переданная в наследство либерал-большевикам, вовсе не означала установления исполнительской дисциплины, высокой степени управляемости, верности закону. Эта сила всегда была предназначена для того, чтобы давить любое разномыслие, не стесняясь брать мзду у слабого и грабить казну. Сегодня она давит (подавила почти) и парламентаризм, и многопартийность, и правоохранительные органы - всех, кто мешает пустить страну по миру.

Новые консерваторы (вроде юркого Шахрая) позабыли тот факт, что российская традиция организации власти основана, прежде всего, на легитимном наследовании власти, а не на ее узурпации, на преемственности власти и ответственности Государя за судьбу страны и судьбу династии. Либерал-державники, причастные к дерусификации России, не в силах понять, что власти не пристало пробавляться изобретением пустых Указов, которыми заполнил свои министерства Ельцин. Они далеки от народной традиции, в которой слово Власти всегда было решающим и веским в своей

опоре на лучших людей России, на Православную Церковь, народную духовность, на земское самоуправление, "мнение Земли".

Русская традиция отношений власти и общества нагло попирается реформаторами-разрушителями и пока некому противостоять этому надругательству над здравым смыслом. Из русской традиции либералами вычленяется лишь униженное почитание "всенародно избранного", обращаемое в чиновном мире в раболепие и покорность тупой силе. Тайна доверия между властью и народом утрачивается. Именно поэтому режим либералов обречен. Дай Бог, чтобы уходящие в политическое небытие проходимцы не утащили с собой и Россию!

Поверхностно и односторонне усвоенные общественные теории всегда расцветали на российской почве ядовитыми цветами. Сегодня сама идея свободы, как основы государственности, извращена и опошлена в угоду требованиям политической конъюнктуры. Свобода была навязана обществу, как право требовать себе "положенное". Кто-то стеснялся становиться в позу свободолюбивого нахлебника, а кто-то хватал, что попадается под руку, "компенсируя" нерасторопность дающего. Одни "компенсировали" в свой карман госсобственность, другие превращали в кормушку политику и госслужбу.

Либералы от номенклатуры пустили газетную утку об угрозе фашизма со стороны национального движения и немало нажились на разработке этой темы. На угрозу России указывали те, кто сам был источником ее погибели. Платить за всероссийский обман было кому. Дело в том, что лживое утверждение об опасности русского национализма не только для народов России, но и для всего мира, скрывало совершенно другую установку: национальных интересов Россия иметь не должна.

Пропагандистской машине было выгодно всячески рекламировать полуклинические микрогруппировки доморощенных нацистов. Но эти группировки, хотя и использовали в своем лексиконе слова о русской нации и Русской Идее, нигде не обнаруживали даже попыток понимания смысла пущенных в оборот слов. Да и все атрибуты германского фашизма для них куда ближе обычаев родной земли. Так что "русские фашисты" к русской национальной традиции имеют еще меньшее отношение, чем "русские либералы". Служащая номенклатуре либеральная интеллигенция не могла признать этого, чтобы не остаться без работы. Кроме того, шумом о фашистской угрозе покрывался реальный фашизм - фашизм с либеральным лицом.

Другое изобретение пропагандистов и агитаторов, обслуживающих властную группировку, - миф о "красно-коричневой" угрозе. Причем "коричневость" приписывалась любым объединениям, которые тем или иным образом выступали за национальные интересы России. Присовокупленный (обычно без особых на то оснований) "красный" довесок служил сигналом для диссидентов, ведущих нескончаемую партизанскую войну против идеологии КПСС, которой давно уже покорены сами. Навешивание "красно-коричневого" ярлыка давало возможность прицепить национальную

идею к буйствующим маргинальным толпам. То и дело появляющиеся на улицах Москвы юродивые и провокаторы с красными флагами, русифицированными свастиками, иконами, портретами Ленина, Сталина и Николая II должны были показать пугливому обывателю: вот они плоды русского национализма!

Стремление либералов опорочить Национальную Идею, подать ее в аранжировке фашистских маршей и коммунистических гимнов, с течением времени все более разоблачает истинное лицо русского либерализма, а также источники его пропагандистских приправ. Вся эта братия прижилась при власти только потому, что ее установки, ее поведение удачно вписывалось в стратегию разрушения России.

Либералы никогда не согласятся, не признаются, что русский национализм не агрессивен, а всегда терпим и восприимчив к новым веяниям. Они всеми способами постараются скрыть свое невежество и злонамеренность по отношению ко всему русскому. Они будут продолжать наделять русский национализм совершенно несвойственными ему чертами, развитыми скорее у самих выдумщиков.

О действительном содержании русского национализма пишет И. Ильин: *"...национализм проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмыслить его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления"*. А действительную сущность либерализма раскрывает Ф. Достоевский: «*Если кто погубит Россию, то это будут не коммунисты, не анархисты, а проклятые либералы*».

ПРИНЦИПЫ И ТАКТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

На протяжении всех предыдущих глав мы не раз недобрым словом помянули либеральную интеллигенцию. Теперь стоит сказать также и о либеральной и национальной номенклатуре. Последняя хоть и терзает свой народ, но никогда не считает землю, на которой живет чужой. Несчастье для России XX века - это либеральная номенклатура, для которой родины просто не существует. Придавленная коммунистическим режимом, она пребывала преимущественно на вторых-третьих ролях. После крушения этого режима либеральная номенклатура на некоторое время вошла в силу, готова была грабить страну до полного се уничтожения. Слегка подкошенная нарождающейся национальной элитой в 1994 г., она все еще сохраняет ведущие позиции и вполне может восстановить свои позиции в полном объеме. Поэтому необходимо распознавать почерк либеральной номенклатуры, чтобы в меру сил перехватывать ее планы.

Либеральная номенклатура - это номенклатура посредников. Она зарождалась как слой бесхребетных специалистов, которым все равно какой режим обслуживать. Постепенно номенклатура прежней формации

перестала мыслить себя без этих незаметных пронырливых помощников. Перестройка дала шанс номенклатуре посредников перейти из второго эшелона в первый, отодвинув в сторону своих менее поворотливых благодетелей. И шанс был использован.

Взяв власть, либеральная номенклатура быстро усвоила принцип пресечения всякой оппозиции. Она, в отличие от красных директоров дошла до понимания того, что грубое подавление всех несогласных есть расходование власти. Для того, чтобы экономить этот бесценный ресурс, разумнее было тонкой игрой добиваться дезорганизации в стане противника. На первых порах можно даже поддержать амбиции лидеров разрешенной многопартийности. Потом без финансов и своих изданий они быстро выдохнутся и сделаются всеобщим посмешищем. На выжженном народной иронией месте еще долго не сможет вырасти действительно серьезной организации.

Для либеральной номенклатуры нет морали. Мораль в ней умерла. Честность, порядочность, принципиальность для нее - желаемые для противника качества, которыми можно пользоваться и достаточно точно предсказывать поведение оппонента. Сама же номенклатура готова на все лады говорить о нравственности, но поступать так коварно, чтобы большинство в случае вскрытия каких-либо номенклатурных гнусностей не смогло бы поверить в то, что открылось истинное лицо либералов. Либеральная номенклатура, подучившись у диссидентов, стала играть на сердоболии русских людей. Поэтому частичное разоблачение для нее может быть даже выгодным Она может вызвать негодование к разоблачителям и сочувствие к поруганной чести тех, кто непрерывно говорит о нравственности.

Номенклатура нового типа всегда стремится стать арбитром в общественных конфликтах и призывать к миролюбию. Она стремится вызвать у конфликтующих сторон стремление к милосердию, самоотречению и смирению, в то время как сама остается непримиримой. Например, вспоминается деятельность комиссии по реабилитации участников Кронштадтского мятежа 1918 г., которая во главе с А. Яковлевым доказывала необходимость исправления "исторических ошибок" в период расправы над сторонниками Конституции осенью 1993 г.

Конфликт не должен погаснуть, чтобы не прервалась функция миролюбцев! Более того, тактика номенклатуры предполагает, что постоянно должен существовать конфликт граждан и государства. В этом случае наиболее активные всегда идут на лобовое столкновение с государством и подавляются им. Так номенклатура ведет выбраковку наиболее опасных для нее элементов.

Номенклатура всегда подчеркивает свою народность, стремится говорить языком кухни, приводить доводы из застольных бесед, взывать к справедливости. У номенклатуры отработан двойной стандарт. Либеральный чиновник всегда сочетает в себе черты поборника законности и самого человечного человека. Меняя свои обличья, он может без труда оправдывать

как энергичные действия вне закона, так и бездействие в рамках закона. Чиновник всегда готов сам рыдать в жилетку обиженного государством гражданина: а что мы можем, когда нет ресурсов, начальство такое неповоротливое, законодательство так запутано, инфляцию никак не остановят?..

Либеральная номенклатура не способна строить общественные отношения на основе права, поскольку это противоречит ее интересам. Несмотря на свои политические заверения, номенклатура всегда переходит от правового регулирования к регулированию неписаными правилами - правилами бандитской шайки. Все общество раскалывается на зоны влияния с самостоятельной системой отношений: каждому - свое!

Что касается экономики, то здесь либералы вместо цивилизованной конкуренции обеспечивают доминирование того или иного номенклатурного клана (удельного, отраслевого, политического). Устанавливается подобие родовых отношений со своей системой наследования и своей иерархией. На месте плановой экономики силами либеральной номенклатуры возводится вовсе не рыночная среда, а новая система глобального перераспределения. В экономическую среду номенклатурой была перенесена мафиозная структура и мафиозные методы: система запугивания и парализации работы конкурентов, протекционистские барьеры вокруг монополизированного рынка сбыта и источников снабжения, сокращение расходов на содержание рабочей силы, замена рыночной конкуренции силовыми методами (государственный и уголовный рэкет), связь с криминальным бизнесом (наркотики, контрабанда, торговля оружием, содержание притонов).

Либеральная номенклатура быстро нашла либеральную интеллигенцию и основным полем для взаимодействия с ней сделала прессу и телевидение. Держать в руках средства массовой информации - половина любого политического успеха. И либеральная интеллигенция, истосковавшаяся по "сильной руке", стала обслуживать либеральную номенклатуру, стремясь сохранять в памяти людей только свою трактовку значимых политических событий. Для оппонентов "радикальным реформам" беспроигрышно применялся принцип: главное - обвинить, кто оправдывается - уже наполовину виноват.

Из либеральной интеллигенции либеральная номенклатура рекрутировала молодую поросль профессионалов бывших в упадке в коммунистической России наук: экономистов, юристов, философов. Эти "корифеи" писали свои диссертации под диктовку режима партсекретарей и никакой другой науки, кроме марксизма, не знали. Да и сам марксизм учили, скорее всего, на тройку. И вот этим троечникам на некоторое время даже удалось занять ключевые посты в правительстве.

Воспринимая мафиозную организацию от номенклатуры, элитарные троечники превратились в цеховиков гуманитарных профессий. Они сделали из экономики, законодательства, судопроизводства - таинство, понятное лишь для тех, кто официально уполномочен трактовать законы нашего бытия. Полномочия на канонические трактовки в научно-номенклатурной

среде получали те, кто объявлял себя специалистом по диплому, приверженцем рыночной экономики и политике "радикальных реформ". Программные установки, трактовки и оценки, взятые "с потолка", и полная безответственность стали пропуском либерального молодняка в новую номенклатуру.

Итак, главным в борьбе за власть для либеральной номенклатуры является мафиозная организация, тотальная лживость и привлечение в свои ряды изворотливого человеческого отребья.

КОНСЕРВАТИЗАЦИЯ

Допущенная к руке (или уху) хозяина придворная челядь всегда стремилась выдать свое мнение за мнение народа, призывая себе в помощь авторитеты прошлого и настоящего. С течением времени возник целый слой придворных живописцев, поэтов и ученых. К настоящему моменту он столь разросся, что действительно начал претендовать на формирование общественного мнения. Еще небольшое усилие - и выбор за Россию будет сделан.

Улавливая разворот настроений народа, которому вконец опостылело разрушительство и безоглядный космополитизм, придворная братия заговорила о национальном возрождении России, о формировании новой государственной идеологии.

Когда перераспределение власти произошло, требуется стабилизация и укрепление режима. Когда собственность нашла новых хозяев, необходима защита от любой попытки нового передела. Поэтому не обойтись без насаждения консервативных воззрений и постепенного вытеснения излишнего, с точки зрения властей, либерализма.

Поскольку "либерализованная" (либерально образованная) интеллигенция вовсе не придерживалась либеральных идей с той последовательностью, о которой она постоянно говорила и писала, перестройка общей стратегии пропаганды происходила почти безболезненно. Этап "либерализации"" плавно перетекал в этап "консерватизации" в течение 1994 года.

Пришло время отказываться от экономического детерминизма и искать основы общественного благоденствия в "духовных и этических предпосылках современного рынка и демократии". Тут не обойтись без затоптанного в прежний период понятия НАЦИЯ, которое российский обыватель уже привык воспринимать с испугом и гневом. Приходится переучивать его, вспоминая русских философов (специфическим образом ограничив их перечень) и тезис о "русской идее" (конечно же с демократическим лицом!), в русле общих идеологических установок "реформ" идти к осмыслению "почвенных", национальных проблем, осознанию своей самобытности и исторического своеобразия России. Но что останется от российской самобытности, если отбрасывается "соборность", "общинность",

"каноническое православие", если выдумывается какой-то якобы фатально существующий вектор развития человечества "от общинное™ и соборности к демократии и гражданскому обществу" (изобретение принадлежит известному номенклатурному хамелеону С. Алексееву -председателю Комитета конституционного надзора СССР)?

Тезис про вектор - это ясная установка, но более придворным теоретикам ельцинизма предложить нечего. Они вновь вынуждены возвращаться к затасканной идее воспитания нового человека. Только теперь это должен быть "автономный" человек, исполненный эгоизмом и защищенный религией, правом и правосудием.

Для того, чтобы создать идеологию "консерватизированного либерализма" (назовем ее так по признаку потенциальных создателей - законсервированных либералов, одобривших расстрел парламента) и начать очередной раунд всенародного охмурения, "ельцинистам" придется еще немало потрудиться. Только времени не хватит. Когда идеология будет готова, она никого уже не будет интересовать. Потому что сам собой утвердится естественный русский консерватизм, который по своей природе не доступен придворным "государственникам", выполняющим очередной социальный заказ номенклатуры.

Государственники не могут быть ни экстремистами (большевиками любого цвета), ни конъюнктурщиками. Для них "русская старина" - источник духовного богатства и основа национального возрождения, а не признак средневекового мракобесия. Русская интеллигенция (а вовсе не западническая столичная верхушка "творческой интеллигенции"), а вслед за ней и российские избиратели, все-таки смогут отличить подделку под государственный патриотизм от истинного патриотизма и сделают свой выбор - выбор России, а не выбор избирательного блока с амбициозным названием.

Два паразитических слоя - либеральная интеллигенция и либеральная номенклатура - положили всю свою энергию на разрушение России. Но эта энергия в значительной мере выработалась. Ее не хватило, чтобы разгромить страну до основания. Значительная часть энергии разрушения была погашена защитниками Конституции в сентябре-октябре 1993. Теперь идет медленное и неуклонное увядание "русского либерализма".

Стоило бы поторопить этот процесс. Все-таки творившие разбой на нашей земле должны понести наказание. Для этого всем здравомыслящим людям, патриотам России, национальной интеллигенции необходимо помочь усилению национальной номенклатуры, которая только и способна трансформироваться в национальную элиту - ведущий и ответственный слой общества.

ПОИСК СТРАТЕГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Паразитический режим либеральной номенклатуры уходит в прошлое. Страна снова на исторической развилке. Один из путей - это сохранение криминальной организации власти уже без либералов, второй - восстановление национальной номенклатуры, некоторого подобия законности и шансов на относительно быстрый выход из кризиса. Первый путь выгоден для тех, кто надеется еще основательно пограбить в "этой стране", второй - тем, кто хочет быть хозяином родной земли, кто согласится на диктатуру государства против криминальной диктатуры в либеральном оформлении.

Один из идеологов криминального варианта излагает суть дела так: "*... полагаю, что в конце концов мы должны стать обществом, где основными действующими лицами политической жизни не будут те, кто занимает официальные посты. Так во всех странах. Так должно быть. Политик - это футболист, которого выпустили на поле, он должен быть прекрасно подготовлен: забивать мячи, срывать" аплодисменты, быть кумиром публики. Но решают вопрос, когда его выпустить, в каком матче, на сколько минут и т. д., уже другие. Я думаю, что когда-нибудь у нас в стране ключевые решения в политике будут принимать не политики. Когда такое время настанет - это будет нормальная страна"* (Г. Попов, "НГ", 10.12.93).

В этих словах изложена реальная программа, которая подспудно начала претворяться в жизнь уже в 1991-1993 гг. Мятеж либеральной номенклатуры с октября 1993 г. по сути дела перешел в новую стадию. Отсев упорствующих в своем либерализме деятелей начался, а на их место активно стали претендовать люди с криминальным сознанием. Именно такая "реформа" должна дать обществу очередную иллюзию позитивных перемен.

НЕ МЕШАЙТЕ НАРОДУ БЕЗМОЛВСТВОВАТЬ

Издавна повелось, что народ должен либо безмолвствовать, либо одобрять "генеральную линию партии". С приходом к власти "демократов" ничего не изменилось. Государственные чиновники и политики всех мастей по-прежнему добиваются всенародного одобрения и всегда выступают от имени безмолвствующего народа, который почти никогда без их помощи не может выразить свои чаяния и осознать свои потребности.

Что бы ни делалось власть имущими - все это будет в интересах народа. Стоит надавить на психику обывателя - и верят любому! Дайте только эфир и залы для пресс-конференций с фуршетом для журналистов! Населением, рассеянным по своим квартирам, можно- манипулировать как угодно. Обывательская среда при благоприятных условиях и соответствующей пропаганде воспроизводит сама себя из поколения в поколение.

Те, кто пытается понять смысл политической суеты, закономерно получают невроз и периодическое разлитие желчи (горе от ума). Если этим

беспокойным гражданам не удается попасть в парламент, в руководство какой-никакой партии или просто отвлечься от тяжелых мыслей в работе по добыванию хлеба насущного, они долго не живут. Те же, кто оболочку политической жизни воспринимает за ее суть и испытывают радостное воодушевление от сознания своей причастности к истории (счастье от глупости), успокаиваются игрой недалекого ума вроде:

"Бриан - это голова!". И те, и другие, смешиваясь с политически девственным населением, воспроизводят себе подобных.

Итак, одни преимущественно злобствуют по поводу политики, тщетно пытаясь вникнуть в суть происходящего, другие - заменяют разговоры о политике разнообразных партий и групп партиями в преферанс. Основная же часть населения вспоминает о политике лишь от случая к случаю. На этом роль народных масс в истории можно было бы считать исчерпанной, если бы не периоды недееспособности, то и дело наступающие у правящих элит.

В это время "его величество народ" выходит на подмостки истории со своим "бессмысленным и беспощадным". Шахматные партии старых элит заканчиваются чисткой доски от легких и тяжелых фигур, а потом перестрелка решает, кому править и задавать правила игры. Либеральный бунт заканчивается консерватизацией режима. Новые "отцы отечества" смело запускают руку в казну, дабы за счет бестолковых масс доказать этим же массам благотворность своей отеческой заботы о судьбах родины. Идеологические конструкции в это время громоздятся ради отстрела нигилистов и возбуждения верноподданнических чувств у прочего населения.

Предложенное видение "исторического процесса" дает два следствия:

1 . Гражданам не следует принимать слишком близко к сердцу потасовки среди шарлатанов и комедиантов политической сцены и почаще смотреть на ужимки политиков, выключая звук у своих телевизоров. Это хороший способ выявить скрытую сущность потеющих перед телекамерами и напускающих на себя важность марионеток, страдающих комплексом властолюбия. При любых голосованиях стоит подумать, кто от этого выигрывает, какого типа политические биографии стимулируются на избирательных участках именно в данный момент.

2. Тем же, кто всерьез поверил в свои способности управлять страной или "делать историю", необходимо остерегаться очень уж энергично взывать к народному гневу и надеяться, что этот "источник власти" может что-то самостоятельно решить.

Народ не зря безмолвствует. Это срабатывает защитная реакция. Чтобы не попасть под колесо истории, эту реакцию стоит замечать и уважать.

ПЕРЕТРЯСКА ЭЛИТ

Жизнь государства невозможна без того, чтобы кто-нибудь им не правил. Поэтому в эпоху всеобщей нестабильности различные группы, не способные удерживать власть самостоятельно, пытаются привлечь на свою сторону общественное мнение и играют с народом в игру "выбери меня". Неоднородность народных пристрастий порождает расслоение элиты и столкновение между возникшими слоями.

У геронтократов КПСС власть просто вывалилась из одряхлевших рук. Демокоммунисты не смогли выдержать вида бесхозной собственности и, отбросив идеологические установки, бросились расхватывать все, на что падал воспаленный жаждой наживы взгляд. Тут и состоялась игра в выборы, которая в силу своей бесперспективности для решения частных экономических проблем, выдвинула в качестве народных представителей целый пласт образованных правдолюбцев. Впрочем, ключевые посты правящая коммунистическая номенклатура не отдала кому попадя. Если же и были какие-то случайности, то необходимые меры для подтверждения истины, что не человек красит место, были также предусмотрены.

Доктора экономики и юриспруденции считали, что рождают своим высоким умом новый мир. Москва и Питер стали образцово-показательными площадками для экспериментов. В них-то ранее всего и обнаружились результаты: власть из рук романтической "образованщины" быстро перетекла в руки единственного дееспособного во времена перемен слоя - организованных либеральными идеями уголовников. Криминальная братия стала воистину классовым союзом выходцев из всех некогда элитных групп. Свою лепту внесли и демокоммунисты, и старая номенклатура, и бывшие заключенные, и академическая наука, и правоохранительные органы.

Объединенная либеральная коалиция в короткие сроки расчистила себе место на политической Олимпе: "демократически настроенной" публике предложила зрелище расстрела "коммунистического" парламента, желчным максималистам подсунула куклу Жириновского, мечтателям о законности - вызывающе неряшливую Конституцию. И православные получили свою долю - новый храм аж на Красной площади и посещающего богослужения Президента. Даже коммунистов не забыли. Им вернули и лидеров, и газеты, и парламентскую фракцию - пусть балуются. Развлечением для широкой публики стала еще одна игра в выборы - уже по более жестким правилам.

Демократия закончилась. Перед входом в парламент мозги следует оставить в гардеробе. Только вот либеральная консерватизация режима может так и не состояться. Симптомы новой волны в государственной политике проявились на совещании руководителей ФСК 26 мая 1994 г., где Б. Ельцин напутствовал спецслужбы в работе во имя предупреждения и пресечения антиконституционной деятельности отдельных партий, движений и политиков. *"Для работников государственной службы есть одна политика - политика государства",* - сказал Президент. Если понимать напутствие буквально, да еще учесть призыв Президента оградить наши богатства и технологии от корыстных интересов, то жертвами должны стать

все, кто имел отношения к гайдаровским реформам. Если же понимать Президента в духе известного тезиса:

"Государство - это я", то на заклание следует отдать тех, кто поддерживает недавних обитателей Лефортово. Вот поэтому высшие чиновники перенимают у народа привычку безмолвствовать. Ведь кругом двусмысленность ("толи у него украли, толи он украл"), и времена меняются - начинается новая перетряска правящего слоя.

ФАСАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Для того, чтобы демос воспринял свою немую роль в политическом спектакле, как роль наиглавнейшую, властные группировки пытаются охмурить его сказками о демократии. Причем разнообразием правящая номенклатура не балует: ельцинская Конституция мало чем отличается от сталинской. И в том, и в другом случае фасад режима украшался почти одинаковыми орнаментами.

Лозунги правового государства и свободы, которые несли с собой перестройка и либерализация, оказались по своему действию схожими с лозунгами коммунистической революции 1917 г. Если большевики дали России иллюзию власти трудящихся, то радикал-либералы принесли в Россию фасадные формы западной демократии. Запад давно ушел по своему пути, а либералы все еще копались в его предыстории.

Получилось, что кроме авантюрной программы "500 дней", да нескольких полусырых разработок всяких там фондов, предъявить нечего. Вторая октябрьская революция (как и первая) показала, что вдохновенный гуманизм лозунгов кончается все тем же - ведет к крови и пиршеству преступности.

Чем отличалась фасадная демократия нашего времени, так это заменой коммунистической риторики торжественными словесами по поводу прав человека и законности. Под соусом демократического обсуждения болевых проблем общества велась борьба за обладание властью, ничуть не менее свирепая, чем схватка троцкистов со сталинистами. И ничуть не более благопристойная, надо отметить. Прорыв на руководящие посты одной из наиболее мобильных групп коммунистической номенклатуры дал возможность номенклатуре в целом "канализировать" общественные настроения в нужном ей направлении. Разного масштаба говорильни помогли воодушевленному населению увидеть мираж народовластия, который быстро приобрел отвратительные формы. "Великому немому" продемонстрировали отвратительную склоку "лучших из лучших" - Съезд народных депутатов СССР. И безмолвствующий немой пришел в ярость, замычал что-то нечленораздельное. Ему тут же -право выбора депутатов и президентов всех калибров, а после небольшой паузы - дубинкой вдоль

спины. Хоть омоновские дубинки и были пущены в ход, главным образом, в столице, в дрожь бросило всю страну. И народ снова озадаченно замолчал...

РАЗЛОЖЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Казалось бы, либеральная номенклатура, устроив маленькую гражданскую войну в центре столицы, может продолжать доминировать над своими оппонентами и диктовать обществу дальнейший путь развития. Но оказалось, что ее политическая эпоха расстрелом парламента как раз и завершается.

Октябрьские события 1993 г. породили только иллюзию победы тех сил, которые в своих политических планах ориентировались на группировку, сложившуюся вокруг Б. Ельцина. Вместе с тем, всего через несколько месяцев прямо на глазах у изумленной публики, только что голосовавшей за Конституцию радикал-реформаторов, стала происходить государственная трансформация, явно противоречащая всем предвыборным лозунгам. А наиболее рьяных и последовательных либералов при новом дележе власти опытные аппаратчики просто отбросили в сторону, в силу их полной бесполезности и недееспособности. Гайдару, его команде и его поклонникам осталось либо побираться на околополитических помойках вместе с Госдумой, либо окончательно отдаться лоббированию интересов криминального предпринимательства,

Либералы, как и прочие политические течения, на рубеже 1993/1994 потеряли самоидентичность и надежды на формирование какой-либо политической традиции. Все, что еще осталось к этому моменту на поверхности общественной жизни, было поражено неостановимым разложением. Партии, движения, творческие союзы, образованные на заре "демократизации", исчезали и исчезают на глазах. Нет более жалкого зрелища, чем либеральные "правящие партии". Ельцину действительно не на что опереться (если не рассчитывать на повсеместное применение сил армии и милиции).

Либерализм стал оттягиваться в оппозицию, где косвенно, а где открыто поругивая своего неуправляемого хозяина. Казалось бы, хозяйственная разруха и нравственная деградация режима вновь предоставляют либералам шансы въехать из оппозиции во власть на белом коне. Но оппозиционные идеи (не только либеральные) оказались еще менее приспособленными для борьбы за умы.

Либералам уже не помогает ни доминирование в Думе, ни причастность к правительственным структурам, ни контроль за президентским окружением, ни любящие их средства массовой информации.

Что-то сломалось и в говорящем органчике верховного божка демократии. В качестве непонятного обломка прежнего официального языка пропаганды в ответ на решение Госдумы об амнистии изо рта Б.Ельцина вывалилось: *"Считал и считаю, что здесь были допущены нарушения*

Конституции, закона и норм нравственности". Это после расстрела парламента и всероссийской разрухи, подсунутых вместо декларируемой на любых выборах социальной защиты? Не все смогли играть в этот абсурд. И первый подвел "всенародно избранного", а с ним и либеральную номенклатуру верный прокурор Казанник. Потом разочарования пошли потоком.

Разочаровал Ричард Никсон, перепутавший Президента Всея Руси с парламентским клоуном. Разочаровали выборы в Крыму и Молдове. Огорчили вцепившиеся друг другу в глотку Чубайс с Лужковым. Опечалило всеобщее равнодушие к эпохальному посланию Президента к Федеральному Собранию. Уже Г. Попов начал поругивать (пока еще слегка) своего бывшего патрона. Первого юриста среди соратников -С. Шахрая - пришлось снять с министерства. Так кто же победил в октябре, кто заставил проголосовать за новую Конституцию? Почему никому доверять нельзя? Кто, в конце концов, Президент в стране!? "Вы, Борис Николаевич!" - бодро отвечают лишь Ерин и Грачев, перепачканные кровью Второй октябрьской революции. Остальные стараются безмолвствовать вместе с народом.

Повысить свою выживаемость в политике либеральная номенклатура смогла лишь одним способом: объединением с криминальной средой. Для бывших "демократов" быстрый переход в новое качество был вполне понятен. Ведь собственно демократия целью политики последних лет вовсе не являлась. Лидеры "демократов" были опытными игроками в закулисных комбинациях КПСС и воспринимали энтузиазм населения по поводу новых для него идеологических построений лишь как способ добиться перераспределения власти. Вот и втолковывали людям, что демократия (политические свободы, законность, федерализм, парламентаризм, правовое государство и проч.) будто бы и есть наиболее эффективный механизм власти. А пока романтики делили призрак власти на выборах, сессиях и съездах, реальная власть и право собственности концентрировались в других местах.

К 1993 г. стратегия либеральной номенклатуры до того была развенчана, что даже наиболее умеренные политики начали понимать фальшивость убогого формализма демократических процедур, осознавать необходимость опоры на реальные интересы различных элитных групп и переходить в стан оппозиции. Оппозиция во главе с Верховным Советом смогла мобилизоваться для переигрывания "ельцинистов" в долговременном противостоянии: поставить на поток работу своих средств массовой информации, заручиться поддержкой региональных элит, промышленного лобби. Еще немного и сложился бы блок национальной номенклатуры и радикальной оппозиции. Но времени на доведение до логического результата всех этих мероприятий не хватило.

Лидеры либеральной номенклатуры, почувствовавшие, что почва ускользает у них из-под ног, инсценировали государственный переворот, в результате которого полярные политические силы аннигилировали, оставив после себя пустыню. Все время потрясая кулаками и обещая лечь костьми во

имя торжества Конституции, оппозиция оказалась совершенно неприспособленной к скоротечной силовой схватке. Имея почти все, она почти все и потеряла. Все эти фронты, народные собрания, движения - все пошло прахом. Началась спонтанная трансформация политической среды.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИМПОТЕНЦИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ

Вырождение коммунистической идеологии к началу Перестройки было более чем очевидным. Громадные усилия пропагандистского механизма сводились на нет каким-нибудь смешком лукавого юмориста или жалкой диссидентской листовкой. Механизм с тех пор был на время остановлен, а потом запущен в противоположную сторону. Этим удалось нейтрализовать юмористов и диссидентов (они как бы стали способствовать идеологической работе среди населения), но побороть импотенцию не удалось - ведь у пропагандистского станка стояли почти те же самые люди (например, те же А. Яковлев и Г. Попов).

Нелепости фасадной демократии, шабаш либеральной творческой мысли и идеологическая импотенция власти только на первый взгляд выглядят как совершенно бессмысленное и никому не нужное разрушение. Стремительное обветшание российской демократии - следствие ее полной бесхозности. Своим архитекторам, желавшим делать историю, она опротивела даже быстрее, чем большинству граждан.

Идеологическая импотенция вызвала закономерный процесс деградации политического фасада - депутатского корпуса. От самостоятельно мыслящих в рамках программы КПСС академиков в парламенте СССР мы перешли к самостоятельно мыслящим без всякой системы мэнээсам, а теперь и вовсе - к канцелярским работникам, свободным ото всяких мыслей. Пока активная часть населения была озабочена своим участием в этом процессе, номенклатура решала свои закулисные проблемы.

Смысл кратковременного введения и последующего разрушения демократии был в том, чтобы в сжатые сроки перераспределить собственность и права на прибавочный продукт. Власть была превращена в товар и те, кто удачно реализовал личный бизнес-план, смогли снова купить себе власть. Сырьевики придушили всесильный ВПК, повязанная с Западом часть номенклатуры легализовала и укрупнила масштабы своих экономических операций, криминальная среда реализовала свой план -"кто был ничем, тот станет всем".

Стоит ли удивляться, что Запад, втащивший Россию на поле своих ценностей и своего мировоззрения, так интенсивно поддерживал "курс реформ" и так равнодушно воспринял расстрел Белого Дома? Вывоз капитала из России за время "радикальных реформ", только по официальным данным, составил 1 млрд. долларов в месяц. Сырье хлынуло из пораженной кризисом России с такой силой, что существенно понизило цены мирового рынка. Наконец, исчез серьезный военный противник. За это стоило

заплатить те миллиарды долларов, которые шли (и до сих пор идут) в кассу ЦРУ специально на нужды идеологической войны.

Так сомкнулись интересы некоторых внутренних номенклатурных советских элит, криминальных кланов, либеральной интеллигенции и внешних антисоветских интересов. Но теперь наступает время, когда дружба-дружбой, а табачок - врозь. Если России суждено продолжать свой исторический путь, то либеральный фасад еще может немного постоять, но жить придется уже под другой крышей. И главное - без либералов. Они мечтали о российском Пиночете, и Пиночет пришел. С убогой идеологией и готовностью пролить кровь.

РЕСУРСЫ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Перетряска элит произошла, фасад власти в значительной степени очистился от романтической лепнины. Пора приспосабливать все здание для нормальной жизни.

Да вот беда, приходится пройти через период, в который решится вопрос, кому и как сидеть, за какие ниточки и каких марионеток водить. Это период политического абсурда. Кто-то "делает бабки" на ваучерах и лозунгах приватизации. Кто-то, настаивая на "государственных интересах", отжимает последние соки из промышленных монстров эпохи исторического материализма. И кандидатов в президенты наплодилось - ну просто тьма. Да еще каждый свою партию создал, будто гражданам было просто разобраться в месиве уже имеющихся. Тем временем, по городам и весям начался предупредительный отстрел несговорчивых, а мафиозные кланы начали серьезно вооружаться.

В этих условиях руководство крупных госпредприятий, а также т. н. малый и средний бизнес погоды не делают. Их объедают со всех сторон поднаторевшие в силовом отстаивании своих интересов крепкие спайкой банды банкиров и рэкетиров. Напрасно кто-то надеется на то, что "красные бароны" ВПК и ТЭК когда-нибудь "воспрянут ото сна", а суетливые крохоборы создадут свою несгибаемую партию. Без национальной интеллигенции, которая сегодня еще не востребована, им дорога одна - к вчерашним паханам, ставшим сегодняшними акулами мафии.

В отличие от разрушительных либеральных реформ свирепая борьба кланов по поводу власти - дело вполне конструктивное. Участники межклановой борьбы, в отличие от наивных политиков, хотя бы свои шкурные интересы осознают и, тем самым, способствуют созданию национальной номенклатуры. Силовое "взаимовычитание" лишь отслаивает наиболее жизнеспособное ядро, которое и останется главным ресурсом нации. Всплыв в легальный элитный слой, мафиози самого разного профиля, так или иначе, вынуждены будут поддерживать стабильность общества и приобрести все атрибуты внешней респектабельности. Если они снова не

начнут игру с либералами, то вполне способны будут сформировать национальную номенклатуру.

Главный ресурс элиты (пусть криминального происхождения, что ж поделаешь, если другой нет!), который будет работать на государство и нацию, - жесткий прагматизм. Это тот прагматизм, который не верит навязанным идеологиям и глубокомысленной игре ума. Именно прагматизм дает шанс на то, что власть имущие обратятся к государственным интересам России, которые должны совпасть с их стратегическими интересами.

Осталось уповать на то, что разборки между кланами и раздел сфер влияния произойдут относительно быстро, а реальный экономический интерес отчетливо заявит о себе на макроэкономическом уровне. В политическую игру должны согласованно вступить большие капиталы, почувствовавшие собственные пределы роста и алчность иностранных конкурентов.

Прорыв России через хронический кризис власти и экономики возможен только в том случае, если объединятся три ресурса нации:

управленческий, экономический и интеллектуальный. Если национальной номенклатуре предстоит преодолеть антирыночный комплекс "красных директоров", новым предпринимателям - антигосударственную направленность своих сиюминутных интересов, то национальной интеллигенции требуется очиститься от остатков марксистско-ленинской идеологии и диссидентского либерального комплекса.

Пока все эти разборки и трансформации не закончились, любителям шествий и митингов не стоило бы корчить из себя народные массы. Прежде чем апеллировать к народу, давайте хотя бы идеологическую импотенцию преодолеем.

РЕЦЕПТ РЕАНИМАЦИИ

Авторитарный режим - вполне адекватный инструмент концентрации ресурсов нации для преодоления кризиса. Но такой режим должен иметь еще и некоторый нравственный базис, авторитет, признаваемую всеми причину. Этого у сегодняшней власти нет, и именно поэтому глашатаи режима (даже произнося иногда в общем-то правильные слова) не в состоянии поднять народ против разрушительных процессов. Именно из-за отсутствия нравственных ориентиров и опыта нравственного поведения сторонники режима не способны к созданию государственной идеологии. Бессовестность разрушительна для интеллекта. Не находя нужных слов, режим и подавно не в состоянии найти спасительной стратегии.

В попытках взять политический процесс под контроль возникает новый рецепт реанимации России: патриотическая (национальная) диктатура вместо прозападной (космополитической) демократии. Но если диссиденты-западники худо-бедно сформулировали идеологию либеральных реформ, то новый рецепт реанимации пока совершенно безоснователен. Дело не в том,

что у такого рецепта вовсе нет никаких объективных основ. Они то как раз куда более реальны, чем переписанные у западных мыслителей прошлого либеральные теории. Это у тех, кто допущен к публичному говорению, нет и не предвидится понимания того, какую Россию необходимо возрождать.

И все-таки что-то не клеилось в пропагандистских построениях "номенклатурных мудрецов". Открывают рот для того, чтобы сказать про великую державу, про терпеливый русский народ, а выговаривается что-то старое - о правах человека, о законности... Говорильный органчик то и дело сбивается на старую мелодию, сипя сквозь шумы и хрипы умирающей идеологии.

Обыватель подсознательно почувствовал, что ему долго и упорно подсовывали для применения в жизни фальшивые формы демократии, а теперь предлагают спасать разрушенную таким путем державу. Так стоит ли верить тем, кто с такой энергией боролся за гражданский мир, что готов был камня на камне не оставить от российской государственности? Не лучше ли заняться самоспасением?

И все-таки, несмотря на могучий инстинкт эгоизма, обыватель не волен в своих действиях, ибо интересы правящей элиты защищены государственной машиной. Обывателю так или иначе промоют мозги и вложат в них то, во что он таки поверит. На легковерности его все-таки поймают. Только для этого режиму придется сменить не только язык общения с народом, но и произвести смену "физических лиц", говорящих от имени власти. Необходимый авторитет власти будет возвращен, и обывателя снова можно будет втянуть в русло государственной политики.

Если за это возьмутся мастера своего дела, то смена декораций без особых потрясений закончится уже через полгода. Даже вопрос о смене Президента станет совершенно неактуальным и останется лишь предметом для полемических забав новых диссидентов. Если достойных специалистов не найдется, то вполне возможен очередной спектакль с подавлением государственного переворота.

Вопрос о завершении безболезненной государственной трансформации, появлении действительных основ для общественного согласия упирается в объединение идеологических, организационных и финансовых ресурсов. Пока такого объединения не произошло, страна будет страдать от непомерных амбиций политических деятелей, которые не способны ни понять, как спасти Россию от небытия, ни провести послешоковую реанимацию хозяйства, ни усмирить политический хаос.

Мы уже находимся на новой ветви общественного развития, которая требует устранения от власти той генерации политиков, чье историческое время закончилось 4 октября 1993 г. Вместе с незапятнанными ложью и преступлениями всероссийского масштаба людьми придет и авторитет власти, будут востребованы уже существующие разработки государственной идеологии и начнется восстановление структур гражданского общества.

Народ будет продолжать безмолвствовать, но это безмолвие будет иметь уже совершенно другую интонацию.

ПОИСК ИДЕОЛОГИИ

Отношения России к Западу и Востоку было одной из основных тем философской и общественной мысли в Х1Х-ХХ вв. Размышления о роли русских, как о мессианском народе, о России, как о духовном посреднике и сдерживающем начале в мировом развитии, констатировали некую выделенность России и особенность стратегии ее развития. Эта стратегия предполагает особый духовный уклад народа и сочетание некоторых черт устремленного за свои пределы Запада и погруженного в себя Востока. Россия, в отличие от остального мира, постоянно находится в процессе переработки старых идей и общественных форм и синтеза новых.

Правильнее всего было бы говорить о наиболее существенных моментах эволюции. Для Запада - это развертывание идеи свободы в однонаправленном развитии, для Востока - сохранение архаики, древнего знания человека о самом себе, для России - циклы самоотрицания, принятия нового качества и воскресения. Причем здесь стоит говорить лишь о наиболее ценном вкладе во всеобщую историю и мировую культуру, а не о доминирующей во все времена закономерности.

Реализация нескольких (в данном случае трех) сценариев существования и развития повышает выживаемость системы, которая при этом способна переносить катаклизмы узконаправленного действия. Ликвидация одного из способов существования цивилизации, одной из этих форм вполне достаточно, чтобы нарушить баланс. Представление о такой опасности почему-то не усваивается Западом, стремящимся поглотить Россию, растворить ее своеобразие в примитивном либерализме. Возможно Запад все еще находится в страхе перед ядерным потенциалом, угрожавшим ему много лет, и не находит иного способа преодоления своего страха.

Необходимо также отметить, что антиэнтропийная стратегия развития вовсе не дана от природы и бесполезно ожидать самопроизвольного возникновения гармонии. Противостояние хаосу является предметом нашего повседневного беспокойства и творческих усилий. Поэтому необходимость возрождения России, как носителя одной из стабилизирующих мировое развитие стратегий должна быть осознана на Западе и Востоке, а затем воплощено в реальную политику.

Либералам же подавай выход на столбовую дорогу человечества. Они стремятся выпрямить пружину Российской истории на западный лад, бросить страну в погоню за чужими успехами и чуждыми ценностями. Их Россия обречена на вечную роль догоняющего в экономике, роль всеядного потребителя суррогатов западной культуры и образа жизни, роль задыхающегося от проникшего во все поры общества чувства неполноценности. Их Россия - это даже не полуколония. Это свалка отбросов остального мира.

Но вот этап грабительского формирования капитала прошел, настала пора упорядочить его обретение и закрепить то, что уже перетекло в частное владение. Тут сразу же сломалась вся система власти, содержавшая либеральных политиков и публицистов. Фасадную демократию как ветром сдуло. Начался этап стихийной патриотизации России. Даже Ельцин начал использовать в своих выступлениях возвышенные слова про великую державу, а его ближайшие соратники на все лады запричитали о национальных интересах.

Народ продолжает нищать, но все еще безмолвствует. Чего же он ждет? А ждет он новых слов, потому что либеральной трескотне уже верить устали. Но архитекторы фасадной демократии не могут без отказа от самих себя перестроиться на патриотическую лексику. Натужные разговоры про национальные интересы как-то ходят все вокруг общих понятий. А страна ждет явления государственной идеологии.

Для удачной трансформации режима язык власти должен быть достаточно хорошо разработан. Повторение общих мест о том, что "за державу обидно", уже успело всем наскучить.

СТРАНА ЖДЕТ ИДЕОЛОГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Ее пытаются самостоятельно сформировать вчерашние радикал-либералы, функционеры и идеологии КПСС. Но материал не поддается. Пока все, на что способен официальный пропагандистский механизм - это прекращение использования слова "патриот" в качестве бранного, и обретение словом "демократ" новой смысловой нагрузки (того и гляди, оно станет новым ругательством).

Что же делать пропагандистам режима? Ведь идеологии так просто не рождаются. Заново осваивать истмат в форме социал-демократии? Но с истматом уже так привыкли бороться, да и опротивел он всем своим плакатным видом. Провести научно-практическую конференцию патриотизированных либерал-демократов? Но вся их "идеология" полностью извлечена из пыли западной философской мысли ушедших столетий. Как ни препарируй "западную буржуазную философию" - за российскую и патриотическую ее никак не выдать.

И вот что остается. Остается опираться на русскую философию. Именно она несет в себе органичный для России патриотизм и разработана блестящими мыслителями, не востребованными в государственном строительстве до сей поры. Идеи И. Ильина, К. Леонтьева, С. Булгакова, Вл. Соловьева, К. Победоносцева, Н.Бердяева и др. затронули пока только узкий круг патриотической интеллигенции. Органичность этих идей для русского мировоззрения и рост влияния Православия на общественную жизнь предрешают их взрывообразное распространение. В этом-то и состоит светлая сторона политики – рано или поздно, пройдя через все гнусности,

все слои общества, в том числе политическая, финансово-промышленная и интеллектуальная элиты, обращаются к мудрости.

Поскольку отступать на всех фронтах России ухе некуда, то придется наступать.

С РУССКОГО ПРОРЫВА и начнется возрождение России.

В русской философии и патриотической публицистике словосочетание "русская идея" встречается настолько часто, что пора спросить, что же подразумевается под этими словами? Если для либералов эти слова - признак "чужого", призрак "нацизма", то для национальной элиты за этими словами скрыт рецепт спасения государства от либерал-большевистской чумы.

Обсуждение Русской Идеи заняло бы много страниц, и мы отсылаем заинтересованного читателя к изданному Конгрессом русских общин "Манифесту возрождения России". Для того, чтобы очень схематично очертить поиск альтернативы криминальному либерализму, нужно наметить несколько ориентиров.

Прежде всего Русская Идея заключает в себе православную духовность, отличающуюся от прочих форм христианства отказом от рационализации веры, но принимающую Бога душой, любовью, бескорыстным пониманием красоты. В ее основе заложено понятие соборности, как единства людей, преодолевающего все социальные и этнические барьеры ради возрождения православной веры и процветания Отечества.

Второй момент заключен в исторически сложившемся государственном характере русского народа. Вместе с тем, только нравственный авторитет государственной власти способен удержать в русле эволюционного пути анархические поиски царства правды. Важная деталь состоит в имперском характере государственного-патриотической идеологии. Имперском не в смысле нацеленности на военную экспансию, а в смысле развития идеологической, экономической и культурной инициативы, которая не замыкается внутри страны.

Третий ключевой момент Русской Идеи - Бесчеловечность русского национального характера, т. е. терпимость к другим идеям и традициям, восприимчивость и уживчивость. Вероятно, именно это качество более всего используется либеральными и коммунистическими интернационалистами, растворяющими всечеловеческую любовь к ближнему в абстрактных общечеловеческих ценностях.

Вл. Соловьев в статье о Русской Идее пишет: «*Призвание, или особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа - индивида или нации - и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, - эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется как Закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места*».

Русский либерализм выбирает именно закон смерти для России. Задача состоит в том, чтобы этот выбор обратить на сам русский либерализм, отделив его от Русской Идеи и российской действительности.

* * *

Красный и белый большевизм, левый и правый экстремизм, "русский коммунизм" и "русский либерализм" в течение XX века показали свою полную стратегическую бесперспективность. В России наступает эпоха национального возрождения, усиления национальной интеллигенции и национальной элиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы завершить эту книгу, мне хотелось бы кое в чем оправдаться перед читателем.

Прежде всего, автору может быть брошено обвинение в беспросветном пессимизме: практически ни одна из действующих на данный момент политических сил не устраивает его. Это действительно так. Но пессимизма здесь нет. Ведь и большинство граждан России эти силы не устраивают! Скорее всего, те силы, которые способны обеспечить возрождение России, еще не набрали достаточную силу и не получили широкой известности.

"Хорошо, - скажет читатель на это, - а где же те люди, которых автор хотел бы видеть у власти? Среди персонажей книги таких не видать." И впрямь, многие персонажи не вызывают симпатий. Зато на страницах книги присутствуют и те, чьи мысли и оценки автор с благодарностью использует. И это отнюдь не единицы. Мне хотелось бы, чтобы читатель увидел подобных людей и вокруг себя. Это профессионалы своего дела, которые упрямо отказываются включаться во всероссийский грабеж награбленного и пользоваться моментом для разрешенного режимом воровства. Если Россия еще не рассыпалась во прах, то именно благодаря таким людям.

Следующий возможный упрек читателя состоит в том, что ельцинизм по сравнению со сталинизмом или фашизмом все-таки как бы более цивилизованная форма авторитаризма. Ведь нет ни массовых чисток, ни постоянной физической ликвидации оппозиционеров, ни тотального насаждения единомыслия...

Тут автору придется поспорить. Дело в том, что "цивилизованность" есть соответствие власти обществу. А ельцинизм не в состоянии не то что обществу соответствовать, он даже и самому себе явного выражения найти не может. Ведь не под силу ему даже собственные законы соблюдать!

Сегодня многие сходятся на том, выход из кризиса немыслим без авторитарного режима. Вырвать страну из лап кризиса может только сильная власть. Но почему же достойными осуществлять жесткое руководство должны быть Ельцин с Гайдаром, Попов с Яковлевым, Лужков с Явлинским и т. п.? Если именно эти люди обеспечили невероятный отрыв власти от общества, то почему им нужно и дальше доверять? От них кроме лжи и разрухи ничего ждать не приходится. Не было еще в истории России более гнусного режима, чем их режим! Мне хочется надеяться, что эта книга - одно из доказательств данного утверждения. Уж по крайней мере факты и выводы этой книги могут помочь тем, кто будет противостоять паразитическому либерализму и изживать последствия номенклатурной революции.

Часть 8.
ЗАКАТ ЭПОХИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ БУРЬ

Криминальная революция, которой так долго жаждала номенклатура, совершилась. Совершилась и закончилась... Казалось бы, номенклатурным стратегам надо радоваться, а ограбленным гражданам радоваться нечему. Но не все так просто.

Мятеж номенклатуры стал той судьбой, которую общество не могло предотвратить. Поэтому его пришлось пережить до конца, до победы болезни над организмом старого общества, не способного к сопротивлению, до перерождения прежнего организма государства в другой организм. В этом новом организме противономенклатурный антивирус уже начал свою работу. Политическая смерть инициаторов мятежа уже неизбежна.

Либеральная номенклатура готовит запасные аэродромы, ищет уши для своих "новых" идей, обеспечивает финансовую поддержку проводникам этих идей. И все-таки это тщетное занятие.

Ельцинский режим так же будет сметен со сцены, как был сметен коммунистический режим. Все ждут только ухода самого Ельцина. Это, конечно, не означает, что одержат верх те, кого номенклатурный мятеж отбросил с властных позиций. Шансов на то, чтобы снова взять в свои руки рычаги власти, у них практически нет.

Выборы 12 декабря 1993 г. показали, что номенклатурный манипулятор еще управляет обществом и успешно использует в борьбе за власть старые инструменты. Но эти инструменты уже затупились, на препарируемой действительности оставались грубые шрамы, шитые белыми нитками.

МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

ТИХИЕ ВЫБОРЫ

О выборах в Московскую Городскую Думу большинство москвичей узнало только на избирательных участках или после объявления итогов голосования. Тихие такие были выборы...

Организация всей избирательной кампании было делом самих кандидатов в народные избранники. Государственные органы отступили к избирательным урнам и там заняли круговую оборону. Конечно не от недостатка сил, а просто чтобы расчистить место для схватки очень свободных кандидатов. Получилось, что нормальная агитационная кампания стала возможна только милостью коммерческих структур, которые нерасчетливо вложили в это дело свои средства. Результат же определялся только тем, сторонники какого блока придут на выборы во время голосования. После физической расправы над инакомыслящими, оппозиционно настроенные избиратели по большей части предпочли не

выходить из дома, а их воодушевленные оппоненты прибыли для выражения своей воли вполне дисциплинировано.

Эти "тихие выборы" часто приводили голосующих в недоумение. Люди, не имея никакой информации о кандидатах, голосовали чаще всего против всех кандидатов. Несмотря на это выборы все равно признали состоявшимися. По таким уж правилам задумали чиновники сформировать народное представительство. Аппарату нужна была только имитация выборов, только имитация создания представительного органа. Потому что власть аппарата проистекает как бы ниоткуда и существует как бы без причин. Нужно чем-то прикрыть спонтанность своей власти. Но не создать же по этой причине новый Моссовет со всеми неизбежными неудобствами!

Предвыборный марафон в 1993 г. более всего был похож на спринтерскую гонку с непредсказуемыми препятствиями. Если организация выборов в Федеральное Собрание все-таки имела некоторые признаки разумности, то выборы в Московскую Городскую Думу скорее напоминали театр абсурда. Театр, в который к тому же практически не допустили зрителей. Точнее, их впустили туда под занавес и всей массой вытолкали на сцену.

Начнем с того, что прежний депутатский корпус Москвы численностью около 4,5 тысяч человек (вместе с депутатами райсоветов;

из них депутатов Моссовета - около 450 человек) был заменен узкой "тусовкой" в 35 человек. Соответственно были укрупнены избирательные округа. Теперь это территории с численностью избирателей около 200 тыс. человек. Перед каждым зарегистрированным кандидатом в депутаты вставала проблема: как дойти со своими программами до избирателя" Казалось бы, государственные органы должны выделить средства сообразно стоящим задачам. Ведь в 1990 г. выборы в округах с такой численностью избирателей предусматривали и теледебаты, и выступления в прессе, и официальное изготовление многотысячных тиражей плакатов.

Но номенклатура не была заинтересована в контактах политиков с населением. Выделенные на выборы ресурсы скорее предназначались для формирования видимости политической конкуренции. Чего стоит, например, представление кандидатов по радио, когда каждому из них дается 30 секунд на изложение своей биографии и 45 секунд на предвыборную программу! Тут даже бывшие участники состязаний КВН попали бы в затруднение.

Официальные плакаты кандидатов в депутаты на выборах в декабре 1993 г. имели тираж, достаточный разве что для расклейки в одном микрорайоне, и не предполагали размещения в них портретов кандидатов. (На фотографии тех, кого выбирали, удалось посмотреть только через месяц после выборов в газете "Градские вести". Посмотреть и ужаснуться.) Самостоятельный выпуск листовок, как показала практика, абсолютно ничего не давал. Для огромного избирательного округа любой мыслимый (в рамках обычной зарплаты москвича) тираж был бы каплей в море. А

расклеенные плакаты никто на морозе читать не собирался. Одним словом, избирателям предлагалось проголосовать вслепую.

Стоило ли участвовать в подобных выборах? Ответ на этот вопрос подсказывался самими организаторами московских выборов: не стоило! Администрации всегда мешал и будет мешать любой представительный орган власти. Именно поэтому все делалось для того, чтобы не дать возможности такой орган сформировать, либо набить его исключительно "своими людьми". К сожалению, эту позицию вполне приняли и ведущие политические блоки, которые выставили кандидатами в Московскую Думу не самых лучших своих представителей, а то и вообще отказались от мышиной возни вокруг гордумских мандатов. Об этом говорит опубликованный в "Московской правде" полный перечень претендентов на получение депутатских мандатов. Большинство из них заранее были готовы сыграть с московской администрацией в поддавки, оправдывая все ее ожидания.

Лишь блок "Московский гражданский союз" худо-бедно подобрал оппозиционно настроенных кандидатов. Но только два человека из трех десятков кандидатов этого блока пробилось в Гордуму. Остальные места взяли четыре другие проельцинских блока.

ПОДНОЖКИ И ПОДСТАВКИ

"Подножки" неудобным кандидатам ставились втихомолку. Что, например, стоит опечатать рабочий кабинет кандидата на недельку-другую, а после выборов принести свои глубочайшие извинения? Не было проблем и с тем, чтобы надежно оградить избирателей от кандидатов. Любое помещение, пригодное для организации встреч, можно было закрыть под надуманным предлогом, (например, привлекая СЭС или пожнадзор). И поменьше агитационных материалов! Не дай Бог москвичам станет известно что-то помимо приписки того или иного кандидата к тому или иному блоку!

Можно еще в бюллетене для голосования исказить должность или место работы. Особенно это удобно в отношении тех, кого последние события лишили прежнего места работы. Что должен подумать избиратель, если увидит в бюллетене для голосования кандидатов, до сих пор числящихся на работе в Моссовете или аппарате Верховного Совета? Скорее всего подумает, что это фальшивка или предательство.

Можно и информацию о кандидате исказить. Например "сократить" неудобные фразы из предвыборных плакатов. Пусть не всем повезло быть в поле зрения политической цензуры. Тем же, кому повезло, довелось обнаружить такое внимание к себе уже после выборов.

И, конечно, же в поте лица отрабатывали благосклонность начальства московские комсомольцы! Заряд грязи против пошедших на выборы депутатов Моссовета был мощным и целенаправленным. О своих

писали, как о стойких борцах с моссоветовской бестолковщиной (конечно же врали!), о чужих - как о хамах и дебилах.

Городская избирательная комиссия была прочно захвачена "Выбросом". Точнее, в нее номенклатурой были посажены два верных "поповца" - Боганцева и Осовцов - большие специалисты по организации развала Моссовета. Они топили, прежде всего, своих бывших коллег. Больше всех "повезло" выдвинутым от ПРЕСа и "ЯБЛока". Удалось утопить чуть ли не полтора десятка сильных кандидатов, действительно пытавшихся противостоять поповско-лужковскому абсурду без истерик и митинговщины. А использовались в этой грязной игре в основном формальные "недоразумения", разбирать которые после выборов уже мало кому хотелось. Ну а те, кому все-таки захотелось, снова натолкнулись на продажные московские суды, которым сподручно защищать только номенклатуру.

Специальная провокация против неугодных кандидатов была организована и самим избирательным объединением ПРЕС, возглавляемым Шахраем. Пригласив под свои флаги целый ряд кандидатов, в том числе бывших депутатов Моссовета, активисты ПРЕСа стали гадить своим же коллегам, добившись того, что объединение зарегистрировало лишь необходимый минимум кандидатов - в половине округов.

Эффективная система подножек и подставок против антиноменклатурной оппозиции позволила захватившим власть "лужковцам" не применять в столице более крутых мер подавления. Удачным изобретением Лужкова можно считать и объявление несостоявшихся выборов состоявшимися. Это избавляло от труда организовывать новые выборы (как это было в Питере).

ПОДТАСОВКА

Главное орудие номенклатуры - подтасовка. На выборах в городскую Думу подтасовка была проведена всеми наличными силами. Лужков помнил уроки Моссовета и не желал повторения ошибок.

В положении о выборах в Московскую Думу указывалось:

"признание выборов по избирательному округу несостоявшимися, если число голосов, поданных против всех кандидатов, превышает число голосов, поданных за кандидата, набравшего наибольшее число голосов, либо если в них приняло участие менее 25 процентов зарегистрированных избирателей." (Указ № 1738 от 24.10.93). Такие же установки содержались и в положениях о выборах в Госдуму и Совет Федерации.

6 ноября 1993 г. вышел Указ № 1814, по которому "в целях максимально объективного отражения воли избирателей" одно из ограничений снималось, и теперь любое число голосов, поданных "против всех" не влияло на результат выборов. Более того, подавший голос "против всех" теперь голосовал против собственного мнения, поскольку формировал

необходимые 25 процентов, да еще поддерживал необходимый кворум для принятия Конституции.

О выборах в Москве авторы данного Указа скорее всего забыли. Поэтому пришлось суетиться Лужкову, который задним числом вынужден был выпустить распоряжение мэра № 662 от 16 ноября 1993. Это распоряжение нигде опубликовано не было. Более того, кандидатам в депутаты раздавали (значительно позже 16 ноября) брошюрку с положением о выборах без всяких устных или письменных комментариев. Т. е. сами избирательные комиссии ничего об изменении положения не знали и не могли знать. Когда же в городскую комиссию в ночь на 13 декабря начали поступать данные по голосованию в округах, возникла острая необходимость в корректировке правил проведения выборов. В три часа ночи из центральной избирательной комиссии на места поступило распоряжение считать выборы состоявшимися, а победителями тех, кто набрал больше голосов "за". Лишь потом было оформлено распоряжение мэра, корректирующее Указ Президента. До самого Ельцина, видать, добраться просто не успевали.

Таким образом, несмотря на то, что в 31 округе из имевшихся 35 число голосов "против всех" превышало число голосов лидирующего кандидата, выборы были признаны состоявшимися по всей Москве.

Подтасовка была и на всероссийском уровне. Многочисленные публикации, появившиеся в середине 1994 г. показывали с математической точностью, что около 9,5 миллионов (!) бюллетеней были фальшивыми. Это означало, что голосование по Конституции недействительно, и режим не имеет никаких законных прав на существование. Цифры, полученные расчетным путем, многие пытались оспорить. Но законы больших чисел невозможно переписать в угоду политической конъюнктуре. Тем более, что расчеты опирались на официальные данные. Поэтому номенклатура просто перешла к тактике замалчивания и игнорирования факта массовой подтасовки.

АРИФМЕТИКА ИХ ДЕМОКРАТИИ

Точно также как математически была доказана фальсификация выборов и голосования по Конституции, доказана и причастность иностранного капитала к финансированию выборов. Больше всего средств от западных благодетелей получили "Выбор России" и "ЯБЛоко" ("Мегаполис-континент", № 30, 1994). Причем, сведения на этот счет далеко не полны, а обнародована лишь абсолютно достоверная информация.

Итак, "Выброс" получил 3 млн. рублей от банка "Эффект-кредит", учрежденного АОЗТ с иностранными инвестициями "Акар", "Иберика" и СП "Росинтакс Интернэшнл". 20 млн. рублей выделило СП "Скай лайн", половина уставного капитала которого оплачена британскими фирмами. 130 млн. рублей поступило от АО "Олби-дипломат", образованного АОЗТ

"Концерн Олби", в котором 45% уставного капитала принадлежало советско-американскому СП "Интеркойс". Впоследствии президент щедрой фирмы стал председателем исполкома "партии Гайдара" ("Демократический выбор России"). Центризбиркомом показано, что 17% средств, затраченных на избирательную кампанию "Выброса", поступило из зарубежных источников. Причем, на поверхность "всплыла" только вершина .айсберга. Интернационал ворья умел прятать концы в воду. Кроме того, многие компании оплачивали расходы блока, минуя избирательный фонд, что также было грубым нарушением.

На предвыборные нужды блока Г. Явлинского 10 млн. отдал банк "Опцион", в котором 20% уставного капитала принадлежало советско-сингапурскому СП "Солаз". Остальные факты оказались упрятанными надежнее. Теперь блок "ЯБЛоко", несмотря на его мнимую оппозиционность, - бесспорный преемник "Выброса", который явно пережил сам себя. Соответственно, по наследству должны перейти и зарубежные инвесторы, и необходимость отстаивать их интересы.

Были и другие факты, не получившие официального признания, ибо не так уж сложно провести перечисление средств по более сложной схеме, заметающей следы инвесторов.

Напомним, что всем зарегистрированным Центральной избирательной комиссией блокам полагалось из государственного кармана по 100 млн. рублей на проведение агитационной кампании. В дополнение к этим средствам "Выброс" истратил еще 1 млрд. 826 тыс. рублей, Шахраевский ПРЕС - 730 млн., "ЯБЛоко" - 280 млн., ЛДПР - 98 млн.

Такова вот арифметика их демократии.

НЕСОГЛАСНЫХ ПУСТИЛИ ПО МИРУ

Результат разгрома Моссовета для депутатов оказался таков. Те, кто больше других подличали, попали на службу к городским властям. Те, кто давно махнул рукой на свои обязательства перед избирателями, отлично устроились, получив от своих депутатских полномочий максимум выгоды для себя лично. А вот те, кто честно трудился, оказались просто выброшенными за борт без спасательного круга.

Для многих из тех, кто воспринимал свои обещания на выборах всерьез, наступили нелегкие времена. На три с половиной года эти люди прервали ту деятельность, которая позволяла обеспечивать себя средствами к существованию в долговременной перспективе. После номенклатурного мятежа они стали безработными с нищенским выходным пособием, которое за три месяца практически полностью обесценилось инфляцией (выплаты в течение трех месяцев составляли около 70 тыс. рублей в месяц, что к февралю 1994 г. было равно окладу уборщицы). Экс-депутатов еще и обманули, сняв с их зарплаты (от которой исчислялось выходное пособие)

все надбавки и лишив их социальных гарантий, предусмотренных законом. Законы в Москве считались окончательно преодоленными.

Все те, кто понадеялся на щедрые обещания о трудоустройстве депутатов и увольняемых сотрудниках аппарата, тоже остались ни с чем. Скорее всего, при решении вопроса об оказании помощи с поиском работы, соответствующей полученному опыту, учитывались результаты поименных голосований. И не удивительно, ведь вопрос решался лично "злым гением" Моссовета В. Шахновским.

Из этого незначительного, в общем-то, эпизода следует серьезный вывод: политическая среда готовится номенклатурой таким образом, чтобы в ней не оставалось людей с устойчивым мировоззрением. Тех, кто сохраняет свои взгляды на жизнь и политические ориентации в течение длительного периода, стараются удалить из органов власти. Остаются лишь те, кто готов изменить себе в угоду новым хозяевам, кто готов служить любому режиму.

Преследование депутатов по политическим мотивам продолжалось и в дальнейшем. Так, летом 1994 г. квалификационная комиссия Мосгорсуда обнаружила, что некоторые бывшие депутаты Моссовета работают в качестве помощников следователей. Для прессы тут же было сделано сообщение, что в качестве помощников следователей "работает немало (! - А. К.) бывших депутатов Моссовета, известных своей неадекватной реакцией и повышенной эмоциональностью" ("Экстра-М", 04.06.94). Номенклатура продолжала мстить за свой страх.

ВСЕ ОПЯТЬ ПОВТОРИТСЯ СНАЧАЛА

Не успели номенклатурные стратеги подвести итоги фальсифицированных выборов, как один из рьяных демократов, прошедших в Гордуму в качестве "несгибаемого борца с фашизмом", устроил форменный дебош. В прессу попало сообщение, что "демократ" решил покуражиться перед секретаршей префектуры, размахивая газовым пистолетом. Против дебошира возбудили уголовное дело, но депутатские полномочия уже пристали к радикал-демократу намертво. Правоохранительным органам пришлось отступить ("Градские вести", 12.01.94).

Все худшие черты Моссовета, худшие черты прежнего депутатского корпуса повторялись вплоть до мелочей в новом представительном органе. В Гордуме даже появился свой "сумасшедший".

Так за что же боролись господа "демократы"? Расстреляли парламент и заменили его почти таким же, разогнали Моссовет и допустили возникновение на его месте еще одного атавизма эпохи случайной демократии? В чем смысл?

Смысл был в том, чтобы в ключевой момент уничтожить своих соперников и развязать себе руки для дальнейшего грабежа. Этот метод можно смело считать новейшим изобретением либеральной номенклатуры. Оказалось, что постоянного подавления инакомыслящих не требуется.

Достаточно просто время от времени "осаживать" их. А демократия в этом случае служит ширмой. В нее можно играть, можно позволять до какого-то момента баловаться ею разношерстным политикам и простым энтузиастам "из народа". В ключевой момент этих политиков снова можно будет поставить на место - лицом к стенке.

Так был ли для граждан резон, чтобы принимать участие в выборах в Московскую *Думу* или в Федеральное Собрание в 1993 году? Среди противников нынешнего режима существуют различные точки зрения по этому вопросу. Мы хотим дать свое понимание проблемы.

Участвовать в выборах было нужно. Даже несмотря на то, что голоса граждан любой ориентации и любой позиции все равно в конечном счете были учтены в пользу никем не читанного проекта ельнинской Конституции. Ведь Конституции в этот период можно было принимать хоть еженедельно. Переворот уже состоялся, и его оформление в любом случае было бы проведено. Даже путем подделки избирательных документов.

Другое дело с людьми - их не подделаешь. Человек с твердой позицией в Федеральном Собрании или местной Думе был бы костью в горле у разворовывающей город администрации. Практически в каждом округе Москвы было хотя бы по одному кандидату от тех сил, которые не поддерживают ни шоковых реформ, ни нарушений закона в угоду целесообразности, ни аппаратных игр с городским бюджетом и собственностью. И у избирателей возможность определить таких кандидатов была. Тем не менее, многие москвичи, неоднократно обманутые в 1989-1993 гг., потеряли всякий интерес к выборам, к кандидатам в депутаты и к их программам. Только шизофренически верящая Ельцину часть избирателей дружно проголосовала за "Выброс" и поддерживающих его. Остальные на выборы не пошли или голосовали против всех. В итоге и Государственная Дума, и Московская Дума стали элементом системы грабежа и насилия над здравым смыслом, декорацией за которой творятся гнусные дела. Первый же "успех" декоративной структуры на московском уровне - отказ от проведения выборов в муниципальных округах.

Принимать участие в голосовании нужно, независимо от ожидаемого эффекта, еще и потому, что это снижает вероятность того, что определенные силы постараются решить все вопросы безо всяких выборов. То же самое касается и участия оппозиции в выборах. Если оппозиция предпочтет партизанскую борьбу с режимом, то, скорее всего, она будет подавлена регулярной армией номенклатуры, и оказывать сопротивление распаду страны будет уже кто-то другой.

Более важен вопрос о другом - кого можно поддерживать на - выборах, а кого надо вычеркивать из бюллетеней сразу, невзирая на личные качества. Это мы обсудим в заключительных разделах. В следующей главе мы покажем, что русский либерализм, весьма завлекающий образованную публику, есть как раз тот идеологический комплекс, который чрезвычайно опасен для России. Именно против этого идеологического комплекса и стоит предостеречь избирателей.

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ БУДУЩЕГО РОССИИ

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Русский философ Н. Бердяев в свое время определил и исследовал такое явление, как "русский коммунизм". Речь шла, конечно же, не о проявлении внутренней сущности русского народа, а об определенного рода болезни, занесенной на отечественную почву западными теориями. Сегодня настало время поговорить о другом явлении, также открывшем в России время великих потрясений. Именно, о "русском либерализме" - своеобразном идеологическом вирусе, более опасном для национального организма России, чем коммунистический.

Аналогично тому, как российский большевизм "творчески" упростил марксизм, либерал-большевизм, опираясь на идейные установки диссидентов, воспользовавшись условиями развала тоталитарного строя, примитивизировал комплекс ценностей западной цивилизации, подняв "массы" полуобразованной интеллигенции на борьбу за Свободу. В сущности установки этой свободолюбивой публики мало чем отличались от пены, смывшей Самодержавие в феврале 1917 года, открыв тем самым простор "революционным реформаторам" жизни. В 1990-1991 гг. российские либералы на этой волне романтической эйфории снова въехали во власть одновременно с чуткими ко всяким революциям обер-чиновниками второго эшелона. Так из номенклатуры КПСС вынырнула новая номенклатура.

Пока возбужденная Перестройкой интеллигенция за неимением созидательного инстинкта продолжала крушить основы российской государственности, новая номенклатура подбирала обломки, присваивая и распродавая госсобственность, расточительно вычерпывая госбюджет сообразно своим шкурным интересам. Пользуясь настойчивыми рекомендациями западных либеральных прагматиков, возникшая полууголовная власть немало поспособствовала феодальному дроблению страны, созданию этнократических режимов, экономическому хаосу и беззаконию.

Пропасть, возникшая между властью и обществом, густо заполнялась липкой ложью о правовом государстве и рыночной экономике. Совмин и аппарат Ельцина одно время были полностью превращены в единое министерство пропаганды. Точнее - в коллективного Геббельса, оседлавшего средства массовой информации и тратящего без счета государственные ресурсы на промывание мозгов. Либеральная интеллигенция вовсю работала на либеральную номенклатуру.

Посмотрим на продукцию этого симбиоза. Возьмем, прежде всего, диссидентский (времен СССР) комплекс зависти по отношению к Западу:

права человека и общечеловеческие ценности, правовое государство, принцип разрешено все, что не запрещено законом.

Введение этого комплекса в практику государственного управления российской номенклатурой второго эшелона КПСС и российской либеральной интеллигенцией (одними в корыстных целях, другими - в рамках собственного понимания смысла демократии) привело Россию без всяких промежуточных стадий от тотального вмешательства государства во все сферы деятельности гражданина к тотальному же пренебрежению интересами того же гражданина. Десятки миллионов людей против своей воли оказались брошенными на произвол судьбы вне пределов России. Многим из них выпало на долю стать людьми второго сорта у себя дома. Оставшимся в пределах России тоже было несладко. Они оказались под пятой либеральной номенклатуры и в полной мере испытали на себе обстановку произвола и бесправия. Жаловаться, умолять о помощи некого. Того государства, которому было присуще хоть изредка приводить в порядок вицмундиры чиновничества и проявлять внимание к бедам людским, уже не существовало.

Совсем незадолго до этого новая номенклатура укрепляла свой авторитет тем, что по любому поводу вспоминала о правах человека. Темная толпа людей с дезорганизованным (сначала пропагандой КПСС, а потом либералами) сознанием поверила в то, что номенклатурные князья мира сего семью хлебами накормят ее досыта. Толпу поймали на крючок, поманив грядущим удовлетворением эгоистического "дай!". Радостное предвкушение неожиданной сытости в сочетании с гордостью за свой вклад в борьбу за права человека сдвинули лавину, которая накрыла Россию.

Толпа получила от либералов то, чего заслуживала. В силу ограниченности средств мечту о сытости пришлось оставить до лучших времен. Зато ограниченный контингент новой номенклатуры получил почти ничем не ограниченное право удовлетворить свои фантастические потребности, да еще прикармливать "творческую интеллигенцию". Остальные были свободны протестовать, получать удары дубинками ОМОНа по чувствительным частям тела или же ждать лучших времен, уповая на обещания "всенародно избранного".

Перейдем к следующему идеологическому комплексу - "общечеловеческим ценностям". Разглагольствования на этот счет, которыми морочили головы либерал-интеллигенты, обернулись для России идеологическим спидом - разложением защитных механизмов государства, оберегающих интересы общества, предохраняющих его от распада. По сути дела российские либерально-номенклатурные власти защищали общечеловеческие ценности за рубежом, но не у себя дома. За вывод войск с территории других стран, за разоружение, за вспыхнувшие региональные конфликты, за исчезновение рынков сбыта и разрушение экономических связей приходилось расплачиваться нам. Но если мы платили, то Запад получал ощутимые прибыли.

Ради "общечеловеческих ценностей", России предлагалось в очередной раз "заклать себя на алтарь всечеловеческой демократии" (К. Леонтьев). К этому склоняла ее "творческая интеллигенция". Ей пришлось отрабатывать подачки "новых русских" и зарубежных друзей "правительства реформ" баснями о бескорыстии Запада, который будто бы только и мечтает о соблюдении прав человека во всем мире. Власть же, используя наработанные методы КПСС-КГБ, уверено утихомиривала тех, кто видел в поддержке Ельцина вполне конкретные и выраженные в кругленьких суммах интересы.

Теперь о "правовом государстве". Всем понятна и близка идея жить не по произволу, а по закону. Только на практике либеральная номенклатура решила реализовать эту доступную каждому мысль в своей интерпретации - в форме материализации либерального принципа "разрешено все, что не запрещено законом". Это позволило чиновникам и нуворишам криминально-номенклатурной экономики обогащаться, открыто используя дыры в законодательстве. Именно им позволено было все и все было не запрещено. Помогало этому то обстоятельство, что наиболее общие формулы Конституции России были превращены правительством Ельцина-Гайдара в ничего не значащие декларации, а правоохранительная система - в декорацию.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что русский интеллигентский либерализм сослужил номенклатуре неоценимую службу - дал жаждущей толпе новую "продуктивную утопию". Номенклатура смогла одновременно избавить себя от необходимости хранить идеологическую добропорядочность и навязать такую необходимость обществу. Достаточно было на некоторое время парализовать защитные реакции граждан, чтобы провести мятеж.

Номенклатурная либерализация в форме номенклатурного мятежа состоялась и мы видим ее ужасные последствия. Оказалось, что "демократические реформы" - это навязывание народу представлений о том, что справедливо, а что нет. Оказалось, что вместо возвращения к традиции взаимного уважения и взаимопомощи нас снова начали делить классовыми перегородками. Причем, делают это именно те, кто яростно обрушивается на классовое учение и одновременно заталкивает Россию в те времена, когда классовая борьба была реальностью. Мы видим, что вместо восстановления традиции добровольного законоблюдения и опоры на интуитивное понимание права, обществу предлагают груду законов и указов, которые позволяют проворному жулью оправдывать свои воровские махинации противоречивостью и неполнотой нормативной базы. Вместо естественного чувства ответственности за судьбу родной земли, гражданам России предлагают исходить общечеловеческой любовью к мерзавцам, растаскивающим ее по кускам. При всем при этом нам предлагают ждать, что "к концу года обстановка стабилизируется"?

"Русский либерализм", интеллигентская мечтательность наиболее яркие проявления которых мы видим в Москве, совершенно непригодны в

качестве идеологического обеспечения государственной стабильности и укрепления благосостояния общества. "Русский либерализм" есть лишь реакция российского посткоммунистического балагана, называемого "гражданским обществом", на продукт жизнедеятельности Запада. Он был временно внедрен в сознание граждан истинными люмпенами - антигосударственными и криминальными элементами, у которых нет и не может быть Родины. Западное общество научилось в процессе социальной эволюции нейтрализовать негативные проявления разнообразных теоретических построений, пресекать наиболее ретивых либералов и ценить консерватизм в политике. В России же, не выработавшей такого иммунитета и ослабленной внутренней распрей незнакомый вирус либерализма вызвал жестокий синдром.

ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ

Обратимся снова к идеологическим установкам либеральной интеллигенции - теперь уже в области государственного строительства. Главный предмет зависти наших неозападников поначалу был таков: сдержки и противовесы парламентаризма, многопартийность и сильная исполнительная власть, общественный договор и федерализм.

По сути дела, все эти элементы устройства власти остались в России чисто пропагандистскими уловками. Парламентаризм, не успев народиться, сразу же основательно утомил караул. Влиятельных партий не было, нет и в ближайшее время не будет. Ну а власть чиновной бюрократии была всегда, и никакого ее ослабления в последние годы не наблюдается.

О качестве страстей по многопартийной системе мы уже говорили в главе "Номенклатура против многопартийности". Реальная многопартийность для номенклатуры была опасной. Поэтому вместо нее гражданам подсунули и продемонстрировали во всей неприглядности многопартийную грызню малопонятных группировок, которые ничего, кроме жажды власти, не выражали. Усилиями пропаганды из декоративных политических структур, не несущих никакой легальной идеологии, создавалось нечто значительное. С ними можно было проводить "круглые столы", советоваться на так называемом "Конституционном совещании" и даже подписывать Договор об общественном согласии. Всему этому балагану солидность придавала поддержка государства. Тем же протопартиям, которые именно и готовы были предложить обществу все разнообразие идеологий и возможность реального выбора в многопартийной системе, приходилось влачить жалкое существование. Сложилось такое положение, при котором партия становится совершенно неэффективной организационной формой.

Теперь посмотрим на либеральное понимание федерализма. Вместе с усилением разговоров о федерализме ослаблялись скрепы государственного организма. Все началось с суверенизации России от самой

себя (Декларация о суверенитете). Затем последовало продолжение в виде ратификации беловежского сговора и принятии Федеративного договора. Сегодня распад продолжается через сдачу Президентом русской земли мелкопоместным феодалам. Это называется укреплением федеративных начал государственного устройства и снабжается россказнями об ужасах имперского прошлого, позаимствованными в большевистской сказке о России-тюрьме народов.

Номенклатурный федерализм вовсе не означает добровольного союза народов и территориальных образований. Он предполагает расчленение по явным и мнимым границам, распад России на номенклатурные вотчины. И сейчас продолжается вкрадчивое навязывание русским людям смирения перед неизбежным распадом России на несколько независимых государств. Может быть поэтому не было создано никаких теоретических основ для проведения реформ, и они породили только хаос в экономике и разруху в мозгах. За неимением своих мыслей, либералам приходилось списывать у других. Как известно, те, кто живет чужой премудростью, хорошо не кончает.

С течением времени наши либералы вспомнили, что разнообразные формы власти не освобождают ее от обязанности быть сильной и способной к управлению страной. Очевиднейший распад государственного управления подсказал идеологам номенклатуры новую уловку - идею сильной исполнительной власти. Эта идея, как изначально и подразумевалась, означала уничтожение народного представительства. Следуя урокам отца русских либералов - Ленина, полагалось убрать властные полномочия из этой "говорильни". И снова ничего толкового из этих экспериментов не получилось. Хотели силы - получили бессилие. Каждый удельный князек номенклатуры почувствовал свою бесконтрольность и начал самовольничать, приспосабливая тезис о сильной исполнительной власти лично под себя.

Сила исполнительной власти, добытая когда-то в уличных и закулисных боях большевиками-коммунистами и переданная в наследство либерал-большевикам, вовсе не означала установления исполнительской дисциплины, высокой степени управляемости, верности закону. Эта сила всегда была предназначена для того, чтобы давить любое разномыслие, не стесняясь брать мзду у слабого и грабить казну. Сегодня она давит (подавила почти) и парламентаризм, и многопартийность, и правоохранительные органы - всех, кто мешает пустить страну по миру.

Новые консерваторы (вроде юркого Шахрая) позабыли тот факт, что российская традиция организации власти основана, прежде всего, на легитимном наследовании власти, а не на ее узурпации, на преемственности власти и ответственности Государя за судьбу страны и судьбу династии. Либерал-державники, причастные к дерусификации России, не в силах понять, что власти не пристало пробавляться изобретением пустых Указов, которыми заполнил свои министерства Ельцин. Они далеки от народной традиции, в которой слово Власти всегда было решающим и веским в своей

опоре на лучших людей России, на Православную Церковь, народную духовность, на земское самоуправление, "мнение Земли".

Русская традиция отношений власти и общества нагло попирается реформаторами-разрушителями и пока некому противостоять этому надругательству над здравым смыслом. Из русской традиции либералами вычленяется лишь униженное почитание "всенародно избранного", обращаемое в чиновном мире в раболепие и покорность тупой силе. Тайна доверия между властью и народом утрачивается. Именно поэтому режим либералов обречен. Дай Бог, чтобы уходящие в политическое небытие проходимцы не утащили с собой и Россию!

Поверхностно и односторонне усвоенные общественные теории всегда расцветали на российской почве ядовитыми цветами. Сегодня сама идея свободы, как основы государственности, извращена и опошлена в угоду требованиям политической конъюнктуры. Свобода была навязана обществу, как право требовать себе "положенное". Кто-то стеснялся становиться в позу свободолюбивого нахлебника, а кто-то хватал, что попадается под руку, "компенсируя" нерасторопность дающего. Одни "компенсировали" в свой карман госсобственность, другие превращали в кормушку политику и госслужбу.

Либералы от номенклатуры пустили газетную утку об угрозе фашизма со стороны национального движения и немало нажились на разработке этой темы. На угрозу России указывали те, кто сам был источником ее погибели. Платить за всероссийский обман было кому. Дело в том, что лживое утверждение об опасности русского национализма не только для народов России, но и для всего мира, скрывало совершенно другую установку: национальных интересов Россия иметь не должна.

Пропагандистской машине было выгодно всячески рекламировать полуклинические микрогруппировки доморощенных нацистов. Но эти группировки, хотя и использовали в своем лексиконе слова о русской нации и Русской Идее, нигде не обнаруживали даже попыток понимания смысла пущенных в оборот слов. Да и все атрибуты германского фашизма для них куда ближе обычаев родной земли. Так что "русские фашисты" к русской национальной традиции имеют еще меньшее отношение, чем "русские либералы". Служащая номенклатуре либеральная интеллигенция не могла признать этого, чтобы не остаться без работы. Кроме того, шумом о фашистской угрозе покрывался реальный фашизм - фашизм с либеральным лицом.

Другое изобретение пропагандистов и агитаторов, обслуживающих властную группировку, - миф о "красно-коричневой" угрозе. Причем "коричневость" приписывалась любым объединениям, которые тем или иным образом выступали за национальные интересы России. Присовокупленный (обычно без особых на то оснований) "красный" довесок служил сигналом для диссидентов, ведущих нескончаемую партизанскую войну против идеологии КПСС, которой давно уже покорены сами. Навешивание "красно-коричневого" ярлыка давало возможность прицепить национальную

идею к буйствующим маргинальным толпам. То и дело появляющиеся на улицах Москвы юродивые и провокаторы с красными флагами, русифицированными свастиками, иконами, портретами Ленина, Сталина и Николая II должны были показать пугливому обывателю: вот они плоды русского национализма!

Стремление либералов опорочить Национальную Идею, подать ее в аранжировке фашистских маршей и коммунистических гимнов, с течением времени все более разоблачает истинное лицо русского либерализма, а также источники его пропагандистских приправ. Вся эта братия прижилась при власти только потому, что ее установки, ее поведение удачно вписывалось в стратегию разрушения России.

Либералы никогда не согласятся, не признаются, что русский национализм не агрессивен, а всегда терпим и восприимчив к новым веяниям. Они всеми способами постараются скрыть свое невежество и злонамеренность по отношению ко всему русскому. Они будут продолжать наделять русский национализм совершенно несвойственными ему чертами, развитыми скорее у самих выдумщиков.

О действительном содержании русского национализма пишет И. Ильин: *"...национализм проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмыслить его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления"*. А действительную сущность либерализма раскрывает Ф. Достоевский: «*Если кто погубит Россию, то это будут не коммунисты, не анархисты, а проклятые либералы*».

ПРИНЦИПЫ И ТАКТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

На протяжении всех предыдущих глав мы не раз недобрым словом помянули либеральную интеллигенцию. Теперь стоит сказать также и о либеральной и национальной номенклатуре. Последняя хоть и терзает свой народ, но никогда не считает землю, на которой живет чужой. Несчастье для России XX века - это либеральная номенклатура, для которой родины просто не существует. Придавленная коммунистическим режимом, она пребывала преимущественно на вторых-третьих ролях. После крушения этого режима либеральная номенклатура на некоторое время вошла в силу, готова была грабить страну до полного се уничтожения. Слегка подкошенная нарождающейся национальной элитой в 1994 г., она все еще сохраняет ведущие позиции и вполне может восстановить свои позиции в полном объеме. Поэтому необходимо распознавать почерк либеральной номенклатуры, чтобы в меру сил перехватывать ее планы.

Либеральная номенклатура - это номенклатура посредников. Она зарождалась как слой бесхребетных специалистов, которым все равно какой режим обслуживать. Постепенно номенклатура прежней формации

перестала мыслить себя без этих незаметных пронырливых помощников. Перестройка дала шанс номенклатуре посредников перейти из второго эшелона в первый, отодвинув в сторону своих менее поворотливых благодетелей. И шанс был использован.

Взяв власть, либеральная номенклатура быстро усвоила принцип пресечения всякой оппозиции. Она, в отличие от красных директоров дошла до понимания того, что грубое подавление всех несогласных есть расходование власти. Для того, чтобы экономить этот бесценный ресурс, разумнее было тонкой игрой добиваться дезорганизации в стане противника. На первых порах можно даже поддержать амбиции лидеров разрешенной многопартийности. Потом без финансов и своих изданий они быстро выдохнутся и сделаются всеобщим посмешищем. На выжженном народной иронией месте еще долго не сможет вырасти действительно серьезной организации.

Для либеральной номенклатуры нет морали. Мораль в ней умерла. Честность, порядочность, принципиальность для нее - желаемые для противника качества, которыми можно пользоваться и достаточно точно предсказывать поведение оппонента. Сама же номенклатура готова на все лады говорить о нравственности, но поступать так коварно, чтобы большинство в случае вскрытия каких-либо номенклатурных гнусностей не смогло бы поверить в то, что открылось истинное лицо либералов. Либеральная номенклатура, подучившись у диссидентов, стала играть на сердоболии русских людей. Поэтому частичное разоблачение для нее может быть даже выгодным Она может вызвать негодование к разоблачителям и сочувствие к поруганной чести тех, кто непрерывно говорит о нравственности.

Номенклатура нового типа всегда стремится стать арбитром в общественных конфликтах и призывать к миролюбию. Она стремится вызвать у конфликтующих сторон стремление к милосердию, самоотречению и смирению, в то время как сама остается непримиримой. Например, вспоминается деятельность комиссии по реабилитации участников Кронштадтского мятежа 1918 г., которая во главе с А. Яковлевым доказывала необходимость исправления "исторических ошибок" в период расправы над сторонниками Конституции осенью 1993 г.

Конфликт не должен погаснуть, чтобы не прервалась функция миролюбцев! Более того, тактика номенклатуры предполагает, что постоянно должен существовать конфликт граждан и государства. В этом случае наиболее активные всегда идут на лобовое столкновение с государством и подавляются им. Так номенклатура ведет выбраковку наиболее опасных для нее элементов.

Номенклатура всегда подчеркивает свою народность, стремится говорить языком кухни, приводить доводы из застольных бесед, взывать к справедливости. У номенклатуры отработан двойной стандарт. Либеральный чиновник всегда сочетает в себе черты поборника законности и самого человечного человека. Меняя свои обличья, он может без труда оправдывать

как энергичные действия вне закона, так и бездействие в рамках закона. Чиновник всегда готов сам рыдать в жилетку обиженного государством гражданина: а что мы можем, когда нет ресурсов, начальство такое неповоротливое, законодательство так запутано, инфляцию никак не остановят?..

Либеральная номенклатура не способна строить общественные отношения на основе права, поскольку это противоречит ее интересам. Несмотря на свои политические заверения, номенклатура всегда переходит от правового регулирования к регулированию неписаными правилами - правилами бандитской шайки. Все общество раскалывается на зоны влияния с самостоятельной системой отношений: каждому - свое!

Что касается экономики, то здесь либералы вместо цивилизованной конкуренции обеспечивают доминирование того или иного номенклатурного клана (удельного, отраслевого, политического). Устанавливается подобие родовых отношений со своей системой наследования и своей иерархией. На месте плановой экономики силами либеральной номенклатуры возводится вовсе не рыночная среда, а новая система глобального перераспределения. В экономическую среду номенклатурой была перенесена мафиозная структура и мафиозные методы: система запугивания и парализации работы конкурентов, протекционистские барьеры вокруг монополизированного рынка сбыта и источников снабжения, сокращение расходов на содержание рабочей силы, замена рыночной конкуренции силовыми методами (государственный и уголовный рэкет), связь с криминальным бизнесом (наркотики, контрабанда, торговля оружием, содержание притонов).

Либеральная номенклатура быстро нашла либеральную интеллигенцию и основным полем для взаимодействия с ней сделала прессу и телевидение. Держать в руках средства массовой информации - половина любого политического успеха. И либеральная интеллигенция, истосковавшаяся по "сильной руке", стала обслуживать либеральную номенклатуру, стремясь сохранять в памяти людей только свою трактовку значимых политических событий. Для оппонентов "радикальным реформам" беспроигрышно применялся принцип: главное - обвинить, кто оправдывается - уже наполовину виноват.

Из либеральной интеллигенции либеральная номенклатура рекрутировала молодую поросль профессионалов бывших в упадке в коммунистической России наук: экономистов, юристов, философов. Эти "корифеи" писали свои диссертации под диктовку режима партсекретарей и никакой другой науки, кроме марксизма, не знали. Да и сам марксизм учили, скорее всего, на тройку. И вот этим троечникам на некоторое время даже удалось занять ключевые посты в правительстве.

Воспринимая мафиозную организацию от номенклатуры, элитарные троечники превратились в цеховиков гуманитарных профессий. Они сделали из экономики, законодательства, судопроизводства - таинство, понятное лишь для тех, кто официально уполномочен трактовать законы нашего бытия. Полномочия на канонические трактовки в научно-номенклатурной

среде получали те, кто объявлял себя специалистом по диплому, приверженцем рыночной экономики и политике "радикальных реформ". Программные установки, трактовки и оценки, взятые "с потолка", и полная безответственность стали пропуском либерального молодняка в новую номенклатуру.

Итак, главным в борьбе за власть для либеральной номенклатуры является мафиозная организация, тотальная лживость и привлечение в свои ряды изворотливого человеческого отребья.

КОНСЕРВАТИЗАЦИЯ

Допущенная к руке (или уху) хозяина придворная челядь всегда стремилась выдать свое мнение за мнение народа, призывая себе в помощь авторитеты прошлого и настоящего. С течением времени возник целый слой придворных живописцев, поэтов и ученых. К настоящему моменту он столь разросся, что действительно начал претендовать на формирование общественного мнения. Еще небольшое усилие - и выбор за Россию будет сделан.

Улавливая разворот настроений народа, которому вконец опостылело разрушительство и безоглядный космополитизм, придворная братия заговорила о национальном возрождении России, о формировании новой государственной идеологии.

Когда перераспределение власти произошло, требуется стабилизация и укрепление режима. Когда собственность нашла новых хозяев, необходима защита от любой попытки нового передела. Поэтому не обойтись без насаждения консервативных воззрений и постепенного вытеснения излишнего, с точки зрения властей, либерализма.

Поскольку "либерализованная" (либерально образованная) интеллигенция вовсе не придерживалась либеральных идей с той последовательностью, о которой она постоянно говорила и писала, перестройка общей стратегии пропаганды происходила почти безболезненно. Этап "либерализации"" плавно перетекал в этап "консерватизации" в течение 1994 года.

Пришло время отказываться от экономического детерминизма и искать основы общественного благоденствия в "духовных и этических предпосылках современного рынка и демократии". Тут не обойтись без затоптанного в прежний период понятия НАЦИЯ, которое российский обыватель уже привык воспринимать с испугом и гневом. Приходится переучивать его, вспоминая русских философов (специфическим образом ограничив их перечень) и тезис о "русской идее" (конечно же с демократическим лицом!), в русле общих идеологических установок "реформ" идти к осмыслению "почвенных", национальных проблем, осознанию своей самобытности и исторического своеобразия России. Но что останется от российской самобытности, если отбрасывается "соборность", "общинность",

"каноническое православие", если выдумывается какой-то якобы фатально существующий вектор развития человечества "от общинное™ и соборности к демократии и гражданскому обществу" (изобретение принадлежит известному номенклатурному хамелеону С. Алексееву -председателю Комитета конституционного надзора СССР)?

Тезис про вектор - это ясная установка, но более придворным теоретикам ельцинизма предложить нечего. Они вновь вынуждены возвращаться к затасканной идее воспитания нового человека. Только теперь это должен быть "автономный" человек, исполненный эгоизмом и защищенный религией, правом и правосудием.

Для того, чтобы создать идеологию "консерватизированного либерализма" (назовем ее так по признаку потенциальных создателей - законсервированных либералов, одобривших расстрел парламента) и начать очередной раунд всенародного охмурения, "ельцинистам" придется еще немало потрудиться. Только времени не хватит. Когда идеология будет готова, она никого уже не будет интересовать. Потому что сам собой утвердится естественный русский консерватизм, который по своей природе не доступен придворным "государственникам", выполняющим очередной социальный заказ номенклатуры.

Государственники не могут быть ни экстремистами (большевиками любого цвета), ни конъюнктурщиками. Для них "русская старина" - источник духовного богатства и основа национального возрождения, а не признак средневекового мракобесия. Русская интеллигенция (а вовсе не западническая столичная верхушка "творческой интеллигенции"), а вслед за ней и российские избиратели, все-таки смогут отличить подделку под государственный патриотизм от истинного патриотизма и сделают свой выбор - выбор России, а не выбор избирательного блока с амбициозным названием.

Два паразитических слоя - либеральная интеллигенция и либеральная номенклатура - положили всю свою энергию на разрушение России. Но эта энергия в значительной мере выработалась. Ее не хватило, чтобы разгромить страну до основания. Значительная часть энергии разрушения была погашена защитниками Конституции в сентябре-октябре 1993. Теперь идет медленное и неуклонное увядание "русского либерализма".

Стоило бы поторопить этот процесс. Все-таки творившие разбой на нашей земле должны понести наказание. Для этого всем здравомыслящим людям, патриотам России, национальной интеллигенции необходимо помочь усилению национальной номенклатуры, которая только и способна трансформироваться в национальную элиту - ведущий и ответственный слой общества.

ПОИСК СТРАТЕГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Паразитический режим либеральной номенклатуры уходит в прошлое. Страна снова на исторической развилке. Один из путей - это сохранение криминальной организации власти уже без либералов, второй - восстановление национальной номенклатуры, некоторого подобия законности и шансов на относительно быстрый выход из кризиса. Первый путь выгоден для тех, кто надеется еще основательно пограбить в "этой стране", второй - тем, кто хочет быть хозяином родной земли, кто согласится на диктатуру государства против криминальной диктатуры в либеральном оформлении.

Один из идеологов криминального варианта излагает суть дела так: "*... полагаю, что в конце концов мы должны стать обществом, где основными действующими лицами политической жизни не будут те, кто занимает официальные посты. Так во всех странах. Так должно быть. Политик - это футболист, которого выпустили на поле, он должен быть прекрасно подготовлен: забивать мячи, срывать" аплодисменты, быть кумиром публики. Но решают вопрос, когда его выпустить, в каком матче, на сколько минут и т. д., уже другие. Я думаю, что когда-нибудь у нас в стране ключевые решения в политике будут принимать не политики. Когда такое время настанет - это будет нормальная страна"* (Г. Попов, "НГ", 10.12.93).

В этих словах изложена реальная программа, которая подспудно начала претворяться в жизнь уже в 1991-1993 гг. Мятеж либеральной номенклатуры с октября 1993 г. по сути дела перешел в новую стадию. Отсев упорствующих в своем либерализме деятелей начался, а на их место активно стали претендовать люди с криминальным сознанием. Именно такая "реформа" должна дать обществу очередную иллюзию позитивных перемен.

НЕ МЕШАЙТЕ НАРОДУ БЕЗМОЛВСТВОВАТЬ

Издавна повелось, что народ должен либо безмолвствовать, либо одобрять "генеральную линию партии". С приходом к власти "демократов" ничего не изменилось. Государственные чиновники и политики всех мастей по-прежнему добиваются всенародного одобрения и всегда выступают от имени безмолвствующего народа, который почти никогда без их помощи не может выразить свои чаяния и осознать свои потребности.

Что бы ни делалось власть имущими - все это будет в интересах народа. Стоит надавить на психику обывателя - и верят любому! Дайте только эфир и залы для пресс-конференций с фуршетом для журналистов! Населением, рассеянным по своим квартирам, можно- манипулировать как угодно. Обывательская среда при благоприятных условиях и соответствующей пропаганде воспроизводит сама себя из поколения в поколение.

Те, кто пытается понять смысл политической суеты, закономерно получают невроз и периодическое разлитие желчи (горе от ума). Если этим

беспокойным гражданам не удается попасть в парламент, в руководство какой-никакой партии или просто отвлечься от тяжелых мыслей в работе по добыванию хлеба насущного, они долго не живут. Те же, кто оболочку политической жизни воспринимает за ее суть и испытывают радостное воодушевление от сознания своей причастности к истории (счастье от глупости), успокаиваются игрой недалекого ума вроде:

"Бриан - это голова!". И те, и другие, смешиваясь с политически девственным населением, воспроизводят себе подобных.

Итак, одни преимущественно злобствуют по поводу политики, тщетно пытаясь вникнуть в суть происходящего, другие - заменяют разговоры о политике разнообразных партий и групп партиями в преферанс. Основная же часть населения вспоминает о политике лишь от случая к случаю. На этом роль народных масс в истории можно было бы считать исчерпанной, если бы не периоды недееспособности, то и дело наступающие у правящих элит.

В это время "его величество народ" выходит на подмостки истории со своим "бессмысленным и беспощадным". Шахматные партии старых элит заканчиваются чисткой доски от легких и тяжелых фигур, а потом перестрелка решает, кому править и задавать правила игры. Либеральный бунт заканчивается консерватизацией режима. Новые "отцы отечества" смело запускают руку в казну, дабы за счет бестолковых масс доказать этим же массам благотворность своей отеческой заботы о судьбах родины. Идеологические конструкции в это время громоздятся ради отстрела нигилистов и возбуждения верноподданнических чувств у прочего населения.

Предложенное видение "исторического процесса" дает два следствия:

1 . Гражданам не следует принимать слишком близко к сердцу потасовки среди шарлатанов и комедиантов политической сцены и почаще смотреть на ужимки политиков, выключая звук у своих телевизоров. Это хороший способ выявить скрытую сущность потеющих перед телекамерами и напускающих на себя важность марионеток, страдающих комплексом властолюбия. При любых голосованиях стоит подумать, кто от этого выигрывает, какого типа политические биографии стимулируются на избирательных участках именно в данный момент.

2. Тем же, кто всерьез поверил в свои способности управлять страной или "делать историю", необходимо остерегаться очень уж энергично взывать к народному гневу и надеяться, что этот "источник власти" может что-то самостоятельно решить.

Народ не зря безмолвствует. Это срабатывает защитная реакция. Чтобы не попасть под колесо истории, эту реакцию стоит замечать и уважать.

ПЕРЕТРЯСКА ЭЛИТ

Жизнь государства невозможна без того, чтобы кто-нибудь им не правил. Поэтому в эпоху всеобщей нестабильности различные группы, не способные удерживать власть самостоятельно, пытаются привлечь на свою сторону общественное мнение и играют с народом в игру "выбери меня". Неоднородность народных пристрастий порождает расслоение элиты и столкновение между возникшими слоями.

У геронтократов КПСС власть просто вывалилась из одряхлевших рук. Демокоммунисты не смогли выдержать вида бесхозной собственности и, отбросив идеологические установки, бросились расхватывать все, на что падал воспаленный жаждой наживы взгляд. Тут и состоялась игра в выборы, которая в силу своей бесперспективности для решения частных экономических проблем, выдвинула в качестве народных представителей целый пласт образованных правдолюбцев. Впрочем, ключевые посты правящая коммунистическая номенклатура не отдала кому попадя. Если же и были какие-то случайности, то необходимые меры для подтверждения истины, что не человек красит место, были также предусмотрены.

Доктора экономики и юриспруденции считали, что рождают своим высоким умом новый мир. Москва и Питер стали образцово-показательными площадками для экспериментов. В них-то ранее всего и обнаружились результаты: власть из рук романтической "образованщины" быстро перетекла в руки единственного дееспособного во времена перемен слоя - организованных либеральными идеями уголовников. Криминальная братия стала воистину классовым союзом выходцев из всех некогда элитных групп. Свою лепту внесли и демокоммунисты, и старая номенклатура, и бывшие заключенные, и академическая наука, и правоохранительные органы.

Объединенная либеральная коалиция в короткие сроки расчистила себе место на политической Олимпе: "демократически настроенной" публике предложила зрелище расстрела "коммунистического" парламента, желчным максималистам подсунула куклу Жириновского, мечтателям о законности - вызывающе неряшливую Конституцию. И православные получили свою долю - новый храм аж на Красной площади и посещающего богослужения Президента. Даже коммунистов не забыли. Им вернули и лидеров, и газеты, и парламентскую фракцию - пусть балуются. Развлечением для широкой публики стала еще одна игра в выборы - уже по более жестким правилам.

Демократия закончилась. Перед входом в парламент мозги следует оставить в гардеробе. Только вот либеральная консерватизация режима может так и не состояться. Симптомы новой волны в государственной политике проявились на совещании руководителей ФСК 26 мая 1994 г., где Б. Ельцин напутствовал спецслужбы в работе во имя предупреждения и пресечения антиконституционной деятельности отдельных партий, движений и политиков. *"Для работников государственной службы есть одна политика - политика государства",* - сказал Президент. Если понимать напутствие буквально, да еще учесть призыв Президента оградить наши богатства и технологии от корыстных интересов, то жертвами должны стать

все, кто имел отношения к гайдаровским реформам. Если же понимать Президента в духе известного тезиса:

"Государство - это я", то на заклание следует отдать тех, кто поддерживает недавних обитателей Лефортово. Вот поэтому высшие чиновники перенимают у народа привычку безмолвствовать. Ведь кругом двусмысленность ("толи у него украли, толи он украл"), и времена меняются - начинается новая перетряска правящего слоя.

ФАСАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Для того, чтобы демос воспринял свою немую роль в политическом спектакле, как роль наиглавнейшую, властные группировки пытаются охмурить его сказками о демократии. Причем разнообразием правящая номенклатура не балует: ельцинская Конституция мало чем отличается от сталинской. И в том, и в другом случае фасад режима украшался почти одинаковыми орнаментами.

Лозунги правового государства и свободы, которые несли с собой перестройка и либерализация, оказались по своему действию схожими с лозунгами коммунистической революции 1917 г. Если большевики дали России иллюзию власти трудящихся, то радикал-либералы принесли в Россию фасадные формы западной демократии. Запад давно ушел по своему пути, а либералы все еще копались в его предыстории.

Получилось, что кроме авантюрной программы "500 дней", да нескольких полусырых разработок всяких там фондов, предъявить нечего. Вторая октябрьская революция (как и первая) показала, что вдохновенный гуманизм лозунгов кончается все тем же - ведет к крови и пиршеству преступности.

Чем отличалась фасадная демократия нашего времени, так это заменой коммунистической риторики торжественными словесами по поводу прав человека и законности. Под соусом демократического обсуждения болевых проблем общества велась борьба за обладание властью, ничуть не менее свирепая, чем схватка троцкистов со сталинистами. И ничуть не более благопристойная, надо отметить. Прорыв на руководящие посты одной из наиболее мобильных групп коммунистической номенклатуры дал возможность номенклатуре в целом "канализировать" общественные настроения в нужном ей направлении. Разного масштаба говорильни помогли воодушевленному населению увидеть мираж народовластия, который быстро приобрел отвратительные формы. "Великому немому" продемонстрировали отвратительную склоку "лучших из лучших" - Съезд народных депутатов СССР. И безмолвствующий немой пришел в ярость, замычал что-то нечленораздельное. Ему тут же -право выбора депутатов и президентов всех калибров, а после небольшой паузы - дубинкой вдоль

спины. Хоть омоновские дубинки и были пущены в ход, главным образом, в столице, в дрожь бросило всю страну. И народ снова озадаченно замолчал...

РАЗЛОЖЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Казалось бы, либеральная номенклатура, устроив маленькую гражданскую войну в центре столицы, может продолжать доминировать над своими оппонентами и диктовать обществу дальнейший путь развития. Но оказалось, что ее политическая эпоха расстрелом парламента как раз и завершается.

Октябрьские события 1993 г. породили только иллюзию победы тех сил, которые в своих политических планах ориентировались на группировку, сложившуюся вокруг Б. Ельцина. Вместе с тем, всего через несколько месяцев прямо на глазах у изумленной публики, только что голосовавшей за Конституцию радикал-реформаторов, стала происходить государственная трансформация, явно противоречащая всем предвыборным лозунгам. А наиболее рьяных и последовательных либералов при новом дележе власти опытные аппаратчики просто отбросили в сторону, в силу их полной бесполезности и недееспособности. Гайдару, его команде и его поклонникам осталось либо побираться на околополитических помойках вместе с Госдумой, либо окончательно отдаться лоббированию интересов криминального предпринимательства,

Либералы, как и прочие политические течения, на рубеже 1993/1994 потеряли самоидентичность и надежды на формирование какой-либо политической традиции. Все, что еще осталось к этому моменту на поверхности общественной жизни, было поражено неостановимым разложением. Партии, движения, творческие союзы, образованные на заре "демократизации", исчезали и исчезают на глазах. Нет более жалкого зрелища, чем либеральные "правящие партии". Ельцину действительно не на что опереться (если не рассчитывать на повсеместное применение сил армии и милиции).

Либерализм стал оттягиваться в оппозицию, где косвенно, а где открыто поругивая своего неуправляемого хозяина. Казалось бы, хозяйственная разруха и нравственная деградация режима вновь предоставляют либералам шансы въехать из оппозиции во власть на белом коне. Но оппозиционные идеи (не только либеральные) оказались еще менее приспособленными для борьбы за умы.

Либералам уже не помогает ни доминирование в Думе, ни причастность к правительственным структурам, ни контроль за президентским окружением, ни любящие их средства массовой информации.

Что-то сломалось и в говорящем органчике верховного божка демократии. В качестве непонятного обломка прежнего официального языка пропаганды в ответ на решение Госдумы об амнистии изо рта Б.Ельцина вывалилось: *"Считал и считаю, что здесь были допущены нарушения*

Конституции, закона и норм нравственности". Это после расстрела парламента и всероссийской разрухи, подсунутых вместо декларируемой на любых выборах социальной защиты? Не все смогли играть в этот абсурд. И первый подвел "всенародно избранного", а с ним и либеральную номенклатуру верный прокурор Казанник. Потом разочарования пошли потоком.

Разочаровал Ричард Никсон, перепутавший Президента Всея Руси с парламентским клоуном. Разочаровали выборы в Крыму и Молдове. Огорчили вцепившиеся друг другу в глотку Чубайс с Лужковым. Опечалило всеобщее равнодушие к эпохальному посланию Президента к Федеральному Собранию. Уже Г. Попов начал поругивать (пока еще слегка) своего бывшего патрона. Первого юриста среди соратников -С. Шахрая - пришлось снять с министерства. Так кто же победил в октябре, кто заставил проголосовать за новую Конституцию? Почему никому доверять нельзя? Кто, в конце концов, Президент в стране!? "Вы, Борис Николаевич!" - бодро отвечают лишь Ерин и Грачев, перепачканные кровью Второй октябрьской революции. Остальные стараются безмолвствовать вместе с народом.

Повысить свою выживаемость в политике либеральная номенклатура смогла лишь одним способом: объединением с криминальной средой. Для бывших "демократов" быстрый переход в новое качество был вполне понятен. Ведь собственно демократия целью политики последних лет вовсе не являлась. Лидеры "демократов" были опытными игроками в закулисных комбинациях КПСС и воспринимали энтузиазм населения по поводу новых для него идеологических построений лишь как способ добиться перераспределения власти. Вот и втолковывали людям, что демократия (политические свободы, законность, федерализм, парламентаризм, правовое государство и проч.) будто бы и есть наиболее эффективный механизм власти. А пока романтики делили призрак власти на выборах, сессиях и съездах, реальная власть и право собственности концентрировались в других местах.

К 1993 г. стратегия либеральной номенклатуры до того была развенчана, что даже наиболее умеренные политики начали понимать фальшивость убогого формализма демократических процедур, осознавать необходимость опоры на реальные интересы различных элитных групп и переходить в стан оппозиции. Оппозиция во главе с Верховным Советом смогла мобилизоваться для переигрывания "ельцинистов" в долговременном противостоянии: поставить на поток работу своих средств массовой информации, заручиться поддержкой региональных элит, промышленного лобби. Еще немного и сложился бы блок национальной номенклатуры и радикальной оппозиции. Но времени на доведение до логического результата всех этих мероприятий не хватило.

Лидеры либеральной номенклатуры, почувствовавшие, что почва ускользает у них из-под ног, инсценировали государственный переворот, в результате которого полярные политические силы аннигилировали, оставив после себя пустыню. Все время потрясая кулаками и обещая лечь костьми во

имя торжества Конституции, оппозиция оказалась совершенно неприспособленной к скоротечной силовой схватке. Имея почти все, она почти все и потеряла. Все эти фронты, народные собрания, движения - все пошло прахом. Началась спонтанная трансформация политической среды.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИМПОТЕНЦИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ

Вырождение коммунистической идеологии к началу Перестройки было более чем очевидным. Громадные усилия пропагандистского механизма сводились на нет каким-нибудь смешком лукавого юмориста или жалкой диссидентской листовкой. Механизм с тех пор был на время остановлен, а потом запущен в противоположную сторону. Этим удалось нейтрализовать юмористов и диссидентов (они как бы стали способствовать идеологической работе среди населения), но побороть импотенцию не удалось - ведь у пропагандистского станка стояли почти те же самые люди (например, те же А. Яковлев и Г. Попов).

Нелепости фасадной демократии, шабаш либеральной творческой мысли и идеологическая импотенция власти только на первый взгляд выглядят как совершенно бессмысленное и никому не нужное разрушение. Стремительное обветшание российской демократии - следствие ее полной бесхозности. Своим архитекторам, желавшим делать историю, она опротивела даже быстрее, чем большинству граждан.

Идеологическая импотенция вызвала закономерный процесс деградации политического фасада - депутатского корпуса. От самостоятельно мыслящих в рамках программы КПСС академиков в парламенте СССР мы перешли к самостоятельно мыслящим без всякой системы мэнээсам, а теперь и вовсе - к канцелярским работникам, свободным ото всяких мыслей. Пока активная часть населения была озабочена своим участием в этом процессе, номенклатура решала свои закулисные проблемы.

Смысл кратковременного введения и последующего разрушения демократии был в том, чтобы в сжатые сроки перераспределить собственность и права на прибавочный продукт. Власть была превращена в товар и те, кто удачно реализовал личный бизнес-план, смогли снова купить себе власть. Сырьевики придушили всесильный ВПК, повязанная с Западом часть номенклатуры легализовала и укрупнила масштабы своих экономических операций, криминальная среда реализовала свой план -"кто был ничем, тот станет всем".

Стоит ли удивляться, что Запад, втащивший Россию на поле своих ценностей и своего мировоззрения, так интенсивно поддерживал "курс реформ" и так равнодушно воспринял расстрел Белого Дома? Вывоз капитала из России за время "радикальных реформ", только по официальным данным, составил 1 млрд. долларов в месяц. Сырье хлынуло из пораженной кризисом России с такой силой, что существенно понизило цены мирового рынка. Наконец, исчез серьезный военный противник. За это стоило

заплатить те миллиарды долларов, которые шли (и до сих пор идут) в кассу ЦРУ специально на нужды идеологической войны.

Так сомкнулись интересы некоторых внутренних номенклатурных советских элит, криминальных кланов, либеральной интеллигенции и внешних антисоветских интересов. Но теперь наступает время, когда дружба-дружбой, а табачок - врозь. Если России суждено продолжать свой исторический путь, то либеральный фасад еще может немного постоять, но жить придется уже под другой крышей. И главное - без либералов. Они мечтали о российском Пиночете, и Пиночет пришел. С убогой идеологией и готовностью пролить кровь.

РЕСУРСЫ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Перетряска элит произошла, фасад власти в значительной степени очистился от романтической лепнины. Пора приспосабливать все здание для нормальной жизни.

Да вот беда, приходится пройти через период, в который решится вопрос, кому и как сидеть, за какие ниточки и каких марионеток водить. Это период политического абсурда. Кто-то "делает бабки" на ваучерах и лозунгах приватизации. Кто-то, настаивая на "государственных интересах", отжимает последние соки из промышленных монстров эпохи исторического материализма. И кандидатов в президенты наплодилось - ну просто тьма. Да еще каждый свою партию создал, будто гражданам было просто разобраться в месиве уже имеющихся. Тем временем, по городам и весям начался предупредительный отстрел несговорчивых, а мафиозные кланы начали серьезно вооружаться.

В этих условиях руководство крупных госпредприятий, а также т. н. малый и средний бизнес погоды не делают. Их объедают со всех сторон поднаторевшие в силовом отстаивании своих интересов крепкие спайкой банды банкиров и рэкетиров. Напрасно кто-то надеется на то, что "красные бароны" ВПК и ТЭК когда-нибудь "воспрянут ото сна", а суетливые крохоборы создадут свою несгибаемую партию. Без национальной интеллигенции, которая сегодня еще не востребована, им дорога одна - к вчерашним паханам, ставшим сегодняшними акулами мафии.

В отличие от разрушительных либеральных реформ свирепая борьба кланов по поводу власти - дело вполне конструктивное. Участники межклановой борьбы, в отличие от наивных политиков, хотя бы свои шкурные интересы осознают и, тем самым, способствуют созданию национальной номенклатуры. Силовое "взаимовычитание" лишь отслаивает наиболее жизнеспособное ядро, которое и останется главным ресурсом нации. Всплыв в легальный элитный слой, мафиози самого разного профиля, так или иначе, вынуждены будут поддерживать стабильность общества и приобрести все атрибуты внешней респектабельности. Если они снова не

начнут игру с либералами, то вполне способны будут сформировать национальную номенклатуру.

Главный ресурс элиты (пусть криминального происхождения, что ж поделаешь, если другой нет!), который будет работать на государство и нацию, - жесткий прагматизм. Это тот прагматизм, который не верит навязанным идеологиям и глубокомысленной игре ума. Именно прагматизм дает шанс на то, что власть имущие обратятся к государственным интересам России, которые должны совпасть с их стратегическими интересами.

Осталось уповать на то, что разборки между кланами и раздел сфер влияния произойдут относительно быстро, а реальный экономический интерес отчетливо заявит о себе на макроэкономическом уровне. В политическую игру должны согласованно вступить большие капиталы, почувствовавшие собственные пределы роста и алчность иностранных конкурентов.

Прорыв России через хронический кризис власти и экономики возможен только в том случае, если объединятся три ресурса нации:

управленческий, экономический и интеллектуальный. Если национальной номенклатуре предстоит преодолеть антирыночный комплекс "красных директоров", новым предпринимателям - антигосударственную направленность своих сиюминутных интересов, то национальной интеллигенции требуется очиститься от остатков марксистско-ленинской идеологии и диссидентского либерального комплекса.

Пока все эти разборки и трансформации не закончились, любителям шествий и митингов не стоило бы корчить из себя народные массы. Прежде чем апеллировать к народу, давайте хотя бы идеологическую импотенцию преодолеем.

РЕЦЕПТ РЕАНИМАЦИИ

Авторитарный режим - вполне адекватный инструмент концентрации ресурсов нации для преодоления кризиса. Но такой режим должен иметь еще и некоторый нравственный базис, авторитет, признаваемую всеми причину. Этого у сегодняшней власти нет, и именно поэтому глашатаи режима (даже произнося иногда в общем-то правильные слова) не в состоянии поднять народ против разрушительных процессов. Именно из-за отсутствия нравственных ориентиров и опыта нравственного поведения сторонники режима не способны к созданию государственной идеологии. Бессовестность разрушительна для интеллекта. Не находя нужных слов, режим и подавно не в состоянии найти спасительной стратегии.

В попытках взять политический процесс под контроль возникает новый рецепт реанимации России: патриотическая (национальная) диктатура вместо прозападной (космополитической) демократии. Но если диссиденты-западники худо-бедно сформулировали идеологию либеральных реформ, то новый рецепт реанимации пока совершенно безоснователен. Дело не в том,

что у такого рецепта вовсе нет никаких объективных основ. Они то как раз куда более реальны, чем переписанные у западных мыслителей прошлого либеральные теории. Это у тех, кто допущен к публичному говорению, нет и не предвидится понимания того, какую Россию необходимо возрождать.

И все-таки что-то не клеилось в пропагандистских построениях "номенклатурных мудрецов". Открывают рот для того, чтобы сказать про великую державу, про терпеливый русский народ, а выговаривается что-то старое - о правах человека, о законности... Говорильный органчик то и дело сбивается на старую мелодию, сипя сквозь шумы и хрипы умирающей идеологии.

Обыватель подсознательно почувствовал, что ему долго и упорно подсовывали для применения в жизни фальшивые формы демократии, а теперь предлагают спасать разрушенную таким путем державу. Так стоит ли верить тем, кто с такой энергией боролся за гражданский мир, что готов был камня на камне не оставить от российской государственности? Не лучше ли заняться самоспасением?

И все-таки, несмотря на могучий инстинкт эгоизма, обыватель не волен в своих действиях, ибо интересы правящей элиты защищены государственной машиной. Обывателю так или иначе промоют мозги и вложат в них то, во что он таки поверит. На легковерности его все-таки поймают. Только для этого режиму придется сменить не только язык общения с народом, но и произвести смену "физических лиц", говорящих от имени власти. Необходимый авторитет власти будет возвращен, и обывателя снова можно будет втянуть в русло государственной политики.

Если за это возьмутся мастера своего дела, то смена декораций без особых потрясений закончится уже через полгода. Даже вопрос о смене Президента станет совершенно неактуальным и останется лишь предметом для полемических забав новых диссидентов. Если достойных специалистов не найдется, то вполне возможен очередной спектакль с подавлением государственного переворота.

Вопрос о завершении безболезненной государственной трансформации, появлении действительных основ для общественного согласия упирается в объединение идеологических, организационных и финансовых ресурсов. Пока такого объединения не произошло, страна будет страдать от непомерных амбиций политических деятелей, которые не способны ни понять, как спасти Россию от небытия, ни провести послешоковую реанимацию хозяйства, ни усмирить политический хаос.

Мы уже находимся на новой ветви общественного развития, которая требует устранения от власти той генерации политиков, чье историческое время закончилось 4 октября 1993 г. Вместе с незапятнанными ложью и преступлениями всероссийского масштаба людьми придет и авторитет власти, будут востребованы уже существующие разработки государственной идеологии и начнется восстановление структур гражданского общества.

Народ будет продолжать безмолвствовать, но это безмолвие будет иметь уже совершенно другую интонацию.

ПОИСК ИДЕОЛОГИИ

Отношения России к Западу и Востоку было одной из основных тем философской и общественной мысли в Х1Х-ХХ вв. Размышления о роли русских, как о мессианском народе, о России, как о духовном посреднике и сдерживающем начале в мировом развитии, констатировали некую выделенность России и особенность стратегии ее развития. Эта стратегия предполагает особый духовный уклад народа и сочетание некоторых черт устремленного за свои пределы Запада и погруженного в себя Востока. Россия, в отличие от остального мира, постоянно находится в процессе переработки старых идей и общественных форм и синтеза новых.

Правильнее всего было бы говорить о наиболее существенных моментах эволюции. Для Запада - это развертывание идеи свободы в однонаправленном развитии, для Востока - сохранение архаики, древнего знания человека о самом себе, для России - циклы самоотрицания, принятия нового качества и воскресения. Причем здесь стоит говорить лишь о наиболее ценном вкладе во всеобщую историю и мировую культуру, а не о доминирующей во все времена закономерности.

Реализация нескольких (в данном случае трех) сценариев существования и развития повышает выживаемость системы, которая при этом способна переносить катаклизмы узконаправленного действия. Ликвидация одного из способов существования цивилизации, одной из этих форм вполне достаточно, чтобы нарушить баланс. Представление о такой опасности почему-то не усваивается Западом, стремящимся поглотить Россию, растворить ее своеобразие в примитивном либерализме. Возможно Запад все еще находится в страхе перед ядерным потенциалом, угрожавшим ему много лет, и не находит иного способа преодоления своего страха.

Необходимо также отметить, что антиэнтропийная стратегия развития вовсе не дана от природы и бесполезно ожидать самопроизвольного возникновения гармонии. Противостояние хаосу является предметом нашего повседневного беспокойства и творческих усилий. Поэтому необходимость возрождения России, как носителя одной из стабилизирующих мировое развитие стратегий должна быть осознана на Западе и Востоке, а затем воплощено в реальную политику.

Либералам же подавай выход на столбовую дорогу человечества. Они стремятся выпрямить пружину Российской истории на западный лад, бросить страну в погоню за чужими успехами и чуждыми ценностями. Их Россия обречена на вечную роль догоняющего в экономике, роль всеядного потребителя суррогатов западной культуры и образа жизни, роль задыхающегося от проникшего во все поры общества чувства неполноценности. Их Россия - это даже не полуколония. Это свалка отбросов остального мира.

Но вот этап грабительского формирования капитала прошел, настала пора упорядочить его обретение и закрепить то, что уже перетекло в частное владение. Тут сразу же сломалась вся система власти, содержавшая либеральных политиков и публицистов. Фасадную демократию как ветром сдуло. Начался этап стихийной патриотизации России. Даже Ельцин начал использовать в своих выступлениях возвышенные слова про великую державу, а его ближайшие соратники на все лады запричитали о национальных интересах.

Народ продолжает нищать, но все еще безмолвствует. Чего же он ждет? А ждет он новых слов, потому что либеральной трескотне уже верить устали. Но архитекторы фасадной демократии не могут без отказа от самих себя перестроиться на патриотическую лексику. Натужные разговоры про национальные интересы как-то ходят все вокруг общих понятий. А страна ждет явления государственной идеологии.

Для удачной трансформации режима язык власти должен быть достаточно хорошо разработан. Повторение общих мест о том, что "за державу обидно", уже успело всем наскучить.

СТРАНА ЖДЕТ ИДЕОЛОГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Ее пытаются самостоятельно сформировать вчерашние радикал-либералы, функционеры и идеологии КПСС. Но материал не поддается. Пока все, на что способен официальный пропагандистский механизм - это прекращение использования слова "патриот" в качестве бранного, и обретение словом "демократ" новой смысловой нагрузки (того и гляди, оно станет новым ругательством).

Что же делать пропагандистам режима? Ведь идеологии так просто не рождаются. Заново осваивать истмат в форме социал-демократии? Но с истматом уже так привыкли бороться, да и опротивел он всем своим плакатным видом. Провести научно-практическую конференцию патриотизированных либерал-демократов? Но вся их "идеология" полностью извлечена из пыли западной философской мысли ушедших столетий. Как ни препарируй "западную буржуазную философию" - за российскую и патриотическую ее никак не выдать.

И вот что остается. Остается опираться на русскую философию. Именно она несет в себе органичный для России патриотизм и разработана блестящими мыслителями, не востребованными в государственном строительстве до сей поры. Идеи И. Ильина, К. Леонтьева, С. Булгакова, Вл. Соловьева, К. Победоносцева, Н.Бердяева и др. затронули пока только узкий круг патриотической интеллигенции. Органичность этих идей для русского мировоззрения и рост влияния Православия на общественную жизнь предрешают их взрывообразное распространение. В этом-то и состоит светлая сторона политики – рано или поздно, пройдя через все гнусности,

все слои общества, в том числе политическая, финансово-промышленная и интеллектуальная элиты, обращаются к мудрости.

Поскольку отступать на всех фронтах России ухе некуда, то придется наступать.

С РУССКОГО ПРОРЫВА и начнется возрождение России.

В русской философии и патриотической публицистике словосочетание "русская идея" встречается настолько часто, что пора спросить, что же подразумевается под этими словами? Если для либералов эти слова - признак "чужого", призрак "нацизма", то для национальной элиты за этими словами скрыт рецепт спасения государства от либерал-большевистской чумы.

Обсуждение Русской Идеи заняло бы много страниц, и мы отсылаем заинтересованного читателя к изданному Конгрессом русских общин "Манифесту возрождения России". Для того, чтобы очень схематично очертить поиск альтернативы криминальному либерализму, нужно наметить несколько ориентиров.

Прежде всего Русская Идея заключает в себе православную духовность, отличающуюся от прочих форм христианства отказом от рационализации веры, но принимающую Бога душой, любовью, бескорыстным пониманием красоты. В ее основе заложено понятие соборности, как единства людей, преодолевающего все социальные и этнические барьеры ради возрождения православной веры и процветания Отечества.

Второй момент заключен в исторически сложившемся государственном характере русского народа. Вместе с тем, только нравственный авторитет государственной власти способен удержать в русле эволюционного пути анархические поиски царства правды. Важная деталь состоит в имперском характере государственного-патриотической идеологии. Имперском не в смысле нацеленности на военную экспансию, а в смысле развития идеологической, экономической и культурной инициативы, которая не замыкается внутри страны.

Третий ключевой момент Русской Идеи - Бесчеловечность русского национального характера, т. е. терпимость к другим идеям и традициям, восприимчивость и уживчивость. Вероятно, именно это качество более всего используется либеральными и коммунистическими интернационалистами, растворяющими всечеловеческую любовь к ближнему в абстрактных общечеловеческих ценностях.

Вл. Соловьев в статье о Русской Идее пишет: «*Призвание, или особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа - индивида или нации - и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, - эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется как Закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места*».

Русский либерализм выбирает именно закон смерти для России. Задача состоит в том, чтобы этот выбор обратить на сам русский либерализм, отделив его от Русской Идеи и российской действительности.

* * *

Красный и белый большевизм, левый и правый экстремизм, "русский коммунизм" и "русский либерализм" в течение XX века показали свою полную стратегическую бесперспективность. В России наступает эпоха национального возрождения, усиления национальной интеллигенции и национальной элиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы завершить эту книгу, мне хотелось бы кое в чем оправдаться перед читателем.

Прежде всего, автору может быть брошено обвинение в беспросветном пессимизме: практически ни одна из действующих на данный момент политических сил не устраивает его. Это действительно так. Но пессимизма здесь нет. Ведь и большинство граждан России эти силы не устраивают! Скорее всего, те силы, которые способны обеспечить возрождение России, еще не набрали достаточную силу и не получили широкой известности.

"Хорошо, - скажет читатель на это, - а где же те люди, которых автор хотел бы видеть у власти? Среди персонажей книги таких не видать." И впрямь, многие персонажи не вызывают симпатий. Зато на страницах книги присутствуют и те, чьи мысли и оценки автор с благодарностью использует. И это отнюдь не единицы. Мне хотелось бы, чтобы читатель увидел подобных людей и вокруг себя. Это профессионалы своего дела, которые упрямо отказываются включаться во всероссийский грабеж награбленного и пользоваться моментом для разрешенного режимом воровства. Если Россия еще не рассыпалась во прах, то именно благодаря таким людям.

Следующий возможный упрек читателя состоит в том, что ельцинизм по сравнению со сталинизмом или фашизмом все-таки как бы более цивилизованная форма авторитаризма. Ведь нет ни массовых чисток, ни постоянной физической ликвидации оппозиционеров, ни тотального насаждения единомыслия...

Тут автору придется поспорить. Дело в том, что "цивилизованность" есть соответствие власти обществу. А ельцинизм не в состоянии не то что обществу соответствовать, он даже и самому себе явного выражения найти не может. Ведь не под силу ему даже собственные законы соблюдать!

Сегодня многие сходятся на том, выход из кризиса немыслим без авторитарного режима. Вырвать страну из лап кризиса может только сильная власть. Но почему же достойными осуществлять жесткое руководство должны быть Ельцин с Гайдаром, Попов с Яковлевым, Лужков с Явлинским и т. п.? Если именно эти люди обеспечили невероятный отрыв власти от общества, то почему им нужно и дальше доверять? От них кроме лжи и разрухи ничего ждать не приходится. Не было еще в истории России более гнусного режима, чем их режим! Мне хочется надеяться, что эта книга - одно из доказательств данного утверждения. Уж по крайней мере факты и выводы этой книги могут помочь тем, кто будет противостоять паразитическому либерализму и изживать последствия номенклатурной революции.